

В. А. БИЛЬБАСОВЪ.

ИСТОРИЯ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЛОНДОНЪ.

1895.

«Исторія Екатерины Второй» должна быть посвящена русскому историческому обществу, которому она всецѣло обязана своимъ появленіемъ.

Только благодаря трудамъ русскаго историческаго общества, издавшаго «Бумаги императрицы Екатерины II» и ея «Политическую переписку», оказалось возможнымъ предоставить самой Екатеринѣ рассказать исторію своей частной и государственной жизни, раскрыть намѣренія и побужденія, которыя руководили ею, указать стремленія и цѣли, которыя она преслѣдовала.

Какъ въ издаваемомъ теперь первомъ томѣ, такъ и въ послѣдующихъ томахъ «Исторіи Екатерины Второй», первое слово предоставлено самой Екатеринѣ, причѣмъ весь трудъ автора ограничивался только критическою провѣркою ея показаній.

Екатерина писала много, легко и охотно; но на ея замѣчаніе: *l'écriture devient amusement quand on y est accoutumé*, менѣе всего можно полагаться—только въ рѣдкихъ случаяхъ она писала для препровожденія времени, для забавы. Подобно всѣмъ великимъ людямъ, Екатерина хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ пѣлямъ.

Великіе люди не рождаются и не подготовляются воспитаніемъ, они образуются довольно сложнымъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, переживаемыхъ впечатлѣній, восприни-

маемых идей, всею тою массою трудно уловимых данных, которые образуютъ характеръ, формируютъ волю, укрѣпляютъ энергію и даютъ извѣстное направленіе всей дѣятельности. Въ первомъ томѣ «Исторіи Екатерины Второй» авторъ старался указать тѣ данныя, которыя содѣйствовали Екатеринѣ стать великою.

Подобный довольно кропотливый трудъ былъ въ значительной степени облегченъ добрымъ содѣйствіемъ ученыхъ друзей автора. Кто слѣдитъ за русскою историческою литературою, тотъ признаетъ вмѣстѣ съ нами, что за послѣдніе годы, даже десятилѣтія, не появлялось ни одного серьезнаго труда, авторъ котораго не вспоминалъ бы съ признательностью двухъ лицъ, оказавшихъ ему ученые услуги, рѣдко поддающіяся даже оцѣнкѣ — бібліотекаря Публичной Библіотеки К. Э. Феттерлейна и секретаря русскаго историческаго общества Ю. Э. Штендмана. Ихъ просвѣщенное вниманіе къ ученымъ занятіямъ, ихъ любезная готовность облегчить трудъ добрымъ содѣйствіемъ и полезнымъ указаніемъ возлагаютъ на насъ пріятную обязанность выразить имъ глубокую благодарность, въ которой они, конечно, и не сомнѣваются, хорошо зная, на сколько мы воспользовались ихъ содѣйствіемъ. Нашъ другъ дѣтства о. Павелъ Пирлингъ, членъ Общества Іисуса, приобрѣвшій завидную извѣстность своими учеными трудами по исторіи сношеній Россіи съ Римомъ, открылъ намъ доступъ къ нѣкоторымъ частнымъ архивамъ и продолжаетъ сообщать намъ важные документы изъ архива ватиканскаго, ему хорошо извѣстнаго. Мы счастливы увѣренностью, что и при изданіи остальныхъ томовъ «Исторіи Екатерины Второй» будемъ обязаны выразить признательность этимъ тремъ лицамъ, значительно облегчившимъ нашъ трудъ по составленію перваго тома.

Въ каждомъ томѣ авторъ предполагаетъ помѣщать въ приложеніи неизданные документы, касающіеся разсматриваемаго времени, и посвящать подробныя изслѣдованія отдѣльнымъ вопросамъ, требующимъ почему-либо особеннаго вниманія. Въ

примѣчаніяхъ, печатаемыхъ подъ текстомъ, приводятся подлинныя выраженія изъ рукописей, хранящихся въ архивахъ, и дѣлаются точныя указанія на печатныя изданія, чѣмъ представляется полная возможность строгой провѣрки нашего труда.

Мы предлагаемъ, такимъ образомъ, не историческій разсказъ, а критическое изслѣдованіе. Въ этомъ отношеніи намъ и теперь еще остается только повторить пожеланіе Вольтера, высказанное имъ въ письмѣ къ Екатеринѣ II: «Heureux l'écrivain qui donnera dans un siècle l'histoire de Catherine II».

В. В.

Ницца.
1-е декабря 1889.

I.

Въ настоящее время только на довольно подробныхъ ландкартахъ Германіи можно найти небольшой городъ Цербстъ; въ прошломъ еще столѣтіи онъ составлялъ, однако, столицу ангальтъ-цербстскаго княжества и былъ резиденціей захудалаго княжескаго рода, одного изъ восьми, на которые распадался ангальтинскій домъ. Уже въ 1742 году умеръ послѣдній представитель ангальтъ-цербстскаго рода (Anhalt zu Zerbst), и земли его перешли къ побочной цербстъ-дорнбургской линіи (Anhalt zu Zerbst-Dornburg), но не надолго: спустя полвѣка, въ 1793 году, пресѣкъся окончательно весь ангальтъ-цербстскій княжескій родъ.

Почти двухсотлѣтнее существованіе княжескаго цербстскаго рода не ознаменовалось рѣшительно ничѣмъ сколько нибудь выдающимся, замѣчательнымъ. Всѣ представители этого рода вели обычную жизнь нѣмецкихъ мелкихъ владѣтелей: воевали въ молодости, всегда за счетъ какого-либо болѣе сильнаго государя; въ среднихъ лѣтахъ женились на принцессахъ второстепенныхъ германскихъ фамилій и, подъ старость, поселялись въ родовомъ цербстскомъ замкѣ, гдѣ спокойно проѣдали небольшіе доходы своей земли. Исторія не знаетъ ни одного цербстскаго князя, который выдвинулся бы изъ ряда обычныхъ посредственностей, и сохранила память только о той цербстской принцессѣ, которая стала русской императрицей.

Отецъ этой принцессы, князь Христіанъ-Августъ, изъ побочной линіи цербстъ-дорнбургской, родился въ 1690 году, юношей вступилъ въ ряды прусской арміи, воевалъ въ Нидерландахъ и Италіи, въ Помераніи и на о. Рюгенѣ дрался съ французами и

шведами, и уже в 1721 году был генерал-майором прусской службы и командиром ашпальт-цербстского пѣхотнаго № 8 полка¹⁾, квартировавшаго в Штетинѣ. Ему было уже 37 лѣтъ, когда онъ женился на шестнадцатилѣтней голштинъ-готторпской принцессѣ Иоганнѣ-Елизаветѣ, младшей сестрѣ принца Карла-Августа, нареченнаго жениха цесаревны Елизаветы Петровны, умершаго в Петербургѣ. Принцесса Иоганна-Елизавета была уже невѣстою, когда умеръ ея отецъ, и бракъ былъ совершенъ в Брауншвейгѣ, при дворѣ герцога Августа-Вильгельма, ея дяди и опекуна. «Ваше императорское величество—писалъ новобрачный, отъ 12 ноября 1727 года, императору Петру II—по в свѣтѣ прославленному великодушю своему отъ меня за противно не примите, что я дерзаю вамъ съ покорнымъ респектомъ донести, коимъ образомъ я 8-го ноября съ молодшею сестрою недавно в С.-Петербургѣ умершаго господина епископа Любскаго съ принцессою Шлезвигъ-Голштинскою Иоганною-Елизаветою, по учиненномъ прежде сговорѣ, в Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскомъ забавномъ замкѣ (Lustschloss) в Вехельнѣ бракъ совершилъ»²⁾.

Княжеская чета поселилась в Штетинѣ, гдѣ квартировала пѣхотный № 8 полкъ, которымъ князь командовалъ, и полтора года спустя, в Штетинѣ-же³⁾, княгиня родила перваго ребен-

¹⁾ Mémoires pour servir à l'histoire de la maison de Brandebourg. Berlin, 1789, I, 340. — ²⁾ Современный перевод в *Осмлоди. Вѣст.*, I, 4. Этимъ письмомъ опровергается негѣное извѣстie *Masson*, I, 169.

³⁾ Еще в прошломъ столѣтїи, в бумагахъ штетинскаго пастора Штейнбрюка, извѣстнаго собирателя генеалогическихъ извѣстїй, была найдена слѣдующая запись: «die Prinzessin, nachherige Katharina II, am 2 Mai 1729 zu Dornburg geboren worden» (*Biester*, 296). Какъ бы в подтвержденіе этого, ни в одной изъ штетинскихъ церквей не записано ни о рожденїи, ни о крещенїи принцессы. Возникло сомнѣніе относительно мѣста рожденїя Екатерины, разрѣшившееся, однако, в пользу Штетина: сохранилось письмо отца, Христиана-Августа, къ родителю цербстскому князю, отъ 2-го мая 1729 года, изъ *Штетина*, съ извѣщенїемъ, что «сегодня, в половинѣ третьяго часа утра», родилась у него дочь. Отсутствие записи в метрическихъ книгахъ штетинскихъ церквей объясняется тѣмъ, что принцессу крестилъ генералъ-суперинтендентъ и, поэтому, ни одинъ штетинскїй пасторъ не могъ записать объ этомъ в метрикахъ своей церкви. Также точно не существуетъ, какъ извѣстно, записи о рожденїи в Штетинѣ принцессы виртембергской, супруги Павла I, императрицы Марїи Феодоровны.

ка ¹⁾ Отецъ желалъ сына, поддержки угасавшаго рода—родилась дочка.

Появленіе на свѣтъ божій цербстской принцессы, дочери прусскаго генерала, было явленіемъ настолько зауряднымъ, что не обратило на себя ничьего вниманія ²⁾, и даже отецъ не счелъ нуж-

¹⁾ Матери не было еще и 17-ти лѣтъ, между тѣмъ была пушена въ ходъ сплетня, будто отцемъ перваго ребенка, будущей Екатерины II, былъ не князь Христіанъ-Августъ, а И. И. Бецкой. Впервые объ этомъ упомянуто въ слѣдующемъ примѣчаніи къ нѣмецкому переводу «Записокъ» Массона: «Die grosse Gunst, in welcher der alte Fürst Betzkoi bey Catharinen stand, die Ehrfurcht, welche sie ihm bewies, und die Nachsicht, mit welcher sie sich seinen Grillen unterwarf, waren Ursache, dass man an russischen Hofe einem Gerücht Glauben beymass, nach welchem dieser Günstling der Vater der Kaiserin war. Mehrere Umstände trügen dazu bey, diese Sage glaublich zu machen. Die Hofleute halten ausgerechnet, dass Betzkoi, als ein junger schöner Mann, auf seinen Reisen sich einige Zeit an dem Zerbster Hofe aufgehalten hatte, und dass diese Epoche gerade in das Jahr vor der Geburt Catharinens fiel (Geheime Nachrichten über Russland. Paris, 1802, III, 2 Th., 171). Авторъ примѣчанія неизвѣстенъ; во французскихъ изданіяхъ «Записокъ» Массона этого извѣстія нѣтъ. И. И. Бецкой возведенъ въ князья, наде полагаютъ, для приданія извѣстію большей вѣроятности. Это же извѣстіе, спустя много лѣтъ, повторено, съ нѣкоторыми варіаціями, въ «Запискахъ» Н. И. Греча: «Мать Екатерины проводила большую часть времени за границею, въ забавахъ и развлеченіяхъ всякаго рода. Во время пребыванія ея въ Парижѣ, въ 1728 году, сдѣлался ей извѣстнымъ молодой человекъ, бывшій при русскомъ посольствѣ, Иванъ Ивановичъ Бецкой, прекрасный собою, умный, образованный. Екатерина была лицомъ на Бецкаго очень широка. Государыня обращалась съ нимъ какъ съ отцемъ» (335). На чемъ основываются подобныя извѣстія? Одинъ посылаетъ Бецкаго въ Цербстъ, къ княгинѣ; другой переселяетъ княгиню въ Парижъ, къ Бецкому! Тѣмъ не менъ ещечолобнымъ нелѣпымъ сплетнямъ вѣрятъ до сихъ поръ (*Осмнади. Вѣкъ, I, 6*) Въ нѣмецкой литературѣ было высказано не менѣе нелѣпое увѣреніе, «dass die Belterrscherin des Knutenstaates nicht, wie alle Welt und sie selbst glaubte, die Tochter der Fürsten Christian-August von Anhalt-Zerbst, sondern eine natürliche Tochter Friedrichs des Grossen war (*Sugenheim, I, 322*), ни ему никто не вѣритъ и его никто не повторяетъ.

²⁾ «Покойный графъ Д. Н. Блудовъ передавалъ намъ, что ему при разборѣ архивовъ Зимняго дворца случилось читать неизланную еобственноручную тетрадь Екатерины II на французскомъ языкѣ, посвященную ея пріятельницѣ графинѣ П. А. Брюсъ и содержащую въ себѣ подробныя ея разказы о рожденіи, дѣтствѣ и вообще о жизни ея до пріѣзда въ Россію. Императрица записала, между прочимъ, въ этой тетради, что день ея рожденія пришелся въ какой-то

нымъ извѣститъ объ этомъ приращеніи своего дома русскій дворъ, который онъ еще такъ недавно извѣщалъ о своемъ бракосочетаніи. Только много лѣтъ спустя, когда пербтская принцесса стала русскою императрицей, ея рожденіе сдѣлалось «событіемъ»; стали интересоваться подробностями первыхъ шаговъ принцессы. Но узнать было не у кого—родителей ея не было уже въ живыхъ, и потому обращались къ самой императрицѣ. Она довольно неохотно удовлетворяла подобному любопытству. «Во всемъ этомъ — писала Екатерина 1¹⁾—я не вижу рѣшительно ничего интереснаго. Или, быть можетъ, вы думаете, что мѣстность что нибудь значить и можетъ вліять на произведеніе порядочныхъ императрицъ?». Екатерина была права: своимъ рожденіемъ и первоначальнымъ воспитаніемъ она подтвердила ту истину, что великіе люди не рождаются и не подготовляются воспитаніемъ, а образуются довольно сложнымъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, переживаемыхъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ идей, всею тою массою трудно условимыхъ данныхъ, которыя образуютъ характеръ, формируютъ волю, укрѣпляютъ энергію и даютъ извѣстное направленіе всей дѣятельности.

Богатый, торговый Штетинъ только въ 1720 году, по стокгольмскому договору, былъ присоединенъ къ Пруссіи и въ немъ стоялъ усиленный прусскій гарнизонъ, въ составъ котораго входилъ и пѣхотный № 8 полкъ. Командиръ полка, вскорѣ послѣ свадьбы, поселился съ своєю молодою женою на главной штетинской улицѣ, Domstrasse, № 791-й, въ домѣ президента штетинской торговой палаты фонъ-Ашерслебена 2), въ приходѣ церкви св.

праздникъ, что во всѣ штетинскіе колокола звонили, и что это сочтено было благимъ предзнаменованіемъ. (*Bartenees*, въ Осмнадц. Вѣкѣ, I, 5). Въ годъ рожденія Екатерины 21-е апрѣля (2-е мая) приходилось въ понедѣльникъ въ недѣлю мтросиць, между Пасхой (Osterfest) и Троицей (Pfingsten), когда никакого праздника нѣтъ и, слѣдовательно, въ штетинскіе колокола звонить не могли. Въ этомъ извѣстіи значеніе московскаго колокольнаго звона совершенно неудачно перенесено въ Штетинъ. Что-же касается автобиографической записки, бывшей въ архивахъ Зимняго дворца, о ней нѣтъ ни малѣйшаго извѣстія ни въ бумагахъ Екатерины, уже изданныхъ, ни въ какомъ-либо изъ петербургскихъ архивовъ. *Brückner*, 15, принимаетъ это извѣстіе за достовѣрное.

1) *Сборникъ*, XXIII, 55. — 2) *Biester*, 298; *Pitzschky*, 340. Въ письмѣ къ Гримму, отъ 29-го іюня 1776 года, Екатерина пишетъ: je suis née in Grei-

Марии. Въ этомъ-то домѣ, 21-го апрѣля 1729 года, въ половинѣ третьяго часа ночи, родилась цербстская принцесса, будущая Екатерина II. Это «событіе» составляло впослѣдствіи гордость Штеттина, и, по смерти Екатерины, штетинскіе бюргеры показывали комнату, въ которой родилась «grosse Kaiserin» — во второмъ этажѣ, вторая комната налѣво отъ залы. Даже послѣ того, какъ этотъ домъ перешелъ во владѣніе доктора Лемана, сохранилось черное пятно на полу этой комнаты—отъ жаровни, передъ которою пеленали цербстскую принцессу ¹⁾).

23-го апрѣля, вечеромъ, состоялось крещеніе принцессы, причемъ она, въ честь родныхъ тетокъ, была наречена Софіей-Августой-Фредерикой. Воспреемникомъ отъ купели былъ владѣтельный ангальтъ-цербстскій князь Иоганнъ-Августъ.

Позже, ставъ комендантомъ крѣпости и губернаторомъ города, князь Христіанъ-Августъ получилъ казенную квартиру и поселился въ старинномъ штетинскомъ замкѣ, бывшемъ въ теченіе многихъ поколѣній резиденціей померанскихъ герцоговъ. Княжеская семья занимала лѣвое крыло обширнаго замка, рядомъ съ придворною церковью Маленькая принцесса, которую всѣ называли Фике — уменьшительное отъ Софіи — была помѣщена, вмѣстѣ съ нянею и гувернанткою, въ трехъ сводчатыхъ комнатахъ; ея спальня приходилась рядомъ съ колокольней. Два, три раза въ день дѣвочка

fenheims Hause auf dem Marien Kirchenhof (*Сборникъ*, XXIII, 51). Свидѣтельство Екатерины не заслуживаетъ въ данномъ случаѣ довѣрія: въ прошломъ вѣкѣ, въ Штетинѣ, не было домовладѣльца по фамиліи Грейфенгеймъ; но домъ Аммерслебена находился въ части города, носившей названіе Greifenhagen (*Grieben, Stettin und Umgegend, Berlin, 1879, S. 17, 129*), и Екатерина, повторяя слышанное отъ другихъ, часть города, Грейфенгагенъ, обратила въ фамилію домовладѣльца, Грейфенгеймъ.

¹⁾ Въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ юстицъ совѣтнику Девизи, именно домъ № 1-й на Domstrasse, такъ какъ теперь дома перенумерованы въ каждой улицѣ, между тѣмъ какъ въ старину каждый домъ въ городѣ имѣлъ особый нумеръ, и нынѣшній № 1-й соответствуетъ старому № 791-му. Въ 1853 году, передъ перестройкою дома, былъ составленъ нотаріальнымъ порядкомъ особый актъ въ удостовѣреніе того, что прожженный жаровнею полъ сохраненъ въ цѣлости, и онъ до настоящаго времени показывается, любопытнымъ. Колыбель-же, въ которой опала маютка хранится въ Веймарѣ. Теперь уже рассказываютъ, будто горѣвшій полъ угрожалъ самой колыбели, въ которой лежала Екатерина. *Pitzschky, 352.*

бѣгала къ матери, занимавшей комнаты на противоположномъ концѣ флигеля.

Здѣсь, въ штетинскомъ замкѣ, Екатерина росла и воспитывалась ¹⁾ подъ наблюдениемъ своей матери—умной, энергической, веселой и, какъ всѣ умные люди, честолюбивой княгини Иоганны-Елизаветы. Мать держала ее очень просто: дѣвочка играла съ дѣтьми горожанъ; ее никто не называлъ принцессой, ни даже Софией, а уменьшительнымъ Фике; на городскихъ гуляньяхъ въ городскомъ саду, она терялась въ толпѣ дѣтей, рѣзвилась, бѣгала съ сверстниками. Лица, игравшія съ нею въ дѣтствѣ, напоминали, правда, позже, когда цербстская принцесса стала уже русскою императрицею, что во время этихъ игръ Фике всегда брала на себя роль устроительницы, давала тонъ, повелѣвала другими; съ годами сверстники замѣчали въ ней пристрастіе къ забавамъ, свойственнымъ болѣе мальчикамъ, чѣмъ дѣвочкамъ—Фике любила, напр., стрѣлять птицъ. Графиня Меллинь ²⁾, бывшая лишь нѣсколькими годами старше принцессы, оставила намъ портретъ маленькой Фике, какъ она видала ее въ штетинскомъ замкѣ: «Она была отлично сложена, съ младенчества отличалась благородною осанкою и была выше своихъ лѣтъ. Выраженіе лица ее не было красиво, но очень приятно, причеиъ открытый взглядъ и любезная улыбка дѣлали всю ея фигуру весьма привлекательною. Ее воспитывала сама мать, державшая ее весьма строго и непозво-

¹⁾ Сама Екатерина точно раздѣляетъ мѣсто рожденія отъ мѣста своего воспитанія: Je suis née in Greifenheims Hause, говорить она въ письмѣ къ Гримму, и прибавляетъ: j'ai demeuré et été élevée dans l'aile du château, lorsqu'on entre dans la grande place du château à gauche (*Сборникъ*, XXIII, 51).

— ²⁾ Вдова прусскаго генерала Ульриха, рожденная графиня Меллинь (von Mellin zu Garz), была сестра русскаго генераль-поручика графа Бориса Петровича Меллина (*Архивъ Сената*, кн. 136, л. 474) и тетка русскаго генераль-майора графа Августа-Карла Меллина, составителя карты Лифляндіи. Екатерина, будучи еще принцессой цербстской, обѣщала ей свой портретъ, о чемъ извѣстила ее письмомъ отъ 20 марта 1742 года (*Biestler*, 300); обѣщаніе это было исполнено спустя 47 лѣтъ, причеиъ въ письмѣ къ ней, отъ 31 марта 1789 года, Екатерина по прежнему называетъ ее «la comtesse de Mellin» (*Biestler*, 302). Въ Архивѣ Сената хранятся челобитная секундъ-майора графа Карла Меллина, побѣдителя маршала конфедератовъ Пулавскаго (кн. 136, л. 157 и 349).

лявшая ей ни малѣйшаго проявленія гордости, къ чему дѣвочка была довольно склонна. Мать, напр., заставляла ее цѣловать платье у знатныхъ дамъ, посѣщавшихъ ихъ домъ».

По счастью, княгиня-мать съ каждымъ годомъ все меньше и меньше занималась старшею дочерью: кромѣ Фике, у нея было еще четыре ребенка, изъ которыхъ три болѣзненные, требовавшіе большого ухода; къ тому же мать полюбила развлечения, выѣзды, приемы. Ей было не до воспитанія дочери, которая только два, три раза въ день приходила къ матери. Это спасло маленькую Фике отъ нѣкоторыхъ довольно непривлекательныхъ качествъ: чувство завистливости, страсть къ интригѣ, любовь къ сплетнѣ, даже злословію не были унаслѣдованы дочерью.

Въ то время во всѣхъ зажиточныхъ домахъ, не говоря уже о дворахъ, большихъ и малыхъ, воспитаніе дѣтей обыкновенно поручалось французскимъ эмигрантамъ, которые, послѣ отмѣны нантскаго эдикта, расселились по всей Германіи, внося въ нѣмецкія семьи, вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ, болѣе утонченныя нравы, мягкія манеры, ту «*galanterie française*», которой никогда не было у нѣмцевъ. Французскій элементъ преобладалъ и при воспитаніи маленькой Фике: г-жа Кардель, ея гувернантка, придворный проповѣдникъ Пераръ, учитель чистописанія Лоранъ—были французы; учитель танцевъ былъ, вѣроятно, также французъ. Изъ числа учителей принцессы извѣстны только три нѣмца: Вагнеръ, преподаватель нѣмецкаго языка, лютеранскій законоучитель пасторъ Дове и учитель музыки Рэллигъ изъ Цербста ¹⁾.

Всѣхъ этихъ лицъ, за исключеніемъ проповѣдника Перара и законоучителя Дове, Екатерина не разъ вспоминала, и скорѣе съ благодарностью и удовольствіемъ, чѣмъ съ озлобленіемъ или ненавистью; особенно добрую память сохранила она о своей гувернанткѣ Кардель. Это была, по отзыву Екатерины, живая, умная француженка: «она почти все знала ничему не учившись; она знала какъ свои пять пальцевъ всѣ комедіи и трагедіи, и была очень забавна»; она приохотила принцессу къ чтенію Расина, Корнеля, Мольера;

¹⁾ Mademoiselle Cardel, ma gouvernante, въ *Сборникъ*, XXIII, 174; Französische Hofprediger Pérard, см. *Forster*, 11; *Ranft*, 135; *Biester*, 7; Mr. Roellig de Zerbst, въ *Сборникъ*, XLIV, 44.

она учила ее не скупиться въ разговорѣ словомъ «monsieur», отчего «челости не развалятся»; она вселила своей питомицѣ недо-вѣрїе къ врачамъ. Вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ, Екатерина вспомнила о своей гувернанткѣ и послала ей дорогую шубу въ подарокъ ¹⁾. Въ совершенно юномъ свѣтѣ рисовала Екатерина образъ достопочтеннаго Вагнера: это былъ глупый педантъ, надоб-давший принцессѣ своими «*ennuyeuses Prüfungen*», о которыхъ она, однако, вспоминаетъ, какъ о непреложныхъ истинахъ, что, вѣроятно, и побудило ее послать ему изъ Петербурга тысячу ду-катовъ. Школьный учитель Лоранъ былъ «глупъ и пустъ, но не даромъ бралъ деньги за уроки чистописанія». Совершенно безъ всякаго успѣха оказались только уроки музыки: не смотря на все старанія Рэллига, ученица никогда не любила музыки и всегда сознавалась, что не понимаетъ ея прелестей ²⁾.

Были-ли еще учителя у цербетской принцессы и какіе именно — неизвѣстно; для того времени, однако, и перечисленныхъ было бо-лѣе, чѣмъ достаточно. Въ настоящее время нельзя, конечно, ска-зать кто именно изъ этихъ лицъ приохотилъ принцессу къ чтенію, но она охотно и много читала даже и въ юные годы. Очень мо-жетъ быть, что этимъ учителемъ чтенія былъ, прежде всего, не-достатокъ развлеченій, свойственныхъ ея возрасту. Она запомнила, какъ особенность, разнообразившую ея монотонную жизнь въ ште-тинскомъ замкѣ, о посѣщеніяхъ проповѣдника замковой церкви Моклера. «Этотъ Моклеръ, посѣщавшій г-жу Кардель, особенно по воскресеньямъ, былъ зять Рапэна Тоираса, историка, и мнѣ кажется онъ былъ издателемъ его «*Histoire l'Angleterre*». Онъ былъ другомъ и совѣтникомъ г-жи Кардель. Сынъ Рапэна Тои-раса былъ совѣтникомъ правленія въ Штетинѣ. Все они жили очень дружно съ г-жею Кардель и все интересовались ея воспи-танницей» ³⁾. Не забыла «воспитанница» и посѣщеній престарѣ-лой родственницы своей, которая постоянно приводила цитаты изъ «застольныхъ рѣчей» Лютера, составлявшихъ ея отраду. «Она пи-тировала ихъ при всякомъ случаѣ, а я по своему принимала все, что мнѣ восхваляли. Это же случалось почти ежедневно съ г-жею

¹⁾ *Сборникъ*, XXIII, 17, 78, 88, 111; *Biester*, 6. — ²⁾ *Сборникъ*, XXIII, 12, 42, 43, 50, 72, 78, 88; *Сумароковъ*, 45. — ³⁾ *Сборникъ*, XXIII, 78.

Кардель и г. Вагнеромъ, потому что не всегда извѣстно, что думаютъ дѣти, и дѣтей трудно узнать, особенно когда суровое воспитаніе приучитъ ихъ повиноваться, а опытъ сдѣлаетъ скрытными относительно своихъ учителей» ¹⁾). Эта склонность принцессы слушать одно, а разумѣть другое, очень не нравилась г-жѣ Кардель, и она за это «себѣ на умѣ» прозвала ее «esprit gauche». Между тѣмъ, въ этомъ сказывался уже съ юныхъ лѣтъ самостоятельный умъ, размышляющій, относящійся ко всему критически.

Довольно важнымъ воспитательнымъ средствомъ являлись перѣздки поѣздки въ другіе города. Принцесса, вмѣстѣ съ родителями, чаще съ матерью, перѣдко посѣщала Цербстъ, жила подолгу въ Гамбургѣ и Брауншвейгѣ, бывала иногда въ Эйттинѣ и Берлинѣ. Объ этихъ путешествіяхъ, какъ и вообще о дѣтскихъ годахъ цербстской принцессы, не сохранилось никакихъ извѣстій ни въ княжескомъ ангальтъ-цербстскомъ архивѣ, ни въ государственномъ архивѣ ангальтинскихъ земель, недавно собранномъ въ Цербстѣ. Ихъ, вѣроятно, никогда и не было—кто же могъ интересоваться перѣздами изъ города въ городъ, для свиданія съ родственниками, жены или малолѣтней дочери прусскаго генерал-майора? При «крошечномъ» цербстскомъ дворѣ не знали камеръ-фурьерскаго журнала, а газеты того времени не считали возможнымъ сообщать своимъ читателямъ подобныя мелочи. Объ этихъ путешествіяхъ мы знаемъ только то что повѣдала намъ сама же Екатерина, а она, конечно, помнила гѣ поѣздки, которыя почему-либо произвели на нее впечатлѣніе и вѣзались въ память.

Такъ, напримеръ, одна изъ поѣздокъ въ Эйттинъ была потому памятна Екатеринѣ, что она тамъ впервые увидѣла голштинскаго принца Петра-Ульриха, будущаго своего супруга, императора Петра III «Я увидѣла Петра III въ первый разъ, когда ему было одиннадцать лѣтъ, въ Эйттинѣ. у его опекуна, принца епископа Любекскаго, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по смерти герцога Карла-Фридриха, его отца. Принцъ епископъ пригласилъ къ себѣ въ Эйттинъ, въ 1739 году, всѣхъ членовъ голштинской фамиліи, чтобы представить имъ своего питомца. Моя бабка, мать принца епископа, и моя мать, сестра принца, пріѣхали изъ Гамбургѣ вмѣстѣ

¹⁾ Сборникъ, XXIII, 41.

со мною. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Тутъ былъ также принцъ Августъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и администратора Голштиніи. Тутъ-то я слышала, какъ собравшіеся родственники говорили между собою, что молодой герцогъ склоненъ къ пьянству и что приближенные не давали ему напиваться за столомъ; что онъ упрямъ и вспыльчивъ; что онъ не любилъ своихъ приближенныхъ, особенно же Брюммера; что, впрочемъ, онъ довольно живаго нрава, но болѣзненнаго сложенія и слабаго здоровья. Дѣйствительно, цвѣтъ лица его былъ блѣдный, онъ казался худымъ и вѣжнаго тѣлосложенія. Этому ребенку приближенные его хотѣли придать видъ взрослога и для этого стѣсняли его и держали на вытяжкѣ, что должно было сдѣлать его всего фальшивымъ, отъ вѣшняго вида до характера» ¹⁾).

Спустя годъ, въ 1740 году, принцесса цербтская съ матерью же была въ Гамбургѣ, у своей бабушки, вдовы епископа любекскаго, гдѣ камеръ-юнкеръ епископскаго двора фонъ Брюммеръ доставлялъ маленькой принцессѣ книги для чтенія, за которыми Фике коротала время. Она вспомнила объ этомъ посѣщеніи бабушки, такъ какъ «въ Гамбургѣ графъ Гюлленборгъ, видя, что мать мало или, вѣрнѣе, вовсе не занимается мною, сказалъ ей, что она напрасно не обращаетъ на меня вниманія и что я ребенокъ, развитой не по лѣтамъ» ²⁾).

Въ Брауншвейгѣ принцесса цербтская бывала довольно часто, такъ какъ тамъ жила герцогиня Елизавета-Софія-Марія Вольфенбюттельская, у которой воспитывалась ея мать, и жила тамъ по-долгу; о чемъ можно заключить изъ того, что во время пребыванія въ Брауншвейгѣ пасторъ Дове давалъ ей уроки закона Божія.

Въ 1742 или 1743 году, я была съ матерью моею въ Брауншвейгѣ, у вдовствующей герцогини, у которой мать моя была воспитана; и та герцогиня, и мать моя были дома голштинскаго. Тутъ случилось быть епископу католицкому Корвенскому (l'évêque de Sorbgi) и съ нимъ было нѣсколько его канониковъ. Между канониками былъ одинъ дома Менгдена Сей упражнялся предсказаніями и хиромантіей. Бывъ вопрошенъ матерью моею о принцессѣ Беверской Марианнѣ, съ которой я была весьма дружна и которая по нраву и красотѣ своей была весьма всѣми любима, не

¹⁾ *Mémoires*, 4. — ²⁾ *Memoires*, 29.

получить ли она по своимъ достоинствамъ корону, онъ не захотѣлъ объ ней сказать ничего. Наконецъ, сказалъ матери моей: на лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мѣрѣ, три. Мать моя приняла это за шутку. Онъ же сказалъ ей, чтобы она никакъ о томъ не сомнѣвалась, и отвелъ ее къ окошку, и она послѣ уже съ крайнимъ удивленіемъ сказала, что онъ ей чудеса наказывалъ, о чемъ она ему и говорить запретила; а мнѣ сказала уже здѣсь, что Менгдена предсказанія выполняются. А болѣе отъ нея узнать не могла» ¹⁾).

Въ Цербстѣ принцесса бывала не разъ. Кажется, въ Цербстѣ же съ принцессы былъ написанъ первый портретъ, въ 1740 году, извѣстною Розиною Лищевскою. Хотя по подписи портретъ долженъ изображать принцессу «als Kind», но она представлена далеко не ребенкомъ и, кажется, въ сильно польщенномъ видѣ ²⁾). Принцесса, конечно, присутствовала въ Цербстѣ, въ 1743 году, на торжествахъ ³⁾), бывшихъ по случаю перехода власти къ ея дядѣ, князю Иоганну-Людвигу, который пригласилъ ея отца, князя Христиана-Августа, своего брата, въ совратители.

Бывала принцесса и въ Берлинѣ, куда отецъ ея долженъ былъ ѣздить по дѣламъ службы и гдѣ мать ея обыкновенно проводила святки ⁴⁾). Тамъ, въ Берлинѣ, видѣла она и Фридриха II, но, какъ сама позже писала ему, «будучи въ такомъ возрастѣ, когда почтеніе замѣняетъ разумное пониманіе» ⁵⁾). Въ Берлинѣ же былъ писанъ съ принцессы портретъ придворнымъ живописцемъ Пэнномъ, если не въ концѣ 1742 года, то въ самомъ началѣ 1743 года ⁶⁾).

За исключеніемъ этихъ немногихъ поѣздокъ, всѣ остальные годы дѣтства принцесса Софія провела или въ Цербстѣ, въ святно

¹⁾ *Библиогр. Записки*, 1858, стр. 539. — ²⁾ *Ровинскій*, II, 769. — ³⁾ *Zedler*, LXI, 1592. — ⁴⁾ *Siebigk*, 141.

⁵⁾ *Сборникъ*, XX, 391. Это не свидѣтельствуется еще, конечно, что Екатерина видѣла Фридриха именно въ Берлинѣ—она могла встрѣтиться съ нимъ въ Гамбургѣ или Брауншвейгѣ; но не подлежитъ сомнѣнію, что дочь прусскаго фельдмаршала бывала въ Берлинѣ, гдѣ съ нея писанъ портретъ. Совершенно однако, невѣрны извѣстія, будто Екатерина воспитывалась при берлинскомъ дворѣ: *Katharina von ihrer Jugend an die tiefste Verehrung für Friedrich II empfunden hatte, an dessen Hofe sie erzogen war* (*Dohm*, IV, 259); будто Екатерина провела все дѣтство въ Берлинѣ, а первые годы юности—*les premières années de sa jeunesse*—даже при дворѣ Фридриха II (*Rulhiere*, II, 90).—⁶⁾ *Ровинскій*, II, 770.

родовомъ замкѣ, или въ Штетинѣ, въ померянскомъ замкѣ, въ крѣпости. По преданію, принцесса посадила, въ 1740 году, на одномъ изъ крѣпостныхъ валовъ липу, которая позже такъ и называлась *Kaiserlinde*, императорскою липою, и исторію которой можно прослѣдить до нашихъ дней ¹⁾.

Что же получилось въ результатѣ этого воспитанія въ родительскомъ домѣ? Результатъ намъ извѣстенъ не только по собственному сознанію Екатерины, но и по свидѣтельству посторонняго лица. Признавая всѣ недостатки своего первоначальнаго образованія, Екатерина говорила: «Что же дѣлать—г-жа Кардель не могла научить меня большому. Она была старая француженка и образовала меня достаточно чтобы быть въ замужествѣ за кѣмънибудь изъ нашихъ сосѣлей» ²⁾. Баронесса фонъ Принпенъ, камеръ-фрейлина перѣбтской княгини Юлианны-Елизаветы, говорила берлинскому профессору Тьебо: «Принцесса Софія на моихъ глазахъ родилась, росла и воспитывалась: я была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій и успѣховъ; я сама помогала ей укладывать багажъ перелѣ отъѣздомъ ея въ Россію. Я пользовалась настолько ея довѣріемъ, что могла думать будто знаю ее лучше, чѣмъ кто-либо другой, а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено приобрести знаменитость, какую она стяжала. Въ пору ея юности я только замѣтила въ ней умъ серьезный, расчетливый и холодный, но стою же далекій отъ всего выдающагося, аркаго, какъ и отъ всего, что считается заблужденіемъ, причудливостью или легкомысліемъ. Однимъ словомъ, я составила себѣ понятіе о ней, какъ о женщинѣ обыкновенной» ³⁾.

¹⁾ Въ 1840 году, при проведеніи берлино-штетинской линіи желѣзной дороги, «стойлѣтная» *Kaiserlinde* подлежала уничтоженію, но желѣзнодорожное правленіе, желая оказать уваженіе этому живому историческому памятнику, пересадила липу съ крѣпостнаго вала на площадь передъ вокзаломъ. Конечно, липа скорѣй засохла. Въ 1851 году, правленіе заказало берлинскому мебельному мастеру Вихману сдѣлать изъ дерева этой липы, между прочимъ, два стола: одинъ столъ былъ поднесенъ прусской королеви Елизаветѣ, другой—императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ и находится, вѣроятно, въ одномъ изъ петербургскихъ дворцовъ, если не въ царскосельскомъ, какъ любимомъ дворцѣ Екатерины II. *Pitzschky*, 341. —²⁾ *Грибовскій*, 39. —³⁾ *Тьебо*, 589

II.

Екатерина родилась и росла въ довольно скромной обстановкѣ «крошечнаго» двора, среди скудной поморской природы, причемъ ея воображенію безпрестанно и повсюду рисовались картины обширной державы, славы своими громкими побѣдами, поражавшей своими богатствами. Здѣсь, въ Помераніи, повсюду стояли еще недавно русскія войска и въ самомъ Штетинѣ слышатся еще рассказы объ осадѣ города русскимъ царемъ; тамъ, въ сосѣдней Даніи, съ изумленіемъ вспоминаютъ, какъ этотъ царь велъ, по поясъ въ водѣ, свои войска къ побѣдѣ. Служа эти рассказы цербтская принцесса, и въ ея воображеніи вырастаетъ грандіозная фигура Петра, командующаго флотами четырехъ государствъ. Отправится принцесса съ матерью по Одери—ей встрѣчаются голштинскіе суда съ ея земляками, ѣдущими искать счастья въ Россіи. Въ Штетинѣ и Цербтѣ, въ Гамбургѣ и Эйтинѣ, въ Брауншвейгѣ и Берлинѣ, всюду слышитъ она рассказы о храбрости русскихъ войскъ, о богатствѣ русскихъ вельможъ, и въ своей семьѣ, отъ матери, отъ дядей и тетокъ, научается она смотрѣть на русскій дворъ, какъ на опору всѣхъ ея родственниковъ, видѣть въ царской семьѣ покровительницу близкихъ ей лицъ.

Въ Эйтинѣ, въ 1739 году, принцесса увидѣла своего троюроднаго брата, малолѣтнаго герцога голштинскаго, причемъ ей сказали, что его мать была русскою царевною. Она не разъ слышала отъ своихъ родныхъ печальный рассказъ о томъ, какъ ея дядя, братъ матери, принцъ Карлъ былъ влюбленъ въ красавицу-царевну Елизавету Петровну и умеръ въ Петербургѣ. Всѣ подробности раз-

сказа были еще свѣжи въ ея памяти, когда въ Цербстѣ пріѣхалъ изъ Берлина гонецъ съ извѣстіемъ, что эта Елизавета Петровна стала императрицею Россіи.

Вѣсть о воцареніи Елизаветы воскресила надежды всѣхъ членовъ голштинскаго дома. Сочувствіе русской императрицы къ голштинской семьѣ ни для кого не было тайной. Воспоминаніе-ли о безвременно погибшемъ въ Петербургѣ женихѣ, Карлѣ голштинскомъ, память-ли о сестрѣ, умершей въ Килѣ, или, быть можетъ, чувство безпомощнаго одиночества въ Россіи—но Елизавета, будучи еще царевной, интересовалась голштинскимъ домою. Съ сестрою, герцогинею голштинскою Анною Петровною, уѣхала въ Киль ея подруга, ея «верная дочь» Мавра Егоровна Шепелева, которая сообщаетъ ей всѣ подробности о сестрѣ и о племянникѣ, принцѣ Петрѣ-Ульрихѣ. Не только ими, своими ближайшими родственниками, Елизавета интересуется братьями своего покойнаго жениха, жемлетъ имѣть ихъ портреты. Въ письмѣ Шепелевой изъ Кила, отъ 22 октября 1727 года, читаемъ: «А что вы изволили ко мнѣ писать, чтобы я донесла Цесаревни о перьсонахъ, и я ей доносила и она приказала сказать: сколь скоро будитъ живописицъ изъ Франціи точасъ къ вамъ пошлетъ перьсону Бышова и Принцовъ обѣхъ, а въ Кили живописцы очень худи»¹⁾. Этотъ епископъ и оба принца—родные братья цербстской княгини, о которой Шепелева извѣщала вскорѣ послѣ брака Юанны-Елизаветы: «на этой недели будитъ къ намъ Прендесъ Елизабетъ мужъ», т. е. Христіанъ-Августъ, отецъ Екатерины. По желанію, конечно, Елизаветы Петровны, Шепелева извѣщаетъ ее о мельчайшихъ подробностяхъ, касающихся ея племянника²⁾.

Все это знали въ Голштиніи; знали также, что въ царствованіе Анны Ивановны, въ теченіе десяти лѣтъ, на племянника Елиза-

¹⁾ Бышовъ—епископъ (Bischof) любекскій Адольфъ-Фридрихъ; принцы—Фридрихъ-Августъ и Георгъ-Людвигъ голштинскіе (*Ученіе*, 1864, II, 67). Всего напечатано девять писемъ Шепелевой, причемъ послѣднее, подъ № 9-мъ, безъ даты, должно быть помѣщено первымъ, такъ какъ писано вскорѣ послѣ 30 августа 1727 года, что видно изъ словъ: «в Олександровъ день положила на нево кавалерію Цесаревна», а Анна Петровна скончалась 4 мая 1728 года. Персона значить портретъ. —²⁾ *Ученіе*, 1864, II, 70; *Архивъ кн. Воронцова*, IV, 521.

веты Петровны смотрѣли при русскомъ дворѣ, какъ на «чертенка, мѣшающаго нашему спокойствію», какъ на опаснаго претендента, котораго въ дипломатической перепискѣ называли «l'enfant de Kiel»; Анна Ивановна съ негодованіемъ приговаривала: «чертушка въ Голштиніи еще живетъ» ¹⁾ и т. п. И послѣ такихъ-то десяти лѣтъ вдругъ приходитъ вѣсть о воцареніи Елизаветы, всегда любовно относившейся къ голштинскому дому.

Мать Екатерины тотчасъ же послала въ Петербургъ письмо къ Елизаветѣ Петровнѣ съ привѣтствіемъ и пожеланіемъ долгаго царствованія. Въ отвѣтъ на эту любезность княгиня Иоганна-Елизавета получила изъ Петербурга, отъ 14 января 1742 г., слѣдующую грамату ²⁾:

«Свѣтлѣйшая княгиня, дружелюбно-любезная племянница.

«Вашей любви писаніе отъ 27 минувшаго декабря и содержанныя въ ономъ доброжелательныя поздравленія мнѣ не инако какъ пріятны быть могутъ. Повеже ваша любовь портретъ моей въ Востъ усопшей государыни сестры герцогини Голштейнской, которой портретъ бывшей здѣсь въ прежнія времена королевской Прусскій министръ баронъ Мардефельдъ писалъ, у себя имѣете; того ради мнѣ особливая удобность показана будетъ, ежели ваша любовь мнѣ оной, яко иного хорошаго такого портрета здѣсь не находится, уступить и ко мнѣ прислать изволите; я сію удобность во всякихъ случаяхъ взаимствовать сходна буду.

«Вашей любви дружесбно охотная

«Елисаветъ».

Давно уже изъ Россіи не получалось такихъ писемъ! Конечно, «угодность» была показана, и портретъ Анны Петровны былъ отправленъ въ Петербургъ. Вслѣдъ за этимъ письмомъ, въ Цербертъ стали приходять вѣсти одна другой радостнѣе. Въ январѣ же подтвердился слухъ объ отъѣздѣ изъ Кіля герцога голштинскаго Петра-Ульриха, котораго Елизавета Петровна вызвала въ Петербургъ, какъ внука Петра II, имѣющаго всѣ права на русскую корону. Въ іюлѣ, въ угоду русской императрицѣ, Фридрихъ II пожаловалъ князя Христіана-Августа въ фельдмаршалы. Въ сентябрѣ, секретарь русскаго посольства въ Берлинѣ, Шриверъ, привезъ въ Цербертъ княгинѣ Иоганнѣ-Елизаветѣ подарокъ отъ русской императрицы—портретъ Елизаветы Петровны, осыпанный брилліантами, цѣною въ 18,000 рублей. Въ ноябрѣ, двоюродныи племянникъ Иоганны-Ели-

¹⁾ Штеллингъ, 72; Соловьевъ, XXI, 144; Корсаковъ, прилож. —²⁾ Осмади. Вѣкъ, 1, 8.

заветы, герцога голштинскій объявленъ наследникомъ русскаго престола.

Принцесса Софія-Августа слышитъ вокругъ себя восторженные отзывы о русской императрицѣ, вліянію которой приписываются милости прусскаго короля къ ея отцу; дивится красотѣ Елизаветы Петровны, любитъся брильянтами, которыми осыпанъ ея портретъ—былыя, дѣтскія представленія о величіи Россіи подтверждаются во очю. Въ теченіе всего 1742 года тринадцатилѣтняя принцесса живетъ подъ впечатлѣніями, въ которыхъ русская императрица и значеніе Россіи играютъ выдающуюся роль. Теперь и въ Штетинѣ, и въ Цербстѣ все чаще говорятъ о Россіи; говорятъ въ выраженіяхъ самыхъ лестныхъ, не только съ уваженіемъ, почти съ подобострастіемъ. По этимъ отзывамъ, по этимъ впечатлѣніямъ формировался взглядъ юной принцессы на Россію; прежнія, неясныя представленія принимали болѣе опредѣленные очертанія причемъ принцесса замѣчаетъ вниманіе русскаго двора къ ней лично. Въ концѣ этого года она отправилась съ матерью въ Берлинъ, гдѣ извѣстный живописецъ Антуанъ Пэнъ писалъ съ нея портретъ, и принцесса знала, конечно, что этотъ портретъ будетъ отправленъ въ Петербургъ, что дядя принцъ Августъ отвезетъ его императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Почти весь 1743 годъ принцесса провела въ Берлинѣ съ матерью или въ Штетинѣ съ отцомъ. Въ Штетинѣ же узнала она о новой милости русской императрицы къ голштинскому дому—ея дядя, принцъ Адольфъ-Фридрихъ, по настоянію Россіи, избранъ «короннымъ наследникомъ» въ Швеціи. Въ концѣ 1743 года, вся семья переѣхала въ Цербстъ, чтобъ тамъ, въ тѣсномъ семейномъ кругу, встрѣтить новый годъ. При проходахъ стараго, въ семьѣ чаще и болѣе всего вспоминали о Россіи, причемъ упоминалось и о томъ, что портретъ принцессы очень понравился императрицѣ. Наступило 1-е января. Вся семья собралась поутру въ замковой церкви, и едва только окончилось богослуженіе, какъ была получена эстафета изъ Берлина съ письмомъ оберъ-гофмаршала великаго князя Петра Федоровича, фонъ-Врюммера, изъ Петербурга¹⁾, на имя-цербстской княгини Юанны-Елизаветы. Вотъ это письмо:

¹⁾ Черновая копія хранится въ Государственномъ Архивѣ; подлинникъ—въ цербстскомъ архивѣ. *Siebigk*, 129. Значеніе этого письма см. *Солсвельс*, XXI, 320.

«Государыня!

«Не настолько виновать я въ моемъ долгомъ молчаніи, какъ Ваша Свѣтлость имѣеть право обвинять меня. Нездоровье, непокидавшее меня уже нѣсколько недѣль, накопленіе дѣлъ, хорошихъ и дурныхъ, особенно же довольно опасная болѣзнь Его императорскаго высочества великаго князя, моего государя, отъ которой, однако, по милости божіей, онь вполне оправился, являются достаточными доводами въ мою пользу. Во всякомъ случаѣ, среди всѣхъ этихъ затрудненій, моя почти-тельная преданность Вашей Свѣтлости была и всегда будетъ неизмѣнною, хотя проявленіе ея и можетъ мѣняться. Несмотря на мой ежедневный занятія, я могъ, конечно—объявляю это чистосердечно—найти время для выраженія Вашей Свѣтлости своей преданности; но мнѣ не хотѣлось этого дѣлать до тѣхъ поръ, пока я не получилъ возможности сообщить Вамъ вѣчто весьма для Васъ пріятное.

«Надѣюсь, государыня, что Ваша Свѣтлость вполне увѣрена, что, съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь въ этой странѣ, я не перестаю трудиться для счастья и величія наисвѣтлѣйшаго герцогскаго дома. Успѣлъ я въ этомъ или не успѣлъ, пусть судятъ другіе.

«Издавна питая особое почтеніе къ особѣ Вашей Свѣтлости и стараясь убѣдить ее въ этомъ нѣсколько пустыми словами, какъ дѣйствительными дѣлами, я днями ночи соображалъ, нельзя-ли сдѣлать что нибудь блистательное въ пользу Вашей Свѣтлости и Вашей именитой фамиліи.

«Зная великодушіе Вашего сердца и благородство Вашихъ чувствъ, я не колеблюсь ни минуты открытъ Вашей Свѣтлости дѣло, которое прошу содержать въ тайнѣ, такъ чтобы въ первое, по крайней мѣрѣ, время ничто не обнаружилось бы.

«Въ продолженіи двухъ лѣтъ, какъ я имѣю счастье находиться при этомъ дворѣ, я часто имѣлъ случай говорить Ея императорскому величеству о Вашей Свѣтлости и Вашихъ выдающихся качествахъ. Я долго хлопоталъ и употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы довести дѣло до желаннаго конца. Съ трудомъ, но думаю, что я успѣлъ, и надѣюсь, что нашель то, что восполнить и закрѣпить совершенное благополучіе герцогскаго дома. Въ этомъ отношеніи я сдѣлалъ, скажу безъ похвалы, все, что можно требовать отъ моего усердія и отъ моей привязанности къ Вашей Свѣтлости. Теперь, государыня, Вашей Свѣтлости остается приложить руку къ дѣлу, которое я такъ удачно вачалъ. Такимъ образомъ, чтобы не терять времени на предисловіе, да позволитъ мнѣ Ваша Свѣтлость имѣть честь, съ крайнимъ удовольствіемъ, сообщить ей въ чемъ дѣло.

«По именному повелѣнію Ея императорскаго величества я долженъ, государыня, передать Вамъ, что эта августѣйшая императрица желаетъ, чтобы Ваша Свѣтлость, въ сопровожденіи принцессы старшей Вашей дочери, прибыли возможно скорѣе и не теряя времени въ Россію, въ

тотъ городъ, гдѣ будетъ находиться императорскій дворъ. Ваша Свѣтлость слишкомъ просвѣщена, чтобы не понять истиннаго смысла того вѣтеритнія, съ которымъ Ея императорское величество желаетъ скорѣе увидѣть здѣсь Васъ, равно какъ и принцессу Вашу дочь, о которой молва сообщила намъ такъ много хорошаго. Выпадаютъ случаи, когда гласъ народа есть именно гласъ божій.

«Въ то же время, наша несравненная монархиня мнѣ именно указала предварить Вашу Свѣтлость, чтобы принцъ супругъ Вашъ не пріѣзжалъ вмѣстѣ съ Вами: Ея императорское величество имѣетъ весьма уважительныя причины желать этого. Полагаю, Вашей Свѣтлости достаточно одного слова, чтобы воля нашей божественной государыни была исполнена.

«Чтобъ Ваша Свѣтлость не были ничѣмъ затруднены, чтобы Вы могли сдѣлать нѣсколько платьевъ для себя и для принцессы Вашей дочери и могли, не теряя времени предпринять путешествіе имѣю честь приложить къ настоящему письму вексель, по которому Вы получите деньги немедленно по предъявленіи. Правда, сумма довольно скромна; но надобно сказать Вашей Свѣтлости, что это сдѣлано съ умысломъ: чтобъ выдана большей суммы не бросилась въ глаза тѣмъ, которые слѣдятъ за всеми нашими дѣйствіями. Но чтобъ Ваша Свѣтлость не нуждалась ни въ чемъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я распорядился, чтобъ купецъ Іоаннъ Лудольфъ Домъ уплатилъ Вашей Свѣтлости, во время проѣзда, двѣ тысячи рублей, въ случаѣ если Вы будете нуждаться въ нихъ. Осмѣливаюсь ручаться Вашей Свѣтлости, что по благополучномъ прибытіи сюда Вы не будете уже нуждаться ни въ чемъ. Ваша Свѣтлость найдете здѣсь покровительницу, которая позаботится о всемъ, что Вамъ необходимо, чтобъ достойнымъ образомъ появляться въ обществѣ. Приняты такія мѣры, что Ваша Свѣтлость остаетесь вполне довольны.

«Чтобъ ускорить путешествіе, не терпящее промедленія, Ваша Свѣтлость сдѣлаете хорошо, если возьмете съ собою только одну статсъ-даму, пару горничныхъ, повара (необходимаго въ этой странѣ) и одного офицера для распоряженій на почтовыхъ станціяхъ. Чтобы не увеличивать чрезмѣрно свиту, достаточно трехъ или четырехъ лакеевъ для обычныхъ услугъ.

«По пріѣздѣ въ Ригу, Ваша Свѣтлость найдете тамъ эскорту, назначенную Ея императорскимъ величествомъ, чтобы проводить Васъ въ мѣстопробываніе двора. Если Ваша Свѣтлость узнаетъ въ Ригѣ, что дворъ находится въ Москвѣ, я все таки совѣтую Вамъ, государыня, ѣхать на Петербургъ, не на Исковъ, въ виду неудобства неустроенныхъ дорогъ и убогости станцій, что еще долѣ задержитъ Вашу Свѣтлость, чѣмъ небольшой объѣздъ, который Вы сдѣлаете, направляясь сюда.

«Судя по всему, Ея императорское величество отправится отсюда

въ Москву недѣли двѣ спустя послѣ новаго года. Чтобы путь отсюда до Москвы не казался Вашей Свѣтлости безконечнымъ, имѣю честь увѣрить Васъ, что его можно сдѣлать въ пять или шесть дней.

«Передавъ Вашей Свѣтлости все, что было мнѣ поручено, позволяю себѣ прибавить, что для удовлетворенія излишняго любопытства Ваша Свѣтлость можете объявить, что долгъ и вѣжливость требуютъ отъ Васъ съѣздить въ Россію, какъ для того, чтобъ поблагодарить Ея императорское величество за необычайную благосклонность, оказанную герцогскому дому, такъ и для того, чтобъ видѣть совершеннѣйшую изъ государынь на землѣ, милостямъ которой Вы хотите лично поручить себя.

«Чтобъ Ваша Свѣтлость знали всѣ обстоятельства, касающіяся этого дѣла, имѣю честь сообщить Вамъ, что король прусскій посвященъ въ этотъ секретъ, и поэтому Ваша Свѣтлость можетъ говорить съ нимъ объ этомъ или не говорить, какъ вы найдете болѣе умѣстнымъ. Что же касается меня лично, я почтительнѣйше совѣтовалъ бы Вашей Свѣтлости поговорить объ этомъ съ королемъ, какъ какъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ Вы почувствуете послѣдствія, которыя естественно произойдутъ изъ того.

«На этомъ мѣстѣ письма меня позвала Ея императорское величество и изволила приказать вновь просить Вашу Свѣтлость поторопиться прїѣдомъ насколько только возможно. Эта божественная государыня милостиво сказала, что такъ какъ обстоятельства не позволяютъ ей въ настоящее время видѣть принца-супруга Вашей Свѣтлости, то она не замедлитъ вызвать его какъ только измѣнятся обстоятельства. Я счелъ своею обязанностью извѣстить объ этомъ Вашу Свѣтлость, чтобъ Вы могли воспользоваться этимъ извѣстіемъ для успѣха дѣла, о которомъ идетъ рѣчь. Г. Лестокъ, который всеконечно работалъ въ согласіи со мною и который очень преданъ интересамъ герцогскаго дома, просилъ меня засвидѣтельствовать Вашей Свѣтлости его глубочайшее почтеніе. Я долженъ отдать ему справедливость, что относительно интересовъ Вашей Свѣтлости онъ велъ себя какъ честный человѣкъ и ревностный слуга.

«Мое письмо оказывается столь длиннымъ, что я долженъ принести въ томъ тысячу извиненій Вашей Свѣтлости. Мнѣ остается только прибавить, что я съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ почтительною преданностью имѣю честь быть

С.-Петербургъ.

«Брюммеръ».

«17 декабря н. с. 1743 года.

«Притиска. Чтобы лучше скрыть цѣль путешествія, Вашей Свѣтлости остается объявить, что Вы ѣдете въ Штетинъ и уже оттуда пуститесь прямо въ Россію. Если Ваша Свѣтлость найдете удобнымъ,

Вы можете ѣхать под именемъ графини Рейнбекъ ¹⁾ до самой Риги, гдѣ уже объявите о себѣ и получите эскорта, которая Вамъ назначена».

Какая же цѣль вызова графини Рейнбекъ и ея дочери въ Петербургъ? Цѣль эта, дѣйствительно, на столько очевидна, что кнѣзь Брюммеръ не счелъ даже нужнымъ обмолвиться объ ней въ своемъ «длинномъ» письмѣ. Еслибъ, однако, въ Цербстѣ и могло возникнуть какое-либо сомнѣніе относительно цѣли поѣздки, оно вполнѣ разрѣшалось письмомъ прусскаго короля, полученнымъ лишь нѣсколько часовъ позже письма Брюммера ²⁾. Вотъ что писалъ Фридрихъ II княгинѣ Иоганнѣ-Елизаветѣ:

«Государыня моя кузина!

«Я не сомнѣваюсь, что Вы знаете уже изъ писемъ, полученныхъ изъ Петербурга, до какой степени Ея величество императрица всероссійская страстно желаетъ, чтобъ Вы съ принцессою Вашею дочерью пріѣхали къ ней, и какія мѣры приняты этою императрицею для открытія расходовъ, сопряженныхъ съ этимъ путешествіемъ.

«Совершенное почтеніе, питаемое мною къ Вамъ и ко всему, касающемуся Васъ, обязываетъ меня сказать Вамъ какова собственно цѣль этого путешествія, и довѣренность моя къ Вашимъ прекраснымъ качествамъ позволяетъ мнѣ надѣяться, что Вы осторожно отнесетесь къ моему сообщенію по дѣлу, успѣхъ котораго вполнѣ зависятъ отъ непроницаемой тайны. Въ этой увѣренности я не хочу долѣе скрывать отъ Васъ, что вѣдѣствіе уваженія, питаемаго мною къ Вамъ и къ принцессѣ Вашей дочери, я всегда желалъ доставить ей необычное дваніе, и у меня явилась мысль, нельзя-ли соединить ее съ ея троюроднымъ братомъ, русскимъ великимъ княземъ.

«Я приказалъ хлопотать объ этомъ въ глубочайшемъ секретѣ, въ надеждѣ, что это не будетъ Вамъ непріятно, и хотя при этомъ встрѣтилось нѣсколько затрудненій, особенно же по близкому родству между принцессою и великимъ княземъ, тѣмъ не менѣе были найдены способы устранять эти препятствія, и до настоящаго времени успѣхъ этого дѣла быть таковъ, что я имѣю всѣ основанія надѣяться на благополучный исходъ, если Вамъ угодно будетъ дать свое согласіе и пуститься въ путь, предлагаемый Вамъ Ея величествомъ. Но такъ какъ лишь очень немногимъ лицамъ известна настоящая цѣль этой поѣздки и такъ какъ крайне необходимо сохранить эту тайну, то я полагаю, что Ея императорское величество пожелаетъ, чтобъ Вы сохранили эту тайну въ Германіи и чтобъ Вы особенно позаботились,

¹⁾ Рейнбушъ, въ *Осмнадцати. Вѣкъ*, I, 17, очевидно, опечатка. — ²⁾ *Siebigk*, 6, 137.

чтобъ ее не узналъ графъ Чернышевъ, ея министръ въ Берлинѣ. Чтобъ еще болѣе замаскировать это путешествіе, Ея величество желаетъ, чтобъ на этотъ разъ супругъ Вашъ принцъ не сопровождалъ Васъ и чтобъ Вы начали это путешествіе съ поѣздки съ Вашею дочерью въ Штетинъ, и оттуда уже прямо въ Петербургъ, не говоря о томъ ни слова никому въ Германіи. Сверхъ того, меня извѣщаютъ, что Ея императорское величество приказала вручить Вамъ чрезъ одну прусскую контору въ Петербургѣ десять тысячъ рублей на экипажъ и на путевыя издержки, и что по прибытіи въ Петербургъ Вы получите еще тысячу дукатовъ на путешествіе въ Москву. Въ то же время Ея величество желаетъ, чтобъ по приѣздѣ въ Москву Вы говорили бы всѣмъ, что предприняли это тяжелое путешествіе единственно для принесенія Ея императорскому величеству личной благодарности за ея милости къ Вашему брату и вообще ко всей Вашей семьѣ.

«Вотъ все, что я могу передать Вамъ въ настоящее время, и такъ какъ я увѣренъ, что Вы воспользуетесь этимъ со всею возможною осторожностью, то я былъ бы безконечно польщенъ, еслибъ Вамъ угодно было согласиться со всѣмъ, что я Вамъ сообщилъ и парю словъ извѣстить меня о Вашемъ взглядѣ на это дѣло.

«Впрочемъ, прошу Васъ вѣрить, что я и впредь не перестану стараться въ Вашу пользу въ этомъ дѣлѣ и что я остаюсь и проч.

Берлинъ

«Фридрихъ».

30 декабря 1743 года.

Приздумалась Юганна-Елизавета надъ этими письмами ¹⁾, и было отъ чего. Конечно, партія, предстоящая ея дочери—блестя-

¹⁾ Обрадовалась княгиня письмамъ, полученнымъ 1-го января 1744 года, и «увидѣла въ нихъ исполненіе предсказанія Олеарія» о блестящей будущности Голштиніи (*Ranke*, III, 127). Юганна-Елизавета если даже и не читала Олеарія, могла знать его мнѣніе о выгодныхъ для Голштиніи союзахъ и легко могла вспомнить это мнѣніе, читая письма Брюкнера и Фридриха. Это, по крайней мѣрѣ, довольно вѣроятно; но вотъ что положительно невозможно: Von der jungen Prinzessin ist ein Blatt mit ihrem gross hingemalten zerbstischen Namenszug übrig; darunter drückt sie in noch sehr unvollkommenen Schriftzügen und Worten die Bewegung aus, welche die eingegangenen Briefe ihrer Mutter verursachten; als wenn das Orakel für ihr Leben darin liege. Въ обѣихъ письмахъ отъ княгини требовали хранить сообщенное извѣстіе въ тайнѣ даже отъ князя, отъ мужа—скажетъ-ли Юганна-Елизавета это извѣстіе своей дочери, которой шель всего 15-й годъ? Гдѣ находится этотъ листокъ? Въ настоящее время изданы всѣ бумаги, хранящіяся въ цербстскомъ архивѣ и имѣющія какое-либо отношеніе къ сватовству цербстской принцессы—этого листка въ бумагахъ не оказалось. Довѣрять подобному извѣстію нельзя (*Brückner*, 19).

шал, выходящая изъ ряда, небывалая: въ ея родѣ бывали герцоги, имперскіе князья, даже короли—лишь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ ея братъ былъ избранъ въ наслѣдники шведской королевской короны—но императоровъ еще не бывало. Для пербстской княгини это предложеніе не было, однако, неожиданнымъ. Давно, два года еще назадъ, съ первою вѣстью о воцареніи Елизаветы Петровны и призваніи голштинскаго герцога наслѣдникомъ русской короны, она начала уже мечтать о возможности подобнаго брачнаго союза: не безъ задней мысли напомнила она о себѣ русской императрицѣ въ льстивомъ поздравленіи съ восшествіемъ на престолъ; не даромъ старалась она угодить Елизаветѣ Петровнѣ посылкой портрета ея сестры, герцогини голштинской Анны Петровны; не напрасно же, наконецъ, посылала она въ Россію съ братомъ Августомъ портретъ своей дочери. Теперь, не безъ улыбки увидѣла она изъ присланныхъ ей писемъ, что и въ Петербургѣ, и въ Берлигѣ каждый ея корреспондентъ старался выставить себя главнымъ устройтеземъ брака, предстоящаго ея дочери—очевидное свидѣтельство, что и въ Берлинѣ, и въ Петербургѣ этому дѣлу придавали большое значеніе. Не ей, конечно, умалять важность подобнаго союза—она лучше многихъ понимаетъ его значеніе; но что значить эта таинственность, рекомендуемая, и такъ настойчиво, обоими корреспондентами? Почему она должна тайкомъ выѣхать изъ Германіи и даже въ самой Россіи скрывать настоящую цѣль своей поѣздки? Почему достиженіе этой цѣли вполне зависитъ отъ ея скрытности? Кто же, при страстномъ желаніи русской императрицы и при обезпеченномъ содѣйствіи прусскаго короля, можетъ помѣшать этому дѣлу и разстроить весь планъ?

III.

Младшая дочь Петра I и Екатерины непомнящей родства, дитя любви, Елизавета Петровна унаследовала от своих родителей чрезвычайно красивую внешность. Стройная, с густою каштановою косою и темными бровями, отънявшими большіе голубые глаза, съ привлекательною улыбкою, легко переходившею въ шаловливый смѣхъ, выказывавшій строй бѣлыхъ зубовъ, всегда привѣтливая съ чужими, ласковая съ близкими, живая, любезная, веселая, царица Елизавета Петровна производила чарующее впечатлѣніе на мужчинъ. Враждебно относившійся къ царевнѣ испанскій посланникъ герцогъ де-Лирія называлъ ея красоту сверхъестественною; французскіе резиденты Лави и Кампредонъ считали ея красавицею. Не только мужчины, женщины признавали ея чрезвычайно красивою. Елизаветѣ было далеко за 30 лѣтъ, и она начала уже похлѣть, когда ее видѣла цербстская княгиня, мать Екатерины, и нарисовала восторженный ея портретъ; Екатерина восхищалась внешностью своей нареченной тетки даже когда ей было уже за 40 лѣтъ и она часто бывала больна ¹⁾. Трудно пересчитать всѣ проекты брачныхъ союзовъ, составлявшіеся ради Елизаветы Петровны, всѣхъ искателей ея руки и счастливыхъ, избранныхъ ея сердцемъ. Еще ребенкомъ она была предметомъ брачнаго проекта съ французскимъ королемъ Людовикомъ XV, потомъ съ герцогомъ Шартрскимъ и съ Конде, герцогомъ Бурбонскимъ; за женихами французскими выступаютъ претенденты - иѣмцы: принцъ Карлъ-

¹⁾ Приложение VI, письмо 4-е; *Mémoires*, 149; *Castéra*, I, 122.

Августъ епископъ любекскій, курляндскій герцогъ Фердинандъ, принцъ Морицъ Саксонскій, принцъ Фридрихъ Зульдбахскій, маркграфъ Карлъ Бранденбургъ-Байрейтскій и даже принцъ Петръ Биронъ; просилъ руки Елизаветы Петровны и донъ-Мануэль, инфантъ португальскій, даже принцъ персидскій, сынъ шаха Надира. Отъ иностранцевъ не отставали русскіе: императоръ Петръ II, влюбленный въ свою красавицу-тетку, близкій къ императору князь И. А. Долгоруковъ, не говоря уже о князѣ А. А. Меншиковѣ¹⁾. Счастливецъ всѣхъ этихъ претендентовъ и искателей оказались избранныки самой Елизаветы Петровны — первый «рабъ ея сердца» гвардеецъ А. Б. Бутурлинъ, красавецъ А. Я. Шубинъ, конюхъ Андрей Вожжинскій, пажъ Лялинъ, пѣвчій А. Г. Разумовскій, камергеръ И. И. Шуваловъ и, можетъ быть, другіе. Все образованіе Елизаветы Петровны ограничивалось разговоромъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ она видѣла вокругъ себя только примѣры циническаго разврата и полного разгула. Царевна много терпѣла отъ предержавшей власти—отъ Анны Ивановны и Анны Леопольдовны, отъ Меншикова и Долгорукова, отъ Бирона и Остермана. Избѣгая придворныхъ козней, доходившихъ до намѣренія заточить царевну въ монастырь, она удалилась въ свою Александровскую Слободу, гдѣ, въ мужскомъ костюмѣ, который такъ шелъ къ ней, полевала въ обществѣ любимца Шубина и водила хороходы съ сельскими дѣвками; то «безъ стыда продѣлывала венки, которыя заставляли краснѣть даже наименѣ скромныхъ», то «горячо молилась передъ образомъ знаменія пресвятыя Богородицы». Когда Елизаветѣ Петровнѣ предлагали корону, ради которой Анна Ивановна послѣшила изъ Митавы въ Москву, цесаревна не хотѣла сдѣлать и одного шага, чтобъ поддержать свои права, и нужно было десять лѣтъ несносныхъ преслѣдованій и мелочныхъ неприятностей отъ двухъ женщинъ, мстившихъ ей, между прочимъ, и за красоту, чтобъ она рѣшилась идти въ казармы и возмущать солдатъ противъ властей, которымъ сама же присягала²⁾.

¹⁾ *Государств. Архивъ*, II, № 56 (копія съ письма о предложенномъ бракѣ маркграфа Фридриха-Вильгельма съ цесаревною Елизаветою Петровною), № 57 (письмо графа Левенвольда младшаго къ брату его о прискачаніи жениха для цесаревны Елизаветы; перлюстрировано въ 1763 году) и № 58 (о предполагаемомъ бракѣ между цесаревною Елизаветою и принцемъ Адольфомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ).—²⁾ *Государств. Архивъ*, II, № 38 и 51.

По смерти Петра II, престолъ заняла Анна Ивановна, царствовавшая десять лѣтъ и, передъ смертью, назначившая императоромъ грудного младенца, сына принцессы мекленбургской и принца брауншвейгъ-люнебургскаго, Ивана Антоновича. Отвѣтомъ на это распоряженіе былъ глухой ропотъ въ народѣ. Почему двухмѣсячный ребенокъ назначить императоромъ, а не его родители — не отецъ, не мать? Слыханное-ли дѣло, чтобъ младенцу было отдано предпочтеніе передъ его родителями? Почему какой-то Антоновичъ, сынъ чужеземцевъ, взялъ верхъ надъ дочерью Петра Великаго, надъ Елизаветою Петровною? Назначеніе же регентства на все время, пока Иванъ «въ невозрастныхъ лѣтахъ», именно въ лицѣ Бирона, всѣми ненавидимаго и, что еще хуже, презираемаго, вызвало общее негодованіе. Ничего что онъ нѣмецъ—къ нѣмцамъ русскіе за послѣднее десятилѣтіе начали уже привыкать, встрѣчая ихъ на всѣхъ высшихъ постахъ: въ командованіи арміей, въ управленіи флотомъ, въ государственныхъ коллегіяхъ, въ высшемъ совѣтѣ—но онъ проходимецъ, нечистыми путями достигшій власти и злоупотреблявшій своимъ положеніемъ. Противъ него рѣшительно всѣ—придворные, духовенство, войско, особенно же гвардія, т. е. все высшее сословіе государства, противъ него народъ. Его терпѣли, пока онъ прикрывался мантией племянницы Петра Великаго, императрицы Анны Ивановны; со смертью Анны Ивановны его гнусная роль прекращалась—онъ этого не понялъ, и погибъ; погибъ чрезъ двѣ же недѣли: онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Пелымъ, въ Сибирь.

Когда Минихъ велъ гвардейцевъ арестовывать Бирона, солдаты были убѣждены, что этотъ переворотъ дѣлается въ пользу цесаревны Елизаветы Петровны. Но манифестомъ 9-го ноября 1740 года правительницею имперіи объявлялась мать младенца Ивана, въ православіи Анна Леопольдовна. Это имя ничего не говорило русскому сердцу, было чуждо ему на столько же, какъ и имя Антона-Ульриха, отца императора-младенца. На правительницу, какъ прежде на регента, смотрѣли какъ на неизбежное, но временное зло. Сама Анна Леопольдовна, казалось, считала свою власть тоже временною, случайною. Никто не думалъ объ упроченіи этой власти. Именемъ грудного младенца издавали указы, вели войны, правили имперіей и интриговали безъ конца—интриговали нѣмцы и русскіе, министры,

свои и чужіе, лица свѣтскія и духовныя, интриговали мушцины и женщины, всѣ, власть имѣвшія и у власти стоявшія. Минихъ арестовываетъ Бирона, подѣ Миниха подкапывается Остерманъ, подѣ Остермана—Головкинъ, Черкасскій, преосв. Юшкевичъ. За этими интригами забывали и объ императорѣ, и объ имперіи. Не столько заботятся о государственныхъ дѣлахъ, сколько опасаются вліянія Юліи Менгденъ на правительницу, толкуютъ о близкомъ фаворѣ Линара, о раздорахъ въ средѣ брауншвейгской фамиліи. Всѣ забыли о младенцѣ-императорѣ. Въ торжественные моменты его показывали народу; его выносили на балконъ, когда вѣзжало персидское посольство съ первыми слонами, появившимися въ Петербургѣ. Народъ, при этомъ, конечно, не видѣлъ ни его, ни его матери—ихъ всегда заслоняли то Биронъ, то Минихъ—и ни мало не интересовался младенцемъ, едва зная, что онъ правнукъ, по матери, царя Ивана Алексѣевича, заслоненнаго отъ народа, въ свое время, грандіозною фигурою своего брата Петра Алексѣевича. Народъ не зналъ царя Ивана, но хорошо помнилъ Петра, и чрезъ головы временщиковъ и правительницы любовно искалъ глазами цесаревну Елизавету Петровну, любовался ея красотою, дивился, что престолъ занять не дочерью Петра, а какимъ-то нѣмецкимъ младенцемъ. Въ теченіи нѣлаго уже года въ церквахъ поминаютъ «благополучно царствующаго Іоанна», а предстоящіе и молящіеся не могутъ даже въ толкъ взять, почему именно этотъ младенецъ сталъ императоромъ. Наконецъ, въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года, цесаревна Елизавета Петровна приказываетъ арестовать правительницу Анну Леопольдовну, ея мужа, генералиссимуса Антона-Ульриха, ихъ сына, младенца Ивана, и провозглашаетъ себя императрицей. Войско, народъ, вся Россія привѣтствуютъ этотъ переворотъ, какъ нѣчто совершенно естественное, желанное, давно жданное ¹⁾).

¹⁾ Иностранцы, не понимавшіе внутренняго смысла этого переворота, дивились той легкости, съ какою онъ былъ произведенъ, и серьезно увѣрили, что «при помощи нѣсколькихъ гренадеровъ, нѣсколькихъ бочекъ вина и нѣсколькихъ мѣшковъ золота, въ Россіи можно сдѣлать все, что угодно». Въ депешѣ саксонца Пецольда именно сказано: «Es bedürfe hloss des Beistandes einer Anzahl Grenadiere, eines Kellers voll Brantwein und einige Säcke Geld um zu machen, was man wolle» (*Herrmann*, IV, 685). То же повторилъ позже французъ Рюльеръ, говоря о «la facilité avec laquelle une révolution se fait

Въ подробномъ манифестѣ, изданномъ по этому случаю, правительство желало доказать, что этотъ переворотъ, сверхъ того, и исполнѣнъ законенъ. Для этого вспомнили «тестаментъ блаженныя памяти императрицы Екатерины I», въ восьмомъ артикулѣ котораго точно опредѣленъ порядокъ престолонаслѣдія, въ случаѣ смерти великаго князя Петра Алексѣевича, бывшаго императора Петра II, бездѣтнымъ: «Ежели Великій Князь безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣеть по немъ Цесаревна Анна съ своими Десцендентами, по ней Цесаревна Елизавета и Ея Десценденты, а потомъ Великая Княжна и Ея Десценденты наслѣдовать, однакожъ мужеска полу Наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣють. Однакожъ никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который не Греческаго закона или кто уже другую корону имѣеть» ¹⁾. Цесаревны Анны, имѣющей преимущество предъ своею младшею сестрою, нѣтъ уже къ живыхъ; ея десцендентъ здравствуетъ, и онъ именно мужескаго пола, который долженъ быть предпочтенъ женскому, но онъ не греческаго закона, и, потому, формальное право на сторонѣ Елизаветы Петровны.

И что-же? Тотчасъ по воцареніи, Елизавета Петровна, ради ищренія престола, шлетъ въ Киль за «десцендентомъ» цесаревны Анны, своимъ племянникомъ, голштинскимъ герцогомъ Петромъ Карломъ Ульрихомъ ²⁾, и торопитъ его принять православіе. О

en Russie» (*Rathière*, 7). Въ наше время этого взгляда придерживаются Германъ, не только въ своей «Geschichte der Russischen Staats (IV, 680), но и въ вѣднѣйшей статьѣ (Hof, 272), Брюкнеръ въ «Russische Revue» (V. 98) и др. нѣмцы. Судьба брауншвейгской фамиліи въ Россіи лучше всего опровергла подобный взглядъ и доказала полную его несостоятельность. Антонъ-Ульрихъ, генералиссимусъ всѣхъ русскихъ войскъ, не «нѣсколькихъ гренадеровъ», не могъ, однако, удержать власть въ своихъ рукахъ; Анна Леопольдовна, какъ правительница, располагала всѣми винными подвалами и всѣми золотыми мѣшами государства, при чемъ, сверхъ того, ея сынъ болѣе года былъ уже признанъ императоромъ, и тѣмъ не менѣе пала. Войско, деньги и потворство низкимъ страстямъ представляются въ подобныхъ случаяхъ, конечно, довольно убѣдительными аргументами, но лишь вспомогательными. Необходимы иныя, болѣе серьезныя побудительныя причины для произведенія ирочнаго переворота, и въ данномъ случаѣ эти мотивы не были поняты ни Пецольдомъ и Рюльеромъ, ни Германомъ, Брюкнеромъ и др.

¹⁾ *И. С. З.*, № 5070.—²⁾ It is said that the Duke of Holstein will be sent for, probably on Her Majesty's resolution not to marry, he will be presumptive

томъ, что сынъ Анны Петровны, ставъ «греческаго закона», приобръталъ болѣе правъ на русскій престолъ, чѣмъ его тетка, Елизавета Петровна не беспокоилась: она, самодержица, не имѣетъ развѣ права измѣнить по своему произволу тестаментъ своей матери? Этотъ тестаментъ сыгралъ уже свою роль—на основаніи его была доказана законность произведеннаго Елизаветой переворота—и императрица своею властью измѣнила его: ея племянникъ наречень великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ и объявленъ наслѣдникомъ престола ¹⁾. Оставаясь въ Килѣ, сынъ Анны Петровны могъ представляться претендентомъ, могъ, при помощи Франціи или Швеціи, стать даже опаснымъ ²⁾; здѣсь же, въ Петербургѣ, даже и ставъ православнымъ, онъ не болѣе какъ великій князь, онъ только наслѣдникъ престола. Осталось только позаботиться, о деспидентахъ наслѣдника престола, женить великаго князя, чтобъ обезпечить въ будущемъ престолонаслѣдіе и оградить себя и имперію отъ проявленій «зловредныхъ» сочувствій къ бывшему императору Ивану Антоновичу ³⁾.

heir, a new rising sun, to be adopted and another instrument of a future revolution, whenever the janisaries grow weary of the present, and want to try a new government. Депеша Финча, отъ 5 декабря 1741 года (*Лондон. Архивъ, Russia, № 38*). *Мамштейнъ*, 249.

¹⁾ Депеша Пецоальда отъ 15 декабря 1742 года, въ *Сборникъ*, VI, 465.

²⁾ The Duke of Holstein having been sent for in such great haste is attributed to the Czarina's apprehension that this prince might hereafter be played off, by France and Sweden, as an engine against her. Her Majesty by getting this young prince into her hands thinks She has such an additional security, that She wants no more. Депеша Финча отъ 23-го января 1742 г. (*Лондон. Архивъ, Russia, № 40*). Соображеніе это оправдывалось не только войною, которую вела противъ Россіи тогда Швеція, готовая воспользоваться всякою случайностью для созданія затрудненій Россіи, но и взглядомъ Франціи на взаимныя права тетки и племянника: «Mais à ne rien dissimuler la Czarine Elisabeth n'avait aucun droit à la couronne, soit qu'on la suppose héréditaire, soit qu'on pense que le souverain a droit de se nommer un successeur. Si c'était l'ordre de la naissance dans la famille qui appellât au trône, la couronne appartenait au neveu d'Elisabeth, Pierre, duc de Holstein, petit-fils du Czar Pierre I par sa mère qui était soeur aînée d'Elisabeth; si au contraire le choix du souverain est uné loi qu'il faille respecter. la couronne était légitimement portée par Jean de Brunswick, désigné successeur par la Czarine Anne» (*Париж. Архивъ, Russie, Mémoires et documents, vol. 1, pièce 1*).

³⁾ Иныя причины приводитъ Гельблгъ: «Religiöser Aberglaube, der der grie-

Елизавета произвела переворотъ, доставившій ей престоль, именемъ «внука Петра Великаго». На эктении, послѣ императрицы, вѣдно было поминать «наслѣдника ея, внука Петра Перваго, благовѣрнаго государя великаго князя Петра Ѳеодоровича» ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, «сенаторы и знатныя особы были несказанно недовольны, что въ такомъ важномъ дѣлѣ не было спрошено предварительно ихъ мнѣніе, какъ то бывало прежде» ²⁾. Спросить-ли Елизавета Петровна чье мнѣніе при выборѣ невѣсты своему наслѣднику?

Прошелъ уже цѣлый годъ новаго царствованія, а политическая система русскаго двора еще не вполне опредѣлилась и для многихъ была неясна. Въ теченіи этого года, при русскомъ дворѣ, у ступеней трона, шла сложная борьба за политическое вліяніе. Выборъ невѣсты для наслѣдника русскаго престола, юноши хилаго, болѣзненнаго, выборъ, быть можетъ, будущей императрицы, являлся серьезнымъ политическимъ вопросомъ не только для русскаго правительства, но и для иностранныхъ дворовъ. Лейбъ-медикъ Лестоукъ, оберъ-гофмаршалъ Брюммеръ, вице-канцлеръ Бестужевъ, французскій посланникъ маркизь де-ла-Шетарди, прусскій—баронъ Мардефельдъ, саксонскій резидентъ Пецольтъ, всѣ политическіе дѣятели, свои и чужіе, видятъ въ выборѣ невѣсты одинъ изъ признаковъ будущей политической программы; этимъ выборомъ, по ихъ мнѣнію, если не опредѣлится самая система, то обозначится ея направленіе, и они напрягаютъ всѣ усилія, чтобъ согласовать этотъ выборъ съ своими интересами. Елизаветъ Петровнѣ говорятъ то объ англійской, то о французской принцессѣ, предлагаютъ дочь саксонскаго короля, называютъ сестру короля прусскаго—императрица всѣхъ выслушиваетъ, но не даетъ рѣшительнаго отвѣта ³⁾.

chischen Kirche einen Proselyten zuführen wollte, natürliche Gutmüthigkeit, die den Sohn ihrer Schwester glücklich zu machen wünschte, und Hang zu einer zügellosen Wollust, die ausser der Ehe leichter befriedigt werden konnte. *Helbig*, Biographie, I, 28.

¹⁾ П. С. З. № 8670.

²⁾ The Empress had proclaimed him without communicating Her design privy Council, the Senate or any person of distinction. Денета Финча отъ 8 ноября 1742 года (*Лондон. Архивъ, Russia*, № 42). Денета Пецольтда отъ 15 декабря 1742 г. въ *Сборникъ*. VI, 463.—³⁾ *Drouzen*, V, 2, 134, 147; *Beaumont*, 80.

Саксонскій резидентъ Пецольтъ доноситъ графу Брюлю: «Такъ какъ Франція все еще пользуется здѣсь расположеніемъ, то я просилъ Лестока сказать мнѣ откровенно, существуетъ-ли все еще предположеніе о бракѣ герцога Голштинскаго съ французскою принцессою. Хотя онъ называетъ этотъ бракъ химерой и хотя Брюмеръ подобнымъ же образомъ высказался вице-канцлеру, я все таки вижу въ этомъ одно только притворство—когда придетъ время, поразятъ всѣхъ выборомъ невѣсты, какъ теперь объявленіемъ герцога наслѣдникомъ»¹⁾.

Пецольтъ, конечно, предпочелъ бы связать русскій дворъ семейными узами съ саксонскимъ. Дочь польскаго короля Августа III, саксонская принцесса Марія-Анна, красива, древняго рода, сверстница великаго князя—ей, какъ и Петру Федоровичу, 16-й годъ. Этотъ брачный проектъ поддерживаетъ теперь «всесильный» вице-канцлеръ, еще недавно предлагавшій брачный союзъ съ прусскимъ королевскимъ домомъ²⁾. Умный графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ видитъ въ саксонскомъ проектѣ сплоченіе политическаго союза Россіи съ Австріей, Голландіей и Англійей противъ Франціи и Пруссіи, системы, завѣщанной Петромъ Великимъ; онъ видитъ въ саксонскомъ бракѣ упроченіе своего личнаго положенія при дворѣ и употребить все свое вліяніе, свой умъ, свою опытность на поддержку саксонскаго проекта.

Этотъ проектъ «невозможенъ», по мнѣнію прусскаго посланника Мардефельда; но что можетъ Мардефельдъ? Еще такъ недавно, лишь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, русскій дворъ просилъ отозвать его изъ Петербурга, какъ лицо, неудобное императрицѣ³⁾. Перебирая всѣхъ германскихъ невѣстъ, саксонская партія не находитъ ни одной болѣе «подходящей», чѣмъ саксонская принцесса, и беспокоится только на счетъ французскихъ невѣстъ, которыя представляются ей вовсе не «химерой».

Въ мартѣ 1743 года прибылъ въ Петербургъ голштинскій принцъ Августъ. Не случайно, конечно, сривезъ онъ Елизаветѣ

¹⁾ Денеша отъ 4 декабря 1742 года, въ *Сборникѣ*, VI, 446. Уже въ денешѣ отъ 25 января Пецольтъ упоминаетъ о французской принцессѣ (VI, 397). Эта *französische Prinzessin* преслѣдовала его, какъ кошмаръ, и саксовецъ изъ-за нея проглядѣлъ принцессу чербтскую.—²⁾ См. изслѣдованіе 1-е.—³⁾ *Pol. Corr.* II, 252.

Петровиѣ портретъ своей племянницы, четырнадцатилѣтней принцессы ангальтъ-цербтской Софіи-Фридерики-Августы. Портретъ, какъ кажется, не изъ особенно хорошихъ, но крайней мѣрѣ, учитель «жениха» Штелинъ такъ отзывался въ своихъ запискахъ: «Прибытіе принца Августа изъ Голштиніи. Его свѣтлость привезъ для ея величества портретъ принцессы Цербтской, написанный въ Берлигѣ живописцемъ Пэнномъ. Въ этомъ портретѣ почти нельзя было узнать кисти этого художника, потому что онъ отъ старости потерялъ силу и прекрасный талантъ» ¹⁾. Не смотря на это, даже и въ дурномъ изображеніи «выразительная фізіономія юной принцессы понравилась императрицѣ; казалось, и великій князь Петръ не безъ удовольствія разсматривалъ портретъ» ²⁾.

Обрадовался Фридрихъ II, услышавъ о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на императрицу и великаго князя портретомъ цербтской принцессы—саксонскій проектъ, къ тому же подерживаемый врагомъ Пруссіи, Бестужевымъ, шелъ въ разрѣзъ съ его интересами. «Чтобъ уничтожить саксонскій проектъ — писалъ Фридрихъ II Мардефельду—предложите принцессу изъ какого-нибудь древняго герцогскаго дома Германіи. Относительно моихъ сестеръ, вы знаете уже мой взглядъ—ни одной изъ нихъ я не отдамъ въ Россію. Меня удивляетъ, что императрица не остановится въ своемъ выборѣ на цербтской принцессѣ, хотя она голштинскаго рода, который императрица такъ любитъ. Сверхъ того есть двѣ принцессы гессенъ-дармштадтскія, изъ которыхъ одной 20, а другой 18 лѣтъ» ³⁾.

Этотъ рескриптъ прусскаго короля барону Мардефельду помѣченъ 2-мъ ноября 1743 года; въ немъ Фридрихъ II впервые упоминаетъ о цербтской принцессѣ, упоминаетъ невѣщательно, рядомъ съ принцессами гессенъ-дармштадтскими, которыхъ онъ предлагаетъ даже и въ декабрѣ, когда выборъ невѣсты для великаго князя давно уже былъ сдѣланъ Елизаветою Петровою, когда цербтская княгиня Юганна-Елизавета извѣщала уже его о своемъ предчувствіи что «императрица предназначила ея дочь въ супруги своего племянника» великаго князя Петра Ѳеодоровича.

Елизавета Петровна выслушивала всѣ предложенія, взвѣши-

¹⁾ Штелинъ, 86. —²⁾ Helbig, Biographie, I, 48. —³⁾ Pol. Corr. II, 458.

вала всѣ брачныя проекты и, отвергнувъ ихъ, сама остановила выборъ на чербтской принцессѣ. Императрица дѣйствовала въ этомъ отношеніи вполне самостоятельно. Современный дипломатъ, зорко слѣдившій за ходомъ этого дѣла, принимавшій въ немъ большое участіе и заинтересованный въ его рѣшеніи, сообщалъ своему министерству: «При этомъ случаѣ мы не можемъ не замѣтить, что и это дѣло о бракосочетаніи наслѣдника императрица опять рѣшила безъ предварительнаго совѣщанія съ министрами, какъ и при объявленіи великаго князя своимъ наслѣдникомъ, изъ чего можно заключить, что она придерживается того принципа, что внутреннія и фамилныя дѣла не подлежатъ обсужденію ея министровъ. Когда выборъ императрицы остановился уже на принцессѣ чербтской, она сообщила объ этомъ вице-канцлеру Бестужеву подъ условіемъ строжайшей тайны, причемъ высказала, что ей много говорили объ одной французской принцессѣ, что она думала и о королевско-польской принцессѣ, но что такъ какъ она въ концѣ концовъ нашла самымъ лучшимъ избрать въ невѣсты великому князю такую принцессу, которая была бы протестантской религіи и хотя изъ знатнаго, но столь малаго рода, чтобъ ни связи, ни свита принцессы не возбуждали бы особеннаго вниманія или зависти здѣшняго народа, то она полагаетъ, что болѣе всего удовлетворяетъ всѣмъ этимъ условіямъ принцесса чербтская, тѣмъ болѣе, что она состоитъ уже въ родствѣ съ голштинскимъ домомъ»¹⁾.

Въ первыхъ числахъ декабря 1743 года Елизавета Петровна поручила Брюммеру, какъ гофмаршалу герцога Голштинскаго, пригласить владѣтельную чербтскую княгиню съ ея дочерью въ Петербургъ. Письмо Брюммера помѣчено 6-мъ декабря, а 10-го маркизъ Шетарди доносилъ въ Парижъ: «Вчера, вечеромъ, Лестоку былъ у меня и сообщилъ, что дѣло о выборѣ невѣсты рѣшено и что царица (Szagine) послала секретно десять тысячъ рублей, что составить болѣе 40,000 ливровъ, чербтской княгинѣ, приглашая ее возможно скорѣе прибыть въ Петербургъ»²⁾. Когда, такимъ образомъ, рѣшеніе, принятое императрицей, сдѣлалось болѣе или

¹⁾ Денеша Пецольда отъ 1 февраля 1744 года, въ *Сборникѣ*, VI, 504. —

²⁾ *Париж. Архивъ, Russie*, vol. 43, f. 283; перлюстрація въ московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, *Соловьевъ*, XXI, 320.

менѣ известнымъ, лица, которымъ представлялось почему-либо выгоднымъ, старались эксплуатировать въ свою пользу самый фактъ выбора пербсткой принцессы: въ приведенныхъ уже письмахъ къ княгинѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ, Брюмеръ безпереромно приписываетъ успѣхъ единственно своему личному вліянію на императрицу, а Фридрихъ II выставляеть на первый планъ свои заслуги ¹⁾ Ни тотъ, ни другой не обмолвились ни единымъ словомъ, что собственно выборъ невѣсты для наследника русскаго престола принадлежитъ исключительно Елизаветѣ Петровнѣ.

Оба они, однако, совѣтовали княгинѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ хранить до времени въ тайнѣ главную цѣль ея поѣздки въ Россію. Почему? Прежде всего потому, что въ то время любили облекать всякій вздоръ въ тайну. Едва-ли это можно объяснить деликатностью—нежеланіемъ компрометтировать пербстскую принцессу. въ случаѣ, еслибъ предположенный бракъ почему-либо не состоялся. Вѣроятно, въ этомъ случаѣ играло немалую роль и желаніе усугубить въ глазахъ матери значеніе своихъ услугъ относительно устройства судьбы ея дочери.

Когда уже невѣста для великаго князя была выбрана и къ ея матери было уже отправлено приглашеніе пріѣхать «безъ замедленія» въ Петербургъ, тогда начались козни, которыя, конечно, можно было предвидѣть, но которыя теперъ должно было еще устранить.

¹⁾ См. изслѣдованіе 1-е.

IV.

1744-й годъ начался для чербетской княжеской семьи при добрыхъ предзнаменованіяхъ: въ первый же день новаго года княгиня Юганна-Елизавета получила изъ Петербурга и Берлина письменныя увѣдомленія, что дѣло, начатое ею¹⁾ отправкою къ русской императрицѣ портрета своей дочери, идетъ весьма успѣшно. Въ письмахъ ей совѣтовали сохранить до времени все дѣло въ глубокой тайнѣ, не говорить никому о предстоящей поѣздкѣ въ Россію; но, само собою разумѣлось, что это не могло быть тайной отъ ея супруга, князя Христіана-Августа: онъ не приглашается въ Петербургъ, даже прямо совѣтуется пуститься въ путь безъ него; но онъ вскорѣ же, когда обстоятельства позволятъ, будетъ, конечно, приглашенъ явиться въ Петербургъ. Княгиня сообщила князю эту тайну, дала ему прочесть оба письма, справедливо разсчитывая на его скромность, отъ которой, какъ увѣряютъ письма, зависитъ счастье дочери. Три дня князь и княгиня обсуждали всѣ подробности предстоящей поѣздки въ Россію, говорили о новомъ положеніи, въ которое будетъ поставлена вся семья въ случаѣ окончательнаго успѣха задуманнаго княгиней дѣла. 4-го января, княгиня написала отвѣтныя письма въ Петербургъ и Берлинъ. Письмо ея къ Брюммеру не сохранилось; Фридриху II княгиня писала:

«Ваше Величество столь милостиво предупредили меня о дѣлѣ, которое я готовилась сообщить Вамъ, что я не нахожу словъ для выраженія за то Вамъ своей глубокой признательности, равно какъ за разъясненія, даваемые мнѣ Вашимъ Величествомъ по дѣлу, котораго

¹⁾ *Castera*, I, 133.

они касаются, за участіе, принимаемое вами въ этомъ дѣлѣ, и за Ваши хлопоты объ успѣшномъ его окончаніи. Графъ Подевилльсъ ¹⁾ доложилъ, конечно, Вашему Величеству о письмѣ, которое было получено на мое имя изъ Петербурга и которое министръ передалъ въ берлинскую почтовую контору для отправки ко мнѣ астафетою.

«Это-то письмо, государь, дарая мнѣ первыя извѣстія о намѣреніяхъ Ея Величества императрицы всероссійской относительно моего путешествія съ дочерью къ ея двору, заставило меня подозрѣвать о такомъ дѣлѣ, на которое я менѣе всего, конечно, могла рассчитывать. Признаю бесполезнымъ сообщать Вашему Величеству это письмо, не желая Васъ утруждать подробностями, сущность которыхъ вполнѣ Вамъ извѣстна; другія же свѣдѣнія касаются исключительно предстоящаго путешествія.

«Совершенное почтеніе, которое я всегда питала къ Вашему Величеству, и, если позволено такъ выразиться, глубокое уваженіе побуждали меня тотчасъ же извѣстить Васъ объ этомъ. Укрѣпленная въ этихъ чувствахъ Вашимъ письмомъ, считаю себя счастливою, что пользуюсь довѣріемъ государя, истинно великаго, не только друга и союзника императрицы, оказавшей мнѣ неизрѣченныя милости, но и покровителя моего и моего семейства въ столь важномъ для насъ дѣлѣ.

«Вслѣдствіе этого, государь, вмѣняю себѣ въ обязанность повиноваться указаніямъ, которыми Вашему Величеству угодно будетъ почтить меня. Вполнѣ понимаю, государь, важность тайственности, рекомендуемой Вашимъ Величествомъ; тѣмъ не менѣе, по многимъ причинамъ, которыя легче понимаются, чѣмъ описываются, я должна была госватить въ эту тайну князя, за скромность котораго я ручаюсь, не полагая, чтобъ я заслуживала за это упрекъ.

«Князь изъявилъ свое согласіе. Это путешествіе, дѣйствительно опасное для женщинъ, особенно въ настоящее время, не страшитъ меня. Я рѣшилась и, твердо убѣжденная, что все это дѣлается по волѣ Провидѣнія, я уповаю, что Провидѣніе же поможетъ мнѣ преодолѣть опасныя затрудненія, на которыя многіе не отважились бы.

«Мнѣе путешествие въ Штетинъ, которое Вашему Величеству угодно было предложить мнѣ, кажется намъ тѣмъ болѣе надежною маскою, что князь, если Ваше Величество разрѣшитъ ему проводить меня до Штетина, еще ранѣе предполагалъ сдѣлать эту поѣздку, съ заѣздомъ въ Берлинъ, гдѣ мы пробудемъ лишь время, необходимое для засвидѣтельствованія почтенія королевамъ и королевскому дому. Еслибъ я этого не сдѣлала, пошли бы толки; къ тому же, мы уже нѣсколько

¹⁾ Первый министръ Фридриха II. Изъ письма Брюмера, перлюстрированного въ Берлинѣ, Фридрихъ, вѣроятно, впервые узналъ о рѣшительномъ выборѣ Елизаветою Петровнаю цербетскій принцессы, что его и побудило писать княгинѣ письмо отъ 30 декабря, на которое она теперь отвѣчаетъ.

лѣтъ приѣзжаемъ на масляницу въ Берлинъ, и публика не обратитъ вниманія на наше появленіе.

«Я не могу еще, государь, положительно опредѣлить день нашего отъѣзда, и это по двумъ причинамъ: *вопервыхъ*, скорый нашъ отъѣздъ послѣ полученія эстафеты, надѣлавшей много шума въ нашей гдущи, могъ бы возбудить подозрѣніе родственниковъ и сосѣдей; *во вторыхъ*, мнѣ необходимо распорядиться какъ платьемъ, такъ и другими неизбежно нужными мелочами, что займетъ нѣсколько дней. Надѣюсь управиться къ четвергу или пятницѣ будущей недѣли. Пока же, приѣмлю смѣлость переслать Вашему Величеству мой отвѣтъ въ Россію, который смиренно прошу Васъ, государь, отправить эстафетою.

«Мнѣ остается просить Ваше Величество объ одной милости, которая покажется Вамъ мелочною, но которая ускоритъ наше путешествіе—благоволите приказать заготовить за мой счетъ лошадей во всей Помераніи и Пруссіи. Паспортъ, по которому будутъ отпускаться лошади, будетъ на имя графини Рейнбекъ—имя, предписанное маѣ Ея императорскимъ величествомъ на проѣздъ до Риги, гдѣ я ткрою свое настоящее званіе, чтобы получить эскортъ, которая назначена сопровождать меня.

«Мой экипажъ будетъ возможно скромнѣе, чтобъ не только выразить мою готовность во всемъ точно слѣдовать указаніямъ Ея императорскаго величества, но и доказать Вашему Величеству какъ цѣну, придаваемую мною милостивымъ Вашимъ словамъ, такъ и уваженіе, съ которымъ остаюсь Вашего Величества

«Цербстъ
4-го января 1744 года.

«покорнѣйшая и послушнѣйшая
«*Иоганна-Елизавета*».

Во всемъ письмѣ ни единого слова о главной виновницѣ путешествія! Это не случайность и не умыселъ—это черта, свойственная царбстской княгинѣ: она всегда и во всемъ выставляетъ прежде всего свое я, иногда совершенно некстати, по большей же части вполне безъ нужды. Такъ и въ данномъ случаѣ, изъ письма княгини вовсе не видно, чтобъ она заботилась о судьбѣ своей дочери, выказывала какія-либо опасенія по поводу предстоящей ей перемѣны и вообще относилась къ ней съ участіемъ нѣжной и любящей матери. Между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія, что царбстская принцесса догадывалась о предстоящемъ путешествіи въ Россію: начавшіеся послѣдніе сборы были совсѣмъ не таковы, какіе бывали при обычныхъ поѣздкахъ въ Берлинъ на время карнавала. Участившіеся въ послѣднее время эстафеты изъ Берлина, письма изъ Россіи, горячіе споры отца съ матерью по вопросамъ вѣры, особенная нѣжность отца, всегда довольно суроваго, особенное вни-

маніе родственниковъ—дядя, владѣтельный князь Іоганнъ-Людви́гъ, подарилъ ей голубую съ серебромъ матерію на платье ¹⁾—и другіе болѣе мелкіе признаки необходимо наводили принцессу на мысль, что предстоитъ не обыкновенная поѣздка, не въ Берлинъ или Штетинъ. Знала-ли Софія-Фридерика о существенной цѣли путешествія въ Россію? Тоже, вѣроятно, догадывалась. Ей было почти 15 лѣтъ; она была развита не по лѣтамъ, а отецъ все чаще и серьезнѣе говорить съ нею о невозможности мѣнять свою религію, о необходимости оставаться «лютеранскою христіанкой»—къ чему все это, и именно передъ отъѣздомъ въ Россію, если не предстоитъ необходимости мѣнять вѣру? А необходимость такой перемѣны довольно точно опредѣляла цѣль поѣздки въ Россію.

Всѣ торопятъ Іоганну-Елизавету: Брюммеръ прислалъ княгинѣ опять письмо съ просьбою «ускорить путешествіе не теряя времени»; Фридрихъ II опять пишетъ ей о необходимости «ускорить отъѣздъ въ Москву ѣлико возможно». Мардефельдъ изъ Петербурга сообщаетъ прусскому королю, что «императрица умоляетъ Ваше Величество приказать цербстской княгинѣ ускорить свой отъѣздъ и, по возможности, торопиться въ путешествіи» ²⁾.

Княгиню-ли цербстскую нужно было торопить! Брюммеръ вѣрно опредѣлялъ ее, отвѣтивъ Елизаветѣ Петровнѣ, на вопросъ императрицы, скоро-ли приѣдутъ гости изъ Цербста: «ея свѣтлости недостаетъ только крыльевъ, а то она прилетѣла бы къ вашему величеству». Сборы были недолги и касались болѣе матери, нежели дочери: Фике привезла съ собою въ Россію три, четыре платья, по дюжинѣ рубашекъ, чулковъ, платковъ—и только; у нея не было даже постельнаго бѣлья ³⁾. Очевидно: захватили, что было; новаго не шили. Въ то время, когда мать торопила всѣхъ укладкою, отецъ заперся у себя въ кабинетъ и что-то пишетъ. Это необычное для «истага солдата» занятіе обратило на себя вниманіе всѣхъ. Что же писалъ онъ?

Сборы скоро были окончены, и 10-го января 1744 года принцесса цербстская, съ отцомъ и матерью, выѣхала изъ Цербста ⁴⁾.

¹⁾ *Mémoires*, 13.—²⁾ *Siebigk*, 135, 139; депеша Мардефельда отъ 23 декабря 1743 г., въ *Pol. Corr.*, II, 498.—³⁾ *Mémoires*, 38.

⁴⁾ Время отъѣзда до сихъ поръ невѣрно опредѣлялось 12-мъ января (*Siebigk*, 18; *Брюкнеръ*, 200; *Диринъ*, 35 и 48). Въ рескриптѣ Фридриха II Марде-

Согласно соѣтамъ Брюммера, въ которыхъ княгиня усматривала желанія самой императрицы, свита путниковъ была весьма ограничена: полковникъ замка Латорфъ, придворная фрейлиня Кантъ и нѣсколько челоѣкъ прислуги, въ томъ числѣ горничная юной принцессы, дѣвица Шенкъ ¹⁾. Въ виду сохраненія предписанной тайны, отъѣздъ изъ Цербста совершенно обычнымъ порядкомъ, безъ всякихъ проводовъ ²⁾, какъ ежегодно повторявшійся отъѣздъ семьи на святки въ Берлинъ. Этотъ отъѣздъ отличался одною только особенностью, скрытою, однако, отъ постороннихъ глазъ: передъ тѣмъ, какъ садиться въ экипажи, князь Христіанъ-Августъ передалъ своей дочери скучный трактатъ Гейнекція о различіи вѣроисповѣданій, прося ее прочесть книгу со вниманіемъ и руководствоваться ею, въ случаѣ какихъ-либо религіозныхъ сомнѣній, а своей супругѣ—небольшую рукопись «На память» (*Pro memoria*), плодъ своихъ писаній въ послѣдніе дни. Онъ поручилъ жевѣ поступать относительно дочери во всемъ согласно съ наставленіями, изложенными въ этой запискѣ на память и, когда придетъ время, передать записку дочери, какъ сводъ нравственныхъ правилъ, которыми она должна руководствоваться въ предстоящей ей новой жизни. Время это наступило очень скоро: не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ принцесса благодарила уже отца за «*gracieuses instructions*», которыя онъ начерталъ для нея, и обѣщала всегда имъ

фельду, отъ 13 января, точно сказано, что цербстская семья прибыла въ Берлинъ 11-го января, вечеромъ—*avant hier au soir* (*Pol. Corr.*, III, 10). Am 12 Januar 1744 (31 December 1743) schon brachen die Reisenden von Zerbst auf (*Brückner*, 22), тутъ двѣ ошибки: не 12-го, а 10-го января, и 12-е января нового стilia соответствовало въ XVIII столѣтіи 1-му января, а не 31-му декабря.

¹⁾ Johann Wilhelm Latorf, Schlosshauptmann; von *Khayn*, Hoffräulein (*Siebigk*, 18); m-elle *Schenk*, la fille de chamdre que j'avais amenée d'Allemagne (*Mémoires*, 37).

²⁾ Въ Цербстѣ до настоящаго времени сохраняется преданіе, будто при отъѣздѣ цербстской принцессы въ Россію, магистратъ и граждане собрались на площадь замка и произошла церемонія прощанія: принцессы были высказаны всевозможныя пожеланія счастливаго пути и дальнѣйшихъ успѣховъ, причемъ принцесса осушила бокалъ за благополучіе города (*Siebigk*, 18). Въ цербстскомъ ратгаузѣ до сихъ поръ показывается этотъ бокалъ. Все это не болѣе какъ позднѣйшія выдумки.

слѣдовать и никогда не забывать ихъ ¹⁾. Фике очень уважала своего отца, навсегда сохраняла добрую о немъ память; несомнѣнно, что она со вниманіемъ читала, и, быть можетъ, не разъ, отцовскія наставленія; несомнѣнно, что въ первое, по крайней мѣрѣ, время она подчиняла свое поведеніе указаніямъ отца. Чему же училъ ее отецъ, какіе совѣты давалъ своей дочери фельдмаршалъ прусской службы, «строгий лютеранинъ», глава владѣтельнаго дома?

Приводимъ дословный переводъ этихъ «graciencien instructions», какъ онѣ сохранились въ бумагахъ цербстскаго архива, съ собственноручной помѣткой автора «Pro Memoria so ich meiner Gemahlin mitgegeben» ²⁾:

«Относительно греческой религіи слѣдовало бы попытаться, нельзя ли, по примѣру супруги царевича изъ Брауншвейгскаго дома ³⁾, чтобы дочь сохранила лютеранскую вѣру, или, по крайней мѣрѣ, осталась при мужицкой вѣрѣ ⁴⁾.

«Если по этому поводу представляется большія затрудненія, то, прежде всего, слѣдуетъ разъяснить моей дочери, въ чемъ состоитъ разность вѣроисповѣданій. Профессоръ Гейнецкій въ Галле издалъ особый трактатъ, въ которомъ опредѣлили отличія лютеранской вѣры отъ греческой.

«Дочь моя такъ уже основательно знаетъ свою религію, что должна сама сознавать заповѣди истинной, душеспасительной вѣры, по кото-

¹⁾ Сборникъ, VII, 24; Siebigk, 57, 150. — ²⁾ Въ бумагахъ Екатерины II, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, этой записки нѣтъ; вѣроятно, княгиня-мать, уѣзжая изъ Россіи, увезла «Pro Memoria», переданную собственно ей и, въ то время, уже бесполезную для дочери; по крайней мѣрѣ, записка эта, писанная собственноручно княземъ Хрстіаномъ-Августомъ, сохранилась въ цербстскомъ архивѣ и издана Siebigk, 143.

³⁾ По брачному договору царевича Алексѣя Петровича съ принцессою Шарлотою-Хрстіановою-Софіею Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской, принцессѣ представилось по примѣру королей англійскихъ и датскихъ, остаться въ евангелической лютеранской вѣрѣ, въ которой она родилась и воспитана; для сего имѣть ей въ мѣстѣ своего пребыванія, для себя и окружающихъ ее, одну каплицу». II. С. 3., № 2354; Устряловъ, VI, 25.

⁴⁾ Oder Sie bei dem *Bauerglauben* bleiben könne—мужицкою вѣрою, по мнѣнію издателя, авторъ называетъ основныя положенія хрстіанской религіи, общія всѣмъ хрстіанскимъ исповѣданіямъ. Если это объясненіе справедливо—въ чемъ трудно сомнѣваться—то во всемъ первомъ параграфѣ «милостивыхъ наставленій» хорошо рисуется «содать-богословъ», этотъ «streng lutherischer Christ»: Екатерина II была, очевидно, права, когда писала: «Les luthériens là où ils sont les maîtres, ne laissent pas d'être très intolérans». Замѣчанія на «Essai sur la vie et le règne de Frédéric II par Denina, 1788. Храповицкій, 478.

рой никто не может ни заслужить, ни достигнуть царствія божія собственными дѣлами, обѣтами или заступничествомъ святыхъ, но что все происходитъ отъ заслугъ Христа Сына Божія.

«Что сходно съ этимъ вѣрованіемъ, то дочь моя можетъ принять, все же несходное должна отвергнуть. При этомъ она должна имѣть при себѣ лютеранскую біблію, молитвенникъ и другія лютеранскія книги, и взывать къ Господу Богу, чтобы онъ до конца живота ея сохранялъ въ ея вѣрѣ.

«Никкимъ образомъ не совѣтую принуждать или уговаривать мою дочь принять чужую религію, въ которой она сама замѣтитъ погрѣшности. Такъ какъ всякій долженъ жить своею вѣрою, то отъ ея собственной молитвы къ Богу, отъ ея собственного старанія, размышленія и воли будетъ зависѣть, найдетъ-ли она греческую вѣру предосудительно или не найдетъ? и лучше предварительно отказаться отъ власти, чѣмъ поступить противъ своей совѣсти.

«Такъ какъ жить и дѣйствовать въ чужой странѣ, управляемой государемъ, не имѣя близкаго довѣреннаго лица есть дѣло весьма щекотливое, то, послѣ старательной молитвы, болѣе всего слѣдуетъ рекомендовать дочери, чтобы она униженно оказывала ея императорскому величеству всевозможное уваженіе и, послѣ Господа Бога, величайшее почтеніе и готовность къ услугамъ, какъ вслѣдствіе ея неограниченной власти, такъ и ради признанія благодѣяній, хотя бы и съ пожертвованіемъ своей собственной жизни, главнымъ же образомъ, по правилу: дѣлай то, что ты хочешь, чтобы съ самимъ тобою случилось въ будущемъ.

«Послѣ ея императорскаго величества дочь моя болѣе всего должна уважать великаго князя, какъ господина, отца и повелителя, и при всякомъ случаѣ угодливіостью и нѣжностію снискивать его довѣренность и любовь. Государя и его волю предпочитать всѣмъ удовольствіямъ и ставить выше всего на свѣтѣ; не дѣлать ничего, что ему неудобно или что можетъ причинить ему малѣйшее неудовольствіе, и не настаивать на собственномъ желаніи.

«Не входить ни съ кѣмъ въ слишкомъ близкія отношенія, но всегда сохранять по возможности собственное достоинство.

«Милостивыми взорами смотрѣть на слугъ и фаворитовъ государя, не требуя отъ нихъ услугъ и не вознаграждая ихъ, но во всемъ полагаясь на милость и любовь государя.

«Въ аудіенцъ-залѣ ни съ кѣмъ наединѣ не говорить и подчиняться во всемъ тамошнему этикету.

«Незавидѣть и избѣгать крупную игру, въ которой проявляется только алчность и сряжничество.

«Карманная деньги, какія только будутъ отпускаться, держать у себя и хранить, выдавая понемногу прислугѣ, по счету, чтобы дочь не подпала подъ зависимость своей гофмейстерины или прислуги, а

сама бы распоряжалась деньгами, употребляя ихъ на собственные нужды или удовольствія, и даже дѣлая изъ нихъ благотворенія, такъ чтобы дочь приобрѣтала любовь и преданность своихъ кліентовъ, а не другіе за ея счетъ.

«Стараться всегда имѣть небольшой запасъ денегъ, но безъ скудости, отъ которой такъ много страдаетъ благопрістойность.

«Въ тяжёбныхъ дѣлахъ ни за кого не ходатайствовать, такъ какъ самое дѣло трудно разобрать, а одностороннему докладу нельзя довѣрять, причёмъ сторона потерпѣвшая станетъ отъявленнымъ врагомъ, а та, которой она поможетъ своимъ ходатайствомъ, забудетъ благодѣяніе и будетъ затѣмъ грѣшить еще болѣе.

«Наипаче не вмѣшиваться ни въ какія правительственныя дѣла, чтобы не раздражать сенатъ:

«Ни съ какою дамою и ни съ кѣмъ не сдружаться, стараясь приобрести довѣріе только ея императорскаго величества и великаго князя; относительно всѣхъ и вся быть сдержанною. Подобнаго рода предположенія опасны въ глазахъ народа».

Фике не было еще 15-ти лѣтъ, когда она читала и перечитывала эти «милостивыя наставленія» отца. Они произвели на нее глубокое впечатлѣніе. «Умоляю васъ—писать она отцу—быть увѣреннымъ, что ваши увѣщанія и совѣты на вѣки останутся запечатлѣнными въ моемъ сердцѣ, равно какъ и сѣмена нашей святой религіи въ моей душѣ» ¹⁾. Не трудно догадаться, какого рода были впечатлѣнія, вынесенныя цербстскою принцессою изъ чтенія отцовской «Pro Memoria». Эта угодливая приниженность, это полнѣйшее отреченіе отъ своего я, это рабское подчиненіе себя чужой волѣ, должно, конечно, пугать юное воображеніе и рисовать будущее въ краскахъ не особенно привлекательныхъ. Какія представленія о Россіи и русскомъ дворѣ не вынесла бы цербстская принцесса изъ разсказовъ и ходившихъ слуховъ, эти «gracieuses instructions» должны были удручающимъ образомъ повліять на ея взглядъ относительно предстоящей ей новой жизни, въ чужой странѣ, среди чужихъ людей. Самая же мелочность подобныхъ наставленій вполнѣ оправдывала позднѣйшее признаніе Екатерины, что ее воспитывали для того, чтобы она стала женою какого-нибудь мелкаго князя по сосѣдству, не богѣе. Никто, ни родители

¹⁾ Отъ 29-го января 1744 года, изъ Кенигсберга, въ *Сборникъ VII, I; Siebigk, 17*. Увѣщанія и совѣты, данныя дочери при прощаніи, были, конечно, тождественны съ наставленіями въ «Pro Memoria».

и родственники, ни учителя и воспитатели не подготовили ее къ той роли, которая предстояла ей; никто, и менѣе всего сама принцесса Фике, конечно, не могъ ожидать, что она скоро отвергнетъ всѣ наставленія отца, какъ непригодныя для той сцены, на которой ей суждено было дѣйствовать и которая менѣе всего походила на цербстскій замокъ, въ стѣнахъ котораго они были писаны ея отцомъ.

11-го января 1744 г. пербтская семья прибыла въ Берлинъ. Здѣсь принцесса Софія еще разъ, и уже послѣдній въ своей жизни, видѣла Фридриха II. Ея мать имѣла продолжительную аудіенцію у короля, вела переговоры съ его министромъ фонъ-Подевильсомъ. Какъ при этомъ сохранить «тайну»? Саксонскій резидентъ въ Берлинѣ Бюловъ обратился съ запросомъ по этому поводу къ Подевильсу и на его уклончивый отвѣтъ заявилъ, что «иного предполагать нельзя, кромѣ брака пербтской принцессы съ русскимъ великимъ княземъ» ¹⁾. Подевильсъ сказалъ, что о такомъ предположеніи ему ничего неизвѣстно, и что, напротивъ, ведутся переговоры о бракѣ наслѣдника русскаго престола съ саксонской принцессой Маріей-Анной. Между тѣмъ, княгиня Юганна-Елизавета откланивалась членамъ королевской семьи, дѣлала необходимыя закупки и торопилась отъѣздомъ, согласно волѣ императрицы Елизаветы Петровны.

16-го января, въ пятницу, путники покинули Берлинъ, направляясь въ Шведтъ на Одерѣ. Здѣсь, 17-го января, пербтская семья раздѣлилась: князь Христіанъ-Августъ навсегда простился съ дочерью и поѣхалъ въ Штетинъ, а княгиня Юганна-Елизавета съ принцессою, теперь уже графиня Рейнбекъ и ея дочь, повернули на Штаргардтъ и пустились въ дальній путь, который кончался для

¹⁾ Сообщая свой разговоръ съ Бюловымъ, Подевильсъ прибавляетъ: et il ne sent que trop la mèche de toutes les conséquences, qu'on en peut tirer (*Droyzen*, V, 2, 215) Брикнеръ относитъ этотъ разговоръ къ австрійскому посланнику Зеккендорфу, а Бюлова дѣлаетъ «прусскимъ саживникомъ» (200).

нихъ даже не Петербургомъ, а Москвою. Только теперь, въ Шведтѣ, разставаясь съ отцомъ, «принцесса вполне поняла, куда ее везли, и разлука съ отцомъ чрезвычайно ее растрогала; но молодость скоро преодолѣла это первое движеніе, которое въ ея годы иначе нельзя назвать какъ нѣжностью» ¹⁾. Кромѣ «молодости», много помогло и то, что, какъ мы видѣли, принцесса еще въ Цербстѣ догадывалась и о предстоящемъ путешествіи, и о цѣли его.

Въ половинѣ прошлаго вѣка торговля сношенія Россіи съ Пруссіею были крайне ничтожны, и товары отправлялись преимущественно моремъ; морской путь предпочитали и рѣдкіе путешественники, ѣздившіе изъ Россіи въ Европу, нерѣдко вовсе минуя Берлинъ. Столбовая дорога изъ Берлина въ Петербургъ была устроена крайне неудовлетворительно даже для проѣзда въ лѣтніе мѣсяцы, не говоря уже о зимѣ, тѣмъ болѣе въ распутицу. Въ январѣ по этой дорогѣ встрѣчались только курьерскія брички да почтовые телеги. Ухабистая дорога съ невылазною грязью, дур-

¹⁾ Elle s'est aperçue en quittens son Père ou le chemin s'adressoit, cette Séparation la extrêmement emûe. Sa grande jeunesse lui a bientôt fait surmonter ce premier mouvement, qui à cet âge la ne saurait proprement se nommer que du nom d'attendrissement. Изъ письма княгини Иоганны-Елизаветы къ Фридриху II, отъ 30 января изъ Мемеля. *Schlözer*, 42. Въ виду безусловной тайны, предписанной относительно поѣздки въ Россію, какъ императрицею, въ письмахъ Бруммера, такъ и Фридрихомъ II, невозможно допустить, чтобы родители еще въ Цербстѣ предупредили принцессу не только о поѣздкѣ, но и о цѣли ея (*Ranke*, III, 127); этому противорѣчить и тотъ фактъ, что «записка на память» была составлена и вручена княгинѣ (so ich meiner Gemahlin mitgeben). а не принцессѣ. Да и возможно-ли было бы сохранить тайну, извѣстную 15-ти-лѣтней дѣвушкѣ? Наконецъ, ради чего умная мать по первому же шагу нарушала бы условіе, отъ котораго, какъ ей писали изъ Петербурга и Берлина, зависѣлъ успѣхъ дѣла? Вѣдь дѣвочка разболтаетъ губернанти, губернантиа прислугѣ, и секретъ раскроется. Да и зачѣмъ было предупреждать принцессу еще въ Цербстѣ? Зибикъ считаетъ, однако, это необходимымъ: Wir müssen annehmen, dass man sie schon in Zerbst über den Zweck der Reise nicht mehr im Unklaren gelassen hat (17). Видя противорѣчіе этому въ приведенномъ выше письмѣ княгини къ Фридриху II. изъ Мемеля, Зибикъ объясняетъ это тѣмъ, что княгиня, при свиданіи съ Фридрихомъ II въ Берлинѣ, обманула его, заявивъ королю, что принцесса ничего не знаетъ о поѣздкѣ въ Россію, причемъ приводятъ три строчки изъ названнаго письма и имъ дается желаемое толкованіе (25). Этотъ взглядъ Зибика ни на чемъ неоснованъ и вполне невѣроятенъ.

ные станціонные дома, болѣе похожіе на хлѣвы, морозы съ рѣзкимъ морскимъ вѣтромъ — вотъ что ожидало графиню Рейнбекъ и ея дочь на предстоящемъ имъ пути. Къ довершенію неудобствъ, зима 1744 г. была безснѣжная, такъ что наши путники проѣхали всю Померанію и Пруссію на колесахъ. Правда, Фридрихъ II приказалъ мѣстнымъ президентамъ провинцій оказывать «проѣзжающей» графинѣ Рейнбекъ всяческое содѣйствіе, но это вниманіе короля давало поводъ къ новымъ безпокойствамъ: президенты провинцій и командиры гарнизоновъ бывали въ Штетинѣ, видали тамъ цербстскую княгиню и могли признать ее въ графинѣ Рейнбекъ.

Въ Штаргардѣ путники прибыли 18-го января. Здѣсь они переночевали и рано утромъ, выѣхали уже въ маскахъ: морозъ былъ такъ силенъ, что графиня и ея дочь надѣли маски — головные уборы изъ шерсти, покрывавшіе все лицо, съ отверстіями для глазъ. Не смотря на холодъ, графиня Рейнбекъ и ея дочь продолжали свой путь безостановочно и 20-го января, вечеромъ, прибыли въ Кэслинъ. Какъ и въ Штаргардѣ, здѣсь была назначена остановка для ночлега, и княгиня написала первое съ пути письмо своему супругу. Изъ этого письма мы узнаемъ, что при остановкахъ въ городахъ путники были помѣщаемы въ квартирахъ «если и не особенно хорошихъ, то все же свосныхъ»; но въ мѣстечкахъ и деревняхъ помѣщеніе «проѣзжающихъ», рекомендованныхъ самимъ королемъ заботливости мѣстныхъ властей, было по истинѣ ужасно. «Такъ какъ комнаты на постоялыхъ дворахъ не были истоплены, то приходилось входить въ хозяйскую комнату, немногимъ отличающуюся отъ порядочной свинарни: мужъ, хозяйка, дворовая собака, пѣтухъ и всюду дѣти—въ люлькахъ, въ постеляхъ, за печкою, на тюфякахъ, все это валялось въ безпорядкѣ, одинъ около другого, какъ капуста или рѣпа. Но дѣлать было нечего—я приказывала приносить скамейку и помѣщалась посрединѣ комнаты» ¹⁾.

Въ Кэслинѣ было получено и первое письмо отъ князя Христиана-Августа. Онъ писалъ княгинѣ, между прочимъ, что въ Штетинѣ, всѣ были удивлены его пріѣзду изъ Берлина черезъ Шведтъ,

¹⁾ Wirthin Kammer so einem honetten schweinestalle nicht sehr unähnlich. *Siebigk*, 21.

что въ городѣ пошли разныя догадки и что онъ считаетъ необходимымъ напечатать въ газетахъ извѣстіе о ея путешествіи. Книгиня на это отвѣчала: «Мнѣ кажется необходимымъ, чтобъ ты поудержался извѣщать въ газетахъ о моемъ путешествіи до тѣхъ поръ, пока ты не услышишь, что я проѣхала Мемель; равнымъ образомъ, надо отложить до времени и предположенныя тобою богослуженія въ церкостскихъ церквахъ о благополучномъ нашемъ путешествіи. Въ газетахъ можно написать, или что императрица меня вызвала, или что я сама пожелала лично поблагодарить ея величество за оказанныя ею милости моему дому. Въ томъ и другомъ случаѣ нижайше прошу прислать мнѣ экземпляръ газеты».

Изъ Кэслина путники ѣхали на Шлаве, Столпе, минуя Данцигъ, къ Меве, гдѣ переѣхали по льду Вислу, и 24-го января прибыли въ Маріенвердеръ. Въ своихъ письмахъ къ мужу, книгиня, говоря объ этомъ переѣздѣ, упоминаетъ и о разбойникахъ, отъ которыхъ пришлось отбиваться. Переночевавъ въ Маріенвердерѣ, они 25-го января направились на Ризенбургъ, Прейсишъ-Голландъ, Шенфлисъ, Риттеркругъ, по замерзшей Фришъ-Гафъ, и 27-го января прибыли въ Кенигсбергъ, гдѣ отдыхали до 29-го января. Здѣсь, въ Кенигсбергѣ, принцесса Софія написала отцу первое съ дороги письмо:

«Государь!

«Я получила съ совершеннымъ почтеніемъ и невыразимою радостью записку, въ которой Ваша Свѣтлость почтили меня увѣдомленіемъ о своемъ здоровьѣ, о памяти обо мнѣ и о своихъ милостяхъ. Умоляю Васъ быть увѣреннымъ, что ваши увѣщанія и совѣты навѣчно останутся запечатлѣнными въ моемъ сердцѣ, равно какъ и смена нашей святой религіи въ моей душѣ, которой прошу Господа ниспослать всѣ силы, необходимыя, чтобъ выдержать тѣ искушенія, которымъ готовлюсь подвергнуться. По молитвамъ Вашей Свѣтлости и дорогой мамы, Господь окажетъ эту милость, которую не могли бы мнѣ доставить моя молодость и моя слабость. Я предаю себя Господу и желаю имѣть утѣшеніе сдѣлаться достойною такой милости, равно какъ получать добрыя вѣсти отъ дорогого папы. Остаюсь всю мою жизнь съ неизмѣннымъ почтеніемъ, государь, Вашей Свѣтлости всенижайшая и вѣрная дочь и слуга

«Софія-Ав., принцесса А. Ц.

«Кенигсбергъ, въ Пруссіи, 29-го января 1744».

Только теперь, изъ Кенигсберга, княгиня увѣдомила о путешествіи въ Россію свою мать, вдовствующую герцогиню голштинскую Альбертину-Фридерiku, и сестру абатиссу герфордскую Гедвигу-Софію. Она писала, между прочимъ, матери ¹⁾: «Въ день новаго года я получила эстафету изъ Петербурга съ приглашеніемъ, по приказанію и отъ имени всероссійской императрицы, отправиться, не теряя времени, съ старшею дочерью въ мѣсто, гдѣ будетъ находиться императорскій дворъ при моемъ прибытіи въ Россію. Государя-князя просили не сопровождать меня, такъ какъ ея императорское величество имѣла важныя причины отложить удовольствие свиданія съ нимъ до другаго раза. Письмо было снабжено векселемъ, многими необходимыми наставленіями, предписаніемъ о непроницаемой тайнѣ и о сохраненіи инкогнито, подъ именемъ графини Рейнбекъ, до Риги, гдѣ мнѣ разрѣшено открыть свое имя, чтобъ получить назначенную мнѣ эскорту, и предписано говорить, какъ въ Ригѣ, такъ и по прибытіи, что я ѣду лично благодарить ея императорское величество за всѣ милости, оказанныя моему дому, и лично узнать эту прелестную государыню. Ея императорское величество желаетъ, чтобы тоже самое разглашали и мои родственники въ Германіи. Прежде всего, мнѣ бросилось въ глаза существенное обстоятельство, касающееся моей дочери, относительно котораго, какъ я узнала впоследствии, я не ошиблась. Многого стоило намъ, моему мужу и мнѣ, рѣшиться, но, успокоенные, что касается религіи, примѣромъ жены царевича и убѣжденные законными соображеніями, что не слѣдуетъ отказываться отъ предложенія такой великой государыни, которой къ тому же мы такъ много обязаны, мы рѣшили мой отъѣздъ. И такъ, дѣлая видъ, что приглашены въ Берлинъ, мой мужъ и я выѣхали изъ Цербста. Вскорѣ онъ получилъ приказаніе отправиться въ Штетинъ; я сдѣлала видъ, что сопровождаю его, но потомъ свернула на другую дорогу. Въ одиннадцать дней я прибыла сюда и хотя не устала, но завтра отдохну здѣсь. Надѣюсь, что переѣздъ въ Ригу не продолжится болѣе недѣли; изъ Риги въ Петербургъ, если только санный путь продержится, еще мѣсяцъ».

¹⁾ Письмо хранится въ цербстскомъ архивѣ и адресовано матери, а не теткѣ Маріи-Елизаветѣ, абатиссѣ кведлинбургской. *Siebigk*, 23; *Сборникъ*, VII, 7

Переѣздъ изъ Кенигсберга въ Мемель былъ совершенъ очень удачно: ночью выпалъ большой снѣгъ, утромъ подморозило, и они почти вдвое сократили путь, направляясь по Куришь-Гафъ. «Президентъ Лешкованъ выслалъ впередъ рыбаковъ, которые прокладывали своими санями путь и испытывали прочность льда» ¹⁾.

Въ Мемелѣ переночевали. Княгиня написала отсюда письма въ Петербургъ и Берлинъ, причемъ, благодаря Фридриха II за вниманіе, оказанное ей президентами Помераніи и Пруссіи, она извѣщала короля, что дочь ея отлично переноситъ тягости путешествія и вполне здорова ²⁾.

31-го января, утромъ, графиня Рейнбекъ выѣхала изъ Мемеля. Теперь почтовыхъ лошадей уже не было, приходилось нанимать обывательскихъ, причемъ подъ четыре экипажа требовалось 24 лошади такъ какъ снѣга не было и ѣхали на колесахъ. Сани привязали сзади экипажей, «на случай если понадобятся и этотъ поѣздъ четырехъ каретъ съ санями сзади имѣлъ смѣшной видъ». Морозъ все крѣпчалъ; путники ѣхали весело, безъ приключеній. Въ этотъ переѣздъ, изъ Мемеля въ Митаву, принцесса немного прихворнула: «Я разстроила желудокъ—пишетъ она отцу—но это не имѣло послѣдствій. Отчасти я сама этому виновата, такъ какъ уничтожила все пиво, случившееся на дорогѣ. Дорогая мама отняла у меня пиво и я теперь совершенно здорова» ³⁾.

Только 5-го февраля пріѣхали въ Митаву, пріѣхали усталые. «Путешествіе начинаетъ утомлять насъ немного», пишетъ княгиня супругу Здѣсь, въ Митавѣ, въ первый разъ во время всего путешествія, графиня Рейнбекъ была привѣтствована, какъ владѣтельная княгиня чербстская: командующій русскимъ отрядомъ полковникъ Воейковъ, командиръ лифляндскаго полка, представился княгинѣ и выразилъ свое удовольствіе, какъ перваго русскаго, который имѣетъ счастье привѣтствовать столь близкую родственницу своей государыни. Въ сопровожденіи этого Воейкова и небольшой эскорты графиня Рейнбекъ выѣхала изъ Митавы 6-го февраля, и въ тотъ же день княгиня чербстская прибыла въ Ригу.

¹⁾ *Siebigk*, 24.—²⁾ Nous sommes assés heureux, ma fille et moy, pour soutenir notre fatigue avec santé. *Siebigk*. 24.—³⁾ Отъ 1-го февраля 1744 г., изъ Лябавы. *Siebigk*, 26.

Изъ Риги, для встрѣчи высокыхъ гостей выѣхалъ камергеръ императрицы Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ, бывшій посланникъ въ Лондонѣ, будущій гофмаршалъ. Онъ привѣтствовалъ, отъ имени императрицы, ея свѣтлость княгиню и ея дочь, поздравилъ съ благополучнымъ путешествіемъ и сообщилъ желаніе императрицы, находившейся уже въ Москвѣ, чтобы высокія путешественницы остались два дня въ Петербургѣ, какъ для отдыха, такъ и «для изготовленія платьевъ такого покроя, какой употребляется въ странѣ». Нарышкинъ передалъ княгинѣ и письмо отъ Брюммера:

«Государыня,

«Милостивое письмо Вашей Свѣтлости доставило мнѣ то совершенное удовольствіе, которое чувствуетъ всякій столь искренно, какъ я, предаиный благополучію и славѣ Вашего именитаго дома. Не могу, Государыня, выразить Вашей Свѣтлости несказанную радость, съ которою я узналъ, что Вы не теряя времени отправились въ путь. Ея Императорское Величество, нетерпѣливо ожидающая увидѣть Вашу Свѣтлость, ежедневно освѣдомляется: не имѣю-ли я отъ Васъ извѣстій, проѣхали-ли Вы Данцигъ и когда можете прибыть въ Москву? На все это я отвѣчаю, что еслибъ Ваша Свѣтлость имѣли крылья, то воспользовались бы ими, чтобы не терять ни минуты.

«Такъ какъ августѣйшая императрица признала нужнымъ отправить камергера Нарышкина на встрѣчу Вашей Свѣтлости, я пользуюсь этимъ обстоятельствомъ, чтобы повторить Вашей Свѣтлости то совершенное почтеніе, которое я питаю къ особѣ Вашей. Названный камергеръ—человѣкъ умный и достойный, и я осмѣливаюсь почтительнѣйше умолять Вашу Свѣтлость положиться на него и довѣрять всему, что онъ будетъ имѣть честь говорить Вамъ.

«Въ то же время, такъ какъ я глубоко интересуюсь всею, что касается Вашей Свѣтлости, дозвольте мнѣ открыть Вамъ свое сердце и разрѣшите посовѣтовать Вамъ, при первой же встрѣчѣ съ императрицей въ Москвѣ, оказать Ея Императорскому Величеству чрезвычайное почтеніе, подѣловавъ у нее руку, по обычаю здѣшней страны. Хорошо знаю, что это предостереженіе для Васъ излишне, но если Вы обратите вниманіе на его источникъ, Вы не объясните его въ дурную сторону. Друзья, которыхъ Вы имѣете уже въ этой странѣ, просили меня и даже заставили написать Вамъ объ этомъ.

«Его Императорское Высочество ничего еще не знаетъ о прїѣздѣ возлюбленной его тетки. Когда Ея Императорское Величество сообщитъ ему объ этомъ, онъ, я убѣжденъ, будетъ вполне счастливъ. Импе-

¹⁾ Umb vor der Nachreise sich und die Prinzessin in denen dortigen Landes Arhten der Anzuges zu setzen. *Siebigk*, 29.

ратрица, славу Богу, совершенно здорова; въ будущую пятницу она отправляется въ Москву.

«Здѣшній купецъ Домъ уплатить, по моему приказу, двѣ тысячи рублей Вашей Свѣтлости, если Вы будете нуждаться въ деньгахъ».

Двинулись къ Ригѣ. Не доѣзжая до города, гостей встрѣтили гражданскія и военныя власти съ вице-губернаторомъ княземъ Долгоруковымъ во главѣ, который предложилъ княгинѣ пересѣсть въ карету, нарочно приготовленную для торжественнаго вѣзда въ городъ. Едва карета, въ которой сидѣли княгиня, принцесса Софія и дѣвица Каинъ, переѣхала по льду Двину, залпъ изъ крѣпостныхъ орудій привѣтствовалъ вступленіе высокихъ гостей въ предѣлы Россійской Имперіи.

Декорация сразу и рѣзко перемѣнилась. Гофъ-фурьеры, кирасиры полка великаго князя, почетный караулъ у подвѣзда, часовые въ сѣняхъ и при каждой двери внутреннихъ покоевъ, звуки трубъ и литавръ, бой барабановъ, придворный этикетъ съ низкими реверансами и почтительнымъ *baise-main*, генераль-аншефъ Салтыковъ, супруга фельдмаршала Ласси ¹⁾, представители мѣстнаго

¹⁾ Тщеславная княгиня точно сообщала своимъ роднымъ чины и званіе лицъ, назначенныхъ для встрѣчи ея и дочери, даже назначенныхъ, но почему-либо неприбывшихъ къ сроку—*die Kayserin haben den Feldmarschallen Lassy nachgesandt, umb ihm anhero zu meinen Empfang zu senden, er ist aber schon Plescov passiert gewesen (Siebigk, 31)*. Ни въ нѣмецкихъ письмахъ къ мужу, ни во французской реляціи о путешествіи княгиня не упоминаетъ о встрѣчѣ съ генераломъ Брауномъ. Между тѣмъ, въ «Разсказахъ», записанныхъ П. Θ. Карабановымъ, сохранившимъ много драгоценныхъ устныхъ преданій, сообщено слѣдующее извѣстіе: «Когда Екатерина, бывъ избранной невестой великому князю Петру Федоровичу, ѣхала въ Россію, для встрѣчи ея отъ двора посланъ въ Ригу генераль-маіоръ Юрій Юрьевичъ фонъ-Бруунъ, впоследствии тамъ находившійся генераль-губернаторомъ. Принцесса, по прибытіи въ городъ, отъ усталости скоро пропала въ назначенныя для нея комнаты, не удостоив вниманія присланнаго генерала, которому, по возвышеннымъ его чувствамъ, показалось сіе оскорбительнымъ; вскорѣ выслала она пригласить его въ 6 часовъ утра для свиданія. Въ назначенное время Бруунъ является къ принцессѣ, которая, обласкавъ его, продолжала, что, рожденная въ маломъ нѣмецкомъ княжествѣ, судьбою назначена жить и умереть въ великой имперіи, встрѣтись на границѣ съ первымъ русскіимъ чиновникомъ, со всею откровенностію просить (подавая перо и бумагу) безпристрастно описать ей умы, характеры, достоинства, пороки и связи всѣхъ извѣстныхъ особъ, составляющихъ дворъ императрицы Елизаветы, обѣщая хранить въ

дворянства, петербургской гвардіи, всюду золото, бархатъ, серебро, шелкъ... Даже у княгини голова закружилась. «Мнѣ все кажется—пишетъ она—что я нахожусь въ свитѣ Ея Императорскаго Величества или какой-нибудь великой монархини. Мнѣ и въ голову не приходитъ, что все это для меня, для бѣдной, для которой въ другихъ мѣстахъ едва били въ барабаны, а въ иныхъ и того не дѣлаютъ. Все происходило здѣсь съ такимъ величіемъ и почетомъ, что мнѣ тогда казалось, да и теперь еще, при видѣ роскоши, меня окружающей, мнѣ кажется, что все это сонъ»¹⁾). По этому призыванію матери можно уже себѣ представить впечатлѣніе, вынесенное дочерью, принцессою Софіей, при первомъ вступленіи на русскую землю. Въ Ригѣ принцесса получила первый подарокъ отъ императрицы—великолѣпную соболью шубу, покрытую парчей. У бабушки, въ Гамбургѣ, видала она дорогіе мѣха, но такихъ соболей—никогда. Торжественность встрѣчи, роскошь обстановки, великолѣпіе приѣма ободрили принцессу, прогнали всякую усталость: «наша дочь такъ здорова и бодра, что я даже дивлюсь»²⁾), писала княгиня мужу изъ Риги. Та дѣйствительность, которую мать принимала за сонъ, являлась для дочери живымъ осуществленіемъ разсказовъ, слышанныхъ ею въ Штетинѣ, въ дѣтской отъ няни, въ Цербстѣ, Гамбургѣ, Брауншвейгѣ. Вотъ она, богатая, роскошная

тайнѣ, что симъ средствомъ можетъ приобрести ея довѣренность и дружбу, а ложнымъ показаніемъ презрѣніе. Сіе предложеніе исполнено въ точности. Принцесса, по пріѣздѣ въ Петербургъ, удивила всѣхъ внимательнымъ обхожденіемъ и скорѣ успѣла привлечь къ себѣ всеобщую любовь. Броунъ дѣйствительно былъ ея другомъ, имѣлъ позволеніе не спрашиваясь пріѣзжать въ Петербургъ и во всякое время ходить къ ней по малой лѣстницѣ; онъ говорилъ ей правду и вводилъ страхъ на ея фаворитовъ, не исключая самого князя Потемкина. (*Русская Старина*, IV, 693; V, 129). Броунъ не былъ въ Ригѣ при вѣздѣ Екатерины въ Россію, и принцесса Софія не могла играть приписываемой ей роли, которая придумана гораздо позже, для объясненія позднѣйшихъ отношеній императрицы Екатерины II къ Брауну. Эти отношенія объясняются, однако, совершенно иначе—услужою, которую Екатерина требовала отъ Брауна собственноручнымъ письмомъ отъ 28 іюня 1762 года, что будетъ разъяснено въ своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Alles mit viehler Grandeur und honneur zugegangen ist; ich deuchtete mich dabey und Noch jetzt bey allen fracas so mich environiert, als wäre ich im Traum (*Siebigk*, 31, 32; *Сборникъ*, VII, 15).—²⁾ Unsere Tochter ist so Gesundt und Munter, das mir darrüber wundern muss. *Siebigk*, 31.

Россія, обѣлающая на серебрѣ; вотъ русское побѣдное воинство— эти преоблаженны, кирасиры, измайловцы, стоящіе на караулѣ у дверей ея комнаты! Давно-ли она почевала въ свинаричѣ, опасалась воровъ на большой дорогѣ и хохотала при видѣ саней, привязанныхъ сзади кареты, а теперь?

29-го января (9 февраля), въ 11 часовъ утра, принцесса съ матерью покинули Ригу. Весь городъ собрался провожать высокихъ гостей, для которыхъ были присланы императорскія сани—длиныя, съ кузовомъ, оббитыя внутри собольими, съ матрасами изъ шелковой ткани, съ мѣховою полостью, запряженные въ десять лошадей, по двѣ въ рядъ. Въмѣсто четырехъ каретъ графини Рейнбекъ, кортежъ принцессы пербстской выѣхалъ изъ Риги въ слѣдующемъ порядкѣ: а) эскадронъ кирасирскаго его высочества насаѣдника полка; б) императорскія сани, на передкѣ—камергеръ Нарышкинъ, питеймейстеръ высочайшаго двора, дежурный офицеръ измайловскаго полка и г. Латторфъ, на запяткахъ—два камерълакея и два преображенца; в) отрядъ лифлянскаго полка; г) вице-губернаторъ и комендантъ; д) сани дѣвицы Кантъ; е) сани камергера Нарышкина; ж) рядъ саней съ лицами свиты, представителями дворянства, магистрата, депутатами различныхъ корпорацій и офицерами, не скакавшими вокругъ императорскихъ саней. Никогда еще принцесса Софія не ѣздила съ такою помпою.

И ѣзда была не та. Не смотря на остановки при перемѣнѣ лошадей, для ужина, утренняго кофе и завтрака, на другой день, 30-го января, уже обѣдали въ Дерптѣ, гдѣ командующій генералъ вызвалъ войска подъ ружье для отдавiя имъ чести. Здѣсь же, въ Дерптѣ, встрѣтилъ ихъ секретарь русскаго посольства въ Берлинѣ, знакомый имъ Шпрингеръ—онъ привозилъ имъ въ Пербстг портретъ Елизаветы Петровны. Они ѣхали только днемъ; ночью отдыхали. Въ Нарву прибыли поздно вечеромъ—городъ былъ иллюминированъ. Изъ Нарвы они выѣхали въ полдень и, на другой же день, 3-го февраля, прибыли въ Петербургъ.

VI.

3-го февраля 1744 г. въ Петербургѣ былъ морозный, свѣтлый день. Ровно въ полдень императорскія сани остановились у главнаго подъѣзда тогдашняго зимняго дворца ¹⁾). Едва принцессы вышли изъ саней, залпъ орудій на адмиралтейской крѣпости привѣтствовалъ высокихъ путешественниковъ. На подъездѣ ихъ встрѣтили петербургскій вице-губернаторъ князь Репнинъ, окруженный придворными, военными и гражданскими чинами; въ сѣняхъ—четыре придворныя дамы, назначенныя сопровождать ихъ въ Москву. куда дворъ переѣхалъ двѣ недѣли назадъ.

Въ то время отъѣздъ двора въ Москву составлялъ, дѣйствительно, событіе. Это былъ не временной переѣздъ изъ Петербурга въ Москву, а цѣлое переселеніе, вслѣдствіе котораго Москва замѣтно оживлялась, Петербургъ на столько же пустѣлъ. Подобныя переѣзды расчпывались на годъ, если не болѣе; самыя же переселенія длились нѣсколько недѣль, если не мѣсяцевъ. На всемъ

¹⁾ Въ № 11-мъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» за 1744 г. точно обозначено, что княгиня цербстская прибыла въ Петербургъ 3-ю февраля, что въ высочесномъ 1744 г. приходилось въ пятницу. Между тѣмъ, въ своихъ сообщеніяхъ къ роднымъ, княгиня говоритъ, что «въ пятницу, поздно вечеромъ» прибыла въ Нарву; въ субботу, въ полдень, выѣхали изъ Нарвы, «скакали всю ночь и въ часъ пополудни были доставлены въ Петербургъ», т. е. въ воскресенье. (*Сборникъ*, VII, 19). Княгиня, очевидно, ошиблась: они приѣхали въ Нарву не въ пятницу, а въ среду. Ошибочно также указаніе издателей «Сборника», будто приѣздъ въ Петербургъ состоялся 4-го февраля. Заимѣтивъ эту путаницу въ числахъ и дняхъ, *Брикнеръ* вовсе умалчиваетъ о времени прибытія въ Петербургъ (206).

пути, отъ Петербурга до Москвы, на почтовыхъ станціяхъ заготовлялись усиленныя поставки лошадей; въ путевыхъ дворцахъ размѣщались особыя отдѣленія дворцовой кухни на все время передвиженія, такъ какъ пользоваться путевыми дворцами разрѣшалось не только представителямъ иностранныхъ дворовъ, но также придворнымъ и высшимъ чинамъ имперіи. За дворцовой кухней, сопровождаемой обыкновенно длиннымъ обозомъ, отправлялась, прежде всего, придворная конюшенная контора, не только съ экипажами и лошадьми, но и со всею канцелъ рією. Нѣсколько дней спустя, въ срокъ, точно и заранѣе опредѣленный, ѣхала императорская фамилія съ придворнымъ штатомъ; затѣмъ, всегда въ промежутки нѣсколькихъ дней, сенатъ, почти въ полномъ составѣ, часть синода, коллегій, канцелярій и конторъ, имѣвшихъ пребываніе въ Петербургѣ; весь дипломатическій корпусъ и почти вся коллегія иностранныхъ дѣлъ также переселялись въ Москву. Покидали Петербургъ и всѣ зажиточные и именитые люди, имѣвшие входъ ко двору. Англійскій посоль лордъ Гиндфордъ, извѣщая статсъ-секретаря герцога Ньюкэстльскаго о подобномъ переселеніи, преувеличивалъ, конечно, сообщая, будто «около ста тысячъ человекъ отправлялись въ Москву»¹⁾, но не очень. Онъ самъ переселялся, по его словамъ, «всѣмъ домогъ»: онъ бралъ съ собою не только всѣ экипажи и всѣхъ лошадей, но весь погребъ, всю кухню, даже часть мебели. Неудивительно, что подобное переселеніе растягивалось на мѣсяцы: спустя три недѣли послѣ отъѣзда императрицы, посольъ выражаетъ еще только надежду найти лошадей на станціяхъ²⁾.

Вотъ почему 3-го февраля въ Петербургъ было еще много лицъ, имѣвшихъ входъ ко двору, хотя императрица ѣхала въ Москву еще 21 января. При пріѣздѣ пербстскихъ принцессъ залы зимняго дворца были полны. Начались представленія «тысячи

¹⁾ Въ депешѣ отъ 15-го декабря 1748 г.: There are near a hundred thousand people in motion for that journey (*Лонд. Архивъ, Russia, № 56*).

²⁾ Въ депешѣ отъ 3-го января 1749 г.: I hope in a few days to find horses enough for my journey to Moscow (*Лонд. Архивъ, Russia, № 58*). На «faute de chevaux» жаловался и Шетарди, въ депешѣ отъ 21-го января 1744 г. (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 44, f. 17*). Посламъ эти переѣзды стояли очень дорого. Даже скупой Фридрихъ II назначилъ барону Мардефельду 1,200 эку на поѣздку въ Москву. *Pol. Corr.*, III, 34.

лицъ»: въ день приѣзда—придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, на другой день—духовенства. Это было нѣсколько утомительно, особенно послѣ долгой дороги и для непривычныхъ къ такимъ большимъ приемамъ принцессъ; но блескъ почета превозмогалъ усталость.

Въ день же приѣзда въ Петербургъ, княгиня-мать написала императрицѣ письмо, въ которомъ приносила «толикое покорнѣйшее благодареніе за неизреченно-оказанныя въ прибытіе мое отличности», увѣдомляла, что 5-го же февраля выѣзжаетъ въ Москву: «послѣ завтрая отъѣзжаю»¹⁾, и ни единымъ словомъ не упоминала о дочери. Интереснѣе письмо²⁾ ее къ графу М. Л. Воронцову:

«Мой господинъ!

«Съ безконечною радостію я вашему превосходительству увѣдомляю, что я уже за 80 миль отъ ея императорскаго величества, нашей несравненной самодержицы, нахожуся, и столь чувствительными и столь возвышенными онытами о ея высокой протекціи и о приумноженіи ея ко мнѣ яснѣйшихъ (illustres) благостей, что мнѣ о томъ только подлинное (propre), но неаврабительное мнѣніе остается.

«Мое воздѣленіе, какъ я вамъ уже сказала, на всякой часъ умножается, и я завтра здѣсь пробыть себѣ не дозволила бы, ежели бъ то учинить принуждена не была, дабы моеи дочери дать немного отдохновенія.

«Ея императорское величество сверхъ всего и ту атенцію присовокупить изволила, для меня здѣсь четыре своихъ придворныхъ дамы оставить, которыми я предовольна, а особливо госпожею Менгденовою, милость, которую я чувствовать и признавать должна.

«Прошу васъ, мой господинъ, меня къ стопамъ ея императорскаго величества представить и ей хорошенько изъяснить, что я такъ изрядно въ ея покаянъ себя устрою, что я въ ихъ оставлю мой веселый умъ (mon esprit follet) для воспоминаваніи ея о мнѣ, когда она изволитъ сюда возвратиться.

«Учinite мнѣ признанъ за нѣсколько вереть отъ Москвы мнѣ знать дать, того часу ли съ моего приѣзда ея императорское величество меня допустить къ себѣ прикажетъ, дабы я мой уборъ пристойнымъ по тому распорядить могла. При семъ же господину тайному совѣтнику Лестоку засвидѣтельствую мою дружбу. Пребываю совершенно, мой господинъ, вашего превосходительства преданнѣйшая пріятельница и служебница.

«П. Елизавета».

«Я уповаю подлинно около 10 числа прибыть.

«Изъ С.-П.-бурга 3 февраля

1744 году».

¹⁾ По современному переводу, см. *Осьмади. стк.*, I, 20.—²⁾ Ibid., 21.

Описывая своимъ «chers parens» подробности путешествія, княгиня записала о первомъ днѣ пребыванія въ Петербургѣ: «Я обѣдала одна съ дамами и кавалерами, которыхъ Ея Императорское Величество назначила состоять при мнѣ; мнѣ прислуживаютъ, какъ королевѣ. Вечеромъ посѣтили меня дамы. Я играла въ карты и ужинала съ тѣми, которыя были признаны достойными того». На второй день, 4-го февраля, послѣ привѣтствія «священниковъ и монаховъ», цѣлый день было «множество народа». Изъ всѣхъ этихъ представленій и посѣщеній княгиня вынесла очень хорошее впечатлѣніе: «Къ чести русскихъ я должна сказать, что они умные люди. Я вижу старыхъ генераловъ, которые служили и помогали Петру Великому. Не чувствую усталости, слушая ихъ рассказы о своемъ творцѣ, какъ они его называютъ».

Слушаетъ эти рассказы, забывая усталость, слушаетъ, не пропуская ни одного слова, и дочь княгини, принцесса Софія. «Фике переносятъ усталость лучше, чѣмъ я; но слава Богу, мы обѣ здоровы» ¹⁾, извѣщаетъ княгиня своего супруга. То же писала она, между прочимъ, и Фридриху II: «Нужно желѣзное здоровье, чтобы перенести всѣ трудности путешествія и утомленіе придворнаго этикета. Моя дочь счастливѣе меня въ этомъ отношеніи: ее поддерживаетъ молодость. Подобно молодымъ солдатамъ, которые презираютъ опасность, потому что не сознаютъ ея, она наслаждается величіемъ, которое окружаетъ ее» ²⁾. Какимъ образомъ добыто это «величіе», принцесса Софія узнала на второй же день своего пребыванія въ Петербургѣ: ей показывали «мѣсто, откуда императрица отправилась добывать престолъ, знаменитую казарму преобразованнаго полка, изъ которой она взяла первыхъ солдатъ, весь путь, пройденный императрицею» ³⁾. Принцесса Софія видѣла лейбъ-кампанцевъ, возведшихъ Елизавету на престолъ, слышала подробности переворота 25-го ноября 1741 года...

Въ числѣ лицъ, представлявшихъ владѣтельной княгинѣ пербстской, былъ весь дипломатическій корпусъ, неуспѣвшій еще выѣхать въ Москву, но «особенно старательно ѣздили къ ней на поклонъ» прусскій посланникъ баронъ Мардефельдъ и французскій

¹⁾ Figgen southeniert die fatige besser als ich. *Siebigk*, 38.—²⁾ *Siebigk*, 43.—³⁾ *Сборникъ*, VII, 20; *Siebigk*, 34.

дипломатъ маркизь де-ла Шетарди ¹⁾). Они разъяснили княгинѣ, по своему, конечно, положеніе дѣла, но не сказали ничего новаго—они дополнили лишь живыми красками то, что она слышала уже въ Берлинѣ. Для французскаго дипломата важнѣе всего было объяснить княгинѣ враждебное ей лично предложеніе въ супруги русскому великому князю одной изъ принцессъ французской королевской фамилии, и Шетарди увѣряетъ княгиню, что предложеніе французской принцессы было сдѣлано только для отвода постороннихъ глазъ отъ цербстской принцессы, противъ которой и саксонскій, и англійскій дворъ—оба эти двора опасаются, что бракъ великаго князя съ дочерью княгини приведетъ къ тройственному союзу Россіи, Пруссіи и Швеціи. Въ идѣ противодѣйствія этому браку, саксонскому посланнику барону Герсдорфу поручено было предложить саксонскую принцессу Марію-Анну. Этотъ саксонскій проектъ не былъ отклоненъ, и Герсдорфъ былъ убѣжденъ въ успѣхѣ порученнаго ему дѣла, пока императрица, за нѣсколько дней до отъѣзда въ Москву, не объявила о скоромъ приѣздѣ цербстской принцессы ²⁾). Такъ говорилъ Шетарди: вѣрила-ли ему княгиня? Она знала объ участіи Шетарди въ переворотѣ 1741 г., Фридрихъ II называлъ его ей своимъ «приверженцемъ», Марде-

¹⁾ Денеша англійскаго посланника, отъ 11 февраля 1744 г.: M-r de la Chetardie and M-r Mardefeld have been very assiduous in making their court (*Лонд. Архивъ, Russia, № 45*). Изъ всѣхъ иностранныхъ пословъ, бывшихъ тогда въ Петербургѣ, одинъ только англійскій посланникъ Вичъ былъ давно уже знакомъ съ владѣтельной княгиней цербстской. Въ депешѣ отъ 21-го января, онъ самъ сообщаетъ: I have the honour to be acquainted with the Mother since her infancy (*Лонд. Архивъ, ibid.*). Въ самый день приѣзда въ Петербургъ княгиня послала за нимъ, но онъ былъ боленъ и не могъ поэтому видѣть ее. Если Шетарди пишетъ Амело, отъ 21 января 1744 г.: M. Mardefeld et moi qui la connoissons particulièrement l'attendrons ici pour empêcher que personne ne s'en empare pendant l'absence de la Czarine (*Париж. Архивъ, Russie, № 44, ср. Арх. кн. Воронцова, I, 483*), то французъ только хвастаетъ.

²⁾ Изъ письма княгиня къ мужу, отъ 4-го февраля 1744 г.: Allhier habe Alle Auswärtige ministres noch vorgefunden, unter welchen v. Mardefeld und Chetardie mir von verschiedenen Dingen informiert. Des Letztern vermeintes négoce vor einer Madame de France ist nur eine verstellte Karte Gewesen, dass dessain uns betreffend zu bementeln, so die höffe von Sachsen und Engellandt nicht gerne sehen, weilen die Alliance der Keyserin, Preussen und Schweden, so daraus entstehet ihnen redoutable scheinen wollen, u. s. w. *Siebigk, 37.*

фельдъ — «врагомъ» Бестужева, и княгиня съ полнымъ довѣріемъ относилась къ Шетарди, преувеличивая и его вліяніе на Елизавету Петровну, и его значеніе, какъ представителя извѣстной партіи.

Сообщенія Мардефельда дополнили картину. По его словамъ, близость родства принцессы Софіи съ великимъ княземъ явилась довольно серьезнымъ препятствіемъ, тѣмъ болѣе, что противникомъ этого брака былъ архіепископъ новгородской, имѣющей большое вліяніе на императрицу. Это препятствіе было, однако, устранено: архіепископу была предложена тысяча рублей съ обѣщаніемъ утроить взятку (*tripler la dose*), если архіепископъ заявитъ императрицѣ, какъ бы по собственному побужденію, что онъ, старательно перелистовавъ всѣхъ греческихъ отцовъ церкви и извѣсивъ всѣ доводы, ясно увидѣлъ, что этотъ бракъ не противорѣчитъ канонамъ греческой церкви ¹⁾. За архіепископомъ новгородскимъ вы-

¹⁾ *Pol. Corr.* II, 481, 488. Фридрихъ II, въ «*Histoire de mon temps*», глухо, никого не называя, говоритъ, что «не жаждали денегъ» для устраненія препятствія, включавшагося въ близости родства (*Posner*, 304). Прусскій король основалъ свой рассказъ на донесеніяхъ Мардефельда, но словамъ Мардефельда довѣрять нельзя. Новгородскимъ архіепископомъ былъ въ то время Амвросій Юшневичъ, бывший епископъ вологодскій, извѣстный ораторъ и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей, привыкшій угождать сильнымъ, но никогда не толковавшій церковные каноны по звону золота. Такъ какъ дѣдъ великаго князя и дѣдъ цербетской принцессы были родными братьями, другими словами — женихъ и невѣста были троюродными братомъ и сестрой, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что противники этого брака могли выставить подобное родство, какъ препятствіе; но для устраненія этого препятствія вовсе не требовалось созывать синодъ (*Ranke*, III, 126; *Siebigk*, 13; *Schlözer*, 35; *Brückner*, 20; *Дирингъ*, 23); самое же предложеніе синоду подобнаго вопроса, хоть бы и безъ наименованія лицъ, но съ указаніемъ родства, разоблачило бы тайну — кому же въ то время не было извѣстно, кто былъ родной братъ дѣда жениха-великаго князя? Ко всему этому извѣстію Мардефельда мы относимся потому съ недоувѣріемъ и полагаемъ, что въ данномъ случаѣ или онъ былъ обманутъ, или онъ, преувеличивая свои заслуги предъ королемъ, вводилъ его въ заблужденіе. То же указаніе на подкупъ синода, но безъ указанія мотива, встрѣчается и въ депешѣ Шетарди, отъ 15 февраля: Dans le cas où il est essentiel d'être informé de ce qui se passe dans l'intérieur de la Czarine et plus encore de s'aider sûrement de ses préjugés superstitieux en intéressant pour soi son confesseur et les prélats qui composent le synode, ce ne peut jamais être que la nature de la circonstance qui peut décider du plus ou du moins de dépense (*Париж. Архивъ*, Russie, № 44. f. 24; *Арх. кн. Воронцова*, I, 499).

стунилъ противникъ болѣе опасный—вице-канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, взявшій уже взятку съ саксонскаго двора. Чтобъ побѣдить этого противника, необходимо содѣйствіе княгини, которымъ Фридрихъ II обнадежилъ уже своего посланника ¹⁾. «Словомъ—прибавляетъ княгиня въ письмѣ къ мужу—я нашла здѣсь все въ томъ именно положеніи, какъ мы говорили король и Подевилльсъ въ Берлинѣ» ²⁾. Разногласія въ этомъ случаѣ и быть не могло—въ Берлинѣ судили о положеніи дѣла по донесеніямъ того же Мардефельда.

Въ общемъ, картина, нарисованная обоими дипломатами, представлялась далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ. Не только политическая, даже церковная сторона брачнаго вопроса не была еще окончательно рѣшена: если архіепископъ новгородскій только за деньги согласился разрѣшить бракъ, онъ, за большую сумму, можетъ и измѣнить свое мнѣніе; представители многихъ державъ прямо враждебны этому браку, русскій вице-канцлеръ — тоже. Какъ же отнеслась княгиня къ этимъ затрудненіямъ? Какое впечатлѣніе произвели на нее рѣчи Шетарди и Мардефельда? Легкомысленная, *esprit follet*, какъ она себя называла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самоувѣренная до дерзости, княгиня успокаивала и себя, и мужа: «Подобныхъ людей страшиться нечего; но они могутъ причинить великія пакости, если не принять предосторожности» ³⁾.

Какой же предосторожности? Ее указалъ княгинѣ еще Фридрихъ II въ Берлинѣ—необходимо свергнуть Бестужева. Овъ врагъ Пруссіи и уже только по этому противникъ брака великаго князя съ цербстской принцессой, дочерью прусскаго генерала. Падеть Бестужевъ, нетрудно будетъ исполнить и порученіе прусскаго короля—склонить императрицу къ заключенію тройнаго союза Россіи, Пруссіи и Швеціи, даже еще лучше—четвернаго, съ присоединеніемъ Франціи ⁴⁾. Цербстская княгиня, какъ и большинство мелкихъ владѣтельныхъ особъ Германіи въ то время, боготворила Фридриха II, его глазами смотрѣла на политическія дѣла и его

¹⁾ Въ рескриптѣ короля Мардефельду, отъ 14 января 1744 г., черезъ два дня послѣ отъѣзда княгини изъ Берлина: *La princesse Johanne-Elisabeth sera une corde de plus à notre arc pour culbuter Bestuschew. Pol. Corr.* III, 11.

²⁾ *Stebigk*, 38.—³⁾ *Ibid.*—⁴⁾ Дешеша англійскаго посланника *Вича* къ лорду Гаррингтону, отъ 25-го февраля 1744 г. (*Лонд. Архивъ, Russia*, № 45).

желанія принимала за подлежащія исполненію приказанія. Она не сомнѣвалась, что эти желанія благотворны, разъ они высказаны Фридрихомъ II. Къ тому же она не одна, у нея есть друзья въ Москвѣ—тамъ Брюммеръ, правая рука великаго князя, тамъ Лестокъ, всесильный у императрицы. Какъ не успѣть при такихъ условіяхъ?

Съ такою широкою политическою программю, полная надеждъ на успѣхъ, цербетская княгиня съ своею дочерью, въ ночь съ 5-го на 6-е февраля ¹⁾, выѣхала изъ Петербурга. Ихъ сопровождали отъ 20 до 30 саней. «Для насъ повсюду находились готовые смѣны лошадей, пишетъ княгиня. Утренній кофе, обѣды и ужины подавались весьма удобно на почтовыхъ станціяхъ, гдѣ мѣняютъ лошадей. Здѣсь есть путевые дворцы, очень пристойныя, въ которыхъ мы встрѣчали, кромѣ офицеровъ и караула, всевозможныя удобства. Мы ѣхали день и ночь».

Княгиня торопилась—ей хотѣлось прибыть въ Москву не позже 9-го февраля, такъ какъ 10-го былъ день рожденія великаго князя. Между тѣмъ, на второй же день, 7-го февраля, императорскія сани, раскатившись на поворотѣ, ударились объ уголъ избы въ какой-то деревнѣ и сломались—пришлось чинить. Эта остановка, однако, ничему не помѣшала, и уже 9-го февраля, въ 4 часа дня, путники были въ 70 верстахъ отъ Москвы. Этотъ послѣдній уже переѣздъ

¹⁾ Извѣстія, которыя княгиня сообщала родственникамъ о своемъ путешествіи, отличаются извѣстною хвастливостью: какъ женщина довольно пустая, княгиня любила рисоваться. Такъ, она рассказываетъ, будто какіе-то «мелкіе придворные служителя» хотѣли задержать ея отъѣздъ изъ Петербурга; но она во-время узнала объ интригѣ и настояла на своемъ (*Сборникъ*, III, 21). Мы признаемъ этотъ рассказъ за пустой вымыселъ. Княгиня извѣщала уже императрицу, что выѣзжаетъ изъ Петербурга 5-го февраля; всѣ приготовления заранѣе уже были сдѣланы, и камергеръ Нарышкинъ, сторонникъ Брюммера, назначенъ императрицею облегчать цербетскимъ гостямъ переѣздъ—что же значить при этомъ мелкіе придворные служителя? Служителя были орудіемъ въ рукахъ людей, желавшихъ, чтобъ княгиня не поспѣла въ Москву къ 10-го февраля, дню рожденія великаго князя, и тѣмъ огорчила бы императрицу—такъ объясняетъ княгиня. А зачѣмъ же камергеръ Нарышкинъ? Онъ являлся первымъ ответственнымъ лицомъ предъ императрицею за всякое промедленіе и, конечно, прежде княгини устранилъ бы всѣ *prétextes frivoles*.

къ мѣсту назначенія былъ совершенъ въ три часа. Объ немъ княгиня писала своему мужу такія подробности:

«Я встрѣтила здѣсь двухъ курьеровъ отъ Ея Императорскаго Величества; одинъ изъ нихъ передалъ мнѣ письмо г. оберъ-гофмаршала фонъ-Брюннера. Въ этомъ письмѣ, кромѣ заявленнаго въ высшей степени милостиваго петиціи несравненной государыни поскорѣ увидѣть насъ, заключались нѣкоторыя свѣденія относительно нашей одежды ¹⁾. Столъ уже былъ накрытъ, но такъ какъ переодѣванье взяло много времени, то намъ было уже не до ѣды—я не проглотила ни кусочка. Какъ только курьеры были отправлены обратно въ Москву, въ наши сани впрягли 16 лошадей, вмѣсто прежнихъ 10-ти, и мы уже скорѣ летѣли, чѣмъ ѣхали, о чемъ ты можешь составить себѣ понятіе, если я тебѣ скажу, что мы десять добрыхъ нѣмецкихъ миль по дурной дорогѣ проскакали въ три часа. Въ трехъ верстахъ, или въ полумилѣ нѣмецкой, отъ города насъ встрѣтилъ камеръ-юнкеръ Сиверсъ, милостиво привѣтствовалъ отъ имени Ея Императорскаго Величества и великаго князя, и утѣшалъ, что они считаютъ минуты и секунды въ петиціи свидѣться съ нами. Онъ сѣлъ съ нами въ сани и все торопилъ ямщиковъ, Неподалеку отъ дворца, мы опустили верхъ саней» ²⁾.

Въ четвергъ, 9-го февраля, въ 8-мъ часу вечера ³⁾, цербстская принцесса и ея мать подѣхали къ головинскому деревянному дворцу. Придворные чины, лейбъ-компанцы, офицеры гвардіи встрѣтили ихъ «при выходѣ изъ саней» ⁴⁾. Въ сѣняхъ же ихъ встрѣтилъ

¹⁾ Einige Nachricht unsers Anzug wegen... da der umzug nicht ohne Verweylung zugehen können etc. Въ сообщеніи для родныхъ, писанномъ на французскомъ языкѣ, сказано: nous changeâmes de linge (*Сборникъ*, VII, 24). Издатели «Сборника» мѣняютъ *linge* на *ligne* и переводятъ: «мы перешли въ другія сани». Еслибъ на встрѣчу гостей были высланы новыя сани, княгиня не преминула бы упомянуть о такомъ вниманіи. Императорскія сани, въ которыхъ ѣхали цербстскіе гости, были исправлены отъ поврежденій при бѣгшемъ толкѣ, о чемъ, къ тому же, въ Москвѣ ничего и знать не могли; откуда же явятся «другія сани», въ худшемъ случаѣ столь же великолѣпныя, какъ и императорскія?—²⁾ *Siebigk*, 40.—³⁾ Very late in the night. (*London. Archivъ*, Russia, № 45).—⁴⁾ Во французскомъ сообщеніи родственникамъ княгиня встала слѣдующую подробность: «Sa Majesté Imperiale, impatiente de nous voir de pres, s'était avenue dans un petit passage où entourée d'offi-

оберъ-маршалъ Брюммеръ и знаменитый Лестокъ, такъ много потрудившіеся на пользу предложеннаго брака цербстской принцессы. Едва они прошли въ приготовленныя для нихъ комнаты, не успѣли еще снять шубы и дорожные капоры, какъ явился великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, въ сопровожденіи принца гессенъ-гомбургскаго ¹⁾ и нѣсколькихъ придворныхъ дамъ. Его высочество нѣжливѣйшимъ образомъ (*aufs tendreste*) привѣтствовалъ дорогихъ гостей, представилъ принца и заявилъ, что они такъ нетерпѣливо ожидали ихъ, что готовы были ѣхать къ нимъ на встрѣчу. Вскорѣ императрица прислала сказать великому князю, что чѣмъ скорѣе онъ приведетъ къ ней милыхъ гостей, тѣмъ ей будетъ пріятнѣе. Тотчасъ же всѣ отправились во внутренніе покои императрицы.

Елизавета Петровна находилась въ первой пріемной, рядомъ съ опочивальней. Императрица сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу гостей, обняла и поцѣловала ихъ. Княгиня, сдѣлая совѣту Брюммера, поцѣловала руку императрицы и сказала: «Я пріѣхала повергнуть къ стопамъ Вашего Величества чувства живѣйшей признательности за благодѣянія, которыя Вы пливаете на мою семью и новые знаки которыхъ сопровождали каждый шагъ, сдѣланный мною во владѣніяхъ Вашего Величества. У меня нѣтъ другихъ заслугъ, кромѣ того, что я такъ живо чувствую эти благодѣянія, чтобы осмѣлиться просить Вашего покровительства себѣ, остальному моему семейству и той изъ моихъ дочерей, которой Ваше Величество удостоили дозволить сопровождать меня въ поѣздкѣ къ Вашему двору». Елизавета Петровна отвѣчала: «Все, что я сдѣлала, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я желала бы сдѣлать для своей семьи; моя кровь мнѣ не дороже, чѣмъ ваша. Намѣренія мои всегда останутся тѣми же и моя дружба должна цѣниться по своимъ дѣйствіямъ въ пользу всѣхъ васъ» ²⁾. Послѣ обмѣна этихъ первыхъ привѣтствій императрица обняла и поцѣловала принцессу Софію.

Перешли въ опочивальню императрицы. Подали кресла, но раз-

ciers on ne pouvaît la voir, mais nous passions devant elle. (*Сборникъ*, VII, 24). Этой подозрительной подробности нѣтъ въ нѣмецкомъ письмѣ къ мужу.

¹⁾ Лудвигъ-Іоганнъ-Вильгельмъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, 1705—1745, генералъ-фельдмаршалъ русской службы. Онъ былъ женатъ на княгинѣ Трубецкой.—²⁾ *Сборникъ*, VII, 25; Siebigk, 41.

говоръ сталъ до того оживленъ, что никто не садился. Елизавета Петровна долго смотрѣла на княгиню, быстро повернулась и ушла въ сосѣднюю комнату—сходство княгини съ ея покойнымъ братомъ, женихомъ императрицы, взволновало Елизавету Петровну, и она въ другой комнатѣ скрыла слезу отъ любопытныхъ глазъ. Императрица скоро оправилась, пришла опять въ опочивальню и разговоръ продолжался.

Въ «Запискахъ» Штелина, учителя великаго князя, отмѣчено ¹⁾: «Приѣздъ княгини Ангальтъ-Цербстской съ ея дочерью. Восторгъ императрицы».

¹⁾ Штелины, 87.

VII.

Въ «Запискахъ» Штелииа отмѣчено: «Императрица Елизавета первое время была очарована княгинею Ангальтъ-Цербстскою». Это очарованіе высказывалось во всемъ—въ пожалованіяхъ, которыми императрица отачала своихъ цербстскихъ гостей, въ милостяхъ, сыпавшихся на нихъ, въ томъ пріемѣ, который былъ имъ оказанъ.

Не прошло и сутокъ по пріѣздѣ цербстской принцессы и ея матери, какъ императрица пожаловала матери и дочери ордена св. Екатерины. Онѣ были сдѣланы «кавалерственными дамами» 10-го же февраля, въ день рожденія великаго князя, причемъ Елизавета Петровна весьма деликатно отнесла это пожалованіе къ лицу своего наследника, который, по выраженію императрицы, «вчера еще хотѣлъ просить ее объ этомъ, но не посмѣлъ»¹⁾. Это пожалованіе было обставлено большою торжественностію: ордена были принесены двумя дежурными камергерами; статсъ-дамы Воронцова и Чоголова пристегивали булавками ленты; тайный совѣтникъ Лестокъ, какъ старѣйшій изъ кавалеровъ, имѣвшій портретъ императрицы, снялъ съ княгини пожалованный ей еще въ 1742 г. портретъ, который, по уставу, не можетъ быть носимъ вмѣстѣ съ орденомъ.

Бѣдная цербстская княгиня не ожидала ни такихъ отличій, ни подобныхъ пожалованій. Ее ослѣплялъ блескъ и роскошь обстановки, созданной императрицею для цербстской принцессы и ея

¹⁾ Сборникъ, VII, 28; Siebigh, 44.

матери. «Мы живемъ какъ королевы, моя дочь и я. Все въ га-лунахъ, выложено золотомъ, великолѣбно. Когда мы выезжаемъ, то выездъ удивительный» ¹⁾). У нихъ свой дворъ: два камергера, два камеръ-юнкера, четыре камеръ-пажа и множество прислуги. Княгиня въ восторгѣ.

Императрица — самодержица, и императрица видимо на ея сторонѣ. Кто же можетъ помѣшать осуществленію тѣхъ плановъ, которые привели цербстскую княгиню въ Россію? Кто же тѣ, съ которыми или противъ которыхъ княгиня придется дѣйствовать? Ихъ назвала и обрисовала ея же дочь, принцесса Софія, много лѣтъ спустя, когда событія представлялись ей въ болѣе осмысленной формѣ:

«Русскій дворъ, въ то время когда Екатерина съ матерью прибыла въ Москву 9-го февраля 1744 года, раздѣленъ былъ на двѣ большія партіи. Во главѣ первой, начинавшей подниматься послѣ своего униженія, находился вице-канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Его несравненно болѣе боялись, чѣмъ любили; онъ былъ чрезвычайно пронырливъ и подозрителенъ, твердъ и непоколебимъ въ своихъ мнѣніяхъ, довольно деспотиченъ, врагъ неумолимый, но другъ друзей своихъ, которыхъ не покидалъ, пока они сами не измѣняли ему: къ тому же неуживчивъ и часто мелоченъ. Онъ стоялъ во главѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Передъ поѣздкою двора въ Москву онъ потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ приближенными императрицы, но начинать уже поправляться. Онъ былъ на сторонѣ дворовъ вѣнскаго, саксонскаго и англійскаго. Пріѣздъ Екатерины и ея матери вовсе не былъ ему приятенъ: это было дѣло противной ему партіи, устроенное въ тайнѣ отъ него. Число враговъ графа Бестужева было весьма велико, но онъ заставлялъ трепетать всѣхъ ихъ. Онъ превосходилъ ихъ и занимаемымъ мѣстомъ, и своимъ характеромъ, безконечно возвышавшими его надъ политиками лакейской.

«Партія, противная Бестужеву, была за Францію, покровительствуемую ею Швецію и за прусскаго короля. Душею этой партіи былъ маркизъ де-ла Шетарди; главнѣйшими членами — придворные, пріѣхавшіе изъ Голштиніи. Они привлекли къ себѣ Лес-

¹⁾ Сборникъ, VII, 28.

тока, одного изъ главныхъ дѣятелей въ переворотѣ, возведемъ императрицу Елизавету на русскій престолъ. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ императрицы. Онъ былъ ее врачомъ по смерти императрицы Екатерины I, при которой состоялъ; онъ оказалъ важныя услуги матери и дочери; онъ былъ довольно уменъ, ловокъ, хитеръ, но злого нрава и чернаго, дурного сердца. Всѣ эти иностранцы поддерживали и выводили впередъ графа Михаила Воронцова, который участвовалъ въ переворотѣ и сопровождалъ Елизавету въ ту почъ, когда она взошла на престолъ. Елизавета женила его на племянницѣ императрицы Екатерины I, графинѣ Аняѣ Карловнѣ Скавронской, воспитанной вмѣстѣ съ императрицей Елизаветой и весьма ей преданной. Къ этой же партіи примкнулъ графъ Александръ Румянцевъ, заключившій абовскій миръ со Швеціею, почти безъ участія Бестужева. Они рассчитывали еще на генералъ-прокурора кн. Трубецкого, на всю фамилію Трубецкихъ и, слѣдовательно, на принца Гессенъ-Гомбургскаго, женатаго на княжнѣ этого дома. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, очень тогда уважавшійся, самъ по себѣ былъ ничтожествомъ, и уважался по многочисленной семьѣ своей жевы, отецъ и мать которой были еще живы; старуха была въ большемъ почетѣ.

«Остальные приближенные императрицы принадлежали тогда къ фамиліи Шуваловыхъ. Они соперничали съ оберъ-егермейстеромъ Разумовскимъ ¹⁾, который въ то время былъ титулованнымъ фаворитомъ.

«Графъ Бестужевъ умѣлъ пользоваться Шуваловыми, но главною его опорю былъ баронъ Черкасовъ ²⁾, кабинетъ-секретарь императрицы, служившій еще при кабинетѣ Петра I. Это былъ человекъ суровый и упрямый, требовавшій во всемъ порядка и справедливости. Остальные придворные присоединились къ той или другой партіи, смотря по своимъ личнымъ видамъ» ³⁾.

¹⁾ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, 1709—1771, сынъ реэстровскаго казака, уроженецъ села Лемеша, Козельскаго уѣзда Черниговской Губерніи; въ 1744 году возведенъ въ графское достоинство. Пособникъ императрицы при переворотѣ 1741 г.; Елизавета Петровна состояла съ нимъ въ морганатическомъ бракѣ.—²⁾ Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, 1689—1752, одинъ изъ «птенцовъ» Петра I. При Аняѣ Ивановнѣ сосланъ въ Казань и Астрахань; при Елизаветѣ возвращенъ изъ ссылки.—³⁾ *Mémoires*, 7—9.

На первомъ планѣ этой картины, нарисованной рукою мастера, средоточіемъ всѣхъ интригъ при русскомъ дворѣ 1744 года является графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Царедворцы, стоявшіе у трона Елизаветы Петровны, представляли, какъ всегда и вездѣ, довольно пеструю толпу, добровольно отрекшуюся отъ собственной воли, обезличившую себя, ради богатства, почести, власти, которыхъ они не заслуживали ни по уму, ни по трудамъ, ни по образованію. Тутъ были свои, русскіе люди, и чужестранцы, ради выгодъ измѣнившіе своей родинѣ; люди знатные, родившіеся съ Рюрикомъ, и выскочки, непомнившіе родства и нелюбившіе вспоминать о своемъ происхожденіи; тутъ иностранные дипломаты мѣшались съ русскими сановниками, между которыми были и даровитые, и талантливые, но сгубившіе дары Божіи невѣжествомъ и угодливостью. Рядомъ съ графомъ Воронцовымъ и Шуваловымъ—Шубины и Возжинскіе; тутъ ничтожный принцъ Гессенъ-Гомбургскій и братья Панины; тутъ баронъ Черкасовъ и презрѣнный Лестокъ; тутъ маркизъ Шетарди и князь Бѣлосельскій, баронъ Мардефельдъ и графъ Апраксинъ; тутъ Петръ Румянцевъ, князь Трубецкой, Иванъ Талызинъ, князь Куракинъ и англійскій консулъ Вольфъ; тутъ малороссъ Разумовскій, голштинецъ Брюммеръ, не-русскій Грюнштейнъ, тутъ курляндцы, шведы, поляки, масса русскихъ, и надъ всѣми царитъ и властвуетъ подострастіе и низкопоклонство, составляющія единственную ихъ заслугу и наложившія на нихъ свою отверженную печать. И почестей, и власти, и богатства они достигли не услугами отечеству и не пользой родинѣ, но нечистыми средствами и темными путями. У нихъ нѣтъ собственнаго мнѣнія и не было природной чести: своя польза и личная выгода заставляютъ ихъ мѣнять свои убѣжденія и не дорожить честью. Даже въ присутствіи императрицы эта разноязычная и разношерстная толпа угодливо разступалась и невольно преклоняла головы при появленіи графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Тихою, увѣренною поступью, съ приподнятою слѣгка головою, скромно выступалъ онъ въ толпѣ, которая также страшилась и ненавидѣла его какъ онъ презиралъ и не щадила ее. Онъ одинъ изъ всей этой толпы достигъ своего высокаго положенія личнымъ усиленнымъ трудомъ, полученнымъ имъ образованіемъ и честною службою родинѣ; его одного изъ всей этой

смѣси лицъ отличилъ и отмѣтилъ Петръ В., брильянтовый портретъ котораго украшаетъ его грудь. Одинъ онъ, не кривя душою, смѣло высказывалъ свои мнѣнія и Петру I, и его дочери Елизаветѣ Петровнѣ; одинъ онъ имѣлъ право, передъ смертію, начертить свой девизъ: *semper idem*. У него были недостатки, были и пороки—онъ былъ сыномъ вѣка; но у него были и достоинства, которыя ставили его годовою, двумя выше сыновъ того вѣка.

Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину было 15 лѣтъ; когда Петръ I послалъ его, въ 1708 г., за границу учиться. Онъ посѣтилъ Копенгагенъ, жилъ въ Берлинѣ; по окончаніи ученія, онъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, служилъ по дипломатической части: былъ чиновникомъ при русскомъ посольствѣ на утрехтскомъ конгрессѣ и въ Ганноверѣ, камеръ-юнкеромъ въ Лондонѣ, оберъ-камеръ-юнкеромъ въ Митауѣ, посланникомъ въ Копенгагенѣ и Лондонѣ, посломъ въ Гаагѣ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Гамбургѣ. Только въ 1740 г. онъ окончательно поселился въ Россіи и занялъ мѣсто кабинетъ-министра Вольнскаго, безвинно обезглавленнаго. Возведенный въ это высокое званіе Бирономъ, Бестужевъ-Рюминъ палъ вмѣстѣ съ регентомъ: онъ былъ присужденъ къ смертной казни, но правительница, въ память отца, оказавшаго ей важныя услуги, ограничила наказаніе сына отставкою отъ службы. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, императрица Елизавета Петровна осыпала его почестями, назначила генералъ-почтъ-директоромъ, вице-канцлеромъ ¹⁾, позже канцлеромъ.

Ему не было и 50 лѣтъ, когда Елизавета Петровна призвала его къ дѣятельности. Онъ явился при дворѣ императрицы носителемъ традицій ея отца, послѣднимъ «птенцомъ» Петръ В. Долгое пребываніе за границей пошло ему въ прокъ. Это былъ вполнѣ европеецъ, свободно объяснявшійся на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; онъ хорошо зналъ дипломатическую исторію

¹⁾ Онъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ 12-го декабря 1741 г., черезъ двѣ недѣли послѣ переворота. Объ этомъ назначеніи англійскій посланникъ Фичъ, въ депешѣ отъ 5-го еще декабря, писалъ лорду Гаррингтону: *Mr. Bestuchef will be charged with the Foreign Affairs and probably have the character of Vice-Chancellor; indeed they have no other among the eleven (in the High Council) in any degree fit for this post and province (Лонд. Архивъ, Russia, № 38).*

европейскихъ державъ, былъ свѣдущъ въ наукахъ. Въ Килѣ, въ архивѣ голштинскаго герцога, онъ открылъ «Тестаментъ императрицы Екатерины I», которымъ воспользовалась Елизавета Петровна; живя въ Копенгагенѣ, онъ изобрѣлъ «жизненные капли» ¹⁾, разнесшія его имя по всей Европѣ. Онъ лучше говорилъ, чѣмъ писалъ. Его логическою, послѣдовательною рѣчью плѣнился курфюрстъ ганноверскій и, съ разрѣшенія Петра I, взялъ его къ себѣ на службу; ставъ позже англійскимъ королемъ Георгомъ I, онъ послалъ его въ Петербургъ, въ качествѣ англійскаго полномочнаго министра, съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на престолъ. У него былъ чрезвычайно свѣтлый умъ, способный обнять всякую политическую «конъюнктуру», какъ ни была бы она сложна, ясно представить себѣ и другимъ данное положеніе и возможныя его послѣдствія. Онъ, конечно, не родился дипломатомъ, но долгою жизнью въ иностранныхъ миссіяхъ выработалъ изъ себя дипломата. Онъ не любилъ обманывать—предпочиталъ сказываться больнымъ, отмалчиваться; но и его трудно было обойти или обмануть. «За сообщенную мнѣ—пишетъ онъ гр. М. Л. Воронцову—съ письма отъ короля Прусскаго къ вашему сіятельству копію всепокорно благодарствую. Онъ подлинно толь необыкновенно ласкательно или паче сказать уловительно пишетъ, что мнѣ при чтеніи того Итальянская весьма правдивая пословица на умъ пришла, а именно: кто чрезвычайно льститъ и по губамъ мажетъ, тотъ или обманутъ, или обмануть ищетъ» ²⁾. Всякій политическій вопросъ, требовавшій рѣшенія, Бестужевъ старался разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ, обсудить даже побочныя обстоятельства, уяснить ближайшія цѣли и отдаленнѣйшія послѣдствія, и когда послѣ такой работы принималъ извѣстный планъ, то проводилъ его твердою рукою, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, ни для кого не уступая.

¹⁾ Tinctura inervina Bestuschevi. Химикъ Лембке, работавшій у Бестужева въ Копенгагенѣ, продалъ секретъ, и капли стали продаваться подъ названіемъ elixir d'or, elixir de Lanotte. Въ 1748 г. изобрѣтатель самъ передалъ секретъ академику Моделю; Модель, въ 1779 г., открылъ тайну аптекарю Дуропу, а Дуропъ, умирая, аптекарю Винтербергеру. При посредствѣ лейбъ-медика Роджерсона, Екатерина II купила у вдовы Дуропъ и Винтербергеръ секретъ приготовленія капель за 3,000 руб. и обнародовала его *Терещенко*, II, 95.—²⁾ *Држ. кн. Воронцова*, II, 35.

Когда Бестужевъ Рюминъ былъ призванъ управлять иностранными дѣлами, первый серьезный вопросъ, подлежавшій рѣшенію, заключался въ отношеніяхъ Россіи къ австропрусской распрѣ, возникшей изъ-за захвата Фридрихомъ II Силезіи. За кого выскажется Россія—за Австрію или за Пруссію? Кого поддержитъ русское правительство—Марію-Терезію или Фридриха II? Трудный вопросъ для Бестужева-Рюмина: за Австрію стоялъ ненавистный Остерманъ, одно имя котораго раздражаетъ императрицу; императрица находится подъ вліяніемъ Лестока, а Лестокъ проданъ Франціи, союзницѣ Пруссіи, и говоритъ Елизаветѣ Петровнѣ только то, чего желаютъ Шетарди и Мардефельдъ; рѣшительно всё за Пруссію—и гр. Воронцовъ, и принцъ Гессенъ-Гомбургскій, и Брюммеръ. Личный интересъ, личная выгода заставляла Бестужева-Рюмина высказаться за Пруссію и тѣмъ упрочить свое положеніе и служебное, и придворное, и общественное, по крайней мѣрѣ, той среды, въ которой онъ вращался. «Оставляя все до меня персонально касающееся, всякое похлебство, дружбу, ненависть или партикулярную вражду и все, что страстію именоваться можетъ»¹⁾, онъ высказался за Австрію, противъ Пруссіи, убѣдилъ императрицу въ правотѣ своего мнѣнія, навлекъ на себя вражду всѣхъ, но настоялъ на своемъ.

Лица, близко знавшія Бестужева-Рюмина, рисуютъ его неуживчивымъ, мелочнымъ, подозрительнымъ. Конечно, это черты непривлекательныя, и вѣтъ причинъ не довѣрять показаніямъ въ этомъ отношеніи Екатерины II; но государственные дѣятели судятся по ихъ государственнымъ дѣламъ, не по чертамъ ихъ частной, семейной жизни. Гораздо важнѣе обвиненіе его въ продажности, подкупности, даже во взяточничествѣ. По словамъ его личного врага, прусскаго короля Фридриха II, Бестужевъ-Рюминъ «былъ до такой степени продаженъ, что продалъ бы самую императрицу, если бы нашлось у кого довольно денегъ, чтобы заплатить ему за нее»²⁾. Фридриху II, безъ сомнѣнія, было бы очень на-руку, если-бы это была правда—онъ первый подкупилъ бы Бестужева-Рюмина. Онъ этого и домогался всѣми мѣрами, но безуспѣшно: онъ опредѣлялъ на подкупъ русскаго канцлера большія

¹⁾ *Арх. кн. Воронцова*, II, 18. — ²⁾ *Posner*, 192.

суммы, готовъ былъ даже выплатить ту сумму, «какая требуется»¹⁾—ничто не удалось. Екатерина II, такъ вѣрно и такъ безпристрастно охарактеризовавшая Бестужева-Рюмина, утверждаетъ положительно, что онъ былъ неподкупенъ: *jamais on ne le gagna par argent*²⁾. Въ 1747 г., очень нуждаясь въ деньгахъ, онъ занялъ у англійскаго консула 50.000 рублей подъ залогъ своего дома³⁾, хотя, конечно, англійское правительство, нуждавшееся въ 30,000-мъ русскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Лифляндии, готово было бы употребить даже большую сумму на «подкупъ» канцлера⁴⁾.

¹⁾ *Pol. Corr.* XIII, 340, 546, 562.—²⁾ *Храповицкій*, 480.

³⁾ Въ лондонскомъ архивѣ хранится цѣлая переписка по этому поводу. Закладная подписана 21 ноября 1747 г., при чемъ свидѣтелями были: гр. А. Разумовскій, гр. М. Воронцовъ, Ст. Апраксинъ, Ив. Тальзинъ, кн. Бѣлосельскій. Это не была, слѣдовательно, какая-либо фиктивная сдѣлка. Въ перепискѣ, предшествовавшей закладу, упоминается о просьбѣ канцлера ссудить ему сумму на десять лѣтъ, безъ процентовъ. Это послѣднее условіе объясняется всегдашнею готовностью канцлера служить интересамъ англійскаго короля. Канцлеръ и свидѣтели не сомнѣвались, что императрица сама выкупитъ канцлерскій домъ—домъ гр. Остермана, подаренный Елизаветою Петровною Бестужеву-Рюмину и требовавшій ремонта; это нынѣшнее зданіе севата. Было условлено, что когда императрица посѣтитъ вновь отреставрированный домъ и, по обычаю, станетъ пить здоровье «хозяина дома», то графъ Разумовскій скажетъ: «т. е. англійскаго консула Вольфа» и потомъ рассказать о закладѣ, послѣ чего императрица «всекопечно» выдастъ сумму, потребную для выкупа. (*Лондон. Архивъ*, Russia № 54 и 55).

⁴⁾ О подкупности канцлера говорятъ его враги—Фридрихъ II и нѣскіе посланники, особенно Мардефельдъ. Съ ихъ словъ это повторяютъ новѣйшіе нѣмецкіе историки—Германъ, Дройзенъ, Коверъ, Брюкнеръ и др.; за нѣмецкими и наши, русскіе, принимаютъ подкупность елизаветинскаго канцлера за фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Свидѣтельство прусскаго короля и прусскихъ посланниковъ, какъ намъ кажется, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ данномъ случаѣ; тѣмъ болѣе, что и они не указываютъ ни одного факта. Въ прошломъ столѣтіи уплата пенсіоновъ различными дворами, особенно французскимъ, была обычнымъ дѣломъ. До настоящаго времени не доказано, чтобъ Бестужевъ-Рюминъ ради полученія подобной даже пенсіи измѣнилъ интересамъ Россіи. Величайшій изъ русскихъ канцлеровъ не только XVIII ст., надолго подорвавшій силы Пруссіи, заслуживаетъ, кажется, чтобъ къ его памяти относились безъ предвзятой мысли, чтобъ его судили не по отзыву его враговъ, чужестранныхъ министровъ. До чего доходили они въ своихъ отзывахъ о Бестужевѣ, довольно привести одинъ примѣръ: *Son pouvoir est si étendu, qu'on peut l'appeller le grand vizir de ce pays. Son sacar-*

Въ теченіи всей своей государственной дѣятельности, до самой смерти, Бестужевъ-Рюминъ былъ въ политикѣ сторонникомъ «системы Петра В.», какъ онъ говорилъ, т. е. двухъ морскихъ державъ, Англіи и Голландіи, и двухъ континентальныхъ, Австріи и Саксоніи. Онъ ни предъ кѣмъ не скрывалъ своей вражды къ прусскому королю, слишкомъ «захватчивому». Понятно, что и при выборѣ невѣсты для наследника русскаго престола онъ стоялъ за саксонскую принцессу, противъ пербтской, дочери прусскаго генерала.

Съ пріѣздомъ пербтской княгини въ Москву, числ. враговъ Бестужева-Рюмина увеличилось и враги стали значительно смѣлѣе. «Я много рассчитываю на помощь княгини Цербтской»¹⁾, писалъ Фридрихъ II Мардефельду; «мы много отъ помоществованія княгини Цербтской надѣмся»,²⁾ сообщалъ Шетарди министру Амело. Чего хотѣть враги? Прежде всего, низложенія Бестужева-Рюмина и потомъ заключенія тройственнаго союза Россіи, Пруссіи и Швеціи.

Фридрихъ II давно уже понималъ, что будетъ имѣть опасную соперницу въ Россіи, пока иностранными дѣлами руководить Бестужевъ-Рюминъ, человекъ твердый, дѣйствующій по заранѣе выработанной программѣ, министр энергичный, неподдающійся «звеньящимъ прелестямъ». Для устранения Бестужева-Рюмина отъ вліянія на иностранную политику Россіи враги его измышляли одинъ планъ за другимъ и, надо имъ отдать справедливость, много потрудились для осуществленія своихъ козней³⁾. Сперва они хотѣли возвести

tère est un composé si monstrueux des qualités les plus odieuses qu'on ne doit pas craindre de charger le tableau: fourbe, dissimulé, vindicatif, ingrat, rien n'est sacré pour lui lorsqu'il s'agit de parvenir à ses fins. Ce n'est pas un génie supérieur, mais il est consommé dans l'intrigue. *Schlözer*, 64. Не лучше и отзывъ Дальнона въ письмѣ принцу Конти, отъ 4-го января 1746 г.: «Il est foncièrement malhonnête homme; il vent son crédit immense à beaux deniers comptant aux anglais, aux autrichiens et aux saxons sans prétendre cependant s'ôter la liberté de glaner ailleurs (*Париж. Архивъ*, vol. 48, f. 6). Напротивъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ называетъ Бестужева un grand et habile ministre (*Париж. Архивъ*, v: 50) въ письмѣ къ Дальону отъ 29-го окт. 1747 г. Достойный Бестужева отзывъ см. *Marche*, 22 sqq.; недостойный—*Манштейнъ*, 244.

¹⁾ *Pol. Corr.*, III, 18. — ²⁾ *Арх. кн. Воронцова*; I, 506, 540, 552. —

³⁾ Въ перепискѣ маркиза Шетарди, въ *Арх. кн. Воронцова* I, 476, 480, 497, 506, 543, 545, 550, 554, 577, 618; *Pol. Corr.* II, 406, 461, 469; III, 10, 15, 47, 49, 62, 79, 88 sqq.

въ канцлеры генерала Румянцева, который, такимъ образомъ, «будучи по сему рангу главнымъ въ коллегіи (Бестужевъ-Рюминъ былъ въ то время вице-канцлеромъ), для воздержанія господина Бестужева силу въ рукахъ имѣть будетъ»; потомъ было предположено «изъ сей коллегіи совѣтъ или кабинетъ учредить, изъ толкаго довольнаго числа членовъ, чтобы вице-канцлеръ не могъ въ немъ всею силою завладѣть». Послѣ посвященія квягини цербстской въ эту интригу, враги вице-канцлера адались планомъ болѣе рѣшительнымъ: Бестужевъ-Рюминъ будетъ совершенно удаленъ отъ дѣлъ; мѣсто канцлера займетъ Румянцевъ, вице-канцлера—кн. Трубецкой, генералъ-прокуроръ. Такъ какъ задача заключалась въ томъ, чтобы составить такое русское министерство, которое подчинялось бы видамъ Берлина и Парижа, то Мардефельдъ находилъ выборъ кн. Трубецкого довольно неудачнымъ: онъ умѣе Бестужева, смѣлѣе его и, по родству съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, имѣеть большую поддержку при дворѣ, а между тѣмъ своими пороками не уступастъ Бестужеву. Фридрихъ II согласился, что кн. Трубецкой неудобно. Кромѣ названныхъ лицъ, въ этой интригѣ противъ Бестужева-Рюмина принимали дѣятельное участіе: тайный совѣтникъ Лестокъ, гофмаршалъ великаго князя Брюмеръ и «ихъ адгеренты», о которыхъ «еще по нынѣ не свѣдомо». Бестужевъ-Рюминъ находилъ довольно «сильное подкрѣпленіе» въ камергерѣ Воронцовѣ—враги вице-канцлера постановили: камергера Воронцова отпривать въ Парижъ посломъ. Искренно или притворно, но враги вице-канцлера высказывали увѣренность, что «Царица къ Бестужеву никогда конфиденціи не имѣла и имѣть не будетъ»¹⁾.

Вслѣдъ за сверженіемъ Бестужева-Рюмина должно было послѣдовать заключеніе союза между Россіей, Пруссіей и Швеціей²⁾. Враги вице-канцлера предполагали, что только при такомъ союзѣ Елизавета Петровна «могла на престолѣ удержаться», между тѣмъ какъ Бестужевъ «не признаваетъ гдѣ индѣ спасенія, какъ только въ союзѣ между Россією, морскими державами, королевою венгерскою, королемъ Августомъ и ихъ адгерентами». И въ этомъ случаѣ враги Бестужева сильно рассчитывали на помощь цербстской кня-

¹⁾ *Pol. Corr.*, III, 10; *Арх. кн. Воронцова*, I, 476, 536.—²⁾ *Pol. Corr.*, III, 46, 84, 88; *Арх. кн. Воронцова*, I, 484, 501, 506, 564, 566.

гине, такъ какъ «ее сердце уязвлено было всѣми отъ вѣнскаго двора голштинскому дому оказанными поступками». Къ тому же помощь княгини не должна была остаться безкорыстною: въ случаѣ успѣха, Фридрихъ II обѣщаль сдѣлать ея сестру аббатиссою кведлинбургскою ¹⁾.

Княгинѣ Юганнѣ-Елизаветѣ было 32 года, когда она пріѣхала въ Москву. Она не была красавицею, но была весьма привлекательна. Всегда веселая, ко всѣмъ привѣтливая, привыкшая одерживать верхъ въ цербтскомъ муравейникѣ, она, вскорѣ же по пріѣздѣ въ Москву, съ чисто женскимъ легкомысліемъ, принялась выполнять роль, предложенную ей врагами Бестужева. Почти забывая главную цѣль, ради которой она покинула Цербтъ, княгиня заводитъ политическіе разговоры съ императрицей, старается вліять на великаго князя, переговариваетъ съ одними, шепчется съ другими, ведетъ обширную переписку. По плечу-ли, однако, цербтской сплетницѣ такая политическая интрига?

¹⁾ *Pol. Corr.*, III, 79.

VIII.

Принцесса Софія произвела выгодное впечатлѣніе и на императрицу, и на великаго князя. «Наша дочь стяжала полное одобреніе—пишетъ княгиня мужу—императрица ласкаетъ, великій князь любить ее» ¹⁾. Тоже вспоминала позже и Екатерина II: «Великій князь, казалось, былъ радъ моему прїѣзду. Въ первые дни онъ былъ очень предупредителенъ ко мнѣ» ²⁾.

Какое же впечатлѣніе произвелъ великій князь на принцессу Софію?

Не въ сорочкѣ родился голштинскій принцъ Карлъ-Петръ. Въ день его рожденія, 10 (21) февраля 1728 г., Бассевичъ, сообщая въ Петербургъ о разрѣшеніи цесаревны Анны Петровны отъ бремени сыномъ, именно прибавилъ: «здоровымъ, крѣпкимъ» ³⁾. Мертвѣмъ, онъ никогда не былъ ни крѣпкимъ, ни здоровымъ. Мать привѣтствовала его рожденіе грустнымъ предчувствіемъ: «Бѣдный малютка, не на радость ты родился». Спустя три мѣсяца, умерла Анна Петровна, какъ кажется, отъ чахотки; немного спустя—ребенокъ занемогъ ⁴⁾ и съ тѣхъ поръ уже не поправлялся: онъ всегда былъ хилый, болѣзненный. Ему было десять лѣтъ, когда Екатерина II впервые увидѣла его въ Эйтингѣ, въ 1739 г.,

¹⁾ Notre fille trouve grande approbation. La Souveraine la chérit, le successeur l'aime et c'est une affaire faite. Письмо отъ 18-го февраля 1744 г. *Siebigk*, 45. Въ письмѣ *Шетарди* къ Пуссену въ Гамбургъ: «Ея Императорское Величество столько склонности и любви къ принцессѣ Цербской имѣетъ, сколько великій князь любезности къ ней чувствуетъ» (*Арх. кн. Вороницова*, I, 522).— ²⁾ *Mémoires*, 9.— ³⁾ *Госуд. Архивъ*, II, № 66.— ⁴⁾ *Сборникъ*, I, 203.

и онъ произвелъ на нее впечатлѣніе ребенка слабого, болѣзненнаго. Въ январѣ 1742 г., когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ былъ «блѣденъ и, повидимому, слабого здоровья» ¹⁾; въ апрѣлѣ же онъ захворалъ ²⁾. Осенью 1743 года, мѣсяца за три до пріѣзда принцессы Софіи въ Москву, онъ опасно заболѣлъ перемежающеюся лихорадкою и едва не умеръ ³⁾. Его учитель Штелинь передаетъ слѣдующія подробности объ этой болѣзни:

«12 октября. Замѣчена необыкновенная слабость въ его высочествѣ; поэтому я разспросилъ его и узналъ, что онъ не имѣетъ сна и почти аппетита и чувствуетъ часто наклонность къ обмороку. По пульсу я нашелъ, что это имѣетъ основаніе. Пріѣхалъ его голштинскій лейбъ-медикъ Струве и прописалъ его высочеству капли. Спустя нѣсколько дней, во время занятій моихъ съ его высочествомъ, онъ совершенно ослабѣлъ и почти безъ чувствъ упалъ на руки ко мнѣ и сказалъ: «Я право больше не могу». Я сказалъ объ этомъ придворному врачу императрицы Боергаве, который немедленно пріѣхалъ къ великому князю вмѣстѣ съ врачомъ Сушѣ. Пришла Ея Величество и поручила обоимъ врачамъ позаботиться объ его высочествѣ. Великій князь долженъ былъ лечь и тогда, доселѣ скрытная, лихорадка обратилась въ изнурительную. Въ концѣ октября его высочество не подавалъ никакой надежды на выздоровленіе. Онъ ослабѣлъ до крайности и потерялъ охоту ко всему, что нравилось ему во время болѣзни, даже къ музыкѣ. Когда однажды, въ субботу, послѣ обѣда, въ передней его высочества играла музыка и кастратъ пѣлъ его любимую арію, онъ

¹⁾ Штелинь, 72.

²⁾ The Duke of Holstein has been very ill of the measles, but His Highness is in a fair way to recovery. The air of Moscow does not agree with him. Делема Оланда лорду Гаррингтону отъ 17 апрѣля 1742 г. *Лондон. Архивъ, Russia, № 60.*

³⁾ The Great Duke is very ill of a fever accompanied with a looseness. As his Imperial Highness has not the most robust constitution, his sickness may be attended with very bad consequences. and if he should happen to dye, you will easily imagine what alteration and confusion such an unexpected accident will occasion at this court. If you does not hear from me next post, it is a certain sign that his Highness is in great danger or dead, und that the posts are stopped. Делема Вича Гаррингтону отъ 8 ноября 1743 г. Но уже отъ 12 ноября онъ доноситъ: His Highness is at present out of danger *Лонд. Архивъ, Russia, № 44.*

сказалъ едва слышнымъ голосомъ: «Скоро-ли перестанутъ играть?» Это насъ испугало и докторъ Боергаве воскликнулъ: «Ахъ, Господи! Это дурной знакъ». Около вечера всѣ потеряли надежду. Великій князь лежалъ съ полуугасшими глазами и едва хрипѣлъ. Ея Величество скорѣе прибѣжала, чѣмъ пришла при этомъ извѣстїи. Она залилась слезами и ее съ трудомъ оттащили отъ постели великаго князя. Около полуночи, когда болѣе нечего было дѣлать и надѣяться, я отправился къ Боергаве, въ его квартиру, по близости, гдѣ онъ просилъ меня остаться, пока къ утру придетъ извѣстїе о кризисѣ или о смерти. Каждые полчаса приходилъ камеръ-лакей съ рапортомъ отъ придворнаго хирурга Гюона (Gugon). Все извѣщали, что великій князь лежитъ по прежнему безъ движенія. Около 5 часовъ утра камеръ-лакей объявилъ, что на лбу у великаго князя показался крупный потъ. При этомъ извѣстїи Боергаве всвочилъ со стула и сказалъ: «Taut aus Gott danken, de groot-virst sal geseel» ¹⁾). Мы отправились къ великому князю. Съ этого дня началось выздоровленіе. Въ половинѣ ноября великій князь всталъ съ постели; но почти до половины декабря не выходилъ изъ комнаты ²⁾).

Больныхъ дѣтей надо лечить, а не учить. Плохо шло ученіе и великаго князя. Въ журналѣ занятій, при отиѣткѣ «слабило», не было уроковъ въ теченіе всего дня. Вѣроятно, вслѣдствіе болѣзненности, ученіе никогда не шло правильно.

До семи лѣтъ ребенокъ былъ на попеченія женщинъ, которыя учили его французскому языку; позже у него былъ учитель французскаго языка Миле. Въ 1735 г. принца передали на руки нѣсколькимъ офицерамъ герцогской гвардіи: его стали учить ружейнымъ приѣмамъ, маршировкѣ; онъ былъ сдѣланъ унтеръ-офицеромъ, ходилъ на дежурство, пристрастился къ военщинѣ, бредилъ солдатчиной. Когда въ Килѣ производился разводъ или парадъ, всякое ученіе прекращалось: принцъ бросался къ окну и до конца парада любовался солдатами. Въ видѣ наказанія, за дурное поведеніе, завѣшивали нижнюю половину оконъ, такъ чтобы принцъ не могъ видѣть солдатъ. Къ несчастью, «l'enfant de Kiel», какъ называли

¹⁾ Возблагодаримъ Господа—великій князь выздоровѣеть.— ²⁾ Штелингъ, 84—86.

принца при московскомъ дворѣ, былъ претендентомъ двухъ коронъ—русской и шведской; поэтому его обучали то русскому, то шведскому языку, смотря по тому, гдѣ предвидѣлась большая надежда на успѣхъ; въ результатѣ оказалось, что принцъ не зпалъ ни того, ни другого языка ¹⁾. Точно также и уроки закона Божія ему преподавалъ и придворный пасторъ Хоземанъ, и іеромонахъ греческой церкви, бывшей при кильскомъ дворѣ во время герцогини Анны Петровны ²⁾. Въ Килѣ же принца начали учить латинскому языку, на которомъ его отецъ объяснялся совершенно свободно, но, кромѣ отвращенія къ латыни, изъ этихъ уроковъ ничего не вышло, не смотря на всѣ старанія ректора кильской латинской школы.

Въ Петербургѣ даже и императрица удивилась, что герцога ничему не учили въ Голштиніи ³⁾. Прежде всего, обращено было вниманіе на русскій языкъ. Кильскіе уроки легаціонера Рихарда пропали даромъ; столь же мало успѣшны были и уроки Исаака Веселовскаго. Болѣе всего принесли пользы занятія съ Симономъ Тодорскимъ, который, кромѣ русскаго языка, преподавалъ и Законъ Божій. Въ результатѣ все-таки оказалось, что «помысломъ касательно вѣры онъ былъ болѣе протестантъ, чѣмъ русскій» ⁴⁾. Къ нему былъ назначенъ и особый инструкторъ. Елизавета Петровна, поручая заботу о его образованіи академику Штелину, сказала племяннику: «я вижу, что его высочество часто скучаетъ, и долженъ еще научиться многому хорошему, и потому приставляю къ нему человѣка, который займетъ его полезно и пріятно». Кто такой Штелиня?

Саксонецъ, выписанный въ 1735 г въ академію, гдѣ состоялъ ординарнымъ профессоромъ элоквенціи и поэзіи. По требованію

¹⁾ Недавно напечатаны «Краткіе вѣдомости» путешествія Елизаветы Петровны въ Кронштадтъ, написанныя великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ на нѣмецкомъ языкѣ и имъ же переведенныя на русское». Несмотря на то, что вѣдомости составлены въ маѣ 1743 г., когда авторъ былъ уже объявленъ наследникомъ русскаго престола и болѣе года жилъ въ Россіи, въ нихъ видно весьма слабое знаніе русской грамоты. Онъ пишетъ, напр., что императрица изволила «адевшия въ мушскомъ платѣ ехать верхомъ въ Чарско сѣло» (*Истор. Вѣстн.*, XXXI, 252). — ²⁾ *Helbig*, Biographie, I, 20—21; *Штелиня*, 70. — ³⁾ *Штелиня*, 74; *Helbig*, I, 33. — ⁴⁾ *Сборникъ*, VI, 464; *Штелиня*, 111; *Болотовъ*, II, 127; *Mémoires*, 10.

«слѣдственной о академіи наукъ комиссіи» онъ представилъ подробный перечень своихъ трудовъ ¹⁾, ярко рисующій и Штелина, и академию того времени. За что только не брался и чего не дѣлалъ саксонецъ-академикъ! Въ академической аудиторіи онъ читалъ русскимъ и нѣмецкимъ студентамъ публичныя лекціи (publica): литературную исторію о элоквенціи и ораторіи, реторику, о правахъ естественныхъ, критику, нравоучительную науку; приватно же (privata) училъ нѣмецкому штилю, первымъ началамъ собранной философіи Готшеда, сокращенной Вольфовой логикѣ и пр. По порученію академіи, сочинялъ поздравительныя вирши на всякіе случаи—на новый годъ и коронацію, на дни рожденія, побѣды, мирныя заключенія, издавалъ описаніе иллюминацій и фейерверковъ, составлялъ виньетки къ книгамъ и ландкартамъ, работалъ въ кунтскамерѣ, приводилъ въ порядокъ библіотеку и т. п. По требованію двора, выдумывалъ медали на побѣды надъ татарами, на смерть Анны Ивановны и на восшествіе Елизаветы Петровны; описалъ катафалкъ въ крѣпостной церкви при погребеніи Анны Ивановны, переводилъ комедіи и интермедіи съ итальянскаго на нѣмецкій, переводилъ «отчасти простымъ штилемъ, а отчасти виршами» итальянскія оперы, описывалъ картины въ Петергофѣ, велъ придворный журналъ, устраивалъ оперный залъ въ Москвѣ, управлялъ музыкантскимъ хоромъ, сочинялъ эмблемы къ фейерверку и т. п. Этому-то Штелину поручено было «обучать великаго князя надлежащимъ наукамъ». Екатерина II застала Штелина, видѣла какъ онъ обучалъ великаго князя и признала въ немъ не столько наставника, какъ «шута горохового» ²⁾. Ставъ императрицей, она тотчасъ же повелѣла «быть ему при одной профессорской должности» ³⁾.

Три года занимался Штелинъ съ своимъ ученикомъ. Приноравливаясь къ «склонностямъ и вкусамъ» ученика, онъ разсматривалъ съ нимъ книги съ картинками, дѣлалъ математическія модели, по старымъ монетамъ рассказывалъ древнюю русскую исторію, а по медалямъ Петра I—новѣйшую, разсматривалъ планъ комнатъ ученика. Когда ученикъ не хотѣлъ сидѣть, учитель ходилъ съ

¹⁾ *Чтенія*, 1886, IV, смѣсь, 119. — ²⁾ *Mémoires*, 6.

³⁾ *Архивъ Сената*, кн. 106, л. 241.

нимъ по комнатѣ, занимая его «полезнымъ разговоромъ». По сознанию самого Штелина, «первые полгода, во время пребыванія въ Москвѣ, прошли болѣе въ приготовленіи къ ученію, чѣмъ въ настоящемъ ученіи». Въ Петербургѣ ученіе великаго князя «пошло серьезно»: проходили по глобусу математическую географію, изучали исторію сосѣднихъ государствъ, объясняли «положеніе текущихъ государственныхъ дѣлъ», фортификацію и артиллерію. «Для узнанія укрѣпленій русскаго государства, великій князь получилъ отъ фельдцейхмейстера принца Гессенъ-Гомбургскаго большую тайную книгу, подъ названіемъ «Сила имперіи», въ которой были изображены всѣ укрѣпленія отъ Риги до китайскихъ границъ, въ планѣ и профиляхъ» ¹⁾. По вечерамъ разсматривали различныя книги, «особенно же такія, въ которыхъ были поучительныя картины», инструменты, модели изъ кушткамеры, «съ объясненіемъ посредствомъ разговора». Въ своемъ отчетѣ «объ учебныхъ занятіяхъ», хвастливый Штелинъ не удовольствовался цѣлою табличкою съ номенклатурою различныхъ предметовъ, пройденныхъ съ великимъ княземъ, и прибавилъ указанія, по которымъ легко судить какъ изучались предметы. Вотъ выдержка изъ этихъ указаній: «Старались извлечь пользу изъ каждаго случая, какъ, напримѣръ, на *охотѣ* просматривали книги объ охотѣ съ картинками; при *плавонахъ* объяснены мифологическіе метаморфозы; при *кукольныхъ* машинахъ объясненъ механизмъ и всѣ уловки фокусниковъ; при *пожарѣ* показаны всѣ орудія и ихъ композиціи; при *министерскихъ аудіенціяхъ* объяснено церемоніальное право дворовъ на *прогулку по городу* показано устройство полиціи, въ особенности пожарной» ²⁾ и т. п. Очевидно: это были не уроки, а своего рода развлечения, при чемъ даже не старались приучить къ труду, тѣмъ менѣе къ самостоятельнымъ занятіямъ. Его не пріохотили даже къ чтенію книгъ—онъ не любилъ читать и никогда ничего не читалъ.

Какъ въ Килѣ, такъ и въ Петербургѣ обращали преимущественное вниманіе на танцы. Въ Голштиніи его заставляли «играть въ кадрилию» съ дочерью г-жи Брокдорфъ, такъ что рсбевокъ говаривалъ: «я увѣренъ, что они хотятъ сдѣлать меня

¹⁾ Штелинъ, 79. — ²⁾ Штелинъ, 115.

профессоромъ кадрили, а другого ничего мнѣ знать не надобно»; въ Россіи ему надоѣдали уроками французскаго танцмейстера Лоде, ради угожденія Елизаветѣ Петровнѣ: «Сама императрица, говоритъ Штелинь, была отличная и прекраснѣйшая танцовщица изъ всего двора. Всѣ старались хорошо танцовать, поэтому и принцъ долженъ былъ выправлять свои ноги, хотя онъ и не имѣлъ къ тому охоты. Четыре раза въ недѣлю мучилъ его этотъ Лоде, и если онъ послѣ обѣда являлся съ своимъ скрипачемъ Гайя, то его высочество долженъ былъ бросать все и идти танцовать. Это доходило до балетовъ. Принцъ долженъ былъ съ фрейлинами танцовать на придворныхъ маскерадахъ».

Такъ учили Петра Федоровича; какъ его воспитывали?

Ему не было и трехъ мѣсяцевъ, когда умерла мать. Отецъ не обращалъ вниманія на сына: молодой, 28-лѣтній вдовецъ, и при жизни жены не отличавшійся особеннымъ пристрастіемъ къ семейному очагу ¹⁾, онъ теперь всецѣло посвятилъ себя казармѣ, проводя все время въ выправкѣ солдатъ. Единственно, что онъ передалъ сыну, была «несчастная страсть къ военщинѣ» ²⁾. По рассказамъ Петра Федоровича, «замѣчательнѣйшій день въ его жизни былъ для него тотъ, въ который, на девятомъ году возраста, онъ произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ въ секундъ-лейтенанты. Тогда при дворѣ съ возможною пышностью праздновали день рожденія герцога и былъ большой обѣдъ. Маленькій принцъ въ чинѣ сержанта стоялъ на часахъ вмѣстѣ съ другимъ взрослымъ сержантомъ, у дверей въ столовую залу. Такъ какъ онъ на этотъ разъ долженъ былъ смотрѣть на обѣдъ, въ которомъ обыкновенно участвовалъ, то у него часто текли слюнки. Герцогъ глядѣлъ на него смѣясь и указывалъ нѣкоторымъ изъ сидѣвшихъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда подали второе блюдо, онъ велѣлъ смѣнить маленькаго унтеръ-офицера, поздравилъ его лейтенантомъ и позволилъ

¹⁾ Герцогиня Анна Петровна писала изъ Кіля цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ: «Доношу вамъ, что герцогъ да Маврушка извѣщались: ни одного дня дома не сидятъ, все водной каретѣ ѣздятъ либо въ гости, или въ комедію» (*Госуд. Архивъ*, IV, 18; *Соловьевъ*, XIX, 373, 43). *Маврушка* т. е. Мавра Егоровна Шепелева. О письмахъ ея къ Елизаветѣ Петровнѣ см. выше, стр. 14, прим. 1. — ²⁾ *Die unglückliche militärische Neigung. Helbig*, I, 21.

ему занять мѣсто за столомъ, по его новому чину. Въ радости отъ такого неожиданнаго повышенія онъ почти ничего не могъ сѣть»¹⁾.

Это было въ 1738 г.: въ 1739-мъ умерь отецъ. Опекуномъ принца и администраторомъ Голштиніи сталъ дядя герцога, принцъ Адольфъ-Фридрихъ голштейнъ-готторпскій, родной братъ матери Екатерины II. Подобно отцу, и дядя нисколько не заботился о воспитаніи малолѣтнаго герцога. Онъ поручилъ его оберъ-гофмаршалу Брюммеру²⁾. Трудно было сдѣлать болѣе неудачный выборъ. Это былъ злой интриганъ, круглый невѣжда и безстыдный развратникъ, находившійся подъ башмакомъ у нѣкоей г-жи Брокдорфъ, игравшей извѣстную роль въ голштинской администраціи. Какъ кавалеристъ, онъ славился своею верховою ѣздою, и французскій учитель Миле говоритъ, что Брюммеръ способенъ выѣзжать лошадей, а не воспитывать принца. Брюммеръ даже не присутствовалъ при урокахъ герцога, находя, что за то ничтожное вознагражденіе, которое онъ получаетъ, нельзя и требовать, чтобы онъ, подобно воспитателямъ другихъ принцевъ, посвящая герцогу столько времени. Его вліяніе на юнаго герцога было чрезвычайно вредно и въ физическомъ, и въ моральномъ отношеніи. Это сознавали всѣ, видѣвшіе плоды воспитательныхъ заботъ Брюммера, и, не зная, чѣмъ объяснить вліяніе Брюммера не только на своего воспитанника, но позднѣе и на императрицу, прибѣгали къ вздорнымъ сплетнямъ³⁾.

¹⁾ Штелинь, 69. — ²⁾ И оберъ-камергеру Бергхольцу, но лишь номинально, и Бергхольцъ не принималъ никакого участія въ воспитаніи принца. Это тотъ Фридрихъ Вильгельмъ Бергхольцъ, 1699 — 1766, который составилъ «Дневникъ», представляющій весьма важный матеріалъ для русской исторіи съ 1721 по 1725 г. Дневникъ изданъ *Büsching*, XIX—XXII; переведенъ на русскій языкъ Аммономъ въ Москвѣ, въ 1863 г.

³⁾ Parmi les ministres il y en a deux qui ont toute la direction et tout le crédit auprès de la Czarine et qui gouvernent presque despotiquement toutes les affaires du Duc: le premier, qui s'appelle Brummer, est le père du jeune Duc, et à présent du nombre des favoris de la Czarine, après l'avoir été de la soeur aînée, Duchesse de Holstein et mère du jeune Duc, dont il est actuellement le gouverneur et comme le dictateur pour toute la conduite de cette petite cour. Il avait été recommandé en termes peu communs par la mère du Duc à la Czarine d'aujourd'hui; le second s'appelle Holmes etc. Дешеша Дальнона отъ 6 ноября 1742 года. (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 41, f. 273*): О близкихъ отношеніяхъ Брюммера къ Аннѣ Петровнѣ упоминаеть и Герддорфъ въ депешѣ отъ 30 марта 1742 года (*Herrmann, Hof, 286*).

Принцъ Карлъ-Петръ былъ ребенокъ хилый, болѣзненный. Между тѣмъ, по прихоти Брюммера, «ребенокъ часто долженъ былъ дожидаться кушанья до двухъ часовъ пополудни, и съ голоду охотно ѣлъ сухой хлѣбъ, а когда пріѣдетъ Брюмеръ и получитъ дурные отзывы учителей, то начинаетъ грозить строгими наказаніями послѣ обѣда, отъ чего ребенокъ сидѣлъ за столомъ ни живъ, ни мертвъ, и оттого послѣ обѣда подвергался головной боли и рвотѣ желчью» ¹⁾. Въ видѣ наказанія, слабого ребенка оставляли безъ обѣда. Незадолго до отъѣзда въ Россію, въ то время какъ придворные кавалеры обѣдали молодой герцогъ, съ нарисованнымъ осломъ на шеѣ и съ розгою въ рукахъ, смотрѣлъ на обѣдъ изъ своей спальни, двери въ которую были отворены. Другія наказанія были не лучше и дурно вліяли на физическій ростъ ребенка—стояніе голыми колѣнями на горохѣ, такъ что «колѣни краснѣли и распухали» ²⁾, привязываніе къ столу, сѣченіе розгами и хлыстомъ. Въ то время какъ маленькая Фике рѣзвилась съ своими сверстницами въ городскомъ саду Штетина, ея будущаго супруга держали точно за карауломъ, такъ что и въ прекрасную лѣтнюю погоду едва позволяли имѣть движеніе на свѣжемъ воздухѣ, а вмѣсто того заставляли бывать два раза въ недѣлю на вечерахъ съ шести часовъ; въ лѣтніе же дни, вмѣсто прогулокъ, заставляли играть въ кадрилию съ дочерью г-жи Брокдорфъ. День былъ распределенъ такъ: до 6-ти часовъ принца заставляли учиться, отъ 6-ти до 8-ми - играть въ кадрилию, въ 8 ч. вечера ужинать и послѣ ужина спать ³⁾.

На физическое развитіе ребенка не обращали никакого вниманія, даже вредили ему ⁴⁾. То же, къ сожалѣнію, должно сказать

¹⁾ Соловьевъ, XXII, 86. — ²⁾ Штетинъ, 69. — ³⁾ Соловьевъ, XXII, 86.

⁴⁾ Русскій посланникъ при датскомъ дворѣ Корфъ привезъ изъ Кіева, въ 1745 г., записку неизвѣстнаго лица о дурномъ воспитаніи принца въ Голштиніи. Въ запискѣ этой, составленной врагомъ Брюмера, много чрезвычайно важныхъ указаній, но есть, безъ сомнѣнія, и преувеличенія. Запискою можно пользоваться лишь съ большою осторожностію. Въ ней, напр., совершенно вѣрно замѣчено, что Брюмеръ «не питалъ къ принцу ни малѣйшей любви», но это подтверждается болѣе чѣмъ сомнительнымъ обращеніемъ его къ воспитаннику въ слѣдующихъ словахъ: «Я васъ такъ велю сѣчь, что собаки кровливать будутъ; какъ бы я былъ радъ, еслибъ вы сейчасъ же издохли». Къ числу совершенно невѣроятныхъ разсказовъ мы отнесимъ и слѣдующій: «Од-
*»

и относительно морального: съ нимъ обращались грубо, унижали его, подавляли въ немъ чувство собственнаго достоинства, раздражали его и, что хуже всего, съ нимъ поступали несправедливо.

Когда принцу было не болѣе 10—11-ти лѣтъ, его заставляли держать себя взрослымъ человѣкомъ, для чего его стѣсняли и принуждали казаться больше своихъ лѣтъ. Эта постоянная принужденность, фальшивость имѣла вліяніе и на его характеръ ¹⁾. Его нерѣдко оскорбляли совершенно безвинно. Сохранился такой рассказъ: «Молодой человѣкъ, по имени Тиренъ, родственникъ г-жи Брокдорфъ, напился пьянъ во время ярмарки. Юный герцогъ, найдя знаки его пьянства въ ассамблейной залѣ, сказалъ его родственницѣ, фрейлинѣ Блюменъ, дочери Брокдорфъ, чтобы она уговорила Тирена уйти домой. Фрейлива отвѣчала герцогу, что онъ не смѣетъ ей приказывать, не смѣетъ ни кого высылать вонъ—все это принадлежитъ оберъ-гофмаршалу, которому она и будетъ жаловаться. Молодой герцогъ обратился къ одной знатной дамѣ, г-жѣ Боркгорстъ, съ просьбою сходить къ г-жѣ Брокдорфъ и потребовать, чтобы она сдѣлала выговоръ своей дочери, а въ случаѣ несогласія сказать ей, чтобы она и дочь ея впредь не являлись при дворѣ. Боркгорстъ исполнила порученіе, но Брокдорфъ, вмѣсто выговора своей дочери, пожаловалась Брюммеру и тотъ приговорилъ наказать молодого герцога хлыстомъ, а послѣ наказанія заставить его просить прощенія у г-жи Брокдорфъ» ²⁾.

Даже и въ Россіи, уже съ великимъ княземъ, Брюммеръ обращался «большею частью презрительно и деспотически. Отъ этого часто между ними происходили сильныя стычки. Великій князь, защищая себя противъ его, иногда несправедливыхъ и неприличныхъ, выговоровъ, привыкъ къ искусству ловко возражать и къ

нажды въ ассамблеѣ, когда герцогъ разговаривалъ съ камергеромъ Брокдорфомъ, невольнo какимъ образомъ подкатилось къ его ногамъ яблоко. Герцогъ, большой охотникъ до фруктовъ, взялъ яблоко и положилъ въ карманъ. Брокдорфу яблоко показалось подозрительнымъ и онъ почти силою вынулъ его изъ кармана герцога. Яблоко разрѣзали—оно оказалось чернымъ внутри; дали его съѣсть свиньямъ—свиньи издохли. Ясно, что отравы, но Брюммеръ постарался затушить это дѣло» *Соловьевъ*, XXII, 88; *Брикнеръ*, 23; *Marche*, 4, 5; *Ruilhière*, 17, отзывается съ похвалою о воспитателяхъ великаго князя, не называя Брюммера.

¹⁾ *Mémoires*, 5. — ²⁾ *Соловьевъ*, XXII, 88.

вспыльчивости». Въ настоящее время трудно повѣрить, до чего обострились отношенія между воспитателемъ и воспитанникомъ. Приведемъ сцену, бывшую въ Петергофѣ, въ 1744 году, въ присутствіи оберъ-камергера Бергхольца и профессора Штелина:

«Однажды ссора дошла до того, что Брюмеръ вскочилъ и, сжавъ кулаки, бросился къ великому князю, чтобы его ударить. Профессоръ Штелипъ бросился между ними съ простертыми руками и отстранилъ ударъ, а великій князь упалъ на софу, но тотчасъ опять вскочилъ и побѣжалъ къ окну, чтобы позвать на помощь гренадеровъ гвардіи, стоящихъ на часахъ. Профессоръ удержалъ его и представилъ великому князю всѣ неприятели, которые могутъ отъ этого произойти; но г. оберъ-гофмаршалу, который, въ своемъ бѣшенствѣ, стоялъ, совершенно пораженный, профессоръ сказалъ: «Поздравляю ваше сіятельство, что вы не нанесли удара его высочеству, и что крикъ его не раздался изъ окна. Я не желалъ бы быть свидѣтелемъ, какъ бьютъ великаго князя, объявленнаго наслѣдникомъ російскаго престола». Между тѣмъ его высочество убѣжалъ въ свою спальню, возвратился оттуда со шпагою въ рукѣ и сказалъ оберъ-гофмаршалу: «Эта ваша выходка должна быть послѣднею: въ первый разъ, какъ только вы осмѣлитесь поднять на меня руку, я васъ проколю насквозь вотъ этою шпагою. Замѣйте это себѣ, и скажите, если угодно, ея величеству, а не то — я самъ скажу». Ни графъ Брюмеръ, ни оберъ-камергеръ Бергхольцъ не сказали ни слова. Профессоръ постарался успокоить его высочество, и получилъ отъ него обѣщаніе забыть все это происшествіе, и никому объ немъ не говорить»¹⁾.

Не трудно было предвидѣть, какіе получатся результаты отъ подобнаго воспитанія. Всегда находившійся въ раздраженномъ состояніи, принужденный постоянно казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, стѣсненный на каждомъ шагу, Петръ Федоровичъ, отъ природы

¹⁾ Штелипъ, 81. Въ депешѣ саксонскаго резидента *Пецольда*, отъ 15 декабря 1742 г., разсказывается, между прочимъ, будто еще въ Кляѣ прицадъ угрожалъ пустить Брюмеру пулю въ лобъ (*Сборникъ*, VI, 465). Это извѣстіе не заслуживаетъ, конечно, довѣрія, такъ какъ Петръ Федоровичъ только въ Россіи научился стрѣлять (*Штелипъ*, 80) и объ угрозѣ пудею ничего не разсказывалъ Штелину; но оно рисуеътъ взглядъ современниковъ на отношенія герцога къ Брюмеру.

слабый здоровьемъ, не вынесъ такой пытки: онъ сталъ вспылчивъ, фальшивъ, любилъ хвастать, пріучился лгать. «Онъ часто рассказывалъ, что, будучи лейтенантомъ, онъ съ отрядомъ голштинцевъ разбилъ отрядъ датчанъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Объ этомъ событіи, прибавляетъ Штелинъ, не могъ рассказать мнѣ ни одинъ изъ голштинцевъ, которые находились при немъ съ малолѣтства» ¹⁾). Самъ рассказчикъ вѣрилъ своей выдумкѣ, варьировалъ ее на всѣ лады. Екатерина II тоже слышала этотъ рассказъ, но въ слѣдующей обстановкѣ: «Первая ложь, выдуманная великимъ княземъ, была составлена ради хвастовства передъ молодыми дамами и дѣвицами, которымъ онъ, рассчитывая на ихъ незнаніе, рассказывалъ, будто бы отецъ поручилъ ему начальство надъ гвардейскимъ отрядомъ и послалъ его овладѣть таборомъ цыганъ, бродившихъ вокругъ Киля и совершавшихъ, какъ онъ говорилъ, страшныя опустошенія. Онъ передавалъ подробности этихъ опустошеній, рассказывалъ какія онъ употреблялъ хитрости, чтобъ окружить цыганъ, какъ онъ вступалъ нѣсколько разъ съ ними въ бой, какія чудеса ловкости и храбрости онъ выказывалъ въ этихъ битвахъ, послѣ чего онъ плѣнилъ ихъ и привелъ въ Киль. Сперва онъ былъ остороженъ на столько, что рассказывалъ все это только людямъ незнакомымъ съ его прошлымъ; но, мало по малу становясь смѣлѣе, онъ началъ рассказывать это всѣмъ, на скромность которыхъ могъ положиться, что они не изоблачатъ его во лжи. Когда же онъ рассказалъ эту басню въ моемъ присутствіи, я спросила его: за сколько лѣтъ до смерти отца это случилось? Не задумываясь, онъ отвѣчалъ: «Года за три или за четыре». — «Ну, сказала я, молодымъ же начали вы совершать геройскіе подвиги: за три или за четыре года до смерти вашего отца-герцога, вамъ было всего шесть или семь лѣтъ, такъ какъ по его смерти вы остались одиннадцати лѣтъ, подъ опекою моего дяди, наследнаго принца шведскаго. И что меня особенно удивляетъ, прибавила я, что вашъ отецъ, имѣя въ васъ единственнаго сына, къ тому же слабого здоровьемъ, посылалъ васъ, шести или семилѣтняго ребенка, воевать противъ какихъ-то разбойниковъ» Великій князь страшно разозлился на меня и сказалъ, что я желаю ославить его лжецомъ

¹⁾ Штелинъ, III.

и уронить во мнѣніи свѣта. Я отвѣчала, что не я, а календарь изобличаетъ его. Онъ замолчалъ; но вскорѣ все это забылось, и онъ опять началъ, даже въ моемъ присутствіи, рассказывать эту басню, варьируя ее на всѣ лады» ¹⁾).

Петръ Федоровичъ вышелъ изъ воспитательнаго возраста капризнымъ, неразвитымъ ребенкомъ. Онъ былъ страшный трусъ и потому рисовался своею храбростью; любилъ лакейское общество съ его грязными, чувственными инстинктами и тяготился всякою серьезною мыслью; былъ жестокъ съ людьми, наслаждался мученіемъ животныхъ и по цѣлымъ часамъ игралъ съ оловянными солдатиками, которыхъ онъ разставлялъ, съ лакеями, съ карликомъ Андреємъ, съ егеремъ Бастіаномъ и съ прочею челядью.

Впечатлѣніе, произведенное русскимъ великимъ княземъ на пербстскую принцессу, очень мѣтко опредѣлено въ «Запискахъ императрицы Екатерины II». Петръ Федоровичъ былъ очень радъ пріѣзду принцессы Софіи. Оба они были молоды: ему было 16 лѣтъ, ей—15-ть; они были троюродные братъ и сестра. Между молодыми людьми скоро завязалась дружба, выражавшаяся, прежде всего, въ довѣрчивомъ обменѣ мыслей, намѣреній, желаній. Великій князь обрадовался возможности болтать о чемъ ему вздумается, повѣрять свои тайны, не спрашивая предварительно позволенія ни у Брюммера, ни у Штелина. Изъ этой болтовни принцесса Софія скоро замѣтила, что великій князь, хотя и старше ея годомъ, былъ все же большой еще ребенокъ ²⁾).

¹⁾ *Mémoires*, 271. Въ этомъ случаѣ рассказъ Екатерины II вполне подтверждается несомнѣннымъ свидѣтельствомъ Штелина, только что приведеннымъ. Ср. *Дашкова*, 40.

²⁾ Il était fort enfant. *Mémoires*, 10. Это сказывалось и во внѣшности: He looks very puny and he is not taller at fourteen, than the generality of children, not remarkably low, are of ten. Делеша *Финча* отъ 6 февр. 1742 г. (*London. Archiv, Russia*, № 40).

IX.

«C'est une affaire faite», писала цербергская княгиня своему мужу черезъ девять же дней по приѣздѣ въ Москву. Дѣйствительно, принцесса Софія всёми понравилась, всё ее полюбили. Она, кажется, еще въ дорогѣ свыклась съ мыслью, что ѣдетъ въ страну, которая должна стать вторымъ ея отечествомъ и, тотчасъ же по приѣздѣ въ Москву, стала употреблять всё усилія, чтобъ быть достойною той судьбы, какую ей готовили.

Принцесса Софія поняла, что, прежде всего, ей необходимо стать православною и усвоить русскій языкъ, словомъ, сдѣлаться русскою, насколько это возможно для нѣмки ¹⁾. Ей назначили тѣхъ же учителей, которые были у великаго князя: Ададунова — для русскаго языка, Симона Тодорскаго — для православнаго Закона Божія. Русская азбука того времени была трудна, склады—вдвое, даже для русскихъ; каково же для нѣмки? Принцесса съ увлеченіемъ начала учиться русскому языку и, чтобъ лучше вытвердить урокъ Ададунова, вставала по ночамъ и учила склады: буки азъ—ба, вѣди-азъ—ва и т. д. Вставая съ постели, когда всё спали, принцесса, не обуваясь, босая, безъ чулокъ, ходила по холодному полу, и простудилась.

Еще 29-го февраля, въ письмѣ къ отцу, принцесса Софія извѣщала, что «совершенно здорова» ²⁾; 3-го марта она провожала императрицу, отирававшуюся въ троицкій походъ, а во вторникъ,

¹⁾ Депеша Герсдорфа отъ 16 го марта 1744 года, см. *Herrman*, Hof. 289.
—²⁾ *Сборникъ*, VII, 3.

6-го марта, одѣваясь, чтобъ идти обѣдать на половину великаго князя, почувствовала ознобъ и должна была лечь въ постель ¹⁾. «Когда мать возвратилась отъ обѣда—пишетъ Екатерина въ своихъ «Запискахъ»—она нашла меня почти въ безпамятствѣ, въ жару, съ невыносимую болью въ боку. Она вообразила, что у меня начинается оспа, послала за докторами и хотѣла, чтобъ они лечили меня отъ оспы. Доктора нашли, что мнѣ необходимо пустить кровь; мать ни за что не соглашалась на это и говорила, что ея братъ умеръ въ Россіи отъ оспы только вслѣдствіе кровопусканія и что она вовсе не желаетъ, чтобъ то же случилось со мною. Доктора и приближенные великаго князя, который не имѣлъ оспы, отправили къ императрицѣ подробный докладъ о положеніи дѣла, а я лежала въ постели, окруженная матерью и докторами, спорившими о моей болѣзни, въ безпамятствѣ, въ лихорадкѣ и съ болью въ боку. заставлявшею меня стонать, за что мать бранила меня, требуя, чтобъ я терпѣливо сносила боль. Наконецъ, въ пятницу, вечеромъ, въ 7 часовъ, на пятый день моей болѣзни, императрица возвратилась изъ троицкаго монастыря. Она прямо изъ кареты прошла въ мою комнату и нашла меня въ безпамятствѣ. Въ свитѣ ея находился графъ Лестокъ и еще одинъ хирургъ; выслушавъ мнѣнія докторовъ, она сѣла у моего изголовья и велѣла пустить мнѣ кровь. Какъ только потекла кровь, я припила въ себя и, открывъ глаза, увидѣла себя на рукахъ императрицы, которая приподнимала меня.

¹⁾ Время заболѣванія опредѣляется не по указаніямъ «Записокъ» Екатерины: *le cinquième jour de ma maladie l'Impératrice revint du couvent de Troitza* (р. 12). Въ 1744 г. Елизавета Петровна дѣлала три похода въ троицкій монастырь: съ 3-го по 9-е марта, съ 19-го по 21-е іюля и съ 8-го по 9-е декабря. Принцесса заболѣла во время перваго похода, и такъ какъ императрица возвратилась 9-го марта (*Камерфур. журналъ* за 1744 г.) то «пятый день» до возвращенія будетъ 4-е марта, между тѣмъ въ официальномъ объявленіи прямо сказано, что принцесса захворала 6-го марта (*Сиб. Вѣдом.* за 1744 г. № 25). Въ «Запискахъ», составленныхъ значительно позже, только въ рѣдкихъ случаяхъ дата указана вѣрно. Такъ и въ данномъ случаѣ, разсказъ о болѣзни начинается словами: «на десятый день по моемъ пріѣздѣ въ Москву, въ субботу, императрица отправилась въ Троицкій монастырь» (р. 10); 3-е марта, дѣйствительно, было въ субботу, но на *двадцать третий* день по пріѣздѣ. Равнымъ образомъ, 9-е марта, день возвращенія императрицы, была пятница, а не суббота (р. 11).

Въ теченіе 27 дней я оставалась между жизнью и смертью; въ это время мнѣ пускали кровь шестнадцать разъ, иногда по четыре раза въ сутки. Мою мать почти не пускали въ мою комнату—она по прежнему была противъ этихъ кровопусканій и громко говорила, что меня уморять ими. Между тѣмъ, она уже убѣдилась, что у меня не будетъ оспы. Наконецъ, нарывъ въ правомъ боку прорвался, благодаря стараніямъ доктора Санхеса, португальца. Меня встошнило и съ тѣхъ поръ я начала поправляться» ¹⁾.

Нѣсколько иначе разсказанъ ходъ болѣзни принцессы Софіи въ письмѣ ея матери къ мужу: «Императрица, только-что возвратившаяся изъ путешествія въ близлежащій троицкій монастырь, приняла большое участіе въ больной, присоединила къ лейбъ-медику великаго князя Боергаве, племяннику знаменитаго голландскаго врача, своего личнаго медика Санхеса и, вопреки протеста матери, приказала пустить кровь, причемъ сама держала принцессу въ своихъ объятіяхъ и богато одарила больную за ея терпѣливость—рана была прикрыта брильянтовымъ ожерельемъ на шею ²⁾ и дорогими серьгами съ привѣсками, цѣною до 20,000 рублей ³⁾; а великій князь подарилъ часы, осыпанные рубинами и брильянтами, стояція отъ трехъ до четырехъ тысячъ рублей. Однако, польза отъ кровопусканія была не велика—положеніе больной все ухудшалось; врачи ожидали появленія оспы, но, наконецъ, было открыто присутствіе внутреннего нарыва, который былъ излеченъ самою натурою, такъ что больная, при хорошемъ уходѣ, благодаря своему здоровому сложенію, скоро оправилась отъ болѣзни, которую доктора приписываютъ единственно воспаленію крови, вызванному труднымъ переѣздомъ» ⁴⁾.

Въ официальномъ объявленіи о болѣзни принцессы, составленномъ, вѣроятно, самими врачами, пользовавшими ее, сказано, что принцесса Софія занемогла 6-го марта «лихорадкой отъ флюса»; вскорѣ флюсь, однако, измѣнился въ «опасный ревматизмъ съ одышкой» и только «чрезъ частое пусканіе крови» опасность ми-

¹⁾ *Mémoires*, II. — ²⁾ Въ депешѣ Шетарди къ статсъ-секретарю Амело, отъ 15-го марта: «Царица подарила молодой принцессѣ бантъ да серьги великой цѣны» (*Арх. кн. Ворониова*, I, 530). — ³⁾ Отъ 50 до 60 тысячъ по оцѣнкѣ «Спб. Вѣдомостей» за 1744 г. № 25. — ⁴⁾ *Siebigk*, 48.

новала. 19-го марта былъ опаснѣйшій день, но больная «много мокроты выкинула». Кризисъ миновалъ счастливо. 27-го марта принцессѣ было гораздо легче. 20-го апрѣля она въ первый разъ вышла изъ комнаты ¹⁾).

Быть можетъ, специалисты сумѣютъ примирить эти противорѣчивыя извѣстiя и точно опредѣлить болѣзнь принцессы Софiи ²⁾); для насъ важенъ самый фактъ болѣзни, въ чемъ бы она ни состояла. Эта болѣзнь точнѣе опредѣлила взаимное положенiе лицъ и ярче обрисовала ихъ характеры.

Принцесса Софiя стяжала во время этой болѣзни общую любовь и окончательно привязала къ себѣ сердца всѣхъ окружающихъ. Уже самая причина болѣзни—усиленное изученiе русскаго языка—рисовала ее всѣмъ русскимъ въ чрезвычайно привлекательномъ свѣтѣ; но во время болѣзни случилось обстоятельство еще болѣе важное, окончательно упрочившее положенiе принцессы Софiи. Вотъ какъ Екатерина II рассказываетъ это обстоятельство: «Когда мнѣ было очень худо, мать моя пожелала, чтобы ко мнѣ былъ допущенъ лютеранскiй пасторъ ³⁾. Мнѣ рассказывали позже, что когда

¹⁾ Выдержки изъ довольно рѣдкихъ теперь «Спб. Вѣдомостей» за 1744 г., напечатаны въ *Осмиди. Вѣст.*, I, 423.

²⁾ Едва-ли не вѣрнѣе всѣхъ опредѣлилъ болѣзнь англiйскiй посланникъ Вичъ въ депешѣ къ лорду Гаррингтону отъ 31-го марта: The young princess of Zerpst has been very dangerously ill of a peripneumony or inflammation in the lungs; and the seventeenth day of her sickness she was without hopes, when an impostume broke in her breat, which gave her immediate ease, and she is now in a fair way of recovery (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 45). Въ депешѣ Шетарди къ Амело, отъ 15-го марта: «c'est une peripneumonie formée au dire de medecins» (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 44), что дешифровано было такъ: «апостема въ грудяхъ» (*Арх. кн. Воронцова*, I, 530). Отъѣвъ австрийскаго резидента Гогенгольда, въ депешахъ отъ 23-го марта и 9-го апрѣля 1744 г. см. Приложение I, 2 и 3.

³⁾ Этотъ совѣтъ былъ внушенъ княгинѣ, вѣроятно, самимъ пасторомъ. Княгиня Иоганна-Елизавета вовсе не была «отчаянною» лютеранкою, подобно своему супругу, и въ то время была занята совершенно другими интересами. Если она, въ одномъ изъ писемъ къ князю, упоминаетъ, что императрица предоставила ей мѣсто въ лютеранской церкви, то единственно изъ желанiя угодить мужу—ей всегда было-бы мѣсто въ церкви и безъ вмѣшательства императрицы (*Siebigk*. 50). Ея заботливости о спасенiи души своей дочери трудно повѣрить, зная, какъ она вела себя во время болѣзни.

я пришла въ себя, то мнѣ передали это предложеніе и что я отвѣчала: «Это зачѣмъ? позовите лучше Симона Тодорскаго—съ этимъ я охотно побесѣдую». Его призвали, и онъ бесѣдовалъ со мною, въ присутствіи всѣхъ, такъ что всѣ остались довольны. Это чрезвычайно помогло мнѣ въ глазахъ императрицы и всего двора» ¹⁾.

Если принцесса Софія желала угодить императрицѣ, если она рѣшилась занять извѣстное положеніе въ Россіи и, прежде всего, въ придворномъ кругу, она не могла избрать лучшаго средства. Ее уже любили; теперь ею стали дорожить. «Императрица часто плачетъ обо мнѣ», говоритъ Екатерина въ своихъ «Запискахъ». «Великій князь былъ въ отчаяніи во время болѣзни принцессы» ²⁾, писать княгиня мужу. Это замѣтила и сама принцесса: «Великій князь и всѣ приближенныя принимали большое участіе въ моемъ положеніи» ³⁾.

Во время болѣзни дочери опредѣлилось и положеніе матери. Ея крики противъ кровопусканія, спасшаго, по мнѣнію всѣхъ, принцессу, все поведеніе княгини за это время уронило ее въ общемъ мнѣніи. Не довѣряя матери, императрица поручила больную графинѣ Румянцевой ⁴⁾. Болѣе же всего повредила княгинѣ ея любовь къ нарядамъ. «Около Пасхи — рассказываетъ Екатерина — однимъ утромъ, мать прислала свою камерфрау сказать мнѣ, чтобы я уступила ей матерію голубую съ серебромъ, которую братъ отца пода-

¹⁾ Mémoires. 12. Княгиня, конечно, не могла упомянуть объ этомъ эпизодѣ: въ письмахъ къ мужу она тщательно скрывала объ урокахъ по Закону Божию и, какъ увидимъ, обманывала мужа; *Штелинъ* вовсе не упоминаетъ о болѣзни принцессы Софіи. Этотъ эпизодъ вполне объясняется личностію законоучителя. Архимандритъ ипатіевскаго монастыря, близъ Костромы, Симонъ Тодорскій штудировалъ въ Галле, долго жилъ за границей, былъ человѣкъ образованный и вѣротерпимый. Благодаря его урокамъ, принцесса Софія скоро пришла къ убѣжденію, что между православіемъ и лютеранствомъ нѣтъ существеннаго различія; даже княгиня-мать находила, что онъ преимущественно прилежалъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію (il s'est préférentiellement appliqué à la religion luthérienne)—зачѣмъ же было звать какого-то пастора, а не назначеннаго императрицей законоучителя? — ²⁾ Le Grand Duc a été au désespoir pendant que la jeune personne estoit mal. *Siebigk*, 50. — ³⁾ Mémoires, 14. — ⁴⁾ Mémoires, 12. Делеша лорда *Тураули* лорду Карперету, отъ 6-го іюня: lady Romanzow, who has attended on the princess of Zerbst as a lady of honour (*Лондон. Архивъ. Russia*, № 45).

рилъ мнѣ передъ нашимъ отъѣздомъ въ Россію, зная, что эта матерія очень мнѣ нравилась. Я велѣла сказать матери, что она вольна взять ее, но что я очень люблю эту матерію, почему дядя и подарилъ ее мнѣ. Окружавшіе меня, видя, что я отдаю матерію противъ воли, послѣ того, что такъ долго была при смерти больна и лишь нѣсколько дней какъ стала поправляться, стали говорить между собою, что со стороны моей матери слишкомъ неблагоразумно причинять малѣйшее неудовольствіе умирающему ребенку, что не только отнимать у меня матерію, ей не слѣдовало бы даже заикаться объ ней. Все это было пересказано императрицѣ, которая тотчасъ же прислала мнѣ много кусковъ дорогихъ и великолѣпныхъ матерій и, между прочимъ, одну голубую съ серебромъ; но императрица осталась недовольна моею матерью. Ее обвиняли, что она не заботится обо мнѣ и не питаетъ ко мнѣ ни малѣйшей нѣжности»¹⁾). Въ 1744 г. свѣтлое воскресенье приходилось 25-го марта; 19-го марта былъ «опаснѣйшій день болѣзни», и описанная сцена происходила, слѣдовательно, вскорѣ послѣ кризиса.

Зорко, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ болѣзни двѣ противныя партіи — франко-прусская, приписывавшая себѣ устройство брака цербстской принцессы съ великимъ княземъ, и австро-саксонская, неустѣпшая провести свое предложеніе саксонской принцессы, не смотря на поддержку вице-канцлера Бестужева-Рюмина. Шетарди, Мардефельдъ, Лестокъ, Брюммеръ, всѣ противники русскаго вице-канцлера, возлагали большія надежды на помощь цербстской княгини. При ея помощи надѣялись они свергнуть Бестужева-Рюмина, втянуть Россію въ интересы Пруссіи, заключить четверной союзъ—Россіи, Пруссіи, Швеціи и Франціи. Они надѣялись, казалось, не напрасно. Княгиня скоро обворожила императрицу. «Un glaublich wie sie gefallen», сообщаетъ Мардефельдъ Фридриху II спустя недѣлю по пріѣздѣ княгини въ Москву²⁾. «Добросердечіе императрицы къ государынѣ Цербской всякаго мгновенія ока вновь оказывается», пишетъ Шетарди спустя нѣсколько дней³⁾. Что же будетъ если принцесса Софія умретъ? Княгиня, ея мать, потеряетъ всякое значеніе въ глазахъ императрицы, должна будетъ покинуть Россію и возвратиться въ Цербстъ. Всѣ

¹⁾ *Mémoires*, 13. — ²⁾ Отъ 16 февраля. *Poi. Corr.*, III, 62; *Drousen*, V, II, 217. — ³⁾ Отъ 23 Февраля. *Арх. кн. Воронцова*, I, 522.

происки, всё козни сразу рухнуть; придется все начинать сначала. Не спускала глазъ съ постели больной и противная партія. Саксонскій посланникъ Герсдорфъ, все еще не получившій официального отказа относительно предложенія саксонской принцессы, видѣлъ въ болѣзни цербетской принцессы какъ-бы помощь свыше: умереть Софія, поднимутся шансы Маріи-Анны. Саксонское предложеніе обставлено уже довольно соблазнительнымъ для Россіи условіемъ—принцесса принесетъ, въ видѣ приданого, герцогство Курляндское ¹⁾, которое будетъ присоединено къ Россіи.

Вмѣшательство представителей иностранныхъ державъ и вообще иностранцевъ въ русскія дѣла достигло въ это время крайнихъ предѣловъ. Въ XVIII стол. подобное вмѣшательство было въ порядкѣ вещей и практиковалось во всей Европѣ; въ Россіи же, со смерти Петра I, оно приняло довольно опасные размѣры, отчасти благодаря ряду женщинъ, занимавшихъ русскіи престолы. Елизавета Петровна, многимъ обязанная Шетарди, Лестоку и другимъ чужеземцамъ, естественно подчинялась ихъ указаніямъ. Дерзость чужеземцевъ дошла въ это время до того, что какой-нибудь Брюмеръ даетъ слово за Елизавету Петровну, что она «къ Австріи не пристанетъ» ²⁾, и этому слову вѣрятъ, съ нимъ считаются. Нужна была сильная воля и твердая рука, чтобы положить конецъ такому неприличному вмѣшательству чужеземцевъ въ русскія дѣла. Можно ли ожидать этого отъ Елизаветы Петровны? Оказалось, что можно, если около нея находится такой совѣтникъ, какъ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что выборъ цербетской принцессы въ невѣсты великому князю, сдѣланный тайно отъ всѣхъ, произвелъ на вице-канцлера непріятное впечатлѣніе; но этотъ выборъ сдѣланъ самою императрицею, и умный Бестужевъ-Рюминъ вполне подчинился ему. Онъ не былъ противъ принцессы Софіи, будущей великой княгини; онъ былъ противъ тѣхъ интригъ, которыя вела ея мать, цербетская княгиня. Всѣ рассказы о противодѣйствіи его «цербетскому» браку измышлены его личными врагами, барономъ

¹⁾ Въ депешѣ *Мардефельда* отъ 6-го февр. 1744 г. (*Droysen*, V, 2, 216). Фридрихъ II въ рескриптѣ отъ 17-го февраля отвѣчалъ: Je trouve bien plaisant que la cour de Saxe ait donné ordre à son ministre d'offrir la Courlande qui ne lui appartient pas. *Pol. Corr.*, III, 34.—²⁾ *Pol. Corr.*, III, 62, 68.

Мардефельдомъ и маркизомъ Шетарди. Бестужевъ-Рюминъ импонировалъ своимъ лояльнымъ поведеніемъ, своимъ строго законнымъ образомъ дѣйствій, а между тѣмъ Шетарди сообщаетъ статсъ-секретарю Амело, будто «вице-канцлеръ, въ первой своей оказанной и прибытіемъ принцессы Цербской причиненной ярости, такъ себя позабылъ, что сказалъ: увидимъ-де мы, могутъ-ли такіа брачныя сочетанія, не совѣтовавъ съ нами большими господами сего государства, заключены быть» ¹⁾. Теперь, по случаю болѣзни принцессы Софіи, Мардефельдъ писалъ въ Берлинъ, будто Бестужевъ-Рюминъ «открыто» ликовалъ, увѣренный, что принцесса скоро умретъ ²⁾. Болѣзнь принцессы, вызывая извѣстныя надежды въ саксонской партіи, могла, конечно, радовать саксонскихъ министровъ ³⁾; но изъ того, что Бестужевъ-Рюминъ стоялъ за саксонскій проектъ, было бы слишкомъ смѣло заключать, что и онъ ликовалъ по случаю болѣзни цербстской принцессы.

Эта болѣзнь обезпокоила Фридриха II. Едва получивъ первое извѣстіе, прусскій король шлетъ письмо за письмомъ ⁴⁾: требуетъ отъ Мардефельда точныхъ свѣдѣній о ходѣ болѣзни, утѣшаетъ цербстскую княгиню-мать, беспокоится о рецидивѣ и желаетъ воз-

¹⁾ Il faut voir si de semblables mariages peuvent se faire sans nous consulter nous autres grands de l'Empire (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 44, въ депешѣ отъ 23-го февраля 1744 г.; ср. Арх. ин. Воронцова, I, 509*). Сообщникъ Шетарди, Мардефельдъ писалъ королю. Le mariage du Grand Duc avec la jeune Princesse de Zerbst a été un coup de foudre pour les saxons. Le vice-chancelier Bestuchef choqué et piqué au vif de la venue de la Princesse a dit dernièrement: Man will den Grossfürsten verheirathen, ohne dass Wir Grosse Russe es wissen. Die Sache ist noch nicht so richtig, es muss vorher mit der Geistlichkeit darüber gesprochen werden. Mais il ignore que le clergé l'a déjà approuvé. *Schlözer, 44*. Какъ Шетарди, такъ и Мардефельдъ могли передавать подобныя сообщенія только по слухамъ, какъ сплетню: они были въ Петербургѣ, а Бестужевъ-Рюминъ въ Москвѣ; невозможно предположить, чтобы вице-канцлеръ высказался подобнымъ образомъ въ присутствіи кого-либо изъ противной партіи; наконецъ, приписываемыя ему слова противорѣчатъ всему поведенію вице-канцлера. —²⁾ *Pol. Corr., III, 191.* —³⁾ La joie que les ministres saxons en fait paraître au sujet de la maladie de la Princesse... *Pol. Corr., III, 95. Говени-гольца, въ депешѣ отъ 9-го апрѣля 1744 г., высказываетъ предположеніе, что полное выздоровленіе принцессы едва-ли возможно, см. Приложение I, 3.* —⁴⁾ *Pol. Corr., III, 94, 95, 105, 106.*

можно скорѣе получить вѣсть о полномъ выздоровленіи принцессы. Что радовало саксонцевъ, то безпокоило прусаковъ—это понятно.

Радость саксонцевъ не имѣла, кажется, основанія. «Какое бы сей болѣзни окончаніе не было, пишетъ Шетарди, однакожь изъ того вѣкоторая польза произойдетъ, по меньшей же мѣрѣ Царица при семъ случаѣ прямая Саксонцевъ и ихъ сообщниковъ сентименты усмотрѣла, которые пакостнымъ ихъ при семъ случаѣ поступкомъ весьма себя уже открыли. Правдажь, что и Царица имѣющагося своего за то гнѣва не скрыла же, ибо третьяго дни господину Бримеру и Лестоку она говорила, что они тѣмъ ничего не выиграютъ, а ежелибъ она такое дражайшее дитя потерять несчастіе имѣла, то она дьяволомъ клялася (*le diable m'en porte*), что саксонской принцессы однакожь никогда не возметъ» ¹⁾.

Не въ лучшемъ свѣтѣ обрисовались и сторонники цербстскаго проекта. Вотъ что пишетъ Шетарди о Брюмерѣ и о себѣ: «Господинъ Бримеръ мнѣ въ конфиденціи открылъ, что въ случаѣ бѣдственной крайности, которой опасаться и предусматривать надлежитъ, онъ пути уже приуготовилъ, и что молодая принцесса Дармштатская прекрасная собою, и которую король Прусской представлялъ, въ случаѣ когда-бъ принцесса Цербская успѣха не получила, всѣмъ другимъ принцессамъ предпочтена была-бъ. Однакожь приближице къ такому способу не малымъ несчастіемъ быть имѣлобъ, и мы въ томъ многобъ потеряли, въ разсужденіи того мнѣніи и удостовѣренія, которое принцессы Цербскія, мать и дочь, обо мнѣ имѣютъ, что я въ будущемъ ихъ благополучіи, которое имъ приуготовляется, вспомошествовалъ» ²⁾. Хороши оба: Брюмеръ сочинялъ уже письмо герцогинѣ дармштатской, столь же, конечно, льстивое и фальшивое, какое онъ, три мѣсяца назадъ, писалъ княгинѣ цербстской; Шетарди сожалѣетъ лишь о томъ, что ему не удастся покать плоды двойного обмана—и матери, и дочери.

Принцесса Софія разрушила всѣ эти надежды, планы, ликованія и печалованія. Въ понедѣльникъ на страстной недѣли былъ кризисъ, и со вторника святой, съ 27-го марта, принцесса стала замѣтно поправляться. Великій князь началъ теперь проводить всѣ

¹⁾ Въ депешѣ къ статсъ-секретарю Амело, отъ 15 марта. (*Арх. кн. Воронцова*, I, 530).—²⁾ *Ibid.*

вечера у выздоравливающей, развлекаая ее играми, балтовнею, выказывая къ ней большую нѣжвость. На еоинои недѣлѣ императрица подарила принцессѣ Софіи богатую, осыпанную брилльянтами табакерку. Около этого же времени Елизавета Петровна съ большимъ, чисто женскимъ тактомъ, отерла невольную слезу, скатывавшуюся съ ея глазъ при взглядѣ на сестру ея несчастнаго жениха—она подарила княгинѣ драгоцѣнный перстень, «стоящій по меньшей мѣрѣ тысячу талеровъ», причемъ сказала, что «такъ какъ перстень этотъ былъ предназначенъ ея жениху, епископу Эйгинскому, брату княгини, который умеръ до обрученія, то она дарить его сестрѣ его, чтобы еще разъ скрѣпить ихъ союзъ» ¹⁾.

Въ апрѣлѣ принцесса Софія встала съ постели ²⁾, но не выходила изъ комнаты. Въ пятницу, 20-го апрѣля, она впервые «публично купала» ³⁾, т. е. къ столу, сервированному въ покояхъ принцессы, были допущены нѣкоторые изъ придворныхъ особъ. Даже 21-го апрѣля, въ день своего рожденія, принцесса принимала поздравленія на своей же половинѣ, гдѣ состоялся въ этотъ день парадный обѣдъ «на 40 персонъ» и балъ ⁴⁾, на который впервые были приглашены «иностранные министры». Это былъ не только первый ея балъ, но первое появленіе въ публикѣ. «Полагаю, сознается Екатерина II, что публика не очень-то любовалась мною. Я сдѣлалась худа, какъ скелетъ; я выросла, но мое лицо и всѣ черты удлинились, волосы выгѣзли и на лицѣ была смертельная блѣдность. Я сама видѣла, что могу пугать своимъ безобразіемъ; я сама себя не узнавала. Императрица прислала мнѣ въ этотъ день банку румянъ и приказала нарумяниться» ⁵⁾.

Весна, ранняя, теплая, помогала выздоровленію. Силы принцессы замѣтно крѣпли съ каждымъ днемъ. Начались опять занятія съ Симономъ Тодорскимъ, съ Ададуровымъ; возобновились танцы

¹⁾ *Siebigk*, 50; *Штелигъ*, 87. — ²⁾ Хотя 27-го марта принцессѣ было гораздо легче. (*Слб. Вѣдомости* 1744 г., № 28), но еще 29-го марта, при «трактованіи конной гвардіи», за большимъ столомъ присутствовала княгиня Юлианна-Елизавета, а о принцессѣ не упомянуто въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ. — ³⁾ *Слб. Вѣдомости* за 1744 годъ, № 35. — ⁴⁾ Деша Шетарди, отъ 26 апрѣля (*Арх. кн. Воронцова*, I, 542). — ⁵⁾ *Mémoires*, 14. Этихъ подробностей нѣтъ въ письмахъ княгини къ мужу. Въмѣсто того, корыстолюбивая княгиня упоминаетъ о подаркахъ, полученныхъ ею въ день рожденія дочери *Siebigk*, 51.

съ балетмейстеромъ Лоде. Все утро, почти весь день проходили въ урокахъ, на которыхъ присутствовала одна только графиня Румянцова. Мать, въ это время, проводила цѣлыя часы въ манежѣ, гдѣ училась ѣздить верхомъ: какъ только стаялъ снѣгъ и солнце просушило дороги, императрица, страстная наѣздница, начала свои любимыя прогулки верхомъ; княгиня, «изъ уваженія и въ угожденіе столь великой монархинѣ, должна была тоже учиться верховой ѣздѣ» ¹⁾. Великій князь, пользуясь хорошей погодой, ежедневно отправлялся на прогулки по городу и въ окрестности Москвы; только къ обѣду или къ ужину приходилъ онъ на половину принцессы Софіи, причѣмъ «пускался въ ребяческія откровенности». Екатерина припомнила позже одну изъ такихъ ребяческихъ откровенностей: «Между прочимъ, онъ говорилъ мнѣ, что болѣе всего ему нравится во мнѣ то, что я его троюродная сестра и что мною, какъ родственницею, онъ можетъ болтать совершенно откровенно. Вслѣдъ за этимъ онъ сказалъ мнѣ, что былъ влюбленъ въ одну изъ фрейлинъ императрицы, удаленной отъ двора послѣ несчастія съ ея матерью, госпожею Лопухиною, которая была сослана въ Сибирь, что хотѣлъ жениться на ней, но готовъ жениться и на мнѣ, уступая желанію своей тетки. Я краснѣла, слушая эти родственныя откровенія, и благодарила его за преждевременное довѣріе» ²⁾.

Въ это время принцесса Софія и великій князь давно уже были невѣстою и женихомъ. Еще въ началѣ марта, незадолго до болѣзни принцессы Софіи, императрица, въ дружеской бесѣдѣ съ цербтской княгиней, сообщила ей о своихъ видахъ на ея дочь. Но официально ничего еще объявлено не было, такъ какъ для этого требовалось согласіе отца принцессы. Только 1-го мая майоръ Веселовскій повезъ въ Цербеть письмо Елизаветы Петровны, въ которомъ императрица, воздавая похвалу необыкновеннымъ качествамъ (*ausnehmende Qualitäten*) принцессы Софіи, проситъ Христіана-Августа благословить свою дочь на бракъ съ великимъ княземъ и дать свое согласіе на переходъ ея въ лоно греческой церкви ³⁾. Отвѣтъ на

¹⁾ Княгиня должна «aus respect und Gehorsam Für der so Grossen Monarchin Noch auf ihre Alten Tage» (ей не было еще и 32 лѣтъ) учиться верховой ѣздѣ. *Stebigk*, 51. — ²⁾ *Mémoires*, 10. — ³⁾ *Stebigk*, 162.

это письмо не былъ еще полученъ, но въ согласи отца никто не сомнѣвался; молодые люди привыкли уже считать себя женихомъ и невѣстою и, какъ видно, вели по этому поводу дѣтски-откровенныя бесѣды.

Пока женихъ откровенничаетъ подобнымъ образомъ съ своею невѣстою, свита великаго князя бесѣдуетъ и любезничаетъ съ его будущею тещею. У княгини, по вечерамъ, собиралось большое общество. Она очень подружилась съ домою Трубешкихъ, особенно же съ принцессою Гессенъ-Гомбургскою и съ И. И. Бецкимъ; ее часто навѣщали Лестокъ, Мардефельдъ, чаще другихъ—маркизь де-ла Шетарди, графъ Брюммеръ. Памятуя завѣтъ отца—in keine Regierungs Sachen zu entriegen—принцесса Софія, играя и болтая съ великимъ княземъ, ни мало не интересовалась разговорами «старшихъ», она не любопытствовала даже узнать о чемъ они говорятъ. Между тѣмъ, эти собранія у княгини «не нравились тѣмъ, которые не принимали въ нихъ участія и, между прочимъ, графу Бестужеву».

О чемъ же разговаривали въ салонахъ цербетской княгини? Почему эти разговоры не нравились вице-канцлеру?

Императрица Елизавета Петровна, вступая на престолъ, дала обѣтъ: каждый разъ, когда она будетъ въ Москвѣ, посѣщать пѣшкомъ троицко-сергіеву обитель, въ которой ея отецъ, Петръ I, основатель императорскаго трона, нашелъ вѣрное убѣжище во время стрѣлецкаго бунта. Во исполненіе обѣта, императрица и въ 1744 году выступила въ троицкій походъ 1-го іюня, въ 8 часовъ вечера. Ее сопровождалъ великій князь и небольшая свита изъ наиболѣе близкихъ лицъ. Только-что оправившаяся отъ тяжкой болѣзни принцесса Софія не могла сопутствовать императрицѣ. Спустя три дня, изъ свиты императрицы прискакалъ офицеръ лейб-гвардіи и передалъ распоряженіе Елизаветы Петровны: принцесса Софія съ матерью должны пріѣхать въ экипажахъ на послѣдній переходъ, въ Клементьевскую Слободу, чтобъ присутствовать при торжественномъ входѣ императрицы во святую обитель.

Никогда еще принцесса Софія не видѣла ничего подобнаго. Ее поражаго и подвижничество православнаго благочестія рядомъ съ выставкою азіатской пышности, и изможденные постомъ ряды монаховъ, смѣняющіеся блестящимъ строемъ лейбъ-кампанцевъ, и звонъ колоколовъ съ пѣніемъ молитвъ, незаглушавшіе шума отъ царскаго обоза, растянувшагося на версту; поразилъ ее и архимандритъ Арсеній Могилянской, въ полномъ облаченіи, съ келаремъ и казначеемъ, со всѣмъ соборомъ вышедшій навстрѣчу императрицѣ. Все было ново, картинно; все плѣняло глазъ, очаровывало.

Принцессѣ и ея матери отвели въ «царскихъ кельяхъ» особые покои, рядомъ съ помѣщеніемъ великаго князя. Не успѣла принцесса осмотрѣться въ новомъ помѣщеніи, ознакомишься съ особен-

востями окружавшаго ее монастырскаго міра, какъ случилось со-бытіе, навсегда вѣзавшееся въ ея памяти. «Послѣ обѣда, разсказываетъ она, когда великій князь пришелъ къ намъ въ комнату, неожиданно вошла императрица и приказала моей матушкѣ слѣдовать за нею въ другую комнату. Графъ Лестокъ также прошелъ туда. Мы съ великимъ княземъ усѣлись на окно въ ожиданіи матери и болтали. Бесѣда въ сосѣдней комнатѣ продолжалась долго. Наконецъ, показался графъ Лестокъ; проходя мимо и замѣтивъ, что мы весело хохочемъ, онъ приблизился къ намъ и сказалъ: «Эта великая радость скоро окончится»; обращаясь же ко мнѣ, онъ прибавилъ: «Вамъ остается только укладываться; вы немедленно отправитесь въ путь и вернетесь въ свой домъ». Великій князь пожелалъ узвать, что все это значить; Лестокъ отвѣчалъ: «Узнаете послѣ», и вышелъ исполнять данное ему порученіе. Мы съ великимъ княземъ стали гадать, что бы это могло значить. Онъ сказалъ: «Но если и виновата, то ваша матушка, а не вы». Я ему отвѣчала: «Мой долгъ слѣдовать за матушкой и исполнять, что она прикажетъ» ¹⁾. Наконецъ, дверь сосѣдней комнаты открылась; императрица вышла вся красная и съ разгнѣваннымъ видомъ; за нею слѣдовала моя мать съ красными, заплаканными глазами. При видѣ императрицы мы торопились со-скочить съ довольно высокаго оконшка, на которомъ сидѣли. Это разсмѣшило императрицу; она подошла къ намъ, обихъ поцѣло-

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ: Je vis clairement qu'il m'aurait quitté sans regret Pour moi, vu ses dispositions, il m'était à peu près indifférent; mais la couronne de Russie ne me l'était pas (р. 16). Какая корона? Императрица Елизавета была тогда во цвѣтѣ лѣтъ—ей не было еще и 35 лѣтъ; великій князь Петръ Федоровичъ былъ юношей, всего лишь годомъ старше самой принцессы. О какой же коронѣ могла мечтать цербетская принцесса въ юнѣ 1744 года? Здѣсь, очевидно, послѣдующіе факты вспоминаются для оправданія предвѣствованныхъ имъ рѣшеній. Между тѣмъ, этой именно фразѣ о коронѣ при-даютъ особенное значеніе, забывая, что эта фраза была написана лѣтъ сорокъ спустя, если не болѣе, и для характеристики принцессы Софіи служить не можетъ. *Sybel*, *Kleine hist. Schriften*, I, 153; *Katharina II und ihre Denkwürdigkeiten* (*Hist. Zeit.*, V, 96); *Брюкнеръ*, 216; *Соловьевъ* не приводитъ этого мѣста (XXI, 334); *Диринъ* буквально повторяетъ Соловьева, фальшиво ссы-лаясь на *Mémoires* (стр. 92).

вала и вышла изъ комнаты. Когда она удалилась, мы отчасти узнали, въ чемъ было дѣло».

Дѣло было въ томъ, что цербстской княгинѣ не по плечу была борьба съ вице-канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ.

Мать принцессы Софїи покинула Цербсть единственно для того, чтобъ устроить судьбу своей дочери бракомъ съ наслѣдникомъ русскаго престола. Во время переѣзда изъ Цербста въ Москву пѣль эта значительно усложнилась: въ Берлинѣ, при свиданїи съ королемъ Фридрихомъ II, и въ Петербургѣ, при переговорахъ съ маркизомъ де-ла Шетарди, цербстская княгиня приняла на себя такія обязательства, истинный смыслъ которыхъ ей, какъ оказалось, былъ вовсе неизвѣстенъ. Какъ женщина легкомысленная и довольно пустая, способная скорѣе къ мелкой сплетнѣ, чѣмъ къ политической интригѣ, она прїѣхала въ Москву съ убѣжденїемъ, что необходимо свергнуть вице-канцлера Бестужева-Рюмина, на котораго она смотрѣла глазами берлинскаго и версальскаго дворовъ и въ которомъ видѣла врага своей дочери, не болѣе. За лицами княгиня не замѣчала принциповъ. Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ былъ представителемъ новой Россїи; онъ олицетворялъ идеи Петра I, являлся исполнителемъ его завѣтовъ. Борьба шла не противъ вице-канцлера Елизаветы Петровны — на карту было поставлено все развитїе Россїи какъ европейской державы; вопросъ шелъ объ обращенїи петровской Россїи въ московскую Русь, о замѣнѣ императорскаго штандарта великокняжескимъ стягомъ. Вотъ въ чемъ былъ заключенъ секретъ той политической интриги, которая началась еще при Аннѣ Леопольдовнѣ, помогла Елизаветѣ Петровнѣ взойти на престолъ, велась уже четыре года и разразилась той сценой въ троїцко-сергіевой пустынѣ, которую описала Екатерина II и которая была только прологомъ драмы.

Въ депешѣ отъ 21-го апрѣля 1741 г. Шетарди увѣрялъ свое министерство, что «если принцессѣ Елизаветѣ будетъ проложена дорога къ трону, то можно быть нравственно убѣжденнымъ, что претерпѣнное ею прежде, также какъ и любовь ея къ своему народу, побудятъ ее къ удаленїю иноземцевъ и къ совершенной добѣрчивости къ русскимъ. Уступая склонности своей, а также и народа, она немедленно переѣдетъ въ Москву; хозяйственныя занятїя, къ которымъ склонны знатные русскїе, побудятъ послѣд-

нихъ тѣмъ болѣе обратиться къ нимъ, что они уже лишены этого съ давнихъ временъ; морскія силы будутъ пренебрежены, и Россію увидятъ постепенно обращающуюся къ старинѣ, которую Долгорукіе во времена Петра II и позже Вольинскій желали возстановить и которая существовала до Петра I... Елизавета должна будетъ относительно Швеціи не только возвратить Ливонію, Эстонію, Ингрію и Карелію, но даже покинуть Петербургъ». Отъ 16-го іюня того же 1741 г.: «Если Елизавета будетъ на тронѣ, то старинные принципы, любезные Россіи, одержатъ, вѣроятно, верхъ. Быть можетъ—и весьма было бы желательно не обмануться въ этомъ—въ царствованіе Елизаветы, при ея лѣтахъ, старина настолько успѣетъ укорениться, что голштинскій принцъ, ея племянникъ, воссетъ ее и привыкнетъ къ ней въ такой степени, что когда наслѣдуетъ корону, то будетъ въ совершенномъ невѣдѣніи о другихъ началахъ» ¹⁾. Относительно настроенія русскаго общества то же мнѣніе высказывалъ и англійскій посланникъ Финчъ, въ депешѣ отъ 21-го іюня 1741 г.: «Большая часть дворянъ—закоренѣлые русскіе; только принужденіе и насиліе могутъ воспрепятствовать имъ возвратиться къ ихъ стариннымъ обычаямъ. Между ними нѣтъ ни одного, который не желалъ бы видѣть Петербургъ провалившимся на дно морское, а всѣ завоеванныя у Швеціи провинціи отошедшими къ чорту, лишь бы только имѣть возможность возвратиться въ Москву, гдѣ, вблизи своихъ помѣстій, они могли бы жить съ наибольшею роскошью и съ меньшими издержками. Они вовсе не хотятъ имѣть дѣла съ Европою и ненавидятъ иноземцевъ» ²⁾.

При извѣстіи о восшествіи Елизаветы Петровны на престолъ, французскій статсъ-секретарь Амело писалъ Кастеллану, въ Вѣну: «Совершившійся въ Россіи переворотъ знаменуетъ послѣдній предѣлъ величія Россіи. Такъ какъ новая императрица намѣрена не назначать иностранцевъ на выснія должности, то Россія, представленная самой себѣ, неминуемо обратится въ свое прежнее ничтожество» ³⁾. Не въ такой рѣзкой формѣ, но то же убѣжденіе высказываетъ и прусскій король Фридрихъ II: основываясь на «сиба-

¹⁾ Пекарскій, 244, 247, 271. — ²⁾ Лондон. Архивъ, Russia, № 37. —

³⁾ Vandal, 171.

ритскихъ наклонностяхъ императрицы», онъ надѣялся, что съ переѣздомъ въ Москву для коронаціи русскій дворъ «потеряетъ изъ виду Петербургъ и Европу»¹⁾.

Вотъ основная цѣль—обратить Россію въ «прежнее ничтожество», заставить ее «потерять изъ виду Европу»; отказаться отъ Петербурга; одно изъ средствъ для достиженія этой цѣли, первое на очереди—свергнуть Бестужева-Рюмина. Почему? Потому, что все эти расчеты были сдѣланы, по любимому выраженію Екатерины II, «безъ хозяина». Слова нѣтъ, хозяинъ вовсе не былъ приготовленъ для государственной дѣятельности; конечно, Елизавета Петровна не любила заниматься «серьезными дѣлами»; но не подлежитъ также сомнѣнію, что она, ставъ императрицей, не рѣшала важныхъ дѣлъ безъ своихъ совѣтниковъ, главнымъ же совѣтникомъ по иностраннымъ дѣламъ былъ вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, о котораго разбивались все расчеты и русскаго и французскаго двора. Если, слѣдовательно, желательно достигъ главной цѣли—удалить Россію отъ Европы—то необходимо, прежде всего; устранить Бестужева-Рюмина.

Второй уже разъ маркизъ де-ла Шетарди посѣщаетъ Россію. Въ первый пріѣздъ, въ качествѣ французскаго посланника, онъ содѣйствовалъ восшествію Елизаветы Петровны на престолъ; во второй его задача была гораздо скромнѣе—«ссадить» Бестужева-Рюмина съ занимаемаго имъ мѣста вице-канцлера. Неужели онъ не успѣеть?

Высокаго роста, красивый, остроумный, въ высшей степени любезный, Шетарди плѣнилъ даже черстватаго Фридриха II: «с'est du bonbon pour nous», говорилъ онъ, услышавъ о скоромъ пріѣздѣ маркиза въ Берлинъ. Ему не было и 36 лѣтъ, когда вся Европа узнала объ участіи его въ переворотѣ, доставившемъ русскій престолъ дочери Петра I; на него указывали уже какъ на образцоваго дипломата, его называли «искуснымъ переговоромъ изъ политической академіи». Между тѣмъ, это былъ пустой чловѣкъ, самонадѣянный, какъ все невѣжды, заносчивый до надоедливости. Въ 1742 г., передъ вторымъ его появленіемъ въ Россіи, одна герцогиня писала о немъ: «Я нахожу маркиза Шетарди до-

¹⁾ *Pol. Corr.*, II. 47.

вольно разсудительнымъ для француза. Онъ уклончивъ, вѣжливъ, краснорѣчивъ, всегда говоритъ изицно и изысканно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показался мнѣ похожимъ на старый реинвейнтъ: вино это никогда не теряетъ усвоеннаго имъ отъ почвы вкуса и въ то же время, по отзыву пьющихъ его въ извѣстномъ количествѣ, оглящасть голову и потомъ надоѣдаетъ. То же самое и съ Шетарди: у него бездна пріятныхъ и прекрасныхъ качествъ, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе чувствуешь, что къ нимъ примѣшана частица той заносчивости, которая никогда не покидаетъ француза, какого ни былъ бы онъ званія и возраста» ¹⁾). Неужели такой человѣкъ можетъ одержать верхъ надъ Бестужевымъ?

Въ концѣ 1743 года, маркизь Шетарди прибылъ въ Россію съ двумя кредитивными грамотами: въ одной Елизавета Петровна титуловалась *Sa Majesté Impériale*, въ другой императорскій титулъ былъ олуцень. Онъ предпочелъ не предоставлять ни одной изъ нихъ и жить въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ—французскимъ дворяниномъ, лично извѣстнымъ императрицѣ. Онъ предлагалъ вести переговоры прямо съ Елизаветой Петровной, видѣться съ нею, бесѣдовать, безъ всякаго посредства коллегіи иностранныхъ дѣлъ, помимо вице-канцлера. Онъ понималъ, что это невозможно, что именно такое положеніе обратить на него особенное вниманіе вице-канцлера, и поэтому торопился приготовить «сверженіе» Бестужева-Рюмина, чтобы въ послѣдній моментъ, какъ сильнѣйшій аргументъ, представить кредитивныя грамоты съ императорскимъ титуломъ и изъ частнаго лица обратиться въ officialнаго представителя французскаго двора. Эта легкомысленная комедія «съ переодѣваніемъ» не удалась. Бестужевъ зналъ намѣренія Шетарди, о которыхъ французскій маркизь говорилъ еще въ Гамбургѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ ²⁾), проѣздомъ въ Россію, и принялъ свои мѣры.

Благодаря «особливому искусству и неусыпнымъ трудамъ» Гольдбаха, чиновника коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вся переписка Шетарди тщательно перлюстрировалась, причемъ были разобраны почти все французскіе шифры. Нѣмецъ Гольдбахъ былъ виртуозъ

¹⁾ О личности и жизни Шетарди, см. въ предисловіи къ «Маркизь Шетарди въ Россіи», *Икарскаго*. Спб. 1862.

²⁾ La nécessité ou M.-r. Bestucheff a été de se soutenir par les cours de

въ искусствѣ перлюстраціи: распечатаетъ письмо, прочтетъ, если нужно спишетъ и дешифрируетъ, а между тѣмъ «ни кувертъ не поврежденъ, ни на подлинномъ цыфирные пассажи литерами не выписавы»¹⁾.

Вскорѣ по прїѣздѣ въ Петербургъ, Шетарди замѣтилъ, что его письма распечатываютъ и читаютъ. «Подлинно, пишетъ онъ статсъ-секретарю Амело, безъ всякаго стыда и предосторожности нынѣ здѣсь всѣ письма распечатываютъ. Оное я могъ узнать по всѣмъ тѣмъ письмамъ, кои я получилъ, и ежели *такожь усмотрится*, что и мои печати повреждены, то въ такомъ случаѣ его величество могъ бы мнѣ повелѣть о томъ жалобы произнесть; можетъ быть, что оное что нибудь поможетъ, ибо трудно, чтобъ какой либо Дворъ повторительныхъ о подобномъ дѣлѣ представленій въ разсужденіе не принялъ, и господинъ Мардефельдъ уже предъ нѣсколькими недѣлями отъ короля своего государя указа получилъ о томъ весьма серьезнымъ образомъ представлять, чего для къ нему нѣкоторыя печати его ковертовъ обратно присланы, въ доказательство тому, еже онъ предъявлять имѣлъ»²⁾.

Конечно, «такожь усмотрѣлось», и Бестужевъ поднесъ императрицѣ съ полсотни перлюстрованныхъ писемъ³⁾, по которымъ

Vienne et de Londres contre les efforts qu'il est persuadé que le parti affectionné à la France a fait pour le déplacer, et dont il a cru ne devoir pas douter sur le rapport de quelques discours que l'on a prétendu que le marquis de la Chetardie avait tenu publiquement sur son compte à son passage à Stokholm lors de son retour en Russie. M. de St. Savoeur au comte Maurepas, de 9 février 1748 (*Париж. Архивъ, Russie, Supplem. № 7, carton 1748*). О такихъ же рѣчахъ Шетарди въ Гамбургѣ и Копенгагенѣ см. *Манитейнъ*, 292.

¹⁾ *Арх. кн. Воронцова*, I, 619.—²⁾ Денеша отъ 20 декабря 1743 г. (*Париж. Архивъ*, vol. 43, f. 137; ср. *Арх. кн. Воронцова*, I, 472).

³⁾ Эти лепешки и письма Шетарди, дешифрованные Гольдбахомъ, напечатаны въ «Архивѣ князя Воронцова» подъ заглавіемъ «Дѣло о маркизѣ Шетарди и объ его высылкѣ изъ Россіи» (I, 455—628). По сравненію ихъ съ подлинниками, хранящимися въ парижскомъ государственномъ архивѣ (*Russie, vol. 44*), оказывается: *вопервыя*, далеко не всѣ депешки были перешвачены и дешифрованы; такъ, напр., денеша отъ 17-го (28-го) мая 1744 г. вовсе не была извѣстна Бестужеву-Рюмину и сдѣланная на подлинникѣ помѣтка: «cette lettre a été interceptée par les ministres russes; mais M. de la Chetardie en a envoié un duplicata» не соответствуетъ истинѣ—письмо не было получено въ Парижѣ, очевидно, по другимъ причинамъ и

ему нетрудно было доказать, что Шетарди виновенъ не только въ составленіи «ругательныхъ и предосудительныхъ реляцій», но, что хуже всего, въ «поношеніи освященныхъ государевыхъ персонъ, качествъ и склонностей ихъ»¹⁾. Правду писала Екатерина II, что маркизъ Шетарди «на словахъ былъ гораздо скромнѣе, чѣмъ въ письмахъ, которыя были наполнены самою горькою желчью»²⁾. Съ ужасомъ и негодованіемъ читала Елизавета Петровна эти перлюстраціи. Никогда еще императрица не выслушивала такихъ горькихъ истинъ: она легкомысленна, лѣнива и разсѣяна, она «пужается» всякаго серьезнаго дѣла и подписываетъ бумаги, не зная ихъ содержанія, она «единственно увеселеніямъ своимъ предана» и «совершенную омерзѣлость отъ дѣлъ» выказываетъ и т. п. Елизавета Петровна была оскорблена и какъ женщина за «услажденіе туалета четырьжды или пятью на день повторенное»³⁾.

вѣроятнѣе всего, по ненадежности способа пересылки, что создалъ и самъ Шетарди, отправляя дубликаты; *вопреки*, не смотря на искусство Гольдбаха, депеши дешифровались довольно неискусно, причемъ встрѣчаются замѣчанія, въ родѣ: «здѣсь одинъ пассажъ весьма невнятный находится» (485), «значится нѣкакой городъ, который еще съ цифръ разобрать не можно было» (497) и т. п., между тѣмъ какъ въ подлинникахъ пассажъ оказывается «весьма внятнѣмъ», а городъ—Брауншвейгомъ (Brunswick); наконецъ, *стремлясь*, въ дешифрованныхъ депешахъ выбрасывались всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя не могли служить для той цѣли, ради которой письма перлюстривались, вслѣдствіе чего, при чтеніи депешъ въ «Архивѣ кн. Воронцова» получается впечатлѣніе, несоответствующее смыслу подлинныхъ депешъ, тѣмъ болѣе, что и самый переводъ депешъ не всегда вѣренъ.

¹⁾ Въ настоящее время вопросъ о высылкѣ маркиза Шетарди вполне разъясненъ, благодаря обнаруженію всѣхъ бумагъ, относящихся къ этому дѣлу, въ I-мъ томѣ «Архива кн. Воронцова», стр. 457—628. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта высылка—дѣло вице-канцлера Бестужева-Рюмина. На этомъ вопросѣ можно убѣдиться еще разъ—еслибъ въ этомъ настояла надобность—какъ осторожно должно обращаться съ реляціями иностранныхъ посланниковъ. Англійскій посланникъ лордъ *Тираули*, къ тому же недавно прабывшій въ русскомъ дворѣ, послалъ, 6-го же іюня, длинную депешу лорду Картерету, въ которой подробно говорить о высылкѣ Шетарди и прибавляетъ: *J made now no secret of my share in this mater... the steps J have taken to expose this French Minister's conduct and have my part to lead things into the channel they have taken... when we trad opened the Empresses eyes upon his conduct* и т. п. Все это, очевидно, ложь, и англійскій посланникъ до 6-го іюня и не думалъ о высылкѣ. (*Лонд. Архивъ, Russia, № 45*). —²⁾ *Mémoires*, 16.

³⁾ *Арх. кн. Воронцова*, I, 472, 473, 476, 482, 484, 504, 505, 535, 536,

Выѣстъ съ этими перлюстраціями вице-канцлеръ представилъ императрицѣ особый докладъ, въ которомъ онъ отбѣивалъ поведеніе маркиза Шетарди и, въ заключеніе, предлагалъ: «велѣть ему, Шетардію, не заѣзжая никуда и ни съ кѣмъ не простясь, изъ города въ 24 часа, а изъ государства не занимая Петербурга, чрезъ Ригу, какъ скоро возможно выѣхать». Докладъ былъ утвержденъ, и 6-го іюня маркизу Шетарди было объявлено особою декларациею, что онъ, по высочайшему повелѣнію, высылается изъ Россіи; къ дому его былъ приставленъ караулъ ¹⁾.

Изъ перлюстраціи депешъ Елизавета Петровна узнала, сверхъ того, о некрасивой роли прусскаго шпіона, добровольно принятой на себя матерью принцессы Софіи. Оказалось, что княгиня пересылалась письмами съ Фридрихомъ II, старалась нарушить добрыя отношенія императрицы къ Австріи, вела переговоры съ шведскимъ правительствомъ, работала въ пользу союза съ Пруссіею, подъ ея «кувертомъ» пересылались секретныя бумаги, она была придворнымъ, близкимъ къ императрицѣ агентомъ Шетарди и Мардефельда, интриговала противъ вице-канцлера, наконецъ, принимала извѣстное участіе въ судьбѣ брауншвейгской семьи ²⁾. Вотъ

553, 560, 564. 569. Въ депешахъ *Шетарди* нельзя указать ни одного отзыва объ «освященной государевой персонѣ», который не былъ бы повторяемъ и представителями другихъ дворовъ. Гораздо ранѣе Шетарди, англійскій посланникъ *Вичъ*, въ депешѣ отъ 16-го апрѣля 1743 г., писалъ: Her Imperial Majesty's attachment to her pleasures and her neglect of all foreign concerns make affairs move very slow and may occasion irreparable mischief (*Лондон. Архивъ, Russia, № 43*). Къ подобнымъ отзывамъ посланниковъ нельзя относиться серьезно—они вполне зависятъ отъ успѣха или неудачи ихъ замысловъ. Въ депешѣ отъ 11-го ноября 1745 г., о той же Елизаветѣ Петровнѣ англійскій посланникъ пишетъ: The Empress applies herself very assiduously to business, and as she has great penetration and abilities, I am persuaded etc. (*Лонд. Архивъ, Russia, № 49*).

¹⁾ *Манштейнъ*, 292; *Beauclair*, 86. Въ парижскомъ архивѣ хранится рядъ неожиданныхъ еще бумагъ, касающихся высылки маркиза Шетарди (*Russie, vol. 45, f. 38, 45, 47, 56, 62 (protestation), 77, 145, 173, 207, 268, 300; vol. 46, f. 20, 159, 322*).

²⁾ *Архивъ кн. Воронцова*, I, 497, 498, 501, 540, 552, 567, 575, 579, 596. Подъ вліяніемъ Пруссіи, княгиня видѣла большую опасность въ брауншвейгской семьѣ и высказывала свои опасенія императрицѣ, что особенно раздражало Елизавету Петровну. Мардефельдъ пишетъ королю, отъ 10-го марта 1744 г.: L'impératrice se fache qu'on lui fait envisager les dangers qu'elle court.

что было предметомъ разговора императрицы съ цербетской княгиней въ кельѣ троицко-сергіевой обители. Разговоръ былъ крупный: императрица вышла съ разгнѣваннымъ лицомъ, княгиня—съ заплаканными глазами. «Не знаю, пишетъ Екатерина, удалось-ли моей матери оправдаться предъ императрицею, но мы не уѣхали изъ Россіи, хотя съ моею матерью продолжали обращаться крайне недовѣрчиво и довольно холодно» ¹⁾).

Эта холодность началась еще съ конца апрѣля. Императрица все рѣже посѣщаетъ цербетскую гостью въ ея апартаментгахъ и какъ бы избѣгаетъ встрѣчаться съ нею. Въ началѣ мая Шетарди извѣщала свой дворъ, что «принцессы Цербетскія нынѣ не меньше иныхъ того авантажа, дабы къ императрицѣ приближаться. лишены» ²⁾; въ концѣ мая, англійскій посланникъ видѣлъ уже княгиню въ слезахъ ³⁾. Лукавая княгиня, сообщавшая мужу всякія, даже мелкія подробности о своемъ пребываніи при русскомъ дворѣ, ни словомъ не обмолвилась о своемъ участіи въ планахъ Шетарди. Слезы ея, какъ подмѣченный англійскимъ посланникомъ, такъ и видѣнная ея дочерью, едва-ли были искренни; по крайней мѣрѣ, и послѣ высылки Шетарди, княгиня не перестала интриговать, продолжала роль прусскаго пііона.

Мардефельдъ читалъ декларацію о высылкѣ Шетарди «закуса губу». Онъ долженъ былъ теперь измѣнить свою тактику: вмѣсто четверного союза—Россіи, Пруссіи, Швеціи и Франціи, онъ предложилъ теперь тройной союзъ—Россіи, Пруссіи и Швеціи, въ надеждѣ, конечно, что Франція присоединится впослѣдствіи къ этому союзу. Это было крайне наивно и свидѣтельствовало, до какой степени прусскій посланникъ не понималъ Бестужева-Рюмина.

obstinée à se croire bien affermie sur le trône (*Pol. Corr.* III, 17). Въ виду этого прусскій посланникъ возлагалъ подобныя, раздражавшія императрицу, порученія на своего агента, княгиню цербетскую. Какъ видно, система запугиванія, обычно практикуемая съ слабыми коронованными головами, не имѣла успѣха у Елизаветы Петровны.

¹⁾ *Mémoires*, 17. Холодность эта объясняется сообщеніями *Голоумца*, въ депешѣ отъ 29 іюня 1744 г., см. Приложение I, 5.—²⁾ Депеша отъ 10 мая (*Арх. кн. Воронцова*, I, 561).

³⁾ Депеша лорда *Тураули* къ лорду Картерету, отъ 6-го іюня: The princess of Zerbst has been in tears for some days past. (*London. Архивъ*, Russia, № 45).

полагая, что его такъ легко обмануть. Прусскій шпионъ въ юбкѣ принялся, не смотря на недавнія слезы, за прежнюю роль: «цербстская княгиня побуждала Ея Императорское Величество заключить этотъ тройной союзъ, но императрица очень скоро заставила ее замолчать, сказавъ, что ей не къ лицу вмѣшиваться въ дѣла, которыя ее не касаются, причемъ императрица высказала желаніе, чтобъ это ея замѣчаніе послужило княгини урокомъ на будущее время» ¹⁾).

Ожидавшіе, что поведеніе матери отразится и на дочери ²⁾), ошиблись. Мы видѣли, какъ, въ троицко-сергіевой обители, императрица, доведя мать до слезъ, любовно дѣловала дочь. Отношенія великаго князя къ принцессѣ Софіи ясно указывали, что Елизавета Петровна ошибокъ матери не ставила въ вину дочери. Въ это время великій князь и принцесса Софія настолько уже подружились, что у нихъ образовался уже свой «языкъ влюбленныхъ», тайну котораго они старательно скрывали, не замѣчая, конечно, что это былъ *le secret de Polichinelle*. Такъ какъ принцесса Софія много уже успѣла въ русскомъ языкѣ, то влюбленные условились провозглашать за обѣдомъ здоровье слѣдующею русскою фразою: «Дай Богъ, чтобы скорѣе сдѣлалось то, чего мы желаемъ» ³⁾), т. е. свадьба. Въ это время, принцесса Софія имѣла уже такое вліяніе на великаго князя, что графъ Брюмеръ не разъ обращался къ ней съ жалобами на своего воспитанника и съ просьбою испра-

¹⁾ The princess of Zerbst had pressed Her Imp. Majesty to conclude this treaty, but the Empress had silenced her in a very short manner, by telling her, it looked very ill in her to meddle in things that did not concern her and the Empress desired that answer might be a lesson to her for the future. Деша отъ 18-го іюня. (*Лондон. Архивъ, Russia, № 45*).

²⁾ At present the Empress seems very weary of the Anhalt family. Деша отъ 6-го іюня. (*Лондон. Архивъ, № 45*).—³⁾ Памятна осталась эта фраза саксонскому посланнику барону *Герсдорфу*: хорошо понимая значеніе этой фразы, онъ, желая сдѣлать угодное великому князю, напомнилъ за обѣдомъ о необходимости «пить здоровье по-русски»; фраза была произнесена, но великій князь, обратясь къ посланнику, замѣтилъ, что еслибъ баронъ зналъ скрытый смыслъ фразы, онъ, конечно, измѣнилъ бы ее такъ: «Дай Богъ, чтобы скорѣе сдѣлалось то, чего мы не желаемъ», намекая на противодѣйствіе саксонской партіи браку съ цербстскою принцессою. Деша къ графу Брюлю, отъ 21-го іюня (*Арх. кн. Воронцова, I, 625*).

вить великаго князя ¹⁾. Конечно, такія отношенія между молодыми людьми могли установиться только свѣдома императрицы, съ ея согласія.

Императрица была недовольна матерью, но не дочерью. Въ глазахъ Елизаветы Петровны виновна была одна княгиня цербстская, и она получила полное воздаяніе за свои прегрѣшенія. Никогда еще судьба не насмѣхалась такъ зло надъ человѣческими расчетами: Шетарди желалъ «ссадить» Бестужева-Рюмина и самъ былъ высланъ подъ конвоемъ изъ Россіи; сторонники Пруссіи напрягали всѣ усилія, чтобъ отвлечь Россію отъ Австріи, и въ это именно время былъ заключенъ трактатъ съ Саксоніей, скрѣпявшій австро-русскій союзъ; княгиня цербстская стремилась повредить вице-канцлеру и 13-го же іюня поздравляла Бестужева-Рюмина, возведеннаго въ великіе канцлеры.

12-го іюня возвратились изъ «тронцкаго похода» въ Москву, гдѣ уже находился майоръ Веселовскій, пріѣхавшій изъ Цербста съ отвѣтомъ отъ князя Христіана-Августа. Отвѣтъ былъ извѣстенъ заранѣе: видя въ избраніи принцессы Софій «eine Führung Gottes», отецъ благословлялъ ее на бракъ съ великимъ княземъ, соглашался на переходъ ея въ православіе и только поручалъ женѣ озаботиться, чтобъ въ брачномъ договорѣ было точно опредѣлено вдовье содержаніе, «если можно, лучше всего въ Голштиніи или Дифляндіи» ²⁾. Не смотря на то, что согласіе отца не подлежало сомнѣнію, Петръ Ѳедоровичъ совсѣмъ оглупѣлъ отъ радости: онъ прыгалъ, смѣялся, носилъ письмо въ рукавѣ, безпрестанно цѣловалъ его, всѣмъ прочитывалъ. «Я никакъ не воображала, пишеть княгиня мужу, чтобъ великій князь, не сомнѣвавшійся въ твоёмъ согласіи, могъ быть до такой степени тронуть твоимъ письмомъ. Еслибъ исполнились всѣ тѣ пожеланія, которыя высказываетъ твой будущій зять, ты, конечно, на вѣки былъ бы счастливъ» ³⁾.

¹⁾ *Mémoires*, 17. — ²⁾ *Siebigk*, 150. — ³⁾ *Siebigk*, 69.

XI.

Еще не въѣзжая въ Россію, принцесса Софія знала уже, что ей предстоитъ бракъ съ наслѣдникомъ русскаго престола и что для этого брака необходимо перемѣнить вѣру, изъ протестантки стать православной. Еще въ дѣтствѣ маленькой Фике говорили, что спастись можно только въ лютеранскомъ исповѣданіи; позже она слышала, что кромѣ лютеранъ, есть католики, «поклоняющіеся» римскому папѣ, противъ котораго такъ возставалъ Лютеръ. Но о православныхъ, исповѣдующихъ греческую вѣру, ей никто не говорилъ. Что значить стать православною—она не понимала, не имѣя никакого представленія о греческомъ исповѣданіи. Съ дороги въ Россію, изъ Кенигсберга, она писала отцу о предстоящихъ ей «искушеніяхъ», но въ чемъ они состоятъ, какихъ потребуютъ жертвъ и къ чему могутъ повести—она не могла дать себѣ опредѣленнаго отчета.

Не болѣе свѣдуша въ этомъ отношеніи была и мать принцессы. Точно исполняя волю мужа, выраженную въ извѣстной «инструкціи» ¹⁾, княгиня, вскорѣ же по приѣздѣ въ Москву спросила у императрицы; не можетъ-ли ея дочь остаться протестанткой, по примѣру супруги цесаревича Алексѣя Петровича Елизавета Петровна категорически устранила подобную мысль, ²⁾ причеиъ замѣ-

¹⁾ Первый пунктъ «Pro Memoria», см. выше, стр. 39-я.

²⁾ Сообщая свой разговоръ съ императрицею, княгиня или сама не поняла слышаннаго отъ императрицы, или умышленно, для успокоенія мужа, извратила смыслъ сказаннаго ей. Елизавета Петровна не могла говорить княгинѣ, будто цесаревичъ Алексѣй Петровичъ не былъ наслѣдникомъ своего

тила, что различіе вѣроисповѣданій не такъ значительно, какъ обыкновенно думаютъ, и предложила княгинѣ самой убѣдиться въ справедливости ея словъ, переговоривъ съ архимандритомъ, который былъ наставникомъ великаго князя и избранъ ею въ законоучители для принцессы Софіи. «Я выслушала архимандрита — писать княгиня мужу, отъ 24 февраля—и клянусь тебѣ Богомъ, что я не нашла въ ихъ исповѣданіи никакого заблужденія. Я прошла съ нимъ весь ихъ символъ вѣры, также и катехизисъ Лютера: другими словами, но у нихъ высказаны тѣ же основныя ученія. Внѣшніе обряды, правда, весьма отличны отъ нашихъ. Я еще разъ тщательно перечла давнюю тобою мнѣ инструкцію, и такъ какъ въ ней ты предоставляешь самой дочери сдѣлать выборъ, если только дочь не встрѣтитъ въ греческомъ исповѣданіи ничего предосудительнаго, то, поэтому, я и предоставила это на волю дочери. Она занята теперь изложеніемъ для тебя на бумагѣ всего, чему ее учать, и она закликаетъ меня, что въ этотъ ученій нѣтъ ничего, что ее отталкивало бы. Она увѣрена, что греческая вѣра спасетъ ее. Я, какъ видишь, не торопилась и поступала согласно своему указанію»¹⁾).

Если таковы были впечатлѣнія княгини-матери отъ бесѣды съ архимандритомъ, то, естественно, что на принцессу-дочь уроки законоучителя производили еще большее впечатлѣніе. Уроки начались въ тотъ же день, когда княгиня писала свое письмо мужу²⁾.

Зная законоучителя архимандрита Симона Тодорскаго³⁾, нельзя отца Петра I; равнымъ образомъ, императрица не могла увѣрять княгиню, будто Шарлотта, принцесса вольфенбюттельская, обязалась принять православіе въ случаѣ рожденія сына (*Siebigk*, 56). Неудобство эту замѣтилъ Брюкнеръ, 219, и добродушно повторилъ *Дирингъ*, 79.

¹⁾ *Siebigk*, 56. — ²⁾ On commença demain à l'instruire dans la religion grecque. (Депеша *Штарди* къ статсъ-секретарю Амело, отъ 23-го февр. 1744 г. (*Париж. Архивъ*, Russie. vol. 44, f. 32; *Арх. кн. Воронцова*, I, 510).

³⁾ Былъ еще *Арсеній* Тодорскій, архимандритъ коломенскаго спасскаго монастыря въ 1773 г., затѣмъ архимандритъ шести другихъ монастырей, наконецъ, епископъ вологодскій. Былъ-ли онъ въ родствѣ съ Симономъ—неизвѣстно. Симонъ Тодорскій, за обращеніе Петра Федоровича, возведенъ, 12-го сентября 1743 г., въ архимандриты ипатіевскаго монастыря; за обращеніе Софіи, 31 марта 1746 г.—въ епископы костромскіе, потомъ псковскіе, наконецъ, въ 1748 г., въ архіепископы. Онъ умеръ въ 1754 году. Намъ неизвѣстно, почему *Штелинь* утверждаетъ, что «онъ мечталъ быть папою» (77).

было и сомнѣваться въ успѣхѣхъ порученнаго ему дѣла. Окончивъ курсъ въ московской духовной академіи, Тодорскій, не принимая еще постриженія, отправился за границу и четыре года слушалъ лекціи въ университетѣ, въ Галле. Незадолго до его прибытія, піэтическое направленіе, царившее въ университетѣ и доходившее до ханжества, было значительно подорвано блестящими чтеніями знаменитаго математика Христіана Вольфа, изгнаннаго, по доносу профессора-піэтиста Ланге, не только изъ Галле, но и изъ предѣловъ Пруссіи. Идеи, по счастью, не подлежатъ ссылкѣ, и во время пребыванія Тодорскаго въ Галле начиналъ уже зарождаться историко-критическій взглядъ на богословіе, развитый позже Землеромъ. Піэтисты были правы, возставая и противъ математическаго, и противъ историко-критическаго методовъ—они убилъ піэтизмъ и дали богословію научныя основы. Эта живая, горячая борьба мнѣній, взглядовъ, методовъ не могла не отразиться на Тодорскомъ: онъ былъ увлеченъ новою школою, ея методомъ при обсужденіи богословскихъ вопросовъ и возвратился въ Россію глубоко-убѣжденнымъ человѣкомъ, ставившимъ внутренней смыслъ христіанскаго ученія выше всякихъ внѣшнихъ обрядностей, и научно-образованнымъ богословомъ, понявшимъ тѣхъ вѣроисповѣдныхъ особенностей. Саксонскій министръ въ Россіи, піэтистъ Пецольдъ, находилъ, что Тодорскій получилъ въ Галле «очень слабыя богословскія основы»¹⁾, послѣ бесѣды съ архимандритомъ, княгиня цербтская вынесла убѣжденіе, что онъ «прилежалъ къ лютеранскому исповѣданію»²⁾; принцесса Софія была въ восторгѣ отъ своего законоучителя и скоро вполне подчинилась его вліянію. Послѣ перваго же урока, она, въ письмѣ матери къ отцу, сдѣлала слѣдующую приписку, въ которой, вѣроятно, только повторяла слова учителя:

«Свѣтлѣйшій князь.

«Вполнѣ согласно тому, что дорогая матушка сообщила Вашей Свѣтлости, я надѣюсь вскорѣ представить Вамъ письменныя доказательства всеобщаго заблужденія, господствующаго относительно главной статьи, которой всѣ мы такъ неосознательно опасались и которую самъ Гейнекцій ошибочно объясняетъ. Внѣшніе обряды весьма различны, но церковь принуждена къ тому грубостью народа.

¹⁾ Archimandrit studierte in Halle und daselbst sehr gelinde principia adoptirt. Денеша *Пецольда* графу Брюлю, отъ 15-го дек. 1742 г. *Сборникъ*, VI, 464. — ²⁾ *Сборникъ*, VII, 29.

«Надѣюсь, я поступила не поспѣшно, тѣмъ болѣе, что послѣ основныхъ началъ нашего вѣрованія, я точно сообразовалась съ инструкціями Вашей Свѣтлости. Это послушаніе и почтеніе къ вашей особѣ будутъ всегда руководить мною. Я совершенно здорова; прошу вашего благословенія и остаюсь на всю мою жизнь вѣрною дочерью и слугою

«*Софія-Ф.А.*, принцесса Ангальтъ-Цербстская».

Христіантъ-Августъ не былъ фанатикъ; но, какъ пізтистъ, онъ весьма серьезно относился къ вопросамъ вѣры. Въ своемъ откѣтѣ женѣ, онъ признаетъ, что «греческая церковь была первою, чистою апостольскою церковью», но не скрываетъ отъ себя, что «всякіе раздоры и обрядности замутили ее»; тѣмъ не менѣе, онъ опять повторяетъ, что «не видитъ никакого препятствія предоставить на волю дочери выборъ вѣроисповѣданія». Его пізтическая серьезность лучше всего сказалась въ письмѣ къ дочери. Съ нетерпѣніемъ ожидая обѣщаннаго отчета о греческомъ вѣроисповѣданіи, онъ увѣщеваетъ дочь тщательнo испытать себя, прежде чѣмъ принять иную вѣру: «Ты должна относиться къ этому испытанію не легкомысленно, должна хорошенько испытать себя, дѣйствительно-ли одупеляющія тебя страсти господствуютъ въ твоей душѣ, не являются-ли онѣ, незамѣтно для тебя самой, послѣдствіемъ милостей императрицы и другихъ высокопоставленныхъ особъ при русскомъ дворѣ. Мы, люди, вслѣдствіе нашей слабости, чаще смотримъ лишь на то, что предъ глазами; Господь же испытуетъ сердца и внутреннія наши побужденія, и по нимъ уже, какъ всесправедливый, оказываетъ свои милости» ¹⁾).

Весь мартъ принцесса Софія пролежала въ постели; только въ апрѣлѣ возобновились систематическія занятія съ Симономъ Тодорскимъ по Закону Божію и съ Ададуровымъ по русскому языку ²⁾). Молодая принцесса, съ увлеченіемъ предавшаяся изученію, дѣлала замѣтные успѣхи. Въ концѣ апрѣля она уже понимала обращен-

¹⁾ *Siebigk*, 59. — ²⁾ Княгиня тоже начала было учиться русскому языку но не могла преодолѣть его трудностей. Она пишетъ мужу: Die russische Sprache ist schwerer als man Glauben sollte, man mus das Griechische Alphabet lernen, ich würde schon ziemlich avenciert seyn, wenn Nicht so viele Behindernisse zwischen. Мы сомнѣваемся, однако, чтобы это изученіе русскаго языка княгиней дѣлалось по повелѣнію императрицы (auf Befehl der Kaiserin). *Siebigk*, 66.

ную къ ней русскую рѣчь и сама составляла недлинные предложенія. Дружескія бесѣды съ великимъ княземъ много помогали урокамъ Ададурова: Петръ Ѳедоровичъ, сколько могъ, болталъ съ принцессою по-русски, переводя непонятныя выраженія на нѣмецкій языкъ и повторяя русскія слова. Это было изученіе чисто практическое, безъ всякой теоретической подготовки, удовлетворявшее, прежде всего, необходимости изъясняться по-русски, чѣмъ и объясняется его успѣшность.

Такой же характеръ, конечно, носили и занятія съ Симономъ Тодорскимъ: задача заключалась вовсе не въ разрѣшеніи теологическихъ антитезъ, представляемыхъ православіемъ и лютеранствомъ, а въ усвоеніи русскаго текста Символа Вѣры и условныхъ отвѣтовъ на условные вопросы. При умѣ и понятливости принцессы Софіи, сознававшей уже важное значеніе для всей ея жизни наставленій Симона Тодорскаго, дѣло спорилось. Къ началу мая принцесса Софія, еще не вполне оправившаяся послѣ болѣзни, окончательно не могла найти никакого различія между протестантствомъ и православіемъ. Майоръ Веселовскій, отправлявшійся въ Цербстъ съ формальнымъ предложеніемъ отъ имени императрицы, повезъ Христіану-Августу слѣдующее письмо его дочери:

«Свѣтлѣйшій князь. Осмѣливаюсь писать Вашей Свѣтлости, чтобы попросить у Васъ согласія на намѣреніе Ея Императорскаго Величества относительно меня. Могу увѣрить васъ, что Ваша воля всегда будетъ моею и что никто не въ силахъ отвратить меня отъ обязанностей относительно Васъ. Впрочемъ, свѣтлѣйшій князь, всеняжайше умоляю Васъ сохранить ко мнѣ Ваши милости и дать мнѣ Ваше благословеніе.

«Такъ какъ я не нахожу почти никакого различія между вѣрою греческою и лютеранскою, то я рѣшилась (сообразуясь съ милостивыми инструкціями Вашей Свѣтлости) перемѣнить религію и пришло Вамъ съ первою же почтою мое исповѣданіе вѣры. Смѣю надѣяться, что Ваша Свѣтлость останется имъ довольны. Остаюсь во всю жизнь съ глубокимъ почтеніемъ Вашей Свѣтлости всеняжайшая и всекорнѣйшая дочь и слуга

«*Софія-А-Ф.*, принцесса Ангальтъ-Цербтская.

«Москва. 3 мая 1744 года.

«P.S. Всеняжайше прошу Вашу Свѣтлость передать мое почтеніе моему дяди и сказать, что я напишу ему съ первою же почтою—рука моя, очень еще слабая, не позволяетъ мнѣ сдѣлать это сегодня».

По поводу столь важнаго шага въ судьбѣ юной цербетской принцессы, какъ перемѣна вѣры и бракъ съ русскимъ великимъ княземъ, происходилъ довольно оживленный обмѣнъ мыслей, какъ между родителями, такъ и родственниками принцессы Софіи. Почтовые сношенія въ то время были крайне затруднительны — на поѣздку изъ Москвы въ Цербетъ и обратно требовалось болѣе мѣсяца; тѣмъ не менѣе, стороны обмѣнялись нѣсколькими письмами, которыя, къ сожалѣнію, не всѣ еще обнаружены. Въ напечатанныхъ же письмахъ не трудно усмотрѣть, хотя и въ общихъ чертахъ, два теченія мыслей, рѣзко обособленныя: въ Цербетѣ, среди ближайшихъ родственниковъ принцессы Софіи, косо смотрѣли на поѣздку цербетской княгини съ дочерью въ Москву, не одобряли предполагаемаго брака съ русскимъ великимъ княземъ, негодовали по поводу предстоящей перемѣны вѣры; въ Москвѣ, напротивъ, видѣли все въ розовомъ свѣтѣ: путешествіе въ Москву предпринято по вызову императрицы, которая всегда относилась съ большимъ участіемъ къ голштинской фамиліи и благоволеніемъ которой нельзя не дорожить; никакой перемѣны вѣры не предстоитъ; такъ какъ лютеранское и греческое исповѣданіе — почти одно и то же; что же касается брака, то въ немъ заключено будущее счастье не только дочери, но всей семьи.

И путешествіе въ Москву, и перемѣна вѣры были только подготовленіемъ къ браку цербетской принцессы съ русскимъ великимъ княземъ. Какъ же смотрѣли въ то время на подобный бракъ? Еще не забылась печальная судьба супруги царевича Алексѣя Петровича, дочери Людвигъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго, несчастной Шарлотты, брошенной мужемъ, забытой царемъ; еще приходили изъ Россіи грустныя вѣсти о судьбѣ «брауншвейгской семьи», которую волочили по русскимъ крѣпостямъ, вмѣстѣ съ младенцемъ-императоромъ, котораго даже корона не спасла отъ ссылки. Конечно, цербетская княгиня и ея дочь, прельщенные блескомъ русскаго двора, богатствомъ внѣшней обстановки, увлеченныя самымъ титуломъ жениха, будущаго императора, смотрѣли на бракъ иными глазами, чѣмъ ихъ родственники, которые пережили и хорошо помнили длинный рядъ дворцовыхъ переворотовъ, еще такъ недавно потрясавшихъ русскій престолъ и обгаившихъ кровью ступени русскаго трона; что для княгини казалось верхомъ

благополучія, то для ея родственниковъ представлялось опаснымъ рискомъ, ненадежнымъ и паткимъ, предвѣщавшимъ бѣдствіе и страданіе. Бабка принцессы Софіи, герцогиня Брауншвейгская, мать княгини, ея тетка, абатисса Кведлинбургская, и вообще женскій персоналъ семьи особенно возставалъ противъ «затѣи» породниться съ русскимъ императорскимъ домомъ, наиболѣе революціоннымъ, наименѣе прочнымъ. Христіанъ-Августъ не умѣлъ защитить свою жену передъ родными, велъ крупную переписку, ссорился съ ними ¹⁾; княгиня, какъ могла, поддерживала мужа своими письмами изъ Москвы. «Я не сомнѣвалась—пишетъ княгиня мужу—что поднимется буря изъ-за нашей поѣздки въ Москву; религія и честолюбіе даютъ хорошій къ тому поводъ. Но въѣдъ и тетка, подробно намъ, не была бы въ силахъ измѣнить мудрыя пути Провидѣнія. Мою поѣздку сюда и все это дѣло нельзя приписать ничему иному, и можно быть увѣреннымъ, что Всевидящій совершаетъ этимъ свои сокрытыя отъ насъ намѣренія. Мы, родители, можемъ утѣшаться тѣмъ, что только вслѣдствіе необходимости одно изъ нашихъ дѣтей будетъ призывать Бога по иному богослуженію, хотя, касательно истиннаго ученія, и ее, и наша совѣсть могутъ быть совершенно покойны. Конечно, намъ, родителямъ, очень тяжело видѣть свою дочь вдали отъ себя и какъ бы отрѣзанною, несмотря даже на то, что дочь будетъ обладать однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ богатствъ. Въ этомъ случаѣ насъ можетъ утѣшать только увѣренность, что мы оставляемъ дочь среди народа, который ее дѣйствительно уже любитъ, и на попеченіи прекраснѣйшей и любезнѣйшей матери» ²⁾.

Принцесса Софія знала объ этой перепискѣ, способной раздражить и не пятнадцатилѣтнюю дѣвушку. Правда, она теперь совершенно оправилась уже отъ болѣзни—выросла, похорошѣла, окрѣпла ³⁾; но, все-таки, предстоявшая перемѣна, неизвѣстное будущее, новая жизнь, самое приготовленіе къ торжествамъ, которыми должно сопровождаться публичное исповѣданіе и обрученіе, приводили ея нервы въ напряженное состояніе; когда же, вмѣсто поддержки и успокоенія, она узнавала о неудовольствіяхъ, даже объ опасеніяхъ родныхъ, юный организмъ не выдерживалъ—она зали-

¹⁾ Ranft, 138; Biester, 93. — ²⁾ Siebigk, 64. — ³⁾ Siebigk, 66.

вдалась слезами, которыя тщательно скрывала отъ постороннихъ глазъ ¹⁾. Она плакала отъ волненія, которое такъ естественно въ ея положеніи.

Съ 12-го іюня, по возвращеніи изъ троицко-сергіевой лавры ²⁾, уроки по Закону Божию участились. Теперь Симонъ Тодорскій занимался съ принцессою Софіею по два часа ежедневно. На 28-е іюня было назначено торжественное принятіе исповѣданія православнаго греческаго закона и на 29-е, въ день Петра и Павла—обрученіе. Занятія съ архимандритомъ удвоились. Съ 26-го іюня принцесса Софія не появлялась въ публикѣ; 27-го она держала постъ. Ночь съ 27-го на 28-е спала какъ убитая.

Въ среду, 28-го іюня, принцесса Софія, въ платьѣ адриенне изъ алаго gros de Tours, выложеннаго по швамъ, въ рисунокъ, серебрянымъ галуномъ, безъ всякаго украшенія на головѣ, кромѣ бѣлой ленты въ ненапудренныхъ волосахъ, производила впечатлѣніе даже на женщинъ. Къ 10-ти часамъ, сеять, первые чины двора, сановники, генералитетъ съѣхались въ головкинскій дворецъ; синодъ въ полномъ составѣ ожидалъ высочайшихъ особъ въ дворцовой церкви. Получивъ благословеніе отъ новгородскаго архіепископа Амвросія Юшкевича, принцесса Софія «яснымъ и твердымъ голосомъ, чисто русскимъ языкомъ, удивившимъ всѣхъ присутствовавшихъ, произнесла символъ вѣры, не запнувшись ни на одномъ словѣ»; на всѣ вопросы архіепископа она отвѣчала «съ увѣренностію и твердостію». Въ этотъ день на литургіи впервые была провозглашена ектинья за «благовѣрную Екатерину Алексѣвну» ³⁾. Поведеніе принцессы въ дворцовой церкви, при торжественномъ священнодѣйствіи, на глазахъ сановниковъ церкви и

¹⁾ *Schlözer*, 50; *Siebigk*, 57. — ²⁾ Во время этого пребыванія Елизаветы Петровны въ троицкомъ-сергіевомъ монастырѣ, 8-го іюня 1744 г., подписала императрицею именной указъ о наименованіи монастыря лаврою. — ³⁾ Елизавета Петровна нарекла цербтскую принцессу Екатериной въ честь своей матери (*Ranke*, III, 129). Приводимъ, какъ образецъ того вздора, который княгиня сообщала мужу, нѣсколько словъ ея по поводу нареченія принцессы Екатериною Алексѣвною: Solche Confirmation öffentlich zu versiegeln wirdt ein Nahme zugesetzt, unserer Tochter wirdt Chatarina seyn und der Alixsewna ist nach hiesiger Landes Ahrt und heisst Tochter des August, den der Nahme August Nach hiesiger Mundt Ahrt Nicht anders wie Alexiy gegeben werden kan. *Siebigk*, 63.

государства, заслужило ей общее одобреніе. «Невозможно описать, колкое съ благочніемъ соединенное усердіе сія достойнѣйшая принцесса при помянутомъ торжественномъ дѣйствіи оказывала, такъ что Ея Императорское Величество сама и большая часть бывшихъ притомъ знатныхъ особъ отъ радости не могли слезъ удержать» ¹⁾. Цѣна подобныхъ слезъ извѣстна ²⁾; несомнѣнно, однако, что въ этотъ день принцесса Софія привела всѣхъ въ восторгъ ³⁾, особенно же Елизавету Петровну, которая, вслѣдъ за окончаніемъ церемоніи, подарила ей «аграфъ и складень брильянтовый, цѣною въ вѣсколько сотъ тысячъ рублей» ⁴⁾. Этотъ вос-

¹⁾ *Спб. Вѣдомости* за 1744 г., № 55. — ²⁾ Плакали и при переходѣ великаго князя въ православіе, хотя онъ, въ самый день обряда, глумился надъ священниками, говоря: «имъ общаешь многое, чего и не думаешь исполнить». Dem ungeachtet hat den Prinz von Hessen und den General procureur die von dem jungen Herzog während dem Kirchacte erwiesene Devotion so geführt, dass da die Kaiserin mit Niederwerfung zur Erde Thränen zu vergiessen angefangen, sie mit selbiger um die Wette geweint. Денеша Пецоляда отъ 15-го декабря 1742 г. (*Сборникъ*, VI, 465). — ³⁾ Tous les assistants ont versé un torrent de larmes. Mais la jeune Princesse n'en a pas répandu une seule pendant cet acte solennel et s'est comportée comme une vraie héroïne. Elle a aussi prononcé la langue Russe dans la dernière netteté; enfin Elle fait l'admiration de la souveraine, de son futur et de toute la nation. Денеша *Мардефельда*, отъ 29-го іюня 1744 г. *Schlözer*, 51.

⁴⁾ «*Спб. Вѣд.*» за 1744 г., № 55. Подробности церемоніи заимствованы изъ «Relation de la profession publique de ma fille à l'Eglise Grece» (*Siebigk*, 152; *Сборникъ*, VII, 29). Въ данномъ случаѣ является значительное разногласіе: княгиня говоритъ, что императрица подарила дочери «une agraffe en bustière de brillans et un Collier de la valeur de 150 milles roubles». Ожерелье не складень; ни ошибиться, ни описать княгиня не могла—въ письмахъ и запискахъ она особенно точно обозначаетъ перечень всѣхъ подарковъ и стоимость ихъ. Если княгиня называетъ «le reverens Pere Theodosios, archimandrite», вм. Симона Тодорскаго—это ошибка, описка, какъ *Штелинъ* называлъ его *Федоровскимъ* (стр. 77); но складень замѣненъ ожерельемъ не по ошибкѣ; а съ намѣреніемъ: со складнемъ связанъ вопросъ о почитаніи иконъ, о чемъ она еще раньше, для успокоенія лютеранской совѣсти мужа, писала: ich kan bezeugen dass bei Jhnen schlechterdings keine Anbehtung deger Heyligen regieret wirdt (*Siebigk*, 61), и теперь она складень прикрыла ожерельемъ—это уже обманъ. Иногда она жжетъ такъ неумѣло, что ее не трудно уличить: такъ, извѣстивъ уже мужа объ урокахъ Тодорскаго въ двухъ письмахъ, отъ февраля, она въ іюлѣ пишетъ, будто эти уроки начались только послѣ полученія отъ князя согласія—depuis que le courier revenus

торгъ былъ добытъ ею не легко: естественное волненіе, извѣстное насиліе надъ собою, желаніе точно исполнить урокъ, вѣрно повторить заученныя фразы, жесты, позы, такъ утомили привещу, что она, постычавшая наканунѣ, не могла уже явиться къ столу— «она отдыхала, пока мы обѣдали» ¹⁾, говорить княгиня.

Ей нуженъ былъ отдыхъ, минута спокойствія, чтобы улеглись всѣ впечатлѣнія, вынесенныя ею въ послѣднее время и особенно сегодня. Приливъ новыхъ впечатлѣній, начавшійся съ самаго вѣзда въ Россію, прерывался только болѣзью Новыя мѣста, незнакомыя лица, небывалое положеніе—все ей было чуждо, ко всему надо было присмотрѣться, приготовиться, привыкнуть. Если было желаніе, а оно такъ естественно, чтобы поѣздка въ Россію не была безуспѣшна, требовалось привлечь къ себѣ императрицу, понравиться великому князю. Одного желанія тутъ недостаточно; требуется постоянное насиліе надъ собою, неослабное наблюденіе за каждымъ своимъ шагомъ, осторожное взвѣшиваніе каждаго слова, и, прежде всего, нужно изучить русскій языкъ, принять православіе. Главная, самая тяжелая обуза, давившая мозгъ, угнетавшая память, спала сегодня съ плечъ: она не только православная, благовѣрная, она русская—Екатерина Алексѣевна.

Въ этотъ же день, 28-го іюня, вечеромъ, великій князь принималъ поздравленія наканунѣ своихъ именинъ, для чего Екатерина Алексѣевна въ сопровожденіи придворныхъ дамъ отправилась на половину Петра Федоровича и подарила ему охотничій приборъ, осыпанный изумрудами и брильянтами ²⁾. Послѣ ужина весь дворъ переѣхалъ изъ головкинскаго дворца въ Кремль, гдѣ на другой день должно совершиться «къ брачному сочетанію обрученіе» ³⁾.

Въ четвергъ, 29-го іюня, въ день Петра и Павла, рано утромъ, Лестокъ принесъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ подарокъ императрицы—

de Zerbst en avois aportes votre consentement le reverens pere avoit été autho-
risé par S. M. Imp. à l'explication des doctes Grecs; но складень такъ и
остался для князя ожерельемъ.

¹⁾ Elle reposa pendens que nous dinions. *Siebigk*, 157; *Сборникъ*, VII, 35.

²⁾ Въ реляціи княгини не ясно: le presens que ma fille Lui portois consistoient en un couteau de Chasse et un pomeau de canne avec tous les utensilles d'une Garniture complete d'or garnis d'Emeraudes et de brillans. *Siebigk*, 157. То же повторено въ *Сборникъ*, VII, 35. — ³⁾ *Камеръ-фурьерскій журналъ*, 61.

брильянтовый браслетъ съ миниатюрными портретами императрицы и великаго князя. Обрученіе совершилось въ успенскомъ соборѣ, передъ обѣдной. Епископъ громкимъ голосомъ прочелъ указъ, которымъ императрица объявляла всему государству о помолвкѣ великаго князя наследника, «сына Нашей возлюбленной сестры», съ свѣтлѣйшею принцессою Ангальтъ Цербстскою, принявшею накануне православіе и нареченною Екатериною Алексѣевною, и повелѣвала эту свѣтлѣйшую принцессу почитать Великою Княжною съ титуломъ Ея Императорскаго Высочества ¹⁾. Императрица надѣла

¹⁾ *И. С. З.*, № 8983. Княгиня въ этомъ случаѣ довольно точно передала указъ и въ подробной реляціи, и въ короткомъ письмѣ: les titres de rechtgläubigen Gros Fürstin *Aller Reussen* und Kaiserliche Hoheit. (*Siebigk*, 70 и 160). Между тѣмъ, по изданію русскаго историческаго общества, въ «*Relation*», послѣ приведенныхъ словъ слѣдуетъ чрезвычайно важная вставка: le titre de rechtgläubigen Gross-Fürstin est d'une grande importance et la réputation heritière (*Сборникъ*, VII, 38). Эта объяснительная вставка княгини ввела многихъ въ заблужденіе. Во «*Всеобщемъ Лексиконѣ Цедлера*», въ рассказѣ о помолвкѣ Петра Федоровича съ Екатериною Алексѣевною, говорится: Die Prinzessin bekam von der Kayserin und dem Gross-Fürsten reiche Geschenke, und ward auch zur Erbin des Russischen Reichs eingesetzt, im Fall die Kayserin und der Gross-Fürst ohne Erben mit Tode abgehen solten (LXI, 1597). Этому извѣстію П. И. *Бартевель* придаетъ полную вѣру и потому важное значеніе: «При бракосочетаніи Екатерины постановлено было, что, въ случаѣ бездѣтной кончины великаго князя, наследницею Россійскаго престола будетъ Екатерина—условіе чрезвычайно важное и объясняющее намъ весь послѣдующій образъ дѣйствій Екатерины» (*Осмиди. Вѣст.*, I, 29). Высоко цѣнить это извѣстіе и Я. К. *Гротъ*: «Для разъясненія всего образа дѣйствій Екатерины при дворѣ Елизаветы Петровны необходимо имѣть въ виду важное постановленіе, послѣдовавшее при бракосочетаніи ея: что, въ случаѣ кончины великаго князя бездѣтнымъ, право на наследство переходитъ къ ней» (124). Такого «постановленія» никогда не было и быть не могло, такъ какъ въ немъ не было надобности. Постановленія подобнаго рода обнаружались манифестами—такого манифеста не существуетъ; еслибъ манифестъ былъ изданъ, онъ былъ бы доставленъ въ лексиконъ Цедлера тѣмъ же лицомъ, которое обязательно сообщило ему всѣ подробности помѣвки, не исключая даже манифеста значительно меньшей важности, который мы указали выше и которымъ повелѣвалось diese Durchl. Prinzessin, als Gross-Fürstin mit dem Titel: Ihre Kayserliche Hoheit, zu veneriren. Не было же надобности въ подобномъ постановленіи потому, что наследникомъ престола былъ уже объявленъ, по манифесту Елизаветы Петровны, ея племянникъ Петръ Федоровичъ; о какой-либо перемѣнѣ или дополненіи въ этомъ отно-

кольца на пальцы обручавшихся. «Эти кольца, прибавляет княгиня. настоящія маленькія чудовища—оба они могутъ стоять 50 тысячъ эку». За обѣдней, на эктиньяхъ, поминалась уже «обрученная невѣста Его Императорскаго Высочества благовѣрная государыня ве-

пенія могла быть рѣчь лишь въ случаѣ смерти великаго князя при жизни императрицы; но кончинѣ же Елизаветы Петровны, право распоряжаться въ этомъ отношеніи переходило къ императору Петру III. Но если такого постановленія не было, откуда почерпнулъ извѣстіе о немъ Цедлеръ для своего лексикона? О своемъ пребываніи въ Россіи княгиня Цербтская писала подробныя письма, родъ реляцій, своему мужу; она описала, между прочимъ, и помолвку своей дочери. Все, напечатанное по этому поводу во «Всеобщемъ Лексиконѣ» Цедлера, есть лишь пересказъ пространнаго письма княгини цербтской, напечатаннаго *Зибикомъ*, 152, и въ *Сборникъ*, VII, 37; вотъ почему княгиня постоянно выставляется на видъ въ разсказѣ о событіи, въ которомъ она играла роль болѣе чѣмъ второстепенную. Едва упомянувъ, что diese Verlobung geschah mit grossem Geränge, лексиконъ прибавляетъ: der Ober-Hof-Marschall Graf Otto von Brümmer führte die Fürstin von Zerbst, und der gesammte Hof folgte. Въ лексиконѣ, конечно, опущены подробности о нежеланіи пословъ сидѣть ниже княгини: разсказано, однако, какъ, всѣ обѣдали въ большой залѣ, за тремя столами, княгиня же обѣдала въ сосѣдней комнатѣ, но такъ, что могла видѣть все, что происходило въ большой залѣ (Die Fürstin von Zerbst sass an einer besondern Tafel in einem Neben-Zimmer, worinnen sie Alles, was in dem grossen Saale vorging, sehen konnte)—подробность, настолько неумѣстная во «Всеобщемъ Лексиконѣ», что помѣщеніе ея трудно было бы и объяснить, еслибъ не было указаній на источникъ этой статьи. Ею же, княгиней цербтской, или по ея указанію, было помѣщено извѣстіе о правѣ наследованія Екатерины Алексѣевны. Извѣстіе это, почерпнутое изъ лексикона Цедлера, передано г. Бартевскимъ неточно, причемъ исчезли двѣ особенности, доказывающія очевидную его невлѣпость: вопервыхъ, постановленіе о престолонаслѣдствіи отнесено къ помолвкѣ (а не къ бракосочетанію), и, вторыхъ, условіемъ его поставлена бездѣтность не только великаго князя, но и императрицы. Ни Соловьевъ (XXII, 41), ни Брихнеръ (237) вовсе не упоминаютъ объ этомъ постановленіи. Это былъ слухъ, слетя, повторенная, между прочимъ (*Сондартъ*, 20), *Рюльеромъ* и опровергнутая княгинею Дашковой, еще до обнаруженія этой книги, въ слѣдующихъ категорическихъ выраженіяхъ: Jamais il n'a été stipulé au mariage du Grand Duc (depuis empereur Pierre III) que sa femme régnerait après sa mort (*Арх. кн. Воронцова*, VII, 653). Негодность этого слуха была для княгини Дашковой до того очевидно, что она не считала даже возможнымъ, чтобъ книга, въ которой этотъ слухъ былъ повторенъ, могла быть писана Рюльеромъ: Quand je réfléchis—говоритъ она въ своихъ «Запискахъ»—que m-r de la Rhulière avait été plusieurs années au

ликая княжна Екатерина Алексѣевна» ¹⁾). Вся эта церемонія была обставлена чрезвычайною торжественностію: она совершалась въ присутствіи синода, сената, высшихъ чиновъ государства, генералитета, при колокольномъ перезвонѣ, при пушечной пальбѣ.

Какая разница съ объявленіемъ въ 1742 г. голштинскаго герцога Карла-Петра великимъ княземъ и наслѣдникомъ престола Петромъ Ѳедоровичемъ! Два года назадъ, «боялись совершить этотъ торжественный актъ въ Кремлѣ, въ кафедральномъ соборѣ, какъ этого требовалъ архіепископъ новгородскій, и выбрали дворцовую церковь, поставили у вѣхъ входовъ двойные караулы, приняли много другихъ предосторожностей», и все таки, «во дворцѣ, во время провозглашенія голштинскаго герцога великимъ княземъ, замѣчено было, по словамъ Лестока, множество подозрительныхъ личностей» ²⁾...

Послѣ обѣдни, въ Кремлѣ же, былъ большой выходъ для принесенія поздравленій жениху и невѣстѣ; въ два часа—большой столъ, при чемъ Екатерина впервые сидѣла на тронѣ; вечеромъ—балъ и ужинъ, окончившійся въ два часа ночи. На другое утро великой княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ приносили поздравленіе гвардія, лейбъ-кампанія, кавалергарды, проходившіе передъ лею церемоніальнымъ маршемъ; именитое купечество, фабриканты и заводчики подносили ей свои издѣлія; депутаціямъ не было конца. Вся Москва приняла праздничный видъ, ликовала.

bureau des affaires étrangères, qu'avec son esprit et sa capacité il n'aurait pas pu dire qu'au mariage de Pierre III avec la princesse de Serbst (depuis Catherine II) il avait été stipulé dans le contrat qu'en cas de son décès, c'est elle qui porterait la couronne, ce que le plus ignorant novice dans la diplomatie n'aurait pas, en contradiction avec la vérité, pu dire... je n'eus plus de doute que cet ouvrage prétendu de la Ruhlère n'était qu'un apocryphe (*Арх. кн. Ворониова, XXI, 189*). Въ письмѣ къ мужу княгиня цербстская категорически заявляетъ, что титулъ великой княжны уполномочиваетъ ихъ дочь, въ случаѣ смерти великаго князя, наслѣдовать русскій престолъ—wodurch sie nach ihres Mannes Tode zur Nachfolge befähigt ist (*Siebigk, 74*). Нельзя думать, чтобъ княгинѣ были сообщены невѣрные свѣдѣнія по столь важному вопросу; остается предположить, что и въ данномъ случаѣ княгиня передавала мужу заведомо невѣрные свѣдѣнія. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ повторяется о правѣ Екатерины наслѣдовать корону: *Dorville 209; Beauclair, 82; Ruhlère, 4, 9*.

¹⁾ *Камеръ-Фурьерскій журналъ* за 1744 г., стр. 60. — ²⁾ Депеша Пецоляда графу Брюлю, отъ 15 декабря 1742 г. (*Сборникъ, VI, 463*).

ХІІ.

Только теперь, ставъ великой княжвой Екатериной Алексѣв-ной, бывшая принцесса Софія почувствовала подъ собою почву, нетвердую, но все же почву, которой прежде не было. Еще чувствуется нѣкоторая зависимость отъ матери, она не живетъ еще самостоятельной жизнью, еще она не обвиняна съ великимъ княземъ, но уже ей оказываются извѣстныя отличія, императрица относится къ ней съ большимъ довѣріемъ, великій князь видитъ въ ней свою будущую жену, у нея свой дворъ, у нея свои карманныя деньги.

Если прежде, до обрученія, она слышала отъ великаго князя, что за провинности матери она не можетъ подлежать отвѣтственности, то теперь она сама уже начинаетъ критически относиться къ поведенію своей родительницы. Мать осталась для нея матерью—она уважаетъ ее, выказываетъ ей послушаніе; но она уже чувствуетъ, что ея судьба не зависитъ отъ участи ея матери; скоро она сознаетъ, что жизненные пути ихъ различны. «Въ своемъ новомъ положеніи—пишетъ княгиня мужу—дочь ведетъ себя чрезвычайно умно: она краснѣетъ всякій разъ, когда ей приходится идти впереди меня» ¹⁾. Если въ выборѣ этого примѣра для доказательства умнаго поведенія дочери видна вся чванливая пустота матери, то это же извѣстіе, въ сообщеніи дочери, дорисовываетъ княгиню окончательно: «Матери моей было непріятно, что я, ходившая всегда позади ея, стала теперь ходить передъ нею; я избѣ-

¹⁾ *Siebigk*, 74.

гала этого насколько возможно, но въ публикѣ я должна была быть впереди» ¹⁾). Между тѣмъ, именно теперь, въ іюлѣ, эти появленія въ публикѣ были особенно часты по случаю «торжества шведскаго мира», которое праздновалось въ Москвѣ рядомъ выходовъ, баловъ, спектаклей, маскарадовъ ²⁾), при чемъ дочь привыкаетъ быть «впереди» матери.

Съ каждымъ днемъ положеніе Екатерины становится болѣе прочнымъ. Вскорѣ послѣ обрученія императрица прислала ей 30,000 р. «на булавки» или, какъ тогда говорили, «на карточную игру» ³⁾). Вчерашняя Фике не сознавала, конечно, дѣйности этой суммы, но чувствовала себя обладательницей денегъ. Это чувство она съ удовольствіемъ проявила въ письмѣ къ отцу, отъ 5-го же іюля: «Услышавъ, что Ваша Свѣтлость послали брата моего въ Гамбургъ и вспоминая, что для этого потребуются довольно большія издержки, осмѣливаюсь просить Вашу Свѣтлость оставить его тамъ такъ долго, какъ это будетъ необходимо для полного его излеченія: я предлагаю уплатить всѣ издержки и почтительнѣйше умоляю Вашу Свѣтлость указать мнѣ банкира, которому я и выпишу, сколько требуется» ⁴⁾). Въ этихъ строкахъ видно доброе сердце, а между строкъ чувствуется самостоятельность, хотя и не вполне сознательная, что доказываетъ и самая подпись: «Екатерина С. А. Ф. принцесса Ангальтъ-Цербстская» — недѣлю спустя послѣ обрученія, она еще не тверда въ собственномъ титулѣ, путается въ своемъ имени, не привыкла еще сознавать себя русской великой княжной.

Черезъ недѣлю, 15-го іюля, въ день празднованія мира со Швеціею, княгиня-матери былъ нанесенъ двойной ударъ ея врагъ, Бестужевъ-Рюминъ, противъ котораго она такъ интриговала, желая «свергнуть» его съ поста вице-канцлера, былъ повышёнъ въ этотъ день, сдѣланъ великимъ канцлеромъ, а для ея дочери, которую она съ неудовольствіемъ видѣла «впереди» себя, былъ составленъ особый придворный штатъ ⁵⁾). При выборѣ лицъ, ко-

¹⁾ *Mémoires*, 24. — ²⁾ *Gосуд. Архивъ*, II, № 64. — ³⁾ *Siebigk*, 78. — ⁴⁾ *Сборникъ*. VII, 5; *Siebigk*, 151, почему-то скрылъ это мѣсто письма.

⁵⁾ Прусскій посланникъ Мардефельдъ еще въ январѣ 1744 г. сообщалъ Фридриху II: *L'Impératrice a résolu de former à la Princesse une cour composée uniquement de personnes de la Nationalité Russe, qui parlent Allemand et Français* (*Siebigk*, 14). Это извѣстіе невѣрно — дворъ былъ составленъ

торыя должны были состоять при великой княжнѣ-невѣстѣ, не обошлось безъ интригъ, причемъ Бестужевъ опять одержалъ верхъ. Дворъ Екатерины составляли три камергера—Нарышкинъ, графъ Андрей Симоновичъ Гендриковъ и графъ Ефимовскій, и три камеръ-юнкера—графъ Захаръ Чернышевъ, графъ Петръ Бестужевъ-Рюминъ ¹⁾ и князь Александръ Голицынъ; гофмаршалъ не былъ еще назначенъ. Такой составъ двора не понравился княгинѣ и потому уже, что ее мнѣніе не было спрошено или, быть можетъ, не было уважено. «Мнѣ особенно не нравится то—пшеть княгиня мужу—что все это слишкомъ молодые люди. Мы все надѣялись, что будетъ назначенъ извѣстный тебѣ Нарышкинъ, но такъ какъ большіе господа чаще всего не находятъ хорошимъ то, что имъ предлагаютъ, то изъ этого ничего не вышло. Однако, гофмаршалъ еще не назначенъ и быть можетъ выборъ падетъ на него» ²⁾. Раздраженная княгиня упоминаетъ только о кавалерахъ, забывая о дамахъ: кромѣ гр. Румянцевой, которая съ начала марта находилась при Екатеринѣ, въ качествѣ гофмейстерины, теперь были назначены три камеръ-фрейлины—двѣ княжны Голицыны и дѣвица Кошелева ³⁾.

Эта новая обстановка, въ которую поставлена Екатерина, была исполнѣ естественна, но все же была новою. Требовалось время,

лишь послѣ обрученія; невѣрны, слѣдовательно, и выводы, построенные на этомъ извѣстїи Я. К. Гротомъ (118), причемъ невѣрно приведена и цитата изъ *Mémoires*, 37, относящаяся къ позднѣйшему времени—«après mon arrivée à Pétersbourg», а не въ Москвѣ.

¹⁾ Еще въ 1742 г. Бестужевъ-Рюминъ, тогда вице-канцлеръ, просилъ Брюммера опредѣлить его сына «большаго Петра» если не камергеромъ, то хоть шталмейстеромъ ко двору голштинскаго герцога; Брюммеръ отвѣчалъ, «что его королевское высочество собственной своей конюшни не имѣя, можно-ли такому чину быть». Потерпѣвъ неудачу, отецъ обратился къ посредничеству М. Л. Воронцова, которому писалъ: «Ежели паче чаянїя Брюмеръ о томъ такимъ же образомъ ответится, то ваше превосходительство всеуниженно прошу напротивъ представить, что не имѣя своего стола, однако же есть гофмаршалъ князь Черкасской; также, хотя собственной полевой охоты и не имѣется, однакожь есть оберъ-егермейстеръ иностранецъ Бредакъ; почто же бы и русскому безъ собственныхъ лошадей не быть шталмейстеромъ?» (*Арх. кн. Воронцова*, II, 3). Теперь времена переѣнились и Бестужевъ доставилъ сыну придворную должность, вопреки Лестоку, Брюмеру, княгинѣ и др.—²⁾ *Siebigk*, 78.—³⁾ *Mémoires*, 37.

чтобъ привыкнуть къ ней, и неудивительно, что Екатерина, ставъ уже великой княжной, продолжаетъ считать себя пербстской принцессой.

Отець Екатерины, Христіанъ-Августъ, прошедшій солдатскую школу, выросшій въ дисциплинѣ, лучше матери понялъ перемѣну, происшедшую въ судьбѣ дочери, но по складу своего ума, отнесся къ этой перемѣнѣ, прежде всего съ чисто формальной стороны. Въ своихъ письмахъ онъ не иначе называетъ дочь какъ «императорскимъ высочествомъ». Это не нравилось матери, и она настоятельно проситъ мужа «относиться къ дочкѣ, какъ къ Фике, а то она подумаетъ, что ты ее не любишь» ¹⁾. Отець не понялъ этого замѣчанія и продолжалъ великую княжну называть великой княжной.

Смысль этого замѣчанія крылася въ желаніи матери представить дочь все еще малолѣтнею, нуждающеюся въ помощи матери, безъ чего окончательное устройство ея судьбы могло бы подвергнуться большимъ случайностямъ. Отцу казалось, что послѣ обрученія, совершеннаго столь торжественно, на глазахъ всего народа, вопросъ о бракѣ представлялся лишь вопросомъ времени; мать, напротивъ, продолжаетъ говорить объ интригахъ саксонскаго посланника, который, при поддержкѣ Бестужева, теперь еще болѣе вліятельнаго, надѣется помѣшати браку. Въ письмѣ отъ 16-го іюля княгиня сообщаетъ мужу: «Крайне необходимо, чтобъ наша дочь, своимъ поведеніемъ, во всемъ согласномъ съ желаніями императрицы, все болѣе укрѣпляла себя въ ея благоволеніи. Императрица любить ее, какъ свое собственное дитя, но злые люди могутъ многое. Пока я здѣсь, я съумѣю уберечь свою дочь въ милостяхъ императрицы, даже укрѣпить благоволеніе къ ней государыни; но мнѣ не пріятно и подумать, что я должна буду остаться здѣсь до совершенія брака» ²⁾. Изъ этого письма даже и не такой простоватый мужъ, какимъ былъ Христіанъ-Августъ, не могъ бы догадаться, что дочь его, вслѣдствіе дурного поведенія княгини, давно уже изолирована, по возможности, отъ вліянія матери; что козни саксонскаго посланника и содѣйствіе Бестужева выдуманы княгиней и что она именно желаетъ «остаться въ Россіи до совершенія брака» ³⁾. Почему?—«Въ это время, говорится въ «Запискахъ» Ека-

¹⁾ *Siebigk*, 85. — ²⁾ *Siebigk*, 82. — ³⁾ Упомянувъ о различныхъ просьбахъ, которыя приходили изъ Голштиніи и которыхъ княгиня не могла исполнить

терины, моя мать очень подружилась съ принцемъ и принцессою Гессенъ-Гомбургскими и особенно близко сошлась съ братомъ принцессы, камергеромъ Бенкимъ. Эта связь не нравилась графинѣ Румянцевой, гофмаршалу Брюкмеру и вообще всѣми ¹⁾.

Въ это именно время императрица предприняла свое пилигримство въ Кіевъ, на поклоненіе пещернымъ угодникамъ печерскаго монастыря. 26-го іюля, въ 4-мъ часу пополудни ²⁾, великій князь и великая княжна, въ сопровожденіи лицъ, назначенныхъ императрицею выѣхали изъ Москвы. Мать Екатерины, обязанная сопровождать ее, съ неудовольствіемъ покинула Москву и была крайне раздражительна во все время поѣздки. Не смотря на всевозможныя удобства, которыми она никогда не пользовалась при поѣздкахъ въ Германіи, при чемъ въ экипажахъ были устроены даже постели, такъ что, по словамъ самой же княгини, путешественники вовсе не чувствовали усталости, она жалуется на «страшную жару и невыносимую пыль» ³⁾. Экипажи эскортировались легкокованными отрядами, преимущественно казаками. На всемъ пути, изъ деревень и ближайшихъ поселеній выходилъ народъ посмотреть проѣздъ «царскихъ дѣтей»; во время остановокъ, для обѣда или отдыха, население привѣтствовало великаго князя и великую княжну хлѣбомъ-солью, подносило различные подарки, преимущественно предметы мѣстнаго производства. Путники ѣхали не торопясь и лишь 13 августа прибыли въ Козелець.

Для великой княжны это была не поѣздка, а скорѣе *partie de plaisir*. «Мы ѣхали—пишетъ Екатерина—небольшими переѣздами. Моя мать, я, графиня Румянцева и матушкина статсъ-дама въ одной каретѣ; великій князь, Брюкмеръ, Беркгольцъ и Деккеръ въ другой. Великій князь, соскучившійся съ своими педагогами, пере-

именно потому, что императрица относилась къ ней болѣе чѣмъ холодно, *Siebigk*, 77, прибавляетъ: Aus diesen Gründen lassen sich die gerade zur Zeit der Verlobung und kurz nach derselben mehrfach ausgesprochenen Bethuerungen der Geneigtheit je eher je lieber nach der Heimath zurückzukommen, wenn es nur angegangen wäre, trotz der glänzenden Verhältnisse, in denen die Fürstin lebte, recht wohl begreifen. Составитель апогеоза княгини даже не упоминаетъ о связи ее съ И. И. Бенкимъ и часто впадаетъ въ подобныя ошѣбкы.

¹⁾ *Mémoires*, 18; депеша *Rosenberga*, отъ 16-го ноября 1744 г. въ Приложении I, 6.— ²⁾ *Васильчиковъ*; I, 45.— ³⁾ *Siebigk*, 80.

сѣлъ въ нашу карету и съ тѣхъ поръ не хотѣлъ уже ѣхать иначе, какъ съ нами. Матушка, которой надобно видѣть передъ собою только его да меня; вздумала увеличить нашу компанію. Она сообщила свое желаніе молодымъ кавалерамъ нашей свиты, въ числѣ которыхъ находились князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, позже фельдмаршалъ, и графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ. Тотчасъ опростали одну изъ каретъ, въ которой были наши постели, устроили вокругъ лавки, и на другой же день великій князь, моя мать, я, кн. Голицынъ, гр. Чернышевъ и еще одинъ или два изъ свиты, кто былъ помоложе, помѣстились въ этой каретѣ, и такъ продолжали все наше путешествіе. Намъ было очень весело; но всѣ, кто не попалъ въ нашу компанію, остались недовольны этимъ нововведеніемъ, которое не нравилось гофмаршалу Брюммеру, оберъ-камергеру Беркгольцу, графинѣ Румянцевой и матушкиной стать-дамѣ. Мы веселились всю дорогу; они же ссорились и сучали. Такимъ образомъ, въ концѣ третьей недѣли пріѣхали мы въ Козелецъ»¹⁾.

Переездъ изъ Москвы въ Козелецъ былъ сдѣланъ вполне благополучно; только «невоздержный» великій князь прихворнулъ—было расстройство желудка²⁾. «Мы благополучно прибыли сюда—писать княгиня изъ Козельца, отъ 14 августа—только великій князь

¹⁾ *Mémoires*, 18. Екатерина вездѣ называетъ городъ Козельскъ, Koselsk, вм. Козелецъ. Козельскъ—знаменитый отпоромъ, даннымъ 500 лѣтъ назадъ татарамъ и проклятый Батыемъ, какъ «злой городъ», былъ въ сторонѣ отъ ихъ пути. Не только переводчикъ «Записокъ» повторилъ эту ошибку, но и г. Брикнеръ, 228. Неудивительно, поэтому, что *Siebigk*, 81. въ особомъ примѣчаніи, поправляетъ книжнику, вѣрно писавшую Козелецъ. Der Brief ist aus Koselsk in der Ukraine, die Fürstin schreibt Kaselitz. Козельскъ былъ и остается Калужской губерніи, въ 60 верстахъ отъ Калуги, при впаденіи Драгуни въ Жиадру; Козелецъ былъ Киевской, теперь Черниговской губерніи, въ 72 верстахъ отъ Кіева, при рѣкѣ Острѣ. *Географ. Словари*, Москва, 1788, II, 280.

²⁾ Въ письмѣ гр. Брюммера императрицѣ, отъ 1-го августа: une indigestion, survenue la nuit passée à Son Altesse Imperiale Monseigneur le Grand Duc, и отъ 2-го августа: une légère indisposition. *Государств. Архивъ*, II, № 68. Въ письмѣ княгини цербетской М. Л. Воронцову, отъ 14 августа, изъ Козельца: Le Grand Duc a eu pendant un seul jour une légère indigestion. *Арх. кн. Воронцова*, I, 419.

чувствовала, однѣ сутки легкое разстройство желудка, но съ тѣхъ поръ совершенно здорова. Великая же княжна, болѣе воздержная, все время чувствовала себя превосходно. Ни тотъ, ни другая вовсе не устали. Терпѣливо ожидаемъ прибытія нашей божественной Государыни».

Нѣсколько дней спустя, прибыла въ Козелецъ notre divine Souveraine. Поѣздъ императрицы былъ огромный: ее сопровождали оберъ-егермейстеръ графъ Алексѣй Разумовскій, оберъ-гофмейстеръ баронъ Минихъ, гофмаршалъ Шенелевъ, вице-канцлеръ гр. Воронцовъ, графъ Салтыковъ, «прочіе камергеровъ довольно», духовникъ Федоръ Яковлевичъ Дубянской, два архіепископа—сарскій Платонъ Малиновскій и переяславскій Арсеній Могилянской; вся свита состояла изъ 230 человекъ ¹⁾.

«Мы оставались въ Козельцѣ до конца августа, пишетъ Екатерина, въ домѣ графа Разумовскаго ²⁾. Въ большой залѣ, занимавшей середину зданія, съ утра до вечера играли въ фараонъ и играли по большой. Всѣ, однако, были размѣнены весьма тѣсно. Мы съ матушкою спали въ одной и той же комнатѣ; графиня Румянцева и матушкина статсъ-дама помѣщались въ передней; другіе также ютились. Какъ-то великій князь зашелъ къ намъ, когда матушка писала и около нее стояла ея открытая шкатулка. Великій князь хотѣлъ изъ любопытства порыться въ шкатулкѣ; матушка просила не трогать ея шкатулки—онъ, подпрыгивая, отскочилъ въ другой уголъ комнаты. Но прыгая, чтобъ разсмѣшить меня, онъ задѣлъ за крышку шкатулки и уронилъ ее. Тогда моя мать разсердилась и они стали обмѣниваться крупными словами. Матушка упрекала великаго князя, что онъ намѣренно уронилъ шкатулку; великій князь кричалъ, что это несправедливо. и оба обращались ко мнѣ, какъ къ свидѣтельницамъ. Зная нравъ матушки, я боялась пощечинъ, если не приму ея сторону; вмѣстѣ съ тѣмъ я не хотѣла ни лгать, ни огорчать великаго князя, и очутилась между двухъ огней. Я сказала матушкѣ, что не думаю, чтобъ ве-

¹⁾ Васильчиковъ, I, 48.— ²⁾ Княгиня въ письмѣ къ мужу говоритъ, что домъ Разумовскаго—ein recht kaiserliches Palais, wohl meublirt und wohl eingetheilt (Siebigh, 81); она же въ письмѣ къ М. И. Воронцову: cette maison du comte Razoumoffski est charmante. *Арх. кн. Воронцова*, I, 419.

ликій князь намѣренно сдѣлалъ это, но что, прыгая, онъ платьемъ зацѣпилъ за крышку шкатулки, стоявшей на низкомъ табуретѣ. Матушка накинулась на меня—ей надо же было выместить на комънибудь гнѣвъ свой. Я замолчала и стала плакать. Великій князь, видя, что весь гнѣвъ матушки обрушился на меня только потому, что я высказалась въ его пользу, сталъ обвинять матушку въ несправедливости и назвалъ ее гнѣвъ бѣшенствомъ; она назвала его дурно воспитаннымъ мальчишкой. Словомъ, трудно было, безъ драки, довести далѣе ссору. Великій князь возненавидѣлъ матушку и никогда не забылъ этой ссоры. Матушка тоже продолжала дуться на него, и между ними стала проявляться принужденность, недобѣрчивость, вѣчныя колкости. Оба они не скрывали этого отъ меня. Какъ я ни старалась успокоить ихъ, мнѣ это удавалось очень рѣдко. Оба они всегда были готовы наговорить другъ другу дерзостей»¹⁾.

Въ концѣ августа двинулись къ Кіеву. Встрѣча, приготовленная Елизаветѣ Петровнѣ украинской столицей, была торжественная и оригинальная. Весь городъ, съ духовенствомъ во главѣ, встрѣчалъ 29-го августа императрицу. Съ благоговѣніемъ смотрѣла великая княжна на длинную вереницу священниковъ, монаховъ, инокинь, съ крестами, хоругвями, иконами, и тутъ же съ удивленіемъ взирала она на міеологическихъ боговъ и героевъ, участвовавшихъ въ языческомъ представленіи. «За городъ выѣхалъ важный старикъ, самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною и жезломъ, но сдѣланный съ молодого студента. Колесница у него была божескій фаетонъ, а въ него впряжены два пѣтячскіе крылатые кони, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и князя кіевскаго Кіа. Онъ встрѣтилъ государыню на берегу Днѣпра, у конца моста, привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, яко въ свое достояніе»²⁾. Въ самомъ Кіевѣ великая княжна то посѣщала пещерныя катакомбы и прикладывалась къ мощамъ святыхъ угольниковъ, то восхищалась танцами казапкихъ женъ и военными играми бунчуковыхъ товаришей съ обнаженными саблями; въ кіевской академіи смотрѣла она «вертепы», семинаристы представляли

¹⁾ *Mémoires*, 19. -- ²⁾ *Васильчиковъ*, I, 53.

предъ нею божественныя зрѣлища въ лицахъ; видѣла она Крепчаникъ, любовалась Двѣпромъ.

Почти двѣ недѣли оставался дворъ въ Кіевѣ и, 8-го сентября, тѣмъ же порядкомъ, всѣ двинулись обратно. Изъ Глухова, отъ 12-го сентября, Екатерина написала императрицѣ письмо, въ которомъ передала ей благодарность своей тетки, вдовствующей принцессы Анны саксенъ-готской, за пожалованный ей орденъ св. Екатерины ¹⁾. При этомъ великая княжна сообщала, что какъ великій князь, такъ и всѣ путники находятся въ добромъ здоровьѣ. 1-го октября возвратились въ Москву.

Это была первая поѣздка Екатерины по Россіи, когда она впервые могла видѣть сельскую, трудящуюся Россію, конечно, подчищенную для царскаго поѣзда, по возможности прикрашенную, но все же сохранившую свои коренныя особенности. Для поѣздки Елизаветы Петровны въ Кіевъ дорога чрезъ Глуховъ, Кролевецъ, Батурино, Нѣжинъ и Козелецъ была не только исправлена, но даже расширена, мосты починены или выстроены новые, поставлены верстовыя столбы; на станціяхъ были выстроены путевыя дворцы, въ извѣстныхъ мѣстахъ приготовлены погреба для питей и припасовъ. Какое же впечатлѣніе могла вынести Екатерина изъ этой первой своей встрѣчи съ русскимъ народомъ лицомъ къ лицу? О какомъ-нибудь рѣзкомъ, опредѣленномъ впечатлѣніи, которое поразило бы и запечатлѣлось въ памяти, не можетъ быть и рѣчи—такія впечатлѣнія не встрѣчаются при царскихъ поѣздахъ: по самому своему положенію она не могла быть очень наблюдательною—она, конечно, смотрѣла прежде всего на то, что ей показывали, но не могла не видѣть и того, что само бросалось въ глаза. Не смотря на прекрасную погоду, грунтовыя дороги, пролежавшія среди полей, неокопанныя канавами, необсаженные деревьями, давали себя чувствовать и ухабами, и пылью; сквозь казачій эскортъ виднѣлись кое-гдѣ бѣдныя деревушки съ поруразвазившимися избами, подгнившими клетями; за толпою разодѣтыхъ мужиковъ и бабъ, согнан-

¹⁾ *Сборникъ*, VII, 67. Письмо составлено на французскомъ языкѣ и, вѣроятно, только переписано Екатериною. *Диринъ*, 96, говоритъ: «Приводимъ его цѣликомъ, въ переводѣ, какъ образецъ сношеній великой княжны съ императрицею и какъ первое письмо ея на рускомъ языкѣ, вызвавшее удовольствіе и одобреніе Елизаветы Петровны».

ныхъ для привѣтствованія «царскихъ дѣтей», ютились босоногіе ребятишки, въ лохмотьяхъ, едва прикрывавшихъ наготу. Подъ Глуховомъ картина рѣзко измѣнилась: забитыя, испуганныя лица русскаго крестьянства замѣнились спокойнымъ, довольнымъ выраженіемъ малороссійскаго посполитства; грязныя избы уступили мѣсто чистымъ хатамъ, нигдѣ не видно ни лохмотьевъ, ни убожества. Но и въ Россіи, и въ Малороссіи—необозримыя поля, непроходимыя лѣса, масса земли, воздѣланной и невоздѣланной, тянется на сотни и сотни верстъ. Екатерина проѣхала 750 верстъ, не встрѣтивъ ни одной владѣтельной особы—все по владѣніямъ русскои императрицы. Общее впечатлѣніе получилось совершенно иное тому, что она привыкла видѣть въ Германіи и, несмотря на то, вѣраѣе, именно вслѣдствіе этого, поѣздка въ Кіевъ укрѣпила въ великой княжѣ высокое мнѣніе о Россіи и о русскихъ, составленное пербстской принцессой, заставила ее не забывать объденнаго госта: «Дай Богъ, чтобы скорѣе сдѣлалось то, чего мы желаемъ».

Съ возвращеніемъ двора въ Москву опять начались «балеты, комедіи, маскарады». Одна «комедія» осталась памятна Екатерины: «Однажды, въ комедіи, пишетъ она, сидя съ матушкой и великимъ княземъ въ ложѣ, насупротивъ ложи ея величества, я замѣтила, что императрица горячо говорила что-то Лестоку. Едва императрица умолкла, Лестокъ пришелъ въ нашу ложу и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Видѣли вы, какъ императрица говорила со мною»? Я отвѣчала утвердительно. «Ну, такъ знайте-же, сказалъ онъ, что императрица очень гнѣвается на васъ».—«На меня! а за что?»—«За то, что у васъ много долговъ. Она говоритъ, что такъ можно исчерпать всѣ источники, что, будучи царевною, она получала не больше вашего, но должна была содержать цѣлый домъ и не дѣлала долговъ, зная, что за нее некому платить». Все это онъ произнесъ сердито, сухо, для того, очевидно, чтобы императрица задѣла изъ своей ложи, какъ онъ исполнилъ ея приказаніе. У меня слезы выступили на глазахъ, и я замолчала. Сказавъ это, онъ ушелъ. Великій князь, сидѣвшій рядомъ со мною и слышавшій почти весь нашъ разговоръ, спросилъ у меня чего не разслышалъ и, больше миной, чѣмъ словами, далъ мнѣ понять, что онъ раздѣляетъ взглядъ своей тетки и что его вовсе не беспокоитъ то,

что меня побранили. У него всегда была такая метода: онъ думалъ угодить императрицѣ, поддакивая; когда она сердилась на когонибудь. Моя матушка, узнавъ, въ чемъ дѣло, сказала, что это плоды усилій, устранившихъ меня отъ ея вліянія, что она умываетъ руки, такъ какъ мнѣ позволено поступать, не спрашиваясь ея совѣтовъ. Такимъ образомъ, и великій князь, и матушка были противъ меня.

«Я тотчасъ же рѣшила привести свои дѣла въ порядокъ и на другой же день потребовала всѣ счета. Изъ нихъ я увидѣла, что должна 17.000 рублей. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Кіевъ, императрица прислала мнѣ 15.000 рублей и большой ящикъ съ простенькими матеріями, между тѣмъ какъ я должна была одѣваться весьма нарядно. Такимъ образомъ, подведя итоги, я должна была 2.000 рублей, что мнѣ казалось вовсе небольшой суммой. Разныя причины повергли меня въ эти расходы:

«Вопервыхъ, я пріѣхала въ Россію очень дурно одѣтая. Много, много если у меня было три или четыре платья, и это при дворѣ, гдѣ по три раза въ день мѣняли костюмы. Все мое бѣлье заключалось въ дюжинѣ рубашекъ; я пользовалась простынями матушки.

«Вовторыхъ, мнѣ говорили, что въ Россіи любятъ подарки, что щедростью пріобрѣтаютъ друзей и дѣлаются милыми.

«Втретьихъ, ко мнѣ приставили самую расточительную женщину въ Россіи, графиню Румянцеву, которая вѣчно была окружена торговцами и ежедневно приносила мнѣ всякую всячину, совѣтуя купить. Часто я покупала только для того, чтобы подарить ей, такъ какъ она этого хотѣла.

«Великій князь тоже стоилъ мнѣ много, потому что любилъ подарки. Моя матушка тоже становилась спокойнѣе, получивъ то, что ей нравилось, а такъ какъ она въ послѣднее время часто сердилась, особенно же на меня, то я не пренебрегала этимъ средствомъ, мною открытымъ. Матушка же была въ это время постоянно не въ духѣ, отчасти потому, что императрица была крайне недовольна ею, оскорбляла ее и часто унижала» ¹⁾).

Разсказъ записанъ значительно позже, въ общихъ чертахъ, но по воспоминаніямъ, вѣрившимся въ памяти, вѣрными штрихами. Въ немъ мѣтко обрисована та обстановка, среди которой приходилось

¹⁾ *Mémoires*, 21.

жить и дѣйствовать великой княжнѣ-невѣстѣ. Екатерина знала свою мать и не ожидала отъ нея ни поддержки, ни совѣта; но великій князь, ея женихъ? Прежде она замѣчала въ немъ ребяческое своеправіе, дѣтскую вѣтренность, иногда живость, даже вспыльчивость, которыя объяснялись дурнымъ воспитаніемъ; теперь проявилась расчетливая фальшивость, умышленное злорадство. Оказывается, что и на него, какъ на мать, полагаться нельзя. Его удаляютъ отъ всякихъ серьезныхъ занятій, съ нимъ запрещено говорить о государственныхъ дѣлахъ¹⁾; онъ не привыкъ самостоятельно мыслить—какой же онъ помощникъ, какой заступникъ? Вотъ какова та нравственная атмосфера, въ которой находилась Екатерина, недостижная еще 16-ти лѣтъ: мать вымещаетъ на ней тѣ оскорбленія, которымъ подвергается за свое дурное поведеніе; женихъ изъясняетъ удовольствіе по поводу выговора, полученнаго ею; императрица возбуждена противъ нея и гнѣвъ свой передаетъ чрезъ постороннихъ лицъ. И все это въ чужой странѣ, среди чуждыхъ ей лицъ, совершенно одинокая, лишенная дружеской поддержки, ласковаго слова; у нея много враговъ и ни одного друга; часто слышитъ она выговоры, никогда совѣта. Слабая натура теряетъ, измельчаетъ, падетъ подъ моральнымъ гнетомъ такого положенія; только крѣпкая, сильная способна вынести подобныя неприятели, закалиться въ борьбѣ съ ними, укрѣпить волю, выработать характеръ.

¹⁾ Христіанъ-Августъ переслалъ женѣ газету, съ просьбою показать великому князю какую-то статью; княгиня отвѣчала мужу: Die Zeitungen habe desto wehniger dem Grossfürsten vorzeigen dürfen, da keines Weges erlaubt Ohne specielle Keyserliche erlaubnis dieselben von affaires zu sprechen und auch öffentliche Blätter so ansser Landes Gedruckt hieselbst nicht allemahl Zugelassenheit führen. Der Grosfürst seyndt jung und vief und konten leichtlich aus lauter Guter neigung eine gute Sache verderben, deswegen ist besser die Werkzeuge der Vorsehung ihnen selbst zu überlassen (*Siebigk*, 88). Ср. *Оборники*, VI, 465.

XIII.

Незадолго до приѣзда Екатерины въ Россію, великій князь вынесъ тяжкую перемежающуюся лихорадку; во время путешествія въ Кіевъ, хворалъ разстройствомъ желудка и, вскорѣ по возвращеніи въ Москву, въ октябрѣ же, заболѣлъ воспаленіемъ подреберной плевы ¹⁾. Капризный, избалованный мальчикъ очень скучалъ въ своей комнатѣ, изъ которой его не выпускали. Императрица послала къ нему, для развлеченія, свою камеръ-юнгферу рассказывать сказки изъ «Тысячи и одной ночи»; Екатерина написала ему слѣдующую записку ²⁾, свидѣтельствующую о ея заботливомъ участіи къ положенію своего жениха:

«Monsieur,

«Ayant consulté ma Mere scachant qu'elle peut beaucoup sur le Grand Marechal, elle m'a promis de lui en parler et de faire qu'on vous permettent de jouer sur les instrumens. Elle m'a aussy chargée de vous demander Monseigneur Sy vous voulez quelques Italiens aujourd'hui apres midy.

«Je Vous assure que je deviendray folle en Votre place sy on m'otois tous. Je Vous prie au Nom De Dieu ne lui montrez pas se billets ³⁾.

«Catherine».

¹⁾ Pleurésie. Штелинъ, 87.

²⁾ Бычковъ, I. Записка сохранилась въ бумагахъ Штелина. Намъ кажется, что подъ *grand maréchal* Екатерина разумѣетъ графа Брюмера, оберъ-гофмаршала великаго князя; по мнѣнію издателя—Д. А. Шепелева, оберъ-гофмаршала императрицы. Графъ Брюмеръ официально титуловался *oberhofmarschallomъ* (*Камеръ-фурьерск.* журналъ за 1744 г., стр. 117); Шепелевъ не имѣлъ никакого отношенія ко двору великаго князя и герцога Голштинимъ

³⁾ «Я совѣтовалась съ матушкою, зная, что она много можетъ у потпер-

Едва былъ прерванъ воспалительный процессъ, какъ въ началѣ ноября обнаружилась вѣтрена оспа. Первоначально доктора не могли точно опредѣлить болѣзнь великаго князя, принимая ее то за оспу, то за корь, то за сыпную лихорадку ¹⁾, и, въ видахъ предосторожности, изолировали больного. Великой княжнѣ сказали, что болѣзнь прилипчива, и Екатерина была опечалена этимъ извѣстіемъ, тѣмъ болѣе, что были приняты мѣры, пугавшія даже здоровыхъ: гоф-фурьера, который посѣщалъ великаго князя, каждый разъ окуривали: императрица, выходя изъ комнаты больного, мылась, надѣвала другое платье, мѣняла даже бѣлье и, тѣмъ не менѣе, не рѣшалась видѣть великую княжну, опасаясь перенести заразу. Только въ половинѣ ноября Елизавета Петровна, послѣ всевозможныхъ предосторожностей, пришла къ Екатеринѣ и сообщила ей, что великій князь замѣтно поправляется. 26-го ноября въ церкви головкинскаго дворца былъ отслуженъ благодарственный молебень, на которомъ Екатерина впервые увидѣла своего жениха и расплакалась отъ радости ²⁾. Два дня спустя, 28-го ноября, Екатерина уже танцевала съ своимъ женихомъ на придворномъ маскарадѣ ³⁾.

Болѣзнь великаго князя произвела сильное впечатлѣніе на Екатерину. Отъ нея сперва скрывали опасное положеніе больного, потому великую княжну старались завлечь выѣздами, осмотромъ Мо-

шала, и она обѣщала поговорить съ нимъ и устроить такъ, чтобы вамъ разрѣшили заниматься музыкой. Она поручила мнѣ спросить васъ, не пожелаете-ли вы сегодня, послѣ полудня, итальянцевъ? Увѣряю васъ, что сошла бы съ ума на вашемъ мѣстѣ, еслибъ у меня отняли все. Именемъ Бога прошу васъ не показывать ему этой записки».

¹⁾ Der junge Herr hat das Friesel, die richtigen Blattern (*Siebigk*, 91); le grand duc prit la rougeole (*Mémoires*, 25); «у него была вѣтрена оспа, которую докторъ Суше принималъ за настоящую, но Воергаве призналъ за вѣтрена и въ доказательство предсказалъ настоящую чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ» (*Ист. Росс.*, 87). — ²⁾ Die Grossfürstin sah ihn hierbei zum ersten Male, ihre Freudenthränen vermehrten der Anwesenden Freude und Bewegung, писала княгиня-мать своему мужу отъ 30-го ноября, *Siebigk*, 92. — ³⁾ *Камеръ-фурьерскій журналъ* за 1744 г., стр. 113. Судя по запискамъ журнала, великій князь заболѣлъ послѣ 26-го октября, когда «въ оперномъ домѣ имѣлась итальянская интермедія» (стр. 97); только спустя мѣсяць, 28-го ноября, великій князь опять упоминается по поводу маскарада.*

сквы, наконецъ, просто обманывали ¹⁾). Кажется только два лица и были опечалены недугомъ Петра Федоровича—великая княжна и императрица ²⁾). Княгиня-мать и теперь осталась вѣрна себѣ и продолжала интриговать, переписываясь съ Фридрихомъ II и перешептываясь съ его представителемъ въ Москвѣ. Въ это именно время княгиня, вовсе уже не пользовавшаяся довѣріемъ Елизаветы Петровны, увѣряла прусскаго короля, что императрица вполне предана его интересамъ и не позволитъ увлечь себя его противникамъ ³⁾). Исходъ болѣзни великаго князя далеко еще не опредѣлился, какъ княгиня совѣтуется уже съ Мардефельдомъ о выборѣ другого жениха для своей дочери. Прусскій посланникъ находилъ, что слѣдуетъ немедленно выдать княжну за протестантскаго принца и, лучше всего, за Георга дармштадтскаго, котораго ему расхваливали, какъ умнаго и красиваго принца ⁴⁾); прусскій министръ Подевилльсъ, докладывая королю эту депешу, съ своей стороны высказался за маркграфа Карла, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ уже нѣкоторыя права на Курляндію, а императрица, вѣроятно, объявитъ великую княжну наслѣдницею русскаго престола ⁵⁾). Очевидно, мать хлопочетъ, прежде всего, только «пристроить» дочь, безразлично за кого бы ни было. Это не могло ускользнуть отъ дочери, и, понятно, какъ выздоровленіе великаго князя должно было обрадовать Екатерину, даже до слезъ.

Слезы, однако, были напрасны, и вскорѣ Екатеринѣ предстояло вынести еще большія тревоги по поводу болѣзненности Петра Федоровича. Послѣ воспаления и вѣтреной оспы, великій князь поправлялся чрезвычайно медленно; даже установившаяся наконецъ, зима не повліяла на его здоровье столь благоприятно, какъ ожидали. Онъ былъ еще довольно слабъ, когда, въ половинѣ декабря, назначенъ былъ отъѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ.

Елизавета Петровна вполне оцѣнила поведеніе Екатерины во время болѣзни великаго князя и еще болѣе привязалась къ ней.

¹⁾ *Siebigk*, 91. — ²⁾ Депеша Мардефельда отъ 12-го ноября: *L'Impératrice était dans une consternation excessive. Pol. Corr.*, III, 341. — ³⁾ *L'Impératrice ne se laissera point entraîner à des démarches opposées. Pol. Corr.*, III, 356. — ⁴⁾ *Dont on m'avait loué l'esprit et la figure. Pol. Corr.*, III, 341. — ⁵⁾ *Pol. Corr.*, III, 341.

Незадолго до отъѣзда изъ Москвы, императрица выразила желаніе, чтобъ великая княжна жила въ Петербургѣ отдѣльно отъ матери и предложила Екатеринѣ выбрать себѣ одно изъ двухъ помѣщеній, имѣвшихся въ домѣ, смежномъ съ дворцомъ ¹⁾. Въ день отъѣзда, 15-го декабря, императрица сама усадила великую княжну въ сани, закутала ее въ шубу, закрыла полостью и, находя, что полость и шуба недостаточно предохраняютъ отъ стужи, сняла съ себя горностаевый мѣхъ и набросила его на плечи Екатерины ²⁾.

Екатерина помѣстилась въ большихъ саняхъ, рядомъ съ матерью: въ другихъ сидѣли великій князь съ гр. Брюнмеромъ; сзади—длинный рядъ саней со свитой и цѣлый обозъ съ багажомъ. На другой день, 16-го декабря, они прибыли въ Тверь и остановились въ архіерейскомъ домѣ, гдѣ все было приготовлено для встрѣчи императрицы, которая выѣхала изъ Москвы 17-го декабря и, какъ предполагали, должна была провести въ Твери 18-е декабря, день своего рожденія. Елизавета Петровна разстроила всѣ эти предположенія—ночью проѣхала Тверь, не останавливаясь, и праздновала свое тезоименитство въ селѣ Мѣдномъ, въ путевомъ дворцѣ. 19-го декабря путники благополучно выѣхали изъ Твери. Весь день великій князь былъ веселъ, ѣлъ за четверыхъ. Къ вечеру, уже на ночлегѣ, появилась тошнота, лихорадочный жаръ. Докторъ Бюргаве приписалъ это неумѣренности въ пищѣ и слишкомъ скорой ѣздѣ по ухабистой дорогѣ. Ночь прошла довольно спокойно, но къ утру лихорадка значительно уменьшилась. Поѣхали дальше. Въ Хотиловскомъ яму, въ 400 верстахъ отъ Москвы, въ путевомъ дворцѣ, великій князь совершенно изнемогъ: онъ крайне ослабѣлъ, лихорадка увеличилась, показался сильный жаръ. Въ полдень Екатерину не пустили уже въ комнату великаго князя, такъ какъ доктора считали возможнымъ, что у великаго князя обнаружится оспа; къ 6-ти часамъ вечера появились оспенныя пятна. Екатерина была въ отчаяніи: она плакала, просила, чтобъ ее пустили къ больному, предлагала

¹⁾ *Mémoires*, 27. — ²⁾ HöchstSelbe waren bei einsetzung in denen schlieten, des schnees, worauf sie standen unerachtet, selbst zu gehen und da Ihnen die peltz und peltzdecken, womit die Grossfürstin bedeckt wahr, noch zu deren Wärme nicht genugsahm schienen, Nahmen sie einen um sich habenden sehr schönen Hermelinpelz ab und hülleten sie darinnen. *Siebigk*, 93.

быть сплѣткой у его постели ¹⁾. Въ ту же ночь, по совѣту врачей, мать увезла Екатерину изъ Хотилова. Близъ Новгорода, среди дороги, встрѣтили они императрицу, которая летѣла въ Хотилово. Сани были остановлены, пологи приподняты: Елизавета Петровна, вся въ слезахъ, увидѣла плачущую Екатерину, услышала роковое извѣстіе объ оспѣ, и поскакала далѣе. 24-го декабря Екатерина прибыла въ Петербургъ.

Началась непріятная для Екатерины жизнь съ матерью, хотя и отдѣльно отъ нея. Непріятности начались именно изъ-за помѣщенія. «Насъ помѣстили—пишетъ Екатерина ²⁾—въ одномъ изъ домовъ смежныхъ съ дворцомъ. Мое помѣщеніе было на лѣво отъ дворца, матушкино—на право. Едва мы вошли въ комнаты, матушка разсердилась: ей казалось, что мои комнаты были лучше расположены, и не нравилось, что наши комнаты раздѣлялись общемою залою. На самомъ же дѣлѣ, у каждой изъ насъ было четыре комнаты, двѣ на улицу, двѣ во дворъ; всѣ комнаты были одинаковы, мебель обита голубою и розовою матеріею, безъ всякаго различія. Причина же гнѣва матушки заключалась вотъ въ чемъ: графиня Румянцева еще въ Москвѣ принесла мнѣ, отъ имени императрицы, планъ этого дома, запретила, именемъ же императрицы, говорить объ этомъ кому-либо и спрашивала моего мнѣнія, какъ лучше намъ размѣститься. Выбирать было не изъ чего—оба помѣщенія были одинаковы. Я такъ и сказала графини, которая дала мнѣ почувствовать, что императрица желаетъ, чтобъ я жила отдѣльно, а не вмѣстѣ съ матушкою, какъ въ Москвѣ. Я сама желала этого—матушка меня стѣсняла. Она какъ-то провѣдала, что ко мнѣ приносили планъ дома, спросила меня объ этомъ и я сказала ей всю правду, какъ было дѣло. Она побранила меня за скрытничанье отъ нее; я отвѣчала, что мнѣ запрещено было говорить, но она не признавала этотъ доводъ серьезнымъ. Вообще, я видѣла, что она съ каждымъ днемъ все больше и больше гнѣвается на меня».

Екатерина, кажется, не очень огорчалась гнѣвомъ матери—душею и сердцемъ она была въ Хотиловѣ. Елизавета Петровна лучше матери понимала это и, тотчасъ же по приѣздѣ въ Хотило-

¹⁾ Siebigh, 97. — ²⁾ Mémoires, 27.

лово, написала великой княжнѣ записку, на которую Екатерина отвѣчала 26-го же декабря, т. е. через два дня по прибытіи въ Петербургъ ¹⁾). Курьеры изъ Хотилова пріѣзжали ежедневно. Болѣзнь великаго князя—натуральная оспа, отъ которой умеръ и женихъ Елизаветы Петровны, тоже принцъ голштинскій—поглощала все вниманіе императрицы; но, какъ женщина, она понимала кто интересуется этою болѣзнию въ Петербургѣ и возможно часто писала Екатеринѣ. Какъ только опасность миновала, Елизавета Петровна пишетъ великой княжнѣ ²⁾):

«Ваше высочество, дражайшая моя племянница.

«Я весьма вашему высочеству благодарствую за пріятныя ваши мнѣ писанія. На оное отвѣтомъ до двесь для того умедлила, что не столько подлинно о состояніи здравія его высочества великаго князя вамъ извѣстія подать могла. А нынѣ могу васъ обнадежить, что оны, къ радости нашей, слава Богу совершенно на нашей сторонѣ. При семъ пожелая вашему высочеству добраго здравія съ искреннею любовію емь вашего высочества благосклоннѣйшая тетка

«Елизавета».

Эта переписка плѣняла Елизавету Петровну не только своимъ содержаніемъ, тѣми чувствами, которыя великая княжна выражала въ письмахъ къ императрицѣ и великому князю, но и тою формою, тѣмъ русскимъ языкомъ, которымъ они были писаны. Усиленное занятіе русскимъ языкомъ было, въ глазахъ императрицы, вельюмымъ свидѣтельствомъ, что избранная ею въ супруги Петру Федоровичу искренно желаетъ стать русскою великою княгинею. Императрица выражала свое удовольствіе по поводу русскихъ писемъ Екатерины въ Хотилово, и великая княжна принимала съ немалымъ удовольствіемъ похвалы отъ тетки, хотя «правду сказать—сознавалась она позже—эти русскія письма сочинялъ мнѣ Ададуровъ, а я только переписывала ихъ своею рукою» ³⁾.

¹⁾ *Сборникъ*, VII, 68.—²⁾ *Сборникъ*, VII, 68, прим.

³⁾ *Mémoires*, 31. Кажется, дѣло устроилось такъ, что Екатерина сочиняла письмо по-французски, а Ададуровъ, прочтя французское письмо, излагалъ основную его мысль по-русски, причемъ, обсуждая содержаніе письма, дѣлались вставки и измѣненія. На это указываютъ два письма къ императрицѣ отъ 26-го января 1745 г., оба собственноручныя, одно на французскомъ языкѣ (*Сборникъ*, VII, 69), другое на русскомъ (*Осмладц. Вѣкъ*, II, 219; *Сборникъ*, XLII, 465).

Въ отсутствіе императрицы Екатерина жила въ Петербургѣ довольно уединенно, занимаясь русскимъ языкомъ, музыкой, чтеніемъ. Въ это время, проѣздомъ изъ Москвы въ Стокгольмъ, по-сѣтилъ великую княжну графъ Гюлленборгъ, племянникъ шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ ¹⁾, пріѣзжавшій съ извѣстіемъ о совершившемся бракѣ наследнаго принца шведскаго, Адольфа-Фридриха голштинскаго, дяди Екатерины, съ прусскою принцессою Луизою-Ульрикою ²⁾, старшею сестрою Фридриха II. Это тотъ самый Гюлленборгъ, который видѣлъ принцессу Софію черботскую въ Гамбургѣ и укорялъ ея мать за небреженіе къ не по лѣтамъ развитой дочери, въ которой онъ тогда уже замѣтилъ философское направленіе ума. Естественно, что онъ и теперь поинтересовался великой княжной. «Пріѣхавъ въ Петербургъ—пишетъ Екатерина—онъ пришелъ къ намъ и такъ какъ онъ еще въ Гамбургѣ сказалъ мнѣ, что у меня философское направленіе ума, то теперь онъ спросилъ меня, какъ идетъ моя философія въ томъ водоворотѣ, въ которомъ я живу? Я рассказала ему, чѣмъ я занимаюсь въ своей комнатѣ. Онъ замѣтилъ, что философъ въ 15 лѣтъ не можетъ познать самого себя; что я окружена столькими рифами, что можно опасаться моего крушенія, если только моя душа не особо высокаго закала; что необходимо питать душу возможно лучшимъ чтеніемъ и для этого онъ совѣтовалъ мнѣ читать «Жизнеописанія знаменитыхъ мужей Греціи и Рима» Плутарха, жизнь Цицерона, и «Причины величія и паденія Римской Республики» Монтескье. Тотчасъ же я приказала отыскать эти книги, которыя въ Петербургѣ въ то время съ трудомъ можно было найти, и сказала графу, что набросаю ему свой портретъ, какъ я себя понимаю, чтобъ онъ могъ судить знаю-ли я себя или не знаю. Дѣйствительно, я написала

¹⁾ We have had here a count Gyllenberg, who is a nephew to the Gyllenberg that is at the head of affairs in Sweden. Изъ депеши Тараули лорду Гарригтону, отъ 2-го февр. 1745 г. (Лондон. *Апшиль*, Russia, № 47).

²⁾ Екатерина, въ своихъ «Запискахъ», описалась: le mariage du prince de Suède, frère de ma mère, avec une princesse de Suède (*Mémoires*, 28), вм. Prusse. Переводчикъ «Записокъ» на русскій языкъ (Лондонъ, 1859) повторилъ эту описку, сообщивъ о бракѣ шведскаго принца съ принцессой шведской (стр. 10) и съ тѣхъ поръ эту ошачку повторяютъ всѣ: *Сборникъ*, X, 156; *Гротъ*, 120; *Брихлеръ*, 733; *Диринъ*, 99.

свой портретъ, озаглавивъ «Портретъ философа въ 15-ть лѣтъ» и отдала ему. Спустя много лѣтъ, и именно въ 1758 году, я отыскала этотъ «Портретъ» и сама была удивлена, какъ глубоко я сознавала тогда себя. Къ сожалѣнію, я тогда же сожгла рукопись, со всѣми другими бумагами, опасаясь хранить какой-либо лоскутокъ во время несчастнаго дѣла Бестужева. Графъ Гюлленборгъ, спустя нѣсколькс дней, возвратилъ мнѣ рукопись. Не знаю, снялъ-ли онъ копію съ нее. Возвращая рукопись, онъ сопровождалъ ее дюжиною страниць своихъ разсужденій по поводу меня, въ которыхъ онъ старался укрѣпить во мнѣ какъ возвышенность души и твердость, такъ и другія качества сердца и ума. Я читала и перечитывала много разъ его разсужденія, старалась проникнуться ими и искренно рѣшилась слѣдовать его указаніямъ. Я дала себѣ обѣтъ въ этомъ, а когда я давала себѣ въ чемъ нибудь обѣтъ, то не помню, чтобъ не исполнила его. Наконецъ, я возвратила графу Гюлленборгу его писаніе, какъ онъ меня просилъ, и должна признать, что его указанія много послужили къ образованію и укрѣпленію склада моего ума и моей души» ¹⁾.

Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ графъ Гюлленборгъ, въ 1740 г., въ Гамбургѣ, укорялъ пербстскую княгиню, что она мало обращаетъ вниманія на свою дочь—и какая разница, поразившая, вѣроятно, и шведскаго графа, между одиннадцатилѣтней дѣвочкой, Фике, пербстской принцессой, и вполне развитой дѣвицей, великой княжной Екатериной Алексѣевной, невѣстой наследника русскаго престола! Гамбургское замѣчаніе графа Гюлленборга ей пере-

¹⁾ *Mémoires*, 29. Время разсказа опредѣлено довольно точно и вполне вѣрно: A la fin de notre séjour à Moscou était arrivée une ambassade suédoise, à la tête de laquelle se trouvait le sénateur Cederkrentz (*Mémoires*, 28). Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ за 1744 г., подъ 8-мъ октября, записано о приѣмѣ Цедеркрейца (стр. 90). Peu de temps après arriva encore le comte Gyllenbourg (*ibid.*). Въ депешѣ лондонскаго посланника, отъ 2-го февр. 1745 г. говорится, что гр. Гюлленборгъ былъ въ Петербургѣ «for some months» (*London. Archiv, Russia*, № 47). По свидѣтельству *Я. Е. Грота*, не только «Портрета философа въ 15 лѣтъ», но даже вообще бумагъ гр. Гюлленборга не сохранилось въ архивѣ упсальскаго университета, куда онѣ были переданы (120). Разсказъ «Замисель» вполне подтверждается письмомъ Екатерины II къ графу Гюлленборгу, писаннымъ въ 1766 г. и сохранившимся въ Государственномъ Архивѣ см. *Сборникъ*, X, 156.

давали гораздо позже—въ то время она не повяла бы его; при петербургскомъ свиданіи она смѣло предлагаетъ графу нарисовать свой портретъ, и рисунокъ этотъ заставилъ призадуматься умнаго инведа и вызвалъ въ немъ рядъ мыслей, занявшихъ двѣнадцать страницъ. Это свиданіе произвело еще большее впечатлѣніе на Екатерину: она не разъ вспоминала его, и не успѣлъ еще графъ Гюлленборгъ уѣхать изъ Петербурга, какъ она просила своего учителя Адодурова достать ей книги, указанныя графомъ. Книги были получены, вѣроятно, изъ академической библіотеки¹⁾, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что Екатерина не читала ихъ. Отчасти, онѣ были слишкомъ еще серьезны для нея, даже скучны; отчасти, ей было не до чтенія въ то время.

26-го января императрица съ великимъ княземъ прибыла въ Царское Село; въ первыхъ числахъ февраля они приѣхали въ Петербургъ. «Какъ только насъ извѣстили—пишетъ Екатерина—о прибытіи императрицы, мы вышли къ ней и встрѣтили ее въ большой залѣ, между четырьмя и пятью часами, почти въ потемкахъ. Не смотря на то, я почти испугалась, увидѣвъ великаго князя, который очень выросъ; но сталъ неузнаваемъ: черты лица огрубѣли, все лицо было еще вспухши и ясно было видно, что на лицѣ останутся замѣтные слѣды. Такъ какъ ему обрѣзали волосы, то онъ былъ въ огромномъ парикѣ, который еще болѣе безобразилъ его. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, узнаю-ли я его. Я пробормотала ему обычную любезность на счетъ его выздоровленія, но на самомъ дѣлѣ онъ сталъ ужасно дурень»²⁾. Этому легко повѣрить:

¹⁾ Въ февралѣ 1745 г. Шумахеръ пишетъ Адодурову, что посылаетъ, по требованію великой княжны, каталоги библіотеки академіи наукъ и книжизго магазина. *Пекарскій*, Академія, I, 513.

²⁾ *Mémoires*, 30; см. Приложение V. Совершенно противоположный взглядъ высказываетъ княгиня въ письмѣ къ мужу: Die Krankheit kan man recht gut wie dort in evangelio sagen, ist nicht zum Tode, sondern zur Ehre Gottes gewesen, denn wie wohl eine gar ansehnliche Veränderung mit dem GrosFürsten vorgegangen. so ist sie was Figur, Wesen, Gemüthe. Verstand und Gesundheit betrifft, so Sehr zu Seyner unaussprechlichen avantage. dass Alle sich darüber Freuen und Gottes Gnaden erkennen (*Siebiqk*, 99): Княгиня, какъ мы видѣли, часто обманывала своего мужа, сообщая ему всякій вздоръ; въ данномъ же случаѣ даже ея панегиристъ, Зибигкъ, воамутялся и нашель въ этомъ ея отзывѣ etwas Befremdendes (100). Подробности свиданія, передаваемыя Кастерой, также точно не за-

Петръ Федоровичъ былъ отъ природы некрасивъ; во время болѣзни онъ вытянулся, исхудалъ, лицо опухло; уродливый парикъ безобразилъ его окончательно. «Философомъ въ 15 лѣтъ» легче быть на бумагѣ, чѣмъ въ жизни, и съ этого времени въ «Запискахъ» Екатерины II все чаще упоминается о заплаканныхъ глазахъ, о пролитыхъ слезахъ ¹⁾...

Елизавета Петровна понимала положеніе юнаго «философа» и удвоила свои милости къ Екатеринѣ. Въ день рожденія великаго князя, 10-го февраля, императрица обѣдала на тронѣ съ одною великою княжною ²⁾, причѣмъ осыпала ее любезностями, восхваляя ея русское произношеніе, восторгаясь ея красотою. На празднествахъ, бывшихъ по случаю дня рожденія великаго князя ³⁾, императрица всегда являлась съ великою княжною, уступая ей первое послѣ себя мѣсто. Съ чисто женскимъ тактомъ императрица именно теперь назначила къ Екатеринѣ четырехъ молоденькихъ, веселыхъ, русскихъ женщинъ ⁴⁾. «Это мнѣ было очень удобно, пишетъ Екатерина: это все были молодыя дѣвушки; старшей изъ нихъ было 20 лѣтъ; всѣ онѣ были веселаго нрава, такъ что съ этого времени я, съ утра и до вечера, только и дѣлала, что пѣла, плясала и рѣзвилась съ ними въ моей комнатѣ. Вечеромъ, послѣ ужина, я приглашала въ спальню трехъ своихъ фрейлинтъ, двухъ княженъ Гагариныхъ и дѣвицу Кошелеву, и мы играли въ жмурки и дру-

служиваютъ ни малѣйшаго довѣрія: La jeune princesse ne revit le grand duc qu'avec une secrète horreur; elle sut pourtant se contraindre, et courant au devant de lui, elle l'embrassa avec toutes les apparences de la joie. Mais dès qu'elle rentra dans son appartement, ne songeant qu'à son malheur, elle tomba évanouie et fut trois heures avant de reprendre l'usage de ses sens (*Castera*, I, 80). *Штелингъ*, говоря о болѣзни великаго князя (88), вовсе умалчиваетъ о перемѣнѣ, происшедшей во внѣшности больного. Во всякомъ случаѣ, отъ оспы не хорошеютъ.

¹⁾ *Mémoires*, 43, sqq. — ²⁾ Elle dina avec moi seule sur le trône. Le grand-duc ne parut pas en public ce jour-là, ni de longtemps encore. On n'était pas pressé de le montrer dans l'état où l'avait mis la petite verole (*Mémoires*, 31). Это подтверждается Камеръ-фурьерскимъ журналомъ за 1745 г., что оправдываетъ отзывъ Екатерины о внѣшности своего жениха по возвращеніи изъ Хотилова. — ³⁾ Кромѣ торжественнаго обѣда, день этотъ праздновался «баломъ и аллегорическимъ фейерверкомъ». *Штелингъ*, 88. — ⁴⁾ Afin de me faciliter l'usage de la langue russe, disait l'impératrice. *Mémoires*, 37.

гя игры по нашему возрасту. Всѣ эти дѣвушки страшно боялись графини Румянцевой, но такъ какъ она, съ утра до ночи, играла въ карты, или въ моей пріемной, или у себя въ комнатѣ, и не вставала изъ-за стола, то она къ намъ никогда и не заглядывала» ¹⁾).

Императрица полюбила Екатерину, оцѣнила ее; а великій князь, ея женихъ? Онъ бралъ въ это время уроки предстоявшей ему брачной жизни у своего камердинера, который училъ его, какъ слѣдуетъ обращаться съ женою. «Румберъ, любимецъ великаго князя, бывшій шведскій драгунъ, теперь камердинеръ Петра Ѳедоровича, говорилъ ему, что его жена не смѣла пикнуть предъ нимъ, не дерзала вмѣшиваться въ его дѣла; какъ только она разѣвала ротъ, онъ приказывалъ ей молчать; онъ былъ глава въ домѣ; для мужа постыдно быть простакомъ и слушаться жены» ²⁾). Штелинь записалъ, что «въ безбрачномъ состояніи великій князь проводилъ время въ однихъ увеселеніяхъ» ³⁾. Въ чемъ же состояли эти увеселенія? Какъ малый ребенокъ, Петръ Ѳедоровичъ игралъ въ куклы, наряжалъ приближенныхъ въ прусскія каски, училъ пажей маршировкѣ, игралъ въ карты и слушалъ лакейскія сальности своихъ камердинеровъ. Отъ императрицы долго скрывали поведеніе великаго князя, но, наконецъ, она узнала какъ проводить время наслѣдникъ русскаго престола и пришла въ ужасъ. «Она приказала Штелину, чтобъ онъ каждое утро присутствовалъ при вставаніи и одѣваніи великаго князя, чтобы удержать дерзкихъ камердинеровъ и лакеевъ отъ непристойныхъ разговоровъ съ его высочествомъ. Нѣкоторые изъ нихъ были. вдругъ отосланы; между прочимъ, камердинеръ Румберъ запертъ въ крѣпость, а потомъ сосланъ въ Оренбургъ» ⁴⁾). Лакейскіе уроки припились по душѣ барину: великій князь сталъ убѣгать общества своей невѣсты, предпочитая ей бесѣду съ своими лакеями и игру въ куклы ⁵⁾).

Екатерина видитъ поведеніе великаго князя—комнаты ихъ рядомъ, они видятся довольно часто; она слышитъ рѣчи своего жениха—Петръ Ѳедоровичъ довѣрчиво рассказываетъ ей рѣшительно все, не скрываетъ даже лакейскихъ уроковъ брачной жизни. Все это заставляло Екатерину призадумываться надъ предстоявшею ей

¹⁾ *Mémoires*, 37.— ²⁾ *Mémoires*, 35.— ³⁾ *Штелинь*, 89.— ⁴⁾ *Штелинь*, 88.— ⁵⁾ *Mémoires*, 32.

участью, тѣмъ болѣе, что вокругъ нея нѣтъ никого, съ кѣмъ она могла бы посовѣтоваться, кто могъ бы поддержать ее, утѣшить. А мать?

Поведеніе княгини-матери принесло много горя Екатеринѣ. Какъ вѣтреная женщина, какъ политическая скорѣе сплетница, чѣмъ интригантка, Юганна-Елизавета не понимала своего положенія при русскомъ дворѣ, и своимъ виѣшательствомъ въ дѣла, ей совершенно чуждыя, только вредила тѣмъ добрымъ отношеніямъ, которыя готовы были установиться между Елизаветой Петровной и родителями Екатерины. Урокъ съ маркизомъ де-ла Шетарди не образумилъ княгини: и послѣ высылки французскаго дипломата она продолжаетъ переписываться съ Фридрихомъ II ¹⁾, по прежнему мирволить Мардефельду, враждуетъ Бестужеву, надѣясь побороть его, ведетъ обширную кореспонденцію, даже не подозрѣвая, что всѣ ея письма вскрываются, сплетничаютъ, желая разыгрывать роль, ей несвойственную, и не безъ зависти смотритъ на отличія, которыхъ удостоивается дочь уже по одному своему положенію русской великой княжны-невысты. Отношенія княгини къ своей дочери были въ это время довольно холодны, чтобъ не сказать болѣе. Приведемъ эпизодъ, записанный Екатериною и относящійся къ концу февраля 1745 года: «На первой недѣли великаго поста, въ то время какъ въ моей комнатѣ служили утреню, пришла М-ле Шенкъ, вся взволнованная, и сказала, что матушкѣ дурно, что она лишилась чувствъ. Я тотчасъ же побѣжала въ ея комнаты: она лежала на полу, на матрацѣ, но была въ памяти. Я осмѣлилась спросить, что съ нею. Она отвѣчала, что хотѣла пугить себя кровью, но фельдшеръ, по неловки, четыре раза, на обѣихъ рукахъ и ногахъ, не попадалъ въ жилу, и она оттого лишилась чувствъ. Я знала уже, что матушка боялась кроводусканія, и недоумѣвала, почему она рѣшилась на него и зачѣмъ ей это было нужно. Тѣмъ не менѣе, она упрекала меня, что я вовсе не принимаю въ ней участія и наговорила мнѣ по этому поводу множество неприятностей. Я извинялась какъ могла, заявляя свое полное невѣдѣніе, что она больна, но, видя, что она въ дурномъ расположеніи духа, я замолчала, стараясь удержать слезы и ушла отъ нее только тогда, когда она съ

¹⁾ *Pol. Corr.* IV, 55, 131.

негодованиемъ приказала мнѣ удалиться. Я возвратилась въ свою комнату вся въ слезахъ и когда мои женщины спросили о причинѣ, я рассказала имъ все какъ было. Я навѣщала матушку по нѣсколько разъ въ день и оставалась въ ея комнатѣ сколько слѣдовало, чтобы не быть въ тягость, чего матушка строго всегда требовала и къ чему я уже привыкла» ¹⁾). Очевидно: у Екатерины была родительница, но не была матери, которая сердцемъ чувствуетъ потребности дочери и идетъ имъ навстрѣчу съ ласкою, согрѣтою любовью, съ словомъ утѣшенія, съ добрымъ совѣтомъ. Екатерина была и оставалась одна.

¹⁾ *Mémoires*, 40. Это было первое проявленіе болѣзни, которая мѣсяца полтора, съ конца февраля по начало апрѣля, держала княгиню въ постели. Der eigentliche Sitz der Krankheit war der Unterleib gewesen und schrieb man nicht nur der Luft, sondern auch dem Genusse des Newawasser die Ursache davon zu, какъ писала княгиня мужу (*Siebigk*, 104). Только въ страстной четвертокъ, 11-го апрѣля, княгиня вышла изъ комнаты и присутствовала на богослуженіи. Если вѣрить слухамъ, сообщаемымъ *Rosenbergomъ*, въ депешѣ отъ 16-го ноября 1744 года, болѣзнь княгини должно приписать ея вѣтренности, а не петербургскому воздуху или невской водѣ. Приложение VI, 6.

XIV.

Мать Екатерины Алексѣевны и отецъ Петра Фѣдоровича были двоюродные братъ и сестра; какъ великая княжна по матери, такъ великій князь по отцу были голштинскаго дома. Этого было бы уже достаточно, чтобъ связать судьбы Голштиніи съ политическими интересами русскаго двора; но, сверхъ того, наслѣдникъ русскаго престола былъ въ то же время герцогомъ голштинскимъ, что придавало совершенно иную постановку голштинскому вопросу¹⁾, давно уже волновавшему сѣверныя державы. Въ чемъ же заключался голштинскій вопросъ?

Въ 1713 году, въ разгаръ сѣверной войны, союзныя Россіи датскія войска, преслѣдуя шведскій корпусъ генерала Стенбока, укрывшійся въ Голштинію, въ крѣпость Тенингенъ, вторглись въ предѣлы шлезвигской территоріи и овладѣли не только Шлезвигомъ, но и частью Голштиніи. Въ это время герцогомъ шлезвиг-голштинскимъ былъ юный Карлъ-Фридрихъ, будущій отецъ Петра Фѣдоровича. Когда, въ 1718 году, шведскій король Карлъ XII былъ убитъ, голштинскій герцогъ, какъ сынъ старшей сестры Карла XII, явился претендентомъ на шведскій престолъ, но былъ

¹⁾ Всеподданнѣйшій докладъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ 5-го октября 1759 года (изъ *московскаго главнаго архива* министерства иностранныхъ дѣлъ) см. Приложение VIII, 2. *Eclaircissemens sur plusieurs faits relatifs au règne de Pierre-le-Grand, extraits des papiers du comte H. F. de Bassewitz (Büsching, IX, 283)*. Русскій переводъ, довольно точный, хотя и подъ невѣрнымъ заглавіемъ «Записки графа Бассевича», помѣщенъ въ «*Русск. Архивъ*», 1865, 91

отстраненъ, и шведская корона досталась его теткѣ, младшей сестрѣ Карла XII, супругѣ герцога гессенъ-кассельскаго. Ограбленный Данию, обойденный Швецію, голштинскій герцогъ обратился къ Россіи.

Ни Голштинія, ни Шлезвигъ не интересовали Петра I; но съ Балтійскаго моря онъ не спускалъ глазъ, и въ этомъ отношеніи просьба голштинскаго герцога приобрѣтала особое значеніе. Петръ В. владѣлъ уже на Западѣ морскимъ побережьемъ отъ Невы до Западной Двины; съ 1715 года его племянница, Екатерина Ивановна, была замужемъ за герцогомъ мекленбургскимъ, владѣвшимъ значительною береговою линією; если и герцогъ голштинскій, владѣющій побережьемъ Нѣмецкаго моря, будетъ на его сторонѣ—русскому мореходству откроются такія перспективы, о которыхъ еще недавно Петръ не дерзалъ и мечтать. Мало того: герцогъ гессенъ-кассельскій, ставшій теперь шведскимъ королемъ Фридрихомъ I, бездѣтенъ; ближайшимъ наследникомъ шведскаго престола былъ тотъ же голштинскій герцогъ—помочь ему, обязать его, если возможно, породниться съ нимъ, какъ будущимъ королемъ шведскимъ, значило обезпечить Россіи тѣ территоріальныя приобретенія, которыя только-что сдѣланы на счетъ Швеціи же. Вотъ въ чемъ заключался политическій смыслъ брачнаго союза цесаревны Анны Петровны съ голштинскимъ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ.

Въ мартѣ 1721 года герцогъ прибылъ въ Россію. Спустя два года, стараніями Россіи были уже восстановлены его права на шведскій престолъ: 19-го ноября 1723 г. шведскій король и государственные чины подписали актъ, удостовѣряющій, что шведская «нація обязана самою почтительною преданностію потомку Густава и не имѣетъ никакой причины, въ случаѣ смерти короля (Фридриха I), обойти особу его королевскаго высочества», т. е. Карла-Фридриха. Одновременно съ этимъ Петръ велъ переговоры и съ датскимъ дворомъ о возвращеніи герцогу захваченнаго Данию Шлезвига. Переговоры эти не имѣли успѣха, но не охладили Петра: въ русско-шведскомъ договорѣ 22-го февраля 1724 года, въ особомъ секретномъ артикулѣ, русскій императоръ и шведскій король согласились употребить извѣстныя мѣры для возвращенія голштинскому герцогу земель, несправедливо захваченныхъ у него

Данією ¹⁾). Въ томъ же году, 24-го ноября, былъ заключенъ брачный договоръ между герцогомъ шлезвигъ-голштинскимъ и цесаревною Анною Петровною, въ которомъ Петръ I обѣщаль своему будущему зятю сильную поддержку какъ въ добываніи шведскаго престола, такъ и въ возвращеніи Шлезвига ²⁾). Петръ обѣщаль помогать Карлу-Фридриху «со всею своею въ рукахъ имѣющеюся силою» и свидѣтельствовалъ, что «и руки прежде опускать не изволить, пока государю герцогу, дружелюбно любезному его зятю за свое отъ короля дадкаго черезъ толь многіе годы у него предудержанное герцогство Шлезвигское совершенное удовольствіе съ совокупленіемъ короны шведской исходатайствовано будетъ». Петръ I заинтересовалъ и короля прусскаго въ пользу Карла-Фридриха—графъ Александръ Головкинъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, извѣщаль, что король говорилъ ему: «Я никогда не вступлю ни въ какія соглашенія ни противъ правъ герцога голштинскаго на шведскій престолъ, ни противъ возвращенія ему Шлезвига» ³⁾). Вспоминая это время, герцогъ Карлъ-Фридрихъ записалъ въ своихъ мемуарахъ: «При русскомъ дворѣ я, въ короткое время, былъ почтенъ милостію могущественнаго монарха въ такой степени, что могъ ожидать для себя величайшихъ отъ того выгодъ, а какъ такога же благоволенія удостоивала меня и августѣйшая его супруга, то все давало мнѣ поводъ надѣяться полнаго успѣха въ своихъ предпріятіяхъ» ⁴⁾).

Эти ожиданія и надежды не сбылись. Не понимая сущности самодержавной власти, герцогъ Карлъ-Фридрихъ заботился только о милости Петра I, о благоволеніи Екатерины I и не имѣлъ успѣха, благодаря вліянію барона Остермана и кн. Меншикова.

28-го января 1725 г. умеръ Петръ В., но была жива Екатерина I, «благоволившая» Карлу-Фридриху и шедшая по стопамъ своего покойнаго супруга. Положеніе голштинскаго герцога при русскомъ дворѣ значительно упрочилось бракомъ его съ цесаревною Анною Петровною, совершившимся 21-го мая 1725 г. Вскорѣ

¹⁾ И. С. З. № 4465. Артикуль секретный первый, касающійся «княженія шлезвигскаго», помѣщенъ въ брошюрѣ *Шебальскаго*, I.—²⁾ *Мартенсъ*, V, 213, 230, 231.—³⁾ *Мартенсъ*, V, 233.—⁴⁾ *Сборникъ*, I, 200.

герцогъ-зять былъ сдѣланъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта ¹⁾. Въ союзныхъ договорахъ Россіи съ Австріею и Пруссіею, заключенныхъ въ августѣ 1726 года, Екатерина I, подобно Петру I, заботилась о своемъ зятѣ и даже поставила голштинскій вопросъ на болѣе практическую почву: въ русско-австрійскомъ договорѣ высокіе контрагенты постановили, что они употребятъ «пріятельскія старанія» въ пользу Карла-Фридриха, «но будо таковыя пріятельскія старанія тому насупротивъ чрезъ цѣлое время одного году полезнаго плода не принесутъ, то къ такому случаю обяжутся Его Цесарское Католическое Величество и Ея Всероссийское Величество совокупно оружіе дѣйствительно воспріять и оное не прежде исполжить, пока Свѣтлѣйшій Герцогъ сатисфакцію получить и ему надлежащее возвратятъ» ²⁾.

Не прошло, однако, и года, какъ умерла Екатерина I. Сошли со сцены мирволившіе герцогу Петръ В. и Екатерина; положеніемъ овладѣли его враги—баронъ Остерманъ и князь Меншиковъ. Вслѣдъ за смертію тещи, герцогъ самъ уже призналъ «не приличнымъ своему положенію» оставаться въ Россіи, и 5-го августа 1727 г. молодая чета отправилась въ Голштинію. Отъѣзжая изъ Россіи, герцогъ увезъ съ собою «декларацию» русскаго двора, которою подтверждались всѣ договоры и секретныя ихъ статьи въ пользу правъ Карла-Фридриха на Шлезвигъ ³⁾. Это была послѣдняя «бумага», лишенная всякой силы, но, тѣмъ не менѣе, говорившая въ пользу голштинскаго герцога; скоро русское правительство совершенно отречется отъ герцога и даже станетъ на сторону его враговъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Киль, 10-го февраля 1728 года, Анна Петровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ—Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ, будущимъ русскимъ императоромъ Петромъ III; черезъ три

¹⁾ Протоколъ совѣта отъ 17-го февраля 1726 г. (*Сборникъ*, LV, № 16, 43). Къ герцогу былъ приставленъ камергеръ графъ Михайль Головкинъ для перевода «съ русскаго на нѣмецкій языкъ о чемъ будетъ совѣтовано и что чинено» (*Сборникъ*, LV, № 22, 52).—²⁾ *Мартенсъ*, I, 42. Подобное же условіе, приложенное къ русско-прусскому договору, еще не обнародовано. Договоръ 10-го августа 1726 г. помѣщенъ въ *И. С. З.* № 4947, но безъ секретныхъ артикуловъ, о которыхъ только упоминаетъ, не приводя ихъ, *Щебальскій*, 13, прим.—³⁾ *И. С. З.*, № 5128.

мѣсяца, 15-го мая, она умерла. Эта смерть значительно умаляла связи съ Россією; вопареніе Анны Ивановны порвало ихъ окончательно ¹⁾. Еще на конгрессахъ въ Камбрѣ и Суассонѣ русскимъ уполномоченнымъ было предписано хлопотать въ пользу герцога Карла-Фридриха, требуя возвращенія ему Шлезвига, но уже 26-го мая 1732 года былъ заключенъ въ Копенгагенѣ тройной русско-австро-датскій союзъ, которымъ Данія согласилась уплатить герцогу миллионъ ефимковъ за Шлезвигъ, а Россія и Австрія обязались гарантировать Даніи свободное обладаніе Шлезвигомъ ²⁾. Покинутый и Россією, герцогъ Карль-Фридрихъ не продалъ, однако, Даніи своего права на Шлезвигъ—онъ отвергъ денежное вознагражденіе и, умирая, передалъ сыну свои права на Шлезвигъ.

Елизавета Петровна знала, что, призывая изъ Киля своего племянника, она навязываетъ русскому правительству и «голштинскій вопросъ», но надѣялась, что русская корона заставитъ юнаго герцога забыть о притязаніяхъ на Шлезвигъ. Императрица, однако, ошиблась.

Въ 1739 году умеръ герцогъ Карль-Фридрихъ, и всѣ его титулы и права перешли къ его малолѣтнему сыну. Администраторомъ Голштиніи былъ назначенъ его дядя, принцъ Адольфъ-Фридрихъ, принимавшій близко къ сердцу интересы шведскіе, даже датскіе, только не голштинскіе; онъ и былъ вскорѣ избранъ на шведскій престолъ. Его администрація вела голштинскія дѣла во

¹⁾ Въ Россіи слышались еще въ началѣ царствованія Анны Ивановны голоса, утверждавшіе, что «въ Голштиніи имѣется одинъ принцъ, внукъ Петра Перваго, который истинный наследникъ Россійской Имперіи, и отдать его отъ сего никакъ невозможно»; но, во первыхъ, этотъ принцъ вспоминался не самъ по себѣ, а потому, что «нынѣ у насъ въ Россіи честнымъ людямъ никакъ жить невозможно; паче же кои по лучше другихъ разумѣютъ, тѣ весьма въ краткомъ времени пропадаютъ» (*Михайловъ*, Сборникъ историч. матерьяловъ и документовъ, Спб. 1873, 197; *Заря* 1870 г. № 7; *Русскій Архивъ* 1871 года, 35), и, во вторыхъ, скоро и этихъ отдѣльныхъ голосовъ не было уже слышно. — ²⁾ «Его римско-цесарское величество и ея величество всероссійское его королевскому величеству дающему бывшую княжескую часть герцогства Шлезвигскаго, какъ его королевское величество нынѣ оною владѣетъ, безъ всякаго изъятія, гарантировать и онаго въ спокойномъ и безпомѣшательномъ владѣніи оной противъ всѣхъ содержать хотять». *Мартенс*, I, 63.

вредъ малолѣтнему герцогу. Когда русскій камергеръ баронъ Корфъ приѣхалъ въ Киль за герцогомъ-ребенкомъ, чтобъ увезти его въ Россію, въ Килѣ слышались голоса: «Слава Богу, онъ уѣхалъ, и мы его болѣе не увидимъ». При голштинскомъ дворѣ была партія датская, шведская, но не было голштинской.

Въ 1742 году герцогъ голштинскій принялъ православіе и былъ объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола. Датскій дворъ, зорко слѣдившій за всѣмъ, что происходило въ Голштиніи, хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и къ захваченному уже Шлезвигу присоединить теперь и всю Голштинію. Основываясь на томъ, будто лицо, исповѣдующее греческую вѣру, не можетъ быть членомъ Германской имперіи, датскій дворъ вошелъ въ соглашеніе съ лондонскимъ, чтобы объявить Петра Ѳеодоровича лишеннымъ всѣхъ правъ на голштинскія владѣнія и присоединить эти земли къ датской коронѣ. Англійскій король поручилъ своему представителю въ Гагѣ увѣдомить объ этомъ соглашеніи Соединенные Штаты, которые онъ приглашалъ или присоединиться къ англо-датскому соглашенію, или, по крайней мѣрѣ, оставаться нейтральными¹⁾. Треворъ, англійскій посланникъ въ Гагѣ, исполнилъ возложенное на него порученіе настолько торжественно и публично, что, спустя нѣсколько дней, въ «*Gazette Française*» была напечатана сущность его деклараціи, и, такимъ образомъ, датская интрига была узнава въ Петербургѣ²⁾. Эта интрига не удалась: декларировать свои притязанія все-таки легче, чѣмъ захватывать чужія земли. Шлезвигъ былъ захваченъ въ то время, когда малолѣтній Карлъ-Фридрихъ былъ въ Швеціи, у своей бабки; захватить Голштинію въ то время, когда несовершеннолѣтній Петръ Ѳеодоровичъ былъ уже объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола, значило объявить войну Россіи. Данія понимала это и ограничилась деклараціей.

Положеніе Голштиніи въ то время, дѣйствительно, могло подать Даніи поводъ предполагать, что ей удастся захватить землю, о которой, казалось, никто не заботился: несовершеннолѣтній герцогъ перемѣнилъ вѣру и сталъ наслѣдникомъ русскаго престола:

¹⁾ Декларация англійскаго посланника въ Гагѣ, Тревора (изъ *London. Архива*) см. Приложение VIII, 1.—²⁾ Дешеша *Вичи* лорду Гаррингтону отъ 18-го октября 1743 г. (*London. Архивъ, Russia, № 44*).

опекунъ герцога. голштинскій принцъ Адольфъ-Фридрихъ, избранъ въ шведскіе наследные принцы: Голштинією править административный совѣтъ изъ частныхъ лицъ, продажныхъ и подкупныхъ настолько, что Данія не трудно было составить свою партію и ввести ея членовъ въ самый совѣтъ. Трудно управлять побережьемъ Нѣмецкаго моря изъ Петербурга или Стокгольма: въ Копенгагенѣ вовсе не ожидали, что можно быть русскимъ великимъ княземъ и все-таки предпочитать Голштинію Россіи.

Въ Килѣ и въ Петербургѣ шла сложная интрига по поводу Голштиніи. Видная роль въ этой интригѣ принадлежала, конечно, чербетской княгинѣ Юганнѣ-Елизаветѣ, урожденной принцессѣ голштинской. Она вела по этому поводу обширную переписку, изъ которой, къ сожалѣнію, извѣстны только небольшіе отрывки. Судя по нимъ, можно, однако, догадываться, что вопросъ сводился къ чисто матерьяльнымъ интересамъ — кому распорядиться доходами голштинскихъ земель. Опекунъ, какъ шведскій кронпринцъ, къ тому-же женатый на прусской принцессѣ, былъ неудобенъ для Россіи; онъ весь отдался прусско-французскимъ интересамъ. Для устраненія «неудобнаго опекуна», русскій дворъ хлопоталъ о возможно скорѣйшемъ объявленіи герцога совершеннолѣтнимъ. Въ Килѣ составила партія въ пользу графа Брюммера, какъ штатгальтера Голштиніи; за Брюммера была и княгиня чербетская; противную партію представлялъ принцъ Августъ-Фридрихъ, братъ княгини и опекунъ Адольфа-Фридриха, привозившій въ Петербургъ портретъ Фике; за принца Августа была его сестра, герцогиня саксенъ-готская, и канцлеръ Бестужевъ. Обѣ партіи и не предполагали, кажется, что Петръ Теодоровичъ, какъ герцогъ, рѣшится взять въ свои руки управленіе отчиной.

Княгиню особенно раздражала кандидатура ее брата, принца Августа: для нея было очевидно, что враги хотѣли заранѣе объявить великаго князя, какъ герцога, совершеннолѣтнимъ и этимъ путемъ уничтожить опекунство старшаго брата, принца Адольфа, наследнаго принца шведскаго, причемъ младшій братъ, принцъ Августъ, сталъ бы управлять Голштинією отъ имени великаго князя ¹⁾. Княгиня, на этотъ разъ, была совершенно права; принцъ Адольфъ

¹⁾ *Mémoires*. 32.

шведскій, поддерживаемый Пруссією и Францією, имѣлъ болѣе шансовъ защитить Голштинію отъ притязаній Даніи, чѣмъ слабый принцъ Августъ, готовый даже жениться на датской принцессѣ¹⁾. Юганна - Елизавета желала, поэтому, чтобы опекуномъ былъ по-прежнему старшій братъ, а штатгальтеромъ его и позже великаго князя—графъ Брюкмеръ. Въ этихъ видахъ она признавала необходимымъ, прежде всего, удалить принца Августа даже изъ Голштиніи: она совѣтовала ему принять участіе въ голландской войнѣ, выпросила у Елизаветы Петровны денежное вспоможеніе принцу-воину и, скрывая отъ сестры свои намѣренія, писала герцогинѣ саксенъ-готской, отъ 27-го іюля 1744 года:

«Правда, дражайшая сестрица, что я моего добраго и дорогого Августа предупреждена нахожу. Онъ дѣйствительно противъ меня, и подлинно онъ мнѣ несправедливость чинить. Однакожь онъ по совѣту моему во Фландрію поѣхалъ, чѣмъ я такъ наипаче довольна, что то подѣйствовало: ибо, когда я о томъ ея императорскому величеству сказала, то она ему 10,000 рублевъ въ презентъ пожаловала. Благополучно-бъ для Голштиніи было, ежели-бъ онъ штатгальтеромъ тамъ учиненъ быть могъ; но тому еще время, ибо его прилежное желаніе непріятелямъ Голштинскаго дома желаемой случай подать могло-бъ къ произведенію подозрѣній, которымъ по благоразумію себя подвергать не надлежитъ. Повѣрьте мнѣ, что я, будучи на мѣстѣ, состояніе здѣшнее знаю и сердце правое имѣю»²⁾.

Конечно, «на мѣстѣ» видѣе, и герцогиня саксенъ-готская признавала, что ея сестра «сердце правое имѣеть», но братъ этого не признавалъ: въ августѣ же, будучи въ Кіевѣ, княгиня получила отъ принца Августа письмо, въ которомъ онъ заявлялъ о своемъ

¹⁾ Мы основываемся на подлинныхъ документахъ (*Русск. Архивъ*, 1863, 906; вт. изд. 364). Въ депешѣ англійскаго посланника, отъ 20-го марта 1749 г., это изложено въ inomъ видѣ: There is a project on foot, which is kept very secret, of marrying the princess royal of Denmark to prince August, the present administrator of the Dutchy of Holstein, in order to exlude him from the succession of Holstein in case the Great Duke has no issue, which it is probable he never will (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 58). — ²⁾ *Осмлади. Вѣкъ*, I, 26. Все письма цербстской княгини перлюстрировались и немедленно переводились на русскій языкъ; онѣ изданы г. Баргеновымъ въ современномъ переводѣ.

намѣреніи пріѣхать въ Россію. Княгиня удаляетъ его даже изъ Голштиніи, а онъ собирается въ Россію; очевидно, его научаютъ ея враги и, прежде всего, канцлеръ Бестужевъ, чтобъ повредить графу Брюмеру и всѣмъ сторонникамъ наслѣднаго шведскаго принца, опекуна великаго князя, какъ герцога голштинскаго. Раздраженная этими соображеніями, княгиня отвѣчала ему изъ Козельца очень рѣзко: вмѣсто того, чтобъ играть въ руку враговъ своего брата, онъ лучше поѣхалъ-бы къ мѣсту своего служенія въ Голландію; лучше съ честью пасть въ бою, чѣмъ строить козни брату и присоединяться къ врагамъ сестры въ Россіи ¹⁾. Письмо, конечно, было перлюстрировано: императрица находила слишкомъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ желать брату смерти; княгиня, напротивъ, похвалялась этой фразой, находя въ ней «une expression ferme et sonnante».

О принцѣ Августѣ составилось неблагоприятное мнѣніе Елизавета Петровна считала его человѣкомъ легковѣрнымъ, котораго «весьма не трудно на все стороны склонить»; Екатерина II находила его просто «глупымъ» ²⁾. Отвѣтъ принца сестрѣ, полный ироніи, рисуетъ его въ совершенно иномъ свѣтѣ:

«Я не преминулъ получить ваше милостивое письмо, отправленное за двѣ мили отъ Кіева, въ то время, когда я къ баталіи съ неприятелемъ въ маршѣ находился, что препятствовало мнѣ по нынѣ на оное отвѣтствовать. Вы безъ трудности разсудите, дрожащая и любезнѣйшая моя сестра, какое увеселеніе оное письмо мнѣ причинить могло, будучи наканунѣ окончанія моей жизни. Ежели-бы я не столько флегматикъ быть, какъ я есмь, то оное не знаю, что во мнѣ произвѣсть могло бѣ. Но какъ бы то ни было, я вамъ за то зла не желаю, и будьте удостовѣрены, что, несмотря на все то, должная моя къ вамъ дружба и любовь въ сердцахъ моихъ никогда быть не престанутъ. Я сокрушаюся, видя васъ противъ меня огорченныхъ; но разсудите, сестрица, что вы въ томъ не правы, когда упомпнаете, что письмо мое къ вамъ противъ васъ было. Вы не хорошо то поняли. Я досадовалъ противъ моихъ клеветниковъ и противъ тѣхъ, кто меня съ вами ссоривалъ; ибо, Богъ мнѣ свидѣтель, что я столько повѣрности къ вамъ имѣю, что я предовольно извѣстенъ, что вы никогда ничего противъ

¹⁾ *Mémoires*, 33. — ²⁾ *Русскій Архивъ*, 1863, 366; *Mémoires*, 34. Эти отзывы принимаетъ на вѣру г. *Бартеневъ*, называя принца «простымъ и легкомысленнымъ» (*Осмнади. Вѣкъ*, I, 29); г. *Диринъ* причисляетъ принца «къ категоріи такихъ личностей, которыхъ семья воздерживается выставить на показъ» (101).

меня сдѣлать не можете; но другіе токмо вашу къ нимъ милость худо употребляютъ. Я вамъ подробно на все не отвѣтствую, ибо я съ вами ссориться всеконечно не желаю. Оригиналь, копію и все, что вы позволите, беречь буду. Меня увѣдомляютъ, что вы вскорѣ въ Германію возвратиться намѣреніе имѣете; я васъ искать буду и въ полчаса все вамъ предъявлю и васъ удостовѣрю дружески о томъ, коимъ образомъ, что до меня принадлежить, васъ обольстили.

«Я уповаю, дрожайшая моя сестрица, что вы мною нынѣ довольны будете. Чтожъ до меня принадлежить, то я, хотя бы вы мнѣ и не знаю что сдѣлали, доволенъ вами буду ¹⁾. Правда, что я самое дѣло ненавидѣлъ бы, но дружба и согласіе, которыя по средству быть имѣють, отъ того претерпѣвать не должныствуютъ. Таковы суть, дрожайшая моя сестрица, мои сентименты. Я вѣдаю, что и вы таковыя же имѣете и для того прекратимъ всякую опечаливающую корреспонденцію и возстановимъ древнюю, такову, какова она прежде бывала.

«Я еще вамъ, дрожайшая сестрица, скажу, что кампанія окончилася и что я въ 15 дней въ Голштинію поѣду. Ежели что либо тамъ къ желаніямъ вашимъ находится будетъ, то я вашихъ повелѣній ожидать стану».

Письмо помѣчено 2 (13) октября 1744 г. и «глухой» принцъ послалъ его, въ копіи, канцлеру Бестужеву. Онъ, конечно, напрасно «искалъ сестрицу въ Германіи» и, спустя четыре мѣсяца, въ февралѣ 1745 г., явился въ Петербургъ, и своимъ появленіемъ повергъ въ отчаяніе свою сестру-княгиню ²⁾.

Принцъ Августъ скоро сошелся съ великимъ княземъ, который полюбилъ его, какъ родственника и, къ тому же, голштинца; особенно сблизила ихъ общая ненависть къ графу Брюкмеру. Дядя говорилъ племяннику о Голштиніи, которую Петръ Ѳедоровичъ такъ любилъ; онъ указывалъ герцогу дурныя стороны администраціи Голштиніи и находилъ, что только объявленіе герцога совершеннолѣтнимъ можетъ поправить дѣла его родины. Этими рѣчами, конечно, набрасывалась тѣнь на опекунское управленіе Голштиніею принца Адольфа, о чемъ княгиня не замедлила сообщить въ Стокгольмъ, брату, съ которымъ была въ постоянной перепискѣ. Принцъ Адольфъ отвѣчалъ, между прочимъ, сестрѣ: «Стараются очернить людей мнѣ преданныхъ, и недостаетъ только одного, чтобы назвали

¹⁾ Последнихъ трехъ словъ въ оригиналѣ нѣтъ, а съ боку приписано: *сенса недостаетъ*. Кажется, смыслъ восстанавливается довольно точно приведенными тремя словами. *Осинади. Вѣкъ, I, 27. — 2) Elle étoit à peu près au désespoir de son arrivée. *Memoires*, 34.*

меня по имени. Я не боюсь никакого слѣдствія; напротивъ, буду радъ, ибо увѣренъ, что слѣдствіе обратится въ мою пользу. Признавая охлажденіе между мною и великимъ княземъ чрезвычайно опаснымъ для нашего дома, считаю необходимымъ предупреждать всѣ внушенія, которыя, какъ видно, сдѣланы были ему противъ меня. Я увѣренъ, дрожащая сестрица, что вы приложите къ тому всѣ свои старанія; я требовалъ того-же и у великой княгини, по вашему совѣту. Я при первомъ надежномъ случаѣ пришаю вамъ два экземпляра съ цыфирью, которыя вы и великая княгиня можете употреблять; но я усерднѣйше васъ прошу внушить ей, чтобы она въ этомъ случаѣ поступала со всевозможнымъ благоразуміемъ и осторожностью. Братъ мой Августъ приносить на меня несправедливую жалобу» ¹⁾).

Въ чемъ заключалась жалоба принца Августа на своего брата можно лишь догадываться — въ небреженіи голштинскими дѣлами; но нельзя сомнѣваться, что «глухой» принцъ дѣйствительно успѣшно относительно объявленія великаго князя, какъ герцога голштинскаго, совершеннолѣтнимъ. 17-го іюня 1745 г., въ Петергофѣ, въ торжественной аудіенціи, императорскій посланникъ баронъ Герддорфъ, въ присутствіи саксонскаго резидента Пецолда, отъ имени курфюрста саксонскаго, какъ викарія Римской имперіи, представилъ грамоту о достиженіи Петромъ Федоровичемъ, какъ герцогомъ, совершеннолѣтія ²⁾ и о признаніи за нимъ права самостоятельно управлять Голштиніею. Если вѣрить Штелину, великій князь, возвратясь съ этимъ дипломомъ въ свои покои, прочиталъ его весь, громкимъ голосомъ, и, обратясь къ Врюммеру и Берхгольцу сказалъ имъ: «Вотъ, видите-ли, господа, наконецъ исполнилось то,

¹⁾ Перлюстрація 1745 г. въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, у *Соловьева*, XXII, 42.

²⁾ Въ депешѣ *Гиндфорда* графу Гаррингтону, отъ 18-го іюня 1745 г.: M-r Petzolt, the Saxon resident, presented yesterday a diploma from his master, the vicar of the Empire, granting the *venia aetatis* to the great Duke. This puts entirely an end to count Brummer's administration of the affairs of the duchy of Holstein, and is likewise very desagrecable to the princess of Zerbst (*Лондон. Архивъ, Russia*, № 48). Въ депешѣ *Дальона* маркизу Даржансону, отъ того же числа: L'électeur de Saxe, comme vicaire de l'Empire, vient d'accorder une dispense d'âge pour la majorité du grand-duc en qualité de duc de Holstein. (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 46, f. 470).

чего я давно желалъ. и— владѣтельный герцогъ, вашъ государь; теперь моя очередь повелѣвать. Прощайте! Вы мнѣ болѣе не нужны, и я постараюсь возвратити васъ въ Голштинію» ¹⁾).

Въ Киль не ожидали ничего подобнаго, и не успѣли еще приготовиться, когда пріѣхалъ камергеръ Корфъ, русскій посланникъ въ Копенгагенъ, для устройства голштинскихъ дѣлъ. Госпожа Брокдорфъ, принадлежавшая къ администраторской партіи, увѣряла сначала, что Корфъ пріѣхалъ въ Киль вовсе не для провозглашенія совершеннолѣтія герцога; но когда кильскій батальонъ былъ собранъ на площади, приведенъ къ присягѣ и три раза выпалилъ изъ ружья съ криками «vivat», она, всплеснувъ руками; сказала «Боже мой, что это въ Петербургѣ дѣлаютъ! Графъ Брюкмеръ еще съ послѣднею почтою писалъ ко мнѣ, что о совершеннолѣтіи нѣтъ даже и помину. Боюсь, что не сбудется его надежда получить званіе штатгальтера» ²⁾. Корфъ доносилъ, что голштинцы выражаютъ полную преданность своему юному государю, причемъ прибавлялъ, что и шляхетство также предано, но, опасаясь датчанъ, не смѣетъ выражать своихъ чувствъ. Кто же будетъ назначенъ намѣстникомъ въ Голштинію? Люди благонамѣренные говорили Корфу, что если управленію страшно будетъ поручено частному лицу, кто бы онъ ни былъ, это очень повредитъ интересамъ герцога, потому что частное лицо всегда будетъ находиться подъ вліяніемъ то шведскихъ, то датскихъ интригъ, и всегда будетъ безответственно, такъ какъ, въ случаѣ неудовольствія на него въ Россіи, легко можетъ перейти въ датскую или шведскую службу. Корфъ предлагалъ назначить штатгальтеромъ принца Августа, «качества котораго превозносятъ въ Голштиніи и шляхетство и горожане», и котораго Корфъ находилъ «проницательнымъ и бойрымъ». Во всякомъ же случаѣ, по мнѣнію Корфа, необходимо удалить всѣхъ членовъ прежней администраціи. «По вопросу объ устройствѣ новаго правительства, писалъ Корфъ, въ Киль нѣтъ недо-

¹⁾ *Шлегель*, 82. Дословное повтореніе рѣчей всегда подозрительно; въ данномъ же случаѣ Штелинь ошибся даже относительно года церемоніи: Брюкмеръ и Берхгольдъ оставались еще болѣе года при дворѣ, состоя прежнему въ штатѣ великаго князя, пока, наконецъ, получили увольненіе, осязью 1745 года». Такимъ образомъ, признаніе герцога совершеннолѣтнимъ отнесено Штелинымъ въ 1744 году. — ²⁾ *Соловьевъ*, XXII, 85.

статка въ конференціяхъ и совѣщаніяхъ, которыя клонятся къ тому, чтобы удержать на мѣстахъ приверженцевъ прежней администраціи. Большіе съѣзды бывають у госпожи Брокдорфъ; эти съѣзды подозрительны тѣмъ, что въ нихъ участвуетъ слуга Давиі—камергеръ Бухвальдъ. Интересъ великаго князя требуетъ, чтобы разомъ пресѣчь иностранныя интриги и удалить отъ дѣлъ всѣхъ приверженцевъ прежней администраціи: если они предпочли наслѣдника шведскаго престола великому князю, то надобно опасаться, что они и впредь не оставятъ прежнихъ своихъ связей» ¹⁾). Положеніе голштинскихъ финансовъ Корфъ признавалъ безнадежнымъ: администрація увеличила государственнй долгъ на 200,000 ефимковъ; въ бюджетѣ 1745 г. расходы превышали доходъ на 241.398 рейхсталеровъ; чрезвычайные расходы увеличились на 192.000 ефимковъ. Что при этомъ не обходилось безъ мошенничества, видно изъ того, что еврей Мусафія, при посредствѣ котораго дѣлались займы, бѣжалъ изъ Киля, какъ только было объявлено о совершеннѣтн великаго князя-герцога.

Донесенія камергера Корфа вполнѣ оправдали принца Августа, который получилъ теперь еще большее вліяніе на великаго князя. Княгиня цербтская еще разъ оказалась неправою и, что хуже всего, дѣйствующею во вредъ русскимъ интересамъ. Бестужевъ восторжествовалъ и въ голштинскомъ вопросѣ.

¹⁾ Соловьевъ, XXII, 86.

XV.

Вскорѣ по возвращеніи двора въ Петербургъ, начались приготовленія къ свадьбѣ. Въ императорской Россіи еще не бывало церемоніи бракосочетанія наследника престола; бракъ царевича Алексѣя Петровича совершался въ Торгау, въ Саксоніи. Елизавета Петровна присутствовала при бракѣ своей сестры, матери Петра Ѳедоровича, и при бракѣ принцессы Анны Мекленбургской, когда, въ обоихъ случаяхъ, торжество имѣло болѣе семейный характеръ; бракъ самой Елизаветы Петровны, какъ морганатическій, въ счетъ не идетъ: онъ совершился скромно, тихо, тайкомъ—очень немногіе изъ современниковъ знали о замужествѣ императрицы. Браку же Петра Ѳедоровича имѣли въ виду придать возможно большую огласку, торжественность ¹⁾. Къ этому были какъ политическія

¹⁾ Эта торжественность была сопряжена, конечно, съ большими расходами. Иностранные посланники, непонимавшіе экономическихъ условий крѣпостной Россіи, рѣшительно недоумѣвали, откуда добываются средства на свадебныя приготовленія, поражавшія ихъ своею роскошью. Незадолго до свадьбы, 7-го іюня 1745 г., *Гилдфордъ* писалъ въ Лондонъ: The revenues and finances of this country are in extreme disorder. There is not a shilling in the public coffers, although the expence and had oeconomy of the court increaseth daily (*Лондон. Архивъ, Russia, № 48*). Нѣмецкій дипломатъ приводитъ даже указанія этого крайняго безденежья: Der Mangel an Geld und Kredit war so gros, dass man sogar Noth hatte nur die Vorschüsse auf die zu verschreibenden Livreetücher und Tressen, geschweige denn für die grössern Kostbarkeiten zusammen zu bringen (*Herrmann, V, 90*). По многимъ и весьма сложнымъ причинамъ, финансовое положеніе Россіи рѣдко находилось въ блестящемъ положеніи, но при Елизаветѣ Петровнѣ казначейство безъ затрудненія выполняло обязательства, вызванныя бракомъ великаго князя, даже чрезвы-

*

причины—желаніе публично, предъ лицомъ всей Россіи, узаконить опредѣленное императрицею престолонаслѣдіе, такъ, быть можетъ, и личныя побужденія: Елизавета Петровна, какъ женщина, хотѣла предоставить своей невѣсткѣ ту торжественную обстановку брака, въ которой ей самой было отказано обстоятельствами. Императрицу занимали, казалось, даже самыя мелкія подробности предстоящаго торжества; она вся отдавалась заботамъ о брачныхъ церемоніяхъ, несхотно выслушивала доклады сената и канцлера, если эти доклады не относились къ занимавшему ее вопросу; незадолго до дня свадьбы были приостановлены всѣ государственныя дѣла, требовавшія ея рѣшенія, даже просто подписи ¹⁾. Приготовленія начались издавнѣмъ 16-го марта 1745 г. слѣдующаго именнаго указа:

«Черезъ сіе объявляемъ. Понеже мы, съ помощію и благословеніемъ Божіимъ, всемилостивѣйше намѣреніе воспріяли благоустановленное ихъ императорскихъ высочествъ, нашего вселюбезнѣйшаго приемника, великаго князя Всероссийскаго, владѣющаго герцога Шлеввигъ-Голштинскаго, Петра Федоровича, и обрученной невѣсты его великой княжны Екатерины Алексѣевны, сочетаніе бракомъ совершить еже съ приличными тому торжествованиями, по Его же Божескому соизволенію, въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца нынѣшняго года здѣсь въ Санктпетербургѣ и учиниться имѣеть. Того ради мы всемилостивѣйше соизволили о семъ нынѣ заблаговременно нашему сенату знать дать и всѣмъ знатныхъ чиновъ нашей имперіи персонамъ для извѣстія объявить повелѣть, дабы всѣ тѣ персоны, которые въ первыхъ четырехъ классахъ находятся и тогда здѣсь въ Санктпетербургѣ присутствовать будутъ, также и всѣ придворные кавалеры, къ тому времени, свои для такого торжественанія и церемоній, пристойныя и по возможности каждаго богатыя платья, кареты цугами и прочіе экипажи изготовили; якоже для сего торжественнаго случая имъ, какъ на платьяхъ, такъ и экипажахъ своихъ во-

чайныя, въ родѣ, напр., выдачи всѣмъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ «напередъ по окладамъ ихъ жалованья на весь нынѣшній годъ» (П. С. З., № 9123, именной указъ отъ 16-го марта 1745 г.), мотивированной экстраординарными расходами по случаю свадьбы. Иностранцамъ не были извѣстны такіе указы, какъ, напр., указъ 8-го іюля 1745 г. «о поставкѣ по астраханскому тракту подводъ и лодокъ для возки ко двору фруктовъ» (П. С. З., № 9186), которые разъяснили бы имъ систему покрытія расходовъ по браку безъ обремененія государственнаго бюджета.

¹⁾ This court is at present so busy in preparing for the Great Duke's marriage, that every thing else is at a stand. Въ депешѣ Гиндфорда лорду Гаррингтону отъ 23-го іюля 1745 г. (Лондон. Архивъ. Russia, № 49).

лотыя и серебряныя убранства по возможности же каждаго употреблять позволяется. И понеже сіе торжествованіе чрезъ нѣсколько дней продолжено быть имѣеть, то хотя для онаго, каждой персонѣ, какъ мужеской, такъ и дамамъ, по одному новому платью себѣ сдѣлать надобно; однакоже притомъ на волю ихъ отдается, ежели кто похочеть и два или инако больше себѣ такихъ новыхъ платьевъ сдѣлать, равномерно же и помянутые экипажи, по одному каждой персонѣ приготовить, а притомъ какождо на волю оставляется, буде кто похочеть и другой для своей жены особливой экипажъ имѣть. Служителей же ихъ при экипажахъ по нижесписанной пропорціи имѣть: перваго и втораго классамъ персонамъ, у каждой кареты по два гайдука, и отъ осми до двѣнадцати лакѣевъ кто охотью похочеть, тождо бѣ не меньше осми человѣкъ было, такожде по два скорохода, и кто пожелаетъ притомъ еще по два или по одному наму и по два егеря; а третьяго класса персонамъ имѣть у каждой же кареты по шести лакѣевъ и по два скорохода; нашимъ же камергерамъ и ирочимъ того ранга придворнымъ кавалерамъ по шести-же лакѣевъ, и кто пожелаетъ по два скорохода; а четвертаго класса персонамъ и камеръ-юнкерамъ нашимъ, такожде ихъ императорскихъ высочествъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, по четыре лакѣя: да и прочимъ всѣмъ, какъ въ пятомъ, такъ и въ шестомъ классахъ находящимся персонамъ, во время сего торжества хотя не для церемоніи, однако жъ для пріѣзда ко двору нашему, платье и экипажъ свои, по пристойности каждаго, хорошія имѣть надлежитъ»¹⁾.

Росписать число гайдуковъ и егерей по классамъ и чинамъ «персонъ» было не трудно; а дальше что? Въ канцеляріяхъ и у камеръ-фурьерскихъ дѣлъ оказалось очень мало свѣдѣній относительно церемоніи подобнаго рода²⁾; пришлось обратиться къ помощи иностранныхъ дворовъ. Написали въ Парижъ, гдѣ не такъ давно праздновали бракосочетаніе дофина съ испанской принцессой; послали запросъ въ Дрезденъ, гдѣ соперникъ Людовика XIV по роскоши и мотовству Августъ II устраивалъ недавно свадьбу своего сына, польскаго короля Августа III. Представители Россіи

¹⁾ П. С. З., № 9124. Указъ именный о приготовленіи придворнымъ и другимъ первокласснымъ чинамъ платьевъ и экипажей по случаю бракосочетанія великаго князя Петра Федоровича.

²⁾ Въ Государственномъ Архивѣ (II, № 71, л. 76) хранится «Описаніе торжества брачнаго нынѣ царствующей Государыни совершившагося въ 1745 году». причѣмъ сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: «Проектъ сему торжеству постановленъ былъ, сообразуя съ тѣмъ, что происходило при брачномъ сочтаніи принцессы Анны 1739-го года».

при французскомъ и саксонскомъ дворахъ прислали въ Петербургъ цѣлыя ворохи церемоналовъ, описаній, даже рисунковъ ¹⁾.

Какъ только вскрылась Нева, изъ Кенигсберга и Данцига, изъ Штетина и Любека начали приходить суда съ экипажами, матеріями, готовыми платьями и ливреями, заказанными заграницею для предстоящихъ празднествъ. Прибыли, между прочимъ, и шелковыя матеріи цербстскаго производства — подарокъ цербстскаго князя своей женѣ и дочери по случаю свадьбы. Можно вѣрить извѣстію, что цербсткія матеріи были великолѣпны: Цербстъ славился въ прошломъ вѣкѣ своими шелковыми матеріями, особенно же затканными золотыми и серебряными узорами. Въ то время золотые и серебряные цвѣты на свѣтломъ шелковомъ фонѣ были въ модѣ; особенно цѣнились англійскія произведенія ²⁾; второе послѣ англійскихъ мѣсто занимали цербстскія матеріи ³⁾.

Какъ ни торопились приготовленіями къ свадьбѣ, все таки опоздали мѣсяца на полтора. Въ мартѣ, именнымъ указомъ свадьба была назначена въ первыхъ числахъ іюля, въ іюлѣ была отложена до начала августа, въ началѣ августа днемъ бракосочетанія было опредѣлено 21-е августа, торжества должны продолжаться десять дней и закончиться, 30-го августа, кавалерскимъ праздникомъ ордена св. Александра Невскаго.

«По мѣрѣ того какъ приближался день свадьбы—пишетъ Екатерина ⁴⁾—я становилась все болѣе и болѣе грустною. Сердце не предвѣщало мнѣ большого счастья.» Почему?

Чѣмъ долѣе жила Екатерина подъ одной кровлей съ Петромъ

¹⁾ *Beauclair*, 84. *Брикнеръ* ссылается на *Siebigk*, 103, не замѣчая, что это дословная выписка изъ *Herrmann*, V, 90.

²⁾ The Empress is a great lover of english stuffs, particularly white and other light colours with large flowers of gold and silver. Денежа *Гиндфордъ* лорду Гаррингтону, отъ 19-го марта 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 47).

— ³⁾ Вмѣстѣ съ матеріею князь прислалъ, кстати, и цербстское пиво, которое и до нашихъ дней пользуется вполне заслуженною извѣстностью (*Zerbster Bier*). Князь рассчитывалъ, кажется, сдѣлать пиво статьею экскорта, но оно въ Россіи не понравилось, не смотря на всѣ старанія княгини, которая писала мужу отъ 31-го іюля: *Das Zerbster Bier ist angekommen und wird an einigen, denen es was neues, ausgegeben werden, Auch lasse einiges davon Kaufleuten schenken, ob vielleicht hinfüro was su debiteren. Siebigk*, 115.—⁴⁾ *Mémoires*, 47.

Федоровичемъ, тѣмъ болѣе находила она несимпатичныя черты въ характерѣ и умѣ своего жениха. Какъ ни была молода Екатерина, какъ ни мало она знала жизнь, но причуды великаго князя, его пренебреженіе къ самымъ элементарнымъ понятіямъ приличія и порядочности бросались и ей въ глаза. Онъ дулся на Екатерину за исполненіе ею обрядовъ греческой церкви, болталъ во время богослуженія; цѣлые дни проводилъ онъ съ лаксями, играя съ ними въ солдатики, даже въ куклы. Любовь къ солдатчицѣ могла быть объяснена несчастною страстью, унаслѣдованною отъ отца; но чѣмъ оправдать пристрастіе къ лакейскому обществу? Игра въ куклы наканунѣ свадьбы свидѣтельствовала объ остановившемся развитіи. Мало того, что женихъ въ 17 лѣтъ былъ ребенкомъ, но это оказался ребенокъ капризный, страдавшій, какъ всѣ избалованныя и неразвитыя дѣти, надутымъ самомиреніемъ. Онъ не только наивно воображалъ, что всѣ люди одного съ нимъ мнѣнія, но былъ серьезно убѣжденъ, что всѣ обязаны держаться его мнѣнія. Въ 17 лѣтъ онъ проявлялъ уже всѣ задатки самодура, тѣмъ болѣе опаснаго, что его воля ничѣмъ не сдерживалась. Лично для Екатерины хуже всего было, однако, то, что при всемъ стараніи она не могла замѣтить въ немъ не только любви, даже привязанности къ себѣ. Въ маѣ, съ переѣздомъ въ лѣтній дворецъ, на Фонтанкѣ, великій князь прислалъ сказать своей невѣстѣ, что не можетъ посѣщать ее часто, такъ какъ живетъ слишкомъ далеко; въ іюнѣ и іюлѣ, въ Петергофѣ, женихъ забывалъ свою невѣсту ради военныхъ забавъ. Это оскорбляло Екатерину, какъ невѣсту, и она въ то время находила утѣшеніе только въ слезахъ ¹⁾).

Было нѣсколько причинъ, заставлявшихъ Елизавету Петровну торопиться этой свадьбой; главная же, существенная, заключалась въ утвержденіи престолонаслѣдія. Не смотря на то, что голштинскій герцогъ Петръ Федоровичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола, память о брауншвейгской семьѣ, объ императорѣ Иванѣ, не исчезала; вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращались и явленія, свидѣтельствовавшія о какомъ-то неудовольствіи, причемъ подозрительныя личности стали прокрадываться даже въ самый дворецъ. Въ

¹⁾ *Mémoires*, 36, 39, 42, вѣд.

июнь, въ уборной императрицы, за занавѣской, былъ найденъ неизвѣстный чезовѣкъ съ ножомъ въ рукахъ: его схватили, пытали, но не могли вымучить ни одного слова ¹⁾). Вслѣдъ затѣмъ, уже незадолго до свадьбы, 30 іюля и 12 августа, были изданы указы относительно бумагъ правительницы Анны и императора Ивана ²⁾). Бракомъ наследника престола съ великой княжной думали укрѣпить тронъ и отнять всякую надежду у сторонниковъ Ивана, если они дѣйствительно были. Это былъ мотивъ государственный, на столько важнымъ, что свадьбой торопились, пренебрегая даже софитами врачей, находившихъ необходимымъ, вслѣдствіе слабаго здоровья великаго князя, отложить бракъ по крайней мѣрѣ еще на годъ ³⁾). Великій князь, дѣйствительно, былъ слабъ: прошло не болѣе мѣсяца по возвращеніи Петра Федоровича изъ Хотилова, гдѣ онъ лежалъ въ оспѣ, какъ, въ мартѣ 1745 г., онъ опять захворалъ, такъ что долженъ былъ нѣсколько дней пролежать въ постели ⁴⁾).

Въ числѣ второстепенныхъ причинъ, заставлявшихъ торопиться бракомъ, было и желаніе возможно скорѣе отправить княгиню-мать обратно въ Цербстъ. Мелочной, довольно несносный характеръ Юганны-Елизаветы возстановилъ противъ нея рѣшительно всѣхъ, не исключая даже родной дочери. Въ «Запискахъ» Екатерины отмѣчено за это время нѣсколько фактовъ, рисующихъ княгиню-мать съ самой непривлекательной стороны. Она дошла до того, что по наго-

¹⁾ There has been lately a wicked design against the life of the Empress by a person who was found hid behind a curtain in her dressing room with a naked hanger under his coat. He was immediately seized and carryed to the forteress, but they have not been able by the most exquisite torments to draw one single word about of him, as yet. There are eight more persons taken up, and the examinations are going on every day. Денеша Гиндфорда отъ 17-го іюня 1745 г. (*Лондон Архивъ*, Russia № 48). — ²⁾ П. С. З., № 9192—указъ обо уничтоженіи указовъ въ правленіе герцога Курляндскаго и принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской; № 9197—указъ о храненіи за печатью въ тайной канцеляріи и коворѣ указовъ и дѣлъ съ титуломъ принца Іоанна. — ³⁾ Штелинъ, 88; денеша Розенберга отъ 29 февраля 1744 г. изъ *Вилнскаго Архива* въ Приложеніи, I, 1.

⁴⁾ The Great-Duke has kept his bed for 8 or 10 days past, being very much indisposed by a fever and cold. Денеша Гиндфорда, отъ 9-го марта 1745 г. (*Лондон Архивъ*, Russia, № 48).

ворамъ прислуги—видно, всё голштинцы братались съ прислугою—обвиняла Екатерину въ томъ, будто она ночью ходила къ великому князю. «Болѣе всего меня огорчало—пишетъ Екатерина—обвиненіе, будто мы ходили на верхъ, въ комнаты великаго князя. Я сказала матери, что это вопіющая клевета, отчего она такъ разсердилась, что вышла изъ себя и прогнала меня вонъ; я возвратилась въ свою комнату вся въ слезахъ»¹⁾). Отчаянная сплетница и довольно низкая интриганка, княгиня прибѣгала даже къ помощи другихъ, чтобы впутать свою дочь въ интригу и довела дѣло до того, что ея братъ, шведскій кронпринцъ, прислалъ Екатеринѣ, какъ мы говорили, даже шифръ для секретной съ нимъ переписки. Екатерина не слѣдовала, однако, примѣру матери и, въ то время по крайней мѣрѣ, вовсе не интересовалась политическими дѣлами²⁾. Не было такого неприятнаго «инцидента», въ которомъ княгиня не была бы замѣшана—даже въ дѣлѣ лейбъ-наманца Грюнштейна, избившаго на большой дорогѣ родственниковъ гр. Разумовскаго³⁾. Княгиня постоянно вела какіе-то переговоры съ гр. Брюкнеромъ, Мардефельдомъ. Лестокомъ—тремя лицами, которыя всё были на дурномъ счету у императрицы, какъ преданныя франко-прусскимъ интересамъ, что заставило относиться и къ ней весьма подозрительно⁴⁾. Приѣздъ принца Августа еще болѣе дискредитовалъ княгиню въ глазахъ императрицы. и, наконецъ, лѣтомъ 1745 г., за два мѣсяца до свадьбы, «въ разсужденіи какихъ-либо могущихъ быть неудобностей и толкованій о нынѣшнемъ вступленіи великаго князя въ голштинское правительство, императрица изволила указать корреспондентію процессу пербтской секретно открывать и разсматривать, а буде что

¹⁾ *Memoires*, 46. — ²⁾ Pour moi, dans tout ceci, j'étais un spectateur très passif, très discret, et à peu près indifférent. *Mémoires*, 42.

³⁾ The princess of Zerbst has been indisposed some days past, for, upon the confession or accusation of a person called Greenstein, the procurator general Trubetzkoï has been examined by the fiscal general Uchakoff, by order of the Empress; however Trubetzkoï still appears in publick, but the princess of Zerbst, whether from a guilty conscience, or because Trubetzkoï is a particular friend and confident of hers, fell into fits and has been very much out of order, ever since she heard of his being examined. Денеша Гиндфорда, отъ 9-го марта 1745 г. (*Лондон. Архивъ, Russia*, № 49). — ⁴⁾ Денеша Гиндфорда отъ 27 апр. 1745 г. (*Лондон. Архивъ, Russia*, № 48).

предосудительное найдется, то и оригинальные письма удерживать»¹⁾. Английский посланник сообщает, что «императрица рѣшилась отпраздновать свадьбу великой княгини возможно скорѣе, лишь бы прилично отдѣлаться отъ княгини пербстской и гр. Брюнмера»²⁾.

Съ половины августа, въ теченіе трехъ дней, особые герольды, въ латахъ, сопровождаемые отрядомъ конной гвардіи и драгунъ, разъѣзжали по Петербургу и, при звукахъ литавръ, оповѣщали населеніе о предстоящемъ бракосочетаніи ихъ императорскихъ высочествъ³⁾. Народъ толпами стекался ко дворцу, на адмиралтейскую площадь, гдѣ строили великолѣпные фонтаны, которые будутъ бить виномъ, ставили столы для яствъ, предназначенныхъ для народа, и къ казанской церкви, гдѣ должно совершиться вѣнчаніе и гдѣ теперь работали сотни рукъ надъ возведеніемъ роскошныхъ помостовъ, обитыхъ бархатомъ и сукномъ³⁾. Къ 19-му августа въ Неву вошла цѣлая эскадра галеръ и яхтъ, расположенная близъ дворца и адмиралтейства. 20-го августа, съ 9-ти до 11 ч. вечера, пушечные выстрѣлы и звонъ во всѣ церковные колокола извѣщали столицу о завтрашнемъ торжествѣ.

¹⁾ Перлюстрація 1745 г. въ Москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. *Соловьевъ*, 48.

²⁾ The Empress is determined to celebrate the marriage of the Great Duke as soon as possible in order decently to get rid of the princess of Zerbst and count Brümmer. Депеша *Гиндфорда*, отъ 2-го марта 1745 г. (*Лондон. Архивъ, Russia*, № 48). Въ депешѣ австрійскаго резидента *Гогемолли* къ Улефельду, отъ 29-го июня 1744 г., повторяетъ тотъ-же мотивъ, см. Приложение I, 5.

³⁾ Relation du mariage du Grand-Duc et de la Grande-Duchesse et des fêtes, qui se sont données à cette occasion. *Сборникъ*, VII, 44; *Szëbigk*, 171. Очень подробное описаніе всей церемоніи, составленное пербстскою княгиней, въ общемъ довольно вѣрное и согласное съ Камеръ-фурьерскимъ журналомъ. Княгиня пишетъ, что при вѣнчаніи, въ казанской церкви, Les Ministres étrangers n'y furent points, parce qu'ils devoits se trouvers à la Cour au sortir de l'Eglise et qu'il n'y aurois jamais eus moyens de les faire passers sans troubler l'ordre du cortège, s'ils y avoits été; между тѣмъ въ «Описаніи торжества брачнаго» сказано, что въ церкви «сдѣлана была ложа для пословъ и чужестранныхъ министровъ» (*Госуд. Архивъ*, II, 71, л. 77). Въ «Церемоніалѣ о брачномъ сочетаніи» тоже говорится о мѣстахъ «для пословъ и чужестранныхъ министровъ» (*Камеръ-фурьер. журн.* 1745 г., стр. 187). — ⁴⁾ «Описаніе торжества брачнаго нынѣ царствующей Государыни, совершившагося въ 1745 году» въ *Государств. Архивъ*, II, 71, л. 76.

Въ пятницу, 21-го августа, въ 5 часовъ утра, пушечные выстрѣлы съ крѣпости, адмиралтейства и судовъ подали сигналы для сбора войскъ, которыя разиѣстились шпалерами на пути отъ зимняго дворца, по Невскому проспекту, къ Казанской церкви. Въ 7 часовъ утра, великая княжна явилась къ императрицѣ, въ уборную, гдѣ ее одѣли къ вѣнцу. «Императрица надѣла на голову невѣсты маленькую брильянтовую корону; волосы не были напудрены, платье было изъ великолѣпнаго серебрянаго glacé, окаймленное на высотѣ полъ-юбки золотою мишурою. Это украшеніе, драгоценности, которыми она была покрыта, придавали ей обворожительный видъ. Ее немного подрумянили, и цвѣтъ ея лица никогда не былъ столь прекрасенъ, какъ въ это время. Ея свѣтло-черныя волосы, лоснящіяся, еще болѣе выказывали ее юный видъ и придавали прелесть брющетки иѣжность блондинки»¹⁾. Въ 10 часовъ утра, при звукахъ трубъ и литавръ, процессія двинулась въ путь. Отряды кирасиръ, конногвардейцевъ, драгунъ и гусаръ раздѣляли длинныя вереницы 120 придворныхъ и частныхъ экипажей, окруженныхъ гайдуками, скороходами, лакеями, арабами, пажами и гусарами. Карета ея величества съ женихомъ и невѣстою, въ 8 лошадей, ведомыхъ конюшми, была предшествуема оберъ-церемониймейстеромъ и оберъ-гофмаршаломъ съ ихъ жезлами, въ открытыхъ коляскахъ, и окружена массою придворныхъ чиновъ верхомъ. Англійскій посланникъ сознается, что онъ никогда не видѣлъ такой великолѣпной процессіи²⁾.

Процессія была такъ многолюдна, что императрица прибыла въ казанскую церковь только къ часу дня. Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ съ подобающею церковною пышностью. Вѣнецъ держали: надъ великимъ княземъ—принцъ Августъ голштинскій, надъ великою княжною—оберъ-егермейстеръ графъ Алексѣй Разумовскій. Духовникъ высокобращающагося, Симонъ Тодорскій, уже епископъ псковскій, произнесъ слово: «онъ видѣлъ перстъ Провидѣнія въ

¹⁾ Изъ письма Иоганны-Елизаветы къ своему мужу, *Siebigk*, 137.

²⁾ The procession was the most magnificent that ever was known in this country, and infinitely surpassed any thing I ever saw. Денеша отъ 24-го августа 1745 г. (*Лондон. Архивъ, Russia*, № 49). *Дальмонъ* пишетъ Даржанову, отъ того же числа: l'en ne peut guères rien voir de plus grand et de plus magnifique (*Париж Архивъ, Russia*, vol. 47, f. 115).

рожденія этихъ двухъ отраслей домовъ ангалтинскаго и голштинскаго». Церковный обрядъ окончился лишь къ 4-мъ часамъ. Тѣмъ же порядкомъ процессія возвратилась изъ церкви въ зимній дворецъ. Въ этотъ день при дворѣ былъ большой столъ и потомъ балъ, закончившійся около часа пополудни. Въ субботу, 22-го августа, поутру, великій князь подарилъ своей супругѣ полный уборъ изъ сапфировъ и брильянтовъ, императрица — такой же уборъ изумрудовъ и полное приданое, состоявшее изъ бѣлья, кружевъ, платьевъ. Согласно церемоніалу, праздника длились десять дней, причѣмъ балы смѣнялись маскарадами, обѣды ужинами, итальянская опера французской комедіей, не говоря уже о приемахъ и выѣздахъ, иллюминаціяхъ и фейерверкахъ.

Торжества закончились церемонією, никогда уже больше неповторявшеюся — выводкою на воду «дѣдушки русскаго флота», знаменитаго ботика Петра Великаго ¹⁾.

Указомъ отъ 2-го сентября 1724 г. Петръ I повелѣлъ «ботикъ въ 30-мъ числѣ августа для торжествованія выводить повсегодно на воду и имѣть при Александро-Невскомъ монастырѣ». Вскорѣ Петръ В. умеръ и объ указѣ его, казалось, совсѣмъ забыли; его вспомнилъ, спустя 20 лѣтъ, Елизавета Петровна, и ботикъ былъ выводимъ въ 1744 г. къ Александро-Невскому монастырю: въ 1745 г. его выводили во второй и уже послѣдній разъ. Въ «Повседневныхъ Запискахъ», веденныхъ въ санктпетербургской комендантской канцеляріи, церемонія эта описана такъ:

«30 числа августа, пополудни въ 6 часу, наряженная галера, именуемая «Жаръ», подъ командою капитана Кашкина, взявъ изъ Петропавловской крѣпости ботикъ и поставя оный на беспалубный ботъ, который покрытъ былъ по воду краснымъ сукномъ, буксировала вверхъ по Невѣ-рѣкѣ, и предъ нею шли двѣ 12-ти-весельныя шлюпки со служителями съ наряднымъ мундиромъ и на нихъ по два трубача.

«За ними слѣдовали: въ церемоніи корабль св. Варвары ²⁾, стоящія при дворѣ ея императорскаго величества яхты, всѣхъ флагмановъ и

¹⁾ *В. В. Веселово*, Дѣдушка русскаго флота, 1688 — 1832, въ «Русск. Старинѣ», IV, 463. — ²⁾ Военный корабль «Святая Варвара», 60-тишестенный, былъ выстроенъ въ адмиралтействѣ и спущенъ на воду 6-го іюня 1745 г. Это былъ первый корабль при спускѣ котораго присутствовалъ Екатерина. *Siebigk*, 109.

коллегии адмиралтейской членовъ и морскихъ капитановъ шлюпки, а партиякулярной верфи всѣ гребныя суда, сколько оныхъ тогда набралось.

«Для ботика на 2-хъ шлюпкахъ и на галерѣ играли на трубахъ и литаврахъ и били въ барабанъ походу, тожъ чинили на кораблѣ и яхтахъ. Въ 11-мъ часу, передъ полуднемъ, пребыли къ неvesкому монастырю и противъ берега оного, какъ корабль, такъ и яхты, стали на якорь, а ботикъ поставили сначала къ пристани, подыавъ тогда на мачтѣ вымпелъ, а на кормѣ и на носу ординарные флаги, причеъ и всѣ шлюпки находились.

«Въ 12-мъ часу, на кораблѣ при выстрѣлѣ изъ пушки подыавъ былъ молитвенный флагъ; по окончаніи литургіи и молебнаго пѣнія, архіерей с. петербургской¹⁾ съ надлежащимъ своимъ клиромъ и по облаченіи вышелъ и покропилъ оный ботикъ святою водою... Въ 4 часу, какъ изъ неvesкаго канала вышелъ, ботикъ и за нимъ около 20-ти шлюпокъ въ Неву повернулся противъ корабля, кричали съ корабля 7 разъ «ура». Съ робята на которыхъ ея императорское величество изволила сидѣть, отвѣтствовали одинъ, потомъ съ корабля отвѣтствовали вторично 3 раза «вивать». Потомъ стали падать изъ пушекъ, когда выпалили изъ пушки, то подыали на ботикѣ штандартъ».

Штандартъ былъ подыавъ потому, что императрица, въ платьѣ ордена св. Александра Невскаго, отслушавъ въ монастырѣ обѣдню и молебенъ и угостивъ въ трапезной кавалеровъ ордена, поѣхала, въ сопровожденіи молодыхъ, на «знаменитый ботикъ и подѣловали находившееся на немъ изображеніе ея отца». Потомъ императрица «отправилась въ своей шлюпкѣ для поставленія ботика на мѣсто. Четыре галеры при звукѣ барабановъ и трубъ предшествовали ей. Ботикъ слишкомъ ветхъ, его нельзя спустить на воду и для перевозки его сдѣлали родъ длинной лодки. На лодкѣ—адмиральскій флагъ и она занята вице-адмираломъ; тянутъ ее двѣ шлюпки, на которыхъ сидятъ офицеры. Ея императорское величество слѣдовала за ними въ своей яхтѣ, имѣя императорскій штандартъ и рулевымъ капитана командора... Императрица сходила у крѣпости и возвратила ботикъ, храненіе котораго вѣрено крѣпости»²⁾.

По возвращеніи императрицы во дворецъ, начался балъ, затѣмъ фейерверкъ и, наконецъ, ужинъ, чѣмъ и заключились десятидневныя свадебныя празднества, «самыя веселыя, быть можетъ, ка-

¹⁾ Намѣстникъ троико-сергіевой лавры Θεодосій Янковскій, съ 10-го марта 1745 г. архіепископъ санктпетербургскій и ревельскій.—²⁾ *Сборникъ*, VII, 66; *Siebigk*, 189.

кія только бывали въ Европѣ», какъ писала княгиня Юліанна-Елизавета своимъ роднымъ.

Екатерина не написала за эти дни ни одной строчки никому, ни даже отцу. Мать такъ объясняла отцу это молчаніе дочери: «Великая княгиня свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе, но сама не имѣетъ времени тебѣ писать—для нее такъ ново еще быть съ своимъ мужемъ, что оба они не расстаются другъ съ другомъ ни на четверть часа» ¹⁾. Сама Екатерина такъ вспоминала объ этомъ времени: «Мой дорогой супругъ нисколько не занимался мною... Я зѣвала, скучала; мнѣ не съ кѣмъ было перемолвить слово» ²⁾.

¹⁾ *Siebigk*, 121. — ²⁾ *Mémoires*, 47.

XVI.

21-го августа 1745 года исполнилась главная цѣль поѣздки цербстской княгини въ Россію. Иоганна-Елизавета была вызвана императрицею изъ Цербста для жечитьбы великаго князя на ея дочери; по совершеніи брака, пребываніе княгини въ Петербургѣ теряло свой смыслъ и, спустя мѣсяць, она выѣхала обратно на родину.

Сборы къ отъѣзду княгини начались вскорѣ-же послѣ свадьбы. Съ половины сентября «лошади для нея на ямахъ готовыми стояли». Для «препровожденія» княгини, тещи великаго князя, было назначено 44 человекъ, въ томъ числѣ камергеръ Скворцовъ и совѣтникъ кабинета Ея Величества Нероновъ; о ея пріѣздѣ въ Ригу былъ извѣщенъ мѣстный вице-губернаторъ кн. Долгоруковъ ¹⁾.

Княгиня выѣхала изъ Петербурга въ субботу, 28-го сентября, въ 3-мъ часу пополудни, послѣ фамильнаго обѣда у Петра Федоровича. На прощанье, какъ княгиня, такъ и ея свита были щедро одарены. «Ея Императорское Величество, предъ отъѣздомъ ея, пятьдесятъ тысячъ рублей деньгами да два сундука разныхъ Китайскихъ вещей и камокъ, камеръ-юнкеру Латорфу пять тысячъ рублей да соболью шубу, фрейлинѣ Кейнгѣ четыре тысячи рублей и брильянтовой шлейфъ, да двумъ камеръ-юнкерамъ двѣ тысячи рублей, камеръ-лакею пятьсотъ и каждому лакею по двѣсти рублей пожаловать соизволила. Государь-же Великій Князь къ его свѣтлости принцу Ангальтъ-Цербстскому свои брильянтоваыя пуговицы съ кафтана, брильянтами обложенную шпагу и брильянтоваыя пряжки и

¹⁾ *Госуд. Архивъ*, II, № 69, л. 44.

нѣсколько иныхъ тому подобныхъ вещей въ подарокъ послать»¹⁾. Растроганная, вѣроятно, этими щедрыми милостыями, «княгиня, прощаясь съ императрицею, упала къ ея ногамъ и со слезами на глазахъ просила простить ее, если чѣмъ-либо оскорбила ея величество. Императрица отвѣчала, что теперь поздно уже думать объ этомъ, и прибавила, что еслибъ княгиня всегда была такъ кротка, это было-бы гораздо лучше для нея же самой»²⁾.

Великая княгиня съ своимъ супругомъ провожала мать до Краснаго Села, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ; принцъ Августъ Голштинскій провожалъ сестру до Коскова³⁾. Княгиня ѣхала не торопясь, съ остановками для ночлега, и только 12-го октября прибыла въ Ригу. «Дорога до здешняго мѣста—писалъ Нероновъ барону Черкасскому—всема хороша. Только лошади никуда годны. А о людяхъ и описать не можно, какія дьяволы безтолковые»⁴⁾. Такъ какъ княгиня, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, получила отъ мужа письмо, въ которомъ сообщалось, между прочимъ, «будто Польскіе уланы на Прусскія земли набѣги чинять и пассажировъ обезпокоиваютъ», то были назначены сержанты и гренадеры, которые должны были провожать ее за границей⁵⁾. Въ Ригѣ княгиня про-

¹⁾ Изъ частнаго письма гр. А. П. Бестужева-Рюмина графу М. И. Воронцову, отъ 6-го октября 1745 г. (*Арх. кн. Воронцова*, II, 122).

²⁾ When she took leave she fell at the Empress' s feet and with a flood of tears asked pardon if she had done any thing to offend Her Majesty. The Empress answered that it was now too late to think of that, and told her, that if she had been all along so humble, it would have been better for her. Депеша Гиндфорда, отъ 1-го октября 1845 г. (*Лондон. Архивъ, Russia*, № 49). Княгиня нѣсколько иначе описала своему мужу сцену прощанія: Der abscheydt war ein sehr beweglicher, besonders wahr mir fast ohnmöglich von Keys. Maj. mich zu coniedijren und solche grosse Monarchin that mir auf Utrer Seyte die Gnade so innig attendieret zu seyn, dass der anwesende hoff darüber gleichfalls in der grössesten Beweglichkeit gesetzt wardt; unendliche mahle wardt abscheydt genommen und endlich begleitete diese huldreichste Beherrscherin mir mit Thränen und den zärtlichsten und gnädigsten Ausdrücken bis zur Treppe. *Siebigk*, 121. Объ отъѣздѣ княгини Дамонъ навѣщаль Даржансона въ выраженіяхъ, жѣтко и правдиво ее характеризующихъ (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 47, f. 208).

³⁾ *Камеръ-фурьерскій журналъ* за 1745 г., стр. 100.—⁴⁾ *Государств. Архивъ*, II, № 69, л. 43, Приложение II.—⁵⁾ Это сообщеніе, оказавшееся ложнымъ, выругало императрицу (*Арх. кн. Воронцова*, I, 11): въ это время уѣхалъ за

жила нѣсколько дней и, въ Ригѣ-же, получила отъ императрицы слѣдующее письмо ¹⁾:

«Мадамъ моя племянница. Я за потребно разсудила вамъ рекомендовать, по прибытіи вашемъ въ Берлинъ, его величеству королю Прусскому внушить, что мнѣ весьма пріятно будетъ, ежели полномочнаго своего министра барона Мардефельда отозвать, а на его мѣсто какого другого, кромѣ господина Фокерода, прислать изволить, общія себѣ отъ искусства Вашей Свѣтлости, что вы стараніе приложите сіе представленіе наилуччимъ образомъ препроводить и его величеству уразумѣть дать, что я моимъ требованіемъ никакого иного вида не имѣю, какъ съ нимъ дружбу и совершеннѣйшее согласіе ненарушимо содержать.

«Впротчемъ, я вамъ желаю, мадамъ, щастливаго пути, и есмь наисклоннѣйшая добрая пріятельница

8 октября 1875 г.

«*Елизаветъ*».

Трудно было нанести княгинѣ болѣе тяжкій ударъ: проѣздомъ въ Россію она похвалялась въ Берлинѣ употребить всѣ усилія на поддержку барона Мардефельда; въ письмахъ изъ Москвы и Петербурга она извѣщала прусскаго короля объ успѣхѣхъ своихъ усилій, и теперь ее заставляютъ сознаться въ Берлинѣ, предъ лицомъ Фридриха II, что баронъ Мардефельдъ не пользуется довѣріемъ императрицы, что онъ долженъ быть отозванъ! Она бралась склонить Россію на сторону Пруссіи, а ей поручаютъ объявить о происшедшемъ охлажденіи—это неприятно для всякаго, на чью долю вышло бы подобное порученіе, особенно же для цербстской княгини, считавшей себя «тонкимъ дипломатомъ». Что же произошло въ это время? Что случилось въ послѣднія двѣ недѣли?

Въ самый день отъѣзда княгини изъ Петербурга, 28-го сентября, въ Петербургѣ стало извѣстно, что прусскій король, въ письмѣ къ наслѣднику шведской короны, находилъ невозможнымъ, чтобъ великій князь, пришедшій греческую вѣру, могъ владѣть Голштиніею или пользоваться правомъ голоса въ Римской Имперіи, и совѣтовалъ Адольфу-Фридриху настаивать на своихъ правахъ на Голштинію, причемъ обѣщалъ ему военную помощь для овладѣнія

границу гр. М. И. Воронцовъ, и Елизавета Петровна отправила къ нему двухъ ундеръ-офицеровъ «для безопасности», которые были ему только въ тягость, такъ какъ никакой опасности не было (*Арх. кн. Воронцова*, II, 118, 124).

¹⁾ *Осмади. Вѣкъ*, I, 29; депеша *Гиндфорда*, отъ 19-го октября 1745 г. (*London. Архивъ, Russia*, № 49).

не только Голштинією, но и Шлезвигомъ ¹⁾. Это извѣстіе произвело крайне непріятное впечатлѣніе при петербургскомъ дворѣ, а такъ какъ наслѣдникъ шведской короны, Адольфъ-Фридрихъ, былъ родной братъ княгини, то это впечатлѣніе отразилось и на нее. Мало того: княгиня уѣхала въ субботу, а три дня спустя, въ среду, 2-го октября, баронъ Мардефельдъ пріѣхалъ «безъ всякой обсылки» къ канцлеру графу Бестужеву-Рюмину «съ вѣдомостью о полученной королею ея государемъ надъ союзническою арміею побѣдъ» ²⁾; на другой же день, совѣтъ подъ предсѣдательствомъ императрицы единогласно постановилъ, что «съ ея величествомъ королею Польскимъ случай союза дѣйствительно настонтъ, и ему зватнымъ корпусомъ войскъ противъ насильственнаго и мирогубительнаго поступка короля Прусскаго скорую помощь послать надлежитъ» ³⁾. Успѣхи прусскаго короля во второй сilesской войнѣ обусловили отозваніе Мардефельда, а такъ какъ императрица знала, что Фридрихъ II предписалъ своему посланнику поступать во всемъ согласно съ княгиней цербстской, то ей же и было поручено сообщить королю объ отозваніи Мардефельда ⁴⁾.

Изъ Россіи княгиня продолжала свой путь по прежнему, не то ропясь. 20-го октября она была въ Либавѣ, 22-го—въ Мемелѣ и затѣмъ, чрезъ Кенигсбергъ, Данцигъ и Штетинъ, прибыла 15 (26) ноября въ Берлинъ, гдѣ должна была исполнить непріятное порученіе относительно своего друга Мардефельда. По счастью для княгини, прусскаго короля не было въ это время въ Берлинѣ. Покрытый уже славою побѣдъ при Гогенфридбергѣ и Соррѣ, онъ готовился теперь нанести рѣшительный ударъ, который и послѣдовалъ валь 4 (15) декабря при Кессельсдорфѣ и закончилъ славную для него вторую сilesскую войну. За отсутствіемъ короля, княгиня пе-

¹⁾ This court has lately been informed that the king of Prussia has sent a writing to the successor of Sweden, setting fort the incompatibility of the Great Duke of Russia possessing the Dutchy of Holstein, or of his having a vote in the Empire, as he is the Greek religion. The King of Prussia adviseth the successor of Sweden to insist on his right to that Dutchy and gives him the strongest assurances, that he will assist the successor which his whole force to put him in possession not only of that Dutchy, but likewise the Dutchy of Sleswick. Денеша Гиндфорда отъ 28-го сентября 1845 г. (*Лондон. Архивъ, Russia, № 19*).

²⁾ При Соррѣ, 19-го сентября.— ³⁾ *Арх. кн. Ворониова, II, 123.*— ⁴⁾ Денеша Гиндфорда отъ 19-го октября 1745 г. (*Лондон. Архивъ, Russia, № 49*).

редала порученіе его министру Подевильсу, который немедленно извѣстилъ объ этой неприятности Фридриха II. Въ своемъ донесеніи королю Подевильсъ писалъ, не со словъ, конечно, княгини, что Мардефельдъ, какъ «интригантъ и человѣкъ безпокойный», неугоденъ императрицѣ, которая готова принять на его мѣсто всякаго другого, за исключеніемъ Фокерода. потому что онъ «очень друженъ съ Лестокомъ»¹⁾. Постоянно обманываемый Мардефельдомъ и княгинею, Фридрихъ II никакъ не ожидалъ ничего подобнаго: «Я былъ пораженъ—отвѣчаетъ онъ Подевильсу—предложеніемъ, которое пербстская княгиня вынуждена была сдѣлать относительно Мардефельда»²⁾. Въ письмѣ къ княгинѣ Фридрихъ II просить ее передать императрицѣ, что желаніе ея будетъ исполнено³⁾.

1-го декабря 1745 года княгиня Юганна Елизавета возвратилась въ Цербстъ, который она покинула 10-го января 1744 года. Вспоминая событія этихъ двухъ лѣтъ, которыя она провела въ Россіи княгиня должна была сознать, что главная, чисто семейная цѣль, ради которой она была вызвана изъ Цербста, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; всѣ же побочныя; преимущественно политическія цѣли, которыя были добровольно ею на себя приняты или ей навязаны, не только не были достигнуты, но привели къ совершенно противнымъ результатамъ.

Юганна-Елизавета привезла въ Москву свою дочь, невѣсту великаго князя, и была принята Елизаветою Петровною съ распростертыми объятіями. Княгинѣ этого, однако, показалось мало—она хотѣла играть политическую роль, руководить политикою русскаго двора и, не понимая русской политики, дѣлала ошибки. Юганна-Елизавета не поняла своего новаго положенія, созданнаго бракомъ ея дочери съ наслѣдникомъ русскаго престола. Она никогда не могла возвыситься до интересовъ большой державы, какъ теща будущаго русскаго императора, и въ своихъ политическихъ соображеніяхъ всегда оставалась женою прусскаго генерала, зависимою

¹⁾ Parceque M. Fockerodt avait un pied trop familier avec Lestocq. *Pol. Corr.*, IV, 359, примѣч.

²⁾ «Мы не знаемъ, говоритъ *Брикнеръ*, какъ это предложеніе было принято королемъ Фридрихомъ II» (241). Письмо Фридриха II къ Подевильсу (*Pol. Corr.*, IV, 359) не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія.—

³⁾ *Pol. Corr.*, V, 4.

отъ указавій, исходящихъ изъ Берлина. Интересы Пруссіи были для нея выше интересовъ Россіи, съ которыми она связала судьбу своей единственной дочери. Это была большая ошибка, обусловившая всё ея неудачи.

Еще въ Берлинѣ, проѣздомъ въ Россію, княгиня получила отъ Фридриха II пристрастныя свѣдѣнія о русскомъ вице-канцлерѣ; въ Петербургѣ маркизь Шетарди и баронъ Мардефельдъ еще болѣе возстановили княгиню противъ него, и она въѣхала въ Москву съ упрямымъ намѣреніемъ свергнуть гр. Бестужева-Рюмина. Враги его стали ея совѣтниками и друзьями. Результатъ извѣстенъ: Шетарди высланъ изъ Россіи съ конвоемъ, Мардефельдъ—отозванъ, и, что важнѣе всего, вице-канцлеръ пожалованъ въ великіе канцлеры. Для цербстской княгини это было предостереженіемъ, которымъ она не счумѣла воспользоваться: она не понимала, что за лицами кроются принципы, что какъ Шетарди и Мардефельдъ, такъ и Бестужевъ-Рюминъ представляли извѣстныя политическія идеи. Для нея Бестужевъ не болѣе, какъ «заклятой врагъ»¹⁾. Какъ женщина легкомысленная, она не принимала мѣръ, которыя ограждали бы ее отъ этого врага; напротивъ, своими письмами и вѣсьмъ своимъ поведеніемъ она играла ему въ руку. Бестужеву не трудно было, письмами самой же княгини, разоблачить всё ея интриги и возстановить противъ нея императрицу.

Елизавета Петровна въ началѣ была очень расположена въ пользу родителей своей невѣстки; но поведеніе матери скоро заставило ее быть осторожною. Это выразилось, прежде всего, неприглашеніемъ князя Христіана-Августа ни на обрученіе, ни на свадьбу его дочери. Это приглашеніе, столь естественное, почти обязательное, ожидалось не только въ Цербстѣ, даже въ Берлинѣ; но ожиданія не исполнились. Еще задолго до обрученія княгиня выдумывала дѣлыя басни и беззащѣнно лгала, сообщая мужу, что хотя въ Россіи боятся иностранныхъ принцевъ, послѣ всѣхъ золъ, причиненныхъ брауншвейгскимъ герцогомъ Антономъ-Ульрихомъ, отцомъ Ивана III, но императрица и великій князь очень желаютъ познакомиться съ нимъ и, поэтому,

¹⁾ Un ennemi déclaré, ein geschwornen, allerärgster, Feind, и т. п. *Сборникъ*, VII, 40; *Siebigk*, 192, 198.

онъ долженъ приготовиться къ путешествію въ Россію ¹⁾. Князь вѣрилъ этимъ недѣлѣностямъ и ждалъ приглашенія, которое, однако, не послѣдовало. Мардефельдъ съ своей стороны обманывалъ Фридриха II, и прусскій король, еще задолго до свадьбы, писалъ Христиану-Августу, чтобъ онъ готовился къ отъѣзду въ Россію, такъ какъ скоро получить приглашеніе явиться на свадьбу своей дочери ²⁾. Князь опять повѣрилъ, собрался въ путь и, долго не получая приглашенія, запросилъ княгиню, которая, наконецъ, увѣдомила мужа, что при русскомъ дворѣ болѣе думаютъ объ отъѣздѣ княгини, чѣмъ о пріѣздѣ князя. Это уже свидѣтельствовало о нѣкоторомъ охлажденіи къ чербетскому дому; вскорѣ это проявилось въ болѣе рѣзкой формѣ: по случаю обрученія великаго князя императрица пожаловала многимъ лицамъ чины и ордена, отцу же великой княжны—ничего. Княгиня позолотила эту пилюлю новою ложью: она написала мужу, будто бы по приказанію императрицы, что такъ какъ онъ имѣетъ уже оранжевую ленту (прусскій орденъ Чернаго Орла) и императрица опасается, что Фридрихъ II будетъ недоволенъ, если она дастъ князю голубую (орденъ св. Андрея Первозваннаго), то она предпочитаетъ пожаловать голубую ленту не отцу, а сыну, Фридриху-Августу, брату Екатерины. Ложь эта немедленно разоблачилась, такъ какъ и малолѣтній сынъ, подобно отцу, не получилъ тогда голубой ленты ³⁾.

Юганна-Елизавета поняла, наконецъ, что ни одно желаніе, какъ бы незначительно оно ни было, ни одна просьба не исполнялись, если относились къ лицамъ чербетской фамиліи. Князь писалъ женѣ, на примѣръ, чтобъ она попросила императрицу о пожалованіи ордена св. Екатерины вдовствующей чербетской княгинѣ Гедвигѣ-Фридерикѣ и ея невѣсткѣ принцессѣ Софіи-Христиинѣ, сестрѣ князя; Юганна-Елизавета отвѣчала, что «лучше предоставить это самой императрицѣ—хотя дѣло это само по себѣ и не важное, но можно просьбами стать въ тягость и въ такомъ случаѣ придется воздержаться отъ просьбъ при обстоятельстве болѣе существенномъ» ⁴⁾.

¹⁾ *Siebigk*, 47. — ²⁾ *Siebigk*, 87. — ³⁾ Панегиристъ княгини Юганны-Елизаветы, Зибиγκъ, недоумѣваетъ и не знаетъ, чѣмъ объяснить эту auffallende Mittheilung, которая кажется ему особенно удивительною nach jetzigen Verhältnissen (*Siebigk*, 71). — ⁴⁾ *Siebigk*, 77, 89.

Болѣе существенное обстоятельство скоро представилось, въ видѣ соблазнительнаго герцогства Курляндскаго.

Послѣдній гроссмейстеръ тевтонскаго ордена, Готгардъ Кеттлеръ, тѣсимый русскими, отдался подъ покровительство Польши: виленскимъ договоромъ 1561 года онъ уступилъ Сигизмунду II Августу польскую Лифляндію и получилъ отъ него, какъ наследственный ленъ, Курляндію и Семигалию. Полтораста лѣтъ всѣ герцоги Курляндіи были изъ дома Кеттлеровъ. Вслѣдствіе брака герцога курляндскаго Фридриха-Вильгельма на царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ 1710 году, Курляндія подпала извѣстному вліянію Россіи, которое стало еще болѣе рѣзкимъ, когда, въ 1711 году, умеръ герцогъ и его вдова, покровительствуемая своимъ дядею, Петромъ I, сдѣлалась регентшею. Когда, по смерти Петра II, въ 1730 году, Анна Ивановна была возведена на русскій престолъ, она признала своего дядю Фердинанда герцогомъ Курляндскимъ и съумѣла защитить его права; умеръ Фердинандъ—она заставила избрать герцогомъ своего любимца, графа Эрста-Юганна фонъ-Бирона. Въ 1740 г. умерла Анна Ивановна, и ея преемникъ, императоръ Иванъ III, сослалъ курляндскаго герцога въ Сибирь. Стулъ герцогскій оказался вакантнымъ.

Герцоги Курляндіи были вассалами Польши и выборъ герцога всегда возбуждалъ борьбу обѣихъ въ герцогствѣ вліяній—русскаго и польскаго. На курляндскомъ сеймѣ 1741 года русская партія выставила кандидатуру принца Лудвига-Эрста Брауншвейгскаго; вслѣдствіе противодѣйствія польской партіи выборъ не состоялся. По восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, въ герцоги курляндскіе былъ предложенъ принцъ Лудвигъ Гессенъ-Гомбургскій, и тоже безуспѣшно. Не желая распалать партійныя страсти, государственныя чины Курляндіи въ теченіе трехъ лѣтъ не собирали сейма; только въ началѣ 1744 года былъ назначенъ на августъ мѣсяцъ выборный сеймъ въ Митавѣ.

Замѣщеніе герцогскаго стула въ Курляндіи много зависѣло отъ русской императрицы. Князь чербетскій никогда прежде и не думалъ о Курляндіи, но теперь обстоятельства перемѣнились: императрица въ восторгѣ отъ чербетской княгини, въ восхищеніи отъ чербетской принцессы: если дочь признана достойною быть русскою великою княгинею, отчего отецъ не достоинъ быть курляндскимъ

герцогомъ? Его берлинскій пріятель, секретарь русскаго посольства Шривертъ, первый подалъ князю мысль выставить свою кандидатуру; мысль понравилась. Съ начала 1744 г. возникаетъ оживленная переписка между Москвою, Цербстомъ, Берлиномъ и Митавой ¹⁾. Переписка велась шифромъ; большинство писемъ было уничтожено, уцѣлѣла только часть, но и по ней можно возстановить довольно полную картину.

Зная вліяніе Россіи на Курляндію, отъ княгини, ласкаемой императрицею въ Москвѣ, ожидали наиболѣе рѣшительныхъ дѣйствій въ пользу кандидатуры князя Христіана-Августа на герцогскій стулъ. Княгиня, конечно, поддержитъ своего мужа, стужбеть сказать слово въ его пользу; но, къ сожалѣнію, въ Москвѣ этимъ никто не интересуется, объ этомъ не говорятъ, княгиню не спрашиваютъ и она недоумѣваетъ, какъ приняться за дѣло. «Дай Богъ—пишетъ она мужу, отъ 16-го апрѣля—чтобъ изъ приложеннаго письма что нибудь вышло. Мнѣ здѣсь ни слова не говорятъ объ этомъ, и я не знаю, съ чего начать. Еслибъ дѣло стояло такъ, какъ объ немъ пишутъ, мнѣ, конечно, сказали бы объ этомъ. Извѣсти меня, переславнымъ тебѣ шифромъ, могу-ли я, если спросятъ моего совѣта, увѣрить твоимъ именемъ, что ты не откажешься отъ предложенія, если не въ свою пользу, то, по крайней мѣрѣ, въ пользу сына нашего». Князь, конечно, изъявлялъ полную готовность стать герцогомъ, за себя и за сына. «Полученіе герцогской короны—пишетъ княгиня, отъ 14-го мая—составило бы счастье и радость моего сердца! Я хлопочу не о 80 тысячахъ вдовьяго содержанія, а забочусь о тебѣ и о нашемъ сынѣ. Здѣсь, однако, ни слова еще не слышно объ этомъ дѣлѣ. Да и трудно разсчитывать на успѣхъ, пока подобными дѣлами заправляетъ вице-канцлеръ Бестужевъ, злѣйшій нашъ врагъ». Княгиня собираетъ, однако, повсюду свѣдѣнія, хлопочетъ, проситъ, переписывается съ Митавой и Берлиномъ, пускаетъ въ ходъ всѣ средства, и убѣждается, наконецъ, что задуманное дѣло едва-ли

¹⁾ Четырнадцать писемъ, преимущественно княгини, помѣщены *Siebigk*, 192; шесть писемъ князя—*Осмади. Вѣкъ*, I, 23. Очень немногія письма найдены вполне; по большей же части только въ отрывкахъ, касающихся курляндскаго дѣла; къ тому же письма князя изданы въ современныхъ переводахъ, а не въ подлинникахъ.

можетъ имѣть успѣхъ. «Рѣшительно не понимаю — пишетъ она мужу, отъ 28-го мая — откуда Шриверъ получаетъ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ тебѣ и мнѣ! Еслибъ таково было намѣреніе здѣшняго двора, мои друзья и Ея Величество, конечно, сообщили бы мнѣ объ этомъ. Между тѣмъ, я узнала, что при вступленіи императрицы на престоль, герцогскій стулъ Курляндіи былъ обѣщанъ принцу Гессенъ-Гомбургскому».

Тѣмъ не менѣе, цербстскіе агенты въ Курляндіи не сидѣли сложа руки. Изъ Митавы, Либавы, Вендена и другихъ мѣстностей присылались массы писемъ къ князю съ просьбою выступить кандидатомъ на предстоящихъ выборахъ и, пользуясь фаворомъ императрицы, произвести извѣстное давленіе на избирателей. Князь недоумѣвалъ, не зналъ на что рѣшиться и писалъ Шриверу, въ Берлинъ, отъ 2-го іюля:

«Изъ отправленнаго ко мнѣ вашего благородія письма я усмотрѣлъ, что ея любовь, моя супруга, о извѣстномъ дѣлѣ къ вамъ писала, навѣдываясь о томъ, какимъ образомъ то дѣло начать. Я уповаю, что она охотно все возможное учинить, дабы въ томъ предупѣть; однакожъ я не усматриваю, какъ она сіе дѣло предложить можетъ, ежели ей отъ одной или другой партіи двора, или же отъ ея величества самой способовъ къ тому не подастся. Мнѣ же предъявленіе вашего благородія о газетахъ еще наилуччимъ быть кажется; ибо при томъ моя супруга случай получила бѣ о сентиментахъ ея величества въ томъ сондировать.... Что до меня принадлежить, то я тѣмъ доволенъ, что я имѣю ¹⁾, и ежели я добрымъ благожелательствомъ чиновъ и подкрѣпляющею милостію ея императорскаго величества до учиненнаго мнѣ предложенія достигнуть не могу, то я онаго другими каналами искать не стану; а между тѣмъ, буде что случится, ежели бѣ къ моему авантажу въ томъ служить могло, я, сколько мнѣ возможно, ничего не пренебрегу, и потому я склонныхъ вашего благородія сентиментовъ и

¹⁾ Эта фраза ввела въ заблужденіе г. *Бартенева*, которому «кажется, что самъ Христіанъ-Августъ вовсе не былъ честолюбивъ, и что мысль сдѣлаться владѣтелемъ богатой Курляндіи превъщала не столько его самого, какъ его княгиню» (*Осматц. Вѣкъ*, I, 23). Напротивъ: именно княгиня была противъ этой мысли.

того; еже вы мнѣ иногда полезнаго присовѣтовать можете, дамъ себѣ спрашивать».

На братской конференціи курляндскихъ чиновъ, собравшейся въ Митавѣ 17-го августа 1744 г., раздоръ партій проявился во всей силѣ. Меньшинство высказалось въ пользу прежняго герцога Эрнста-Юганна, въ пользу сосланнаго Бирона; большинство—за возстановленіе вообще герцогскаго правленія. Партіи громили другъ друга, метали взаимные укоры и обвиненія, причемъ меньшинство укоряло своихъ противниковъ, что они не заботятся о благѣ родины, а лишь о сохраненіи за собою арендъ коронныхъ земель въ счетъ обвиненій ставилось, между прочимъ, и «желаніе представить герцогство князю Христіану-Августу Ангальтъ-Цербстскому»¹⁾. Это упоминаніе князя, служившее укоромъ въ глазахъ патріотовъ, было единственнымъ результатомъ всѣхъ его усилій.

Къ чести княгини должно сказать, что она первая сознала неисполнимость задуманнаго плана. Она подробно и весьма доказательно писала мужу, что ему не видать Курляндіи, какъ ушей своихъ, и довольно краснорѣчиво заявляла, что бѣдный Цербстъ ей милѣе богатой Курляндіи²⁾. Князь, однако, настаивалъ. «Вполнѣ съ тобою согласенъ—пишетъ онъ жевѣ—но такъ какъ, по мнѣнію Шривера, выборъ зависитъ отъ императрицы, а ея величество ищетъ только средства удержать насъ близъ себя, то все дѣло сводится лишь къ тому, чтобъ узнать взгляды императрицы и великаго князя. Это тебѣ легко сдѣлать: читая имъ пересланныя тебѣ газеты, ты можешь совершенно невинно вывѣдать ихъ мнѣніе. Если императрица окажется противъ моего выбора, то, конечно, было бы безуміемъ настаивать на этомъ; если же она не

¹⁾ *Cruze*, *Curland unter den Herzögen*, Mitau, 1837, II, 19. Князь не только не былъ избранъ, но не былъ даже избираемъ. Извѣстіе, сообщаемое *Цедлеромъ*, совершенно невѣрно: Im Jahr 1744 wurde er von einem Theile der Curländischen Land-Stände auf dem gehaltenen Land-Tage zum Hertzoge von Curland erwehlet; doch ist er nicht zu dem Besitz dieses Hertzogthums gelanget, immassen sich gar bald viele Hindernisse fanden (*Zedler*, 1595). —
²⁾ Zerst im Hemde mir ist lieber als Kurland im Gelde (*Siebigk*, 196). Въ длинномъ письмѣ отъ 20-го іюля 1745 г. приведены четыре пункта и высказаны такіа соображенія, которыя дѣлають честь уму и такту княгини.

составила еще опредѣленнаго рѣшенія и необходимо только натолкнуть ее на мою кандидатуру, то, не сдѣлавъ этого, мы вѣчно будемъ укорять себя, что прозѣвали такой благопріятный случай... И, слава Богу, совершенно доволенъ тѣмъ, что мы имѣемъ; но мнѣ не хотѣлось бы слышать позже укоризны, что мы проспали свое счастье, въ такое благопріятное для насъ время».

Вслѣдствіе такихъ настояній, княгиня еще цѣлый годъ, до самаго отъѣзда изъ Россіи, должна была вести дѣятельную переписку по поводу курляндской короны. Даже наканунѣ выѣзда изъ Петербурга, княгиня передала императрицѣ письмо князя ¹⁾, въ которомъ онъ просилъ о ея высокомъ предствательствѣ въ пользу его кандидатуры. Елизавета Петровна отклонила эту просьбу категорическимъ заявленіемъ, что пока живъ Биронъ, съ которымъ Анна Ивановна вошла по этому поводу въ извѣстныя обязательства, она будетъ противиться всякому выбору въ курляндскіе герцоги.

Не только герцогство Курляндское, даже графство Вартенбергское не удалось пріобрѣсти, хотя князь ожидалъ, что «силеское имѣніе сосланнаго Бирона» безъ спора уступитъ тестю великаго князя. Княгиня, съ своей стороны, очень домогалась завладѣть Рейнбекскимъ округомъ въ Голштиніи—и это не удалось.

Вспоминая въ своемъ Цербстѣ всѣ обстоятельства жизни въ Россіи, княгиня должна была горько раскаяться, что слишкомъ много довѣряла прусскому королю и его клеветамъ при русскомъ дворѣ—Мардефельду, Шетарди, Лестоку, Брюммеру и другимъ нерусскимъ людямъ. Винить ли ее? Намъ кажется, что къ ней нельзя относиться съ строгимъ осужденіемъ. Не только для цербстской княгини, жены прусскаго генерала, но и для большинства современниковъ, даже для такихъ государственныхъ умовъ, какъ Фридрихъ II, была непонятна совершавшаяся въ Россіи перемѣна

¹⁾ Ссылаясь на многія письма изъ Курляндіи, въ которыхъ просятъ «дабы я подъ всемілостивѣйшимъ защищеніемъ в. имп. в. кандидатомъ ко испражненному герцогскому стугу себя представилъ», князь рѣшается «протекцію къ сему избранію испросить». Письмо помѣчено изъ Цербста, 2-го августа 1745 г. Въ *Осмнад. Вѣтъ*, I, 24, вѣроятно, вслѣдствіе опечатки, помѣченъ 1744 годъ.

Это было время политическаго перелома, когда Россія только еще начинала направлять свою виѣшнюю политику къ преслѣдованію чисто русскихъ интересовъ, къ достиженію исключительно своихъ государственныхъ цѣлей. Только къ концу царствованія Елизаветы Петровны этотъ поворотъ обозначился яснѣе и окончательно завершился лишь въ правленіе Екатерины II.

XVII.

Съ отъѣздомъ матери, Екатерина почувствовала себя еще болѣе одинокою. Мелкія непріятности, происходившія отъ несноснаго характера Іоганны-Елизаветы, забылись; отсутствіе матери чувствовалось довольно долго. «Ее отъѣздъ искренно опечалилъ меня—пишетъ Екатерина—и я много плакала» ¹⁾. Одинокство пагубно только для слабыхъ; сильныя натуры еще болѣе крѣпнуть духомъ, закаляютъ въ одиночествѣ свой характеръ, становаьсь болѣе наблюдательными ко всему окружающему, болѣе чуткими къ своему внутреннему міру. Екатеринѣ, поставленной въ совершенно новую для нея обстановку, все подлежало наблюденію, многое заставляло задумываться.

Вскорѣ по отъѣздѣ матери, Екатерина присутствовала, 25-го ноября на празднованіи годовщины восшествія императрицы на престолъ. Въ этотъ день состоялось «вечернее кушанье» въ честь лейбъ-кампанцевъ, главныхъ дѣятелей знаменательной ночи. Въ большой залѣ зимняго дворца былъ накрытъ столъ для 330 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Императрица, «въ кавалерскомъ гренадерскомъ уборѣ, яко капитанъ», въ большихъ сапогахъ, съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ, обѣдала за общимъ столомъ, съ своими «карадами». Въ сосѣдней комнатѣ, такъ называемой «картинной», былъ накрытъ столъ для ихъ высочества, иностранныхъ министровъ и придворныхъ чиновъ ²⁾. Екатерина видѣла императрицу,

¹⁾ *Mémoires*, 48. — ²⁾ Делегата Гиддфорда, отъ 30-го ноября 1745 г. (*Лондон. Архивъ, Russia*, № 49). *Камеръ-фурьерскій журналъ* 1745 г., 133; *Лугар*, I, 396.

любовалась мужскимъ нарядомъ, который такъ шелъ къ ней; великая княгиня слушала рассказы о переворотѣ, дивилась смѣлости Елизаветы Петровны, разспрашивала о свергнутой брауншвейгской фамилии, сожалѣла ребенка-императора Ивана III, о судьбѣ котораго никто не зналъ ничего вѣрнаго, имя котораго всякій произносила лишь шепотомъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ половинѣ марта 1746 г. прошелъ слухъ о смерти матери императора Ивана: говорили, будто она родила сына и, спустя нѣсколько дней, умерла, отъ родильной горячки ¹⁾. 19-го марта, отъ двора были разсланы повѣстки, ко всѣмъ знатнымъ особамъ съ извѣщеніемъ, что «принцесса Анна Люнебургская горячкою скончалась», причемъ всѣ желавшіе проститься съ принцессой приглашались въ александровскій монастырь, гдѣ въ субботу, 22-го марта, назначено было погребеніе. На другой день—новая повѣстка: погребеніе совершится въ пятницу, 21 марта ²⁾.

Весь Петербургъ ходилъ эти три дня въ монастырь прощаться съ бывшей правительницей имперіи; весь городъ говорилъ о судьбѣ брауншвейгской фамилии. Мало кто зналъ дѣйствительные факты; многіе рассказы отличались фантастичностью. Чѣмъ болѣе правительство скрывало, тѣмъ болѣе общество измышляло. Городскіе слухи проникали во дворецъ, доходили до Екатерины.

Въ ночь съ 24-го на 25-е января 1741 г., цесаревна Елизавета Петровна, забывъ присягу, данную малолѣтнему императору Ивану III, арестовала младенца-императора, его мать-правительницу, всю брауншвейгскую семью, и сама взошла на престолъ. Елизавета Петровна рассчитала вѣрно: если «Paris vaut la messe», то за Россію можно, конечно, отречься отъ «клятвеннаго обѣщанія» ³⁾. Велика, однако, сила традиціи—нарушивъ сегодня присягу, Елизавета Петровна на завтра же, «секретнѣйшимъ» указомъ отъ 7-го декабря, потребовала такую же присягу отъ Анны Леополь-

¹⁾ I have this moment heard from good hands that the unhappy Princess of Brunswick died lately in childbed. She brought forth a son who is in good health, so that there are now three sons and two daughters alive in this family. Денема Гинфорда, отъ 16-го марта 1746 г. (*Лондон. Архивъ, Russia, № 50*) — ²⁾ *Камеръ-фурьерскій журналъ* 1746 г., 43. — ³⁾ *Государств. Архивъ, II, № 51.*

довны: «чтобъ она въ вѣрности присягу учинила и въ томъ за себя и за сына своего, принца Иоанна, и дочь свою, принцессу Екатерину, подписалась» ¹⁾.

Въ манифестѣ о восшествіи Елизаветы Петровны на престолъ императрица такъ опредѣлила будущую судьбу низложеннаго ею императора: «и хотя она, принцесса Анна, и сынъ ея, принцъ Иоаннъ, и дочь, принцесса Екатерина, ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію всероссійскаго престола ни по чему не имѣють, но, однако, въ разсужденіи ихъ, принцессы и его принца Ульриха Брауншвейгскаго, къ императору Петру II по матерямъ свойствамъ, и изъ особенной нашей природной къ нимъ императорской милости, не хотя никакихъ имъ причинить огорченій, съ надлежащею имъ честію и съ достойнымъ удовольствованіемъ, предавъ всѣ ихъ къ намъ разные предосудительные поступки крайнему забытію, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество всемилостивѣйше отправить повелѣди» ²⁾. Дѣйствительно, 12-го декабря 1741 года изъ Петербурга выѣхало нѣсколько кибитокъ, окруженныхъ надежнымъ конвоемъ ³⁾; въ кибиткахъ находились: «несчастнорожденный» Иванъ со всею брауншвейгскою фамиліею, фрейлина правительницы Юлія Менгденъ, прислуга и сопровождавшій брауншвейгцевъ генералъ-адъютантъ В. Ѳ. Салтыковъ. Поѣздъ направлялся въ Нарву, Ригу, Кенигсбергъ, Брауншвейгъ.

Иванъ III никогда уже болѣе не видѣлъ Петербурга, въ которомъ онъ родился, прожилъ шестнадцать мѣсяцевъ и изъ нихъ тринадцать въ качествѣ «императора всероссійскаго». Елизавета Петровна старалась, чтобъ не только Петербургъ, но и вся Россія забыла и объ Иванѣ, и объ его правленіи. Особыми указами было предписано уничтожить всѣ монеты и медали съ изображеніемъ Ивана III прислать въ сенатъ для сожженія всѣ оумали, въ которыхъ упоминалось имя Ивана III—присяжные листы, манифесты, грамоты, указы, распоряженія, и впредь поминать тринадцатимѣ-

¹⁾ «Описаніе дѣламъ по секретной коллегіи относительно принца и принцессы Брауншвейгъ-Люнебургскихъ и ихъ семейства», въ *Чтеніяхъ* за 1861 г., II, Смѣсь, стр. 1—58. Дѣла обрываются 1752 годомъ. Въ заголовкѣ, очевидно, опечатка: *Морочниковъ* вм. *Морсочниковъ*. — ²⁾ П. С. З., № 8476. — ³⁾ Деша *Финча*, отъ 19-го декабря 1741 г. (*Ложан. Архивъ*, Russia № 38).

сячное правленіе Ивана не иначе, какъ «правленіе бывшаго герцога Курляндскаго и принцессы Анны Лкнебургской» ¹⁾). Елизавета Петровна желала уничтожить всякій слѣдъ Ивана III, хотѣла, чтобъ самое имя его было забыто. Императрица хотѣла невозможнаго.

Революціонныя мѣры не проходятъ безслѣдно. Вскорѣ же по воцареніи Елизаветы Петровны, педовольные стали вспоминать низверженнаго императора, сожалея о немъ. Прошло лишь семь мѣсяцевъ послѣ переворота, какъ, въ іюлѣ 1742 года, камеръ-лакей Турчаниновъ и два гвардейца, Ивашкинъ и Сновидовъ, составили заговоръ: они предполагали умертвить Елизавету Петровну и герцога голицинскаго Петра и возвести на престолъ низложеннаго Ивана III Антоновича. Заговоръ былъ открытъ, виновные высѣчены кнутомъ и сосланы въ Сибирь ²⁾).

Спустя годъ, въ іюлѣ 1743 г., вспыхнуло «лопухинское дѣло», опять въ пользу Ивана III. Подполковникъ Лопухинъ говорилъ поручику лейбъ-кирасирскаго полка Бергеру и маіору Фалькенбергу: «Будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ перемѣна. Рижскій караулъ, который у императора Іоанна и у матери его, очень къ императору склоненъ, а вышѣшней государынѣ съ тремястами канальями ея лейбъ-кампаніи что сдѣлать? Прежній караулъ былъ и крѣпче, да сдѣлали, а теперь перемѣнѣ легко сдѣлаться. Императору Іоанну будетъ король прусскій помогать, а наши, надѣюсь, за ружье не примутся. Австрійскій посланникъ, маркизъ Ботта, императору Іоанну вѣрный слуга и доброжелатель». Слѣдствіе по этому дѣлу велось энергично, «съ пристрастіемъ»; обвиняемыхъ оказалось тринадцать русско-подданныхъ и одинъ иностранецъ—императорскій посланникъ маркизъ Ботта д'Адорно. Все обвиняемыя были признаны виновными и наказаны: четверыхъ высѣкли кнутомъ и, урѣзавъ языки, сослали въ Сибирь, двухъ высѣкли кнутомъ, двухъ плетями и послали въ ту же Сибирь; трехъ опредѣлили въ армейскіе полки; одного записали въ матросы, одного сослали въ деревню. Императрица Марія-Терезія прислала «нарочитое» посольство, сожалея, что ея министръ обвиненъ «въ мерзостномъ и про-

¹⁾ П. С. З., № 8494, 8712, 9192, 9197, 9206. — ²⁾ Дѣла Тайной Канцеляріи въ *Госуд. Архивъ; Соловьевъ*, XXI, 199; *Сборникъ*, VI, 469.

клятія достойномъ преступленіи» и объявляя, что она маркиза Ботту «велѣла посадить въ замокъ Грацъ, гдѣ обыкновенно содержится государственные арестанты, а время заключенія предѣставила опредѣлить прославленной въ свѣтѣ милости ея императорскаго величества» ¹⁾).

При такихъ обстоятельствахъ самъ собою возникалъ серьезный вопросъ, вопросъ государственной важности: насколько безопасно выпустить изъ рукъ брауншвейгскую фамилію? За границей, на свободѣ, не явится-ли со временемъ въ лицѣ Ивана III опасный претендентъ на русскій престолъ? Не надежнѣе-ли держать его у себя, въ заточеніи, заживо обречь на политическую и гражданскую смерть? Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились. Съ момента арестованія брауншвейгской фамиліи, одни, преимущественно русскіе люди и, прежде всего, А. П. Бестужевъ-Рюминъ, высказывались за отправку Ивана III и всей брауншвейгской фамиліи за границу, на родину; другіе же, исключительно иностранцы, и во главѣ ихъ Лестоукъ, настаивали на пожизненномъ заключеніи брауншвейгцевъ въ Россіи. Сперва русскіе взяли верхъ, и въ манифестѣ было объявлено рѣшеніе «всѣхъ ихъ въ ихъ отечество отправить»; потомъ, послѣ заговора Турчанинова, особенно же послѣ лопухинскаго дѣла, взяли верхъ иностранцы, и брауншвейгская семья была обречена на пожизненное заключеніе въ Россіи.

Весъ 1742-й годъ, съ 9-го января по 13-е декабря, брауншвейгцы провели въ Ригѣ; ихъ содержали какъ преступниковъ: «къ принцу и принцессѣ кромѣ Салтыкова и опредѣленныхъ при немъ» никого не допускали. Изъ Риги ихъ перевели въ Динамюнде-Шанцъ, въ крѣпость. Брауншвейгская семья содержалась еще въ Динамюнде, когда въ Ригу приѣхала цербетская княгиня съ дочерью. Екатерина видѣла генерала-адъютанта Салтыкова и майора Корфа, состоявшихъ при караулѣ брауншвейгцевъ; слышала, какъ мать называла ихъ «государственными преступниками» и во всемъ оправдывала императрицу ²⁾. Въ Динамюнде браун-

¹⁾ Лопуханское дѣло въ *Государ. въ Архивъ*; депеша *Вича*, отъ 30-го іюля и 5-го авг. 1743 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 44); депеша *Готтмолица* о «Bottaische Affaire» см. Приложение, I, 2, 3, 4; *Сборникъ*, VI, 490; *Соловьевъ*, XXI, 286; — ²⁾ *Сборникъ*, VII, 15. Die Mittheilungen der Fürstin über die in

швейгская семья содержалась болѣе года; тамъ у Анны Леопольдовны родилась дочь Елизавета ¹⁾. Въ январѣ 1744 г. приказано было перевезти «извѣстныхъ персонъ» изъ Динамюнде въ Раненбургъ ²⁾, отъ границы внутрь имперіи. Спустя полгода, камергеру барону Н. А. Корфу, свойственнику императрицы, лицу довѣренному, повелѣно перевезти «извѣстныхъ персонъ» изъ Раненбурга, чрезъ Архангельскъ, въ Соловецкій монастырь и тамъ оставить, причемъ крѣпко наказывалось «вести фамилію въ Соловецкій монастырь ночью, чтобъ ихъ никто не видалъ». При отъѣздѣ изъ Раненбурга императоръ-младенецъ былъ впервые и на всегда разлученъ съ родителями—его увезъ въ отдѣльномъ экипажѣ майоръ Миллеръ. Этотъ Миллеръ получилъ такой указъ: «Когда Корфъ вамъ отдастъ младенца четырехлѣтняго, то оного посадить въ коляску и самому съ нимъ сѣсть и одного служителя своего или солдата имѣть въ коляскѣ для береженія и содержанія оного; именемъ его называть Григорій. Ѣхать въ Соловецкій монастырь, а что вы имѣете съ собою какого младенца, того никому не объявлять, имѣть всегда коляску закрытою» ³⁾.

Совершенно случайно, вслѣдствіе распутицы и бездорожья, «арестанты» не могли быть доставлены въ Соловецкій монастырь, гдѣ для нихъ было уже приготовлено помѣщеніе, и были водворены въ Холмогорахъ ⁴⁾, въ архіерейскомъ домѣ. Елизавета Петровна одобрила «впредь до новаго указа» выборъ Холмогоръ, причемъ приказа а «извѣстныхъ персонъ въ тѣснѣйшемъ заклю-

Dünamünde befindliche gestürzte Kaiserfamilie sind zu sehr den Urtheilen der Parthei der Kaiserin Elisabeth gemäss, als dass wir sie hier anführen möchten. *Siebigk*, 32.

¹⁾ Приложение VI, письмо 3-е. — ²⁾ Равенбургъ, вѣрнѣе Ораніенбургъ, Воронежской Губерніи, съ крѣпостью, выстроенною кн. А. Д. Меншиковымъ; теперь—уздный городъ Рязанской Губерніи. — ³⁾ *Соловецк*, XXII, 96. — ⁴⁾ Въ то время посадъ, позже, съ 1780 года, уздиль городъ Архангелогородской Области. Славные нѣкогда торгомъ съ датчатымъ, Холмогоры въ это время были настолько никому за границей неизвѣстны, что Фридрихъ II писалъ въ «Histoire de mon temps»: Ils furent conduits au de là d'Archangel, dans un lieu si barbare, qu'on en ignore même le nom (*Posner*, 303); въ Россіи, напротивъ, Холмогоры получили въ эти время особую извѣстность, благодаря Ломоносову, уроженцу одной изъ холмогорскихъ восточей.

чений содержать», но Ивана отдѣльно отъ другихъ. Корфъ прибылъ въ Холмогоры 9-го ноября 1744 г.; въ мартѣ слѣдующаго года ему было приказано возвратиться въ Петербургъ, сдавъ арестантовъ въ смотрѣніе капитану измайловскаго полка Гурьеву. Въместѣ съ тѣмъ камергеръ Корфъ получилъ слѣдующій секретный приказъ: «Ежели, по волѣ Божіей, случится кому изъ извѣстныхъ персонъ смерть, особливо же принцессѣ Аннѣ или принцу Иоанну, то учиня надъ умершимъ тѣломъ анатомію и положи въ спиртъ, тотчасъ то смертное тѣло къ намъ прислать съ нарочнымъ офицеромъ, а съ прочими чинить по тому-жъ, токмо сюда не присылать, а доносить намъ и ждать указу. И сіе держать въ крѣпкомъ секретѣ, чтобы о томъ никто другіе не вѣдали, а какъ отътуда пойдете, то объявля о томъ майору Гурьеву словесно, а сію цидулку съ собою къ намъ привезте»¹⁾.

Тяжелый и долгій переѣздъ изъ Раненбурга въ Холмогоры бывшая правительница Анна Леопольдовна сдѣлала въ болѣзненномъ состояніи: она была въ интересномъ положеніи и, вскорѣ по приѣздѣ въ Холмогоры, въ мартѣ 1745 года, родила сына Петра. Она, однако, скоро оправилась и весь 1745 годъ пользовалась хорошимъ здоровьемъ. Извѣстіе о рожденіи Петра Антоновича произвело въ Петербургѣ непріятное впечатлѣніе: въ Діамонде родилась дѣвочка, теперь—мальчикъ, новый претендентъ, братъ Ивана. Не прошло и года—въ февралѣ 1746 г. родился опять мальчикъ, Алексѣй. Императрица, получивъ объ этомъ донесеніе, «изволила оный рапортъ разодрать», надо полагать, съ досады. Приращеніе брауншвейгской семьи, особенно членами мужескаго пола, могло только обезпокоивать Елизавету Петровну; вскорѣ, однако, пришла вѣсть объ умаленіи семьи.

27-го февраля принцесса Анна родила Алексѣя²⁾, 5-го марта занемогла «великою торячкою», 7-го марта умерла. Согласно секретному указу, тѣло Анны Леопольдовны было анатомировано и 10-го марта отправлено въ Петербургъ.

Получивъ рапортъ о смерти принцессы Анны, Елизавета Петровна написала принцу Антону-Ульриху слѣдующее письмо³⁾:

¹⁾ *Отч. Записки*, CLXV, 535. — ²⁾ Прилеженіе VI, письмо 3-е. — ³⁾ Дѣло брауншвейгской фамиліи въ *Госуд. Архивъ; Соловьевъ*, XX, 97.

«Свѣтлѣйшій принцъ.

«Увѣдомились мы отъ майора Гурьева, что принцесса, ваша супруга, волею Божіею скончалась, о чемъ мы сожалѣемъ, но понеже въ репортѣ онаго майора Гурьева къ намъ не написано потребныхъ обстоятельствъ онаго печальнаго случая, можетъ быть затѣмъ, что ему невозможно всегда при ней быть, а ваша свѣтлость неотлучно при томъ были; того для требуемъ отъ вашей свѣтлости обстоятельнаго о томъ извѣстія, какою болѣзнію принцесса супруга ваша скончалась, которое сами изволите написавъ прислать къ намъ.

«Елисаветъ».

Это письмо было отправлено въ Холмогоры къ Гурьеву при слѣдующемъ повелѣніи: «Репорты ваши о рожденіи принца и о кончивъ принцессы Анны мы получили, и что вы по указу тѣло принцессы Анны сюда отправляете, о томъ извѣстны. Приложенное присемъ къ принцу Антону наше письмо отдай, и на оное отвѣтъ дай ему своею рукою написать, и какъ напишетъ, то оное къ намъ немедленно пришли. Скажи принцу, чтобъ ояъ только писать, какою болѣзнію умерла, и не упоминалъ бы о рожденіи принца».

Отъ принца-отца требовали невозможнаго: Анна Леопольдовна умерла отъ родильной горячки, а ему запрещалось упоминать о рожденіи принца-сына! Правительство старалось скрывать рожденіе принца, и Гурьеву былъ посланъ особый указъ «о необъявленіи никому о состояніи комиссіи, а паче о числѣ дѣтей Принцессинныхъ и какого пола». Всѣ эти мѣры не привели ни къ чему—въ Петербургѣ всѣ знали, что въ Холмогорахъ содержатся три сына и двѣ дочери бывшей правительницы Анны.

Подпоручикъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Левъ Писаревъ, сопровождавшій тѣло принцессы Анны изъ Холмогоръ, получилъ изъ Петербурга указъ «о слѣдованіи съ послѣдней къ Петербургу почты прямо въ Невскій монастырь». Въ монастырской церкви торопились приготовленіями къ погребальной церемоніи, которая была точнымъ повтореніемъ церемоніи, бывшей при погребеніи царевны Екатерины Ивановны герцогини Мекленбургской, матери Анны Леопольдовны.

Великій князь былъ въ это время болѣнъ, не выходилъ изъ комнаты. Екатерина, вся въ черномъ, сопровождала императрицу, 21-го марта, въ александровскій монастырь и присутствовала

при погребеніи «со всѣмъ придворнымъ штатомъ, такожде знатными, какъ духовными, такъ и свѣтскими обоего пола персонами». Принцесса Анна была погребена въ монастырѣ, «подлѣ гроба покойной ея матери» ¹⁾.

Какъ иѣкогда въ Ригѣ, со словъ матери, такъ и теперь въ Петербургѣ, присутствуя на погребеніи принцессы Брауншвейгъ-Люнебургской, Екатерина вполне оправдывала Елизавету Петровну относительно брауншвейгской семьи. Между тѣмъ какъ многіе, обезпокоенные болѣзнію великаго князя, полагали, что, въ случаѣ его смерти, наследникомъ престола будетъ объявленъ Иванъ III ²⁾, Екатерина ни на минуту не сомнѣвалась, что императрица никогда не сдѣлаетъ подобной ошибки. Въ «Запискахъ» Екатерины, доведенныхъ до 1758 года, ни разу не упоминается ни одинъ изъ членовъ злополучной брауншвейгской семьи. Въ то время многимъ казалось совершенно естественнымъ и справедливымъ, какъ изложеніе Ивана III, такъ и заоченіе всей брауншвейгской семьи; для Екатерины же то и другое представлялось, сверхъ того, единственною причиною занимаемаго ею положенія русской великой княгини. Она знакомилась, изъ рассказовъ лейбъ-кампанцевъ, съ подробностями революціи, возведшей Елизавету Петровну на престолъ, и во очію убѣждалась, что подобныя перевороты возможны, что они не сопряжены съ неопределимыми трудностями и не вызываютъ противодѣйствія среди общества, преклоняющагося предъ успѣхомъ.

¹⁾ Письмо гр. Бестужева-Рюмина къ гр. М. И. Воронцову, въ *Арх. кн. Воронцова*, II, 148. Письмо помѣчено 21-мъ марта; вѣроятно это опечатка, вм. 22-го марта, такъ какъ въ немъ говорится о погребеніи, бывшемъ «вчерашняго же дня», а погребеніе совершено въ пятницу, 21-го марта. Въ депешѣ *Гиндфорда* отъ 22-го марта 1746 г. сказано: The body of the Princess Ann has been brought here and after having laid in State for some days in the convent of Alexander Newsky was buried yesterday in that church (*Лондон. Архивъ, Russia, № 50*); депеша *Далгона* отъ того же числа (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 48, f. 160*). Словесный указъ императрицы о погребеніи «благовѣрной принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской», см. *Шаховской*, 286.

²⁾ The Great Duke still continues in a very weakly condition, and if any accident should happen to him Your Lordship would soon hear of Ivan being recalled, tho' perhaps not his parents. Депеша *Гиндфорда* лорду Гаррингтону, отъ 16-го марта 1746 г. (*Лондон. Архивъ, Russia, № 50*).

Могла-ли Екатерина смотрѣть иначе на «брауншвейгскій инцидентъ»? Еще въ Ригѣ, два года назадъ, она слышала отъ матери, которой вполне тогда довѣряла, что Елизавета Петровна совершенно права относительно своихъ брауншвейгскихъ родственниковъ¹⁾; теперь Екатерина слышала только полное одобреніе всѣмъ распоряженіямъ, касавшимся злосчастной семьи. До Екатерины не доходили, ни теперь, ни послѣ, во все время, пока она была великою княгинею, даже и глухіе слухи о возбужденіи, вызванномъ революціоннымъ переворотомъ 1741 года. Какъ не слышала она ничего о «заговорѣ» Турчанинова, такъ не услышитъ она ничего ни о «умыслѣ» Зубарева²⁾, ни о «сочувствіи» прусскаго короля къ брауншвейгской семьѣ, ни даже о самой семьѣ. Объ этомъ при дворѣ знали очень немногіе и никто не говорилъ, мнѣ же всего съ великою княгинею.

¹⁾ *Siedigk*, 32. — ²⁾ «Приключенія посадскаго Ивана Зубарева», см. *Икарскій*. Бумаги К. И. Арсеньева, Спб. 1874, стр. 375.

XVIII.

Елизавета Петровна любила повеселиться; бракосочетаніе великаго князя дало поводъ къ новымъ забавамъ и развлеченіямъ. Зимній сезонъ 1745—46 гг. былъ въ этомъ отношеніи весьма разнообразенъ; заранѣе была составлена программа придворныхъ развѣдченій на всю недѣлю ¹⁾. Особенно веселились на масляницѣ, «Пѣніѣ у насъ карневаль—пишетъ Бестужевъ гр. Воронцову—и маскарадныя заавы на основаніи тѣхъ, кои при жизни Его Императорскаго Величества блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Петра Великаго были, начались такимъ образомъ, что въ домахъ перваго и втораго классовъ оныя въ учрежденныя къ тому дни держатся, и гдѣ Наша Всемилостивѣйша Государыня Самодержкиня со всею Своею Высочайшою Императорскою Фамиліею съ придворнымъ штатомъ всегда находится изволить, къ чему весь генералитетъ и знатное шляхетство равномѣрно-жъ приглашаются, такъ что отъ трехъ до четырехъ сотъ масокъ ѣмѣстѣ бываетъ.

Въ одномъ изъ такихъ маскарадовъ великій князь простудился «Послѣдній маскарадъ—говоритъ Екатерина—былъ данъ генераломъ ноландіймейстеромъ Татищевымъ, въ домѣ принадлежавшемъ императрицѣ и называвшемся Смольный дворецъ. Середина этого де-

¹⁾ *Камеръ-фурьерскій журналъ* за 1745 г., подъ 15-мъ сентября,

²⁾ *Архивъ кн. Воронцова*, II, 142. Письмо помѣчено 23-мъ января 1718 г., и можетъ служить доказательствомъ вѣрности «Записокъ» Екатерины, догоя. 40 лѣтъ спустя, отмѣтила по этому поводу: *L'hiver de 1740 se passa en mascarades dans les principales maisons de la ville; la cour et toute la ville y assistaient regulièrement. Mémoires*, 51.

рваннаго дома была уничтожена пожаромъ. сохранились только двухэтажные флигели. Въ одномъ изъ нихъ танцовали; ужинать же надо было идти въ другой флигель, черезъ дворъ, по снѣгу, и это въ январѣ. Послѣ ужина приходилось повторить тотъ же путь. Возвратившись домой, великій князь легъ спать, но на другой день проснулся съ страшною головою болью, такъ что не могъ встать съ постели. Я позвала докторовъ, которые объявили, что у него жестокая горячка ¹⁾. Къ вечеру его перенесли съ моей постели въ мою приемную, гдѣ ему пустили кровь и уложили въ приготовленную для него кровать. Нѣсколько разъ ему пускали кровь. Онъ былъ очень опасенъ Императрица по нѣскольку разъ въ день приходила навѣщать его, и была очень довольна, видя меня въ слезахъ... Императрица прислала однажды свою любимицу, г-жу Измайлову, сказать мнѣ, чтобъ я надѣялась на Бога, не огорчалась болѣзнию мужа и что императрица ни въ какомъ случаѣ не оставитъ меня... Въ комнату великаго князя, въ ту, гдѣ онъ лежалъ, я входила лишь тогда, когда надѣялась, что не буду лишнею, хотя эта комната была рядомъ съ моею: я замѣтила, что онъ нисколько не заботился о моемъ присутствіи и предпочиталъ оставаться съ своими приближенными, которые, по правдѣ сказать, мнѣ не нравились... Оправившись отъ болѣзни, онъ продолжалъ сказываться больнымъ, чтобъ не выходить изъ своей комнаты, гдѣ ему было пріятнѣе, чѣмъ на предпорныхъ представленіяхъ. Онъ выпелъ только на страстномъ недѣли» ²⁾.

Во время болѣзни, великій князь опять пристрастился къ кукламъ. Въ началѣ апрѣля» послѣ святой—пшеть Екатерина онъ устроилъ въ своей комнатѣ кукольный театръ ³⁾, на который онъ приглашалъ придворныхъ, и даже дамъ. Этотъ театръ былъ ве-

¹⁾ The Great Duke has had a violent fever and recovers so slowly that it is so to be feared his life is still in danger, for the distemper is seems to have fallen upon his lungs. Делема Гиндфорда, отъ 11-го марта 1746 г. (London. Архивъ, Russia, № 50). — ²⁾ Mémoires, 51—54. — ³⁾ Въ делемѣ отъ 8-го марта 1746 г. Делема сообщаетъ объ этомъ театрѣ, какъ существующемъ уже три мѣсяца: Héritier presomptif d'un vaste empire et majeure en sa qualité de duc de Holstein, il y a trois mois que son grand amusement est un théâtre de marionettes qu'il a fait dresser dans son appartement. (Париж. Архивъ, Russie. vol. 48, f. 136).

личайшею глупостью. Въ комнатѣ, гдѣ былъ устроенъ театръ, была одна дверь глухая, потому что она выходила въ покои императрицы, въ ту именно комнату, гдѣ стоялъ обѣденный столъ, при помощи машины опускавшійся и поднимавшійся, чтобъ обѣдать безъ прислуги. Однажды, великій князь, приготовляя въ своей комнатѣ спектакль, услышалъ говоръ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ тотчасъ схватилъ коловоротъ и просверлилъ дыры въ глухой двери, такъ что можно было видѣть, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ: императрица тамъ обѣдала съ оберъ-егермейстеромъ, графомъ Разумовскимъ, который былъ въ стеганомъ халатѣ, такъ какъ былъ нездоровъ, и еще съ двѣнадцатью лицами, наиболѣе приближенными. Великій князь не только самъ наслаждался плодами своей искусной работы, но еще пригласилъ всѣхъ, бывшихъ съ нимъ, поглядѣть въ дыры, сдѣланныя имъ съ такимъ искусствомъ. Когда онъ самъ и его приближенные насытились такимъ нескромнымъ удовольствіемъ, онъ сталъ приглашать меня и моихъ дамъ посмотрѣть кое-что, чего мы никогда не видѣли. Такъ какъ я не торопилась послѣдовать его приглашенію, онъ увелъ моихъ дамъ; я пришла послѣднею и увидѣла ихъ у завѣтной двери, предъ которою онъ наставилъ скамеекъ, стульевъ и подножекъ—для удобства зрителей, какъ онъ говорилъ. Войдя въ комнату, я спросила, что это такое; онъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ въ чемъ дѣло. Эта дерзость испугала и рассердила меня. Я объявила ему, что не хочу ни смотрѣть, ни принимать участія въ этой опасной забавѣ, которая, конечно, причинитъ ему непріятности, если его тетка узнаетъ объ этомъ, и что ей трудно не узнать, такъ какъ онъ посвятилъ въ эту тайну по меньшей мѣрѣ челоуѣкъ двадцать... Великій князь смутился и сталъ заниматься своимъ театромъ; я ушла въ свою комнату. До воскресенья объ этомъ ничего не было слышно. Въ этотъ день, послѣ обѣдни, императрица пришла ко мнѣ; лицо ее было сердитое и очень красное. Она велѣла позвать великаго князя, а между тѣмъ побранила меня за то, что я нѣсколько опоздала къ обѣднѣ. Явился великій князь. Она начала спрашивать его, какъ онъ осмѣлился сдѣлать то, что сдѣлалъ? Она сказала, что была въ столовой, видѣла дверь всю въ дырахъ, что всѣ дыры противъ того мѣста, гдѣ она обыкновенно сидитъ; что онъ, вѣроятно, забылъ, чѣмъ ей обязанъ; что она не можетъ

теперь смотрѣть на него иначе, какъ на неблагоударнаго; что у ея отца, Петра I, также былъ неблагоударный сынъ, котораго онъ наказалъ, лишивъ его наслѣдства ¹⁾); что при императрицѣ Аннѣ она всегда оказывала ей почтеніе, подобающее лицу коронованному и Богомъ помазанному, что Анна Ивановна не любила много разговаривать, а сажала въ крѣпость тѣхъ, кто не оказывалъ ей почтенія; что онъ глупый мальчишка, котораго она научить, какъ надо жить. Тутъ ужъ великій князь началъ сердиться, хотѣлъ ей отвѣчать и пробормоталъ нѣсколько словъ, но она приказала ему молчать, взволновалась и уже не знала мѣры своему гнѣву. Она наговорила ему множество оскорбительныхъ и рѣзкихъ словъ, показывая ему и гнѣвъ свой, и презрѣніе. У меня навернулись при этомъ слезы. Императрица замѣтила ихъ и сказала мнѣ: «То, что я говорю, относится не къ вамъ; я знаю, что вы не участвовали въ его продѣлкѣ и что вы не смотрѣли и даже не хотѣли смотрѣть сквозь дверь». Это сужденіе успокоило ее нѣсколько; она поклонилась намъ и ушла къ себѣ» ²⁾).

Поведеніе великаго князя никогда не отличалось особенною пристойностію; это былъ дурно воспитанный юноша ³⁾). Онъ возмущалъ иногда даже такихъ лицъ, какъ Штелинь, на котораго былъ возложенъ довольно неблагоударный трудъ перевоспитанія голштинскаго герцога. Его любовь къ лакейскому обществу, его страсть къ фальшивой военщинѣ, къ игрѣ въ куклы, даже его необузданная грубость, безсердечное самодурство — все это было извѣстно императрицѣ и, однако, не вызывало съ ея стороны

¹⁾ Въ депешѣ гр. *Линара*, отъ 26-го февраля 1751 г.: L'Impératrice a dit en présence de plusieurs personnes que si le Grand Duc se gouvernoit mal, elle lui feroit éprouver le même sort que Pierre premier avoit fait subir à son fils Alexis. Ce n'est pas la première fois qu'elle tient ce langage et qu'elle a même fait faire au grand duc de pareils compliments. *Lynar*, I, 442. — ²⁾ *Mémoires*, 54. Кажется, англійскій посланникъ имѣлъ именно эту исторію въ виду, сообщая лорду Гаррингтону, въ депешѣ отъ 12-го апрѣля: The Great Dutchess is fallen into disgrace, but it would be too long to trouble Your Lordship with a detail of the reasons of her (*Лондон. Архивъ, Russia*, № 50). — ³⁾ Il a avec un chacun sans distinction les façons les plus rebutantes. Il se livre au vin. Il ne se plaît qu'avec la jeunesse la plus mal morigénée ou avec des espèces de bouffon. Денеша *Дальюна* отъ 8-го марта 1746 г. (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 48, f. 136).

серьезныхъ мѣръ. Глумленіе надъ православнымъ духовенствомъ, насмѣшки надъ русскимъ языкомъ, издѣвательства надъ русскимъ народомъ, все, что дѣлало его недостойнымъ русской короны—все ему прощалось, такъ какъ не касалось лица императрицы. Теперь, проявленіе низкой души, лакейская склонность затрогивала «лицо коронованное и Богомъ помазанное»—это не могло уже пройти ему даромъ, несмотря на всю снисходительность къ нему его тетки, императрицы Елизаветы Петровны. Теперь были приняты мѣры и не только противъ великаго князя, но противъ обоихъ супруговъ: противъ безвинной великой княгини и противъ виновнаго великаго князя.

Исторія съ подсматриваніемъ разыгралась въ половинѣ апрѣля, а уже 10-го мая 1746 г. гр. Бестужевъ-Рюминъ представилъ императрицѣ сочиненную имъ «по высочайшему повелѣнію» инструкцію для «знатной дамы», назначенной состоять при великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ ¹⁾. Выборъ знатной дамы, «вмѣсто обыкновенной гофмейстерины», зависѣлъ, конечно, отъ императрицы; но на какую даму не пасть бы выборъ, всякая обязывалась исполнять слѣдующіе пять пунктовъ инструкціи:

1-е) истинное усердіе къ православной греческой вѣрѣ, «не токмо для вида, но наиглавнѣйше внутренно и дѣйствительно», было поставлено, конечно, на первый планъ;

2-е) наблюденіе «брачной повѣренности между обоими Императорскими Высочествами», какъ государственный вопросъ о престолонаслѣдствѣ, представлялся наиболѣе деликатнымъ пунктомъ инструкціи, причѣмъ знатная дама обязана внушать великой княгинѣ, что она «въ нынѣшнѣе достоинство Императорскаго Высочества не въ какомъ иномъ видѣ и надѣяніи возвышена, какъ токмо дабы имперіи пожеланный наслѣдникъ и отрасль всевысочайшаго императорскаго дома получена быть могла»;

3-е) надзоръ за каждымъ шагомъ великой княгини, для чего необходимо «всегда за нею слѣдовать», устраняя какъ «подозрѣніе возбуждающую фамильярность» великой княгини съ придвор-

¹⁾ Инструкціи для лицъ, назначаемыхъ состоять при великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и при великомъ князѣ Петрѣ Теодоровичѣ, сочиненныя графомъ А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ (*Арх. кн. Воронцова*, II, 98). Делена Функе отъ 1-го октября 1755 г. см. *Hermann*, Hof, 297.

ными кавалерами, пажами и лакеями, такъ и «смѣлость кого бы ни было Ея Высочеству на ухо шептать, письма, цедульки или книги тайно отдавать»;

4-е) воздержаніе великой княгини какъ отъ всякаго вмѣшательства «въ здѣшнія государственныя или голштинскаго правленія дѣла», такъ и «отъ излишней и тайной переписки», такъ какъ великая княгиня «всегда свои потребныя письма въ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ сочинять и къ подписанію себѣ приносить приказать можетъ»;

и 5-е), разрѣшеніе великой княгинѣ имѣть «всегда къ намъ отверстой доступъ для изъяснаго донесенія о своихъ нуждахъ».

Трудно себѣ представить болѣе безсодержательную инструкцію. Всѣ эти пункты, за исключеніемъ 4-го, и заключающіяся въ нихъ тенденціи настолько элементарны, даже банальны, что, кажется, вся инструкція составлена только для приличія: вѣроятно, признано было неловкимъ ограничиться инструкціею относительно одного великаго князя. Къ тому же, составленіе инструкціи для великаго князя было поручено гр. Бестужеву-Рюмину, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы ограничить великую княгиню относительно вмѣшательства въ политическія дѣла и переписки—двухъ пунктовъ, памятныхъ канцлеру еще со времени пребыванія цербстской княгини, матери Екатерины. Бестужевъ хорошо зналъ, что яблоко отъ яблони недалеко падаетъ, и принималъ мѣры. Вотъ почему только этотъ 4-й пунктъ мотивированъ тѣмъ, что вмѣшательство въ государственныя дѣла «недовѣрность и тайное неприязнѣтельство на нашихъ вѣрныхъ министровъ, коимъ дѣла поручены, возбуждается»; вотъ почему именно въ 4-мъ пунктѣ разрѣшается знатной дамѣ «сію инструкцію прочитатъ дать» великой княгинѣ; вотъ почему, наконецъ, письма великой княгини должны составляться именно въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, бывшей въ завѣдываніи гр. Бестужева-Рюмина.

Представляя 10-го мая инструкцію относительно великой княгини, Бестужевъ прибавлялъ, что «другая же изготовляется, и какъ скоро и та поспѣетъ, то равномѣрнымъ же образомъ къ высокомоуаршескимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ подвѣрнется»; на другой же день, 11-го мая, была имъ представлена инструкція относительно великаго князя. Къ чему же такая

торопливость въ представленіи первой инструкціи за сутки до второй? Очевидно: вторая была уже готова, но первая представляла бôльшій интересъ лично для Бестужева.

Первая инструкція, для великой княгини, ничѣмъ не мотивирована въ представленіи канцлера; при представленіи же второй прямо указано, что она «по чинимымъ въ нынѣшней младости проступкамъ во всѣхъ пунктахъ сочинена». Слѣдовательно, изъ инструкціи можно сдѣлать обратное заключеніе о поведеніи великаго князя—въ ней предписывается воздерживать великаго князя отъ проступковъ, къ которымъ онъ наиболѣе склоненъ. Въ этомъ отношеніи инструкція является официальнымъ документомъ, вполнѣ подтверждающимъ, иногда почти дословно, различныя замѣчанія Екатерины, разсѣяныя въ ея «Запискахъ», относительно поведенія ея супруга. Въ чемъ же, по инструкціи, состояли проступки великаго князя?

Онъ пренебрегалъ догматами и обрядами православной греческой церкви, при богослуженіи проявлялъ «всякое небреженіе, холодность и индифферентность, чѣмъ всѣ въ церкви находящіеся явно озлоблены бываютъ» ¹⁾, относился непочтительно къ духовнымъ лицамъ. У себя, въ своей комнатѣ, проводилъ время въ «играніи егорями и солдатами или иными игрушками» ²⁾, предавался «всякой пагубной фамиллярности съ комнатными и иными подлыми служителями», шутилъ «съ лакеями и иными негодными людьми» ³⁾, наряжалъ ихъ въ военные мундиры, роздалъ имъ ружья, устроилъ въ своихъ комнатахъ пѣлый полкъ и превратилъ «военное искусство въ шутки» ⁴⁾. Всѣ эти подробности, нерѣдко, дѣйствительно,

¹⁾ Le grand duc me gronda beaucoup de l'extrême dévotion, selon lui, dans laquelle je me donnais, mais n'ayant pas durant la messe d'autre que moi à qui parler, cessa à me boudier... Quand le grand duc apprit que je continuais à faire maigre il me gronda beaucoup. *Mémoires*, 39, 40, 54; *Либеръ-мъеръ*, 195. — ²⁾ Le grand duc passait le temps à des enfantillages inouis pour son âge, car il jouait aux poupées... Il fit dresser un théâtre de marionnettes dans sa chambre, c'était la chose du monde la plus insipide... M-me Kruse procura au grand duc des jouets des poupées et d'autres joujoux d'enfants qu'il aimait à la folie. *Mémoires*, 44, 54, 82. — ³⁾ Le grand duc passait le temps à la lettre dans la compagnie des vaets... Il était continuellement avec ses valets. *Mémoires*, 44, 47; *Либеръ-мъеръ*, 197. — ⁴⁾ Le grand duc enrégimenta toute, sa suite. Les domestiques de la cour, les chasseurs,

невѣроятныя въ юности 19-ти лѣтъ, уже женатомъ, отмѣчены въ «Запискахъ» Екатерины и до изданія инструкціи признавались многими за преувеличенія, которыми Екатерина хотѣла только оправдать свои позднѣйшіе поступки. Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи инструкція даетъ еще болѣе, чѣмъ «Записки». Такъ, между прочимъ, инструкція обвиняетъ великаго князя въ томъ, что онъ неприлично велъ себя за столомъ: издѣвался надъ служителями, обливалъ ихъ виномъ, позволялъ себѣ даже непристойныя шутки; въ разговорахъ съ посторонними лицами употреблялъ подлыя слова, дѣлалъ подлыя мины, и т. п.

Какою-то ироніею отзывается, послѣ этого, начало инструкціи: «Понеже Его императорское высочество великій князь, нашъ любезнѣйшій племянникъ, милостію всевышняго Творца, до такой зрѣлости лѣтъ своихъ достигъ, что голштинскія своя земли самъ управлять за способнаго признанъ: того ради мы съ особливымъ удовольствіемъ наше всемилостивѣйшее соизволеніе дать преминуть не хотѣли, дабы его высочество нынѣ самъ, яко владѣющій герцогъ, надъ своими землями и подданными правленіе пмѣлъ, отъ прежнихъ своихъ управителей освобожденнымъ, а напротивъ того собственному своему зрѣлому разсужденію и разумному и съ достоинствомъ его сходственному поведенію препорученнымъ быть могъ»¹⁾. Лицу, которому поручалось понечительство надъ великимъ княземъ, вмѣнялось въ обязанность помогать ему «дѣломъ и совѣтомъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ управленія голштинскихъ дѣлъ». Человѣкъ, издѣвающійся надъ религіею, небрежущій серьезными дѣлами, якшающійся только съ лакеями, неумѣющій даже порядочно сидѣть за столомъ, признается способнымъ управлять народомъ вполне самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства кого бы ни было, безъ чьей бы ни было помощи, безъ совѣта...

Такимъ образомъ, великому князю предоставлялась свобода дѣйствія въ извѣстной сферѣ и именно въ той, къ которой онъ всегда оказывалъ особенную склонность; онъ могъ, еслибъ поже-

les jardiniers, tous eurent le mousquet sur l'épauie. Son Altesse Impériale les exerçait tous les jours, leur faisait monter la garde: le corridor de la maison leur servait de corps de garde, ou ils passaient la journée. *Mémoires*, 73. —

¹⁾ Депеша Функе отъ 1-го октября 1755 года, см. *Herrmann*, Hof. 297.

лазь, заняться серьезнымъ дѣломъ. Не то съ великою княгинею: инструкція ограничивала ее рѣшительно во всемъ и не предоставляла ей никакого занятія, ничего, чѣмъ она могла бы наполнить досужее время. Особенно чувствительнымъ для нея лишеніемъ являлось безусловное воспрещеніе переписки, даже съ отцомъ, особенно же съ матерью. «Для избѣжанія подозрѣнія отъ излишней и тайной переписки», Екатеринѣ вовсе было запрещено писать письма—она должна была только подписываться подъ официальными письмами, которыя сочинялись за нее въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ! Всѣ такія письма составлялись по извѣстному шаблону и все ихъ содержаніе исчерпывалось стереотипною фразой: я здорова, чего и вамъ желаю. Могли-ли подобныя письма удовлетворить Екатерину? Сама инструкція наталкивала великую княгиню на скрытую изворотливость, на явный обманъ: ей запрещали писать прямо, открыто—она стала писать тайно, чрезъ третьи руки.

Вскорѣ послѣ составленія инструкціи Екатеринѣ удалось, подписывая составленное въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ письмо къ матери, приписать три строчки: «Enfin, voilà l'énigme expliqué; à bon entendeur salut. Devinez, madame, s'il vous est possible et croyez que je suis encore toujours la même» ¹⁾. Это совершенно невиновное и случайное начало тайной переписки приняло вскорѣ, благодаря ловкости матери, совершенно иной видъ. Вотъ какъ говорить объ этомъ сама Екатерина:

«Не помню въ точности, но кажется въ это именно время пріѣхалъ въ Россію кавалеръ Сакромозо. Давно уже въ Россіи не было мальтійскаго кавалера и вообще очень немногіе иностранцы пріѣзжали тогда въ Петербургъ; его появленіе было, поэтому, своего рода событіемъ. Его приняли какъ нельзя лучше и показывали ему все замѣчательное въ Петербургѣ и Кронштадтѣ. Капитанъ линейнаго корабля, позже адмиралъ, Полянскій, лучшій морской офицеръ, былъ назначенъ сопровождать кавалера Сакромозо. Онъ былъ представленъ намъ. Цѣлуя мою руку, Сакромозо сунулъ мнѣ въ руку маленькую бумажную трубочку и сказалъ чуть слышно: «Это отъ вашей матушки». Я почти обомлѣла въ ужасѣ отъ того, что онъ сдѣлалъ. Я умирала отъ страха, чтобъ

¹⁾ Сборникъ, VII, 70.

ктонибудь не замѣтилъ этого, особенно же Чоглоковы, которые стояли весьма близко. Тѣмъ не менѣе, я взяла записку и пропустила ее въ правую свою перчатку; никто ничего не замѣтилъ. Возвратясь въ свою комнату, я дѣйствительно нашла въ этой свернутой бумажкѣ (въ которой Сакромозо извѣщалъ меня, что ждать отвѣта чрезъ итальянскаго музыканта, участвовавшаго въ концертахъ великаго князя) небольшую записку отъ моей матери, которая, беспокоясь о моемъ невольномъ молчаніи, спрашивала у меня причину тому и хотѣла знать, въ какомъ я нахожусь положеніи. Я написала отвѣтъ матушкѣ и сообщила ей все, что она хотѣла знать. Я передала, что мнѣ запрещено писать ей или кому бы то ни было, подъ предлогомъ, что русской великой княгинѣ неприлично писать инья письма, кромѣ тѣхъ, которыя сочинялись въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, къ которымъ я должна была только прикладывать свою подпись и никогда не говорить, что должно отвѣчать, такъ какъ коллегія знаетъ лучше меня, что пристойно писать; я написала ей, что г. Олсуфьеву вѣднѣли чуть-ли не въ преступленіе то, что онъ получилъ отъ меня нѣсколько строкъ, которыя я просила его вставить въ письмо къ моей матери. Я сообщила ей еще и другія извѣстія, которыя она требовала. Свернувъ письмо въ трубочку, подобную мною полученной, я съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ждала минуты, чтобъ сбыть ее. На первомъ же концертѣ, бывшемъ у великаго князя, я обошла оркестръ и остановилась за стуломъ скрипача-солиста д'Ололіо — это и было лицо, мнѣ указанное. Когда онъ увидѣлъ меня за своимъ стуломъ, то сдѣлалъ видъ, будто достаетъ платокъ изъ кармана и тѣмъ открылъ свой карманъ во всю ширину. Я преспокойно опустила туда свою записку и отошла въ сторону. Никто ничего не подозрѣвалъ. Сакромозо, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, передалъ мнѣ еще двѣ или три записочки такого же содержанія; мои отвѣты сообщались ему такимъ же образомъ, и никогда никто ничего не узнать»¹⁾.

¹⁾ *Mémoires*, 92. Быть можетъ, тогда никто не зналъ, но позже многіе, вѣроятно, догадывались. Одна изъ такихъ догадокъ записана была еще при жизни Екатерины II, и хотя разсказу придана невѣроятная форма, но въ немъ вѣрно представлено участіе матери, какъ главной изобрѣтательницы тайной пересылки писемъ: On l'observait la princesse de Zerbst bien sévère-

Запретительныя мѣры, подобно насильственнымъ, никогда не достигаютъ цѣли, которую преслѣдуютъ: въ большинствѣ случаевъ онѣ приводятъ къ результатамъ прямо противоположнымъ. Инструкцію, составленную Бестужевымъ-Рюминымъ для оберъ-гофмейстерины великой княгини, постигла та же участь—она не достигла цѣли ни по одному изъ пяти пунктовъ, менѣе же всего по второму.

ment, il lui devint très-difficile d'entretenir des correspondances. Voici comment elle s'y prit un jour pour faire parvenir une lettre au roi de Suède. Il y avoit bal à la cour; la princesse de Zerbst y étoit avec la grande-duchesse, sa fille. Tout-à-coup la grande-duchesse s'avance vers le vieux Lestocq, qui, suivant sa coutume, s'amusoit à causer avec des femmes, et lui jettant un gant, elle lui dit qu'elle veut danser avec lui. En ramassant le gant, Lestocq s'aperçoit qu'il contient un papier. Alors le un courtisan dit en riant à la grande-duchesse: «J'accepte le défi, madame: mais au lieu de vous rendre votre gant, je vous prie de me donner l'autre, pour que je les présente tous deux, de votre part, à ma femme: la faveur sera complete». La contredanse finie, Lestocq s'esquiva en cachant les gants sous sa veste, de peur que l'impératrice n'eût été avertie et ne le fit fouiller à la porte (*Castéra*, I, 95).

XIX.

Главнымъ, основнымъ пунктомъ инструкціи относительно великой княгини быть, конечно, второй, которымъ «знатной дамѣ» предписывалось «брачную повѣренность между обоими императорскими высочествами возможнѣйше и неотмѣнно соблюдать» Пунктъ, повторяемъ, весьма деликатный, требовавшій большого такта со стороны той дамы, на обязанность которой онъ возлагался. Этотъ второй пунктъ инструкціи составленъ въ слѣдующей формѣ:

«И понеже при томъ ея императорское высочество достойною супругою дражайшаго нашего племянника, его императорскаго высочества великаго князя и наслѣдника имперіи, избрана, я оная въ нынѣшнее достоинство императорскаго высочества не въ какомъ иномъ видѣ и надѣяніи возвышена, какъ токмо дабы ея императорское высочество своимъ благоразуміемъ, разумомъ и добродѣтелями его императорское высочество къ искренней любви побуждать, сердце его къ себѣ привлечь, и тѣмъ *имперіи пожеланной наслѣдникъ* и отрасль нашего всевысочайшаго императорскаго дома получена быть могла; а сего безъ основанія взаимной истинной любви и брачной откровенности, а именно безъ совершеннаго праву его угожденія, ожидать нельзя: того ради мы къ ея императорскому высочеству всемилоствѣйшее надѣяніе имѣемъ, что она, въ томъ разсужденіи, что собственное ея счастье и благополучіе отъ того зависать, о семъ важномъ видѣ зрѣло уважать и къ достиженію онаго, съ своей стороны, наилучшее угожденіе и всѣ возможныя способы явче и явче употреблять не преминетъ. Намъ же наискрѣпчайше повелѣваемъ сіе намъ и всему отечеству толь важное желаніе ея императорскому высочеству великой княгини, при всякомъ случаѣ, ревностно представлять и неотступно побуждать, чтобъ ея императорское высочество съ своимъ супругомъ всегда, со всеудобывымышленнымъ добрымъ и привѣтливымъ поступкомъ, его праву

угожденіемъ, уступленіемъ, любовію, пріятностію и горячестію обходилась и генерально все то употребляла, чѣмъ бы сердце его императорскаго высочества совершенно къ себѣ привлечь, какимъ бы образомъ съ нимъ въ постоянномъ добромъ согласіи жить; всѣ случаи къ нѣкоторой холодности и оскорбленію избѣгать, и потому себѣ самой и своему супругу наисладчайшее и благополучнѣйшее житіе, а намъ желаемое исполненіе нашихъ полезныхъ матернихъ видовъ исходатайствовать и всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ усердное желаніе исполнять. И для того вы крайнѣйшее стараніе ваше приложите дражайшее доброе согласіе и искреннѣйшую любовь и *брачную повъренность* между обоими императорскими высочествами возможнѣйше и неотмѣнно соблюдать, наималѣйшей холодности или недоразумѣнію пріятнымъ совѣтомъ и привѣтствіемъ обоемъ предупреждать и препятствовать, въ неудачливомъ же случаѣ намъ немедленно вѣрнѣйше о томъ доносить. Въ которомъ видѣ ея императорскому высочеству великой княгинѣ представлять и ее уважать заставить, что ея супругъ не токмо ея государь, но со временемъ ея императоръ, а она тогда въ совершенномъ его покореніи будетъ, такъ какъ они оба теперь первѣйшими ея императорскаго величества подданными въ Россійской Имперіи суть, и потому ея императорское высочество, для собственнаго своего настоящаго и будущаго блага, по справедливости во всемъ по волѣ своего супруга поступать, а для содержанія горячей любви и постоянного согласія и въ несправедливооказующихся вещахъ лучше себѣ принужденіе учинить имѣть, нежели прекословіемъ или упрямствомъ къ весьма вредительному несогласію и холодности между собою, а намъ къ наичувствительнѣйшему прискорбію и сокрушенію случай подавать».

Кажется, ясно. Инструкція составлена на девятомъ мѣсяцѣ послѣ брака, когда уже истекъ срокъ, чтобъ «желаемое исполненіе полезныхъ матернихъ видовъ» могло быть своевременно удовлетворено. Надо отдать честь Бестужеву: онъ высказалъ мысль Елизаветы Петровны весьма точно и довольно искусно, предоставляя ея выполненіе «знатной дагѣ» по выбору императрицы. На кого же палъ выборъ?

Двоюродная сестра императрицы, старшая дочь Симона Леонтьевича Гендрикова, Марья Симоновна выросла на глазахъ Елизаветы Петровны и была ея любимицею. Въ день коронаціи весь родъ Гендриковыхъ, два брата и двѣ сестры, былъ возведенъ въ графское достоинство, а 19-ти-лѣтняя дѣвица Марья Симоновна, сверхъ того, пожалована въ статсъ-дамы. Въ августѣ того-же 1742 года графиня Марья Гендрикова вышла замужъ за камергера Чоглокова. Молодые были поселены во дворцѣ; дѣтей ихъ пеленали

андреевскими левтами съ плеча императрицы. У императрицы не было дамы болѣе къ ней близкой, болѣе ею любимой, чѣмъ Чоголова—ее-то Елизавета Петровна и назначила оберъ-гофмейстериней къ малому двору. Чоголова была молода—ей шелъ 24-й годъ—очень красива, любила мужа, имѣла уже дѣтей и еще «соблюдала строгія правила въ поведеніи», отъ которыхъ отреклась лишь гораздо позже. «Ея императорское величество—писалъ Бестужевъ гр. Воронцову—всевысочайшую милость имѣла графиню Марью Симоновну оберъ-гофмейстериню при ея императорскомъ высочествѣ великой княгинѣ пожаловать. Я честь имѣлъ ее въ такомъ достоинствѣ великой княгинѣ представить, а потомъ фрейлейнамъ и кавалерамъ при ея высочествѣ, по именному ея императорскаго величества указу, объявить, чтобъ они во всемъ къ оберъ-гофмейстеринѣ адресовались, безъ вѣдома ея ни о чѣмъ ея высочеству не докладывали, о постороннихъ же еще вѣще сихъ разумѣется»¹⁾.

«Ce fut un coup de foudre pour moi», говоритъ Екатерина. Она считала Чоголову женщиною «глухою, злою, корыстолюбивою» и, что въ ея глазахъ было хуже всего, «вполнѣ преданною графу Бестужеву»²⁾. Въ этой характеристикѣ только послѣднее замѣчаніе вполнѣ справедливо—Чоголовы, мужъ и жена, были въ то время клеветами Бестужева, и, кажется, это одно обстоятельство обусловило всю характеристику: молодая оберъ-гофмейстерина была напризна, какъ всѣ женщины, и вовсе не была глухѣ, злѣе или корыстолюбивѣе другихъ. Напротивъ, сама же Екатерина имѣла позже случай убѣдиться, что съ Чоголовою можно ладить и даже подчинить ее своей волѣ. Если же Екатерина навсегда сохранила дурное мнѣніе о своей первой оберъ-гофмейстеринѣ, то виною этого была не Чоголова, а та инструкція, которую она должна была

¹⁾ *Арх. кн. Воронцова*, II, 155. Чоголова названа *графиней* только изъ влиятельной любезности. Въ депешѣ французскаго повѣреннаго Дальнона къ Даржансону, отъ 28-го апр. 1747 г.: Le grand Duc laisse échapper des discours qui denotent la plus grande sensibilité au joug qu'on lui impose, que le joug devient tous les jours plus pesant et que qui que ce soit sans exception ne peut lui parler, non plus qu'à la Grande-Duchesse, ni en public, ni en particulier qu'en presence de M. et de M-me Tchogloloff, gens entièrement dévoués au chancelier (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 50, f. 125). —²⁾ *Mémoires*, 61. Подобныя же отзывы о Чоголовой повторены въ «Запискахъ» и позже, см. стр. 76, 172, 179 и др.

выполнять. На кого ни была бы возложена подобная задача, всякая ея исполнительница оставила бы по себѣ дурную память въ Екатеринѣ.

Назначеніе Чоглоковой тотчасъ-же раскрыло все значеніе второго пункта инструкціи. Это назначеніе сопровождалось слѣдующими подробностями, сохраненными Екатериною: «Въ концѣ мая ¹⁾ императрица опредѣлила ко мнѣ, какъ главную надзирательницу, г-жу Чоглокову, одну изъ статсъ-дамъ, свою родственницу. Мужъ ея, камергеръ императрицы, ѣздилъ въ это время въ Вѣну, не знаю съ какимъ-то порученіемъ отъ императрицы ²⁾. Я много плакала при ея переѣздѣ ко мнѣ и во весь тогъ день. На другой день я даже должна была пустить себѣ кровь. Утромъ, императрица пришла ко мнѣ въ комнату и, замѣтивъ, что у меня глаза красныя, сказала мнѣ, что молодыя женщины, нелюбящія своихъ мужей, всегда плачутъ; что моя матушка, однако, увѣряла ее, что я не имѣла отвращенія къ браку съ великимъ княземъ, что, впрочемъ, она меня къ этому не принуждала и что, во всякомъ случаѣ, такъ какъ я уже замужемъ, то нечего плакать. Я сказала императрицѣ: «Виновата, матушка», и она успокоилась. Въ это время вошелъ великій князь, котораго императрица приняла весьма привѣтливо, и затѣмъ удалилась. Мнѣ пустили кровь, въ чемъ я сильно нуждалась; потомъ я легла въ постель и проплакала весь день. На другой день, послѣ обѣда, великій князь отвелъ меня въ сторону, и изъ его словъ я ясно замѣтила, что назначеніе ко мнѣ Чоглоковой объяснили ему тѣмъ, что я не люблю его. Я сказала ему, что не понимаю, какимъ образомъ думаютъ усилить мою нѣжность къ нему, назначая ко мнѣ подобную женщину. Другое дѣло быть моимъ аргусомъ; но для этого слѣдовало выбрать когонибудь по умѣе и, конечно, для такой обязанности недостаточно быть злою и коварною. Чоглокову считали чрезвычайно добродѣ-

¹⁾ Замѣчательная точность: назначеніе состоялось 26-го мая, какъ отмечено въ календарѣ Глѣбовымъ, вторымъ мужемъ Чоглоковой (*Русск. Стар.* II, 472). Бестужевъ-Рюминъ, въ письмѣ отъ 17-го іюня, говоритъ, что назначеніе состоялось «предъ нѣсколькимъ временемъ» (*Арх. кн. Воронцова* II, 155). — ²⁾ Совершенно вѣрно: онъ ѣздилъ въ Вѣну «съ поздравленіемъ къ римскому императору съ возвышеніемъ въ сіе высокое достоинство». (*Арх. кн. Воронцова*, II, 143, 148).

тельною, потому что она безъ памяти любила тогда своего мужа. Она вышла за него по любви: мнѣ дали ее, какъ прекрасный примѣръ для подражанія».

Императрица, какъ и всѣ ея «вѣрные подданные» и, прежде всего, всѣ придворные, видѣли только внѣшнюю сторону супружескихъ отношеній ихъ высочествъ—прошло девять мѣсяцевъ послѣ брака, а «имперіи пожеланной наслѣдникъ» не являлся еще на свѣтъ; сторона внутренняя оставалась для всѣхъ закрытою во всякомъ случаѣ неясною. Кто былъ виною, великій князь или великая княгиня, что цѣль брака не была еще достигнута?

Во второмъ пунктѣ инструкции вся вина отнесена, хотя и въ отрицательной формѣ, къ великой княгинѣ: ей ставится какъ бы упрекъ въ недостатокѣ «искреннѣйшей любви», въ несоблюденіи «брачной повѣренности» относительно великаго князя. Екатерина отрицаетъ это въ самой категорической формѣ: «Если-бъ великій князь желалъ быть любимымъ, то относительно меня это вовсе было не трудно: я отъ природы была наклонна и привычна къ исполненію своихъ обязанностей» ¹⁾. Эти слова Екатерина подтвердила позже дѣломъ—у нея были дѣти. Петръ Федоровичъ не оставилъ въ свое оправданіе ни слова, ни дѣла: въ немногихъ его письмахъ, обнаруженныхъ до настоящаго времени, объ этомъ вовсе не упоминается и, какъ извѣстно, у него въ это время не было дѣтей ни прямыхъ, отъ супруги, ни побочныхъ, отъ метрессъ, если таковыя были у него. Былъ-ли тому причиною какойнибудь недостатокъ чисто физическій, какъ иные полагали ²⁾, или это

¹⁾ *Mémoires*, 54.

²⁾ Дешета *Гогенголца*, отъ 29-го февраля 1744 г. (Приложеніе, I, 1), и подробное донесеніе *Шампо*, отъ 8-го сентября 1758 года (Приложеніе, V) вполне разъясняютъ вопросъ. Если Гогенгольцъ передаетъ только по слухамъ, то Шампо составилъ свое донесеніе со словъ русскаго резидента въ Гамбургѣ, С. В. Салтыкова, имѣвшаго полную возможность знать истинное положеніе дѣла. Спустя полгода послѣ свадьбы, *Дальонъ*, въ депешѣ отъ 26-го февраля 1746 года, сообщалъ: *On assure que le Grand-Duc n'a pas fait voir encore à la Grande-Duchesse qu'il fut homme. Si cela arrivait du moins une fois il y a apparence que les personnes qui aiment les sûretés et à qui elles importent, mettant toute délicatesse à l'écart emploieraient des moyens certains pour procurer des héritiers à la Russie (Парижск. Архивъ, vol. 48, f. 92). Кастера* сообщаетъ по этому поводу неполныя свѣдѣнія: *Le grand-duc avait*

происходило отъ простой случайности, въ томъ и другомъ случаѣ это въ равной степени причиняло безпокойство императрицъ и вызывало съ ея стороны заботы, которыя высказались, между прочимъ, во второмъ пунктѣ инструкции. Какъ императрицу, такъ, кажется, еще болѣе великую княгиню, вводила въ заблужденіе чрезвычайная влюбчивость великаго князя, которая, казалось, могла служить нѣкоторымъ оправданіемъ Петра Федоровича. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, 14-ти-лѣтній герцогъ толинтинскій влюбился въ фрейлину Лопухину, о чемъ, какъ мы видѣли, онъ самъ сообщилъ своей невѣстѣ; двѣ недѣли спустя послѣ брака, великій князь влюбился въ фрейлину Корфъ, въ чемъ также откровенно признался своей молодой супругѣ; позже онъ былъ влюбленъ въ младшую Шафирову, и постоянно былъ въ когонибудь влюбленъ, волочился за всѣми женщинами ¹⁾.

Придворная атмосфера никогда не бываетъ насыщена началами нравственности и морали; XVIII-е столѣтіе не было въ этомъ отношеніи хуже своихъ предшественниковъ, но не было и лучше. Русскій дворъ не составлялъ исключенія, и любовныя похождения придворныхъ Елизаветы Петровны, даже самаго преступнаго свистга, разсматривались какъ безгрѣшныя шалости. Дворцовая мораль того времени не допускала возможности чистой, порядочной жизни, безъ любовныхъ интригъ, безъ преступныхъ связей, не считавшихся преступными. По взгляду современниковъ, Екатерина не могла же составлять исключенія; на ея счетъ возникли оскорбительныя подозрѣнія, ускорившія, по ея словамъ, и составленіе инструкции, и назначеніе Чоглоковой ея оберъ-гофмейстериной. Въ чемъ же заключались подозрѣнія?

«Когда я пріѣхала въ Москву—разсказываетъ Екатерина—у

une imperfection qui, quoiqu'aisée à détruire, sembloit bien plus cruelle: la violence de son amour, ses efforts réitérés ne purent le faire réussir à consommer le mariage. Si ce prince s'étoit confié à quelqu'un qui eut un peu d'expérience, l'obstacle qui s'opposoit à ses desirs eut été vain en. Le dernier rabin de Pétersbourg ou le moindre chirurgien l'en auroit délivré. Mais telle étoit la honte dont l'accabloit ce malheur, qu'il n'eut pas même le courage de le révéler, et la princesse qui ne recevoit plus ses caresses qu'avec répugnance, et qui n'étoit pas alors moins expérimentée que lui, ne songea ni à le consoler, ni à lui faire chercher des moyens qui le ramenassent dans ses bras. *Castéra*, I, 81.

¹⁾ *Mémoires*, 10, 53, 69, 131, 174.

великаго князя было три камеръ-лакея, по фамилиі Чернышевы; всѣ они были сыновьями гренадеровъ императорской лейбъ-кампаніи. Младшіе Чернышевы были родными братьями, старшій— ихъ двоюродный братъ ¹⁾. Великій князь очень любилъ всѣхъ трехъ. Они были самыми близкими къ нему людьми, и, дѣйствительно, они были весьма услужливы; всѣ трое—высокаго роста, прекрасно сложены, особенно старшій Чернышевъ. Онъ исполнялъ всѣ порученія великаго князя, который по нѣскольку разъ въ день присылалъ его ко мнѣ; ему же великій князь повѣрялъ всѣ свои тайны, когда не хотѣлъ идти ко мнѣ. Старшій Чернышевъ былъ очень друженъ съ Евреиновымъ, моимъ камердинеромъ, и этимъ путемъ я часто узнавала многое, что безъ него было бы мнѣ неизвѣстно. Сверхъ того, оба они, Евреиновъ и Чернышевъ, были душевно и сердечно привязаны ко мнѣ, и я нерѣдко получала отъ нихъ такія свѣдѣнія о разныхъ предметахъ, которыя мнѣ было бы весьма трудно пріобрѣсти инымъ путемъ. Не знаю по какому случаю, старшій Чернышевъ сказалъ однажды великому князю, говоря обо мнѣ: «Вѣдь она не моя невѣста, а ваша». Великій князь

¹⁾ Совершенно вѣрно. Чернышевыхъ было трое: 1) старшій, *Андрей Павловичъ*, сынъ лейбъ-кампанца, назначенъ камеръ-лакеемъ при великомъ князѣ въ 1743 г.; въ маѣ 1746 г. удаленъ изъ дворца; въ 1748 г., по распоряженію тайной канцеляріи, отправленъ на службу въ оренбургскій гарнизонъ; въ 1762 г., Петромъ III возвращенъ и пожалованъ въ генераль-адъютанты; въ 1763 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генераль-майора; съ 1773 г. по 1798 г. состоялъ комендантомъ и оберъ-комендантомъ петербургской крѣпости; 2) *Алексій Матвѣевичъ*, сынъ польскаго шляхтича, камеръ-лакей великаго князя, тоже удаленный изъ дворца и отправленный въ оренбургскій гарнизонъ прапорщикомъ; позже онъ перешелъ въ архангелогородскій гарнизонъ, гдѣ былъ уже поручикомъ, когда въ 1762 г., по повелѣнію Петра III, возвращенъ, и 3) *Петръ Матвѣевичъ*, родной братъ предъидущаго, поступилъ камеръ-лакеемъ къ великому князю только въ августѣ 1745 г.; 23-го мая 1746 г. выпущенъ вмѣстѣ съ братомъ прапорщикомъ въ полевые полки и въ 1762 г. съ нимъ же возвращенъ; въ 1766 году онъ, въ чинѣ полковника, былъ назначенъ комендантомъ Симбирска; въ 1773 г. повѣшенъ Пугачевымъ. (*Кн. М. Оболенскій*, Историческія замѣчанія, въ *Русск. Архивѣ*, 1865, стр. 991). Есть свѣдѣніе, что въ 1755 г. Алексѣй и Петръ Чернышевы служили въ Кизлярѣ, а въ тайной канцеляріи значилось ихъ показаніе, будто «великая княгиня такъ ихъ жаловала, что скрытно ихъ дарила — изъ ея подарковъ до сихъ поръ у нихъ часы и шпага». *Соловьевъ*, XXIV, 55.

расхохотался, передалъ это мнѣ, и съ тѣхъ поръ его высочеству нравилось называть меня «его невѣста», а Андрея Чернышева, въ разговорѣ со мною, «вашъ женихъ». Чтобы прекратить эту шалость, Андрей Чернышевъ предложилъ его высочеству, послѣ нашей свадьбы, называть меня «матушкою»; я стала звать его «сынчикъ мой». Мы съ великимъ княземъ безпрестанно толковали объ этомъ сыникѣ, такъ какъ онъ не чаялъ въ немъ души, и я тоже полюбила его.

«Мои люди дѣлали изъ мухи слона—одни изъ ревности, другіе изъ боязни послѣдствій, которыя могли оказаться и для нихъ, и для насъ. Однажды, во время придворнаго бала-маскарада, когда я пришла въ свою комнату, чтобъ переодѣнуть костюмъ, мой камердинеръ, Тимофей Евреиновъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что онъ, какъ и всѣ мои люди, страшится опасности, которой я себя подвергаю. Я его спросила, что бы это могло значить? Онъ сказалъ мнѣ: «Вы только и говорите, что объ Андрѣ Чернышевѣ, только имъ и заняты».—«Ну, такъ что же, сказала я въ невинности своего сердца, что тутъ дурного? Это мой сынчикъ; великій князь также любитъ его, и еще больше моего; онъ къ намъ привязанъ, онъ вѣрный слуга».—«Да, отвѣчалъ онъ, великій князь можетъ дѣлать, что ему угодно, но вы не имѣете права такъ поступать. Что вы объясняете добротой и привязанностью, потому что онъ вѣрно служить вамъ, люди ваши называютъ любовью». Когда онъ произнесъ это слово, никогда неприходившее мнѣ даже въ голову, я была какъ громомъ поражена и дерзкими толками моихъ людей, и тѣмъ опаснымъ положеніемъ, въ которомъ я находилась, вовсе даже того и не подозрѣвая. Евреиновъ сказалъ еще мнѣ, что, по дружбѣ къ Чернышеву, онъ посоветовалъ ему сказатьсь больнымъ, чтобъ прекратить всѣ толки. Чернышевъ послѣдовалъ совѣту Евреинова, и мнимая его болѣзнь продолжалась почти до апрѣля. Великій князь, ничего этого не зная, очень интересовался болѣзью Чернышева и безпрестанно говорилъ со мною объ ней. Когда мы переѣхали въ лѣтній дворецъ, Чернышевъ вновь появился; я не могла видѣть его безъ нѣкотораго смущенія. Между тѣмъ, императрица нашла нужнымъ сдѣлать новый распорядокъ для дворцовой прислуги: камеръ-лакеи, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и Андрей Чернышевъ, должны были пооче-

редно служить во всѣхъ комнатахъ. У великаго князя часто бывали послѣ-обѣденные концерты; онъ самъ игралъ на скрипкѣ. Я обыкновенно скучала на этихъ концертахъ и однажды ушла въ свою комнату. Она выходила въ большую залу лѣтнаго дворца, въ которой тогда расписывали потолокъ; она была загромождена лѣсами. Не найдя въ своей комнатѣ ни души, я, отъ скуки, отворила дверь въ залу и на другомъ концѣ ея увидала Андрея Чернышева. Я знакомъ подозвала его; онъ подошелъ къ моей двери, правду сказать, съ большимъ опасеніемъ. Я спросила его, скоро-ли прибудетъ императрица, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ трудно говорить—здѣсь очень шумятъ; позвольте мнѣ войти въ вашу комнату».—«Нѣтъ, не нужно». Я держала дверь полуотворенною; онъ стоялъ за дверями, въ загѣ, я — въ моей комнатѣ, и такъ мы разговаривали. Невольнымъ движеніемъ я повернула голову въ сторону противоположную отъ двери, у которой стояла, и увидѣла, у другой двери моей уборной комнаты, камергера графа Девьера ¹⁾, который сказалъ мнѣ: «Великій князь проситъ ваше высочество къ себѣ». Я затворила дверь въ залу и вмѣстѣ съ графомъ Девьеромъ возвратилась въ комнаты, гдѣ великій князь давалъ свой концертъ. Позже я узнала, что графъ Девьеръ, какъ и многіе другіе изъ состоящихъ при насъ лицъ, занимался подслушиваніемъ и доносами. На другой же день, въ воскресенье, послѣ обѣдни, мы съ великимъ княземъ узнали, что всѣ три Чернышева опредѣлены офицерами въ полки, расположенные по оренбургской линіи, и въ этотъ же самый день, послѣ обѣда, ко мнѣ приставили г-жу Чо-глокову ²⁾.

23-го мая 1746 года Чернышевы были удалены изъ дворца, около двухъ лѣтъ содержались подъ арестомъ въ Рыбачьей Слободѣ близъ Петербурга ³⁾, и только въ 1748 г. разсланы по гарнизонамъ. Во время ихъ ареста производилось строгое слѣдствіе, вѣроятно, «съ пристрастіемъ». Мы не знаемъ ни хода этого слѣдствія, ни его результатовъ; намъ извѣстно, однако, самое главное—допросъ великой княгини. Онъ былъ произведенъ въ слѣдующей довольно оригинальной формѣ:

¹⁾ Графъ Петръ Антоновичъ, будущій герой Семилѣтней войны, генераль-аншефъ съ 1762 г.; умеръ въ 1773 г. — ²⁾ *Mémoires*, 63. — ³⁾ *Mémoires*, 77.

«Въ началѣ августа 1746 года — пипетъ Екатерина — императрица прислала сказать намъ великому князю и мнѣ, чтобы мы говѣли. Мы покорились ея волѣ, и тотчасъ же у насъ начались заутрени и вечерни; мы каждый день ходили къ обѣднѣ. Въ пятницу, когда мы исповѣдовались, разъяснилось зачѣмъ насъ заставили говѣть. Симонъ Тодорскій, епископъ псковской, много допрашивалъ насъ, каждого по одиночкѣ, что происходило между Чернышевыми и нами. Но такъ какъ рѣшительно ничего не происходило, то онъ былъ нѣсколько смущенъ, когда мы съ невиннымъ чистосердечіемъ заявили, что тутъ не было даже и тѣни того, что осмѣлились подозрѣвать. Во время бесѣды со мною у него сорвалось съ языка: «Но кто же наговорилъ императрицѣ совершенно другое? Я отвѣчала, что не знаю. По всѣмъ вѣроятіямъ, нашъ духовникъ сообщилъ нашу исповѣдь духовнику императрицы, а этотъ передалъ все ея величеству, что, конечно, не могло намъ повредить» ¹⁾).

Чоглокова не была умна и вскорѣ же доказала, что совершенно не годилась къ новой для нея роли. Какъ оберъ-гофмейстерина, она возбудила противъ себя не только великую княгиню, но и всѣхъ окружающихъ. На всякую шутку, самую невинную, она твердила: «Pareil discours déplairait à Sa Majesté»; всякое движеніе малѣйшее желаніе она останавливала замѣчаніемъ: «Pareille chose ne seroit pas approuvée par l'Impératrice». Эти «строгости» дошли, конечно, до Елизаветы Петровны, и Чоглоковой былъ сдѣланъ выговоръ, ни мало, однако, несправившій ее. Какъ хранительница «брачной повѣренности», Чоглокова обманула всѣ надежды императрицы. Началось съ того, что ея мужъ, Чоглоковъ, возвратившись изъ Вѣны, вошелъ въ непозволительную связь съ фрейлиной великой же княгини, дѣвицею Кошелевою, что произвело невозможный скандалъ при дворѣ; на глазахъ Чоглоковой, графъ

¹⁾ *Mémoires* 72. Не подлежитъ сомнѣнію, что «дерзкія подозрѣнія» основывались на какихъ-нибудь вздорныхъ сплетняхъ; но изъ «Записокъ» же Екатерины видно, что она сама могла давать поводъ къ этимъ сплетнямъ: она рассказываетъ, напр., что Андрей Чернышевъ даже изъ-подъ ареста прислалъ ей письмо, на которое она отвѣчала (*Mémoires*, 101), давалъ ей порученія, которыя она исполняла (*Ibid.*, 109), и вообще Екатерина интересовалась имъ и его судьбою.

Кирилль Разумовскій, братъ фаворита, влюбился въ великую княгиню; мало того: ея же мужъ, Чоглоковъ, дерзко засматривался на Екатерину, а оберъ-гофмейстерина ничего даже и не подозрѣвала! Въ комнатахъ Чоглоковой, едва-ли не при ея содѣйствіи, великій князь ухаживалъ за придворными дамами, влюблялся въ фрейлинъ своей супруги и вовсе не заботился объ исполненіи второго пункта инструкціи ¹⁾. Не зная, какъ взяться за дѣло, Чоглокова прямо и грубо заявила однажды ихъ высочествамъ, что «императрица очень изволить гнѣваться, что у нихъ нѣтъ дѣтей и желаетъ знать кто изъ нихъ тому виною, для чего пришлетъ повивальную бабку къ великой княгинѣ и доктора къ великому князю». Чоглокова высказала при этомъ много «оскорбительныхъ» предположеній ²⁾, но приказанія императрицы не исполнила, и великій князь не былъ подвергнутъ медицинскому осмотру. Не трудно догадаться, что второй пунктъ инструкціи былъ не по плечу Чоглоковой. Полгода спустя послѣ назначенія ея оберъ-гофмейстериной, великій князь, въ письмѣ ³⁾ къ своей супругѣ, явно обличилъ, что Чоглокова не достигла цѣли.

¹⁾ *Mémoires*, 94, 112, 128, 131, 145.—²⁾ *Mémoires*, 130.—³⁾ *Mémoires*, 353. Будущему историку Петра III предстоитъ опредѣлить степень подлинности этого письма.

Представляя императрицѣ инструкцію относительно великаго князя, гр. Бестужевъ-Рюминъ писалъ: «Впрочемъ же всеподданнѣйшее и слабѣйшее мое мнѣніе есть, дабы Вамѣ императорское величество его императорскому высочеству какъ наискорѣе позволеніе дать соизволили извѣстныя опредѣленія оберъ-маршалу Брюммеру и камергеру Бергхольцу отдать, чѣмъ они сами побуждены будутъ увольненія своего отсюда просить». Эти «опредѣленія» заключались въ томъ, что великій князь, какъ герцогъ голштинскій, давно уже требовавшій, чтобы Брюммеръ и Бергхольцъ подали въ отставку ¹⁾, назначалъ имъ извѣстныя должности въ Голштиніи и, сверхъ того, пенсіи изъ доходовъ герцогства. Спустя мѣсяцъ, Бестужевъ писалъ путешествовавшему за границей гр. М. И. Воронцову: «О произшедшемъ здѣсь съ оберъ-маршаломъ Брюммеромъ и оберъ-камергеромъ Бергхольцомъ подробно увѣдомить ваше сіятельство преминуть не хотѣлъ. Его императорское высочество предъявлялъ имъ въ награжденіе за ихъ услуги каждому по весьма знатному амту въ Голштиніи, и первому по двѣ тысячи по пяти-сотъ, а другому по двѣ тысячи ефимковъ пенсіи на годъ, дабы

¹⁾ Count Brummer's fall approacheth. The Great-Duke has advised him to ask his demission, which if he does not do, he will be sent away ignominiously. Денеша Гиндфорда отъ 12-го апр. 1746 г. (*Лондон. Архивъ, Russia, № 50*). Брюммеръ потерялъ еще раньше всякое значеніе при дворѣ. Въ денешѣ Давсона, отъ 10-го декабря 1745 г., говорится: il s'est rendu incapable de tout bien et de tout mal et a assez de peine à se soutenir lui-même (*Париж. Архивъ, Russia, vol. 47, f. 328*).

они тѣмъ въ его герцогствѣ пользовались; но они вмѣсто принятія съ благодареніемъ той отличной къ нимъ милости просили о увольненіи изъ службы его императорскаго высочества, послѣ чего имъ на другой день со всевысочайшей Ея императорскаго величества апробаціи и абшты даны, и они теперь къ совершенному своему отъѣзду совѣтъ изготовляются и уповательно въ скорыхъ числахъ отсюда отправятся»¹⁾.

Такъ начались перемѣны въ личномъ составѣ малаго двора. 21-го мая графъ Брюммеръ получилъ отставку изъ рукъ принца Августа, администратора Голштиніи²⁾; 23-го мая были удалены Чернышевы; въ концѣ мая генералъ князь Василій Никитичъ Репнинъ былъ назначенъ гофмаршаломъ при великомъ князѣ, Марья Симоновна Чоглокова—оберъ-гофмейстериней при великой княгинѣ. Замѣна гр. Брюммера княземъ Репнинымъ очень понравилась Екатеринѣ: «Лучшаго выбора—говоритъ она—императрица не могла сдѣлать. Князь Репнинъ былъ не только благородный и честный, но въ тому же умный и очень любезный человѣкъ, проникнутый чувствомъ законности, съ чистыми правилами. Относительно меня лично поведеніе князя Репнина было выше всякихъ похвалъ. О графѣ Брюммерѣ я не сожалѣла: онъ надеялся мнѣ своими вѣчными политическими разговорами; отъ него несло интригой, между тѣмъ какъ открытый, прямой нравъ Репнина внушалъ полное довѣріе»³⁾.

¹⁾ *Арх. кн. Воронцова*, II, 156. «Великій князь далъ отставку своему прежнему оберъ-гофмаршалу графу Брюммеру и оберъ-каммергеру Берхгольцу, предложивъ имъ должность въ Голштиніи. Но они, не довѣряя ему, отказались и получили отъ императрицы, чрезъ оберъ-егермейстера графа Разумовскаго, ежегодную пенсію: первый въ 3,000 рублей, а второй въ 2,000 руб. и избрали своимъ мѣстопробываніемъ Висмаръ». *Штелингъ*. 89.

²⁾ On the twenty first inst. count Brummer received his dismissal from the hands of prince August, administrator of Holstein, and the rest of that counsel assembled for that purpose, as likewise did M. Birkholtz, great chamberlain to the Great-Duke and under-strupper of Brummer. Денеша *Гиндфорда* отъ 24-го мая 1746 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 50).

³⁾ *M. oïres*, 60. Этотъ отзывъ о кн. Репнинѣ подтверждается современниками. Въ денешѣ отъ 28-го мая 1746 г. *Далмонъ* сообщаетъ: Le prince Repnine est un des plus aimables russes que je connaisse et une des meilleures têtes de ce pays-ci (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 48, f. 276).

Если кто-либо могъ оказать благотворное вліяніе на великаго князя, испорченнаго такими людьми, какъ гр. Брюкмеръ, то, конечно, только человѣкъ такого закала, какъ князь Реннинъ. Къ сожалѣнію, онъ скоро впалъ въ немилость и былъ замѣненъ Чоглоковымъ, возвратившимся изъ Вѣны. «Это былъ гордый и глупый дуракъ; его всѣ боялись, какъ и его жены; оба они дѣйствительно были коварные люди»¹⁾. Чоглоковъ началъ съ того, что удалилъ отъ молодого двора камергера гр. Девьера и камеръ-юнкера Вильбоа, какъ кажется, единственно только за то, что они нравились великому князю. Вскорѣ затѣмъ были удалены «еще четыре лица, въ томъ числѣ три пажа, которыхъ великій князь особенно любилъ»²⁾. Вскорѣ долженъ былъ уѣхать изъ Россіи и принцъ Августъ Голштинскій, человѣкъ особенно близкій великому князю и дядя великой княгини. Камергеръ молодого двора князь Александръ Михайловичъ Голицынъ былъ назначенъ министромъ въ Гамбургъ; молодая чухонка, ходившая за гардеробомъ великой княгини, была выдана замужъ³⁾—какъ видно, пользовались всѣми средствами, чтобъ удалить отъ молодого двора лицъ, пользовавшихся довѣріемъ князя или княгини.

Трудно сказать, чего хотѣли достичь этими частыми смѣнами лицъ, окружавшихъ великокняжескую чету, и чѣмъ эта смѣна могла быть объяснена, если не оправдана. Екатерина приписывала всѣ

¹⁾ *Mémoires*, 76.

²⁾ Это глухое, безъ имени, замѣчаніе Екатерины (*Mémoires*, 84) подтверждается современной депешей Гиндфорда, отъ 18-го апрѣля 1747 года. M-r Bredal, a Holsteiner, son to admiral Bredal in this service, who is master of the horse and grand veneur to the Great Duke is to leave this place as soon as the season is open. One Duker, a chamberlain to the Great Duke and Great Dutchess, a Livonian by birth, is likewise dismiss as well as the Great Duke's favourite maitre d'hotel Cremen and his first huntsman, who married a favourite fille de chambre of the Great Dutchess. A merchant from Curland, Schriver, was obliged to leave all his business and debts at court in twice twenty four hours (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 53). Гиндфордъ объясняетъ эти перемѣны придворными интригами и кознями. Въ депешѣ Дамона, отъ 18-го же апрѣля, названъ въ числѣ удаленныхъ отъ двора, и sieur Bastien, chasseur du Grand-Duc (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 50, f. 124). что, однако, опровергается самою Екатериною: Вастень былъ арестованъ и высланъ за границу только въ 1754 году (*Mémoires*, 224). -- ³⁾ *Mémoires*, 77, 103, 104.

эти удаленія отъ двора интригамъ графа Бестужева, но это едва-ли справедливо. Какая цѣль могла быть у канцлера мѣнять безпрестанно лицъ великокняжескаго двора? Это могло быть еще объяснимо относительно принца Августа, который переписывался съ коронованными особами и если не игралъ, то могъ играть политическую роль ¹⁾; но зачѣмъ Бестужеву понадобилось бы удаленіе какогонибудь полковника Вильбоа или молоденькой чухоночки? Кажется, эти частыя смѣны были слѣдствіемъ просто мелкой зависти, придворныхъ пересудовъ, быть можетъ, корыстолюбивыхъ расчетовъ. Но чѣмъ ни объяснялось бы это явленіе, оно не могло остаться безъ вліянія на Екатерину: этимъ ее отучали быть привязанною къ кому-либо и заставляли быть осторожною относительно каждаго новаго лица. Для нея лично въ этомъ была, однако, и своя полезная сторона—Екатерина все болѣе и болѣе знакомилась съ новыми лицами, съ разнообразными характерами; она пріучалась ладить съ одними, противоудѣйствовать другимъ, уживаться со всѣми. Въ результатѣ получалась та гибкость въ житейскихъ сношеніяхъ съ людьми, то умѣнье пользоваться силами другихъ, та способность эксплуатировать, не оскорбляя, которая позже заставляла многихъ удивляться.

Не всегда, однако, эти перемѣны лицъ были непріятны Ека-ринѣ. Замѣна ворчливой г-жи Крузе любезною Владиславою была, конечно, дѣломъ графа Бестужева-Рюмина, но вовсе не во вредъ великой княгинѣ. «Это была женщина статная—говорить Екатерина—обладавшая, казалось, хорошими манерами; ее умное лицо понравилось мнѣ съ перваго же взгляда. Я посовѣтовалась по поводу ея съ моимъ оракуломъ Тимофеемъ Евреиновымъ. Онъ сказалъ мнѣ, что эта женщина, которую я прежде никогда не видала, была тѣща совѣтника Пуговишникова, главнаго чиновника при графѣ Бестужевѣ; что она женщина умная, веселая, но слыветъ очень хитроу; что надобно еще посмотрѣть, какъ она поведетъ себя, и особенно на первыхъ порахъ не слишкомъ довѣряться ей.

¹⁾ Prince Augustus of Holstein, brother to the princess of Zerbst, has been entering into his sister's prussian intrigues, and it is already notified to him that there is a small man of war ready to carry him to Holstein, as the air of this country does not seem to agree with his constitution. Делеша *Гиндфорда*, отъ 26-го мая 1747 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 53).

Ея звали Прасковья Никитишна. Она сразу зарекомендовала себя съ хорошей стороны; она была общительна, любила говорить, говорила и рассказывала умно, хорошо знала всѣ анекдоты прошлаго и настоящаго времени, знала четыре или пять поколѣній въ каждомъ семействѣ, твердо помнила родословную всѣхъ отцовъ, матерей, дѣдушекъ, бабушекъ и предковъ съ отцовской и материнской стороны. Никто лучше ея не передавалъ мнѣ всего, что происходило въ Россіи въ послѣднія сто лѣтъ. Мнѣ нравился умъ этой женщины, ея взгляды, и когда мнѣ бывало скучно, я вызывала ее на болтовню, на что она всегда охотно поддавалась. Я безъ труда замѣтила, что ей очень часто не нравились рѣчи и поступки Чоглоковыхъ, но такъ какъ она сама часто ходила на половину ея величества и не было извѣстно для чего, то мы до нѣкоторой степени остерегались ея, зная, что самыя невинныя слова и дѣйствія могутъ быть всячески растолкованы» ¹⁾. Послѣ недолгаго испытанія Екатерина убѣдилась, что Владиславова—честная порядочная женщина; она доказала великой княгинѣ, въ трудное для Екатерины время, что предана ей не менѣе ея оракула Евреинова.

И оракула смѣнили. «Это было самое тяжкое горе — говорить Екатерина — которое я испытала во все время царствованія императрицы Елизаветы». Старый камердинеръ великой княгини, вѣрный совѣтникъ, преданный слуга, Тимофей Евреиновъ пользовался полною довѣренностію Екатерины. Хорошо зная придворную жизнь, пользуясь общимъ уваженіемъ, онъ нерѣдко предостерегалъ Екатерину отъ ложныхъ шаговъ, которые она могла бы дѣлать въ новой для нея обстановкѣ, предварялъ ее объ опасностяхъ которыми она подвергала себя по молодости лѣтъ или въ невинности сердца; онъ всегда помогалъ ей умнымъ совѣтомъ, серьезнымъ замѣчаніемъ иногда строгимъ наставленіемъ. Екатерина слушалась его и не имѣла повода раскаяваться. Евреиновъ предостерегъ великую княгиню о толкахъ, ходившихъ по поводу ея отношеній къ Андрею Чернышеву; онъ же передалъ ей письмо Чернышева, протѣдомъ его чрезъ Москву въ оренбургскую ссылку; отъ Евреинова Екатерина узнала и о болѣзни императрицы зѣ 1749 года, и объ

¹⁾ *Mémoires*, 129.

арестованіи Лестока, и о многомъ другомъ. Быть можетъ, о подобныихъ услугахъ догадывались; по крайней мѣрѣ, для удаленія его отъ двора воспользовались предлогомъ крайне ничтожнымъ: Евреиновъ перебранивался въ гардеробной съ лакеемъ, подававшимъ кофе; проходившій мимо великій князь слышалъ отчасти эту перебранку — по приказанію императрицы Евреиновъ былъ сосланъ въ Казань ¹⁾. Евреиновъ былъ позже казанскимъ полиціимейстеромъ, дослужился до полковничьяго чина и вышелъ въ отставку. Екатерина не забыла своихъ старыхъ слугъ и, по воцареніи, писала Олсуфьеву, отъ 24-го декабря 1762 г.:

„Адамъ Васильевичъ, я тебѣ поручаю выбрать мѣсто или, однимъ словомъ сказать, хлѣба дать Андрею Чернышеву, генераль-адъютанту бывшаго императора, да отставному полковнику Тимофею Евреянову. Первому веля шить шубу. Au nom de Dieu, défaites moi de leur prière: ils ont souffert pour moi autre fois et je leur laisse battre le pavé faute de savoir quoi en faire“ ²⁾.

Интересовавшая Екатерину смѣна лицъ, ее окружавшихъ, не ограничивалась тѣсною сферою малаго двора. Къ этому времени относится удаленіе двухъ лицъ, которыхъ Екатерина съ самаго пріѣзда въ Россію привыкла было считать, по указанію матери, своими надежнѣйшими сторонниками, вѣрнѣйшими совѣтниками, чуть-ли не личными благодѣтелями: баронъ Мардефельдъ долженъ былъ выѣхать изъ Россіи, графъ Лестокъ угодилъ въ крѣпость.

Двадцать два года уже баронъ Аксель фонъ-Мардефельдъ состоялъ прусскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. Онъ прибылъ въ Россію въ 1724 году, лично зналъ Петра В., былъ акредитованъ при дворѣ Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны; на его глазахъ Биронъ возвысился и палъ, при его участіи Анна Леопольдовна стала правительницею; его друзья, маркизъ Шетарди и лейбъ-хирургъ Лестокъ, содѣйствовали восшествію на престолъ Елизаветы Петровны. Мардефельдъ занималъ выдающееся мѣсто при русскомъ дворѣ, игралъ первенствующую роль въ высшемъ русскомъ обществѣ, былъ въ тененіе многихъ глѣтъ *persona grata* въ Петербургѣ. Ни австрійскій посланникъ маркизъ Ботта,

¹⁾ *Mémoires*, 140. — ²⁾ Ради самого Бога, избавьте меня отъ ихъ просьбы: они нѣкогда за меня пострадали, а я оставляю ихъ гранить мостовую, не зная, чтобы для нихъ сдѣлать. *Русскій Архивъ*, 1863, 94 (404).

ни саксонскій фаворитъ графъ Ливаръ не могли поколебать его значенія; но и онъ, подобно своимъ друзьямъ, не устоялъ въ неравной борьбѣ съ Бестужевымъ. Представитель прусскихъ интересовъ, привыкшій въ теченіе двадцати лѣтъ видѣть русскую политику въ рукахъ вѣмцевъ, Мардефельдъ не могъ допустить, чтобъ русскій канцлеръ въ равной же степени могъ преслѣдовать чисто русскіе интересы. На его глазахъ былъ высланъ Шетарди, потеряла свое значеніе цербстская княгиня, былъ удаленъ графъ Брюмеръ, и, тѣмъ не менѣе, Мардефельдъ продолжалъ борьбу съ русскою политическою тенденціею, которую представлялъ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Результатъ былъ тотъ же: Мардефельдъ пережилъ свою петербургскую славу и долженъ былъ постыдно удалиться изъ Россіи.

Еще осенью 1745 г. цербстская княгиня увезла съ собою изъ Россіи неприятное для нея порученіе передать Фридриху II желаніе императрицы, чтобъ Мардефельдъ былъ отозванъ ¹⁾; весною 1746 г. русскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ графъ Чернышевъ былъ переведенъ въ Лондонъ. Между тѣмъ, Фридрихъ II все медлил. Наконецъ, 30-го іюня, на обыкновенной конференціи, Бестужевъ объявилъ Мардефельду, что «такъ какъ прусскому королю давно уже заявлено нежеланіе ея императорскаго величества видѣть барона Мардефельда аккредитованнымъ при ея императорскомъ дворѣ, а между тѣмъ его не отзываютъ, хотя Чернышевъ уже отозванъ, то ему симъ объявляется, что отъ него болѣе не примутъ ни словесныхъ, ни письменныхъ сообщеній» ²⁾. Прочтя такое категорическое объявленіе, Мардефельдъ все-таки выразилъ авглійскому посланнику Гиндфорду свое убѣжденіе, что еслибъ съ его отозваніемъ можно было бы протянуть до возвращенія изъ-за границы вице-канцлера гр. Воронцова, то онъ, Мардефельдъ, сверг-

¹⁾ 10-го января 1746 г. императрица подписала рескриптъ графу Чернышеву съ приказаніемъ напомнить цербстской княгинѣ объ отозваніи Мардефельда. Изъ этого заключаютъ, что княгиня «медлила исполненіемъ неприятнаго для нея порученія» (*Соловьевъ*, XXII, 145). Заключеніе невѣрное: мы уже видѣли, что княгиня, не заставъ въ Берлинѣ Фридриха II, сообщила, что ей было поручено, Подевильсу (*Pol. Corr.* IV, 359).

²⁾ Делепа Гиндфорда отъ 5-го іюля 1746 г. (*London, Archiv, Russia, № 51*).

нулъ бы самого канцлера ¹⁾). Весь июль, съ 3-го по 29-е, дворъ провель въ путешествіи въ Ревель и обратно; 17-го августа Мардефельдъ откланялся въ Петергофѣ великой княгинѣ ²⁾, которая прежде относилась къ нему съ полнымъ довѣріемъ, а теперь не рѣшалась даже говорить съ нимъ ³⁾. Въ октябрѣ Мардефельдъ навсегда оставилъ Россію. Фридрихъ II, относившійся съ полнымъ довѣріемъ къ донесеніямъ своего посланника, былъ крайне раздраженъ такимъ исходомъ миссіи Мардефельда—этогъ исходъ ясно свидѣтельствовалъ о крайнемъ усиленіи Бестужева, который, по мнѣнію прусскаго короля, возстановляетъ противъ него императрицу. Желая поправить дѣло, Фридрихъ II, въ октябрѣ же, обезглавилъ Фербера, признаннаго за русскаго шпіона, и найденныя у него бумаги переслалъ въ Петербургъ, какъ доказательство своего довѣрія къ императрицѣ, съ которою его хотять посорить. Дѣло этимъ не поправилось: 10 ноября были получены бумаги Фербера, а 13-го прусскій шпіонъ Шмитманъ, капитанъ прусской службы, былъ сосланъ въ Сибирь ⁴⁾.

Удаленіе Мардефельда не произвело на Екатерину никакого впечатлѣнія, прощло совершенно незамѣченнымъ—въ своихъ «Запискахъ» она даже не упоминаетъ о немъ. Время удаленія друга ея матери осталось ей памятнымъ по совершенно иной причинѣ: «Всякій вечеръ къ намъ собирался весь нашъ дворъ, и мы играли въ разныя игры или у насъ давались концерты. Два раза въ недѣли бывали спектакли въ большомъ театрѣ, насупротивъ казан-

¹⁾ If he could protracted his rapel till the return of the vice chancelor he might have been able to have displaced the chancelor himself (*Лондон. Архивъ. Russia*, № 51). *Дальонъ*, въ депешѣ отъ 5-го іюля 1746 г., тоже связываетъ отозваніе Мардефельда съ возвращеніемъ гр. Воронцова (*Париж. Архивъ. Russie*, vol. 49, f. 86)

²⁾ Депеша *Гиндфорда* отъ 18-го авг. 1746 г. (*Лондон. Архивъ. Russia*, № 51).

³⁾ *Schlözer*, 65.

⁴⁾ *Вильбасовъ*, 5. Депеша *Гиндфорда*, отъ 15-го ноября 1746 года: Two days ago a prussian spy, called Smithmann and formerly a captain in that service, who had been here for some time past, was arrested and sent to Siberia and probably this is not the only paroli, that will be made for M-r Fiberg, who has lost his head of Spandau (*Лондон. Архивъ. Russia*, № 51). Объ этомъ упоминаетъ (un nommé Schmidmann, prussien de nation) *Дальонъ* въ депешѣ отъ 18-го ноября (*Париж. Архивъ. Russie*, vol. 49, f. 106).

ской церкви. Словомъ, эта зима была самая веселая и самая удачная, какую я когда либо проводила въ моей жизни. Каждый день мы то и дѣло что хохотали и плясали» ¹⁾). Въ какой нибудь годъ, Екатерина совершенно освободилась отъ политическихъ взглядовъ своей матери; для нея Мардефельдъ представлялся, очевидно, лицомъ, враждебнымъ русской политикѣ, и только. Еще годъ, два, и Екатерина настолько сроднится съ русскими взглядами, что протянетъ руку Бестужеву, тому Бестужеву, котораго ея мать считала «злѣйшимъ врагомъ» своего дома.

Арестъ Лестока, напротивъ, крайне интересовалъ великую княгиню. Это былъ послѣдній въ Россіи «другъ» ея матери, изъ числа немногихъ, которымъ она вполне довѣряла и уважать, слушаться которыхъ завѣщала своей дочери: высланъ Шетарди, удаленъ Брюмеръ, отозванъ Мардефельдъ, остался только Лестокъ. Всѣ эти лица, съ матерью во главѣ, бранили и поносили ей Бестужева, и всѣ они, кромѣ Лестока, должны были такъ или иначе покинуть русской дворъ, удалиться изъ Россіи, между тѣмъ какъ Бестужевъ пользуется все большимъ довѣріемъ императрицы, изъ вице-канцлеровъ сталъ великимъ канцлеромъ. Неужели всѣ удаленные пострадали безвинно, а виновный Бестужевъ торжествуетъ? Этотъ вопросъ долженъ былъ разрѣшить Екатеринѣ послѣдній изъ друзей матери, графъ Лестокъ. Екатерина уже не Фике: четыре года, проведенныя въ Россіи, при дворѣ, не прошли напрасно—она имѣла время осмотрѣться, могла понять, что мать во многомъ ошибалась, но къ Лестоку она продолжала относиться съ уваженіемъ: онъ возвелъ Елизавету Петровну на престолъ, императрица оказываетъ ему знаки своей милости; еще недавно онъ женился на фрейлинѣ императрицы, дѣвицѣ Менгденъ, и Елизавета Петровна удостоила молодыхъ своимъ посвщеніемъ. Въ послѣднее время, правда, императрица стала относиться къ Лестоку недовѣрчиво; съ лѣта 1747 г. уже не Лестокъ открывалъ кровъ Елизаветѣ Петровнѣ ²⁾; но, тѣмъ не менѣе, онъ бывалъ

¹⁾ *Mémoires*, 75.

²⁾ L'Impératrice ayant eu besoin ces jours-ci d'une saignée de précaution s'est fait saigner par un autre que par M. de Lestock. C'est un terrible coup pour un homme qui ne se soutenait plus que par sa lancette. Денена Далеона, отъ 14 го іюля 1747 г. (*Париж. Архивъ, Moscow*, vol. 50, f. 136).

при дворѣ, онъ всегда одинъ изъ «приближенныхъ» императрицы, и Екатерина смотрѣла на него, какъ на вѣрнаго слугу своей тетки. Зимю 1748 года, на куртагѣ, великая княгиня подошла къ Лестоку, хотѣла поговорить съ нимъ, но онъ шепотомъ остановилъ ее: «Не подходите ко мнѣ—я въ подозрѣннѣи».—Это что значить?—«Серьезно повторяю вамъ: не подходите ко мнѣ—я заподозрѣнъ, отъ меня надо удалиться». Лицо Лестока было красно: Екатерина подумала, что онъ пьянъ и отошла въ сторону ¹⁾

Лестокъ не былъ пьянъ и говорилъ правду. Куртагъ провѣхидилъ въ пятницу, а за два дня предъ тѣмъ, въ среду, 9-го ноября 1748 г., былъ арестованъ племянникъ Лестока, Шапизо, капитанъ ингерманландскаго полка ²⁾ Въ воскресенье, 13-го ноября, Тимофей Евреиновъ, причесывая великую княгиню, сказалъ ей: «Сегодня ночью арестовали графа Лестока и его жену; ихъ отвезли въ крѣпость, какъ государственныхъ преступниковъ» ³⁾. За что? Лестока обвиняли въ тайныхъ связяхъ съ французскимъ шведскимъ и прусскимъ дворами, въ подговорѣ русскихъ ко вреду русского правительства, въ непочтительныхъ отзывахъ объ императрицѣ ⁴⁾. Шапизо показалъ, что Лестокъ чрезъ Мардефельда подвѣсилъ отъ прусскаго короля 10,000 руб. Главною же уликою служили перлюстрированныя письма прусскаго посланника Финкенштейна. Въ допросныхъ пунктахъ, предложенныхъ Лестоку, третій оизко касался Екатерины: «Ты въ нѣкоторое время ея императорскому

¹⁾ *Mémoires*, 100.

²⁾ A certain captain, called Chapuzeau, a near relation of the noted M-r Lestock. Депеша Гиндфорда отъ 15-го ноября 1748 г. (*London Archive, Russia*, № 56). Въ этой депешѣ указаны дни и числа, вполне подтверждающіе «Записки» Екатерины.—³⁾ *Mémoires*, 101.

⁴⁾ Using disrespectful language with regard to the person of the Empress. Депеша Гиндфорда, отъ 23-го янв. 1749 г. (*London Archive, Russia*, № 58). Подробности ареста см. въ депешѣ австрійскаго посланника графа Берни (*Арх. кн. Воронцова*, III, 323); о впечатлѣннѣи, какое произвѣлъ арестъ Лестока въ Берлинѣ, см. чрезвычайно интересное донесеніе гр. Кейзерлинга изъ Берлина, отъ 17-го дек. 1748 г. (*Ibid.*, III, 323). О шаткомъ положеннн Лестока встрѣчаются указанія еще въ 1745 г.: on ne l'écoute plus des qu'il sort d'un certain district, сказано въ депешѣ Далгона отъ 10-го декабря (*Париж. Архивъ*, vol. 47, f. 328). *Арх. кн. Воронцова*, III, 328; IV, 160, XXIV, 60; XXV, 123.

величеству самой говорилъ, что ежели-бъ де принцесса цербстская послушала твоихъ и Брюммеровыхъ совѣтовъ, тобъ она великаго князя за носъ водила: такъ объяви, въ чемъ совѣты твои состояли?» Лестоку все отрицалъ; не смотря даже на пытку ¹⁾, онъ ни въ чемъ не признался и никого не выдалъ. Его сослали въ Угличъ.

Екатерина знала подробности ареста Лестока, его вины и наказаніе, его постигшее. При дворѣ было нѣсколько лицъ, сообщавшихъ ей всѣ придворныя и городскія новости, не смотря на строгое запрещеніе. Камергеръ князь Александръ Юрьевичъ Трубечкой передалъ ей о винѣ и наказаніи Лестока; графъ Иванъ Симоновичъ Гевдриковъ, братъ Чоглоковой, служилъ для многихъ посредникомъ для передачи великой княгинѣ всѣхъ свѣдѣній, которыя могли интересовать ее ²⁾; были, конечно, и другіе пути, которыми въ великокняжескіе покои проникали иные взгляды, несогласные со взглядами нѣмецкой партіи, ниня мнѣнія, чуждыя посѣяннымъ цербстскою княгинею. Чисто русское направленіе, представляемое гр. Бестужевымъ-Рюминымъ, все болѣе и болѣе усваивается Екатериною; приговоръ надъ Лестокомъ окончательно убѣдилъ Екатерину, что мать его ошиблась какъ въ немъ, такъ и въ его сторонникахъ. Мало-по-малу, подъ давленіемъ весьма разнообразныхъ

¹⁾ Notwithstanding that he was hung up by the arms backwards for a considerable time (*Лондон. Архивъ, Russia, № 58*). П a soutenu la torture, въ депешѣ Берни (*Арх. кн. Воронцова, III, 328*). Англійскій посланникъ Гиндфордъ, вѣроятно, со словъ Бестужева, прибавляетъ, что императрица, желая выпытать отъ Лестока имена его русскихъ сообщниковъ, has ordered Lestock to be put to the extreme torture, before he is sent away from his prison, но Бестужевъ совѣтовалъ не прибѣгать къ новымъ пыткамъ, убѣжденный, что Лестоку никого не выдастъ (*Лондон. Архивъ, Russia, № 58*). Австрійскій посланникъ, напротивъ, намекаетъ, что бесполезность пытки была высказана императрицей. Лестоку содержался въ крѣпости болѣе года. Гиндфордъ, въ депешѣ отъ 24-го окт. 1749 г., сообщаетъ, что у Лестока четыре комнаты, кто караульнымъ офицерамъ разрѣшено играть съ нимъ въ карты, обѣдать за однимъ столомъ, что его обѣдь изъ восьми блюдъ, причемъ вино, какое потребуетъ, but the worst of all of these indulgences is that his wife has now the liberty of cohabiting with him (*Лондон. Архивъ, Russia, № 58*). Гюн-Дикенсъ, въ депешѣ отъ 23-го декабря, прибавляетъ: M-r Lestock may receive what visits he pleases, and his adjutant, captain Chapuzeau will soon be set at liberty (*Лондон. Архивъ, Russia, № 60*). См. депешу гр. Линара гр. Беркентину, отъ 18-го сент. 1750 г. (*Lynar, I, 382*). — ²⁾ *Mémoires*, 85, 101.

фактовъ, обстоятельствъ, вліяній, пербеткая Фике стала замѣтно перерождаться въ русскую Екатерину Алексѣевну. На сколько Екатерина успѣла уже обрусѣть, показываетъ ея поступокъ со Шкуринымъ, замѣнившимъ Евреинова, какъ камердинера: вопреки запрещенію Екатерины, Шкуринъ передалъ Чоглоковой довольно невинныя слова великой княгини; узнавъ объ этомъ, Екатерина вышла въ гардеробную, гдѣ обыкновенно находился Шкуринъ, и «сколько было силы» дала ему пощечину, прибавивъ, что велить еще отодрать (*étriller*) его ¹⁾. Похоже ли это на Фике изъ Цербста?

¹⁾ *Mémoires*, 170.

XXI.

Въ половинѣ прошлаго вѣка Россія производила культурную иллюзію, какъ въ декоративной живописи, только на перспективномъ отдаленіи; при болѣе близкомъ знакомствѣ всякая иллюзія пропадала. Екатерина испытала это на себѣ. Въ Штетинѣ, Цербстѣ, даже въ Берлинѣ Россія представлялась ей не только сильною, богатою, но и культурною странюю; по приѣздѣ къ русскому двору, золото и парча, нѣга и роскошь ослѣпили ее, плѣнили неопытнѣйшій глазъ, и лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Россіи ей удалось разсмотрѣть, что это не золото, а позолота, не нѣга, а развратъ. Она увидѣла себя въ совершенно чуждомъ ей, иномъ мірѣ, съ иными нравами и обычаями, гдѣ люди чувствовали и мыслили иначе, иначе одѣвались, иначе ѣли. Екатерина, конечно, ознакомилась, прежде всего, съ жизнью двора и лицъ придворныхъ, съ обстановкою наиболѣе богатою, наиболѣе сходною съ общеевропейскою, и, тѣмъ не менѣе, была поражена тѣмъ, что она увидѣла.

Со времени Петра I русскій дворъ былъ поставленъ на европейскую ногу. По вышности, своею блестящею роскошью, онъ не уступалъ дававшему тонъ всей Европѣ двору версальскому. Огромные, высокіе залы, украшенные во всю стѣну цѣльными зеркалами, мозаичные полы, расписанные живописью потолки; петергофскій дворецъ, по сознанію даже иностранныхъ министровъ, былъ роскошнѣе версальскаго ¹⁾. Въ этихъ дворцахъ, на выходахъ и кур-

¹⁾ Dieser ohrt, Lustschloss Peterhof, den die Sonst sehr difficillen Fremden ministres selbst Versaille vorziehen. ist desto schöner, dass gleichsahm Natur und Kunst beydes den Meister spielen wollen. *Siebigk*, 110.

тагахъ, на балахъ и маскарадахъ, толпились придворные въ бархатныхъ епанчахъ и шитыхъ золотомъ камзолахъ, съ алмазными тресилами и изумрудными аграфами, рядомъ съ дамскими робами и самарами свѣтлыхъ цвѣтовъ ¹⁾; на головахъ пудра, на лицахъ румяна и мушки; у дверей—почетные караулы; всюду егеря, гайдуки, скороходы, гусары, каріики—все великолѣпно, богато блестяще. Какъ же жилось въ этихъ дворцахъ?

Какъ дворцы императорской фамиліи, такъ и дома вельможъ были въ то время, по большей части, деревянные. Расположеніе, въ общемъ, было одно и то же: одна или нѣсколько большихъ залъ для пріемовъ и нѣсколько клѣтушекъ для жилья. Постройка чичто плотничная, на скорую руку: двери не затворялись, въ окна дуло, въ полахъ щели, печи дымили. Въ лѣтнемъ дворцѣ, въ Петербургѣ, окна великокняжеской половины «выходили съ одной стороны на Фонтанку, которая была тогда вонючимъ болотомъ, съ другой—на узкій грязный дворикъ»; въ Москвѣ, въ деревянномъ флигелѣ дворца, «вода текла по стѣннымъ обшивкамъ, и комнаты были чрезвычайно сыры». Въ архіереискомъ домѣ ²⁾, принадлежавшемъ императрицѣ, въ комнатахъ отведенныхъ для великаго князя, «печи были такъ ветхи, что когда ихъ топили, то въ трубѣ былъ видѣнъ огонь, такъ много было трещинъ, и дымъ наполнялъ комнаты». Въ московскомъ домѣ Нарышкиныхъ, на свадьбѣ княгиня, на которой присутствовала императрица и весь дворъ чтобъ проводить молодыхъ въ спальню, великой княгинѣ пришлось «пройти нѣсколько холодныхъ коридоровъ, взбираться по нетопленнымъ лѣстницамъ, наконецъ, пройти галерею, только-что выстроенную, изъ сырыхъ досокъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ капала вода». Домъ Чогло-

¹⁾ The Empress is a great lover of english stuffs, particularly white and other light colours with large flowers of gold and silver. Денша Гиндфорда, отъ 19-го марта 1745 г. (*London. Архивъ, Russia, № 47*). Лафермиеръ. 189.

— ²⁾ Когда московскій дворецъ сгорѣлъ, императрица перѣехала въ Петровское, а великая княгиня сперва въ домъ Чоглоковыхъ, а потомъ въ «архіерейскій», въ Нѣмецкой Слободѣ (*Mémoires*, 201). Девять лѣтъ спустя, Екатерина писала кн. Трубецкому, завѣдывавшему приготовлениями къ коронаціи, отъ 9-го августа 1762 года: «Освѣдомитесь пожажуи не отдано-ли кому въ Немецкой слободѣ домъ, которой сжигся архіерейской. гдѣ послѣ пожара мы жили». *Архивъ Сената*, кн. ОХХІ, л. 143.

ковыхъ, въ Москвѣ, на Большой Слободской, состоялъ «изъ залы посрединѣ и четырехъ комнатъ на каждой сторонѣ; отовсюду несло сквознымъ вѣтромъ, окна и двери на половину сгнили, въ полахъ шели въ три пальца и, въ добавокъ, пропасть разныхъ насѣкомыхъ». Для первыхъ родовъ Екатерины, подарившей императрицѣ наследника престола, были приготовлены двѣ комнаты въ лѣтнемъ дворцѣ, рядомъ съ покоями императрицы, причемъ «кровать была поставлена между трехъ дверей, въ которыя сквозило: сзади кровати—два окна, въ которыя дуло»; послѣ родовъ, одну дверь заколотили, повѣсили двойную суконную занавѣску, заставили большимъ экраномъ, и, тѣмъ не мѣнѣе, такъ дуло, что Екатерина получила ревматизмъ ¹⁾.

Екатерина стала помнить себя въ штетинскомъ замкѣ, капитальномъ строеніи померанскихъ герцоговъ; она провела дѣтство въ пербстскомъ замкѣ, сооруженномъ изъ гранитнаго камня; замокъ ея бабушки, въ Гамбургѣ—каменное зданіе XVI вѣка. Всѣ эти замки строились вѣками, но и стояли столѣтія, стоятъ и нынѣ. Неудивительно, что деревянныя постройки въ Россіи производили на Екатерину впечатлѣніе временныхъ шалашей, легко воздвигаемыхъ, но также легко истребляемыхъ временемъ, климатомъ, огнемъ. Московскій дворецъ, занимавшій до трехъ верстъ въ окружности, сгорѣлъ на ея глазахъ въ какіе нибудь три часа; архіерейскій домъ загорался раза два или три въ теченіе мѣсяца, пока въ немъ жила великая княгиня; между тѣмъ, въ домѣ была только одна лѣстница и, конечно, деревянная. «Изъ моихъ оконъ лѣтняго дворца—говорить Екатерина—миѣ случалось видѣть разомъ по два, по три, по четыре и даже по пяти пожаровъ въ различныхъ концахъ Москвы» ²⁾. На мѣстѣ сгорѣвшаго возводили, въ вѣсколько недѣль, новое зданіе, также деревянное, до новаго пожара. Когда сгорѣлъ московскій дворецъ, императрица приказала выстроить «въ шесть недѣль» новый, и онъ былъ выстроенъ. Къ

¹⁾ *Mémoires*, 119, 140, 183, 197, 201, 217, 226. — ²⁾ Екатерина не преувеличивала. L'Impératrice venait de recevoir la nouvelle du quatrième incendie consecutif arrivé à Moscou dont Elle fut affligée jusqu'aux larmes. M. de Saint-Sauveur au comte de Maurepas, 14 juin 1748 (*Париж. Архивъ. Russie*, suppl. № 7, carton 1748).

такимъ постройкамъ Екатерина не могла, конечно, относиться иначе, какъ съ удивленіемъ; она всегда была противъ нихъ, и позже, ставъ императрицей, старалась замѣнить по возможности деревянныя занія каменными. Въ бумагахъ Екатерины сохранилась небольшая пѣсенка ¹⁾, записанная ея рукою; въ этой пѣсенкѣ, въ шести строкахъ, выраженъ взглядъ на деревянныя постройки того времени:

Jean bâtit une maison
 Qui n'a ni rime ni raison:
 L'hiver on y gèle tout roide,
 L'été ne la rend point froide;
 Il y oublia l'escalier
 Puis le bâtit en espalier.

Дома были худо выстроены, еще хуже меблированы. Въ то время мебель была принадлежностью не комнаты, даже не дома, а извѣстнаго лица, и возилась за этимъ лицомъ, какъ возилось платье, бѣлье, обувь. «Дворъ въ то время—говоритъ Екатерина—былъ такъ бѣденъ мебелью, что зеркала, кровати, стулья, столы и комоды, которые служили намъ въ зимнемъ дворцѣ, перевозились вслѣдъ за нами въ лѣтній дворецъ, оттуда въ Петергофъ и даже ѣздили съ нами въ Москву. При этихъ перевозкахъ многое ломалось и билось, и въ такомъ изломанномъ видѣ ставилось на свое мѣсто, такъ что и пользоваться-то этою мебелью было довольно трудно». Если такъ дѣлалось при дворѣ, притомъ что дворецовъ было много, а мебели мало, то въ частныхъ домахъ было еще хуже. Въ домѣ Чоглоковой, куда великокняжеская чета должна была переѣхать послѣ пожара, истребившаго дворецъ, «вовсе не было мебели». Черезъ шесть недѣль послѣ первыхъ родовъ Екатерины, для принятія обычныхъ поздравленій, въ пустую комнату, сосѣднюю съ тою, въ которой родился Павелъ Петровичъ, была внесена «богатая мебель», и Екатерина, сидя на бархатной, розовой съ серебрянымъ шитьемъ постели, принимала поздравленія придворныхъ и дипломатическаго корпуса; по окончаніи церемоніи мебель опять унесли. Очевидно, все меблировалось только для извѣстнаго случая. Нѣтъ самой необходимой мебели, и есть совер-

¹⁾ Сборникъ, XXIII, 168; *Mémoires*, 197, 201, 205, 206; *Арх. кн. Воронцова*, V, 17.

шенно ненужные предметы чисто азіатской роскоши, какт., напр., тазъ императрицы съ драгоцѣнными камнями, купленный гр. Румянцевымъ въ Константинополь за 8,000 червонцевъ; нѣтъ стула, и есть зеркала во всю стѣну, испугавшія мать фаворита гр. Разумовскаго ¹⁾).

Такое безпорядочное, даже хищническое хозяйство не могло нравиться Екатеринѣ, родившейся и выросшей въ бѣдной, сравнительно, но удобной, порядочной обстановкѣ. Еще будучи великой княгиней, она стала вводить въ этомъ отношеніи свои порядки. «Такъ какъ требовалось особое разрѣшеніе императрицы, чтобы получить мебель, а добраться до императрицы было по большей части весьма трудно и даже невозможно, то я рѣшилась покупать на свой счетъ мало-по-малу комоды и другую болѣе необходимую мебель, какъ для зимняго, такъ и для лѣтняго дворца, и, перѣзжая изъ одного дворца въ другой, я находила все на своемъ мѣстѣ, избѣгая къ тому же ломки при перевозкѣ» ²⁾).

Въ этихъ-то дворцахъ, выстроенныхъ и меблированныхъ болѣе на показъ, чѣмъ для жилья, окруженная массою соглядатаевъ, жила великая княгиня съ своимъ супругомъ. Для поверхностнаго наблюдателя ея жизнь текла довольно пріятно: Екатерину видѣли во всѣхъ придворныхъ спектакляхъ и маскарадахъ, на всѣхъ дворцовыхъ балахъ и выходахъ, всегда привѣтливою, веселою, казалась, радостною; но придворными развлечениями жизнь далеко не исчерпывается. Возвращаясь въ свои покои со спектакля или бала, изъ маскарада или съ выхода, она не встрѣчала ни ласки любимаго мужа, ни интереснаго занятія, ни, вообще, какого-либо дѣла. Она рѣшительно не знала, какъ убить время, и въ первые годы жестоко скучала. Великій князь, влюблявшійся во всѣхъ, кромѣ

¹⁾ *Васильчиковъ*, I, 13; *Mémoires*, 163, 197, 199, 225. Не въ такой, быть можетъ, степени, но недостатокъ мебели замѣчается и въ западной Европѣ прошлаго вѣка. Такъ, въ 1741 г., когда Людовикъ XV приказалъ маркизу *Шетарди*, высланному изъ Россіи, жить, до окончанія слѣдствія о его поведеніи при русскомъ дворѣ, въ его помѣстьи *Chetardie*, то маркизь, письмомъ отъ 2-го сентября 1744 г, извѣщаетъ короля, что поселится въ своемъ помѣстьѣ у фермера, а не въ замкѣ, въ которомъ нѣтъ мебели: *le château est absolument dépourvu de meubles* (*Париж. Архивъ, Russie. vol. 45, f. 146*). — ²⁾ *Mémoires*, 163.

своей супруги, былъ человѣкъ, какъ мы видѣли, неспособный внушить къ себѣ сильной привязанности; у него были черты, способныя возбудить къ нему отвращеніе. Ни умомъ, ни сердцемъ онъ не могъ быть другомъ великой княгини. Всякое занятіе, даже самое невинное, признавалось неприличнымъ для великой княгини; всякій серьезный интересъ къ лицамъ или учрежденіямъ считался преступнымъ. По счастью, не запрещалось читать, и она много читала, но, конечно, сперва одни романы; къ серьезному чтенію она перешла позже, но и романы разгоняли скуку одиночества, сослужили службу въ свое время. Какъ-же проводила день Екатерина въ первые годы послѣ замужества?

«Обыкновенно — говорить Екатерина — я сидѣла одна-одиношенька въ своей комнатѣ и читала, пока не являлся великій князь, принимавшійся шагать по комнатѣ и говорившій мнѣ о предметахъ, которые интересовали его но для меня не имѣли никакой цѣны. Его прогулки изъ угла въ уголъ продолжались часъ или два и повторялись нѣсколько разъ въ день; надо было ходить съ нимъ рядомъ до истощенія силъ, слушать его внимательно, отвѣчать ему, а въ его рѣчахъ по большей части не было ни смысла, ни толку, часто же это была просто игра воображенія. Помню, что въ теченіе всей зимы онъ постоянно толковалъ о своемъ намѣреніи выстроить близъ Ораниенбаума увеселительный домъ на манеръ капуцинскаго монастыря, гдѣ онъ, я и весь его дворъ должны были нарядиться капуцинами; онъ находилъ это одѣяніе восхитительнымъ и удобнымъ. У каждаго должна была быть кляча, чтобъ поочередно ѣздить за водой и привозить припасы въ минимый монастырь. Онъ хотѣлъ до упаду и восхищался своимъ изобрѣтеніемъ. Онъ заставилъ меня набросать ему карандашемъ планъ этого прелестнаго произведенія и каждый день нужно было что-нибудь прибавить или убавить въ этомъ рисункѣ. Какъ ни твердо рѣшилась я быть съ нимъ любезною и терпѣливою, часто, признаюсь откровенно, на меня нагоняло чрезвычайную скуку его посященія, прогулки и разговоры, превосходившіе все своею крайнею глупостью. Когда онъ уходилъ самая скучная книга казалась мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ»¹⁾

¹⁾ *Mémoires*, 165.

Лѣтомъ, особенно въ Ораніенбаумѣ, день проходилъ иначе. «Поутру — говоритъ Екатерина — я вставала въ три часа и одѣвалась сама съ ногъ до головы въ мужской костюмъ. Старый егеръ ожидалъ уже меня, съ ружьями; на берегу стояла рыбацья ладья; мы проходили садомъ, съ ружьями на плечахъ; я, егеръ, лягавая собака и рыбацъ садлись въ лодку. Я стрѣляла утокъ въ тростникѣ по берегамъ ораніенбаумскаго канала, который на двѣ версты уходитъ въ море. Нерѣдко мы проходили весь каналъ и выходили въ море, на этой ладѣ, при довольно свѣжемъ вѣтрѣ. Великій князь являлся часомъ или двумя позже, такъ какъ ему непремѣнно пужно было имѣть съ собою завтракъ и Богъ знаетъ чего еще онъ не тащилъ за собою. Если онъ встрѣчалъ насъ, мы отправлялись дальше вмѣстѣ; если нѣтъ — стрѣляли и охотились порознь. Часовъ въ десять, иногда и позже, я возвращалась домой и одѣвалась къ обѣду. Послѣ обѣда—отдыхъ; по вечерамъ у великаго князя бывала музыка, или же мы катались верхомъ»¹⁾.

Еслибъ не извѣстная безпорядочность, господствовавшая при Елизаветѣ Петровнѣ, трудно было бы повѣрить подобному разсказу. Правда, Ораніенбаумъ былъ собственностью великаго князя, великая княгиня была въ Ораніенбаумѣ у себя дома; но море свободно для всѣхъ, а рыбацья ладья вовсе не безопасна для подобныхъ прогулокъ. Эта охота на утокъ, очевидно, выходила изъ сферы инструкціи. Впрочемъ, и въ Петербургѣ, въ зимнемъ дворцѣ, на глазахъ у императрицы, инструкція нерѣдко забывалась.

Два обстоятельства огорчали въ это время Екатерину — сперва собаки, потомъ вино. Какъ и великой княгинѣ, великому князю нечего было дѣлать, да, сверхъ того, онъ и не любилъ занятій, не былъ приученъ къ нимъ. Книгъ онъ также не выносилъ; фрейлины жены и куклы все-таки оставляли еще много свободного времени, и Петръ Федоровичъ пристрастился было одно время къ собакамъ.

Въ 1747 году, лѣтомъ, великій князь завелъ себѣ свору собакъ и началъ самъ дрессировать ихъ, причеиъ, конечно, больше терзалъ ихъ, чѣмъ натаскивалъ, такъ какъ самъ былъ дурной охотникъ. Въ деревнѣ, близъ Ораніенбаума, эта забава никому, кромѣ собакъ, не была въ тягость; но великій князь взялъ ихъ съ

¹⁾ *Mémoires*, 96.

собою въ зимній дворецъ, что было ему запрещено, и, чтобъ скрыть десятокъ большихъ охотничьихъ собакъ, онъ помѣстилъ ихъ въ деревянномъ чуланѣ, отдѣлявшемъ альковъ спальни великой княгини отъ большихъ сѣней, бывшихъ позади великокняжескихъ покоевъ. «Сквозь досчатую перегородку алькова—говоритъ Екатерина—несло псиной, и мы оба спали въ этой вони. На мои жалобы великій князь отвѣчалъ, что нѣтъ возможности устроить иначе. Такъ какъ собачья конура составляла большой секретъ, то я сносила эти неудобства, не выдавая тайны его высочества». Спустя два года, уже въ Москвѣ, эта собачья забава не давала уже никому покоя ни утромъ, ни днемъ, ни вечеромъ. «Великій князь, съ рѣдкою настойчивостью—говоритъ Екатерина—дрессировалъ свору собакъ при помощи большой плетки; покрикивая на собакъ, какъ кричатъ охотники, онъ заставлялъ собакъ бѣгать изъ одной комнаты въ другую—у него всего ихъ было двѣ. Тѣхъ собакъ, которыя уставали или убѣгали, онъ жестоко наказывалъ, отчего онѣ кричали еще громче. Когда эти упражненія, невыносимыя для ушей и спокойствія сосѣдей, надоѣдали великому князю, онъ брался за скрипку и, прохаживаясь по комнатамъ, пилить, что было слыть, послѣ чего снова принимался за дрессировку собакъ и ихъ истязанія, которыя казались мнѣ слишкомъ ужъ жестокими. Однажды я услышала страшный собачій визгъ, долго непреkraцавшійся; я открыла дверь моей спальни въ ту комнату, гдѣ происходили собачьи упражненія, и вотъ что увидѣла: великій князь поднял за ошейникъ маленькую болонку англійской породы, велѣлъ мальчику-калмыку держать ее за хвостъ, и изо всей силы билъ собаку рукояткою своей плетки».

Уроки Елизаветы Петровны, очевидно, не пошли въ прокъ: вскорѣ по приѣздѣ племянника въ Россію, императрица, узнавъ какъ онъ мучитъ животныхъ, давала великому князю «наставленіе касательно жестокости и нечувствительности къ несчастію людей и мученію животныхъ». Послѣ рассказанной сцены съ болонкой, можно повѣрить Екатеринѣ, что «слезы и крики только бѣсили великаго князя, не возбуждая ни малѣйшаго состраданія; жалость была для него тягостнымъ, даже невыносимымъ чувствомъ»¹⁾).

¹⁾ Штеллингъ, 86; *Mémoires*, 82, 84, 108.

Лично для Екатерины собаки были, однако, ничто, сравнительно съ виномъ. Непостоянный, вѣтренный великій князь часто мѣнялъ свои привязанности, и охота къ собакамъ скоро прошла безвозвратно; страсть же къ вину, разъ приобрѣтенная, никогда уже не покидала его. Ни одинъ пьяница не въ состояніи точно опредѣлить, когда онъ началъ запивать, да и Петръ Федоровичъ не былъ горькимъ пьяницей: онъ пилъ, онъ бывалъ пьянъ, но запоемъ никогда не пилъ. «Петръ III обнаружилъ склонность къ пьянству съ десять лѣтънаго возраста», говоритъ Екатерина, что едва-ли справедливо. Его отецъ не былъ пьяницей, окружавшіе—тоже; откуда же эта склонность въ ребенкѣ десяти лѣтъ? Кажется, эта страсть великаго князя обнаружилась уже послѣ его прїѣзда въ Россію и развилась, благодаря окружавшей его обстановкѣ¹⁾, во всякомъ случаѣ, уже послѣ брака. По крайней мѣрѣ, Екатерина впервые упоминаетъ о «пьяномъ» великомъ князѣ не ранѣе лѣта 1749 года, и упоминаетъ въ такой формѣ, которая даетъ право заключить, что это было для нея явленіе совершенно новое, къ которому она еще не привыкла: «Мы были приглашены императрицей въ Тайнищкое²⁾, гдѣ имѣли честь обѣдать за столомъ ея величества. Императрица сидѣла одна на концѣ стола, по правую руку отъ нее—великій князь, по лѣвую—я, прямо противъ него; возлѣ великаго князя—фельдмаршалъ Бутурлинъ, около меня—графиня Шувалова. Столъ былъ очень длинный и узкій. Великій князь, сидя между императрицей и фельдмаршаломъ Бутурлинымъ, такъ напился, благодаря фельдмаршалу, который любилъ выпить, что потерялъ всякое сознаніе, не помнилъ, что говорилъ, что дѣлалъ, едва ворочалъ языкомъ и производилъ отвратительное впечатлѣніе. Въ то время я старалась, на сколько могла, скрывать и сглаживать его дурныя стороны, и его положеніе довело меня до слезъ. Императрица оцѣнила мою чувствительность и сама встала изъ-за стола ранѣе обыкновеннаго». Спустя нѣсколько лѣтъ, въ

¹⁾ «Онъ постоянно пилъ вино съ водою, но когда угощаль голштинскихъ офицеровъ, то хотѣлъ по-солдатски раздѣлять съ ними все, и пилъ иногда нѣсколько бокаловъ вина безъ воды. Но это никогда не проходило ему даромъ, и на другой день онъ чувствовалъ себя дурно и оставался цѣлый день въ плафрокѣ» (*Штелингъ*, 109). — ²⁾ Тайнищкое — дворцовое село, въ 23-хъ верстахъ отъ Москвы.

1753 г., Екатерина стала замѣчать, что великій князь часто бываетъ въ возбужденномъ состояніи; «quasi journellement», что, конечно, преувеличено. Пожаръ московскаго дворца вполне разоблачилъ пристрастіе великаго князя къ крѣпкимъ напиткамъ: «Въ покояхъ великаго князя было нѣсколько большихъ комодовъ; когда ихъ стали выносить, нѣсколько ящиковъ незапертыхъ или плохо запертыхъ обнаружили, что въ нихъ находилось. Повѣрять ли? Всѣ ящики были наполнены ничѣмъ инымъ, какъ массою бутылокъ съ вивомъ и ликерами—эти ящики были виновны погребомъ его высочества!» Всѣ придворные, отъ егеря Бахштейна и камердинера Боессана до фельдмаршала Бутурлина и гофмаршала Шувалова, естественно потворствовали всѣмъ склонностямъ великаго князя, потворствовали и пьянству—кому же охота навлекать на себя неудовольствіе будущаго самодержца? Въ этомъ отношеніи одна императрица могла бы имѣть вліяніе на своего племянника; но отъ Елизаветы Петровны скрывали подобныя склонности великаго князя, какъ не сообщали ей ничего, что могло опечалить ее, потревожить, особенно въ то время, когда императрица не пользовалась уже прежнимъ здоровьемъ. Съ годами великій князь все чаще и чаще напивался пьянъ. Невоздержный по природѣ, раздражительный по воспитанію, онъ становился рѣшительно невозможнымъ въ опьянѣломъ состояніи—онъ буйствовалъ, бранился, обнажалъ шпагу, причемъ, конечно, болѣе всего доставалось великой княгинѣ¹⁾.

Екатерина пріѣхала въ Россію еще дѣвочкою—ей не было 15-ти лѣтъ. Послѣ болѣзни, вынесенной ею въ 1744 г., она выросла, вытянулась, похудѣла, и прошло года два, три, прежде чѣмъ она совершенно окрѣпла, поправилась; во всякомъ случаѣ, къ 20-ти годамъ она стала вполне здоровою женщиною, крѣпкаго сложенія, полною силъ. Эти силы требовали упражненія, примѣненія, и Екатерина по цѣлымъ часамъ охотится²⁾, съ удовольствіемъ катается верхомъ, танцуетъ безъ усталы.

На родниѣ Екатерина не ѣздила верхомъ, тамъ это было не въ обычаѣ, и даже ея мать стала учиться верховой ѣздѣ только

¹⁾ *Mémoires*, 3, 116, 131, 192, 200, 224, 232, 277, 303; *Le Grand-Duc se livre au vin*, сказано въ депешѣ Дальнона уже отъ 8-го марта 1746 г. (*Париж. Архив.*, vol. 43, f. 136); *Арх. кн. Воронцова*, V, 19; *Лаферрьерг*, 194. —
²⁾ *Mémoires*, 113, 143.

въ Москвѣ. Въ Москвѣ же, въ 1744 г., и Екатерина впервые сѣла на лошадь; она была тогда еще довольно слаба, и ѣзда не понравилась ей. Спустя годъ, она стала брать уроки верховой ѣзды въ казармахъ измайловскаго полка и скоро вполне пристрастилась къ этому удовольствію: въ 1750 году она уже заслужила одобрение Елизаветы Петровны, лихой наѣздницы. Объ этомъ Екатерина рассказываетъ съ подробностями, выдающими истаго любителя:

«Въ духовъ день, императрица приказала мнѣ пригласить съ собою кататься верхомъ г-жу Арнгеймъ, жену саксонскаго посланника. Это была высокая, статная дама, 25-ти, 26-ти лѣтъ, нѣсколько сухопавая и вовсе некрасивая лицомъ, на которомъ замѣтны были слѣды оспы; но она хорошо одѣвалась и, издали, производила впечатлѣніе и казалась чистою лицомъ. Г-жа Арнгеймъ пріѣхала ко мнѣ около пяти часовъ послѣ обѣда, съ головы до ногъ въ мужскомъ нарядѣ—въ красномъ суконномъ платьѣ съ золотымъ галуномъ и въ зеленомъ гродетуровомъ камзолѣ съ такими же галунами. Она не знала куда дѣвать свою шляпу, какъ держать руки, и показалась намъ очень неловкою. Зная, что императрица не любила, чтобъ я ѣздила по-мужски, я велѣла осѣдлать дамскимъ английскимъ сѣдломъ и надѣла амазонку à l'anglaise, очень дорогой матеріи, небеснаго цвѣта съ серебромъ, съ хрустальными пуговицами, блестящими точно брильянтовыми: на черной шапочкѣ была повязана нитка брильянтовъ. Въ ту минуту какъ я пошла садиться на лошадь, ея величество пришла въ напѣ покой посмотреть изъ окна, какъ мы поѣдемъ. Я была въ то время очень ловка и привычна къ верховой ѣздѣ; я подошла къ лошади, вскочила въ сѣдло и распустила разрѣзную юбку по обѣимъ сторонамъ. Увидя, какъ легко и ловко я вскочила въ сѣдло, императрица диву далась и замѣтила, что невозможно сидѣть лучше моего. Она спросила на какомъ я сѣдлѣ и, узнавъ, что на дамскомъ, сказала: «Можно было бы поклониться, что она на мужскомъ сѣдлѣ». Когда пришла очередь г-жи Арнгеймъ, ея ловкость не бросилась въ глаза ея величеству. Эта госпожа привела изъ дому свою лошадь. Это была дрянная вляча, вероной масти, очень высокая, неуклюжая; придворные увѣряли, что это упряжая лошадь. Нужна была лѣсенка чтобъ взобраться на нее: г-жа Арнгеймъ сѣла на лошадь съ большими приговлѣніями и при помощи многихъ лицъ. Когда она сѣла, лошадь

пошла очень тряскою рысью; всадница скользила въ сѣдлѣ, теряла стремена и держалась за луку. Я поѣхала впередъ; за мною послѣдовали другіе».

Екатерина до страсти любила верховую ѣзду, особенно же на мужскомъ сѣдлѣ, что ей, однако, строго было запрещено императрицею. Елизавета Петровна была убѣждена, что ѣзда по-мужски препятствуетъ рожденію дѣтей. «Въ это время—говорить Екатерина подь 1750 годомъ—я изобрѣла сѣдло, на которомъ можно было сидѣть какъ угодно: въ сѣдлѣ былъ особый англійскій крючекъ, который поворачивался и, перекинувъ ногу чрезъ луку, можно было сѣсть по-мужски; правое стремя можно было поднимать или опускать по произволу. Когда у берейторовъ спрашивали какъ я ѣзжу, они, зная волю императрицы, отвѣчали: «на дамскомъ сѣдлѣ». Я перекидывала правую ногу только въ томъ случаѣ, когда была увѣрена, что никто не видитъ меня. Такъ какъ я не хвасталась моимъ изобрѣтеніемъ, а прислуга была рада доставить мнѣ удовольствіе, то все обходилось благополучно». Лѣтомъ 1756 года, въ Ораніенбаумѣ, Екатерина стала брать уроки верховой ѣзды у рейтмейстера сухопутнаго кадетскаго корпуса, Циммермана. «Какъ только я начала брать правильные уроки верховой ѣзды, я снова со страстью отдалась этому упражненію. Я вставала въ 6 часовъ утра, одѣвалась по-мужски и шла въ свой садъ, гдѣ было устроено, на чистомъ воздухѣ, особое мѣсто, служившее мнѣ мажежемъ. На этихъ урокахъ присутствовали только мой старшій хирургъ Гюонъ, одна камеръ-фрау и нѣсколько камердинеровъ. Въ три недѣли я прошла всю школу верховой ѣзды»¹⁾.

Лѣтомъ—охота, верховая ѣзда; зимою—танцы Екатерина любила танцовать и танцовала много, безъ усталости. «Г-жа Арнгеймъ танцовала лучше, чѣмъ ѣздила верхомъ. Однажды—говоритъ Екатерина—мы заспорили, которая изъ насъ скорѣе устанетъ въ тавнахъ, и оказалось, что она: она бросилась на стулъ, объявляя, что не можетъ уже двигаться, между тѣмъ какъ я продолжала еще танцовать»²⁾.

Такое препровожденіе времени, какъ охота, съ ружьемъ за пле-

¹⁾ *Mémoires*, 42, 43, 77, 141, 143, 144, 175, 178, 252. — ²⁾ *Mémoires*, 119, 147, 157, 165, 168, 202.

чомъ, или катанье верхомъ по нѣскольку часовъ, свидѣтельствуешь о запасѣ, даже избыткѣ физическихъ силъ, требующихъ упражненія, о крѣпкомъ здоровьѣ, причемъ подобныя упражненія еще болѣе укрѣпляютъ здоровье, накапливаютъ физическія силы. Какъ охота, такъ и верховая ѣзда развивали въ Екатеринѣ смѣлость, отвагу, приучали ее къ самостоятельности, находчивости.

Зимомъ, въ городѣ, по условіямъ придворной жизни, Екатерина была ближе къ своему супругу и, живя рядомъ съ нимъ, если не въ однѣхъ комнатахъ, невольно должна была видѣть его занятія, если не принимать въ нихъ участія. Дрессировка собакъ и ухаживаніе за фрейлинами жены далеко не могли наполнить дня; что же дѣлалъ великій князь?

Въ 1753 году, когда великому князю было 26 лѣтъ, Екатерина вошла однажды въ комнату его высочества и была поражена необычайнымъ зрѣлищемъ: посрединѣ комнаты была повѣшена крыса! «Я спросила, что это значить? Великій князь сказалъ мнѣ, что эта крыса совершила уголовное преступленіе, наказуемое по военнымъ законамъ жесточайшею казнью: крыса вскарабкалась на картонную крѣпость, стоявшую на столѣ, перелѣзла черезъ крѣпостной валъ и сгрызла на бастіонѣ двухъ часовыхъ изъ крахмала. Великій князь велѣлъ судить преступницу военно-полевымъ судомъ. Его собака поймала крысу, которую немедленно повѣсили и которая будетъ висѣть трое сутокъ на глазахъ публики для внушенія примѣра» Спустя два года, въ 1755 г., когда Петру Федоровичу было уже 28 лѣтъ, «главною забавою великаго князя было множество маленькихъ куколъ — солдатиковъ изъ дерева; свинца, крахмала и воска, которыхъ онъ разставлялъ на узкихъ столахъ, загромождавшихъ всю комнату; между столами едва можно было проходить. Онъ прибилъ вдоль столовъ узкія мѣдныя рѣшеточки. къ нимъ привязалъ шнурки; если дернуть за шнурокъ, мѣдныя рѣшетки издавали звукъ, который, по его мнѣнію, походилъ на бѣглый ружейный огонь. Съ чрезвычайною точностію онъ чествовалъ всѣ придворные праздники, заставляя свои войска стрѣлять ружейнымъ огнемъ; сверхъ того, онъ каждый день разводилъ патрули — брагъ нѣсколько куколъ, которыя должны были играть роль часовыхъ, причемъ онъ самъ присутствовалъ въ полномъ мундирѣ, ботфортахъ, шпорахъ и въ шарфѣ. Лакеи, кото-

рыхъ онъ удостоивалъ присутствовать на экзерциціяхъ, обязаны были являться въ полной формѣ»¹⁾).

Какъ великій князь не довольствовался дрессировкой собакъ, ухаживаемъ за фрейльцами и посвящалъ досугъ кукламъ, такъ и великая княгиня, кромѣ охоты и верховой ѣзды, коротала дни за книгами. Что же она читала?

¹⁾ *Mémoires*, 193, 242.

XXII.

Въ инструкціи для великаго князя чтеніе «романовъ» прямо воспрещалось, а «чтеніе книгъ» рекомендовалось какъ забава отъ обѣда до ужина, когда «онъ ничего серьезнаго предпринимать не захочетъ»: въ инструкціи же для великой княгини вовсе не упоминалось о чтеніи. Между тѣмъ. Петръ Федоровичъ не любилъ книгъ и ничего не читалъ; Екатерина же любила читать, читала много и охотно. Если вѣрить рассказамъ современниковъ, почти всѣ образованныя лица, имѣвшія случай разговаривать съ великою княгиней, были поражаемы ея свѣтлымъ умомъ и совѣтовали ей развивать свои дарованія чтеніемъ серьезныхъ книгъ: сама же Екатерина называетъ въ своихъ «Запискахъ» только шведскаго графа Гюлленборга, который рекомендовалъ ей читать Плутарха. Цицерона, Монтескье. Умный прусакъ, баронъ Мардефельдъ, узнавъ отъ самой великой княгини, что она посвящаетъ свой досугъ чтенію легкихъ бельетристическихъ книгъ, совѣтовалъ ей серьезное чтеніе, вызывающее на размышленіе¹⁾; графъ Лестокъ рекомендовалъ ей «Dictionnaire historique et critique» Бэля²⁾.

¹⁾ Сумароковъ, 20.

²⁾ Le comte Lestocq, homme d'esprit, fut le premier à deviner Catherine; il l'engagea à s'instruire. Cette proposition fut accueillie avec empressement et il lui donna pour première lecture le Dictionnaire de Bayle. Изъ нежданнаго «Souvenirs de comtesse Golovine». Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто «comte Lestocq» читается «comte Munnich», что, очевидно, описка, такъ какъ при дворѣ Елизаветы Петровны не было ни одного изъ графовъ Миниховъ: отецъ Бурхардъ былъ въ ссылке, въ Лельмѣ, сынъ Эрнстъ — въ Вологда; въ то время былъ при дворѣ только баронъ Минихъ, grand-maitre de

Совѣты легче давать, чѣмъ выполнять. Къ чтенію серьезному, «вызывающему на размысленіе», нужно подготовиться; какъ ни увлекателенъ Монтеस्कье, какъ ни интересенъ Бэль, но за ними легко уснуть непривычному къ подобному чтенію. Екатерина, сверхъ того, была стѣснена въ выборѣ книгъ ¹⁾: никакой бібліотеки во дворцѣ не было, приходилось прибѣгать къ помощи постороннихъ лицъ для получения книгъ, что было особенно затруднительно послѣ того, какъ Адодуровъ пересталъ преподавать русскій языкъ великой княгинѣ: окружавшія же Екатерину лица и сами ничего не читали, кромѣ романовъ. Съ романовъ и начала Екатерина. «Послѣ замужества я много читала. Первая книга, которую я прочла, будучи уже замужемъ, былъ романъ «*Tyrان le blanc*» и въ теченіе пѣлаго года я ничего не читала, кромѣ романовъ» ²⁾.

Екатерина не называетъ другихъ романовъ, кромѣ «*Tyrان le blanc*», но, судя по тому, что она вслѣдъ за этимъ прибавляетъ: «эти романы стали мнѣ надоѣдать», можно догадываться, что она читала растянутые, скучные романы Лакальпренеда, многотомныя писанія «десятой музы», дѣвицы Скюдери, быть можетъ, романъ «*Astrée*» родоначальника буколическихъ повѣстей Дурфэ и навѣрное прочла знаменитый романъ «*Les amours pastorales de Daphnis et Chloé*» въ переводѣ Jacques Amyot ³⁾.

la maison. Графиня прибавляетъ: Je tiens toutes ces particularités de mon oncle, à qui l'impératrice les a racontés elle-meme. Авторъ «Воспоминаній» — графиня Варвара Николаевна Головаина; ея отецъ князь Николай Федоровичъ Голицынъ, 1728—1780, былъ женатъ на Прасковѣ Ивановнѣ Шуваловой, родной сестрѣ И. И. Шувалова.

¹⁾ Этому, повидимому, противорѣчитъ указаніе самой Екатерины, что она уже въ 1744 году, въ Москвѣ, покупала себѣ книги—je m'achetais des livres (*Mémoires*, 28). Это указаніе, однако, едва-ли справедливо: въ Москвѣ того времени не было книжныхъ лавокъ, и какія книги могла она покупать? Въ то время она еще только училась по русски, и Адодуровъ снабжалъ ее книгами изъ академической бібліотеки. — ²⁾ *Mémoires*, 74. Намъ не удалось познакомиться съ этимъ романомъ, мѣсто дѣйствія котораго было, вѣроятно, въ новомъ свѣтѣ, такъ какъ собственно *tyran le blanc*—*tyrannus albus*, изъ породы свинныхъ птвицъ, въ Америкѣ.

³⁾ Греческій софистъ Ловгъ, IV или V вѣка, написалъ пастушескій романъ, въ 4-хъ книгахъ, «*Ποιμενικά*» или «*Pastoralia*», посвященный любви пастушка Дафна и пастушки Хлои. Лучшее изданіе подлинника у *Hercher, Scriptores erotici graeci*. Lpz. 1858. Юнгерманъ и Гюз издали два латин-

Пастушекъ Дафнѣ и пастушка Хлоя любили другъ друга, не подозрѣвая, что любовь не ограничивается поцѣлуями и обнима- ніями; сострадательная сосѣдка сжалилась надъ красавцемъ Даф- номъ и преподала ему первый урокъ любви, но при этомъ расска- зала, чего будетъ стоить этотъ урокъ Хлоѣ, почему Дафнъ и не рѣшается подвергнуть свою возлюбленную пастушку подобнымъ неприяностямъ. Какъ въ современной опереткѣ, влюбленные пасту- шекъ и пастушка оказываются сыномъ и дочерью богатыхъ ро- дителей; какъ въ опереткѣ, все оканчивается свадебнымъ пиромъ, «*aprez quoy Chloé cognut bien que se qu'ilz faisoient paravant de- dans les bois et emmy les champs n'estoyent que jeux de petitiz en- fans*». Въ настоящее время только немногіе изъ мушкетѣровъ чита- ли этотъ романъ греческаго софиста Лонга; въ прошломъ вѣкѣ не было ни женщины, ни дамы, ни даже барышни, которая не читала бы «*Les amours de Daphnis et Chloé*». Эта циническая «*Postoralia*» была переведена на всѣ языки, выдержала много изданій и въ 1718 году появилось роскошное изданіе со множествомъ картинъ, столь же неприличныхъ. Урокъ любви—образецъ цинизма пасту- шеской наивности ¹⁾).

Въ «*Astrée*» маркиза Дюрфэ выведенъ пастушекъ Селадонъ, бросающійся въ воду вслѣдствіе холодности своей пастушки и оста- ющійся холоднымъ предъ прелестями трехъ спасшихъ его нимфъ, причѣмъ довольно безцеремонно описана сцена трехъ голыхъ жен- щинъ и ихъ прелестей.

Заслуга г-жи Скюдери заключается именно въ томъ, что она первая рѣшилась очистить романъ отъ всякихъ моральныхъ и нрав- ственныхъ нечистотъ, придать своимъ героинямъ болѣе стыдливости, а героямъ болѣе порядочности. Въ предисловіи къ первому же своему роману «*Ibrahim ou l'illustre Bassa*» она прямо заявляетъ, что

скіе перевода; переводовъ на нѣмецкій, французскій и итальянскій языкъ было нѣсколько. Въ прошломъ вѣкѣ лучший французскій переводъ былъ сдѣланъ Яковомъ Амю; лучшее изданіе—1718 года, s. l., съ рисунками. Мы цитируемъ это послѣднее изданіе.

¹⁾ Apres que Daphnis se fut assis aupres d'elle, qu'il l'eust baisée et se fust couché par terre, Lycoenion le trouvant en estat, le sousleva un peu et se glissa adroitement dessous luy, puis elle le mit dans le chemin qu'il avoit jus- qu'es-là cherché, tout se passa à l'ordinaire, la nature elle-mesme luy ayant appris ce qu'il y avoit de plus à faire. Весь урокъ см. стр. 96—99.

въ ея романахъ нѣтъ ничего, чего дамы не могли бы читать, не попуская глазъ и на краснѣя ¹⁾. Но зато романы г-жи Скюдери нельзя читать не зная, не говоря уже о растянутости романовъ, всѣ ея герои и героини взяты на прокатъ изъ Персіи или изъ Рима, чтобъ изображать французовъ XVII вѣка; интрига романовъ безхитростна, хотя и лишена простоты; рассказъ вялъ, тягучъ; и въ замыслѣ, и въ языкѣ она тщательно избѣгаетъ естественности, искренности, правды.

Романическаго интереса все-таки гораздо больше въ романахъ Лакальпренеда. Для насъ они скучны, даже досадны потому только, что невѣжественный авторъ придалъ имъ историческую основу, изображая въ «Cassandre» раздѣлъ имперіи Александра Македонскаго, въ «Cléopâtre»—последніе дни римской имперіи, въ «Tharagmond»—начало франкской монархіи; но Лакальпренедъ обладаетъ богатымъ воображеніемъ, у него горячее сердце и онъ мѣстами трогаетъ, производитъ впечатлѣніе. Его Артабанъ сталъ тиономъ гордости; онъ не забыть до сихъ поръ, какъ памятенъ всѣмъ и Саладошъ; между тѣмъ какъ отъ г-жи Скюдери не осталось ничего, все забыто.

Быть можетъ, Екатерина читала и другіе романы—«Poléxandre» или «Alcidiane» Гомбервилля, «Polombe» Понкарре, «Rucelle» Шапелэна, «Moïse sauvé» Сентъ-Амана, «Clovis» Демарэ. «Saint-Louis» Ле-Муана и т. п. ²⁾—въ прозѣ или въ стихахъ, все

¹⁾ Vous y verrez, lecteur, la bienséance des choses et des conditions assez exactement observée, et je n'ay rien mis en mon livre, que les dames ne puissent lire sans baisser les yeux et sans rougir. Préface d'Ibrahim Bassa, p. IV. Этотъ первый ея романъ, появившійся въ 1641 г. единственный одготомный; слѣдовавшіе за нимъ, въ 1650 г. Artamène ou le grand Cyrus въ 10-ти томахъ, въ 1656 г. Clélie, histoire romaine въ 10-ти томахъ.

²⁾ Не упоминаемъ ни «Zaïde», ни «Princesse de Cleves» г-жи Лафайетъ, такъ какъ Екатерина не читала ихъ въ это время. Почти одновременно съ составленіемъ своихъ «Записокъ», Екатерина составила краткій каталогъ книгъ, наиболѣе ею цѣнимыхъ, и послала его сыну при запискѣ: «Si quelqu'un de vous autres, mari, femme ou enfans, nés ou à naître, serez tentés de ce que contient le catalogue ci-joint, on m'en avertira de bouche»; въ этомъ каталогѣ отмѣчено всего 34 названія и, въ томъ числѣ, на 8-мъ мѣстѣ, вслѣдъ за письмами г-жи де Севинь, названъ романъ «La princesse de Cleves» (Русс. Старина, IX, 48). Еслибъ Екатерина читала его «въ первый годъ по замужествѣ», она указала бы это въ «Запискахъ», какъ указала «Les lettres de M-me de Sevigné».

равно, впечатлѣніе, вынесенное ею изъ этого чтенія было вѣрно: романы эти прискучили ей въ какойнибудь годъ. Это впутываніе героевъ классической древности въ романическіе вымыслы времени далеко не классическаго. это навязываніе библейскимъ типамъ чуждыхъ имъ идей, это смѣшеніе вѣковъ и понятій вело къ фальши, которая бросалась въ глаза, нисколько не искупалась изящной формой и не могла не надоесть; вынести изъ чтенія подобныхъ романовъ чтонибудь, кромѣ скуки, невозможно. Екатерина, еще дѣвочкой, съ своею М-ле Кардель, читавшая Корнеля, Расина и Мольера, не могла, конечно, удовлетвориться какимънибудь Шапелэномъ или Демарэ. Они принесли ей, однако, свою долю пользы, и весьма существенную—они приучили ее читать, быть всегда съ книгою, интересоваться литературой. Теперь она уже не расстаётся съ книгою: оставаясь одна въ комнатѣ; она читаетъ. «все, что попадетъ подъ руку»; на прогулкѣ у нея книга въ карманѣ и, въ свободную минуту, она ее читаетъ. И выборъ книгъ, и время чтенія совершенно случайны: она читаетъ ту книгу, которая попадетъ на глаза, читаетъ тогда, когда ей никто не мѣшаетъ ¹⁾).

«Случайно мнѣ попались «Lettres de M-me de Sevigné»: это чтеніе заинтересовало меня», говоритъ Екатерины ²⁾). Эти письма и въ настоящее время читаются съ большимъ интересомъ и вѣроятно, навсегда сохранять массу читателей не въ одной только Франціи. Простой, живой слогъ; здравыя, правдивыя мысли: ясный, открытый взглядъ и разлитая во всѣхъ письмахъ гуманность сужденія и искренность чувства—вотъ что плѣняетъ въ «Письмахъ г-жи Савиньё». 18-ти-лѣтняя Марія Рабютэнъ-Шанталь вышла въ 1644 году замужъ за маркиза де-Севиньё и 25-ти лѣтъ овдовѣла. Она была богата, красива, образована и умна: она отвергла всѣхъ искателей ея руки, посвятивъ себя исключительно воспитанію сына и дочери, особенно дочери, которую обожала. Когда дочь вышла замужъ за Граньяна и уѣхала на югъ Франціи, такъ какъ мужъ ея былъ губернаторомъ Прованса, мать утѣшала себя бесѣдою съ дочерью въ письмахъ. Она писала не для печати—Севиньё умерла въ 1696 году, а письма ея впервые появились въ

¹⁾ *Mémoires*, 77. 145. — ²⁾ *Mémoires*, 74.

печати только въ 1726 году—писала что видѣла, что думала, что говорила, и, какъ живая, встаетъ она передъ нами въ своихъ письмахъ: умная, веселая, всегда правдивая, честная, никогда нерисованная, остроумная безъ всякой желчи, религіозная безъ малѣйшаго ханжества, менѣе всего сплетница и, прежде всего, огромный литературный талантъ. Екатерина, по ея собственному выраженію, «пожирала» письма г-жи Севиньё, и это понятно: въ нихъ она встрѣтила много сочувственныхъ, родныхъ ей чертъ—правдивость, непринужденность, веселость. Послѣ скучныхъ, дѣланыхъ романовъ Скюдери и Лакальпренеда, простые, живыя письма Севиньё произвели глубокое впечатлѣніе на юную Екатерину; еще болѣе своими внутренними достоинствами, чѣмъ внѣшними, болѣе содержаніемъ, чѣмъ языкомъ. Эти письма успокоиваютъ, облагораживаютъ, возвышаютъ читателя, даже необращающаго вниманія на прелестную форму, въ которую они вылиты.

Вслѣдъ за письмами Севиньё, въ 1746 году, Екатерина впервые прочла одно изъ произведеній Вольтера, которое, однако, не произвело на нее большого впечатлѣнія ¹⁾. Въ два слѣдующіе года,

¹⁾ Les oeuvres de Voltaire me tomberont sous la main. Après cette lecture je cherchai des livres avec plus de choix (*Mémoires*, 74). Мы не можемъ довѣрять этому показанію Екатерины. Въ 1763 г., въ первомъ своемъ письмѣ къ Вольтеру, Екатерина, желая вызвать его на переписку, льститъ ему, говоря: Je reux vous assurer que depuis 1746, que je dispose de mon temps, je vous ai les plus grands obligations. Avant cette époque je ne lisais que des romans, mais par hasard vos ouvrages me tombèrent dans les mains: depuis je n'ai cessé de les lire et n'ai voulu d'aucuns livres qui ne fussent aussi bien écrits, et où il n'y eût autant à profiter. Mais où les trouver? Je retourne donc à ce premier moteur de mon goût et de mon plus cher amusement etc. Какъ письмо къ Вольтеру—это очень хорошо, но оно никуда не годится, какъ историческій матеріалъ: мы знаемъ, со словъ самой же Екатерины, что она прочла послѣ 1746 г. очень много сочиненій, самыхъ разнообразныхъ, и, въ томъ числѣ, только одно историческое сочиненіе Вольтера, прочла уже послѣ рожденія Павла Петровича и все же не могла даже вспомнить его названіе (*Mémoires*, 225). Спустя 20 лѣтъ, Екатерина, другими словами, но то же записываетъ и въ свои мемуары. Между тѣмъ, въ 1746 г. нельзя еще было говорить о «Oeuvres de Voltaire», какъ сорокъ лѣтъ спустя; къ тому же Екатерина довольно точно обозначаетъ читаемыя ею сочиненія, даже Перефикса и Барра; отчего же въ этомъ случаѣ она даже не умѣетъ назвать, какое именно сочиненіе Вольтера она читала въ 1746 году, а въ 1754 г. называетъ невѣрно? *Гротъ*, 120; *Врикнеръ*, 739; *Диринъ*, 131.

въ 1747 и 1748 гг., она прочла два историческіе труда — извѣстную «Исторію Генриха Великаго» Перефикса и только-что вышедшую тогда «Исторію Германіи» о. Барра — и такъ понравившіяся ей записки Брантома.

Жизнь Генриха IV, частная и публичная, какъ человѣка, вождя партіи и государя, представляетъ рядъ чисто драматическихъ положеній и въ высшей степени способна возбудить интересъ, привлечь вниманіе. Глава протестантовъ, онъ женится на Маргаритѣ Вагуа, влюбленной въ герцога Гиза, и этотъ бракъ даетъ сигналъ къ варооломеевской ночи: гугенотъ, онъ отрекается отъ протестантизма и, ставъ католикомъ, издаетъ нантскій эдиктъ; онъ сознаетъ, что Медичи пагубны ему, народу. Франціи, и женится на Маріи Медичи, вслѣдъ за коронованіемъ которой онъ былъ убитъ Равальякомъ; веселый, развратный, необузданный, онъ усмиривъ гражданскія смуты въ королевствѣ, развилъ промышленность, поднявъ торговлю, возвеличилъ французскую націю и высоко поднялъ значеніе монархической власти. Епископъ Перефиксъ написалъ очень хорошую для своего времени «Исторію Генриха Великаго»¹⁾; она составлена довольно обстоятельно и изложена съ чувствомъ, съ увлеченіемъ. Авторъ видитъ въ своемъ героѣ челоѣвка великаго, но казнить его за увлеченіе женщинами²⁾; онъ рисуетъ его геніальнымъ политикомъ, восторгается имъ, когда рассказываетъ,

¹⁾ Hardouin de Beaumont de *Péréfixe*, наставникъ Людовика XIV, членъ французской академіи, издалъ, въ 1661 году, «Histoire de Henry le Grand», въ 1662 г. сталъ архіепископомъ парижскимъ и въ 1670 г. умеръ. Его сочиненіе выдержало много изданій и было любимымъ чтеніемъ французскаго общества прошлаго вѣка. Но его не читалъ г. *Дюринъ*, напечатавшій буквально слѣдующее: «Екатерина читала жизнь Генриха IV, извѣстное сочиненіе Перефикса—Hardouin de Beaumont», а потомъ записки Брантома» (132). —

²⁾ Il seroit à souhaiter pour l'honneur de sa mémoire qu'il n'eût eu que le défaut de jeu. Mais cette fragilité continuelle qu'il avoit pour les belles femmes en estoit un autre bien plus blasmable dans un prince chrestien, dans un homme de son âge, qui estoit marié, à qui Dieu avoit fait tant de graces et qui rouloit tant de grandes entreprises dans son esprit. Quelquefois il avoit des desirs qui estoient passagers, et qui ne l'attachoient que pour une nuit; mais quand il rencontroit des beautez qui le frapportoient au coeur, il aimoit jusqu'à la folie et dans ces transports il ne paroissoit rien moins que Henry le Grand. La fable dit qu'Hercule prit la quenouille et fila pour l'amour de la belle Omphale: Henry fit quelque chose de plus bas pour ses maitresses. Il se

что «вечеромъ того же дня, какъ Парижъ открылъ ему свои ворота, оцъ игралъ въ карты съ герцогиней Монпансье, изъ дома Гизовъ, страстной приверженницей католической лиги» ¹⁾, и признаеть, что несчастная семейная жизнь помѣшала ему оказать величайшую услугу христіанскому міру изгнаніемъ турокъ изъ Европы ²⁾. Во всемъ сочиненіи Перефикса видна рука духовнаго лица, но лица умнаго, получившаго хорошее для своего времени образованіе.

Благодаря, отчасти, Перефиксу, Генрихъ IV сталъ любимымъ героемъ Екатерины. Она вспоминала его всякій разъ, когда хотѣла указать на великаго полководца, «примѣрнаго» государя, умнаго чловѣка. Она просила Фальконета достать ей портретъ Генриха IV, желала имѣть его бюстъ; она писала Вольтеру, что желала бы «встрѣтиться на томъ свѣтѣ» съ Генрихомъ IV, котораго она «такъ высоко цѣнитъ»; когда революціонное движеніе охватило Францію, она не переставала указывать принцу Де-Линю, герцогу Брольи, графу д'Артуа, что только политика Генриха IV можетъ спасти Францію ³⁾.

Въ это же время, въ 1748—1749 гг., Екатерина читала записки Брантома, «которыя меня очень занимали». Признаніе чрезвычайнао важное, и вотъ почему:

Брантомъ принадлежать къ старинному роду Бурдель. ⁴⁾ и про-

travestit un jour en païsan et chargea un fardeau de paille sur son cou pour pouvoir aborder Madame Gabrielle; et l'on dit que la marquise de Verneuil l'a vu plus d'une fois à ses pieds essayer ses dedains et ses injures. *Pérefixe*, 461.

¹⁾ *Pérefixe*, 225. — ²⁾ L'ennuy et le déplaisir des brouilleries domestiques retardoient assésément l'exécution du grand dessein qu'il avoit formé pour le bien et le repos perpetuel de la Chrestienté et pour la destruction en suite de la puissance Ottomane. *Pérefixe*, 463. — ³⁾ *Сборникъ*, XVII, 36, 40; X, 407; XIII, 377; XXIII, 479, 480, 488; 557, 558, 570, 572, 582; XLII, 81. 205, 206, 209; *Русс. Архивъ* за 1869, 206; за 1866, 399.

⁴⁾ Pierre de Bourdailles, seigneur de *Brantôme*, 1540—1614, авторъ слѣдующихъ шести сочиненій: *Vies des hommes illustres et grands capitaines français*, *Vies des grands capitaines étrangers*, *Vies des dames illustres françaises et étrangères*, *Vies des dames galantes*, *Les anecdotes touchant les duels*, *Les rodomontades et juremens des espagnols*. Въ эти сочиненія были изданы уже послѣ смерти автора. Не смотря на безпрестанныя указанія: j'ai vu, j'étois là, je tiens ça des anciens de la cour, или j'ay ouy dire, онъ

велъ всю свою жизнь при различныхъ дворахъ XVI вѣка. Онъ воспитывался при дворѣ Маргариты Наваррской, сестры Франциска I; всю молодость провелъ при дворѣ Гизовъ, былъ камергеромъ герцога Орлеанскаго; на его глазахъ умеръ Карлъ IX; онъ присутствовалъ при коронованіи Генриха III. Брантомъ много путешествовалъ: былъ въ Италіи и Швейцаріи, на о Мальтѣ и въ Англіи, извѣздилъ всю Францію; онъ былъ хорошо образованъ: зналъ латинскій языкъ, свободно говорилъ по-итальянски, по-испански, много читалъ и владѣлъ перомъ не хуже чѣмъ пиагою; какъ воинъ, онъ принималъ участіе въ междоусобныхъ распряхъ своего времени и, какъ аббатъ, этотъ свѣтскій «*général père en Dieu abbé de Brantôme*», посѣщавшій будуары всѣхъ придворныхъ красавицъ, провелъ послѣдніе годы жизни въ своемъ аббатствѣ, гдѣ написалъ нѣсколько томовъ воспоминаній изъ своей бурной жизни, въ видѣ краткихъ біографій. Его внутренній образъ весь вылился въ его писаніяхъ, въ которыхъ онъ является сыномъ своего вѣка и своей среды: онъ не отличаетъ добра отъ зла; какъ придворный, вскормленный въ покояхъ луврскаго дворца, онъ преклоняется предъ сильными міра сего и рассказываетъ ихъ пороки и преступления, не отдавая себѣ даже отчета хорошо, или дурно они поступали. Онъ вполне равнодушенъ и къ женской чести, и къ мужской морали; онъ спокойно рассказываетъ ужасныя преступленія, не придавая имъ особаго значенія, называетъ «добрымъ» короля Людовика XI, отравившаго своего брата, и провозглашаетъ дамъ высшаго общества «цѣломудренными», рассказывая о нихъ такія гадости, которыя нельзя читать безъ омерзенія. Тѣмъ рельефнѣе, конечно, выдаются и производятъ еще большее впечатлѣніе тѣ страницы, въ которыхъ онъ описываетъ суровость «великаго конетабля» Мемморанси, честность канцлера Лопиталья, несчастія Маріи Стюартъ: но такіе страницы очень немногія у Брантома.

Екатерина не говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что именно она читала изъ сочиненій Брантома, и мы можемъ только догадываться, что она прочла біографіи военачальниковъ, французскихъ и ино-

очень неточенъ въ своихъ показаніяхъ; какъ гасконецъ, онъ очень хвастливъ; но, въ общемъ, представленная имъ картина французскаго общества XVI стол. довольно вѣрна.

странныхъ, и жизнеописанія знаменитыхъ дамъ; богѣе распространенное въ прошломъ вѣкѣ жизнеописаніе «веселыхъ» дамъ едва-ли могло въ то время попасть въ ея руки. Что Екатерина могла вынести изъ этого чтенія? Очень много для нея новаго, много невѣроятнаго, что слободно было не только занять, но и увлечь. Она узнала, что Карлъ V хотѣлъ сдѣлать папскую тиару наслѣдственною въ своемъ родѣ ¹⁾; она прочла, въ біографіи Монгомери, что развратъ нисколько не мѣшаетъ быть великимъ полководцемъ ²⁾; въ жизнеописаніи «La seconde reine Jeanne» ей доказывали, что супружеская вѣрность не только излишня, но преступна для высокопоставленныхъ дамъ ³⁾; Екатерина призадумалась, вѣроятно, надъ біографіей «Madame Jeanne de France», гдѣ выставлены «des maris inhabiles et impotents». Въ цѣломъ рядѣ картинъ, богѣе или менѣе соблазнительныхъ, со всевозможными подробностями, рисовалась безнаказанность преступныхъ дѣяній, оправдывался успѣхъ, не смотря на цѣну, которою онъ былъ достигнутъ, восхва-

¹⁾ S'il eût pu accomplir un dessein qu'il avoit de se faire pape, comme il vouloit, il eût encore mieux éclairé le monde, comme étant tout divin; mais il ne le put pas par les voix de cardinaux.. s'il eût en encore des forces du corps comme de son esprit, il fût allé jusques à Rome avec une puissante armée, pour se faire élire par amour ou par force... il vouloit rendre le papat héréditaire (chose pour jamais non ouïe) en la maison d'Autriche. *Capit. étrang.* I, 36.— ²⁾ Montgomeri estoit le plus nonchalant en sa charge et aussi peu soucieux qu'il estoit possible. car il aimoit fort le vin, le jeu et les femmes: mais quand il avoit une fois le cul sur la selle, c'estoit le plus vaillant et le plus vaillant capitaine qu'on eust seeu voir. *Cap. étrang.*, II, 234.— ³⁾ Ceste reine laissa un bruit de femme impudique, comme de qui l'on disoit qu'elle estoit toujours amoureuse de quelqu'un, ayant, par plusieurs sortes et avecques plusieurs, fait plaisir de son corps. Mais pour cela, c'est le vice le moins blasmable à une reine, grande princesse et belle, qui soit point.. Les belles et grandes dames et princesses devoient ressembler le soleil, qui respand de sa lueur et de ses rayons à un chacun de tout le monde, si bien qu'un chacun s'en ressent. Tous de mesmes doivent faire ces grandes et belles, en prodigant de leur beauté et de leur grâces à ceux qui en bruslent.. Telles belles et grandes dames, qui peuvent beaucoup contenter le monde, soit par leurs douceurs. soit par leurs paroles, soit par leurs beaux visages, soit par frequentations, soit par infinies belles demonstrations et signes, ou soit par les beaux effects. qui est plus à preferer, ne se doivent nullement arrester à un amour, mais à plusieurs; et telles inconstances leur sont belles et permises. *Dames illustres*, 434.

лялись самые низкіе инстинкты, прославлялись самыя безсовѣстныя цѣли, уничтожалось всякое различіе понятій между добромъ и зломъ. Если подобныя записки «очень занимали» Екатерину, то надо полагать, что эта занимательность происходила отъ совершенно новыхъ для нея взглядовъ, отъ соображеній вполне оригинальныхъ. И еще чуждыхъ.

Отъ игривыхъ до безстыдства разсказовъ Брантома къ «Всеобщей исторіи Германіи» отца Барра ¹⁾—переходъ довольно рѣзокъ. Екатерина говоритъ, что читала «по одному тому Барра въ недѣлю», и «отъ скуки» трудно прочесть болѣе: это толстыя томы, въ четверку, довольно легко изложенныя, но тѣмъ не менѣе представляющіе весьма серьезное чтеніе. Екатерина читала «Всеобщую исторію Германіи» въ Москвѣ, въ 1749 году, когда трудъ Барра, только-что появившійся въ Парижѣ въ 1748 г., представлялъ новинку, и въ Москвѣ, особенно же при дворѣ, вѣроятно, кромѣ великой княгини, никого не интересовалъ—она могла читать не торопясь. Сочиненіе о Барра—первое на французскомъ языкѣ, обнимающее историческія судьбы Германіи съ древнѣйшихъ временъ до 1740 года; это чисто прагматическое изложеніе не только гражданской и военной, но и церковной исторіи Германіи.

Едва-ли Екатерину могли заинтересовать первые томы, древнѣйшая исторія Германіи. Не смотря на весьма талантливый сводъ извѣстныхъ въ то время розысканій и изслѣдованій, самый предметъ разсказа, со всѣми подробностями, скучными до утомленія, мало интересенъ даже и для нѣмки. Въ общихъ чертахъ, Екате-

¹⁾ *Histoire générale d'Allemagne, par le p. Barre, chanoine régulier de Sainte-Geneviève et chancelier de l'université de Paris. Dedié au roy de Pologne Auguste III. Paris, 1748, X vis.* Въ нашей Публичной Библиотецѣ хранится экземпляръ, переданный изъ эрмитажной библиотеки—тотъ самый, вѣроятно, которымъ пользовалась Екатерина. Къ сожалѣнію, имъ не пользовался никто изъ писавшихъ о Екатеринѣ. Я. Гротъ намѣнилъ даже имя автора и, не довѣряя Екатеринѣ, пишетъ *Barri*; довѣряя г. Гроту, всѣ повторяютъ эту ошибку. Составляя свои «Записки» много лѣтъ спустя, Екатерина ошиблась, говоря, что читала *девять* томовъ (*Mémoires*, 107), и всѣ повторяютъ эти злополучные «девять томовъ», не подвѣривая, что ихъ не девять, а одиннадцать, такъ какъ восьмая часть въ двухъ томахъ. *Гротъ*, 121; *Брикнеръ*, 741; *Диринъ*, 133; *Brückner*, 38, осторожно называетъ сочиненіе «многотомнымъ».

рина, конечно знала уже древнѣйшую исторію своей родины, мелкія же подробности едва ли могли занимать ее. Интересъ возрасталъ только по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени и, вѣроятно, послѣдніе томы произвели на великую княгиню наибольшее впечатлѣніе. Начиная съ восьмага тома, встрѣчаются уже ея предки, герцоги Голштинія, судьбою которыхъ она не могла не интересоваться. Чѣмъ дальше, тѣмъ интереснѣе: образование прусскаго королевства, осада русскими роднаго ея Штетина, захватъ Шлезвига датчанами, осада Данцига, бѣгство изъ него Станислава Лепцинскаго ¹⁾—событія, знакомыя ей по рассказамъ, слышаннымъ еще въ дѣтствѣ, въ штетинскомъ замкѣ. Со вниманіемъ прочла она о подвигахъ предводителя католической лиги въ Германіи, опозорившаго славное имя Тилли магдебургскими жестокостями, о военномъ талантѣ принца Евгенія, этого героя, «*jamais vaincu, toujours vainqueur*» ²⁾; съ интересомъ слѣдила Екатерина за первыми шагами своихъ современниковъ—за «сыномъ любви» графомъ Морицомъ Саксонскимъ, другомъ Адриенны Лекуверрь, за Маріей-Терезіей, дочерью Прагматической Санкціи, за Фридрихомъ II, начавшимъ свое царствованіе захватомъ Силезіи. Она никого не видѣла изъ этихъ лицъ, но о Морицѣ графѣ Саксонскомъ много слышала въ Петербургѣ, а въ судьбѣ Маріи-Терезіи и Фридриха II сама играла позже весьма видную роль. Графъ Саксонскій покинулъ Петербургъ за годъ почти до пріѣзда Екатерины, когда онъ хлопоталъ о своемъ избраніи въ герцоги курляндскіе, и вскорѣ затѣмъ побѣдами при Фонтенуа и Роккурѣ, Бергъ-он-Цомѣ и Мاستрихтѣ заставилъ говорить о себѣ. Въ сочиненіи о Барра Екатерина прочла не только прагматическую санкцію, но и сильную рѣчь курфюрта баварскаго ³⁾, дававшую уже предчувствовать тяжелые годы Маріи-Терезіи, начавшіяся потерей Силезіи; она познакомилась въ этомъ трудѣ съ непримѣримымъ антагонизмомъ между Австріей и Пруссіей, узнала государственный строй «римской имперіи германской націи», поддерживаемый Франціею и Швеціею, изучила силу и значеніе имперскихъ князей и, какъ женщина, получила инстинктивное отвращеніе къ прусскому

¹⁾ *Barre*, X, 400, 674, 775, 842. — ²⁾ *Barre*, IX, 623, X, 882. — ³⁾ *Barre*, X, 763, 796, 810, 933.

королю, которое позже выразила такъ рельефно. Ставъ императрицей, Екатерина доказала, своими отношеніями къ Германіи, что хорошо знакома съ ея исторіею, и этимъ она была обязана, прежде всего, о. Барру.

Екатерина читала въ это время тѣ книги, которыя «вонадались подъ руку»: изъ Парижа прислали только-что вышедшіе одиннадцать томовъ «Histoire générale d'Allemagne» — ими никто не интересуется, она беретъ ихъ и «отъ скуки» читаетъ. Изъ книгъ, прочитанныхъ ею въ первыя десять лѣтъ пребыванія въ Россіи, только относительно «Словаря» Бэля сохранилось указаніе, что чтеніе его было ей рекомендовано. Дѣйствительно, романы, письма Севиньё, сочиненіе Перефикса и рассказы Брантома могли попастьъ подъ руку, но «Словарь» Бэля, эти четыре огромные фоліанта, нужно было искать, пріобрѣсть, добыть, особенно въ Россіи того времени. Можно-ли читать «Словарь» Бэля? Его можно изучать ¹⁾, имъ можно пользоваться, какъ справочною книгою по вопросамъ культуры и особенно литературы ХVІІ стол., но какъ же читать? Между тѣмъ Екатерина, по совѣту людей, которымъ она довѣряла, прочла этотъ «Словарь», отъ А до Z: она начала его читать въ 1751 году, употребляла на каждый томъ около полугода и, лѣтомъ 1753 года, когда спорѣлъ московскій дворецъ, оканчивала послѣдній, четвертый томъ. Что же прочла она въ этомъ словарѣ?

Сынъ пастора, протестантъ Петръ Бэль еще на школьной скамьѣ, въ пюи-лоранской академіи, проявилъ сомнѣніе по всѣмъ вопросамъ, которые представлялись его 19-тилѣтнему уму, съ юношескимъ увлеченіемъ искавшему истины. Въ тулузскомъ универси-

¹⁾ *Lenient*, Etude sur Bayle, Paris, 1855, дѣйствительно, изучилъ «Словарь» Бэля, который составленъ такъ, что Екатерина не могла читать его: не говоря уже о длинныхъ цитатахъ латинскихъ и греческихъ, безъ перевода на французскій языкъ, основная мысль заключается въ указаніи ошибокъ, вравшихся въ книги и въ пополненіи пропусковъ, встрѣчающихся въ нихъ, почему словарь и названъ «критическимъ». Ne seroit-il pas à souhaiter, говоритъ Бэль, qu'il y eût au monde un «Dictionnaire critique», auquel on put avoir recours, pour être assuré si ce qu'on trouve dans les autres dictionnaires et dans toute sorte d'autres livres est véritable? C'est seroit la pierre de touche des autres livres. Сверхъ того, «Словарь» посвященъ преимущественно обсужденію вѣроисповѣдныхъ контроверзъ и философскихъ ученій, что также было недоступно Екатеринѣ.

теть эти сомнѣнія привели его къ перемѣнѣ вѣры—въ 1669-мъ году Бэль перешелъ въ католичество. Но и въ католицизмѣ скептической умъ Бэля не нашелъ успокоенія: хорошо ознакомившись съ ученіемъ католической церкви, Бэль, сравнивая протестантство и католичество, отдалъ преимущество протестантству и въ 1670-мъ же году снова покинулъ католичество, не переставая сомнѣваться ни въ протестантизмѣ, ни въ католицизмѣ. Онъ былъ всесторонне образованъ, свободно писалъ по-латыни, легко понималъ греческихъ авторовъ, прошелъ высшій курсъ философіи, много читалъ, свѣтло мыслить, обладалъ изумительною памятью и былъ невѣроятно трудолюбивъ. Съ 1675 г. Бэль преподавалъ философію въ седанскомъ университетѣ: когда, въ 1681 г., протестантскіе университеты были закрыты, Бэль переселился въ Роттердамъ, гдѣ продолжалъ преподавать философію. Къ этому году относится первое его сочиненіе—о кометѣ ¹⁾—въ которомъ онъ съ безпощадною логикою и неотразимою аргументаціею доказывалъ, что «кометы никоимъ образомъ не предвѣщаютъ несчастія». Въ XVII стол. эта мысль была на столько еретическою, что возбудила противъ автора цѣлую бурю, отъ которой, казалось, только крѣпкіи и закалялись его сужденія. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ его направление выступало все рельефнѣе и отчетливѣе, вызывая все большія нападки противной стороны: его «*Critique générale de l'histoire du calvinisme de Mr. Maimbourg*» была сожжена въ Парижѣ на Гревской площади; его журналъ «*Nouvelles de la République des Lettres*», въ которомъ онъ давалъ отчетъ о всѣхъ литературныхъ новостяхъ, представлялъ широкое поприще для выраженія новыхъ взглядовъ, для бичеванія предрассудковъ, для проповѣди сомнѣнія и противорѣчія, но, въ то же время, увеличивалъ число его враговъ, ожесточалъ старовѣровъ. Въ 1685 г., вслѣдъ за отиѣной нантскаго эдикта, Бэль издалъ брошюру «*Ce que c'est que la France toute catholique sous le regne de Louis*

¹⁾ Eette — à M. L. A. D. C. docteur de Sorbonne. Oû il est prouvé par plusieurs raisons tirées de la philosophie et de la théologie que les comètes ne sont point le présage d'aucun malheur. Avec plusieurs réflexions morales et politiques et plusieurs observations historiques, et la réfutation de quelques erreurs populaires. Cologne, 1682. Какъ въ большей части сочиненій Бэля, здѣсь нѣтъ имени автора и мѣсто печатанія показано умышленно невѣрно.

le Grand», въ которой доказывалъ, что «попы и монахи всюду вносятъ съ собою раздоръ, возмущеніе и жестокость», и проповѣдовалъ необходимость терпимости. Въ чисто полемической «La sabale chimérique» разсказаны мерзости, которыми враги Бэля силились отравить его жизнь. Отчетливѣе и полнѣе всего направленіе Бэля выразилось въ его послѣднемъ огромномъ трудѣ «Dictionnaire historique et critique», гдѣ подверглись пересмотру все вопросы морали, философіи, политики, жизни. Иногда парадоксами, чаще логическими доводами. Бэль совлекаетъ съ своего читателя «светлаго человѣка», разрушаетъ его вѣрованія, громить предрассудки, колеблетъ убѣжденія, замѣняя ихъ плодотворнымъ сомнѣніемъ, и проповѣдуетъ невѣріе, прикрывая его широкою терпимостью. Въ этомъ отношеніи Бэль является предтечей Вольтера, а его Dictionnaire—прообразомъ Encyclopédie XVIII вѣка.

Опуская латинскія и греческія цитаты, приводимыя Бэлемъ безъ перевода, Екатерина, вѣроятно, только пробѣгала глазами теологическіе споры, философскія разсужденія и филологическія замѣтки которыми усѣянъ «Словарь»; она сосредоточивала вниманіе на матеріалѣ ей доступномъ, и этого матеріала оказалось такъ много, что требовалось около полугода для прочтенія каждаго тома. Въ «Словарѣ» Екатерина встрѣтила много совершенно новыхъ для нея понятій, а старыя представились въ совершенно новомъ освѣщеніи. Здѣсь она узнала, что при перемѣнѣ вѣры, даже самое искреннее, нѣтъ надобности ни отвергать все, чему учило старое исповѣданіе, ни принимать все, что проповѣдуетъ новое; она впервые прочла новый для нея политическій догматъ о верховныхъ правахъ народа (la souveraineté du peuple), рядомъ съ признаніемъ, что «короли великіе бездѣльники»; бывшая церкостская принцесса увидѣла, какъ французскіе короли низко цѣняютъ браки съ нѣмецкими принцессами: Екатерина убѣждалась, что мораль М-Ше Кардель и истины почтеннаго Вагнера не выдерживаютъ критики Бэля, что традиціи Цербста и обычай Петербурга весьма условны, что какъ въ морали, такъ въ политикѣ и въ жизни нѣтъ ни вѣчныхъ истинъ, ни неоспоримыхъ принциповъ ¹⁾.

¹⁾ Il faut avouer que les rois sont de grands fripons (II, 743). Les maximes de l'art de regner sont contraires à l'exacte probité (III, 170). Ср. I, 40; II, 740 и т. д. Подобныя замѣчанія разсѣяны во всехъ томахъ.

Быть может, Екатерина читала въ это время и другія еще книги, кромѣ указанныхъ выше; быть можетъ, указанныя она читала не въ томъ порядкѣ, какой приведенъ ею-же въ своихъ «Запискахъ»—письма Севиньё прерывались, вѣроятно, романами, «Словарь» Бэля бросался для разсказовъ Брантома. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ самообразованіи Екатерины, выразившемся въ чтеніи, играетъ важную роль 1754 годъ, годъ рожденія ея перваго ребенка: до этого времени она читала Севиньё, Перификса, Брантома и закончила «Словаремъ» Бэля; послѣ 1754 г на ея столѣ явятся произведенія Вольтера, Монтескье, Тацита и, наконецъ, *Encyclopédie*. Изъ этого простаго перечня именъ легко уже видѣть разницу этихъ двухъ періодовъ самообразованія, раздѣленныхъ столь важнымъ для Екатерины событіемъ, какъ рожденіе сына: въ первомъ, разсмотрѣнномъ нами періодѣ, только накоплялся матерьялъ, разработка котораго принадлежитъ уже второму періоду.

XXIII.

Святки 1750 года были особенно оживлены въ Петербургѣ. При дворѣ балы смѣнялись маскарадами и танцамъ не было конца. Одинъ изъ такихъ вечеровъ остался памятенъ Екатеринѣ:

«Въ то время я очень любила танцовать. На большихъ балахъ я обыкновенно раза три мѣняла платье; мои туалеты бывали самые изысканные, и если мое маскарадное платье заслуживало общія похвалы, я ужь его, конечно, болѣе не надѣвала, держась правила, что платье, произведшее уже разъ эффектъ, во второй разъ не произведетъ такого впечатлѣнія. На малые балы, гдѣ публика не присутствовала, я одѣвалась возможно скромнѣе, что нравилось императрицѣ, которая не любила, чтобъ на эти балы являлись слишкомъ разодѣтыми. Зато въ тѣ маскарады, когда дамы являлись въ мужскомъ костюмѣ, а мужчины—въ дамскомъ, я наряжалась въ великолѣпное платье, вышитое по всѣмъ швамъ и съ большимъ вкусомъ, за что не получала выговоровъ—напротивъ: не знаю почему, но императрицѣ это очень нравилось. Надо сознаться, что тогда кокетство было въ большомъ ходу при дворѣ, и всѣ старались перещеголять другъ друга нарядами. Помню, какъ, однажды, узавъ, что для одного изъ такихъ большихъ маскарадовъ всѣ готовили себѣ новыя платья, одно лучше другого, и отчаяваясь перещеголять другихъ, я придумала себѣ корсажъ изъ бѣлаго гротюра (у меня была тогда очень тонкая талія), такую же юбку на маленькихъ фижмахъ; длинные, густые и очень хорошіе волосы я зачесала назадъ, перехвативъ ихъ бѣлою ленточкою «en queue de renard», на голову приколола одну только розу, съ бу-

тономъ и листьями, точно живую, другую розу—къ корсажу: надѣла бѣлый газовый шарфъ, газовыя манжеты, газовый передничекъ, и отправилась на балъ. Едва я вошла, всѣ обратили на меня вниманіе. Я прошла, не останавливаясь, галерею, прямо въ сосѣднія комнаты. Тамъ императрица встрѣтила меня восклицаніемъ: «Боже мой, какая простота! Какъ, даже ни одной мушки!» Я засмѣялась, и сказала, что такъ легче. Она вынула изъ кармана коробочку съ мушками, выбрала одну средней величины и налѣпила мнѣ на щеку. Возвратясь въ галерею, я показала императрицыну мушку не только своимъ дамамъ, но и любимцамъ Ея величества. Это меня развеселило, и я танцовала больше обыкновеннаго. Не помню, чтобъ когда нибудь въ своей жизни я слышала отъ всѣхъ столько похвалъ, какъ въ этотъ вечеръ. Всѣ находили, что я прекрасна, какъ день, и какъ-то особенно прелестна. По правдѣ сказать, я никогда не считала себя очень красивою, но я нравилась, и въ этомъ, полагаю, заключалась моя сила» ¹⁾.

Въ то время эту «силу» чувствовали очень многіе, и только сама Екатерина не сознавала ея. Лѣтомъ 1749 г., когда молодой дворъ ютился въ скучномъ Раевѣ, имѣніи Чоголовыхъ, туда пріѣзжалъ чуть не каждый день малороссійскій гетманъ, молодой графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій—обѣдалъ при великокняжескомъ дворѣ, ужиналъ и возвращался въ свое Петровское, дѣлая ежедневно отъ 40 до 50 верстъ. «Лѣтъ двадцать спустя, говорить Екатерина, мнѣ вздумалось спросить графа, что его заставляло пріѣзжать въ Раево и дѣлать съ нами скучную и глупую жизнь, тогда какъ у него въ Петровскомъ собиралось ежедневно все лучшее общество Москвы. Онъ, не запинаясь, отвѣчалъ: «Любовь». — «Что вы—да въ кого же вы могли быть влюблены у насъ?»—«Въ кого? въ васъ». Я отъ души расхохоталась, потому что въ жизнь свою не подозрѣвала объ этой любви» ²⁾. Ея положеніе, какъ великой княгини, устранило въ то время всякую мысль о возможности любовной интриги, хотя она жила въ атмосферѣ, насыщенной любовными стремленіями. Гофмаршалъ малаго двора, Чоголовъ, въ интригѣ съ фрейлиною Кошелевою; ея гофмейстерина Чоголова—съ княземъ Репнинымъ; при большомъ дворѣ

¹⁾ *Mémoires*, 155. — ²⁾ *Mémoires*, 113.

новый фаворитъ И. И. Шуваловъ; великій князь безъ перерыва влюбляется то въ ту, то въ другую фрейлину. Среди этой обстановки сердце Екатерины оставалось до времени спокойно, и она не имѣла случая провѣрить сердечный крикъ г-жи Скудерн:

Sans employer la langue, il est des interprètes
 Qui parlent clairement des atteintes secrètes:
 Un soupir, un regard, une simple rougeur,
 Un silence est assez pour expliquer un coeur.

Случай вскорѣ предъ аился. Въ 1749 г. Екатерина даже не подозрѣвала, что графъ Рилль Разумовскій именно для нея прѣзжалъ въ Раево; спустя годъ, въ 1750 г., она съ ужасомъ стала замѣчать, что Чоглоковъ относится къ ней съ особеннымъ вниманіемъ: «Прежде всего, онъ мнѣ вовсе не нравился—онъ былъ блондинъ и нахалъ; слишкомъ толстъ и умомъ столько же неповоротливъ, какъ и тѣломъ; его всѣ ненавидѣли, какъ волокиту, и онъ вовсе не былъ любезенъ». Такимъ образомъ, Чоглоковъ отвергнутъ потому только, что не нравился—онъ толстъ, неуклюжъ, нелюбезенъ. Этого нельзя было сказать про графа Захара Григорьевича Чернышева. Молодой камеръ-юнкеръ, умный, веселый, удаленный отъ двора еще по просьбѣ пербстекской княгини, Захаръ Чернышевъ давно уже нравился Екатеринѣ; въ 1751 г. онъ опять появился при дворѣ.

«Онъ началъ съ того—говорить Екатерина, — что сказалъ мнѣ, будто я очень похорошѣла; въ первый разъ въ моей жизни я услышала подобныя рѣчи. Это мнѣ понравилось; мало того: я имѣла малодушіе считать, что онъ говоритъ правду. На каждаго балу какое нибудь новое замѣчаніе въ этомъ же родѣ. Однажды, княжна Гагарина принесла мнѣ отъ него девизу, разламывая которую я замѣтила, что она была уже вскрыта, расклеена. Какъ во всѣхъ девизахъ, въ ней находился печатный билетикъ—это были два стиха, очень нѣжные и чувствительные. Неслѣ объда и приказала принести себѣ девизы и стала искать такого билетика, который, не выдавая меня, могъ бы служить отвѣтомъ, на его билетикъ. Я отыскала такой, вложила его въ девизъ, изображавшій апельсинъ, и отдала княжнѣ Гагариной для передачи графу Чернышеву. На другой день она принесла мнѣ отъ него другой девизъ, но на этотъ разъ на билетикѣ было нѣсколько строкъ его руки; я тотчасъ же отвѣчала, и вотъ между

нами завязалась очень чувствительная переписка. Въ первый же послѣ этого маскарадѣ, танцуя со мною, онъ сказалъ, что хотѣлъ бы о многомъ переговорить со мною, чего не можетъ довѣрить ни бумагѣ, ни девизу, который княжна Гагарина можетъ или сломать въ карманѣ, или утерять; онъ просилъ, чтобы я назначила ему свиданіе въ своей комнатѣ или гдѣ найду болѣе удобнымъ. Я отвѣчала, что это положительно невозможно — комнаты мои недоступны и я сама не могу выходить изъ нихъ. Онъ сказалъ, что, если нужно, готовъ переодѣться лакеемъ; я наотрѣзъ отказала ему, и все ограничилось этою перепискою чрезъ девизы¹⁾.

Да, до времени, и вотъ почему: въ числѣ камергеровъ великокняжескаго двора состояли два брата Салтыковы, сыновья генералъ-адъютанта Василія Федоровича, жена котораго, Марья Алексѣевна, рожд. княжна Голицына, пользовалась особенною милостію Елизаветы Петровны, вслѣдствіе нѣкоторыхъ услугъ, оказанныхъ ею при восшествіи императрицы на престолъ²⁾. Въ глазахъ Екатерины братья являлись противоположностью другъ другу: старшій, Петръ Салтыковъ «былъ дуракъ въ полномъ смыслѣ слова и обладалъ самую глупую фізіономію, какую я когда-либо видѣла въ моей жизни: большіе оловянные глаза, вздернутъ и носъ, ротъ всегда полуоткрытый; ко всему этому онъ былъ странный слетникъ» младшій, Сергѣй Салтыковъ «былъ прекрасенъ, какъ день, и, конечно, никто не могъ съ нимъ равняться даже при большомъ дворѣ, не говоря уже про нашъ. Онъ былъ довольно уменъ и обладалъ тою прелестью обращенія, тѣми мягкими манерами, какія приобрѣтаются жизнью въ большомъ свѣтѣ, особенно при дворѣ. Въ 1752 г. ему было 26 лѣтъ. Вообще и по рожденію, и по многимъ другимъ качествамъ, это была выдающаяся личность. У него были недостатки, но онъ

¹⁾ *Mémoires*, 18, 26, 77, 166. Очень вѣроятно, что вначалѣ эта переписка была, дѣйствительно, вполнѣ невиннаго свойства, но впоследствии она приняла совершенно иной характеръ, если судить о ней по сохранившимся образцамъ Любовныя записочки Екатерины къ гр. Захару Чернышеву, если не всё, то, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія, были найдены задѣланными въ стѣну колокольни, въ томъ селѣ Задонскаго уѣзда, которое нѣкогда принадлежало графамъ Чернышевымъ. Всего найдено 23 записки; онѣ напечатаны, какъ «Любовныя записочки высокой особы XVIII вѣка», въ *Русс. Архивъ* за 1881 г., I, 390. Для характеристики Екатерины весьма важно послѣднее письмо (401).—²⁾ Приложение VI, письмо 14 е.

умѣлъ скрывать ихъ; величайшіе его недостатки заключались въ склонности къ интригѣ и въ отсутствіи строгихъ правилъ; но все это было мнѣ неизвѣстно тогда». Къ тому же родъ Салтыковыхъ «былъ однимъ изъ самыхъ древнихъ и самыхъ знатныхъ родовъ въ Россіи; онъ находился даже въ свойствѣ съ императорскимъ домомъ, такъ какъ мать императрицы Анны Ивановны, царица Прасковья Ѳедоровна, была изъ рода Салтыковыхъ». Въ 1750 г. Сергѣй Салтыковъ женился, по любви, на красивой фрейлинѣ императрицы Матривѣ Павловнѣ Балкъ ¹⁾.

Съ весны 1752 года Екатерина «стала замѣчать, что камергеръ Сергѣй Салтыковъ что-то чаще обыкновеннаго пріѣзжаетъ ко двору»; сверхъ того, онъ началъ всячески подлаживаться къ Чоглоковымъ, а «такъ какъ Чоглоковы вовсе не были ни любезны, ни умны, ни занимательны, то частыя посѣщенія ихъ Салтыковымъ могли быть объяснены только какими нибудь скрытыми цѣлями». Чоглокова была въ это время въ интересномъ положеніи, часто хворала; она просила Екатерину навѣщать ее, а когда великая княгиня приходила къ своей гофмейстеринѣ, она всегда заставляла тамъ Льва Нарышкина, игравшаго роль шута, свою фрейлину княжну Гагарину, нѣсколько придворныхъ дамъ, кавалеровъ и непременно Сергѣя Салтыкова. По вечерамъ, на концертахъ у великаго князя всегда присутствовалъ Чоглоковъ, стѣснявшій всѣхъ—Сергѣй Салтыковъ нашелъ средство обезвредить Чоглокова: онъ открылъ въ немъ удивительный поэтический талантъ, и Чоглоковъ охотно, по первой же просьбѣ, садился въ уголокъ, «чаще всего къ печкѣ», и принимался рифмовать пѣсни; Левъ Нарышкинъ тутъ же подбиралъ мотивъ къ этой чепухѣ, и всѣ приходили, конечно, въ восторгъ, находя стихи безподобными; а пока Чоглоковъ коптѣлъ надъ рифмами, «у насъ шелъ непринужденный разговоръ—всякій говорилъ что хотѣлъ». Копчалась одна пѣсенька, Чоглокова засаживали за другую. Екатерина говорить, что у нее набралась толстая книга этихъ пѣсень—требовалось, значить, довольно часто отвлекать вниманіе Чоглокова.

Въ одинъ изъ такихъ концертовъ, пока Чоглоковъ сочинялъ стишки, Сергѣй Салтыковъ объяснилъ великой княгинѣ настоящую

¹⁾ *Mémoires*. 145—147, 174; *Laveaux*, III, 46.

причину своих частых появлений при дворѣ. Екатерина молча вслушала его признаніе и ничего не отвѣчала. «Когда же онъ въ другой разъ заговорилъ о томъ же, я спросила его, на что онъ рассчитываетъ? Тогда онъ нарисовалъ изѣнительную и страстную картину того счастья, на которое онъ рассчитывалъ. — «А ваша жена, на которой вы женились по страсти, всего лишь два года, въ которую, говорятъ, вы влюблены и она въ васъ — что она скажетъ на это»? Салтыковъ сталъ говорить, что не все то золото, что блеститъ, что онъ дорого заплатилъ за минуту ослабленія. Я употребляла всевозможныя средства, чтобы отвлечь его отъ этого; но мнѣ было жаль его и, по несчастію, я продолжала слушать его». Такъ, желая отдѣлаться отъ его ухаживаній, Екатерина намекнула Салтыкову, что его выборъ очень неудаченъ, и прибавила: «Почемъ вы знаете — можетъ быть, мое сердце уже занято»? Екатерина рассчитывала, что это образумитъ Салтыкова, но ошиблась: «его преслѣдованіе сдѣлалось только еще болѣе настойчивымъ».

Такъ прошла весна и часть лѣта. Въ августѣ Чоголоковъ устроилъ у себя на острову охоту на зайцевъ. «Мы отправились въ шаюлкахъ; тамъ были уже приготовлены лошади. Какъ только вышли на берегъ, я вскочила на лошадь; и мы поскакали за собаками. Сергѣй Салтыковъ улучилъ минуту, когда всѣ были заняты зайцами, подбѣжалъ ко мнѣ и завелъ рѣчь на излюбленную имъ тему. Я слухала его внимательноѣе обыкновеннаго. Онъ рисовалъ мнѣ придуманный имъ планъ, какъ держать въ глубокой тайнѣ то счастье, которымъ можно наслаждаться въ подобномъ случаѣ. Я не проронила ни слова; пользуясь моимъ молчаніемъ, онъ сталъ говорить, что страстно любить меня и просилъ у меня позволенія быть увѣреннымъ, что я, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ равнодушна къ нему. Я отвѣчала, что не могу мѣшать ему наслаждаться своими фантазіями сколько ему угодно. Онъ началъ перебирать всѣхъ придворныхъ и заставилъ меня согласиться, что онъ лучше другихъ; изъ этого онъ заключилъ, что мой выборъ долженъ пасть на него. Я смѣялась, слушая его; но въ сущности онъ нравился мнѣ. Разговоръ длился часа полтора; и я стала прогонять его, такъ какъ такой продолжительный разговоръ могъ возбудить подозрѣнія. Онъ отвѣчалъ, что не уйдетъ отъ меня пока не услышитъ, что я равнодушна къ нему. — «Да, да, но только убирайтесь». — «Хорошо, слово дано», сказали онъ и припшорили лошадь. Я закричала ему

вслѣдъ: «Нѣтъ, нѣтъ!» Овъ отвѣчалъ «Да, да». На этомъ мы разстались»¹⁾.

И вскорѣ должны были разстаться надолго. Дѣло въ томъ, что и въ обществѣ, не только при дворѣ, «глубокія тайны» очень рѣдко остаются тайнами. На этотъ разъ великій князь первый замѣтилъ, что «Салтыковъ и моя жена обманываютъ Чоглокова и потомъ смѣются надъ нимъ». Какіе-то глухіе толки дошли и до императрицы. Елизавета Петровна сдѣлала строгій выговоръ Чоглоковой, обозвала ея мужа «колпакомъ», который позволяетъ «сопьякамъ» водить себя за носъ. Сопьяки почуяли приближеніе грозы и разбѣжались: Сергѣй Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ взяли мѣсячный отпускъ и отправились навѣщать своихъ родныхъ, внезапно и очень опасно захворавшихъ. Салтыковъ у родныхъ простудился, заболѣлъ, что значительно продолжило его отсутствіе.

Прошла осень, наступила зима, а съ нею опять балы, маскарады, танцы, которые Екатерина такъ любила. Къ сожалѣнію, въ это время около великой княгини не было ни одной пожилой женщины, съ которою она могла бы посовѣтоваться— даже Чоглокова, въ ожиданіи родовъ, не выходила изъ комнаты. Въ половинѣ декабря была назначена поѣздка двора въ Москву. Екатерина выѣхала изъ Петербурга «съ легкими признаками беременности», на которые, по молодости, не обратила должнаго вниманія. Бывшій съ нею великій князь оказался въ этомъ случаѣ столь же неопытнымъ, какъ и Екатерина. «Мы ѣхали очень скоро; ѣхали день и ночь. На послѣдней станціи передъ Москвою обнаружилась сильная рѣзь въ животѣ и признаки беременности исчезли. Я пріѣхала въ Москву больная».

Екатерина скоро поправилась. Въ февралѣ 1753 г. пріѣхала въ Москву Чоглокова; нѣсколько дней спустя прибылъ и Салтыковъ; еще раньше явился Левъ Нарышкинъ. Опять составилъ прежній интимный кружокъ, съ тою, однако, разницею, что, послѣ петербургскихъ толковъ, Сергѣй Салтыковъ сталъ рѣже являться ко двору, что «меня очень огорчало», прибавляетъ Екатерина. Въ Москвѣ Екатерина впервые сблизилась съ Бестужевымъ— они нуждались другъ въ другѣ: оба были окружены врагами; Екатерининъ нуженъ

¹⁾ *Mémoires*, 172—175.

былъ совѣтъ Бестужева, канцлеру—поддержка великой княгини, и они подали другъ другу руки. Посредникомъ для взаимныхъ сношеній, которыя осторожность требовала скрывать отъ подозрительныхъ глазъ, былъ Салтыковъ ¹⁾. Въ Москвѣ же, вѣроятно въ мартѣ, произошла известная сцена съ Чоглоковой, получившей недавно выговоръ за неисполненіе второго пункта инструкціи. Эта сцена такъ рассказана въ «Запискахъ» Екатерины:

«Чоглокова, всегда занятая своими заботами о престолонаслѣдіи, сказала мнѣ: «Послушайте, я хочу поговорить съ вами совершенно откровенно». Я, понятно, вся обратилась въ слухъ. Ова начала длиннымъ разглагольствованіемъ о своей привязанности къ мужу, о своемъ благоразуміи, о томъ, что нужно и чего не нужно для взаимной любви и для облегченія супружескихъ узъ, и потомъ ограничилась заявленіемъ, что бывають иногда положенія вышшаго порядка, допускающія исключенія изъ правила. Я дала ей говорить все, что она желаетъ, не прерывала ее и не понимала куда она клонить; я была нѣсколько удивлена и не знала, ставить-ли она мнѣ ловушку или говорить искренно». Изъ дальнѣйшаго разговора Екатеринѣ не трудно было, однако, убѣдиться, что если Чоглокова и грѣшила, то скорѣе извиннею откровенностью, чѣмъ желаніемъ поймать великую княгиню въ ловушку.

И на этотъ разъ, разговоръ, хотя и вполне искренній со стороны Чоглоковой, не имѣлъ никакихъ послѣдствій и не измѣнилъ поведенія ни великой княгини, ни ея гофмейстерины. Екатерина продолжала вести прежній образъ жизни; не измѣнилась и Чоглокова. Даже выказанная ею въ разговорѣ искренность не заста-

¹⁾ *Mémoires*, 185.—²⁾ *Mémoires*, 176, 179, 183, 184, 187. Такъ эта сцена записана самой Екатериной, которая могла измѣнить подробности, запоминать частности, но общій смыслъ переданъ ею вѣрно: эта сцена 1753 года логически вытекаетъ изъ инструкціи 1746 г. Бестужеву, какъ составителю инструкціи, лучше чѣмъ кому-либо была известна ея цѣль, и, незадолго до того, какъ Чоглокова разговаривала съ Екатериной, Бестужевъ имѣлъ подобный же разговоръ съ Салтыковымъ (*Mémoires*, 186). Разнымъ языкомъ, но оба, Чоглокова и Бестужевъ, говорили одно и то же.

вила Чоглокову быть внимательнѣе къ великой княгинѣ. Такъ, напримѣръ, она, какъ оберъ-гофмейстерина, имѣла полную возможность и даже была обязана отстранить поѣздку въ Люберцы: въ этомъ селѣ, принадлежавшемъ великому князю не было даже дома, и великая княгиня должна была жить въ палаткѣ, разбитой на дворѣ строившагося дома, гдѣ шумъ и крики рабочихъ не давали никому покоя. Чоглокова не могла не знать, что великая княгиня прѣѣхала въ Люберцы уже въ интересномъ положеніи, требовавшемъ особенной осторожности въ виду бывшего примѣра; а между тѣмъ Екатерина по-прежнему принимаетъ участіе въ прогулкахъ великаго князя и даже въ охотѣ. Такое невниманіе къ положенію великой княгини не замедлило обнаружиться: 29-го іюня, въ день именинъ своего супруга, Екатерина «нарядилась, присутствовала на богослуженіи обѣдала за большимъ столомъ, танцовала на балѣ, была за ужиномъ», а на другой день выкинула.

На этотъ разъ Екатерина поправилась не такъ скоро. Первые двѣ недѣли она была между жизнью и смертью; въ теченіе шести недѣль не выходила изъ комнаты. Осень 1753 г. великокняжескій дворъ опять провелъ въ Люберцахъ, въ только что отстроенномъ дворцѣ, очень красивомъ и довольно помѣстительномъ. «Каждый вечеръ устраивались танцы», и, повидимому, теперь въ Люберцахъ жилось довольно весело.

На одномъ изъ такихъ вечеровъ великій князь долго шептался съ Чоглоковымъ, все еще разыгрывавшимъ роль влюбленнаго въ великую княгиню, послѣ чего Чоглоковъ насупился, сталъ задумчивъ и какъ-то холодно относился къ Салтыкову. «Фаворитка великаго князя, дѣвица Марѳа Шафирова, выдала своего обожателя, сообщивъ, что великій князь нѣсколько уже разъ говорилъ ей: «Салтыковъ и жена моя неслыханнымъ образомъ обманываютъ Чоглокова; онъ влюбленъ въ великую княгиню, а она терпѣть его не можетъ. Чоглоковъ полагается на Салтыкова, который увѣряетъ его, будто старается у моей жены въ его пользу. между тѣмъ какъ онъ старается для самого себя, а она—она терпитъ Салтыкова, потому что ей съ нимъ весело и она пользуется имъ, чтобы дѣлать изъ Чоглокова что ей угодно: на самомъ же дѣлѣ она смѣется надъ ними обоими (et au fond elle se moque de tous les deux). Я дол-

женъ разузѣрить бѣднѣгу Чоглокова, котораго мнѣ жаль; я долженъ сказать ему правду, и тогда онъ увидитъ, кто истинный другъ ему — я или моя жена»¹⁾).

Великій князь естественно являлся въ этомъ случаѣ наиболѣе компетентнымъ судьей, и онъ вполне объязалъ свою супругу, говоря, что она «смѣется надъ обоими» вздыхателями, надъ Чогловымъ и надъ Салтыковымъ. Это категорическое заявленіе великаго князя должно было прекратить всѣ придворныя сплетни и розсказни. Конечно, только «должно было», но не прекратило, не смотря даже на то, что въ это именно время при великокняжескомъ дворѣ произошли довольно серьезныя личныя перемены: гофмейстерина Чоглокова, «не смотря на все свое благоразуміе, возымѣла полное отвращеніе къ мужу и воспыала страстью къ князю Петру Ивановичу Репнину»; фрейлина великой княгини престарѣлая княжна Гагарина вышла замужъ за красавца Матюшкина; гофмаршалъ Чогловъ, въ апрѣлѣ 1754 г., умеръ, и его замѣнилъ въ должности гофмаршала великаго князя Александръ Ивановичъ Шуваловъ. Екатерина, въ то время беременная въ третій разъ, такъ посмотрѣла на это назначеніе:

«Этотъ Шуваловъ, не самъ по себѣ, а по занимаемому имъ мѣсту, былъ пугаломъ двора, города, всей имперіи. Онъ былъ начальникомъ государственнаго инквизиціоннаго судилища, которое тогда называлось тайною канцелярією. Говорили, будто именно отъ этой должности у него сдѣлались особаго рода судорожныя движенія во всей правой сторонѣ лица, отъ глаза до подбородка, проявлявшіяся при всякомъ волненіи — отъ радости или гнѣва, отъ страха или опасенія. Удивительно, какимъ образомъ челоуѣка съ такими отвратительными гримасами могли выбрать въ постоянныя спутники молодой беременной женщины! Полагаю, императрица очень сердилась бы, еслибъ я родила ребенка съ такими подергиваніями. Между тѣмъ, это весьма могло случиться, такъ какъ я постоянно видѣла его передъ собою, не только безъ удовольствія, но всегда съ отвращеніемъ, внушаемымъ и его личностью, и его роднею, и его должностью инквизитора, отъ чего бесѣда съ нимъ не становилась, конечно,

¹⁾ *Mémoires*, 188, 191, 202.

пріятыѣ»¹⁾. Кажется, соображенія вполне понятныя и дѣлающія честь будущей матери.

Въ іюнѣ дворъ возвратился изъ Москвы²⁾, лѣто провелъ въ Петергофѣ и въ концѣ августа переѣхалъ въ Петербургъ, въ лѣтній дворецъ.

«Какъ громомъ поразила меня вѣсть—говорить Екатерина—что для родивъ мнѣ приготовили двѣ комнаты, на другомъ концѣ дворца, рядомъ съ покоями императрицы. Александръ Шуваловъ повелѣ меня посмотреть ихъ—это были двѣ комнаты, какъ все комнаты лѣтняго дворца, скучныя, съ однимъ выходомъ, дурно убранныя пунцовою камкою, почти безъ мебели и безъ всякихъ удобствъ. Я поняла, что буду въ нихъ совершенно одинока, безъ всякаго общества, несчастна какъ сирота. Я сказала объ этомъ Самыкову и княжѣ Гагаринной; хотя они и не любили другъ друга, но ихъ соединяла дружба ко мнѣ. О и были совершенно согласны со мною, но помочь дѣлу не могли. Я должна была перейти въ эти комнаты, очень удаленныя отъ комнатъ великаго князя. Во вторникъ, вечеромъ, я легла въ постель и ночью проснулась отъ болей»³⁾. Повивальная бабка фонъ-Дершартъ⁴⁾ объявила, что великая кня

¹⁾ *Mémoires*, 206, 210, 212. Екатерина не ошибалась: въ письмѣ отъ 7-го апрѣля 1754 г. она извѣщаетъ свою мать, что въ октябрѣ предстоитъ разрѣшеніе отъ бремени. *Hermann*, Hof, 300. — ²⁾ Переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ длился около мѣсяца: въ виду беремености великой княгини дѣлали не болѣе 30 верстъ въ день, о чемъ Екатерина сообщала матери въ письмѣ отъ 21-го августа 1754 г. (*Hermann* Hof 302). — ³⁾ *Mémoires*. 215. Екатерина ошибается, говоря, что это было во вторникъ: канунъ рожденія Павла Петровича, 19-е сентября приходилось въ 1754 году въ понедѣльникъ. *Lapeaux*, I, 77; III, 46 — 58.

⁴⁾ Въ 1765 году повивальная бабка Адриана фонъ-Дершартъ обратилась къ императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою, въ которой заявляла, что она была принята въ 1754 году въ службу ко двору для пріема великаго князя Павла Петровича, что императрица Елизавета Петровна хотѣла «ей прискакать въ наслѣдство деревню», но не успѣла и умерла; между тѣмъ сынъ проси- тельницы вступилъ въ компанію съ голландскимъ купцомъ Андреемъ Гре- номъ и разорился, причемъ на немъ числится небольшой долгъ казнѣ; Дершартъ просила простить ей сыну этотъ долгъ. На довлѣдъ Екатерина II положила 1-го августа 1765 г. слѣдующую резолюцію: «По причинѣ сей не взыскивать» (*Архивъ Сената*, кн. 115, л. 126).

гиня «скоро родить». Разбудили великаго князя, дали знать императрицѣ, Шувалову; въ два часа ночи всѣ собрались въ комнатѣ родильнины. Спустя десять часовъ, около полудня, во вторникъ, 20-го сентября 1754 года, Екатерина родила сына. «Какъ только его смеленали, императрица позвала своего духовника, который нарекъ ребенка именемъ Павла; вслѣдъ затѣмъ императрица приказала повивальной бабкѣ взять младенца и слѣдовать за нею». За императрицей ушли всѣ остальные лица, бывшія при родахъ; Екатерина осталась одна.

«Я осталась—вспоминаетъ Екатерина—на родильной постели. Постель эта стояла наспротивъ двери, сквозь которую я видѣла свѣтъ; сзади меня два громадныя окна, плохо затворявшіяся; справа и слѣва постели двѣ двери—одна въ мою уборную, другая въ комнату Владиславовой. Какъ только удалилась императрица, великій князь ушелъ къ себѣ, за нимъ графъ и графиня Шуваловы, и я никого больше не видѣла до трехъ часовъ. Я много потѣла, просила Владиславову перемѣнить бѣлье, перевести меня въ мою постель—она отвѣчала, что не смѣетъ. Она нѣсколько разъ послала за бабушкой, но та не приходила. Я просила пить, но получала тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, уже послѣ трехъ часовъ, явилась графиня Шувалова, вся разодѣтая. Увидѣвъ меня все на томъ же мѣстѣ, на которомъ она меня оставила, она ужаснулась, сказавъ, что такъ можно уморить меня. Въ этомъ было мало утѣшительнаго для меня заливавшейся слезами съ той минуты, какъ я родила, и особенно отъ того, что меня всѣ бросили одну, въ дурномъ помѣщеніи, послѣ тяжелыхъ и болѣзненныхъ усилій, между дверьми и окнами, плохо затворявшимися; никто не смѣлъ перенести меня на мою постель, которая была въ двухъ шагахъ, а я сама не имѣла силы перейти. Шувалова тотчасъ же ушла и, вѣроятно, она велѣла позвать бабушку, потому что съ полчаса спустя пришла бабушка и сказала, что императрица была занята новорожденнымъ и не отпускала ее ни на минуту. Обо мнѣ же вовсе и не думали. Такое забвеніе или презрѣніе не было для меня особенно лестно. Я умирала отъ жажды. Наконецъ, меня перенесли на мою постель, и я въ этотъ день никого уже болѣе не видѣла; никто не присылалъ даже навѣдаться о моемъ здоровьѣ. Великій князь только пилъ съ своими приближенными, императрица зани-

малась исключительно новорожденнымъ. На другой же день я начала чувствовать нестерпимую ревматическую боль отъ бедра вдоль голени лѣвой ноги. Боль эта не давала мнѣ спать; къ этому еще привязалась сильная лихорадка. Не смотря на то и въ этотъ день я удостоилась такого же вниманія: я никого не видѣла и никто не интересовался моимъ здоровьемъ. Великій князь заходилъ, правда, на минутку, но тотчасъ же ушелъ, сказавъ, что ему некогда оставаться со мною. Я только плакала и стонала въ постели; въ комнатѣ была одна Владиславова; она въ душѣ жалѣла меня, но не могла помочь мнѣ» ¹⁾).

25-го сентября происходили крестины новорожденнаго. Обрядъ былъ совершенъ съ обыкновенною торжественностью, причемъ воспріемницею отъ купели была императрица-королева Марія-Терезія ²⁾). По окончаніи церемоніи, императрица пришла въ комнату великой княгини и принесла ей на золотомъ блюдѣ указъ кабинету о пожалованіи 100,000 рублей; сверхъ того, императрица подарила родильницѣ ожерелье, серьги и два перстня. Деньги очень обрадовали Екатерину, такъ какъ у нея «много было долговъ и ни копейки денегъ»; подарки же не понравились ей: «такое бѣдное ожерелье и такіе жалкіе перстни я постыдилась бы подарить моей камеръ-фрау!» Между тѣмъ, подарки остались у Екатерины, а съ деньгами ей пришлось скорѣе разстаться. «Черезъ четыре или пять дней послѣ того, какъ мнѣ принесли пожалованныя императрицею деньги, баронъ Черкасовъ, секретарь кабинета, именемъ Бога умолялъ меня лать эти 100,000 р. въ займы кабинету—императрица спрашиваетъ денегъ, а въ кабинетѣ нѣтъ ни копейки. Оказалось, что великій князь, узнавъ, что я получила такую сумму, страшно разсердился, отчего ему ничего не дали. Онъ съ досадою говорилъ объ этомъ съ гр. Шуваловымъ; Шуваловъ передалъ это императрицѣ и она приказала выдать великому князю такую же сумму, какую я получила—для этого-то и занимали у меня деньги».

7-го октября, «на семнадцатый день послѣ родовъ—говоритъ Екатерина—мнѣ сообщили двѣ пріятныя новости разомъ: во первыхъ, что Сергѣя Салтыкова отправляютъ въ Швецію съ извѣ-

¹⁾ *Mémoires* 216. — ²⁾ Депеша маркиза Лопиталля аббату Верни, отъ 12 ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ, Russie, vol 54, f. 93*).

стиемъ о рожденіи моего сына, а, вопреки, что свадьба княжны Гагариной состоится на слѣдующей недѣлѣ. Это значило, говоря яснѣе, что меня скоро лишатъ двухъ лицъ, которыхъ я наиболѣе любила изъ всѣхъ окружающихъ меня. Я еще болѣе замкнулась въ своей комнатѣ и сильно грустила. Чтобъ не выходить, я сказала, что у меня возобновилась боль въ ногѣ, и я не могу встать съ постели: но правдѣ же сказать, я не могла и не хотѣла никого видѣть—мнѣ было очень грустно..

Только на сороковой день послѣ родовъ Екатерина, впервые увидѣла своего сына. Въ этотъ день великая княгиня брала очистительную молитву, въ присутствіи императрицы, за которую внесли и новорожденного. «Я напла его очень хорошевынкимъ и видѣ его немного порадовала меня». По окончаніи обряда, ребенка унесли. 1-го ноября великая княгиня принимала обычные поздравленія ¹⁾.

Рожденіе сына, особенно перваго, у наслѣдника престола всегда представляеть извѣстный династическій интересъ: рожденіе же Павла Петровича имѣло особое значеніе. Призывъ въ Петербургъ Карла-Петра-Ульриха изъ Голштиніи, объявленіе его наслѣдникомъ русскаго престола, женитьба его на цербстской принцессѣ имѣли въ виду одну только цѣль—утвержденіе престолонаслѣдія, подвергавшагося въ послѣднее время всякимъ случайностямъ. Въ теченіе девяти лѣтъ бракъ этотъ оказывался бесплоднымъ, всѣ надежды и ожиданія—напрасными ²⁾; тѣмъ съ большимъ восторгомъ была привѣтствована вѣсть о рожденіи сына у великой княгини. Въ данномъ случаѣ, это не была семейная радость—это было политическое событіе, полное государственнаго значенія. Елизавета Петровна могла теперь спать спокойнѣе: образъ дитяти-императора Ивана III заслонялся колыбелью новорожденного великаго князя; младенецъ, покоившійся въ этой колыбели, являлся опорой

¹⁾ Штелихъ, 92; *Mémoires*, 221, 223, 225.

²⁾ Эти ожиданія выражались въ слухахъ о беремености великой княгини. Въ депешѣ отъ 22-го сент. 1747 г. англійскій посланникъ сообщаетъ: There is a report in town that the Great Dutchess is with child (*London. Archives, Russia*, № 54). Подобныя извѣстія, довольно часто встрѣчающіяся въ сообщеніяхъ иностранныхъ представителей, совершенно прекращаются уже къ 1751 году; по крайней мѣрѣ, съ 1752 г. мы не встрѣтили ни одного.

тропа, не только ограждавшею его отъ случайностей, но, въ случаѣ крайности, представлявшею угрозу своему отцу Этими соображеніями вполнѣ объясняется восторгъ, возбужденный рожденіемъ первенца у великой княгини. Какъ только явился на свѣтъ божій Навелъ Петровичъ, великая княгиня отошла на задній планъ. все вниманіе, всѣ взоры сосредоточивались на колыбели малютки, не на постели его родительницы. При жестокихъ нравахъ того времени это легко могло проявляться въ той грубой формѣ, которая отмѣчена въ «Запискахъ» Екатерины.

Тотчасъ послѣ крестинъ новорожденнаго начались праздники, обѣды, балы, маскарады, иллюминаціи и фейерверки по случаю «счастливаго событія»¹⁾. Эти увеселенія продолжались до великаго поста, около полугода; но Екатерина, «подъ предлогомъ болѣзни, не участвовала ни въ одномъ изъ нихъ». Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, иностранныя дворы, преимущественно родственныя, были увѣдомлены о рожденіи Павла Петровича, причемъ въ Стокгольмѣ былъ отправленъ камергеръ великаго князя Салтыковъ. «Къ концу масляницы—говорить Екатерина—Сергѣй Салтыковъ возвратился изъ Швеціи. Во время его отсутствія великій канцлеръ графъ Бестужевъ присылалъ мнѣ всѣ извѣстія, получавшіяся отъ него, и депеши Панина, въ то время русскаго посланника въ Швеціи. Мнѣ передавала эти бумаги г-жа Владиславова, получавшая ихъ отъ своего зятя, перваго секретаря великаго канцлера; я отсылала ихъ тѣмъ же путемъ. Отъ этихъ же лицъ я узнала, что было рѣшено отправить Сергѣя Салтыкова, какъ только онъ возвратится изъ Швеціи, въ Гамбургъ, въ качествѣ русскаго представителя, на мѣсто князя Александра Голицына, котораго перемѣняли въ армію. Это новое распоряженіе не уменьшило моей грусти».

Всѣ обстоятельства, сопровождавшія рожденіе Павла Петровича, произвели глубокое впечатлѣніе на великую княгиню. Ея самолюбіе подверглось за это время самымъ тяжкимъ испытаніямъ. Рожденіе перваго ребенка — важный переломъ въ жизни женщины;

¹⁾ *Mémoires*, 223, 227; *Штелинъ*, 92; *Арх. кн. Воронцова*, V, 18. Qui est ce qui aurait cru alors, en se rejoissant de la naissance de Paul, que c'est un tsar qui naissait pour la Russie?

лично же для Екатерины; этотъ чисто физиологическій процессъ усложнился такими психологическими особенностями, что произвелъ дѣльный переворотъ въ ея развитіи, придавъ совершенно иное направление не только ея чувствованіямъ, но и мыслямъ. Только теперь, по рожденіи сына, встрѣчается въ «Запискахъ» Екатерины слѣдующее характерное признаніе: «Я начала видѣть вѣщи въ черномъ свѣтѣ и отыскивать въ предметахъ, представлявшихся моему взору, причины болѣе глубокия и болѣе сложныя». Это мрачное настроеніе, какъ и крайняя вдумчивость прежде незамѣчались и легко объясняются новой обстановкой.

У матери отняли сына ¹⁾; и она навсегда была лишена практики

¹⁾ Императрица взяла Павла Петровича на свое попеченіе и заботилась о немъ со всею самоотверженіемъ, на какое только была способна. Это, конечно, не нравилось Екатеринѣ (*Memoires* 216, 221, 233 sqq.) и вызвало самыя недѣльныя сплетни, доходившія до сказки о подмѣнѣ новорожденнаго сыномъ самой Елизаветы Петровны! Рассказавъ о мнимомъ свиданіи императрицы съ бывшимъ императоромъ Иваномъ III, *Лопиталъ*, въ депешѣ отъ 27-го іюля 1757 года, прибавляетъ, что не можетъ согласовать это свиданіе съ развѣнчаннымъ «императоромъ-малюткой» съ любовью императрицы къ малолѣтнему сыну великой княгини. *Mais cet enfant chéri de l'Impératrice est, dit-on, de l'Impératrice même, ayant fait changer le fils de la Grande Duchesse contre le sien (Париж. Архивъ, Russie, vol. 53, f. 171).* Не смотря на приписку Лопиталю: «*Tout ce que je viens de vous donner passe pour constant*», аббатъ *Берни* усомнился въ подмѣнѣ младенца и особымъ министерскимъ рескриптомъ отъ 19-го сентября 1757 года поручалъ посланнику собрать по этому поводу болѣе точныя свѣдѣнія (*Ibid.*, vol. 54, f. 20). Лопиталъ вскорѣ же долженъ былъ сознаться, что повѣрилъ крайне недѣльному слуху, но сдѣлалъ это въ формѣ довольно неудачной: въ депешѣ отъ 30-го ноября 1757 г., сообщая объ ужинѣ у гр. Воронцова, въ присутствіи императрицы, *Лопиталъ* рассказывалъ: *Sa Majeste Impériale envoya chercher après le souper le portrait du fils du Grand Duc, parceque j'avais dit que je n'avais jamais eu l'honneur de le voir. J'ai bien examiné ce portrait; j'ai trouvé qu'il ressemblait parfaitement à Madame la Grande Duchesse. Cette ressemblance et des éclaircissements plus certains que j'ai pris, me persuadent que j'ai été trompé lorsque je vous ai mandé que cet enfant chéri de l'Impératrice était, disait-on, de l'Impératrice même qui avait fait changer le fils de la Grande-Duchesse contre le sien (Ibid., vol. 54, f. 136).* Аббатъ *Берни* справедливо возражалъ, что «великій князь Павелъ такъ еще малъ, что сходство съ великой княгиней ничего не значитъ и не можетъ служить опроверженіемъ слуховъ о подмѣнѣ» (отъ 27-го января 1758 г. въ *Париж. Архивъ, Russie, vol. 55, f. 111*). *Castro*, I, 216; *Историческій Сборникъ*. Лондонъ, 1861, II, 251.

материнскихъ чувствъ. Физическое развитіе Екатерины, не находя исхода въ семейныхъ заботахъ, заставляло ее искать иного примѣненія своихъ силъ. Въ поводахъ къ этому не было недостатка, тѣмъ болѣе, что теперь, когда она исполнила свой долгъ, такъ недвусмысленно отмѣченный во второмъ пунктѣ инструкціи, ей была предоставлена большая свобода во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ же она воспользовалась этою свободою?

17-го іюня 1745 г. великій князь Петръ Ѳедоровичъ былъ признанъ, какъ герцогъ Голштиніи, совершеннолѣтнимъ и вступилъ въ управленіе своимъ наследственнымъ герцогствомъ. 12-го ноябрю того же года, онъ, какъ владѣтельный герцогъ, назначилъ своего дядю принца Августа штатгальтеромъ Голштиніи ¹⁾. Весною 1746 года, императрица приказала, чтобъ «его высочество самъ яко владѣющій герцогъ, вадъ своими землями и подданными правленіе имѣлъ». Для управленія герцогствомъ, при великомъ князѣ былъ образованъ особый совѣтъ изъ голштинцевъ: тайный совѣтникъ Пехлинъ и Цфеннигъ были министрами по голштинскимъ дѣламъ, фовъ-Левенбахъ—совѣтникомъ, фовъ-Брэмбенъ и Цейсъ—секретарями. Прежде, въ первые годы пребыванія великаго князя въ Россіи, голштинцамъ былъ запрещенъ вѣздъ въ Россію безъ особаго разрѣшенія; теперь Петръ Ѳедоровичъ все боже и боже окружаетъ себя голштинцами: подполковники фовъ-Шильдъ и Катцау, камергеръ фовъ-Дункеръ, лейтенантъ Цвейдель, майоръ Штефенсъ, капитанъ Ферстеръ, генералъ Брокдорфъ—все это голштинцы, близкіе люди великаго князя.

Казалось, императрица рѣшилась обратить серьезное вниманіе

¹⁾ Prince Augustus of Holstein is declared administrator of that Dutchy to the great desappointment of M. Brummer, who expected to have been employed there. Депеша Гидфорда, отъ 16-го ноябрю 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 49). Тоже сообщаетъ Далмонъ въ депешѣ отъ 23-го ноябрю (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 47, f. 299). Письмо гр. Бестужева гр. М. Воронцову отъ 13-го ноябрю 1745 г. въ *Арх. кн. Воронцова*, II, 136.

на «голлитинскій вопросъ». Ничуть не бывало. Елизавета Петровна, напротивъ, первая изъ русскихъ государей отреклась отъ Шлезвига: въ договорѣ 14-го іюня 1745 г., заключенномъ между Россіей и Швеціей, императрица «нынѣ владѣющему герцогу Гольштейнъ-Шлезвигскому, его императорскому высочеству великому князю и наследнику Всероссийской имперіи Петру Феодоровичу и его мужскаго пола наследникамъ наиторжественнѣйше гарантируетъ *нынѣшнія* его въ Германіи владѣющія земли»—только «нынѣшнія», слѣдовательно не Шлезвигъ, которымъ владѣла тогда Данія; въ трактатѣ 22-го мая 1746 года между Россіей и Австріей равнымъ образомъ говорится о гарантіи герцогу лишь «*нынѣ* въ Германіи во владѣніи его находящихся земель», т. е. опять безъ Шлезвига. Петръ I и Екатерина I готовы были вооруженною рукою защищать права отла великаго князя на Шлезвигъ; Елизавета Петровна не упоминаетъ уже о вооруженномъ вмѣшательствѣ и ограничивается заявленіемъ: «если бы производимая съ російско-императорской стороны съ королевскимъ датскимъ дворомъ негоціація о непоставленномъ правѣ на принадлежность сего герцогскаго дома, противу всякаго чаянія, не возымѣла успѣха», то обѣ императрицы, «смотря по обстоятельствамъ, учинять между собою особый договоръ». Каково могло быть участіе Елизаветы Петровны въ негоціаціи съ датскимъ дворомъ можно видѣть изъ договора Россіи съ Данією, отъ 10-го іюня 1746 г., которымъ императрица обязывалась защищать владѣніе Данією Шлезвигомъ «противъ всѣхъ и каждаго, выключая токмо его императорское высочество великаго князя и его мужскаго пола потомковъ»—ио, вѣдь, ни великій князь, ни его мужскаго пола потомки не могли безъ воли императрицы объявить войну Даніи!

Елизавета Петровна рѣзко, какъ видно, отдѣляла русскіе интересы отъ голлтинскаго вопроса. Ее примѣру слѣдоваль и Петръ Феодоровичъ, съ тою, однако, разницею, что императрица выше всего ставила интересы Россіи, великій же князь предпочиталъ всему Голлтинію. Отсюда—цѣлый рядъ недоразумѣній и нерѣдкія столкновения. Голлтинцы привезли своему герцогу модель города Киль: великому князю Киль понравился боже, чѣмъ «все русское государство»—императрица такъ «огорчилась» этимъ, что прогнала голлтинцевъ, привезшихъ модель, обратно въ Голлтинію. Лѣтомъ, въ Ораніен-

баумъ, герцогъ устроилъ свою жизнь по-голлитински: выстроилъ крѣпостцу, собралъ роту, завелъ ежедневныя ученья, маршировки—императрица, узнавъ объ этой «militaire marotte», пришла «въ величайшее неудовольствіе» и смѣнила гофмаршала кн. Репнина, допустившаго такую солдатчину ¹⁾. Но преемники кн. Репнина, Чоглоковъ и гр. Шуваловъ именно въ потворствѣ голлитинскимъ увлеченіямъ герцога видѣли вѣрное средство сохранить вліяніе на великаго князя, приобрести милость будущаго императора, и пользовались этимъ, обманывая императрицу. Дошло до того, что въ 1755 г. былъ выписанъ изъ Голлитиніи цѣлый отрядъ для потѣхи великаго князя. Вотъ что объ этомъ рассказываетъ Екатерина:

«Прибывъ въ Ораніенбаумъ, мы увидѣли небывающее зрѣлище. Его императорское высочество, котораго голлитинцы постоянно вводили въ долги и которому всѣ совѣтовали уменьшить число этихъ бесполезныхъ людей, тѣмъ болѣе, что онъ могъ видѣть ихъ только тайкомъ и урывками, вздумалъ вдругъ выписать изъ Голлитиніи цѣлый отрядъ. Это опять были шутки негоднаго Брокдорфа, который потворствовалъ господствующей страсти герцога. Онъ увѣрилъ Шуваловыхъ, что, потакая этой забавѣ, они навсегда обезпечатъ себѣ благоволеніе великаго князя, займутъ его этимъ и могутъ быть увѣрены, что онъ одобритъ всѣ прочія ихъ распоряженія. Императрица ненавидѣла Голлитинію и все голлитинское; она видѣла какъ подобныя военныя забавы погубили отца великаго князя, герцога Карла-Фридриха, въ глазахъ Петра I и въ общественномъ мнѣніи Россіи. Кажется, отъ нея сперва скрывали выписку этого отряда, а нозже представили такую бездѣлицею, о которой не стоило и говорить. Къ тому же одного присутствія гр. Шувалова было уже достаточно, чтобъ дѣло это осталось безъ послѣдствій. Этотъ отрядъ съѣзъ на суда въ Килгъ, припелъ въ Кронштадтъ и оттуда въ Ораніенбаумъ. При Чоглоковѣ великій князь носилъ голлитинскую форму только у себя въ комнатѣ, и то тайкомъ; теперь же, онъ не носилъ иной формы, мѣняя ее только въ куртаги, хотя онъ былъ подполковникомъ преображенскаго полка и, сверхъ того, имѣлъ свой кирасирскій полкъ въ Россіи. По совѣту Брокдорфа, великій князь скрылъ отъ меня эту

¹⁾ Штетлингъ, 89, 90.

выписку отряда. Признаюсь, узнавъ объ этомъ, я содрогнулась отъ дурныхъ для великаго князя послѣдствій этого поступка, какъ въ общественномъ мнѣніи, такъ и въ глазахъ императрицы, взгляды которой были мнѣ хорошо извѣстны. Александръ Шуваловъ стоялъ на балконѣ ораніенбаумскаго дворца, когда проходилъ отрядъ, и только моргалъ глазами; я стояла рядомъ съ нимъ. Въ сущности, онъ не одобрялъ того, на что самъ онъ и его родственники согласились смотрѣть сквозь пальцы. Караулы въ ораніенбаумскомъ дворцѣ занималъ ингерманландскій полкъ, смѣнявшійся астраханскимъ. Мнѣ передавали, что солдаты, глядя на голштинскія войска, говорили: «Эти проклятые нѣмцы всѣ проданы прусскому королю; вотъ навезли въ Россію измѣнниковъ». Вообще, публика была раздражена появленіемъ голштинцевъ; даже наиболѣе преданные люди пожали плечами, самые умѣренные находили это страшнымъ; въ сущности это было весьма неблагоразумное ребячество. Я молчала, но когда со мной заговаривали объ этомъ, я прямо высказывала свое мнѣніе, такъ что всѣ видѣли, что я не одобряла этой глупости, которую я считала во всѣхъ отношеніяхъ крайне вредною для великаго князя. И можно ли было быть другого мнѣнія? Удовольствіе великаго князя никакъ не могло вознаграждать то зло, которое этимъ наносилось ему въ общественномъ мнѣніи. Но великій князь, въ восторгѣ отъ своего войска, приказалъ устроить для него лагерь, поселился самъ въ этомъ лагерѣ, и то и дѣло производилъ ученія. Однако, войско надо было кормить, а объ этомъ-то и не подумали. Медлить нельзя; начались споры съ гофмаршаломъ, который вовсе не ожидалъ такого требованія. Наконецъ, гофмаршалъ согласился, и придворные лакеи вмѣстѣ съ солдатами ингерманландскаго полка, должны были носить кушанье съ придворной кухни въ лагерь новопривывшихъ. Лагерь былъ разбитъ не очень-то близко отъ дворца; ни лакеямъ, ни солдатамъ ничего не платили за носку кушанья; можно себѣ представить, какое милое впечатлѣніе производило это мудрое и деликатное распоряженіе. Солдаты ингерманландскаго полка ворчали: «Вотъ, мы стали слугами этихъ проклятыхъ нѣмцевъ»; придворная челядь роптала: «Насъ заставляютъ прислуживать грубой сволочи». Узнавъ все это, я рѣшилась держаться какъ можно подалеже отъ этой

вредной ребяческой затѣи... Осенью голштинскія войска были посланы моремъ въ Голштинію» ¹⁾).

Великій князь пренебрегаетъ общественнымъ мнѣніемъ, рискуеть негодованіемъ императрицы ради ничтожной горсти солдатъ изъ возлюбленной имъ Голштиніи; можно ли же ожидать, что дипломатическая «негоціація» приведетъ къ полюбовному соглашенію съ Данією, что онъ согласится отказаться отъ Шлезвига? Въ теченіе семнадцати лѣтъ четыре датскіе посланника, люди образованные, опытные и даровитые — графъ Гольштейнъ, графъ Линарь, баронъ Мальцанъ и баронъ фонъ-Остенъ — прилагали все старанія, чтобъ склонить великаго князя къ полюбовному соглашенію, и не успѣли. Въ послѣднія шесть лѣтъ, въ виду чисто военныхъ соображеній, вызываемыхъ войною съ Пруссією, датскія предложенія сильно поддерживались представителями Франціи и Австріи; за соглашеніе были, сверхъ того, императрица и канцлеръ — тѣмъ не менѣе, все ихъ усилія разбились о «твердую волю» великаго князя.

Въ 1745 году графъ Гольштейнъ хлопоталъ объ исполненіи договора, составленнаго нѣкогда гр. Зекендорфомъ и барономъ Бракелемъ, причемъ предлагалъ даже увеличить нѣсколько сумму, предложенную отцу великаго князя, за уступку Даніи Шлезвига. Голштинскіе министры Пехлинъ и Шфеннингъ, напротивъ, требовали не только возвращенія Шлезвига, но и уплаты нѣсколькихъ миліоновъ въ возмѣщеніе убытковъ. Въ 1746 г., по настоянію великаго князя, всякіе переговоры были прерваны, не смотря даже на то, что русское правительство находило датскія предложенія довольно выгодными ²⁾ Эти переговоры потомъ возобновлялись, но всегда успѣхъ ихъ рассчитывался не на согласіи великаго князя, какъ владѣтельнаго герцога, а на привужденіи, которое, какъ полагали, императрица сдѣлаетъ надъ своимъ наслѣдникомъ, въ интересахъ привлеченія Даніи къ болѣе тѣсному союзу съ Россією ³⁾ Это была боль-

¹⁾ *Mémoires*, 233, 240.

²⁾ Le ministère russe souhaiterait fort que l'héritier presomptif du trône de Russie ne possédât aucun état étranger. Денеша Далмюи отъ 31-го авг. 1745 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 47, f. 129). La négociation du Danemark pour le Sleswick est entièrement rompue. Денеша егo же, отъ 22-го марта 1746 г. (*Ibid.*, vol. 48, f. 160).

³⁾ The Empress might to entire to her the Denmark at a much easier rate, by

шая ошибка: императрица признавала несомнѣннымъ ни съ своимъ достоинствомъ, ни съ правами герцога голштинскаго, принуждать великаго князя и не желала даже вмѣшиваться въ это дѣло. «Н въ это дѣло съ датскимъ дворомъ не вступлю, потому что оно принадлежитъ великому князю», говорила Елизавета Петровна въ 1746 г. и до конца жизни осталась вѣрна себѣ.

Въ началѣ 1750 года прибылъ въ Петербургъ датскій посланникъ графъ Линарь, бывшій датскимъ посломъ въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ проводилъ болѣе тѣсное единеніе Даніи съ Швеціею въ видахъ противодѣйствія усиливающемуся значенію Россіи. Онъ привезъ совершенно новый проектъ улаженія датско-голландской распри: великій князь отрывается отъ Шлезвига, за что Данія уплачиваетъ ему полтора мильона талеровъ, и уступаетъ Даніи свою Голштинію, взамѣнъ которой получаетъ графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, «причемъ его датское королевское величество не токмо согласуется къ перенесенію голоса имперскаго князя на графство Ольденбургское, но и обѣщаетъ добрыя свои старанія вездѣ сильно употребить, дабы помянутое графство въ герцогство возвышено было». Канцлеръ гр. Бестужевъ-Рюминъ, другъ графа Линара, напелъ это предложеніе вполне согласнымъ съ интересами великаго князя; министръ по голштинскимъ дѣламъ Пехлинъ призналъ его очень выгоднымъ для герцога, своего государя Но Петръ Федоровичъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ предложеніяхъ, касающихся Голштиніи. Пехлинъ «заявилъ великому князю, что выслушать предложеніе не значитъ еще вести переговоры, а отъ веденія переговоровъ очень еще далеко до принятія предлагаемыхъ условий, и что великій князь всегда воленъ прервать переговоры, какъ только признаетъ то необходимымъ». Великій князь сдался. Начались переговоры. Графъ Линарь вручилъ Пехлину подробно разработанный проектъ въ 25-ти пунктахъ. Пехлинъ представилъ этотъ проектъ великому князю при особой отъ себя запискѣ, въ которой онъ подробно разсматриваетъ каждый пунктъ и точно мотивируетъ свое мнѣніе. Его аргументація проста и убѣдительна.

only making the Great Duke of Russia, her Nephew, renounce his pretensions to the Dutchy of Sleswick. Депеша Гиндборда отъ 26-го марта 1749 г. (Лондон. Архивъ, Russia, № 58).

Пехлингъ, прежде всего, признаеть, что права герцога на Шлезвигъ не подлежатъ сомнѣнію и что по всей справедливости незаконно захваченное владѣніе должно быть возвращено герцогу: «только, прибавляетъ онъ, сомнительно, чтобы какая евронеійская держава, хотя бы сіе дѣло и за справедливое признавала, склонилась на то поступить, ибо въ самыя новѣйшія времена примѣру нѣтъ, чтобы какая нибудь держава, по любви къ справедливости, а еще меньше по дружбѣ или великодушію за другую вступилась въ войну», а безъ войны невозможно же побудить Данію къ возвращенію Шлезвига, которымъ она спокойно владѣетъ, не смотря на всѣ протесты и постоянно заявляемыя права герцога. Полтора мильона талеровъ за отреченіе отъ правъ на Шлезвигъ, по мнѣнію Пехлина, цѣна хорошая: эта сумма достаточна не только для уплаты долговъ герцога, но и для возстановленія баланса въ текущихъ расходахъ.

Обмѣнъ Голштиніи на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ Пехлингъ признаеть весьма выгоднымъ для великаго князя, и, прежде всего, по ихъ географическому положенію: оба графства удалены отъ Даніи, между тѣмъ какъ Голштинія граничитъ съ одной стороны съ Даніею, столь расположенною къ захватамъ, а съ другой — съ землею курфюрста Ганноверскаго, который, будучи королемъ Англіи, является довольно опаснымъ сосѣдомъ. Для Пехлина не подлежитъ сомнѣнію, что Данія имѣетъ въ виду рано или поздно захватить Голштинію — на это указываетъ та череполовица, съ какою это владѣніе возвращено было въ 1720 году: «нынѣ въ Голштиніи королевскіе и высококняжескіе амты такъ перемѣшаны, что королевскіе почти совсѣмъ обняли великокняжескіе, и невозможно по великокняжескимъ землямъ трехъ, четырехъ или, по высшей мѣрѣ, пяти миль проѣхать, не захватя датскихъ земель... а Данія въ томъ нужды нѣтъ, ибо она себѣ земли умѣла такъ выбрать, что оныя другъ съ другомъ соединены». Наконецъ, доходы графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ значительно превышаютъ доходы Голштиніи, населеніе въ нихъ зажиточное; оба графства граничатъ съ Соединенными Голландскими Штатами, содержащими наемное войско, что даетъ возможность герцогу посылать туда на службу два или три полка и получать за нихъ хорошую плату. Пехлингъ не забылъ при этомъ и главнаго возраженія со стороны

великаго князя: ставъ русскимъ императоромъ, герцогъ, конечно, получить значительный перевѣсъ надъ Данією, но чтобъ обнаружить этотъ перевѣсъ придется все таки вести войну и посылать 70,000 корпусъ за 300 миль отъ своихъ границъ, что, во всякомъ случаѣ, весьма рискованно.

Доводы Пехлина побѣдили великаго князя. Осенью 1751 г. герцогъ соглашался уже на обмѣнъ. Между тѣмъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ, въ докладѣ отъ 5-го октября, доносила императрицѣ: «Когда негоціація дошла уже до того, что не только пункты къ заключенной концессіи о конечной сдѣлкѣ его императорскаго высочества съ королемъ датскимъ графомъ Линаромъ сообщены были барону Пехлину, но и промеморією помянутаго графа высочайшая вашего императорскаго величества медиация со стороны Даніи испрошена была, а баронъ Пехлинъ его императорскому высочеству доложилъ, что уже пора, чтобъ и онъ испросилъ вашего императорскаго величества медиации, то его высочество внезапно изволилъ декларировать, что дѣло сіе пресѣчено быть имѣть и онъ болѣе о томъ слышать не хочетъ»¹⁾. Почему?

Потому что на сцену выступила великая княгиня съ своими политическими взглядами. По просьбѣ великаго князя, своего супруга, она приняла участіе, хотя и негласное, въ переговорахъ о датско-голштинской распрѣ, и сразу дала имъ иное направленіе.

Почти одновременно съ гр. Линаромъ прибылъ въ Петербургъ посольскій вѣнскаго двора итальянецъ гр. Берни. Умный, любезный, веселый, онъ плѣнилъ всѣхъ своимъ ласковымъ обхожденіемъ, своею пріятною бесѣдою и понравился даже великому князю. Не разъ и не два Петръ Федоровичъ совѣтовался съ нимъ о своемъ голштинскомъ дѣлѣ, о долгахъ своей отчины, о предложеніяхъ гр. Линара; но изъ этихъ совѣщаній ничего не выходило: или австрійскій посольскій не считалъ для себя удобнымъ высказываться по этому вопросу, или голштинскій герцогъ не былъ въ состояніи удѣлить смыслъ словъ, только въ концѣ концовъ великій князь выразилъ желаніе, чтобъ великая княгиня поговорила съ гр. Берни о датско-голштинской распрѣ. Екатерина исполнила «приказаніе» великаго князя и, въ началѣ 1751 года, на придворномъ маскарадѣ; завезла

¹⁾ Приложение VIII, 2.

съ австрійскимъ посломъ первый въ своей жизни политическій разговоръ.

«Графъ Берни — говоритъ она — слушалъ меня съ большимъ участіемъ и вниманіемъ. Я откровенно сказала ему, что, по молодости и безъ совѣтниковъ, я, быть можетъ, плохо смыслю въ дѣлахъ и, по неопытности, не умѣю склонять ихъ въ свою пользу. Я смотрю на вещи какъ понимаю ихъ, и хотя, быть можетъ, у меня недостаетъ знаній, но мнѣ кажется, прежде всего, что дѣла Голштиніи вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи. какъ ихъ хотить представить, и, потомъ, относительно самаго обмѣна, я разумѣла, что онъ могъ быть гораздо полезнѣе для Россіи, чѣмъ для великаго князя. Конечно, ему, какъ наследнику русскаго престола, выгода имперіи должна быть мила и дорога, но если для этой выгоды необходимо нужно, чтобъ великій князь раздѣлялся съ Голштиніею и тѣмъ покончилъ нескончаемыя размолвки съ Даниею, то вопросъ заключался бы лишь въ томъ, чтобы, удерживая Голштинію, выбрать наиболѣе удобное время, въ которое великій князь и согласился бы на обмѣнъ. По моему же мнѣнію, настоящее время неудобно ни для выгодъ Россіи, ни для личной славы великаго князя. Можетъ наступить такое время, когда обстоятельства сдѣлаютъ такой обмѣнъ болѣе важнымъ и болѣе славнымъ для великаго князя, и, можетъ быть, болѣе выгоднымъ для самой Россіи; но теперь все это дѣло имѣетъ видъ чистой интриги, которая, если удастся, наброситъ на великаго князя подозрѣніе въ слабости, отъ котораго онъ не очистится въ общественномъ мнѣніи, быть можетъ, во всю свою жизнь: что онъ управлялъ дѣлами Голштиніи всего лишь нѣсколько дней, страстно любилъ эту страну и, не смотря на это, далъ себя угловѣ игъ обмѣнять эту страну, самъ даже не зная хорошенько зачѣмъ, на Ольденбургъ, вовсе ему неизвѣстный и еще болѣе удаленный отъ Россіи. Наконецъ, сверхъ всего этого, Киль, какъ портъ, въ рукахъ великаго князя могъ бы быть весьма важенъ для русскаго мореплаванія. Графъ Берни согласился со всѣми моими доводами и въ заключеніе сказалъ мнѣ: «Какъ посолъ, я не имѣю по этому вопросу никакихъ инструкцій; но какъ графъ Берни я полагаю, что вы правы». Великій князь тоже передавалъ мнѣ, что посолъ сказалъ ему. «Могу вамъ сказать по этому вопросу только одно: я полагаю, что ваша супруга вѣрно

смотреть на дѣло, и вы хорошо сдѣлаете, если послушаетесь ея» Я уговорила великаго князя прервать переговоры съ Данією; онъ послушался меня и приказалъ прекратить негоціацію безъ всякаго рѣшенія, что и было исполнено» ¹⁾.

Графъ Линарь зскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ замѣтилъ уже вліяніе великой княгини на ходъ переговоровъ. Въ своихъ депешахъ онъ не разъ упоминаетъ о великой княгинѣ, сожалѣетъ, что великій князь «имѣетъ слабость все сообщать своей супругѣ» и безошибочно приписываетъ ей полную неудачу своей миссии ²⁾.

Переговоры прерваны. Великій князь опять долженъ заниматься голштинскими дѣлами, между тѣмъ какъ всякое серьезное занятіе было ему въ тягость

«Въ концѣ 1754 года — говоритъ Екатерина — великій князь, видя свои дѣла въ состояніи, грозившемъ полнымъ банкротствомъ рѣшился поручить мнѣ заботы о поправленіи этихъ дѣлъ. Сперва я не хотѣла принимать это на себя, предвидя и затрудненія къ поправленію такого безнадежнаго положенія дѣлъ, и ревность, и зависть, которыя это навлечетъ на меня; но, наконецъ, я рѣшилась согласиться, такъ какъ не могла болѣе отказываться, не огорчить великаго князя. Я испросила у него, за его подписью и печатью особый указъ для голштинскихъ чиновниковъ, чтобъ они слушались меня. Указъ этотъ у Пехлина».

Это извѣстіе записано Екатериною въ 1760 г., въ ея замѣткахъ; много лѣтъ позже, въ своихъ «Запискахъ», она рассказала очень характерную сцену, вызвавшую порученіе ей голштинскихъ дѣлъ:

«Въ одно прекрасное утро, великій князь, подпрыгивая, влетѣлъ ко мнѣ въ комнату; за нимъ бѣжалъ его секретарь, Цейсъ, съ бумагою въ рукѣ. Великій князь обратился ко мнѣ: «Посмотрите, вотъ несносный человѣкъ! Вчера я много пилъ и сегодня еще хмѣленъ, а онъ вздумалъ приставать ко мнѣ съ дѣлами—это только списокъ дѣлъ которыя онъ хочетъ, чтобъ я рѣшилъ; онъ преслѣдуетъ меня даже въ вашей комнатѣ». Цейсъ мнѣ сказалъ: «Все эти бумаги требуютъ только *да или-нѣтъ*; все можно кончить въ четверть часа» —

¹⁾ *Mémoires*, 135, 158, 182. — ²⁾ On s'attend à de fortes oppositions de la part de la g... d.... Le grand duc a la foiblesse de lui dire tout. Делеша отъ 18-го іюня 1750. *Lynar*, I, 283, 331, 364, 420, 448, 461.

«Ну, въ самомъ дѣлѣ, сказала я, попробуйте: можетъ быть, вы кончите скорѣе, чѣмъ думаете». Цейсъ началъ читать и, по мѣрѣ того какъ онъ читалъ, я говорила *да* или *нѣтъ*. Это понравилось великому князю, и Цейсъ сказалъ ему: «Вотъ, ваше высочество, еслибъ вы согласились такъ дѣлать по два раза въ недѣлю, ваши дѣла не залеживались бы; это все пустяки, но надобно, чтобъ они шли своимъ чередомъ; великая княгиня окончила все, сказавъ шесть *да* и столько же *нѣтъ*». Съ этого дня его высочество сталъ присылать ко мнѣ Цейса всякій разъ, когда тотъ требовалъ отъ него *да* или *нѣтъ*. Спустя нѣкоторое время, я сказала великому князю, чтобъ онъ далъ мнѣ подписанный указъ, какія дѣла я могла кончать безъ его спроса и какія не могла, что онъ и сдѣлалъ. Объ этомъ распоряженіи знали только Пехлинъ, Цейсъ и я» ¹⁾.

Это была хорошая школа для Екатерины. Вопросы религіи, права, образованія и экономіи, дѣла финансовыя, торговля и промышленныя, весь сложный механизмъ управленія страной, со всею борьбою честолюбія, корысти, интриги, все проходило черезъ ея руки, со всѣмъ она знакомилась по масштабу довольно малому, но весьма полному. Ея политическіе взгляды формировались на докладахъ о голштинскихъ дѣлахъ, которыя представляли ей возможность практически знакомиться съ политико-государственными вопросами.

О датско-голландской распрѣ, о притязаніяхъ великаго князя на Шлезвигъ и датскаго короля на Голштинію не было потомъ и помини, пока не вспыхнула война съ Пруссією. Картина сразу пережѣнилась, такъ какъ положеніе Даніи представлялось въ данномъ случаѣ чрезвычайно важнымъ. Франція и Австрія очень хлопотали привлечь Данію въ коалицію противъ Фридриха II; онѣ знали, что лучшимъ къ тому средствомъ, можетъ служить улаженіе датско-голландской распри, и принимали свои мѣры. Еще въ началѣ 1757 года французскій представитель въ Петербургѣ, Дугласъ, переговоры съ вице-канцлеромъ Воронцовымъ о примиреніи великаго князя съ Данією ²⁾; въ іюлѣ того же года, Марія-Терезія

¹⁾ *Сборникъ*, VII, 93; *Mémoires*, 269; *Avertissement à mon conseiller privé actuel le Baron de Pechlin*, см. *Herrmann*, Hof, 307. — ²⁾ Денеша Дугласа къ Рулѣ, отъ 21-го апрѣля 1757 г. (*Шарж. Архивъ*, Russie, vol. 52, f. 316), гдѣ гр. Воронцовъ приводитъ три соображенія, по которымъ Елизавета Петровна

заключаетъ съ великимъ княземъ, какъ герцогомъ Голштиніи, особую конвенцію, которою великій князь обязуется дѣржать «всю голштинскую армію» подъ ружьемъ къ услугамъ императрицы-королевы, за что получаетъ ежегодную субсидію въ 100,000 флориновъ ¹⁾; наконецъ, 4-го мая 1758 г., въ Копенгагенѣ, былъ заключенъ франко-датскій договоръ, по которому Данія обязалась выставить 24,000 корпусъ, а Франція—употребить старанія, чтобъ склонить великаго князя взять Ость-Фрисландію за Шлезвигъ и обмѣнять Голштинію на Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Къ этому договору приступила позже и Австрія ²⁾.

При такихъ обстоятельствахъ возобновились переговоры по датско-голштинской распрѣ. Франція и Австрія принимали на себя въ этомъ случаѣ обязательство, выполнить которое было не въ ихъ силахъ. Если Данія за одно обѣщаніе «употребить старанія» къ улаженію распри обязалась выставить 24,000 корпусъ, чтобы «защитить Голштинію отъ вторженія прусаковъ» ³⁾, то, очевидно, что предложенный Данією проектъ на столько невыгоденъ для великаго князя, что не могъ быть имъ принятъ. Послы французскій и австрійскій добросовѣстно исполнили возложенное на нихъ порученіе: они всѣми силами старались убѣдить русское правительство покончить датско-голштинскую распрю, дѣлали представленія канцлеру, писали ноты, сообщали деклараціи, переговаривали съ ли-

не желаетъ вмѣшиваться въ соглашеніе между Даніей и великимъ княземъ. См. Приложение VIII, 3.

¹⁾ Convention entre l'Impératrice-Reine et le Grand-Duc de Russie en qualité de Duc régnant de Sleswig-Holstein, въ *Париж. Архивъ, Russie*, vol. 53, f. 166. Въ депешѣ маркиза *Лопиталля* аббату Берни, отъ 17-го сент. 1757 года: C'est un pretexte honnête de faire une pension au Grand-Duc (*Ibid.*, vol. 53, f. 341). Въ запискѣ отъ 1760 г. Екваторина говоритъ: Je fis conclure ce traité avec la cour de Vienne, où on lui donne 100 m. écus par an (*Сборникъ*, VII, 94). Участіе Екваторины въ этомъ случаѣ не можетъ быть опредѣлено безъ депешъ гр. Эстергази, хранящихся въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ. Есть, напротивъ, указаніе, что эта субсидія была прекращена въ 1759 году по соглашенію гр. Эстергази съ великою княгинею: Il y a toute apparence que le paiement de ces cent mille florins a été suspendu de concert avec Madame la Grande Duchesse, afin de prendre le Grand-Duc par famine, сказано въ депешѣ маркиза *Лопиталля* отъ 30-го авг. 1759 г. (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 60, № 74). — ²⁾ См. Приложение VIII, 3. — ³⁾ *Lynar*, I, 302.

цами, приближенными къ великому князю ¹⁾, но не добился ничего. Русское министерство, поставленное въ довольно неприятное положеніе между великимъ княземъ и представителями союзниковъ; прибѣгло къ оригинальной мѣрѣ: оно отталчивалось, по цѣлымъ мѣсяцамъ не отвѣчало на дѣлаемые ему запросы, затягивало переговоры. Неудивительно, что въ дипломатической перепискѣ по этому вопросу безпрестанно встрѣчается, какъ обычный припѣвъ, повторяющаяся чрезъ мѣсяцы и годы, варіація на тему: «датское дѣло въ томъ же положеніи» ²⁾.

Участіе Екатерины въ этихъ переговорахъ чрезвычайно оригинально и рисуетъ ее, какъ женщину, съ совершенно новой стороны. Съ 1756 по 1760 годъ—самое тяжелое время для великой княгини. Ее семейная, придворная и политическая жизнь подвергалась въ это время наиболѣе серьезнымъ испытаніямъ. Она была окружена врагами; надъ нею тяготѣло обвиненіе въ государственной измѣнѣ; лица, ей близкія и преданныя, высланы изъ Россіи или арестованы; отъ нея всѣ отвернулись. Дошло до того, что она рѣшилась было уѣхать изъ Россіи на родину, въ Германію, къ матери, и именно въ это время умерла мать—Екатерина осталась совершенно одна, предоставленная самой себѣ. Въ это время ей было не до Голштиніи. При дворѣ великаго князя властвуетъ и вполнѣ руководитъ безпутнымъ герцогомъ голштинцемъ Брокдорфъ, личный врагъ великой княгини, и такъ какъ Брокдорфъ противъ общаго земель, противъ улаженія датско-голштинской распри, то Екатерина высказывается за то и другое. Послы иностранныхъ державъ безпрестанно сообщаютъ за это время, что «великая княгиня желаетъ общаго Голштиніи на Ольденбургъ и Дельменгорстъ, что она «попираетъ и ненависть великаго князя къ датскому королю, и его

¹⁾ Дешета Дулласа, отъ 21-го апр 1757 г.; дешета Лопиталля отъ 13-го авг. и 30-го ноября 1757, отъ 25-го янв., 25-го февр., 5-го окт. и 29-го ноября 1758, отъ 28-го февр., 20-го апр., 28-го іюля, 8-го авг., 30-го авг., 3-го окт. и 5-го ноября 1759, отъ 18-го февр., 15-го іюля, 11-го авг. и 18-го сент. 1760 г., отъ 3-го февр. 1761 (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 52, f. 316; vol. 53, f. 272; vol. 54. № 136; vol. 55, f. 86 et 198; vol. 58, № 27; vol. 60, №№ 40, 65, 69, 74; vol. 61, ff. 118, 310; vol. 63, №№ 5, 12; vol. 64, № 42; vol. 65, f. 293).

²⁾ L'affaire du Danemark est dans la même position; l'affaire du Danemark languit toujours etc. (*Париж. Архивъ*, vol. 63, № 45; vol. 65, f. 121).

упрямство относительно Голштинии»; они знают даже побужденія, которыми руководилась въ данномъ случаѣ Екатерина ¹⁾.

Голштинскій проходимецъ Брокдорфъ два раза прїѣзжалъ въ Россію: въ 1744 году графъ Брюмеръ выслалъ его изъ Риги, не допустивъ даже до Петербурга; въ 1754 году онъ пробрался въ Петергофъ подъ видомъ «торговца стекломъ», почти нищимъ, въ одной парѣ платья. Это былъ тупой солдатъ, обладавшій способностью пить и не быть пьянымъ. Онъ понравился великому князю, который скоро сдѣлалъ его генераль-майоромъ голштинскихъ войскъ, камергеромъ, министромъ по голштинскимъ дѣламъ. Брокдорфъ скоро замѣтилъ значеніе великой княгини и употреблялъ всевозможныя средства, чтобъ «раздавить змѣю», какъ онъ называлъ Екатерину ²⁾. По отзыву всѣхъ, Брокдорфъ былъ глупъ ³⁾, и этому отзыву можно повѣрить. На одномъ изъ воскресныхъ обѣдовъ у французскаго посла маркиза Лопитала Брокдорфъ подпилъ и сталъ увѣрять хозяина, что великій князь никогда не согласится на пред-

¹⁾ Madame la Grande-Duchesse désire l'échange, въ депешѣ маркиза Лопитала, отъ 20-го апр. 1759 г. (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 60, № 40*); Madame la Grande-Duchesse désire vivement la fin de cet échange, въ депешѣ отъ 8-го авг. 1759 г. (*Ibid., vol. 60, № 69*); M. d'Osten dit que la Grande-Duchesse désapprouve et la haine de M. le Grand Duc contre le roi de Danemark, et son entêtement sur le Holstein, въ депешѣ барона Бретеля, отъ 15-го іюля 1760 г. (*Ibid., vol. 63, № 5*); Madame la Grande Duchesse est d'autant mieux disposée pour l'échange du Holstein qu'il lui en reviendra une somme considérable et que d'ailleurs c'est une pierre d'achoppement entre les deux branches de la maison de Holstein qui entrainerait inévitablement une guerre si on ne la prévenait par cet échange, въ депешѣ отъ 5-го окт. 1758 г. (*Ibid., vol. 58, f. 27*). Основываясь на неизданной перепискѣ, Германъ приписываетъ вліянію Бестужева происшедшую во взглядахъ великой княгини перемену на объѣмъ земель (Нof, 304).

²⁾ Штетицъ, 92. Депешы французскихъ посланниковъ: отъ 25-го февраля 1758 года (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 55, f. 198*), отъ 29-го ноября 1758 года (*Ibid., vol. 58, f. 263*) и отъ 17-го ноября 1759 года (*Ibid., vol. 61, f. 310*). Сборникъ, VII, 92. Его фамилія и въ официальныхъ бумагахъ всегда писалась Брокдорфъ, вмѣсто Бротдорфъ. Въ московскомъ главномъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ хранятся много официальныхъ бумагъ съ подписью: С. А. Brockdorff (*Голшт. дѣла, 1758, № 3, л. 8*). Брокдорфъ былъ ремонтеромъ кирасирскихъ лошадей «для всероссійской императорской короны» (*Ibid., л. 4*).

³⁾ Brocdorff, comme un sot, въ депешѣ Лопитала, отъ 20-го ноября 1758 г. (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 58, fol. 267*). Сборникъ, VII, 92.

лагаемый ему обмѣнъ Голштиніи; между прочимъ, Брокдорфъ ска-
заль: «Когда великій князь станетъ императоромъ, тогда другое
дѣло—тогда ему будетъ довольно заботъ и безъ Германіи, и онъ,
конечно, не станетъ воевать изъ-за Голштиніи; подобную войну
выдумываютъ тѣ, которые желаютъ посягнуть теперь же обмѣ-
номъ земель» ¹⁾. Между тѣмъ, умный гр. Бестужевъ еще въ 1750 г.
предсказывалъ датскому посланнику графу Линару, что первую за-
ботою великаго князя по вступленіи на престолъ будетъ война съ
Данією изъ-за приобрѣтенія Шлезвига ²⁾. Послѣдствія оправдали
гр. Бестужева.

¹⁾ Дѣпеша *Лопиталя* отъ 29-го февраля 1759 г. (*Париж. Архивъ*; Russie vol. 59, № 27). Въ 1761 году этотъ же Брокдорфъ былъ уполномоченъ вести переговоры съ датскимъ дворомъ о датско-голштинской распрѣ. Въ рескриптѣ барону Корфу, отъ 2-го марта 1761 года, сказано, что великій князь «для оказанія искренней склонности къ полюбовному соглашенію съ датскимъ дворомъ» назначилъ для переговоровъ оберъ-камергера Брокдорфа (*Москов. извѣст. Архивъ*, Рескрипты въ Копенгагенъ 1761 г., № 2, л. 32).— ²⁾ Дѣпеша гр. Линара королю отъ 1-го сентября 1750 г. *Lynar*, I, 367.

Съ рожденіемъ Павла Петровича положеніе Екатерины значительно измѣнилось. Исполнивъ главную свою задачу, она отходитъ на второй планъ. Всѣ заботы, все вниманіе переносятся на ея сына: онъ обеспечиваетъ спокойствіе императрицы, въ немъ залогъ прочности престолонаслѣдія, онъ является уздою и, въ случаѣ надобности, угрозою Петру Ѳедоровичу. Какъ только родился Павелъ Петровичъ, великокняжеская инструкция стала излишнею; она не была отмѣнена, но уже не признавалось необходимымъ примѣнять ее съ прежнею строгостію. Екатерина получаетъ большую свободу, выразившуюся въ ослабленіи надзора. Признательность за оказанную великою княгинею «услугу имперіи» скоро смѣнилась почти полнымъ безучастіемъ къ Екатеринѣ. Это оскорбило ее, но не подавило: Екатерина только болѣе сосредоточилась, стала серьезнѣе смотрѣть на жизнь, начала критически относиться къ явленіямъ, мнѣніямъ и людямъ.

Это настроеніе Екатерины сказалось, прежде всего, въ болѣе серьезномъ чтеніи. «Я читала тогда «Исторію Германіи» и «Всеобщую исторію» Вольтера, послѣ чего я прочла въ эту зиму столько русскихъ книгъ, сколько могла достать, въ томъ числѣ два толстые тома Баронія въ русскомъ переводѣ; потомъ мнѣ попался «Духъ законовъ» Монтескье, послѣ чего я прочла «Лѣтописи» Тацита, которыя произвели странный переворотъ въ моей головѣ» ¹⁾.

¹⁾ *Mémoires*, 225. Въ настоящее время невозможно указать, какія именно русскія книги могла достать Екатерина въ 1754—1757 годахъ, да и нѣтъ

Выборъ книгъ, хоть и случайный, но чрезвычайно характерный: если незамысловатая Екатерининъ русскія книги, вмѣстѣ съ двумя томами Баронія и съ неизвѣстною исторіею Германіи обогащали память новыми свѣдѣніями, то произведенія Тацита, Монтескье и Вольтера вносили новыя идеи, пробуждали мысль, придавали новую силу волѣ, твердость характеру.

Еще не родился человѣкъ, на котораго чтеніе твореній Тацита не произвело бы глубокаго впечатлѣнія. Екатерина, конечно, знала римскую исторію тѣхъ 54-хъ лѣтъ, отъ смерти Августа до смерти Нерона, которые описываетъ Тацитъ въ своихъ «Лѣтописяхъ»; ей были, конечно, извѣстны и событія, рассказанныя имъ въ утерянныхъ «книгахъ»—заговоръ и смерть Сеяна, четыре года правленія Калигулы; но всѣ эти факты представлялись теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ. Спокойно, годъ за годомъ, ведетъ Тацитъ свой рассказъ, выставляя факты въ ихъ собственномъ освѣщеніи, указывая причины и слѣдствія явленій, живыми красками рисуя людей и ихъ дѣянія. У него свой, имъ же выработанный языкъ, то живой и бурный, то спокойный и величественный, иногда рѣзкій, часто мѣткій, всегда точный, оригинальный, свидѣтельствующій о твердомъ убѣжденіи и самостоятельномъ мышленіи; его выраженія кратки, сжаты, они рисуютъ то, что авторъ желаетъ изобразить, не болѣе, не менѣе; его мысли глубоки, анализъ тонокъ, и если для пониманія Тацита требуется порою извѣстное вниманіе, то вызванное напряженіе вполне вознаграждается глубокимъ смысломъ, скрытомъ иногда въ краткой фразѣ, въ мѣткомъ словѣ. Не вина Тацита, что чтеніе его «Анналь» оставляетъ по себѣ тяжелое впечатлѣніе; эти отталкивающія картины не имъ выдуманы, не имъ созданы: изображая то безчестнаго и безжалостнаго обвинителя, налагающаго свою беспощадную руку на невинную жертву,

надобности: онъ, очевидно, не произвели на нее большого впечатлѣнія, если она даже не называетъ ихъ заглавіемъ; отъ русскаго же перевода Баронія сохранилась только память какъ о *deux immenses tomes*. Это и понятно: «Дѣянія Церковныя», обнимающія исторію церкви до XIII вѣка, представляютъ переводъ *Annales Ecclesiastici*, сдѣланный съ польскаго сокращенія, изъ котораго выброшено все, противное ученію православной церкви. Русскій переводъ изданъ въ 1719 г.; языкъ перевода очень тяжелъ и едва-ли Екатерина могла вполне понимать его.

то тайнаго донощика, взывающегоъ къ жестокости Тиберія, то шпіона, устраивающаго заговоръ и губящаго участниковъ¹⁾, Тацитъ рисуеть съ натуры. Онъ не клеветаетъ на челоуѣчество, но вѣрно, безъ пощады, какъ и безъ злобы, изображаетъ испорченное общество и его низкіе нравы. Онъ самъ сожалѣетъ, что ему приходится описывать тяжелое время, когда деспотизмъ цезарей загубилъ всѣ добродѣтели, когда коварство и вѣроломство влекли на казнь все честное и справедливое²⁾. Чтеніе «Анналовъ» произвело переворотъ въ головѣ Екатерины: она убѣдилась, что, говоря словами Тацита, при деспотическомъ, самовластномъ правленіи добродѣтели также гибельны для подданныхъ, какъ и пороки³⁾.

Тацитъ, въ своихъ «Авналахъ», внушалъ отвращеніе къ деспотизму вѣрными изображеніемъ практики деспотическихъ правленій; Монтескье, въ своемъ «*Esprit des lois*», опозорилъ деспотизмъ въ теоріи, указавъ его происхожденіе и формы дѣятельности, столь вредныя для свободнаго развитія націи.

Имя Монтескье было уже знакомо Екатеринѣ: еще въ 1744 г. графъ Гюлленбургъ совѣтовалъ ей читать, между прочимъ, «*Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains*», которыя она, однако, не прочла, какъ не читала она и его «*Lettres persanes*». Екатерина впервые теперь познакомилась съ идеями Монтескье по лучшему его произведенію, для котораго предъидущіе его труды служили только подготовительной работой. Чтеніе «Духа законовъ» принесло большую пользу Екатеринѣ, не получившей политическаго образованія: изъ него она познакомилась съ общими положеніями государственнаго права, узнала юридическія основы взаимныхъ отношеній, усвоила политическія тенденціи. Она, между прочимъ, поняла теперь серьезное значеніе политической свободы и увидѣла весь вредъ, происходящій для государства отъ тираніи. Въ этомъ произведеніи Монтескье она прочла, что всѣ формы правленія, при всемъ ихъ разнообразіи, сводятся къ тремъ главнымъ группамъ: республиканской, въ которой царитъ только самимъ же народомъ изданный законъ, монархической, гдѣ законъ устанавливается государемъ, только обѣщающимъ уважать его, и деспотической, когда

¹⁾ *Ann.*, I, 73 74; II, 27; IV, 68; XVI, 22, 23. — ²⁾ *Ann.*, IV, 32, 33. —
³⁾ *Vita Agric.*, cap. V.

закономъ является воля, капризь государя; она узнала, что существенное основаніе республики заключается въ политической добродѣтели, монархіи — въ чести государя, абсолютизма — въ трепетѣ подданныхъ. Все это изложено простымъ, понятнымъ языкомъ, вся сила котораго скрывается въ здоровомъ смыслѣ и строгой логикѣ; иногда авторъ прибѣгаетъ къ картиннымъ образамъ, рѣдко къ ироніи. «Когда дикари Лунзіаны хотять добыть плоды, они рубятъ въ корнѣ дерево—вотъ деспотическое правленіе» ¹⁾. Екатерина никогда еще не читала такъ й убійственной ироніи, съ какою Монтескье объясняетъ рабство негровъ: «Европейскіе народы, истребивъ дикихъ Америки, должны были наложить рабство на африканскихъ негровъ, чтобы заставить ихъ обрабатывать плантаціи. Сахаръ былъ бы очень дорогъ, еслибъ плантаціи обрабатывались не рабами, а вольнонаемнымъ трудомъ. Негры—черные съ головы до пятокъ, и у нихъ носъ такой плоскій, что ихъ почти невозможно жалѣть. Нельзя себѣ даже и представить, чтобы Господь Богъ, существо столь разумное, могъ вложить душу, къ тому же добрую, въ совершенно черное тѣло. Намъ невозможно допустить, чтобы эти черныя существа были людьми, потому что, если мы признаемъ ихъ людьми, то придется сознаться, что мы вовсе не христіане. Люди вздорные слишкомъ ужъ преувеличиваютъ несправедливость, съ какою мы относимся къ неграмъ: еслибъ эта несправедливость дѣйствительно была бы такъ велика, неужели государи-Европы, заключающіе между собою столько совершенно бесполезныхъ конвенцій, не заключили одной общей въ пользу сожалѣнія и милосердія?» ²⁾ Екатерина, хорошо уже ознакомившаяся съ эпохою временщиковъ въ Россіи, съ особеннымъ вниманіемъ читала о законахъ, касающіхся сущности деспотическаго правленія ³⁾, что она доказала, ставъ самодержицей. Она позже не разъ называла себя «республиканкой» именно въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову Монтескье. Въ устахъ Екатерины не было лучшей похвалы, какъ признать какое-либо произведеніе достойнымъ пера Монтескье; она называла «*Esprit des lois*» своимъ «молитвен-

¹⁾ *Esprit des lois*, Paris, 1851, liv. V, ch. 13, p. 51. — ²⁾ *Ibid.* liv. XV, ch. 5, p. 203. — ³⁾ *Ibid.*, liv. II, ch. 5, p. 17.

нѣкомъ» и находила, что книга эта должна быть молитвенникомъ «для всякаго государя, обладающаго здравымъ смысломъ»¹⁾.

По мѣткому выраженію Вольтера, Монтескье «возвратилъ чело- вѣчеству утерянныя имъ права». Дѣйствительно, весь смыслъ «*Esprit des lois*» заключается въ доказательствѣ правъ чело- вѣческаго рода на свободное развитіе. Иными путями, но къ тому же стремился и Вольтеръ: какъ Монтескье возставалъ главнымъ образомъ противъ рабства, такъ Вольтеръ ратовалъ преимущественно за вѣротерпимость. Это былъ для Вольтера тотъ догматъ, который, по искрен- нему его убѣжденію, долженъ составить счастье чело- вѣчества, упро- чить цивилизацію: проповѣди этого догмата Вольтеръ посвятилъ всю свою 84-лѣтнюю жизнь, и ему же онъ обязанъ всѣми гоне- ніями, которымъ подвергался и онъ лично, и его произведенія. Какъ при жизни Вольтера, такъ и по смерти, его произведенія воз- буждали или безграничный восторгъ, или необузданное негодова- ніе; даже по сей часъ критикѣ не удалось установить правильный взглядъ на «фернейскаго патріарха», и она все еще колеблется между анаемой и апоееозомъ²⁾. Это объясняется тѣмъ, что дог- матъ вѣротерпимости, проповѣдуемый Вольтеромъ, глубоко затроги- ваетъ самыя дорогія чувствованія, одно прикосновеніе къ которымъ вызываетъ уже на уста или благословеніе, или проклятіе. Такія крайнія сужденія не только свидѣтельствуютъ о высокомъ значе- ніи произведеній Вольтера, но и дѣлаютъ честь обществу, такъ серьезно относящемуся къ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ.

¹⁾ *Сборникъ*, I, 269; X, 31; XXIII, 77, 130.

²⁾ О Вольтерѣ много писано на всѣхъ языкахъ, кромѣ русскаго, такъ какъ и до настоящаго времени произведенія Вольтера запрещены къ ввозу въ Россію, не смотря на то, что Екатерина, болѣе ста лѣтъ назадъ, писала: *Donnez moi cent exemplaires complets des oeuvres de mon maître, afin que je les dépose tout partout. Je veux qu'elles servent d'exemple; je veux qu'on les étudie, qu'on les apprenne par coeur, que les esprits s'en nourrissent: cela formera des citoyens, des génies, des héros et des auteurs; cela développera cent mille talents, qui se perdront d'ailleurs dans la nuit des ténèbres, de l'igno- rance etc.* (*Сборникъ*, XXIII, 104). Лучшее сочиненіе о Вольтерѣ, безспорно, англійское—«*Voltaire*», by *John Morley*, выдержавшее много изданій и не- давно переведенное на русскій языкъ г. Кирпичниковымъ (Москва, 1889). Изъ русскіхъ компиляцій, лучшая—*С. Шаикова*, «Вольтеръ» (Дѣло, 1879, № 11, 233), гдѣ Вольтеръ представленъ со всѣми его выдающимися способ- ностями и болюальными недостатками.

Имя Вольтера давно уже гремѣло по Европѣ. Его трагедіи вызывали бурныя рукоплесканія, особенно послѣ колоссальнаго успѣха трагедіи «Zaïre»; его заключеніе въ Бастиліи, его высылка изъ Франціи, болѣе же всего сожженіе рукою палача его «Lettres philosophiques» покрыли Вольтера славою мученика; его сатиры и эпиграммы повторялись всѣми; его связь съ прусскимъ королемъ и особенно разрывъ съ Фридрихомъ II составляли событіе, которымъ интересовалось европейское общество. Его языкъ, чрезвычайно живой и легкій, полный остроумія и неумолимо ѣдкій, соблазнялъ современниковъ не менѣе высказываемыхъ имъ сужденій, гуманныхъ, справедливыхъ, всегда искреннихъ. Вольтеръ царилъ уже въ Европѣ, когда Екатерина начала читать его произведенія. Имя Вольтера было извѣстно великой княгинѣ и ранѣе: она, быть можетъ, слышала его отъ М-ше Кардель и, конечно, знала о хлопотахъ французскаго посланника Дальона относительно принятія Вольтера въ число почетныхъ членовъ петербургской академіи ¹⁾; но Екатерина не имѣла еще случая читать его произведенія и познакомилась, прежде всего, съ однимъ изъ наиболѣе полезныхъ для нея твореній Вольтера — *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations* ²⁾.

Поэтъ и прозаикъ, драматургъ и романистъ, историкъ и философъ, публицистъ и памфлетистъ, Вольтеръ пробовалъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы, «кромя скучнаго» ³⁾, и всюду вно-

¹⁾ Переписка по этому поводу Даржансона съ Дальономъ, въ *Париж. Архивъ, Russie*, vol. 48. Депеша Дальона, отъ 29-го апр. 1746 г.: Je suis enfin parvenu à faire recevoir M. de Voltaire dans l'académie de Pétersbourg (*Ibid.*, vol. 48, f. 202). Исторія избранія Вольтера академію разсказана *Пекарскимъ*, акад., I, 382.

²⁾ Екатерина говоритъ, что она читала «Histoire Universelle de Voltaire» (*Mémoires*, 225). Тутъ очевидное недоразумѣніе, такъ какъ Вольтеръ никогда не писалъ всеобщей исторіи: Екатерина называетъ книгу по содержанію, а не по заглавію. По содержанію же, всеобщую исторію можетъ быть названо скорѣе всего «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII», изданный, безъ согласія автора, въ 1754 г. Почти въ это же время появившіяся «Annales de l'Empire», самое слабое изъ всѣхъ произведеній Вольтера, въ значительно меньшей степени подходятъ къ опредѣленію всеобщей исторіи. *Voltaire*, vol. XXII—XXIX.

³⁾ Tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux, говорить *Вольтеръ*

силъ широкія взгляды, новыя мысли, плѣбная читателей яснымъ, легкимъ изложеніемъ. Его гениальность довольно замѣтно сказывалась даже въ историческихъ трудахъ, къ которымъ онъ, казалось, менѣе всего былъ приготовленъ.

Екатерина, конечно, прочла бы и «Histoire de Charles XII», и «Siècle de Louis XIV», даже «Annales de l'Empire», еслибъ эти историческія сочиненія Вольтера «попались ей подъ руку»: по счастью, она прежде всего нашла на его лучшее историческое произведеніе, на «Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ». На первой же страницѣ Екатерина встрѣтилась съ совершенно новыми для нея мыслями: она прочла, что не лица, не государи и ихъ войны, а законы, искусства, нравы и обычаи составляютъ существенное содержаніе исторіи, что тѣ мелкія подробности, которыя она читала въ «Исторіи Генриха Великаго» Перификса или въ «Исторіи Германіи» Барра, не имѣютъ никакого значенія—онѣ лишь напрасно усложняютъ задачу историка и безцѣльно утомляютъ читателя. Вольтеръ желалъ представить въ связномъ разказѣ, въ общей картинѣ, культурное развитіе различныхъ народныхъ группъ въ разнообразныхъ проявленіяхъ ихъ исторической жизни—государственной, политической и общественной; онъ задумалъ написать исторію цивилизаціи Европы «отъ Карла V. до Людовика XIII». Мысль, въ то время никѣмъ еще невысказывавшаяся, и мысль, для того времени, дѣйствительно, великая, своимъ величіемъ полавившая самого автора. Вольтеръ написалъ много прекрасныхъ страницъ, высказалъ много здравыхъ сужденій, проявилъ много остроумія, но не былъ въ силахъ представить грандіозную картину историческаго прогресса. Въ его «Опытѣ» представленъ рядъ историческихъ фактовъ, но не указана ихъ причинная связь; одно событіе не вытекаетъ изъ другого, одно явленіе не влечетъ за собою другое; у него народы волнуются, но не двигаются. Это красивый калейдоскопъ историческихъ картинъ, а не стройная панорама хода исторіи. Современники Вольтера, восхищенные «Опытъ» совершенно новаго для нихъ представленія исторіи, не за-

въ предисловіи къ жалкой комедіи «L'enfant prodigue», и это выраженіе такъ понравилось Екатеринѣ, что она очень часто вспоминала его; во Франціи оно стало поговоркой.

мѣчали его недостатковъ; не замѣчала ихъ и Екатерина. Она съ восторгомъ читала нападки Вольтера на католическую церковь: «Масса лжи, заблужденій и самаго возмутительнаго вздора, въ которомъ мы погрязали столько вѣковъ, была, однако, безсилна причинить малѣйшій вредъ нашей религи; она, безспорно, божественна, если даже семнадцать вѣковъ обмана и глушости не могли разрушить ее»; ей нравились выходки Вольтера противъ милитаризма: «Тысячи сраженій не принесли человѣчеству ни малѣйшей пользы, между тѣмъ какъ творенія великихъ людей всегда будутъ служить источникомъ чистыхъ наслажденій; шлюзъ канала, картина Пуссена, художественная трагедія, провозглашенная истина въ тысячу разъ цѣннѣе всѣхъ военныхъ кампаній»; она вполне признавала взглядъ Вольтера на евреевъ: «Во всей іудейской исторіи вы не встрѣтите ни одного достойнаго подвига; евреи не знаютъ ни гостепріимства, ни щедрости, ни милосердія; духъ лихоимства обуялъ ихъ, и эксплуатація составляетъ высшее ихъ благо; евреи—враги человѣчества». Екатерина, воспитанная на историческихъ взглядахъ Боссюэта, который повсюду видитъ персть Божій, отдала теперь предпочтеніе Вольтеру, который «не допускаетъ Бога вмѣшиваться въ дѣла людей».

Всякое чтеніе полезно, но чтеніе Тацита, Монтескье, Вольтера необходимо должно имѣть глубокое вліяніе на взгляды, сужденія, на самый образъ мыслей читателя, особенно если читателемъ является женщина. Впечатлительный умъ, воспріимчивое чувство Екатерины поддались въ полной мѣрѣ этому вліянію, что она и высказала въ слѣдующемъ своемъ признаніи: «Je commençais à voir plus de choses en noir et à chercher des causes plus profondes et plus calquées sur les intérêts divers dans les choses qui se présentaient à ma vue» ¹⁾.

Все свободное время Екатерина посвящала чтенію. Эту особенность ея времяпровожденія, какъ необычайную въ Россіи, особенно же для великой княгини, замѣтили и посланники иностранныхъ дворовъ ²⁾: Въ ихъ отзывахъ сказались и послѣдствія этой любви

¹⁾ *Mémoires*, 226. — ²⁾ La Grande-Duchesse aime la lecture, въ депешѣ Лопиталля, отъ 1-го ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 54, f. 83), чѣмъ подтверждаются *Mémoires*, 244, 281 и др.

къ чтенію: если въ 1746 г. Дальовъ находилъ только, что великая княгиня умѣе и серьезнѣе своихъ лѣтъ, то, десять лѣтъ спустя, Лопиталь сообщалъ уже о просвѣщенномъ умѣ и твердомъ характерѣ Екатерины ¹⁾.

Въ томъ и другомъ отношеніи великій князь представлялся противоположностью своей супруги. Онъ не любилъ читать и ненавидѣлъ книгу. Лѣтомъ 1749 г., находясь въ затруднительномъ положеніи, «великій князь накупилъ себѣ нѣмецкихъ книгъ, но какихъ книгъ! Это все были на половину лютеранскіе молитвенники, на половину—судебные процессы разныхъ разбойниковъ, повѣщенныхъ или колесованныхъ» ²⁾. Великій князь бралъ то молитвенникъ, то показанія разбойника, желая забыться и чтеніемъ разсѣять тревогу, но не могъ ни читать, ни успокоиться. Причина тревоги была очень характерна и обнаружила въ великомъ князѣ такіе недостатки, которыми воспользовалась позже Екатерина. Вотъ эта причина:

«Почти все лѣто, по крайней мѣрѣ во все время житья въ Раевѣ, я видѣла великаго князя только за столомъ; даже въ спальню онъ приходилъ когда я уже спала и уходилъ раньше, чѣмъ я вставала; все остальное время онъ посвящалъ охотѣ, вѣрнѣе, проводилъ цѣлые дни въ собачнѣ, или принималъ доклады своихъ егерей о благосостояніи своры собакъ, причѣмъ билъ и бражничалъ съ егерями. Тогда въ Москвѣ стоялъ бутырскій полкъ; въ этомъ полку былъ капитанъ Яковъ Батуринъ, игрокъ, весь въ долгахъ, признанный негодяемъ, но человекъ весьма рѣшительный. Не знаю по какому случаю и какъ онъ свелъ знакомство съ егерями великаго князя, но только егеря стали говорить великому князю, что въ бутырскомъ полку есть капитанъ, чрезвычайно преданный его высочеству и говорившій, что весь полкъ раздѣляетъ это чувство. Великій князь былъ очень доволенъ этимъ разговоромъ и пожелалъ узнать отъ егерей разныя подробности о бутыр-

¹⁾ Денеша Лопитала отъ 27-го іюля 1757 г. и отъ 4-го февр. 1758, въ *Париж. Архивъ, Russie*, vol. 53, fol. 171; vol. 55, fol. 137. Эти отзывы имѣютъ цѣну—они исходятъ отъ француза, убѣжденнаго, что великая княгиня враждебна французскимъ интересамъ: *les maximes de Madame la Grande Duchesse nous sont contraires*, сказано въ депешѣ Лопитала отъ 6-го января 1759 г. (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 59, № 7). *Гордонъ*, 315. — ²⁾ *Mémoires*, 120.

скомъ полкъ. Ему наговорили много дурного о начальствѣ полка и много хорошаго о подчиненныхъ. Наконецъ, Батурина чрезъ егерей же испросилъ разрѣшеніе представиться великому князю. Сперва великій князь не поддавался на это, но потомъ согласился. Короче, когда великій князь поѣхалъ на охоту, Батурина ожидалъ его въ уединенномъ мѣстѣ. Завидя великаго князя, Батурина упалъ на колѣни и поклялся, что признаетъ государемъ только его и сдѣлаетъ все, что онъ прикажетъ. Великій князь рассказывалъ мнѣ, что, услышавъ подобную клятву, онъ крайне испугался, припорилъ лошадь и оставилъ Батурина въ лѣсу, на колѣняхъ, и что егеря, скакавшіе впереди, не слышали клятвы. Великій князь увѣрялъ, что не имѣлъ съ Батуринымъ никакихъ другихъ сношеній и даже предупреждалъ егерей остерегаться, чтобъ этотъ человекъ не ввелъ ихъ въ бѣду. Теперь его тревожило извѣстіе, принесенное егерями же, что Батурина арестованъ и отвезенъ въ Преображенское, гдѣ находилась тайная канцелярія, вѣдавшая государственныя преступленія. Его высочество трепеталъ за егерей и боялся быть замѣшаннымъ въ это дѣло. Онъ чрезвычайно трусилъ. Арестовали егерей, допросили въ Преображенскомъ и выслали изъ Москвы. Егеря на допросахъ ни разу не упомянули его имени. Великій князь прыгалъ отъ радости, получивъ это извѣстіе»¹⁾.

Этотъ эпизодъ, лучше всѣхъ книгъ, просвѣтилъ Екатерину относительно характера великаго князя. Комическая фигура пѣхотнаго офицера на колѣняхъ, въ полѣ, и убѣгающаго отъ него маршъ-маршемъ великаго князя произвела впечатлѣніе на Екатерину и, позже, встала передъ нею какъ живая, рисуя образъ ненаходчиваго, нерѣшительнаго супруга, неспособнаго на борьбу, на сопротивление. Екатерина сознается, что она «не читала послѣ и невѣдѣла дѣла Батурина», и, тѣмъ не менѣе, много лѣтъ спустя, она совершенно вѣрно описала эпизодъ—такъ онъ врѣзался ей въ память!

¹⁾ *Mémoires*, 121. Этотъ эпизодъ прекрасно изслѣдованъ А. П. Барсуковымъ, въ статьѣ «Юсафъ Батурина» (Разказы изъ русской исторіи XVIII вѣка, Спб. 1885) и можетъ служить новымъ доказательствомъ вѣрности «Записокъ» Екатерины. Она запомнила только имя Батурина—Яковъ вм. Юсафъ, и названіе полка—бутырскій вм. ширванскій, но какъ бы въ оправданіе ее, г. Барсуковъ говоритъ, что «ширванскій и бутырскій полки всегда состояли въ одной дивизіи».

Какъ женщина умная. Екатерина всегда дѣйствовала осмотрительно, но съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ проявляла свой характеръ. Ребенкомъ, въ штетинскомъ городскомъ саду, она руководила играми сверстницъ; дѣвочкой, въ Москвѣ, она своими шалестями приводила въ отчаяніе надоѣдавшихъ ей камеръ-юнгферъ¹⁾; позже, съ годами, она лихо ѣздила верхомъ, смѣло вела запретную переписку и безъ страха встрѣчала опасности; она сознавала себя храброю и, когда было нужно, похвалялась своею смѣлостью, доходившею до дерзости²⁾. Обстоятельства, сопровождавшія рожденіе Павла Петровича показали, что великая княгиня обладаетъ твердымъ характеромъ. Спустя годъ, въ концѣ 1755 г., Екатерина уходила, переезжая, изъ скучнаго дворца, чтобъ повеселиться съ пріятелями. Вотъ какъ она сама рассказываетъ объ этихъ смѣлыхъ вылазкахъ съ передѣвaniemъ:

«Левъ Нарышкинъ, пустой малый, имѣлъ обыкновеніе мяукать о-кошачьи передъ моею дверью; если я ему отвѣчала, онъ входилъ. 17-го декабря, между 6 и 7 часами вечера, онъ замыкалъ, я его впустила. Онъ принесъ мнѣ поклонъ отъ жены своего старшаго брата, сказалъ, что она не такъ здорова, и прибавилъ:

«— Вамъ слѣдовало бы навѣстить ее.

«— Охотно бы, но вы знаете, что я не могу выходить безъ позволенія, а мнѣ ни за что не позволять навѣстить ее.

«— Я васъ проведу.

¹⁾ «Правъ Екатерины былъ веселый, шутливый, но смѣлый, горячій и при юности насмѣшливый... Однажды она, желая посмѣяться надъ своими аргументами и привести ихъ къ замѣшательству, спряталась подъ кровать и, держа въ рукѣ колокольчикъ, звонила. Приставницы, являясь къ призыву и не находя великой княгини въ комнатѣ, удалялись; звонъ опять повторялся, тѣ еще входили, и по неудачныхъ исканіяхъ, по изумленіи откуда происходилъ звукъ и куда она сокрылась, искали ее съ четверть часа, недоумѣвали, что донести императрицѣ, какъ вдругъ забавлявшаяся Екатерина предстала имъ съ великимъ смѣхомъ». *Сумароковъ*, 18.

²⁾ Madame la Grande-Duchesse se pique d'un grand courage. Elle me disait dernièrement en pleine table et devant tous les ministres étrangers à propos de son goût pour monter à cheval: «Il n'y a pas de femmes plus hardie que moi; je suis d'une temérité effrenée». Le comte Poniatowski était vis-à-vis d'Elle. Денеша *Донитала*, отъ 1-го ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 54, fol. 83). *Castéra*, I, 199.

«— Вы съ ума сопли! Какъ мнѣ идти съ вами: васъ посадятъ за это въ крѣпость, а мнѣ будутъ Богъ знаетъ какія непріятности.

«— О, никто не узнаетъ. Мы примемъ всѣ предосторожности.

«— Какимъ образомъ?

«— Я приду за вами черезъ часъ или черезъ два; великій князь пойдетъ ужинать (давно уже я въ эти часы оставалась у себя въ комнатѣ, подъ предлогомъ, что не ужинаю), просидитъ за столомъ далеко за полночь, напьется и пойдетъ спать (послѣ родовъ моихъ онъ по большей части спалъ въ своей комнатѣ). Для большей вѣрности, одѣньтесь мушкетеромъ и мы вмѣстѣ пойдемъ къ Аннѣ Никитишнѣ.

«Это похищеніе начинало соблазнять меня—я цѣлые дни просиживала одна, у себя въ комнатѣ, за книгами, безъ всякаго общества. Обсуждая съ нимъ это предложеніе, въ сущности весьма нелѣпое, я нашла возможнымъ доставить себѣ это удовольствіе. Онъ ушелъ. Я кликнула моего калмыка-парикмахера и велѣла ему принести одинъ изъ моихъ мужскихъ костюмовъ, сказавъ, что предполагаю подарить его. Калмыкъ этотъ никогда рта не открывалъ; его гораздо труднѣе было заставить говорить, чѣмъ другихъ молчать. Онъ быстро исполнилъ приказаніе и принесъ все, что было нужно. Я сказала, что у меня болитъ голова и что я лягу спать. Какъ только Владиславова уложила меня и ушла, я встала, одѣлась съ ногъ до головы по-мужски, прибравъ какъ можно лучше волосы, къ чему я уже была привычна и ловко подбирала ихъ. Въ условленный часъ Левъ Нарышкинъ пришелъ, комнатами великаго князя, мяукать у моей двери; я отворила ему. Черезъ малую прихожую мы прошли въ сѣни и сѣли въ его карету, никѣмъ незамѣченные и помирая со смѣху. Левъ Нарышкинъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ. Мы застали Анну Никитишну, которая никакъ не ожидала насъ, и провели время самымъ веселымъ образомъ. Спустя часа полтора, я возвратилась также счастливо—ни одна живая душа не повстрѣчалась намъ. Черезъ нѣсколько дней Левъ предложилъ отдать мнѣ визитъ, у меня въ комнатѣ; онъ провелъ всѣхъ ихъ ко мнѣ такъ, что никто не видѣлъ. Эти секретныя свиданія полюбили намъ и мы собирались по два, иногда по три раза въ недѣлю. Только два раза мнѣ пришлось возвращаться пѣшкомъ; по это было вмѣсто прогулки» ¹⁾.

¹⁾ *Mémoires*, 243.

Вотъ когда, еще при жизни Елизаветы Петровны, Екатерина уходитъ уже тайкомъ изъ дворца, рѣшается на поступокъ, который могъ дорого стоить ей, и рискуетъ ради «болтовни» съ пріятелями, ради развлечения. Очевидно: когда представится крайняя пужда, когда явится вопросъ о самозащитѣ, она рѣшится на все и ни предъ чѣмъ не задумается.

«Такъ начался—говорить Екатерина—1756-й годъ, когда готовились къ войнѣ съ королемъ прусскимъ». Екатерина въ то время и не думала, конечно, что эта война явится для нея тяжкимъ испытаніемъ, что потребуется вся ея сила воли, весь ея умъ, твердость характера и находчивость, чтобъ удержать за собою занятую ею позицію.

Прусскій король Фридрихъ II всегда зорко слѣдилъ за Россіей. Въ своихъ мемуарахъ, писанныхъ въ 1746 году, онъ совѣтовалъ своимъ преемникамъ «дружбу» съ Россіей, такъ какъ «Россія, по своему положенію и могуществу, опаснѣйшій изъ всѣхъ сосѣдей», причемъ онъ высказывалъ въ то же время желаніе, чтобы «Россія никогда не вмѣшивалась въ нѣмецкія дѣла: самое лучшее—оставить медвѣдя въ его берлогѣ и не давать ему даже замѣтить, что въ немъ нуждаются или его боятся»¹⁾. Вскорѣ, однако, Фридрихъ убѣдился, что Россія можетъ вмѣшаться не только въ нѣмецкія, но даже въ прусскія дѣла: осенью 1746 г. въ Берлинѣ былъ арестованъ «русскій шпионъ», совѣтовавшій Россіи «завлечь Восточную Пруссію и тѣмъ обрубать крылья слишкомъ ужъ воспарившему сосѣду»²⁾; въ 1747 г. была заключена англо-русская субсидная конвенція, угрожавшая Пруссіи; въ 1750 г. были прерваны дипломатическія сношенія Россіи съ Пруссіей. Для Фридриха II стало очевиднымъ, что медвѣдя въ берлогѣ не удержатъ, и онъ началъ изыскивать мѣры къ возможно большому ослабленію, если не къ полному устраненію надвигавшагося съ востока удара. Лучшимъ къ тому средствомъ онъ признавалъ сближеніе съ Россіей; но на кого же онъ могъ рассчитывать въ Петербургѣ?

Менѣе всего на императрицу. Со времени воцаренія, Елизавета Петровна всегда была вѣрна Австріи; даже прикосновеніе австрійскаго посланника маркиза Ботто д'Адорно къ лопухинскому

¹⁾ Pol. Corr., V, 11. — ²⁾ *Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II*, 194; *Билбасовъ*, 5.

дѣлу не охладило дружескихъ ея отношеній къ Маріи-Терезіи. Елизавета Петровна имѣла зубъ противъ Фридриха II, но не столько за безсовѣстный захватъ имъ Силезіи, сколько за «сѣверный вопросъ», въ которомъ Россія и Пруссія заняли непримиримыя положенія относительно Швеціи ¹⁾). Всѣ усилія прусскаго короля сблизиться съ Елизаветой Петровной разбивались объ этотъ сѣверный вопросъ. Фридрихъ II хорошо зналъ это, и если, напримеръ, въ 1755 году, когда графъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ, братъ канцлера, былъ проездомъ въ Франкфуртъ, онъ высказывалъ желаніе достигъ «сердечнаго примиренія съ императрицей», или въ 1756 году, разговаривая съ Митчелемъ, «опъ удивлялся, почему русская императрица питаетъ къ нему такое отвращеніе» ²⁾), то былъ лишь неискренень, обманывая и русскаго гофмаршала, и англійскаго посланника.

Русскій канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ—заклятой врагъ Пруссіи, но съ этою враждою возможна борьба и, какъ полагаютъ Фридрихъ II, борьба довольно легкая: стоило только условиться въ суммѣ дукатовъ. Король скоро убѣдился, что онъ ошибался: Фридрихъ II опредѣлялъ на подкупъ Бестужева то 10,000 дукатовъ, то 100,000 экю, то, наконецъ, готовъ былъ выплатить ту сумму, какая потребуется ³⁾—ничто не удалось, и Бестужевъ не взялъ ни гроша. Онъ, вѣроятно, взялъ бы, еслибъ могъ что-либо сдѣлать въ пользу прусскаго короля; но онъ ничего не могъ, ничего и не взялъ. Фридрихъ II убѣдился, что съ Россіею никакое соглашеніе невозможно, «пока дѣлами управляетъ графъ Бестужевъ» и пока жива Елизавета Петровна. «Съ русскими ничего не подѣлаешь, пишетъ онъ своему послу Мишелю въ Лондонъ. Меня извѣщаютъ, что императрица опасно больна; еслибъ она умерла, это могло бы повести къ перемѣнѣ возрѣній русскаго двора; но мимо такой случайности нельзя ни на что разсчитывать» ⁴⁾).

Кромѣ императрицы и канцлера, Фридрихъ II особенно хлопоталъ о расположеніи молодого двора. Вначалѣ, не имѣя еще точныхъ свѣдѣній о великомъ князѣ Петрѣ Федоровичѣ, прусскій король поручалъ своему представителю въ Петербургѣ «приласки-

¹⁾ *Preuss. Staatsschrift.*, II, 232. — ²⁾ *Pol. Corr.*, XI, 147; XIII, 35. —

³⁾ *Pol. Corr.*, XIII, 340, 346, 362. — ⁴⁾ *Pol. Corr.*, XIV, 230.

вать по возможности великаго князя, чтобъ добиться его дружбы» ¹⁾, но вскорѣ увидѣлъ, кому принадлежитъ выдающаяся роль при русскомъ молодомъ дворѣ. Уже въ 1747 году прусскій посланникъ Финкенштейнъ сообщалъ своему королю: «Можно биться объ закладъ, что великій князь никогда не будетъ царствовать въ Россіи; не говоря уже о его слабомъ здоровьѣ, угрожающемъ преждевременною смертію, русскій народъ такъ ненавидитъ великаго князя, что онъ рискуетъ лишиться короны даже и въ томъ случаѣ, еслибъ она естественно перешла къ нему по смерти императрицы» ²⁾. Въ началѣ 1752 года самъ Фридрихъ II такъ уже отзывается о немъ: «Великій князь чрезвычайно неостороженъ въ своихъ рѣчахъ, по большей части въ спорѣ съ императрицей, мало уважаемъ, вѣрнѣе сказать презираемъ народомъ и слишкомъ ужъ занять своею Голштиніею» ³⁾. Фридрихъ II менѣе интересуется уже великимъ княземъ и занять только великою княгинею: въ раздорахъ великокняжескаго двора его печалятъ только «непріятности, испытываемыя великою княгинею», только ей въ угоду назначаетъ онъ пенсію гр. Брюкмеру ⁴⁾.

Фридрихъ II не имѣлъ ни повода, ни возможности переписываться непосредственно съ русскою великою княгинею. До вступленія на престолъ, Екатерина написала ему счетомъ три письма: въ первомъ, несохранившемся или, по крайней мѣрѣ, еще не обнаруженномъ, принцесса Софія извѣстила Фридриха II о своемъ обрученіи съ наследникомъ русскаго престола ⁵⁾; во второмъ, отъ

¹⁾ *Pol. Corr.*, III, 28.—²⁾ *Pol. Corr.*, V, 472.—³⁾ *Pol. Corr.*, IX, 33.—
⁴⁾ *Pol. Corr.*, V, 66; VI, 255; VII, 213.

⁵⁾ Въ «Перепискѣ императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II», изданной русскимъ историч. обществомъ, не помѣщено письмо Фридриха къ великой княгинѣ отъ 5-го августа (25-го іюля) 1744 г., напечатанное въ *Pol. Corr.*, III, 237. Оно было переслано чрезъ барона Мардефельда, которому король писалъ: Je vous adresse ci-clos ma réponse à la lettre que la grande duchesse des Russies m'a fait le plaisir de m'écrire (III, 239). Этого письма великой княгини тоже нѣтъ въ «Перепискѣ» (*Сборникъ*, XX, 149). Судя по отвѣту, именно по встрѣчающемуся въ немъ выраженію: «l'élévation de Votre Altesse Impériale à cette dignité», надо полагать, что принцесса Софія извѣщала Фридриха II о своемъ нареченіи великою княжною Екатериною Алексѣевною и обрученіи съ великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ. Письмо Фридриха II отъ 5-го августа (25-го іюля) 1744 не могло

21-го іюля 1744 года, благодарила его за участіе «въ созданіи того новаго положенія, въ которое она поставлена», и въ третьемъ, отъ 12-го марта 1762 года— за поздравленіе «съ восшествіемъ на престолъ императора. ея супруга». Всѣ эти письма, составленныя, по этикету того времени, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не представляютъ интереса и никоимъ образомъ не могутъ служить ни характеристикой Екатерины, ни указателемъ ея отношеній къ Фридриху II. До 1750 года, когда были прерваны всякія дипломатическія сношенія между Петербургомъ и Берлиномъ, Фридрихъ II имѣлъ свѣдѣнія о великокняжескомъ дворѣ отъ своихъ представителей; съ 1750 года, до него доходили только случайно извѣстія, нерѣдко отъ лицъ, проѣзжавшихъ чрезъ Берлинъ. Только съ 1755 года Фридрихъ II сталъ получать болѣе частыя извѣстія отъ Уильяма, англійскаго посланника въ Петербургѣ.

Положеніе сэра Чарльза Генбури Уильяма было чрезвычайно затруднительно. Его пребываніе въ Петербургѣ совпало со временемъ пересмотра международныхъ союзовъ, измѣнившаго политическую систему всей Европы. Поводъ къ этимъ перемѣнамъ подавъ Фридрихъ II, заключивъ союзный договоръ съ своимъ старымъ врагомъ, Англіею, именно въ то время, когда Англія воевала съ Франціею, старою союзницею Пруссіи.

Дорого заплатилъ Фридрихъ II за вестминстерскій договоръ 5-го января 1756 года. Это былъ капитальный промахъ ¹⁾, подоб-

быть отвѣтомъ на то письмо Екатерины, которое помѣщено въ «Перепискѣ» первымъ: отправленное изъ Москвы 1-го августа (21-го іюля) оно не могло прибыть въ Берлинъ ранѣе 17-го (6-го) августа, считая три дня пути изъ Москвы до Петербурга и тринадцать—отъ Петербурга до Берлина, что видно изъ письма Екатерины II отъ 9-го (20-го) октября 1763 г. (*Сборникъ* XX, 179).

¹⁾ Нѣмецкіе историки, долгое время видѣвшіе въ вестминстерскомъ договорѣ «мастерской маневръ» Фридриха II, начинаютъ сознавать, что это «великое намѣреніе» (*das grosse Dessen*) было довольно грубою ошибкою; но все еще стараются такъ или иначе свалить съ больной головы на здоровую, лишь бы оправдать „великаго короля“. Такъ *Bernhardt*, въ своемъ «*Friedrich II und der Beginn des siebenjährigen Krieges*», говоритъ: *Einer der vornehmlichsten Gesichtspunkte Friedrichs bei dem Vertrage mit England bestand gerade darin, sich durch denselben gegen das mit dieser Macht befreundete Russland zu sichern. Man wird selbst bei Friedrichs Scharfblick diesen Irrthum wohl begreifen können, indem es ohne Zweifel zu den schwierigsten*

наго которому Фридрихъ II не дѣлалъ ни прежде, ни послѣ: этимъ договоромъ число враговъ его не уменьшилось, такъ какъ мѣсто Англiи заняла теперь Франція, врагъ, къ тому же, для Фридриха болѣе опасный, и не увеличилось число друзей—Россiя, какъ была, такъ и осталась, союзницею Австрiи, не Пруссiи. Но злѣйшiй врагъ Фридриха, Австрiя, послѣ версальскаго договора, бывшаго роковымъ, неизбѣжнымъ послѣдствiемъ договора весминстерскаго, по-

Aufgaben eines Staatsmannes gehört, eine Politik richtig zu schätzen, deren Mittelpunkt die Laune und Reizbarkeit eines Weibes bilden, und deren Organe sich vor allem von der Rücksicht auf die Höhe der zu ihrer Bestechung verwendeten Geldsumme leiten lassen (*Hist. Zeitschr.*, XII, 50). О «капризахъ» Елизаветы Петровны въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи—можно только, зная ея характеръ, удивляться, ея выдержкѣ; что же касается подкуповъ, то они въ то время лишь облегчали дипломатическіе ходы—самъ же Фридрихъ II находилъ, что для успѣха нужно только «faire entrer un âne chargé d'or à Pétersbourg» (*Pol. Corr.*, I, 91). Иначе смотрятъ на этотъ договоръ *Max Duncker*, въ своемъ «Der siebenjährige Krieg». Der Entschluss des Königs war richtig, insoweit es darauf ankam, den Weg zu betreten, der möglicherweise den Frieden in Deutschland erhalten konnte, insoweit es die vornehmste Aufgabe war, wenigstens einen der Gegner (England) zu entwaffnen. Falsch hatte der König gerechnet, soweit er glaubte durch die Verbindung mit England auch Russland und Oesterreich, mindestens aber Russland, entwaffnen zu können. Er überschätzte die finanziellen Verlegenheiten Russlands und noch mehr die Oesterreichs; er überschätzte den Einfluss Englands in Wien und noch mehr dessen Einfluss in Petersbourg. Er wusste nicht, wie eng. wie solidarisch Oesterreich und Russland verbunden waren, noch weniger, in welchem Masse Kaunitz den Hof von Paris gewonnen hatte (*Hist. Zeitschr.*, XIX, 157). Удивительная логика: если вестминстерскимъ договоромъ «обезоруживался одинъ противникъ, Англiя», то имъ же вооружался новый—Франція. Вѣдь, договоръ былъ подписанъ въ январѣ 1756 г., а еще въ 1754 г. французскіе колонисты Канады и Луизианы своими фортами по океану, Огіо и Миссиссипи возбуждали англійскихъ колонистовъ, и 28-го мая майоръ Георгъ Вашингтонъ одержалъ первую побѣду; послѣ столкновенiя въ водахъ Ньюфондленда, 8-го iюня 1755 г., англійскаго и французскаго флотовъ не могло быть уже сомнѣнiя, что союзники Англiи будутъ признаны Франціей за своихъ враговъ, и наоборотъ. Если, наконецъ, ошибочный взглядъ на русскiй дворъ и можетъ быть объясненъ отсутствiемъ прусскаго представителя (Preussen hatte zu jener Zeit keinen Gesandten an dem Petersburger Hofe), если прусскiй посланникъ въ Вѣнѣ «не доросъ» до Каунитца (Keith in Wien Kaunitz in keiner Weise gewachsen war), то, вѣдь, Квинцгаузенъ въ Парижѣ былъ дѣлою головою выше современныхъ ему дипломатовъ.

лучила новую силу и значеніе: какъ только Пруссія заключила союзъ съ своимъ врагомъ Англіею, Франція примирилась съ своимъ вѣковымъ врагомъ Австріею и заключила версальскій союзный договоръ, къ которому пристала и Россія. Извѣстіе о вестминстерскомъ договорѣ произвело въ Петербургѣ крайне неблагопріятное для Фридриха впечатлѣніе, между тѣмъ какъ онъ рассчитывалъ именно на Россію: Фридрихъ рассчитывалъ, что при помощи англо-рускаго субсиднаго договора Англія не только удержитъ Россію отъ союза съ Австріею, но вовлечетъ ее вполне въ сферу прусскихъ интересовъ, и просчиталъ—результатъ получился прямо противоположный. Именно: извѣстіе о вестминстерскомъ договорѣ пришло въ Петербургъ нѣсколько дней спустя послѣ ратификаціи англо-рускаго субсиднаго договора и вызвало знаменитую секретнѣйшую декларацію, *déclaration secretissime*, въ которой Елизавета Петровна категорически заявила, что субсидный договоръ заключенъ ею именно противъ Пруссіи. Когда Митчель, англійскій посланникъ, представилъ Фридриху эту декларацію, король «молча прочелъ и совершенно спокойно замѣтилъ, что эта декларація дѣлаетъ субсидный договоръ съ Россіею бесполезнымъ» ¹⁾, а вѣдь на субсидномъ-то договорѣ покоился, между прочимъ, и вестминстерскій договоръ!

Послѣ «секретнѣйшей деклараціи», англійское министерство хотѣло отозвать изъ Петербурга Уильямса. Противъ этого возсталъ именно Фридрихъ II. «Это было бы—писалъ онъ—большимъ несчастіемъ относительно молодого рускаго двора, который вдругъ лишился бы его добрыхъ совѣтовъ при обстоятельствахъ наиболѣе критическихъ» ²⁾. Въ чемъ же состояли эти добрые совѣты? Почему Фридрихъ дорожилъ вліяніемъ Уильямса на Екатерину?

Въ инструкціи, данной Уильямсу, отправляемому въ Петербургъ, когда еще не было и рѣчи о сближеніи Англіи съ Пруссіею, сказано: «Крайне невѣроятно, чтобъ споръ Англіи съ Франціею (изъ-за американскихъ владѣній) могъ быть улаженъ мирнымъ путемъ; изъ этого спора возникнетъ война. Вслѣдствіе этого, и такъ какъ срокъ заключеннаго въ 1742 году субсиднаго договора съ Россіею истекаетъ въ 1757 году, необходимо заключить возможно

¹⁾ *Pol. Corr.*. XIII, 35.—²⁾ *Pol. Corr.*, XIV, 247.

скорѣе новый трактатъ. При этомъ русскихъ нужно убѣдить, что они останутся азіатскою ордою, если будутъ сидѣть сложа руки и тѣмъ дадутъ прусскому королю возможность привести въ исполненіе его честолюбивые, опасные и давно уже задуманные имъ планы увеличенія своего королевства. Его величество король уполномочиваетъ васъ принять всѣ зависящія отъ васъ мѣры къ предотвращенію такого бѣдствія» (for preventing such a calamity). Другими словами: Уильямсу ставилось въ обязанность возбудить Россію противъ Пруссіи, и въ одномъ изъ первыхъ же своихъ донесеній изъ Петербурга онъ сообщаетъ: «Великая княгиня высказала мнѣ надяихъ чистосердечно свое мнѣніе о прусскомъ королѣ—она не только убѣждена, что Фридрихъ II естественный и опасный врагъ Россіи, но даже лично ненавидитъ его. Прусскій принцъ, сказала она мнѣ, не обладаетъ такимъ умомъ, какъ король, но его сердце не такое дурное, какъ у короля, сердце котораго, конечно, худшее во всемъ мірѣ»¹⁾. Такъ характеризовалъ Уильямсъ взглядъ Екатерины на Фридриха II въ октябрѣ 1755 года; черезъ три мѣсяца, въ январѣ 1756 года, былъ заключенъ вестминстерскій договоръ, въ силу котораго Уильямсу предписывалось ратовать при русскомъ дворѣ уже не противъ, а въ пользу прусскаго короля, какъ союзника Англіи, и Уильямсъ тотчасъ же сообщаетъ, будто «великая княгиня полагаетъ, что только союзъ Россіи, Пруссіи и Англіи можетъ спасти Европу», плететъ депешу за депешю, убѣждая всѣхъ, что «la Grande-Duchesse est parfaitement bien disposée envers le roi de Prusse», называетъ великую княгиню «ma grande amie», увѣряетъ, что Екатерина очень высоко цѣнитъ «l'amitié du roi de Prusse»²⁾ и т. п. Можно-ли довѣрять подобнымъ донесеніямъ?

Уильямсъ, однако, дѣлалъ въ этомъ же смыслѣ и болѣе важныя сообщенія, основанныя на добрыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ

¹⁾ Издатель извлеченій изъ депешъ Уильямса вполнѣ довѣряетъ его извѣстіямъ о «склонности» Екатерины къ прусскому королю: онъ не сомнѣвается, что и въ данномъ случаѣ Уильямсъ точно передалъ слова великой княгини, но заподозрѣваетъ ихъ искренность: Man darf zweifeln ob Katharina ganz aufrichtig sprach. *Raumer*, II, 296. — ²⁾ *Raumer*, II, 401; *Poi. Corr.*, XIV, 79, 149, 164, 188, 224.

между великою княгиню и главнокомандующимъ русскою арміею генералъ-фельдмаршаломъ Степаномъ Федоровичемъ Апраксинымъ.

Изъ всѣхъ видныхъ дѣятелей того времени, Апраксинъ занималъ совершенно особое положеніе, не принадлежа ни къ одной изъ боровшихся партій: онъ былъ друженъ съ канцлеромъ Бестужевымъ и близокъ съ его врагами, Шуваловыми; въ случаѣ надобности, «онъ могъ быть полезнымъ посредникомъ между обѣими враждовавшими партіями» ¹⁾. Посѣщая малый дворъ, Апраксинъ нерѣдко бесѣдовалъ съ великою княгинею и откровенно высказывалъ свое мнѣніе о неготовности арміи, собранной для предстоявшей войны, о невозможности зимняго похода въ Пруссію, о необходимости отложить начало военныхъ дѣйствій до весны будущаго года. Это онъ говорилъ императрицѣ, членамъ конференціи, въ коллегіяхъ, всѣмъ, ни отъ кого не скрывая своего мнѣнія. Доводы Апраксина были на столько убѣдительны, что не только Екатерина, мало, конечно, понимавшая въ военныхъ дѣлахъ, но Бестужевъ, члены конференціи и императрица вполне соглашались съ нимъ и признавали невозможность зимняго похода. Добрыя отношенія Екатерины къ Апраксину были извѣстны и Елизаветѣ Петровнѣ, которая не видѣла въ нихъ ничего преступнаго, и Фридриху II, который возлагалъ на эту дружбу большія надежды, уже вполне преступныя, относительно государственныхъ интересовъ Россіи.

Уильямъ, въ своихъ депешахъ, нерѣдко упоминалъ, что такое-то секретное извѣстіе получено имъ отъ великой княгини, что такое-то распоряженіе сообщено ему Екатериною ранѣе его обнародованія ²⁾ и т. п. Довѣряя Уильямсу, Фридрихъ II полагалъ, что великая княгиня способна имѣть свою политику, политику малаго двора, проводить свои сепаратныя цѣли, несогласныя съ задачами

¹⁾ *Mémoires*, 247.

²⁾ Сообщая, со словъ канцлера Бестужева, чрезвычайно важныя извѣстія о рѣшеніи петербургскаго двора приступить къ версальскому договору, Уильямъ прибавляетъ: *La Grande-Duchesse m'a informé de tout ce qui s'est passé, avant même que le Chancelier m'en a parlé (Pol. Corr., XIV, 164)*. Если это вѣрно, почему же Уильямъ медлил сообщать эту новость Фридриху II до тѣхъ поръ, пока не узналъ ее отъ Бестужева? Уильямъ просто клеветаетъ на Екатерину: онъ узналъ эту новость официально, отъ канцлера Бестужева, и лишь похваляется, что узналъ ее раньше, отъ великой княгини.

русскаго правительства; Фридрихъ II считалъ возможнымъ подкупить Апраксина при помощи именно Екатерины! Англійскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, Митчель, писалъ своему товарищу въ Петербургъ, Уильямсу, отъ 8-го января 1757 года: «Генераль Апраксинъ вполне преданъ великой княгинѣ или, по крайней мѣрѣ, выдаетъ себя за преданнаго ей. Онъ вовсе не воинъ и дурного мнѣнія о своемъ войскѣ; поэтому можно полагать, что онъ вовсе не желаетъ схватиться съ прусаками въ открытомъ бою. Сверхъ того, Апраксинъ—человѣкъ расточительный и всегда нуждающійся, не смотря на богатые подарки, которые дѣлаетъ ему императрица. На этомъ основаніи прусскій король полагаетъ, что Апраксину можно предложить извѣстную сумму денегъ, лишь бы онъ задержалъ движеніе русскихъ войскъ, поводъ къ чему всегда легко найдется у главнокомандующаго. Слѣдовало бы при этомъ случаѣ воспользоваться великою княгиней, если она согласится взять это на себя» ¹⁾).

Уильямсъ ошибался самъ и вводилъ въ заблужденіе Фридриха II относительно прусскихъ симпатій Екатерины. Подобныя писинуаціи Уильямса не выдерживаютъ критики сами по себѣ и опровергаются непреложными данными. Навязываемая великой княгинѣ роль политическаго интригана и даже шпіона является въ данномъ случаѣ просто невысказанною: Екатерина не могла быть шпіономъ, если бы даже и желала. Какъ въ то время, такъ и позже, Екатерина «была глубоко убѣждена, что относительно правительства не могла ни въ чемъ упрекнуть себя» ²⁾). Самое положеніе великой княгини заставляетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ этому признанію Екатерины. Какіе секреты были извѣстны великой княгинѣ? Какимъ значеніемъ при рѣшеніи государственныхъ вопросовъ она пользовалась? Что могла она открыть Уильямсу, въ чемъ помочь? До малаго двора доходили лишь городскіе слухи, бывшіе достояніемъ всѣхъ. Великій князь, правда, засѣдалъ иногда къ конференціи, но вѣдь великимъ княземъ-то былъ Петръ Ѳедоровичъ! ³⁾

¹⁾ *Raumer*, II, 420.— ²⁾ *Mémoires*, 318.

³⁾ On ne traite que de bagatelles en sa présence et les affaires de quelque importance se règle à son insu (*Париж. Архивъ, Russie, carton 1750, suppl. № 7*); *Raumer*, II, 409; *Соловьевъ*, XXIV, 63.

Вот почему Уильямс не сообщил в своих депешах ни одной сколько-нибудь важной новости ¹⁾, которая равне того не была бы известна из других источников. Желая увѣрить Фридриха II в склонности Екатерины къ Пруссіи, Уильямс сообщалъ в своих депешахъ о такихъ письмахъ къ нему великой княгини, которыхъ она никогда не писала и, писать не могла ²⁾. Фридрихъ II вѣрилъ Уильяму: вѣрилъ на столько, что позагаля, будто Екатерина способна содѣйствовать подкупу Апраксина! Лучшимъ отвѣтомъ на подобное предположеніе, выраженное в вышеприведенномъ письмѣ, отъ 8-го января 1757 года, служить слѣдующее собственноручное письмо Екатерины къ канцлеру Бестужеву, отъ 30-го же января:

«Я съ удовольствіемъ узнала изъ городскихъ слуховъ, что наша армія скоро начнетъ приводить въ исполненіе наши деклараціи, которыя покрыли бы насъ позоромъ, еслибъ остались неисполненными. Я поручила поздравить по этому поводу фельдмаршала Апраксина и выразить ему мои пожеланія возможно быстрыхъ успѣховъ, и поздравляю также и васъ, такъ какъ вы принимали наибольшее участіе вѣ тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя, какъ я надѣюсь, послужатъ на пользу и къ славѣ Россіи и которыя, самымъ ослабленіемъ короля прусскаго, могутъ привести къ восстановленію старой системы, которая есть вѣдѣюще... Я прошу васъ рекомендовать нашему общему другу, фельдмаршалу Апраксину, чтобъ онъ, *побивъ короля прусскаго, ограничилъ его старыми предѣлами*, такъ чтобы мы сами не были вынуждены быть вѣчно насторожѣ. Въ этомъ состоитъ ваша система, и я ничего противъ нея не имѣю, потому что я усвоила ее себѣ» ³⁾.

¹⁾ Въ декабрѣ онъ не имѣлъ еще инструкціи Апраксину отъ 5-го октября, между тѣмъ какъ былъ «друженъ» съ Екатериною, а Екатерина «дружна» съ Апраксинымъ! — ²⁾ См. Исслѣдованіе 3-е: «Подложное письмо Екатерины».

³⁾ Письмо это сохранилось въ копіи, приложенной къ депешѣ саксонскаго резидента Прассе, отъ 2-го (13-го) февраля 1757 года. Прассе сообщаетъ, будто первая половина письма была составлена по-французски, вторая—по-русски: онъ даже называетъ ихъ двумя записками великой княгини, писанными въ одинъ и тотъ же день (*Preussische Jahrbücher*, XXVII, 576). Чтобъ вполнѣ оцѣнить все эти догадки, высказываемыя саксонскимъ резидентомъ, необходимо принять во вниманіе, между прочимъ, слѣдующее воспоминаніе Екатерины о немъ. Ce M. Prasse paraissait souvent instruit de quantité de particularités dont on était étonné d'où il les savait. Plusieurs années après le canal se découvrit: il était l'amant fort secret et fort discret de

Кажется, ясно, на чьей сторонѣ симпатіи Екатерины: Фридрихъ II надѣется задержать при ея помощи наступленіе русскихъ войскъ Апраксина, а Екатерина проситъ «recommander à maréchal Apraxin, après avoir battu le Roi de Prusse de le confiner dans les anciennes bornes!» Кажущееся въ этомъ случаѣ противорѣчіе Екатерины съ ея прежними взглядами легко объясняется. Пока Апраксинъ былъ въ Петербургѣ и «убѣдительно» доказывалъ невозможность зимняго похода, не только Екатерина или канцлеръ Бестужевъ, но даже и конференція соглашалась съ нимъ и признавала, что наступленіе не можетъ быть начато ранѣе весны¹⁾; теперь Апраксинъ, въ Ригѣ, среди войскъ, еще болѣе убѣдился въ неготовности арміи къ походу за границу, въ непріятельскую землю: но, съ отъѣздомъ Апраксина, Екатерина лишена уже свѣдѣній чисто военныхъ; въ Петербургѣ преобладаютъ теперь соображенія чисто политическія, и не только отдѣльныя лица, но и вся конференція находятъ, что «въ виду перемѣнившихся обстоятельствъ» необходимо немедленно открыть кампанію, чтобы «завладѣніемъ короля прусскаго уничтожить». Письмо Екатерины къ Бестужеву—отголосокъ общаго настроенія, въ которомъ доминирующею ноткою звучитъ желаніе «ограничить» прусскаго короля.

Эта нота слышится и позже, въ томъ участіи, съ которымъ Екатерина слѣдитъ за дѣйствіями русской арміи. Весною, въ апрѣлѣ, Екатерина пишетъ Апраксину собственноручное письмо, въ которомъ проситъ его не медлить наступленіемъ на Пруссію²⁾;

la femme du vice-chancelier, la comtesse Anna Karlovna, née Scavrousky; celle-ci était très liée avec la femme du maître des cérémonies Samarine, et c'était chez cette femme que la comtesse voyait M. Prasse. *Mémoires*, 302.

¹⁾ До будущей весны не признается за удобно всюю армію дѣйствовать противъ Пруссіи», сказано въ инструкціи генералу Апраксину отъ 5-го октября 1756 года (*Арх. кн. Воронцова*, III, 525).

²⁾ Письмо это не сохранилось. Объ немъ упоминается въ допросѣ генералъ-квартирмейстера Веймарна, который возилъ письмо (*Вильбаевъ*, 92). Содержаніе письма передаетъ маркизъ *Лопиталь* въ депешѣ отъ 14-го мая 1757 года: La Grande-Duchesse a eu l'indiscrétion, pour ne pas dire la témérité, d'écrire une lettre au général Apraxin par laquelle Elle le dispensait du serment qu'il lui avait fait de ne point faire agir l'armée, et lui donnait permission de la mettre en activité (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 56, f. 165). И вклятва Апраксина, и разрѣшеніе Екатерины—прикрасы французской пар-

когда пришло извѣстіе о поражениі пруссаковъ подъ Гроссъ-Егердорфомъ, великая княгиня «дала у себя, въ саду, большой обѣдъ» въ честь побѣдителей ¹⁾. Именно въ это время, въ 1757 г., Екатерина, сверхъ того, имѣла и личныя причины ненавидѣть Фридриха II и «противодѣйствовать» ему ²⁾.

При великокняжескомъ дворѣ были, дѣйствительно, симпатіи къ Пруссіи, но Екатерина была въ нихъ неповинна: всѣмъ въ Петербургѣ было извѣстно, что великій князь такой же закоренѣлый прусакъ, какъ великая княгиня неисправимая англичанка ³⁾.

тѣ; письмо это, по содержанію, было сходно съ письмомъ Екатерины къ Бестужеву отъ 30-го января. Догадка Лопитала, будто это письмо было первымъ шагомъ къ низложенію Бестужева, тоже не выдерживаетъ критики: M. de Bestuchew ayant un jour montré cette lettre en original à M. Bucow. Lieutenant-général de l'Impératrice-Reine, qui est venu à Pétersbourg pour hâter les opérations de l'armée russe. cet officier général se fit un devoir d'aller dire aussitôt à M. de Woronzow, au chambellan Schouvaloff et à M. le comte Esterhazy. Voilà le premier pas qui a entraîné la chute de M. de Bestuchew (*Ibid.*).

¹⁾ *Mémoires*, 281. — ²⁾ *Preuss. Jahrb.*, XLVII, 577.

³⁾ Le Grand-Duc est aussi prussien enraciné que M-me la Grande-Duchesse est anglaise forcenée. Денеша Лопитала, отъ 30-го ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, № 136).

XXVII.

Англійскій посланникъ сэръ Чарльзъ Генбури Уильямсъ прибылъ въ Петербургъ въ началѣ іюня 1755 года и въ день св. Петра и Павла, 29-го іюня, въ Ораніенбаумѣ, представлялся молодому двору. Уильямсъ произвелъ на великую княгиню самое благоприятное впечатлѣніе.

«Около троицына дня—говорить Екатерина—прибылъ въ Россію англійскій посланникъ кавалеръ Уильямсъ. Въ свитѣ его находился графъ Понятовскій, полякъ, отецъ котораго держалъ сторону Карла XII, шведскаго короля. Императрица приказала отпраздновать именины великаго князя въ Ораніенбаумѣ. Къ намъ съѣхалось много народа; танцовали въ той залѣ, которая при входѣ въ мой садъ, и потомъ въ ней же ужинали; посланники и иностранные министры также явились. Помню, что за ужиномъ англійскій посланникъ, кавалеръ Уильямсъ, былъ моимъ сосѣдомъ, и мы вели съ нимъ пріятную и веселую бесѣду: онъ былъ уменъ, свѣдущъ, объѣздивъ всю Европу—съ нимъ нетрудно было разговаривать. Помню еще, что, увидѣвъ танцующаго графа Понятовскаго, я заговорила съ кавалеромъ Уильямсомъ объ отцѣ Понятовскаго и о томъ вредѣ, который онъ причинилъ Петру I. Англійскій посланникъ наговорилъ мнѣ много хорошаго о сынѣ и подтвердилъ то, что я уже знала, именно, что отецъ его и семья его матери, Чарторижскіе, составляли въ то время русскую партію въ Польшѣ; что отецъ послалъ сына въ Россію и поручилъ его ему съ тѣмъ, чтобъ воспитать въ немъ ихъ же чувства къ Россіи. Графу Понятовскому могло быть тогда 22 или 23 года» ¹⁾.

¹⁾ *Mémoires*, 233, 239; *Laveaux*, I, 88; III, 63—69.

Этого мало: графъ Станиславъ Понятовскій былъ не только молодъ, но красивъ, любезенъ, ловокъ. Свѣтлый умъ Понятовскихъ, всестороннее образованіе Чарторижскихъ и природная живость поляка замѣтно выдѣляли графа Станислава изъ всей придворной jeunesse dorée того времени. По внѣшности, съ нимъ могъ бы поспорить развѣ Сергій Васильевичъ Салтыковъ ¹⁾, но его поведеніе, вслѣдъ за рожденіемъ Павла Петровича, только «оскорбляло» Екатерину: «Я узнала въ это время до какой степени Салтыковъ велъ неумѣренную жизнь и какъ онъ волочился за всѣми дамами, которыя ему попадались» ²⁾. Послѣ этого Салтыковъ, если бы и оставался въ Петербургѣ, не могъ бы болѣе удержаться въ милости у великой княгини. Какое же сравненіе съ графомъ Понятовскимъ: едва лишь увидѣвъ Екатерину, онъ только и жилъ мыслью о ней. Присылаетъ-ли Левъ Нарышкинъ великой княгинѣ шутливыя записочки, «всегда прелестно составленные и остроумныя», писанныя секретаремъ Нарышкина, оказывается, что этотъ секретарь—графъ Понятовскій; устраивается-ли какая-нибудь partie de plaisir, первое лицо, которое видитъ великая княгиня—графъ Понятовскій; всюду и всегда глазъ Екатерины встрѣчается со взглядомъ краснаго поляка графа Станислава. Зато, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, комнатная бодонка великой княгини, бросавшаяся на чужихъ, ласкалась къ графу Понятовскому, вскакивала къ нему на колѣни, лижала его ³⁾.

Частыя свиданія съ графомъ Понятовскимъ, долгіе разговоры съ нимъ и о немъ познакомили Екатерину съ положеніемъ партій и дѣлъ въ Польшѣ, которою умный собесѣдникъ скоро заинтересовалъ великую княгиню. Онъ принадлежалъ къ русской партіи, во главѣ которой стояли родственники его матери, князья Чарторижскіе, и Екатерина начинаетъ заботиться о положеніи этой партіи. Въ небольшой запискѣ къ канцлеру графу Бестужеву она изъ

¹⁾ Только по внѣшности. Въ депешѣ *Лопитала*, отъ 29-го ноября 1758 года: Mr. de Solticoff est un homme vain et un petit maître russe, c'est-à-dire un homme ignorant, sans goût et sans mérite. По его мнѣнію, Салтыкова нельзя даже сравнивать съ Понятовскимъ: il n'y a en effet aucune comparaison à faire. *Лопиталь* прибавляетъ: Un troisième encore plus aimable ferait oublier Mr. de Poniatowski (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 58. f. 267). — ²⁾ *Mémoires*, 229, 240. — ³⁾ *Mémoires*, 241, 254, 254.

вѣщаетъ его, что «составленъ проектъ выступить въ дѣлахъ Польши противъ графа Брюля и для этого послать гофмаршала Бестужева, его брата, посланникомъ въ Польшу, чтобъ разгромить всѣхъ, кто желалъ бы уничтожить сторонниковъ Россіи», что «поводомъ къ составленію этого проекта послужило то обстоятельство, будто онъ, канцлеръ, пренебрегаетъ интересами Россіи, для которой весьма важно имѣть свою партію въ сосѣднемъ королевствѣ, какова Польша, чтобъ стараться смѣнить министерство», и что, наконецъ, «графъ Брюль похваляется, будто канцлеръ Бестужевъ держитъ его сторону» ¹⁾.

¹⁾ Объ этой запискѣ впервые упомянуто въ *Pol. Corr.*, XII, 305. Подлинникъ ея не сохранился, и она издана по копіи, которую саксонскій резидентъ въ Петербургѣ, Функе, прислалъ графу Брюлю въ Дрезденъ; графъ Брюль передалъ ее совѣтнику прусскаго посольства Мальцану, а Мальцанъ переслалъ Фридриху II. Изъ Петербурга копія была отправлена при депешѣ 1-го марта 1756 года и изложена въ слѣдующемъ видѣ: Le billet de la Grande-Duchesse au grand-chancelier Bestushew, pour l'avertir qu'il y avait un projet d'agir vigoureusement dans les affaires de Pologne contre le comte Brühl et d'envoyer pour cela le grand-maréchal Bestushew comme ambassadeur en Pologne, pour foudroyer tous ceux qui voudraient y détruire les partisans de la Russie; que les auteurs (de ce projet) se servaient du prétexte que le grand-chancelier Bestushew négligeait les intérêts de la Russie, à laquelle il importait d'avoir un parti dans un royaume voisin comme la Pologne, pour tâcher de changer le ministère; que le comte Brühl se vantait d'être sûr du Grand-Chancelier. Достоверность этого «бillet» не подлежитъ сомнѣнію. Изъ бумагъ конференціи видно, что «нужнымъ и удобнымъ пунктомъ» признавалось «Польшу исподоволь приуготовлять, чтобы она проходу здѣшнихъ войскъ для атакванія Пруссіи не только не препятствовала, но паче охотно на то смотрѣла» (*Арх. кн. Воронцова*, III, 397), а для этого представлялось, что «надобность отправленія въ Польшу знатнаго министра нынѣ паче нежели когда настоятъ» (*idem.* III, 430). Не смотря, однако, на давнія интриги гофмаршала графа М. П. Бестужева-Рюмина противъ своего брата великаго канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина (*Pol. Corr.*, XI, 248), въ Варшаву былъ отправленъ не гофмаршалъ Бестужевъ, а генераль-квартирмейстеръ Веймарнъ. Въ это время графъ Брюль дѣйствовалъ заодно съ французскимъ посланникомъ Дюраномъ и секретаремъ прусскаго посольства Бенуа, то-есть, противъ русскіихъ интересовъ, и могъ, конечно, только похвастаться, что «Бестужевъ въ его рукахъ». Екатерина, узнавъ эти подробности отъ графа Понятовскаго, спѣшила предупредить канцлера Бестужева, въ то время ей вполнѣ преданнаго. Это, по счету, первое политическое письмо Екатерины.

Исполнилась, слѣдовательно, надежда Уильяма, что графъ Понятовскій «будеть имѣть успѣхъ въ Россіи» — онъ имѣлъ успѣхъ у великой княгини, личный и политическій. А Уильямъ, называвшій графа Понятовскаго «своимъ сыномъ»?

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, практическій англичанинъ подробно ознакомился съ положеніемъ великокняжескаго двора, причемъ довольно точно освѣдомился, что какъ великій князь, такъ и великая княгиня постоянно нуждаются въ деньгахъ. Уильямъ скоро оцѣнившій великую княгиню, открылъ Екатеринѣ довольно широкій кредитъ у англійскаго консула, банкира барона Вольфа, ссужавшаго великой княгинѣ, по его записочкамъ, десятки тысячъ рублей ¹⁾.

Относительно денегъ Екатерина скоро обрусѣла и не знала имъ счета. Въ своихъ «Запискахъ» она не разъ старается оправдать свои расходы и неизбѣжныя, по ея мнѣнію, долги ²⁾; но эти оправданія слабы и необѣдительно. Какъ великая княгиня, она получала 30,000 рублей въ годъ «карманныхъ денегъ», которыхъ, конечно, оказывалось недостаточно при томъ, что она проигрывала въ карты по 17,000 руб. въ годъ или устраивала праздества, на которыхъ всему Ораніенбауму раздавались подарки. Накопившіеся долги Екатерина покрывала случайными полученіями, въ видѣ подарковъ отъ императрицы, какъ, напримѣръ, тѣми 100,000 руб., которые она получила въ день крещенія Павла Петровича; но эти рѣдкія экстренныя полученія далеко не равнялись долгамъ. Пока Уильямъ былъ въ Петербургѣ, денежная нужда Екатерины удовлетворялась довольно легко и, тѣмъ не менѣе, за мѣсяцъ до отъѣзда Уильяма, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, аббатъ Берни, извѣщаетъ уже французскаго посла въ Петербургѣ, маркиза Лопитали, что по дошедшимъ «съ разныхъ сторовъ» въ Парижъ свѣдѣніямъ великій князь и великая княгиня сильно нуждаются въ деньгахъ,

¹⁾ До настоящаго времени извѣстны два займа, сдѣланные Екатериною у англійскаго консула Вольфа. отъ 21-го іюля 1756 года, въ тысячу червонцевъ, и отъ 11-го ноября того же года, въ 44,000 рублей (*Сборникъ*, VII, 73). Неизвѣстно, когда начались эти займы, но несомнѣнно, что заемъ 21-го іюля не былъ первымъ. Въ запискѣ отъ этого числа Екатерина пишетъ барону Вольфу: *c'est avec reine que je m'adresse de nouveau à vous.*—²⁾ *Mémoires*, 23, 86, 222, 293, 304 и др.

и поручаетъ ему разузнать все обстоятельно, такъ какъ для французскаго короля было бы чрезвычайно выгодно ссудить деньги и тѣмъ обезпечить до извѣстной степени успѣхъ своего дѣла. Послу предписывается глубочайшая въ этомъ отношеніи тайна, особенно отъ императрицы ¹⁾.

Уильямъ обязалъ Екатерину не только денежными ссудами. Екатеринѣ было 26 лѣтъ, когда Уильямъ прибылъ въ Петербургъ. Она была женщина красивая, веселая, энергичная и, по условіямъ придворной жизни того времени, лишенная всякой живой дѣятельности. Уже восьмой мѣсяцъ была она матерью перваго ребенка, но этого ребенка удалили отъ ея материнскихъ заботъ, и она по цѣлымъ мѣсяцамъ не видитъ его; отецъ этого ребенка только-что оказался недостойнымъ той любви, которою пользовался. Именно въ это время, въ свитѣ англійскаго посланника прибылъ въ Петербургъ полякъ графъ Понятовскій. Онъ произвелъ на Екатерину большое впечатлѣніе. Въ трудныя минуты жизни она вспомнила это и подобныя ему впечатлѣнія и такъ объясняла ихъ:

«Я была одарена очень большою чувствительностью и внѣшностью, по меньшей мѣрѣ, весьма привлекательною—я нравилась съ перваго же взгляда, не употребляя для этого никакого искусства, никакихъ прикрасъ. Я была въ высшей степени общительна и имѣла нравъ скорѣе мужской, чѣмъ женскій; но съ умомъ и характеромъ мужчины во мнѣ соединялась привлекательность весьма любезной женщины. Я сказала уже, что нравилась мужчинамъ; слѣдовательно, одна половина искушенія была уже готова, другая же, по самой сущности человѣческой природы, является вслѣдъ за первую, потому что искушать и быть искушаему — очень близко одно отъ другаго. Если же къ этому примѣшается еще чувстви-

¹⁾ Nous avons par plus d'une voie des avis que le Grand-Duc et la Grande-Duchesse de Russie sont dans un grand besoin d'argent, et l'on nous a même fait des insinuations tendantes à les aider secrètement de quelques sommes, ce que l'on assurait devoir les attacher à Sa Majesté et favoriser la réunion... Cette affaire doit rester dans le secret le plus profond. Vous jugerez combien il importe pour le Grand-Duc et la Grande-Duchesse qu'elle ne parvienne jamais à la connaissance de l'Impératrice qui pourrait prendre un parti capable de détruire ce que nous cherchons à faire. Отъ 17-го іюля 1757 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 53, f. 157).

тельность, то какіе бы строгіе принципы нравственности ни были запечатлѣны въ головѣ, непременно очутишься гораздо дальше, чѣмъ предполагалъ, и я до сихъ поръ не знаю, какимъ образомъ можно преодолѣть это. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ только удаление могло бы помочь; но бываютъ случаи, положенія, обстоятельства, когда никакое удаление невозможно — какъ избѣгать, какъ удалиться, отворачиваться среди придворной обстановки? Это тотчасъ обратило бы на себя вниманіе, возбудило бы толки. Да, если удалиться нельзя, то, по-моему, нѣтъ ничего труднѣе, какъ не поддаться тому, что сильно прельщаетъ. Все, что ни говорили бы противъ этого, все будетъ только липемѣріе и незнаніе человѣческаго сердца. Человѣкъ невластенъ въ своемъ сердцѣ; его въ кулакѣ не удержишь, и оно никакихъ разсудочныхъ приказаній не слушаетъ»¹⁾.

Графъ Понятовскій былъ принятъ при большомъ дворѣ, появился въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, сблизился съ малымъ дворомъ. Онъ понравился великому князю своими насмѣшками надъ саксонцами, не только надъ графомъ Брюлемъ, но и надъ королемъ Августомъ — Петру Федоровичу нравился всякій, прививавшій враговъ боготворимаго имъ Фридриха II; онъ увлекъ великую княгиню своею непринужденною веселостію, своимъ игривымъ остроуміемъ, красотою, умомъ, ловкостію. Графъ Понятовскій велъ себя въ Петербургѣ крайне неосторожно. Что онъ поддерживалъ родственную ему партію Чарторижскихъ, враждовавшихъ съ польскимъ королемъ, что онъ хлопоталъ объ острожскомъ наслѣдствѣ²⁾, присовѣщеньемъ Чарторижскимъ миллионные доходы — это было, по крайней мѣрѣ, естественно и понятно со стороны частнаго человѣка, родственника князей Чарторижскихъ; но онъ позволялъ себѣ, сверхъ того, легкомысленныя выходки противъ государственныхъ людей Саксоніи, всякія интриги и происки противъ саксонскихъ интересовъ, стараясь «раздражить петербургскій дворъ противъ польско-саксонскаго»³⁾. Графъ Понятовскій прожилъ въ Петербургѣ съ небольшимъ годъ и, въ августѣ 1756 года, долженъ былъ покинуть русскую столицу по требованію польско-саксонскаго прави-

¹⁾ *Mémoires*, 331. — ²⁾ *A. de Broglie*, *La diplomatie secrète de Louis XV* (*Revue de deux Mondes*, 1870, mai, p. 299). — ³⁾ Делеша *Прассе* отъ 21-го іюня 1756 года.

тельства. Удаченіе графа Понятовскаго было крайне непріятно молодому двору, и великая княгиня употребила все свое вліяніе на канцлера Бестужева, чтобъ ускорить возвращеніе графа въ Петербургъ. Этому много содѣйствоваль Уильямсъ¹⁾. По настоянію Екатерины, начались переговоры между графами Бестужевымъ и Брюлемъ. Бестужевъ признавалъ, что для императрицы графъ Понятовскій вовсе не *persona grata*, но усиленно доказывалъ необходимость исполнить желаніе молодого двора; Брюль находилъ несвоевременнымъ раздражать великокняжескую чету отказомъ, и 23-го декабря 1756 года графъ Понятовскій возвратился въ Петербургъ, но уже не частнымъ человѣкомъ, а въ качествѣ министра Польской Республики²⁾.

Положеніе графа Понятовскаго, какъ лица officialнаго, стало теперь еще болѣе деликатнымъ, поведеніе же его еще болѣе неосторожнымъ. Тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ, онъ передалъ канцлеру Бестужеву бумагу, которою ходатайствовалъ, чтобы русскому резиденту въ Варшавѣ приказано было хлопотать въ пользу Чарторижскихъ въ спорномъ дѣлѣ объ острожекомъ наслѣдствѣ³⁾, и Бестужевъ долженъ былъ исполнить эту просьбу, такъ какъ она была поддержана собственноручной записочкой великой княгини⁴⁾. Другими словами: officialный представитель польскаго короля дѣйствуетъ прямо во вредъ интересамъ своего государя⁵⁾. Не удивительно, что графъ Брюль грозилъ немедленно же отозвать графа Понятовскаго изъ Петербурга⁶⁾.

Эта угроза смутила Бестужева: если она будетъ приведена въ исполненіе, весь гнѣвъ великой княгини обрушится на него. Увѣдомляя великую княгиню о предстоящей бѣдѣ, графъ Бестужевъ указывалъ и средство избѣжать угрозы. Англійскій посланникъ Уильямсъ крайне враждебенъ польско-саксонскому двору, между

¹⁾ *Mémoires*, 255. — ²⁾ *Mémoires*, 253; *Castéra*, I, 188.

³⁾ *Réflexions du Primas du royaume de Pologne* (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 53, f. 325); депеша *Дуласа* къ Руде отъ 23-го апрѣля 1757 года (*Ibid.*, vol. 53, f. 338). — ⁴⁾ Отъ 2-го февраля 1757 года. Записка эта не сохранилась; объ ней упоминаетъ Прассе въ депешѣ отъ 13-го февраля. *Preuss. Jahrb.*, XLVII, 575. — ⁵⁾ Депеша *Лопиталля* отъ 13-го авг. 1757 г. (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 53, suppl. № 9). — ⁶⁾ Письмо гр. *Брюля* саксонскому резиденту Прассе, отъ 21-го марта 1757 г. *Mémoires*, 302.

тѣмъ графъ Понятовскій, представитель этого двора, сообщаетъ все секреты своему другу Уильямсу, Уильямъ передаетъ ихъ Фридриху II, а Фридрихъ II пользуется этими свѣдѣніями для своихъ злостныхъ видовъ противъ Саксоніи. Нельзя, поэтому, и винить гр. Брюля за его неудовольствіе на гр. Понятовскаго, и крайне необходимо, чтобъ графъ Понятовскій измѣнилъ свои отношенія къ Уильямсу—объ этомъ слѣдуетъ серьезно подумать, если желательно сохранить за графомъ Понятовскимъ занимаемый имъ постъ. Екатерина отвѣчала на это предостереженіе слѣдующимъ письмомъ графу Бестужеву:

«Благодарю васъ за сообщенныя вами извѣстія о злыхъ умыслахъ прусскаго короля; это даетъ мнѣ новое оружіе для противодѣйствія ему. Но наибольшее доказательство дружбы вашей, какое вы можете представить мнѣ, заключается въ твердой и рѣшительной поддержкѣ и защитѣ графа Понятовскаго отъ его враговъ. Ему столь многимъ обязаны, что, казалось бы, не должны и думать о нанесеніи ему вреда. Если повредятъ, жестоко раскаются. Прощайте. Надѣюсь на васъ»¹⁾.

Для Бестужева нѣтъ выбора: если надежды Екатерины на него не оправдаются, если графъ Понятовскій будетъ отозванъ, Бестужевъ потеряетъ послѣднюю свою опору. Противъ него вице-канцлеръ Воронцовъ, противъ него все Шуваловы; они возстановили противъ него и императрицу; только великая княгиня за него, только ради нее враги канцлера не высказываются еще открыто, громко. Выбора нѣтъ, и воля Екатерины должна быть исполнена. Послѣ недолгихъ переговоровъ, саксонскій резидентъ Прассе заявилъ, что графъ Понятовскій можетъ остаться въ Петербургѣ лишь подъ двумя условіями: прервать всякія сношенія съ Уильямсомъ и не идти противъ короля, своего государя, въ спорномъ вопросѣ объ острожскомъ наслѣдствѣ. Узнавъ эти условія, Екатерина требовала отъ Бестужева, чтобъ онъ написалъ графу Брюлю рѣшительное письмо, въ которомъ сообщилъ бы ему, что отношенія графа Понятовскаго къ Уильямсу никоимъ образомъ не вредятъ собственно варшавскому двору и что пребываніе графа Понятовскаго въ Петербургѣ признается безусловно необходимымъ. Великая княгиня писала по этому поводу графу Бестужеву:

¹⁾ *Preuss. Jahrb.*, XLVII, 577.

«Упрекать графа Понятовскаго за его сношенія съ Уильямсомъ болѣе чѣмъ жестоко, такъ какъ вы сами одобряли эти сношенія и даже требовали ихъ, находя, что только графу Понятовскому можно довѣрять подобную переписку. Теперь, вмѣсто того, чтобы быть ему благодарнымъ за то, что онъ честно хранитъ тайну, разоблаченіе которой послужило бы лучшимъ его оправданіемъ, вы платите недовѣріемъ... Я знаю, что еслибы вы потребовали отъ графа Брюля, чтобы онъ не ѣлъ хлѣба, онъ послушается васъ. Лишь бы только вы дѣйствовали такъ, какъ я желаю, то никогда не посмѣютъ поступать противно тому, чего вы искренно желаете. Я до послѣдней крайности послѣдую всеѣмъ совѣтамъ, которые вы даете мнѣ относительно предосторожностей, и хотя онѣ, быть можетъ, только плодъ воображенія, я все таки благодарю васъ за нихъ. Все зависитъ отъ васъ, и я въ этомъ случаѣ полагаюсь и буду полагаться только на васъ»¹⁾.

Екатерина не ошиблась: по совѣту Бестужева, графъ Брюль, дѣйствительно, отказался отъ хлѣба. Саксонскій министръ вполне подчинился въ этомъ случаѣ указаніямъ русскаго канцлера и писалъ ему изъ Варшавы, отъ 11-го іюля 1757 года: «Графомъ Понятовскимъ здѣсь на столько довольны, что вовсе и не думаютъ объ его отозваніи. Его королевское величество, не будучи въ состояніи достойно вознаграждать его вѣрную службу деньгами и причиннымъ содержаніемъ, рѣшился поощрить усердную и полезную службу названнаго графа другимъ способомъ который ему будетъ, конечно, гораздо пріятнѣе и важнѣе, чѣмъ деньги»²⁾.

Екатерина, такимъ образомъ, настояла на своемъ; она одержала побѣду, но неполную: графъ Понятовскій остался въ Петербургѣ, но сэръ Чарльзъ Уильямсъ былъ отозванъ. Противъ Уильямса, какъ и противъ Понятовскаго, «его ученика», была въ то время французская партія: вице-канцлеръ Воронцовъ, графы Шуваловы, французскій и австрійскій послы, маркизъ Лопиталь и графъ Эстергази, саксонскій резидентъ Прассе. Это и понятно: въ разгарѣ прусской войны, которую Россія вела въ союзѣ съ Францею, странно было видѣть при русскомъ дворѣ посланника Англій, враждовавшей съ Францею какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ.

¹⁾ *Preuss. Jahrb.*, XLVII, 578.—²⁾ *Ibid.* 580.

на сушѣ и на морѣ, и бывшей въ союзѣ съ Пруссією, съ которою мы вели войну. Денешні австрійскаго и французскаго пословъ за это время переполнены хлопотами о противодѣйствіи «англійскимъ симпатіямъ» великой княгини, которыя приписывались вліянію Уильямса и графа Понятовскаго. Отъѣздъ Уильямса огорчилъ великую княгиню и есть даже извѣстіе, что Екатерина плакала ¹⁾ въ тотъ день, когда англійскій посланникъ откланивался малому двору. По пріѣздѣ въ Лондонъ, Уильямсъ представилъ въ министерство слѣдующее собственноручное письмо великой княгини, полученное имъ 19-го августа 1757 года, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга:

«Я рѣшилась писать вамъ, не будучи въ состояніи видѣть васъ, чтобъ проститься съ вами. Самыя искреннія мои сожалѣнія провожаютъ того, кого я считаю своимъ лучшимъ другомъ и поведеніе котораго вызвало къ нему все мое уваженіе и мою дружбу. Никогда не забуду, чѣмъ я вамъ обязана. Чтобъ вознаградить васъ сообразно благородству вашихъ чувствованій, вотъ что я сдѣлаю: я воспользуюсь всѣми случаями, какіе можно только себѣ вообразить, чтобъ привести Россію къ тому, въ чемъ я признаю истинный ея интересъ—быть въ дружественномъ союзѣ съ Англією, оказывать ей повсюду содѣйствіе и предпочтеніе, необходимое для блага всей Европы и особенно Россіи, предъ ихъ общимъ врагомъ, Францією, величіе которой составляетъ позоръ для Россіи. Я научусь практиковать эти чувства, на нихъ оснужу я свою славу и докажу королю, вашему государю, прочность этихъ моихъ чувствъ.

¹⁾ Je sais que la Grande-Duchesse est inconsolable du départ du chevalier Williams, qu'Elle a été en pleurs tout le jour qu'il a pris congé, et que cette Princesse ayant pour ami M. Poniatowski, élève de M. Williams, ce jeune ministre a beau se bien conduire en apparence, ce n'est qu'une comédie, et le fond de leur coeur est tout entier à l'Angleterre. Денеша *Лопитала* отъ 17-го іюля 1757 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 52, f. 171). Отъ 22-го августа: Le chevalier Williams continue à gâter l'esprit et à corrompre le coeur de la Grande-Duchesse par son argent et ses mauvais conseils (*Ibid.*, vol. 53, suppl. 9); отъ 30-го сентября: Mr. Williams est parti, mais il a laissé au fond du coeur et de l'esprit de la Grande-Duchesse des traces profondes de principes anglais, que le temps seul peu détruire (*Ibid.*, vol. 54, № 41) и др. Сохранилось, между прочимъ, извѣстіе, будто Уильямсъ и изъ Лондона присылалъ деньги великой княгинѣ par le canal de Bernardi, son joaillier, qui est à présent arrêté et qui a tout avoué. Денеша отъ 14-го мая 1758 года, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 165.

«Будьте увѣрены, что я ничего на свѣтѣ такъ не желаю, какъ увидѣть васъ вновь въ Петербургѣ, но торжествующимъ. Когданибудь, какъ я надѣюсь, король, вашъ государь, не откажетъ мнѣ въ просьбѣ, съ которою я обращаюсь къ нему—вновь увидѣть васъ. Отъ этого онъ можетъ только выиграть»¹⁾).

Уѣхавъ Уильямсъ, остался Понятовскій, противъ котораго направились теперь всѣ усилія французской партіи при русскомъ дворѣ. «Такъ какъ графъ Понятовскій унаслѣдовалъ всѣ англійскіе принципы Уильямса и поддерживаетъ англійскія симпатіи великой княгини—писалъ аббатъ Берни маркизу Лопиталю—то мы употребимъ всѣ наши усилія въ Варшавѣ, чтобъ заставить короля отозвать его изъ Петербурга. Ваше дѣло — какъ вести себя въ виду этого относительно великокняжескаго двора. Было бы неблагоразумно слишкомъ ужъ сближаться съ молодымъ дворомъ, но и удаляться отъ него тоже нельзя—не пришлось бы потомъ раскаяться. Вы, лучше чѣмъ ктонибудь, съумѣете держаться середины»²⁾. Эти усилія французской партіи были тѣмъ непріятнѣе для великой княгини, что она была въ это время въ интересномъ положеніи³⁾ и, естественно, не могла противодействовать злымъ умысламъ противъ графа Понятовскаго въ такой мѣрѣ какъ бы желала—вслѣдствіе ошибочнаго расчета времени родовъ, она съ конца сентября не появлялась на придворныхъ выходахъ и никого не принимала у себя⁴⁾. Въ этомъ случаѣ защиту графа Понятовскаго принялъ на себя великій князь, едва ли потому, однако, что, по

¹⁾ *Reuter*, II, 451. Извѣстіе, сообщаемое маркизомъ Лопиталемъ, въ депешѣ отъ 11-го декабря 1757 года, будто великая княгиня «писала съ Уильямсомъ письмо англійскому королю» (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 54, № 148*), едва ли заслуживаетъ довѣрія.

²⁾ Il serait imprudent d'avoir avec ces princes des liaisons trop étroites, mais on pourrait dans la suite se repentir d'avoir négligé leurs avances. Vous saurez mieux que personne garder un juste milieu. Отъ 8-го октября 1757 года (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 54, № 46*). Маркизь Лопиталь оказался совершенно неспособнымъ выполнить эту нелегкую задачу; его же преемникъ, баронъ Бретель, окончательно все испортилъ своимъ нелѣпымъ поведениемъ въ іюнѣ 1762 года.

³⁾ Изъ всѣхъ иностранныхъ представителей только французскій сообщаетъ ходившіе въ то время слухи, въ депешѣ отъ 27-го іюля 1757 г. (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 53, f. 171*).—⁴⁾ *Mémoires*, 300.

словамъ вице-канцлера Воронцова, «графъ Бестужевъ обманывалъ графа Брюля, увѣряя его будто графъ Понятовскій—фаворитъ великой княгини» ¹⁾). Великій князь принялся за дѣло чрезвычайно неумѣло: графу Эстергази онъ говорилъ, что французскій посолъ интригуетъ противъ графа Понятовскаго, зная его симпатіи къ Австріи ²⁾; И. И. Шувалову онъ заявлялъ, что въ отозваніи гр. Понятовскаго видитъ немилость къ себѣ императрицы и просилъ содѣйствія всесильнаго фаворита къ отъѣзду его въ возлюбленную Голштинію ³⁾. За графа Понятовскаго была, правда, императрица ⁴⁾, но активной помощи она оказать не могла или не желала: графъ Понятовскій былъ отозванъ, но казался большимъ и подъ этимъ предлогомъ остался пока въ Петербургѣ.

Въ ночь съ 8-го на 9-е декабря Екатерина почувствовала приближеніе родовъ. Дали знать великому князю, графу А. Шувалову, императрицѣ. «Немного времени спустя—говоритъ Екатерина — ко мнѣ въ комнату явился великій князь, въ своемъ голштинскомъ мундирѣ, въ 'ботфортахъ, со шпорами, опоясанный шарфомъ, съ боку огромная шпага — въ полномъ парадѣ. Было около половины третьяго ночи. Удивленная, я спросила его о причинѣ такого парада, на что онъ отвѣчалъ, что истинные друзья познаются только въ важныхъ случаяхъ жизни. что въ этомъ мундирѣ онъ готовъ исполнить долгъ свой, что долгъ голштинскаго офицера—защищать,

¹⁾ Le grand chancelier trompe le comte de Bruhl en lui faisant accroire que ce jeune homme est l'amant de la Grande-Duchesse. Денеша отъ 1-го ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, № 80).

²⁾ Que dites vous du rappel de ce pauvre Poniatowski et de la manière avec laquelle on l'exige? C'est un coup d'essai de la France; elle en fera bien d'autres si on le laisse faire. Vous verrez, M. l'ambassadeur, que c'est à cause de l'affection de M. Poniatowski à la maison d'Autriche. Денеша отъ 30-го ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 136).

³⁾ «Je vous prie, Monsieur, de me rendre un grand service auprès de l'Impératrice: obtenez la permission de m'en aller chez moi—j'y aurai rang de colonel et j'y vivrai à ma fantaisie». Le chambellan Schouvalow en a rendu compte à Sa Majesté Impériale, qui a haussé les épaules. Денеша отъ 30-го ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 136).

⁴⁾ L'Impératrice, à ce que M. Poniatowski m'a dit lui même, l'a assuré qu'Elle n'avait nul sujet de se plaindre de lui, qu'au contraire; Elle était très satisfaite de sa conduite et très fâchée de le voir partir. Денеша отъ 13-го ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 115).

согласно присягѣ, герцогскій домъ отъ всѣхъ враговъ, и что такъ какъ я больна, то онъ поспѣшилъ ко мнѣ на помощь. Можно было подумать, что онъ шутить—вичуть не бывало: онъ говорилъ совершенно серьезно. Онъ былъ пьянъ»¹⁾).

Тревога оказалась фальшивою почти на цѣлыя сутки. Только на другой день, во вторникъ 9-го сентября, въ 11-мъ часу вечера, Екатерина родила дочь—великую княжну Анну Петровну. «Великій князь, повидимому, очень радовался рожденію ребенка, устраивалъ у себя въ комнатѣ торжественныя увеселенія, велѣлъ праздновать это событіе въ Голштиніи и съ полнымъ самодовольствіемъ принималъ поздравленія»²⁾. На шестой день ребенка крестили, причемъ императрица была крестною матерью³⁾ и подарила Екатеринѣ 60,000 рублей.

Конецъ декабря и половину января Екатерина не выходила изъ своей комнаты. 20-го января 1758 года она принимала поздравленія съ рожденіемъ великой княжны⁴⁾.

¹⁾ *Mémoires*, 302. — ²⁾ *Mémoires*, 304. Быть можетъ, великій князь хотѣлъ этими торжествами опровергнуть слѣдующій разсказъ Екатерины: Le grand duc prit de l'humeur contre ma grossesse et s'avisait de dire un jour dans sa chambre en présence de Léon Narichkine et de plusieurs autres: «Dieu sait où ma femme prend ses grossesses; je ne sais pas trop si cet enfant est à moi et s'il faut que je le prenne sur mon compte». *Mémoires*, 300. Великій князь тотчасъ же извѣстилъ о рожденіи дочери, какъ о счастливомъ событіи, своихъ ближайшихъ родственниковъ, принца Августа (Москов. архивъ, 1757, № 1, л. 21) и принца Георгія-Людвига голштинскихъ (*Ibid.*, № 2, л. 1).

³⁾ Императрица желала, чтобъ крестнымъ отцомъ былъ французскій король Людовикъ XV (Депеша Лопиталя, отъ 16-го сентября 1757 г.). Началась переписка. Не смотря на всѣ настоянія маркиза Лопиталя, король отклонилъ отъ себя эту честь, поручивъ своему послу заявить, что «католическому величеству» не въ лицу крестить православную душу (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 12, 136, 146). — ⁴⁾ Депеша Лопиталя, отъ 31-го января 1758 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 124).

XXVIII.

Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, русскій канцлеръ, былъ головою, двумя выше всѣхъ Шуваловыхъ, выше вице-канцлера Воронцова, выше всѣхъ русскихъ царедворцевъ и иностранныхъ представителей, толпившихся при дворѣ Елизаветы Петровны. Онъ нѣкогда поборолъ князя Черкаскаго, мѣрялся съ Бирономъ, побѣдилъ Шетарди, погубилъ Лестока и за испытанное имъ «неповинное претерпѣніе» былъ вознесенъ, пожалованъ, почтенъ. Бестужеву ли, посѣдѣвшему въ политической интригѣ и придворной кабалѣ, не осилить какого-нибудь Воронцова или Шувалова? Ни маркизу Лопиталю, ни графу Эстергази не по плечу борьба съ русскимъ канцлеромъ. Но Бестужевъ уже старъ—ему 70-й годъ; но онъ одинъ, а враги его тѣсно сплочиваются, они привлекли на свою сторону даже его родного брата и, что особенно важно, за нихъ молодой фаворитъ И. И. Шуваловъ, всеильный своимъ вліяніемъ на императрицу, которая думаетъ его мыслями, видитъ его глазами. Первая, легкомысленная Елизавета никогда не любила Бестужева; она его терпитъ за его умъ, за его знаніе; за его опытность политическую—трудно-ли возбудить императрицу противъ него? Куда ни посмотреть Бестужевъ, всюду видитъ онъ только враговъ, которые съ каждымъ днемъ становятся смѣлѣе, дерзче и все глубже подкапываются подъ него. Какъ устоять одному противъ всѣхъ? Борьба неравна. Бестужевъ ищетъ опоры—такую опорю могъ быть только молодой дворъ: онъ, конечно, теперь ничто, но въ будущемъ, и можетъ быть очень близкомъ, онъ все, и враги Бестужева, видя близость его къ молодому двору,

будутъ осторожнѣе, сдержаннѣе. Но что такое великокняжескій дворъ? Бестужевъ насквозь видитъ великаго князя, считаетъ его ребенкомъ, и ребенкомъ неумнымъ, знаетъ его увлеченіе прусскимъ королемъ, увлеченіе чисто внѣшнее, формальное ¹⁾, знаетъ его готовность пожертвовать всѣмъ, ради возлюбленной Голштиніи; день восшествія на престолъ Петра Федоровича будетъ днемъ гибели Бестужева, вѣкъ свой ратовавшаго противъ прусскаго короля, ни въ грошъ неоставившаго Голштинію. Остается великая княгиня: Екатерина умна и пойметъ его, она честолюбива и поддержитъ его; нужно только заинтересовать ее, привлечь на свою сторону.

Въ 1753 году, въ Москвѣ, еще за годъ до рожденія Павла Петровича, Екатерина видѣла необходимость «уменьшить число враговъ» С. В. Салтыкова и съ этою цѣлью сама сдѣлала первый шагъ къ сближенію съ Бестужевымъ ²⁾. Хотя въ то время положеніе канцлера было еще довольно прочно, онъ не остался въ долгу и скоро доказалъ Екатеринѣ, что онъ не такой «бука», какимъ его представляли ей: благодаря ему, Владислава стала «ягненокъ», цокорною услужницей всѣхъ прихотей Екатерины; когда Салтыковъ уѣхалъ въ Швецію съ извѣщеніемъ о рожденіи Павла Петровича, Бестужевъ присылалъ великой княгинѣ всѣ донесенія его и о немъ; Бестужевъ первый разгадалъ графа Понятовскаго, сдѣлалъ его своимъ повѣреннымъ въ сношеніяхъ съ великой княгиней и ему Екатерина обязана тѣмъ, что графъ Понятовскій, такъ или иначе, прожилъ около трехъ лѣтъ въ Петербургѣ ³⁾. Для сближенія съ Екатериной Бестужевъ примирился съ своимъ злѣйшимъ врагомъ, теперь, правда, совершенно безвреднымъ, съ матерью Екатерины, и не только самъ вступилъ съ нею въ пере-

¹⁾ Le Grand-Duc est le singe du roi de Prusse qui est son héros, mais, il ne peut imiter que ce que frappe les sens, c'est-à-dire la manière de s'habiller, le goût militaire, dont il pratique très mal, faisant manoeuvrer actuellement un ou deux bataillons qu'il fait jaroueter impitoyablement à sa maison de campagne. Дешета *Лопитала*, отъ 27-го іюля 1757 года (*Шариж. Архивъ, Russie*, vol. 53, f. 171); *Castéra*, I, 193. — ²⁾ *Mémoires*, 185. Упоминаемый въ «Запискахъ» Екатерины *Bremse* есть собственно *Brömbsen*, датскій подданный, камергеръ великаго князя. *Lynar*, I, 281. — ³⁾ *Mémoires*, 186, 223, 227, 255, 299, 321.

писку, но и пересылалъ всю корреспонденцію между великой княгиней и ея матерью ¹⁾). Угодивъ, такимъ образомъ, дочери и женинѣ, Бестужевъ старался обязать и будущую властительницу.

Еще въ 1747 году прусскій посланникъ Финкенштейнъ высказывалъ Фридриху II свое убѣждѣніе, что Петръ Ѳедоровичъ никогда не будетъ царствовать въ Россіи: онъ слабъ здоровьемъ и, сверхъ того, народъ такъ ненавидитъ великаго князя, что лишитъ его короны даже и въ томъ случаѣ, если она естественно перейдетъ къ нему по смерти императрицы ²⁾). Спустя десять лѣтъ, въ 1757 году, французскій посолъ маркизъ Лопиталь высказываетъ буквально то же мнѣніе: онъ убѣжденъ, что если великій князь, при своемъ слабомъ здоровьѣ, будетъ продолжать тотъ образъ жизни, какой онъ ведетъ, то онъ скоро умретъ, и это будетъ не большая потеря для Россіи; если же онъ наследуетъ императрицѣ, то народъ не потерпитъ его на тронѣ и скоро отдѣлается отъ него ³⁾). Скоро и императрица узнала цѣну великому князю и, не смотря на всю свою прежнюю нѣжность къ племяннику, стала въ послѣднее время задумываться надъ вопросомъ о престонаслѣдіи. Она не скрывала своего неудовольствія къ Петру Ѳедоровичу, «она его почитала за неспособнаго къ правленію». Многие догадывались, что Елизавета Петровна склонна назначить своимъ преем-

¹⁾ La princesse de Zerbst, mère de M. la Grande-Duchesse, n'est plus aujourd'hui en correspondance qu'avec le chancelier. Денеша Лопиталья отъ 11-го декабря 1757 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 148). Образчикъ писемъ Иоанны-Елизаветы къ Бестужеву см. *Бильбасовъ*, 89. Въ письмѣ отъ 27-го января 1758 г. аббатъ *Берни* извѣщаетъ Лопиталья: M. le marquis de Fraignes nous mande que Madame la princesse de Zerbst a reçu de la Grande-Duchesse deux lettres dont elle paraît assez contente (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 111). — ²⁾ *Pol. Corr.*, V, 472.

³⁾ Si le Grand Duc continue la vie qu'il mene avec la faible constitution que Dieu lui a donné on peut sans être prophète prévoir qu'il n'a pas encor. bien des années à vivre; la perte sera légère (Денеша отъ 13-го авг. 1757 г., въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 53, Suppl. № 9). Le Grand Duc est gauche et abhorré des russes, des prêtres et des courtisans, ce qui me fait douter qu'il puisse jamais arriver au trône de Russie (Денеша отъ 24-го августа, *ibid.*, vol. 53, f. 321). Si l'Impératrice venait à mourir, on verrait alors des revolutions subites, car jamais on ne laisserait le Grand Duc sur le trône et on s'en déferait sûrement (Денеша отъ 1-го ноября. *ibid.*, vol. 54, № 83).

никомъ Павла Петровича и находили, что супругъ Екатерины недостойнъ занимать тронъ ¹⁾).

Въ этомъ былъ убѣжденъ и канцлеръ Бестужевъ. Въ 1757 году онъ переслалъ великой княгинѣ, все чрезъ того же графа Поянтова, свой проектъ, касающійся престолонаслѣдія. Проектъ этотъ не сохранился—онъ былъ сожженъ; о немъ мы узнаемъ изъ «Записокъ» Екатерины:

«Болѣзненное состояніе и частые припадки императрицы заставили всѣхъ думать о будущемъ. Графъ Бестужевъ и по мѣсту, имъ занимаемому, и по своимъ умственнымъ способностямъ подумывалъ объ этомъ болѣе другихъ. Онъ зналъ о томъ отвращеніи къ нему, которое давно уже было внушено великому князю. Ему хорошо были извѣстны слабыя стороны великаго князя, рожденнаго наслѣдникомъ столькихъ коронъ. Естественно, что этотъ государственный человѣкъ, какъ и всякій бы на его мѣстѣ, желалъ удержаться на своемъ посту. Онъ зналъ, что я уже много лѣтъ отношусь къ нему съ уваженіемъ. Къ тому же онъ видѣлъ во мнѣ единственное въ то время лицо, на которомъ могли сосредоточиваться надежды общества въ моментъ, когда не стало бы императрицы. Эти и подобныя соображенія внушили ему планъ, чтобы, тотчасъ по кончинѣ императрицы, великій князь былъ объявленъ по праву императоромъ и, въ то же время, я была бы

¹⁾ *Русс. Архивъ*, 1863, 383 (566); *Сборникъ*, XLII, 434; *Mémoires*, 329. Le Grand-Duc ne peut jamais avoir l'estime et la confiance de l'Impératrice qui connaît le peu qu'il vaut (Депеша Лопиталю, отъ 14-го мая 1758 г., въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 165). L'Impératrice a des desseins sur Paul Petrowitz si Elle vit assez longtemps pour l'élever (Депеша Лопиталю, отъ 30-го ноября 1757 г., *Ibid.*, vol. 54, № 136). Лопиталю сообщалъ въ депешѣ отъ 20-го мая 1759 года: Si l'Impératrice vit longtemps Elle laissera de côté le Grand Duc et la Grande-Duchesse pour mettre sur le trône de Russie le jeune Grand Duc, qu'Elle élève dans cette intention (*Ibid.*, vol. 60, № 47). Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ Лопиталю, отъ 17-го іюня: Si l'Impératrice de Russie a la possibilité de substituer un autre successeur, Elle ne pourra mieux faire, car il est difficile qu'elle en ait un aussi médiocre à tous égards que M. le Grand-Duc (*Ibid.*, vol. 60, № 47). Въ этомъ же смыслѣ высказывалось и общее желаніе: L'opinion générale est que l'Impératrice établira sur son trône le petit Grand-Duc qu'elle paraît aimer passionnément. Депеша Бретеля, отъ 28-го октября 1760 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 63, № 33).

объявлена участницею въ управленіи, чтобы всё лица остались при своихъ должностяхъ и чтобы ему былъ предоставленъ чинъ подполковника въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ и президентство въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ—иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтейской. Его желанія, такимъ образомъ, были чрезмѣрны. Проектъ такого манифеста, писанный рукою Пуговишниковъ, Бестужевъ переслалъ мнѣ чрезъ графа Понятовскаго, посовѣтовавшись съ которымъ я отвѣчала графу Бестужеву словесно, что благодарю его за добрыя намѣренія относительно меня, но считаю ихъ трудно выполнимыми. Онъ много разъ исправлялъ и давалъ переписывать свой проектъ, измѣняя его, дополняя, сокращая и, казалось, былъ имъ очень занятъ. Правду сказать, я смотрѣла на этотъ проектъ, какъ на бредни, какъ на приманку, которою старикъ хотѣлъ войти ко мнѣ въ довѣріе; я, однако, не поддавалась на эту приманку, но, такъ какъ дѣло было не спѣшное, то я не хотѣла противорѣчить упрямому старику» ¹⁾).

Вскорѣ новый припадокъ императрицы доказалъ, что это не спѣшное дѣло должно быть всегда наготовѣ.

8-го сентября 1757 года, въ праздникъ Рождества Богородицы, Елизавета Петровна отправилась изъ царскосельскаго дворца въ приходскую церковь, въ двухъ шагахъ отъ дворцовыхъ воротъ. Едва началась служба, императрица почувствовала себя дурно, вышла изъ церкви, сошла по церковному крыльцу и, сдѣлавъ два шага, упала безъ чувствъ на траву. Ее обступила толпа народа, сошедшагося изъ города и окрестныхъ деревень на праздникъ, къ обѣднѣ. Императрица вышла изъ церкви одна, безъ свиты; извѣщенные дамы и другія приближенные лица тотчасъ же приближались на помощь и нашли императрицу все еще на травѣ, безъ сознанія, среди народа, который смотрѣлъ на нее, но не смѣлъ прикоснуться. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ и послали за докторами. Первымъ прибылъ хирургъ Фусадье, французскій эмигрантъ. Онъ немедленно, тутъ же, на травѣ, среди народа, на глазахъ толпы, пустилъ ей кровь, но императрица не приходила въ себя. Долго ждали доктора Кондоиди, грека—онъ былъ богѣтъ и его

¹⁾ *Mémoires*, 315; *Болотова*, II, 168; *Beauclair*, 90; *Laveaux*, II, 199; *Gougar*, 27; *Болотова*, I, 12; *Легорты*, I, 122.

привесли въ креслѣ. Наконецъ, добыли изъ дворца ширмы и кушетку; подняли императрицу, положили на кушетку, терли мазию, давали нюхать разные спирты—она не приходила въ себя; такую, въ безчувственномъ состояніи, и перенесли императрицу во дворецъ, послѣ того, что она болѣе двухъ часовъ лежала на улицѣ. Во время этого припадка Елизавета Петровна такъ прикусила себѣ языкъ, что въ теченіи нѣсколькихъ дней не владѣла имъ и долго потомъ говорила невнятно ¹⁾. На другой день, поутру, Екатерина, жившая тогда въ Ораніенбаумѣ, получила отъ графа Поятовскаго записку, въ которой онъ сообщалъ великой княгинѣ приведенныя выше подробности.

Вопросъ о состояніи здоровья Елизаветы Петровны выступалъ на первый планъ не только для Россіи, такъ какъ съ нимъ тѣсно были связаны судьбы трона, но и для всей Европы, такъ какъ участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ вполнѣ зависѣло отъ лица, занимавшаго русскій престолъ: ни для кого не было тайною, что преемникъ Елизаветы Петровны будетъ воевать не противъ, но за Фридриха II. Сторонники Пруссіи хорошо понимали это и еще наканунѣ войны услужливые друзья шлютъ Фридриху II извѣстіе, что императрица «очень плоха», что «ей не прожить и двухъ мѣсяцевъ», что она «въ агоніи», что она, наконецъ, «умерла» ²⁾; противники Пруссіи, напротивъ, даже наканунѣ припадка 8-го сентября находили, что «здоровье императрицы превосходно, вопреки всѣмъ слухамъ за послѣднее полугодіе» ³⁾. Послѣ 8-го сентября нельзя уже было называть здоровье императрицы «превосходнымъ», и по совѣту французскаго посла, маркиза Лопиталья, недобѣрившаго докторамъ, бывшимъ при русскомъ дворѣ, былъ выписанъ изъ Франціи докторъ Пуассонье, который и находился въ Петербургѣ около двухъ лѣтъ, съ осени 1758 по осень 1760 года ⁴⁾.

¹⁾ *Mémoires*, 298. — ²⁾ *Pol. Corr.*, XIII, 518; XIV, 15, 79, 82, 149, 170, 224, 230, 301, 347, 352, 390; *Vaumer*, II, 295, 321. Всѣ эти извѣстія относятся ко времени, за полугодіе, отъ октября 1756 года по мартъ 1757 г. и всѣ ложны.

²⁾ La santé de l'Impératrice est excellente malgré tout ce que l'on dit depuis six mois. Les seules craintes qui me restent sont celles du temps critique des femmes, cette Princesse ayant 48 ans. Денеша *Лопиталья*, отъ 13-го августа 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 53, Suppl. № 9).

⁴⁾ Въ *Парижскомъ Архивѣ* хранится любопытная переписка по этому

Царскосельскій припадокъ императрицы, породившій всевозможные толки и разоблачившій болѣзненное состояніе императрицы, которое тщательно скрывали даже отъ общества, не только отъ народа, былъ, по своимъ послѣдствіямъ, особенно памятенъ великой княгинѣ: имъ Екатерина была впутана въ интригу, погубившую канцлера Бестужева.

«Вскорѣ послѣ припадка—говорить Екатерина—мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ, вмѣсто того, чтобъ, воспользовавшись взятіемъ Мемеля и грессъ-эгердорфскою побѣдою, идти впередъ, отступать съ такою поспѣшностью, что это отступление походило на бѣгство: онъ бросалъ и жегъ обозныя фуры, заклепывагь

вопросу. Извѣщая аббата Берни «о царскосельскомъ паденіи» императрицы, маркизъ *Лопиталъ* высказываетъ увѣренность, что эту женскую болѣзнь можетъ излечить только Пуассонье, мужъ кормилицы герцога Бургундскаго (vol. 54, f. 104). Оказалось, что Пуассонье—военный врачъ, находившійся тогда при арміи Рипелье (vol. 54, f. 172). По требованію Елизаветы Петровны, вызовъ Пуассонье долженъ быть сохраняться въ тайнѣ, поэтому вся переписка велась шифромъ; всякая бумага надписывалась: *rien vous veul* и дешифровалась не въ канцеляріи, а самими получателями: министромъ Берни въ Парижѣ и посломъ Лопяталемъ въ Петербургѣ (vol. 55, f. 159). Такъ какъ французская армія нуждалась во врачахъ, то военный министръ долго не давалъ отпуска врачу Пуассонье, а Берни не рѣшался открыть ему тайну, отчего отъѣздъ Пуассонье замедлился (vol. 55, f. 260), и онъ только 27-го октября 1758 г. прибылъ въ Петербургъ (vol. 58, f. 141). Тутъ новое затрудненіе: докторъ императрицы, грекъ Кондоиди, не желаетъ даже разговаривать съ Пуассонье, такъ какъ онъ «чиномъ малъ» (vol. 55, f. 200). Начинается переписка о возведеніи Пуассонье въ бригадиры, о чемъ французскій военный министръ и слышать не хочетъ; вопросъ о чинѣ, однако, уладился—Людвигъ XV сдѣлалъ Пуассонье «придворнымъ консультантомъ» и Кондоиди сдался. Фаворитъ Шуваловъ безъ ума отъ Пуассонье, канцлеръ Воронцовъ въ немъ души не слышитъ, но ни тотъ, ни другой не рѣшаются доложить императрицѣ, боясь ее потревожить (vol. 59, № 13). Пуассонье, наконецъ, осмотрѣлъ императрицу, нашелъ, что она страдаетъ *des attaques de vapeurs histériques et des convulsions* и что Кондоиди лечитъ ее по всѣмъ правиламъ искусства. Въ теченіе двухъ лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ Пуассонье видѣлъ Елизавету Петровну сегомъ четыре раза и въ августѣ 1760 г. хотѣлъ уже уѣхать, когда умеръ Кондоиди. Пуассонье, рассчитывая занять его мѣсто, отложилъ свой отъѣздъ, но о немъ даже не вспомнили, и онъ 18-го сентября 1760 г. уѣхалъ во Францію, въ своему полку (vol. 63, f. 22). Въ Петербургѣ относились съ крайнимъ недоверіемъ къ медицинскимъ познаніямъ Пуассонье. *Лафермьеръ*, 193.

пушки. Никто не понималъ причинъ этого отступленія; даже друзья Апраксина не знали, чѣмъ оправдать его. Графъ Бестужевъ увѣдомилъ меня, чрезъ Штамбе, какой оборотъ принимало отступление фельдмаршала Апраксина, на которое громко жаловались послы Австріи и Франціи. Бестужевъ просилъ меня написать фельдмаршалу, какъ другу моему, и, присоединяя мои увѣщанія къ доводамъ канцлера, убѣдить его снова двинуться впередъ и положить конецъ этому бѣгству, которое его враги объясняютъ самымъ неблагопріятнымъ и позорнымъ для него образомъ. Дѣйствительно, я написала Апраксину письмо, въ которомъ предупреждала его о дурныхъ о немъ слухахъ въ Петербургѣ и сообщала, что друзья его затрудняются оправдывать поспѣшность его отступленія, причѣмъ я просила его двинуться опять впередъ и выполнить повелѣнія, данныя императрицей. Бестужевъ послать ему это письмо. Фельдмаршалъ Апраксинъ не отвѣчалъ мнѣ»¹⁾.

Апраксинъ не могъ отвѣчать: онъ былъ смѣненъ и преданъ суду; главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ Ферморъ. Въ Петербургѣ, незнакомые съ подробностями дѣла громко обвиняли Апраксина чуть-ли не въ измѣнѣ и приводили отступление «побѣдоносной» русской арміи въ связь съ царскосельскимъ припадкомъ падучей Елизаветы Петровны²⁾: Апраксинъ велъ свою армію изъ Пруссіи обратно въ Россію, желая захватить въ свои руки положеніе дѣлъ въ случаѣ смерти императрицы, отчаянное состояніе которой было сообщено главнокомандующему его «другомъ» Бестужевымъ³⁾. Люди, стоявшіе у дѣла, знали, что «побѣдоносная» армія умирала отъ голода, что Левальдъ гнался за нею по пятамъ, такъ что уже изъ Интербурга пришлось жечь всѣ деревни, чтобъ затруднить наступленіе непріятеля, искавшаго боя. Солдаты, вы-

¹⁾ *Mémoires*, 283. — ²⁾ *Beauclair*, 90. Подобной связи быть не могло: отступление русской арміи было рѣшено военнымъ совѣтомъ 27-го августа, царскосельскій же припадокъ случился 8-го сентября. Это хорошо понималъ осторожный *Dorville*, 217. — ³⁾ Постановленія объ отступленіи были рѣшены не единолично Апраксинимъ, а всѣмъ «генералитетомъ», военнымъ совѣтомъ 27-го августа, 13-го и 28-го сентября, въ томъ числѣ и Ферморъ, смѣнившимъ Апраксина въ главнокомандованіи. Последовательность требовала бы обвинять всѣхъ генераловъ въ «дружбѣ» съ гр. Бестужевымъ и въ измѣнѣ. *Соловьевъ*, XXIV, 181; *Масловскій*, 311.

несшие на себя всю тяжесть похода, гротъ-эгердорфскаго боя и отступления, негодовали, что русскій Апраксинъ смѣненъ нѣмцемъ Ферморомъ.

Эта смѣна была нужна по политическимъ соображеніямъ—Апраксинъ являлся искупительною жертвою, предназначенною для успокоенія союзниковъ, австрійцевъ и французовъ. 7-го октября пять членовъ конференціи, каждый порознь, въ запечатанныхъ конвертахъ, представили императрицѣ свои мнѣнія о «предпринятой арміе нежданномъ образомъ ретирадѣ», причемъ оказалось, что всѣ члены находили необходимымъ отрѣшить Апраксина отъ командованія дѣйствующею арміею, вызвать его «для держанія надъ нимъ военнаго суда», назначить главнокомандующимъ генерала Фермора и о всемъ этомъ «немедленно-жъ союзникамъ знать дать»¹⁾.

Еще до назначенія военнаго суда надъ Апраксинымъ императрица потребовала отъ генерала Фермора, чтобъ онъ представилъ свое мнѣніе о «безславной ретирадѣ». Покоритель Мемеля, «какъ предъ Богомъ по сущей правдѣ» показалъ, что причиною отступления Апраксина изъ Пруссіи былъ «недостатокъ людямъ и лошадей субсистенціи», вслѣдствіе чего они «въ совершенную худобу пришли», такъ что невозможно было «съ желаемымъ успѣхомъ военныхъ операцій произвестъ». Фермору повѣрили на столько, что Фермора же назначили главнокомандующимъ на мѣсто Апраксина. Послѣ этого не могло быть и рѣчи о военномъ судѣ надъ Апраксинымъ—по вопросу о ретирадѣ онъ былъ объявленъ вполнѣ. Начался судъ невоенный.

Апраксинъ друженъ съ Бестужевымъ, Шуваловы горой стоятъ за Апраксина; къ тому же Апраксинъ, по мнѣнію «союзниковъ»²⁾,

¹⁾ Какъ самый протоколъ конференціи, такъ и отдѣльныя мнѣнія пяти членовъ см. Приложение III.

²⁾ Въ Петербургѣ выдающаяся роль въ этой интригѣ принадлежала графу Эстергази. Маркизъ *Лопиталь* былъ, по вопросу о ретирадѣ, иного мнѣнія объ Апраксинѣ и Бестужевѣ. Проѣздомъ въ Петербургъ, онъ видѣлъ Апраксина въ русскомъ лагерѣ, при Шадовѣ: *M. le maréchal Apraxin est âgé de 55 ans; sa figure est belle et noble; il est grand, mais il est grave et pesant; sa physionomie est ouverte et il passe pour avoir le caractère franc et sincère. Il a passé par tous les grades militaires, comme il est d'usage en Russie, et a servi de sa tendre jeunesse sous Pierre I et sous le général Munich* (Депеша отъ 7-го іюня 1757 г., въ *Париж. Архивъ, Russie*, vol. 53, f.

человѣкъ недалекій, неимѣющій своего мнѣнія. Онъ, для нихъ, только орудіе въ рукахъ болѣе опытныхъ, и эти руки, водившія Апраксинимъ, будутъ управлять и Ферморомъ, и всякимъ главнокомандующимъ. Для союзниковъ важенъ не Апраксинъ, не отъ него зависитъ ходъ дѣла—отъ Бестужева.

У Бестужева много враговъ, противъ него всѣ члены конференціи, но за Бестужева еще императрица. Онъ падетъ только тогда лишь, когда императрица убѣдится, что онъ измѣняетъ ей, что онъ ведетъ «свою», помимо ея, политику. Эта «своя» политика могла быть только политикою малаго двора, и вотъ Елизаветѣ Петровнѣ говорятъ о перепискѣ великой княгини съ Апраксинимъ, затѣянной Бестужевымъ. Враги Бестужева знаютъ, что переписка эта совершенно невиннаго свойства, они читали письма Екатерины къ Апраксину, у нихъ есть копіи этихъ писемъ; но они знаютъ также Елизавету Петровну: довольно только возбудить ея подозрительность, достаточно самаго факта переписки — въ чемъ бы эта переписка ни заключалась, она во всякомъ случаѣ преступна въ ея глазахъ, и если Бестужевъ зналъ объ этой перепискѣ и не доложилъ императрицѣ—онъ виноватъ.

Елизавета Петровна не сразу повѣрила графу Эстергази ¹⁾. Въ

19). Онъ знаетъ, что Бестужевъ сильно настаивалъ, чтобъ Апраксинъ воспользовался гроссъ-эгердорфской побѣдой (отъ 16-го сент., *ibid.*, vol. 54. Suppl. № 9); онъ сообщаетъ, что Бестужевъ est furieux de la conduite de ce général (отъ 24-го сент., *ibid.*, vol. 54, № 39). Самую медленность операций Апраксина онъ объясняетъ такъ: Tout le monde sait ici que les lenteurs de ses opérations viennent d'un reste de parti prussien que le chevalier Williams a entretenu jusqu'ici dans l'esprit du Grand Duc et de la Grande-Duchesse (отъ 13-го августа, *ibid.*, vol. 53, f. 172). При этомъ трудно было, конечно, обвинять Бестужева; но въ интригѣ, направленной противъ канцлера, Лопиталь принялъ участіе и поддерживалъ графа Эстергази, согласно указаніямъ, полученнымъ имъ изъ Франціи.

²⁾ Преимущественную роль въ этомъ случаѣ графа Эстергази мы выводимъ на его же словахъ. Такъ, онъ передавалъ Лопиталю слѣдующій свой разговоръ съ императрицей о Бестужевѣ: L'Impératrice lui a dit qu'Elle connaissait M. de Bestouchew pour méchant et mauvais serviteur, qu'Elle avait pour lui le plus d'éloignement et qu'il n'était propre qu'à troubler tout.—«En ce cas, a dit l'ambassadeur, Votre Majesté ne devrait pas le laisser à la tête des affaires».—«Mais qu'en ferai-je?».—«Donnez lui, Madame, une pension de 100 mille roubles, Vous y gagnerez encore mille pour cent.» (Делеша отъ

половинѣ января 1758 года, графъ А. Шуваловъ, «великій инквизиторъ», былъ посланъ въ Нарву, чтобы переговорить съ Апраксинымъ о его перепискѣ съ великой княгиней и взять у него самыя письма Екатерины ¹⁾. Въ началѣ февраля графъ Шуваловъ возвратился изъ Нарвы: Апраксинъ, правда, подъ присягою показалъ, что не получалъ отъ великой княгини никакихъ увѣщаній, противныхъ волѣ императрицы, но призналъ, что переписывался съ Екатериною и выдалъ ей письма къ нему. Въ глазахъ Елизаветы Петровны это былъ уже *corpus delicti*, но болѣе противъ великой княгини, чѣмъ противъ великаго канцлера; императрица недовольна, но болѣе Екатериной, чѣмъ Бестужевымъ.

Для начала, однако, и этого было достаточно; нужно было только продолжать начатое. Императрицѣ указали, что графъ Понятовскій, вопреки ея волѣ, но по желанію графа Бестужева, остается въ Петербургѣ, что министръ по голштинскимъ дѣламъ Штампке, по волѣ Бестужева, получилъ польскій орденъ Бѣлаго Орла, и, быть можетъ, другіе факты, столь же незначительные, но свидѣтельствующіе о какомъ-то особомъ значеніи Бестужева, которое подозрительность легко приводила въ связь съ ущербомъ самодержавія императрицы. Маркизь Лопиталь, французскій посолъ, въ это же время заявилъ вице-канцлеру Воронцову, съ которымъ, по личному приказанію императрицы, онъ велъ всѣ переговоры, что получилъ отъ своего государя предписаніе прекратить сношенія съ вице-канцлеромъ и впредь сноситься только съ канцлеромъ Бестужевымъ ²⁾; немного спустя, великій князь явился къ своей авгу-

30-го ноября 1757 года, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 136). Со словъ гр. Эстергази, маркизь Лопиталь, въ депешѣ отъ 29-го января 1758 года, извѣщаетъ, будто на придворномъ балѣ императрица сказала гр. Эстергази о Бестужевѣ: «Prenez patience, mon cher ambassadeur, lui dit secrètement Sa Majesté Impériale, nous en serons bientôt quittes» (*Ibid.*, vol. 55¹ f. 124).

¹⁾ Въ депешѣ отъ 29-го января 1758 года, извѣщая о секретномъ отъѣздѣ гр. Шувалова въ Нарву, *Лопиталь* прибавляетъ: L'Impératrice veut s'éclaircir d'un point très délicat sur certaines lettres qu'on a prétendu avoir été écrites par M. la Grande-Duchesse au général Apraxin, après avoir passées par les mains du chancelier Bestuchew (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 124). — ²⁾ *Mémoires*, 310. Въ *Парижскомъ Архивѣ* подобной инструкціи маркизу Лопиталю мы не нашли; равнымъ образомъ и въ депешахъ посла ни о чемъ подобномъ не упоминается.

стѣйшей теткѣ, каяся въ своемъ дурномъ поведеніи, говорилъ, что оно происходило отъ дурныхъ совѣтовъ и называлъ такимъ совѣтникомъ графа Бестужева. Для подозрительной и первой императрицы этого было уже вполне достаточно: но Елизавету Петровну увѣрили еще, что, по арестованіи Бестужева, въ домѣ канцлера найдутся бумаги, изъ которыхъ раскроется преступная близость Бестужева къ великой княгинѣ, связанная съ вопросомъ о престолонаслѣдїи, и императрица дала, наконецъ, свое согласіе на арестъ великаго канцлера гр. Бестужева-Рюмина.

Надо полагать, что Бестужевъ зналъ о направленной противъ него интригѣ, но противодѣйствовать ей не могъ — въ декабрѣ 1757 года онъ заболѣлъ и не выходилъ изъ комнаты. Эту болѣзнь считали притворною, приписывали ее неудовольствію на него императрицы ¹⁾. Въ половинѣ января посѣтилъ канцлера маркизъ Лопиталь и такъ сообщилъ о здоровьѣ Бестужева: «Канцлеръ, повидимому, очень нездоровъ; онъ принялъ меня въ халатѣ, съ палкой въ рукѣ, небритый; во время разговора онъ дѣлалъ гримасы, какъ бы стараясь преодолѣть боль — притворную или дѣйствительную, Богъ вѣсть» ²⁾.

14-го февраля, въ субботу вечеромъ, назначено было засѣданіе конференціи. Бестужевъ прислалъ сказать, что болѣнъ и не можетъ явиться. Елизаветѣ Петровнѣ представили это какъ ослушаніе воли ея величества. Императрица разгнѣвалась и приказала Бестужеву явиться. Едва великій канцлеръ вошелъ въ конференцъ-залу, какъ былъ арестованъ и подѣ коновоемъ отведенъ въ свой домъ ³⁾.

Канцлеръ Бестужевъ былъ арестованъ во дворцѣ, близъ вели-

¹⁾ L'Impératrice est fort indisposée contre le chancelier, qui fait le malade et ne paraît point. Депеша отъ 29-го декабря 1757 г., въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 162. — ²⁾ Депеша отъ 29-го января 1758 г., въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 124.

³⁾ M. le chancelier Bestuchew a été arrêté hier au soir avec sa femme et son fils. Бумаги его опечатаны; слѣдствіе поручено гр. А. Шувалову, кн. Трубецкому и Бутурлину; арестованы также Адодуровъ и Бернарди (Депеша Лопиталья, отъ 26-го февраля, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 198). Это собственно только Р. С. къ депешѣ отъ 25-го февраля, причемъ Лопиталь помѣтилъ: «8 h. du soir», что свидѣтельствуетъ, что и французскій посольствъ узналъ объ арестованіи Бестужева спустя болѣе 24-хъ часовъ. *Mémoires*, 310.

княжескихъ покоевъ, и Екатерина ничего не знала объ этомъ. На другой день, поутру, она получила отъ графа Понятовскаго саѣдующую записочку: «Вчера, вечеромъ, графъ Бестужевъ арестованъ, лишень всѣхъ должностей и чиновъ; арестованъ также ващъ брильянщикъ Бернарди, Елагинъ и Адодуровъ».

Екатерину не пугала поѣздка графа Шувалова въ Нарву за ея письмами — ея переписка съ Апраксинымъ такъ невинна, такъ согласна съ видами правительства. Что ей до ареста Бернарди, Елагина, Адодурова? Итальянецъ Бернарди, торговавшій брильянтами, былъ вхожъ во всѣ дома, всѣмъ оказывалъ мелкія услуги, всѣ были ему должны; отъ умнаго, бывалаго итальянца ничего политическаго не узнають, такъ какъ онъ самъ ничего политическаго не знаетъ. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, бывший адъютантъ обер-егермейстера А. Г. Разумовскаго, другъ графа Понятовскаго, честный, правдивый, рыцарски преданный великой княгинѣ, ничего лишняго не скажетъ, хотя ему и было бы что поразсказать ¹⁾. Василій Евдокимовичъ Адодуровъ, учившій нѣкогда Екатерину русскому языку, прежде близкое лицо къ князю Н. Ю. Трубецкому, теперь довѣренный человѣкъ графа Бестужева, преданный своей ученицѣ, ея вѣрный слуга. Ни Бернарди, ни Елагинъ, ни Адодуровъ не опасны—что, кромѣ семейныхъ дрязгъ и мелкихъ сплетень, можно узнать отъ нихъ? Другое дѣло арестъ Бестужева: у него письма и записки Екатерины, у него проектъ о престолонаслѣдїи—не она писала его, но онъ составленъ въ ея интересахъ!

Екатерина читала и перечитывала утреннюю записочку графа Понятовскаго, и какъ ни думала, ни гадала, а выходило, что ей «нѣтъ никакой возможности не быть замѣшанною въ это дѣло» ²⁾. И ни откуда никакого извѣстія, не только утѣшенія—ни разъясненія причинъ, ни даже подробностей ареста, ничего. Екатерина одѣлась и пошла, «словно съ кинжаломъ въ сердцѣ», къ обѣднѣ; видѣла многихъ, но всѣ хранить молчаніе. Но если всѣ молчать, она молчать не можетъ. Вечеромъ, въ воскресенье же, во время бала, бывшаго по случаю свадьбы Льва Нарышкина, Екатерина подошла къ посаженому отцу, князю Трубецкому, «какъ будто

¹⁾ Письма Екатерины и графа Понятовскаго къ Й. П. Елагину, въ *Сборникъ*, VII, 75. — ²⁾ *Mémoires*, 312.

посмотрѣть ленты на его маршальскомъ жезлѣ», и сказала ему вполголоса: «Qu'est-ce que c'est donc que ces belles choses? Avez vous trouvé plus de crimes que de criminels, ou avez vous plus de criminels que de crimes?»¹⁾ Князь отвѣчалъ: «Мы сдѣлали, что намъ было приказано; преступленій же еще ищутъ. До сихъ поръ всѣ поиски не были удачны». Съ тѣмъ же вопросомъ обратилась Екатерина къ фельдмаршалу Бутурлину и получила тотъ же отвѣтъ: «Бестужева арестовали; теперь мы ищемъ причины за что его арестовали». Могло-ли это успокоить Екатерину? Князь Трубецкой и Бутурлинъ, правда, назначены слѣдователями, они знаютъ положеніе дѣла; но они знаютъ также, что говорятъ съ великою княгиней и отвѣчаютъ на вопросъ о человѣкѣ, которымъ она интересуется. Только въ понедѣльникъ, 16-го февраля, голштинскій министръ Штамбе принесть Екатеринѣ утѣшительную вѣсточку: онъ получилъ отъ Бестужева записку съ просьбою передать великой княгинѣ, чтобы «она не беспокоилась на счетъ того, что знаетъ», что онъ имѣлъ время «все бросить въ огонь». Тотчасъ по уходѣ Штамбе, Екатерина написала записочку Пуговишникову, участвовавшему въ составленіи проекта о престолонаслѣддіи: «Vous n'avez rien à craindre—on a eu le temps de tout bruler»²⁾. Только теперь отлегло отъ сердца Екатерины; только теперь могла она спать спокойноѣ.

Спокойнѣе, но не спокойно. Она знала, что графъ Понятовскій и Штамбе ведутъ тайную переписку съ арестантомъ Бестужевымъ — маленькій трубачъ, егеръ Бестужева, кладетъ письма въ кирпичи строящагося вблизи дома; она сама, при помощи преданнаго ей Шкурина, завязала сношенія съ Бернарди, находившимся подъ присмотромъ сержанта Колышкина³⁾. Что если эта переписка откроется, если эти сношенія узнаются?

Въ пятницу на масляной недѣлѣ, 27-го февраля, былъ обнародованъ манифестъ⁴⁾ о лишеніи канцлера Бестужева всѣхъ чиновъ и достоинствъ. Императрица объявила, что «съ крайнимъ насиліемъ нашей натуральной къ милосердію и великодушію склонности»

¹⁾ Что за прелесть! Нашли-ли вы больше преступленій, чѣмъ преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ, чѣмъ преступленій? *Mémoires*, 313. — ²⁾ Вамъ нечего опасаться — успѣли все сжечь. *Mémoires*, 314. — ³⁾ *Mémoires*, 314, 316. — ⁴⁾ *И. С. З.*, № 10802.

должна была арестовать Бестужева за «преступленія въ оскорбленіи величества» и предать его суду «чрезъ нарочно учрежденную при дворѣ нашемъ комиссію».

Комиссія не коснется проекта о престолонаслѣдіи—у нея нѣтъ и не можетъ быть данныхъ для разслѣдованія этого вопроса: всѣ бумаги сожжены. Остается только вопросъ о перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ. Екатерина можетъ съ большимъ уже спокойствіемъ ожидать результатовъ слѣдствія: ей запрещена всякая переписка—это правда; но въ данномъ случаѣ эта переписка не была преступною.

Положеніе Екатерины крайне тяжелое. Ея друзья призваны государственными преступниками, люди близкіе арестованы, преданные—вызываются къ допросу; великій князь отворачивается отъ нея, никто не говоритъ, всякій избѣгаетъ встрѣчаться съ нею. «Его высочество почти не смѣлъ говорить со мною и не приходилъ въ мою комнату, гдѣ я оставалась въ это время совершенно одна, не видя ни одного живого лица. Я сама никого не приглашала къ себѣ, опасаясь тѣмъ навлечь на нихъ какія-либо непріятности и даже несчастія. При дворѣ я воздерживалась подходить къ тѣмъ лицамъ, которыя вынуждены были бы отвернуться отъ меня»¹⁾. Положеніе невыносимое; необходимо выйти изъ него.

Въ субботу на масляной недѣлѣ, 28-го февраля 1758 года, на придворномъ театрѣ назначена русская комедія, и графъ Понятовскій просилъ Екатерину быть на представленіи. Великій князь не любитъ русской комедіи и не желаетъ, чтобъ великая княгиня ѣхала въ театръ: если она поѣдетъ, съ нею поѣдутъ фрейлины и въ числѣ ихъ графиня Елизавета Романовна Воронцова, съ которою онъ такъ любитъ играть въ карты по вечерамъ. Екатерина не обращаетъ вниманія на карточную игру подобнаго рода, но въ этотъ вечеръ не было выбора: она дала слово графу Понятовскому быть въ театрѣ, и она будетъ. Великая княгиня послала сказать оберъ-гофмейстеру графу А. Шувалову, чтобъ онъ приказалъ приготовить для нея экипажи. Является графъ Шуваловъ и говоритъ, что «великій князь запретилъ давать ей экипажи». Это взо

¹⁾ *Mémoires*, 323.

рвало Екатерину и она сказала оберъ-гофмейстеру, что если ей не дадутъ экипажа, она пойдетъ пѣшкомъ; если дамамъ запретятъ сопровождать ее—пойдетъ одна, но напишетъ императрицѣ и будетъ жаловаться ея величеству на великаго князя и на него, графа Шувалова.

«— Что же вы напишите ея величеству?»

«— Напишу, какъ обращаются здѣсь со мною; напишу, что, въ угоду великому князю, вы устраиваете ему свиданія съ моими фрейлинами, и вмѣстѣ съ нимъ не пускаете меня въ театръ, гдѣ я могла бы имѣть счастье видѣть ея императорское величество. Мало того: я попрошу императрицу отправить меня къ моей матушкѣ—мнѣ надоѣла и опротивѣла роль, которую я играю, оставленная всѣми, одна въ своей комнатѣ, ненавидимая великимъ княземъ и нелюбимая императрицею. Я ничего не желаю, кромѣ спокойствія, и не хочу болѣе никому быть въ тягость, не хочу дѣлать несчастными моихъ приближенныхъ, особенно же моихъ бѣдныхъ людей, которыхъ столько уже сослано за то, что я любила ихъ или дѣлала имъ добро. Знайте же, что я сейчасъ напишу ея величеству, и мы посмотримъ, какъ-то вы посмѣете не отнести императрицѣ мое письмо» ¹⁾.

Шуваловъ испугался рѣшительнаго тона этой рѣчи, заморгавъ глазами, «какъ это онъ всегда дѣлалъ, когда что-нибудь волновало его», и ушелъ. Екатерина тотчасъ же написала императрицѣ письмо по-русски, «въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, какъ умѣла». Она начала письмо благодарностью императрицѣ за всѣ милости и благодѣянія, оказанныя ей со дня пріѣзда въ Россію. «По несчастью, продолжала она, оказалось, что я не заслужила этихъ милостей, потому что навлекла на себя только ненависть великаго князя и явную немилость ея величества. Видя свое несчастье и оставаясь одна въ своей комнатѣ, гдѣ меня лишаютъ самыхъ невинныхъ развлеченій, я настоятельно просила ее прекратить мои невзгоды, отправивъ меня къ моимъ родителямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, какой она призываетъ болѣе приличнымъ. Что же касается дѣтей моихъ, то хотя я и живу съ ними подъ одною кровлею, но вовсе не вижу ихъ; и поэтому мнѣ все равно, быть-ли

¹⁾ *Mémoires*, 325.

въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и опи, или въ нѣсколькихъ сотняхъ верстѣ отъ нихъ. Я знаю, что ея величество печется о нихъ несравненно болѣе, нежели сколько позволяли бы мнѣ мои малыя способности. Дерзаю просить о продолженіи этихъ попеченій и, убѣжденная въ этомъ, проведу остатокъ дней у своихъ родныхъ, моля Бога за ея величество, за великаго князя, за моихъ дѣтей и за всѣхъ, сдѣлавшихъ мнѣ добро или зло. Состояніе моего здоровья доведено горемъ до того, что я должна сдѣлать все, что могу, лишь бы по крайней мѣрѣ спасти свою жизнь, и въ этихъ-то видахъ я обращаюсь къ ней съ просьбою разрѣшить мнѣ отправиться на воды и оттуда къ своимъ роднымъ».

Великая княгиня запечатала письмо, отдала графу Шувалову и отправилась таки въ театръ. Императрицы въ театрѣ не было— «думаю, ей помѣшало письмо мое» ¹⁾, прибавляетъ Екатерина. По возвращеніи великой княгини изъ театра, къ ней явился графъ Шуваловъ и объявилъ, что онъ отдалъ императрицѣ письмо и что ея величество, прочтя его, изволила сказать, что «сама будетъ говорить съ великою княгинею».

Долго ждала Екатерина общаго «разговора». Враги ея надѣялись найти матерьялъ для разговора въ бумагахъ или показаніяхъ Бестужева. Если у Апраксина нашлись письма великой княгини, какъ не быть имъ у Бестужева? Въ перехваченномъ письмѣ арестованнаго Бестужева къ великой княгинѣ онъ совѣтуетъ ей «поступать смѣло и бодро, съ твердостью», присовокупляя, что «подозрѣніями ничего доказать не можно»—было, значить, что-то, но уничтожены его слѣды и остались одни подозрѣнія. Шестъ недѣль великаго поста ушли на розыски и допросы.

Всѣ вопросныя пункты Бестужеву упоминаютъ такъ или иначе о великой княгинѣ; большинство же касается ея переписки. Вопросы составлялись умнымъ Волковымъ, но Бестужевъ оказался умнѣе Волкова. Зная объ отношеніяхъ великой княгини къ графу Понятовскому, Волковъ, на допросѣ 30-го марта, ставитъ такой вопросъ: «Теперь ея императорскому величеству нечаянно, но вдругъ и точно извѣстно стало, что Понятовскій не для дѣла короля Польскаго и не по ея величества благоизобретенію, но единственно твоимъ

¹⁾ *Mémoires*, 327.

проискомъ здѣсь по отзыве уже наки оставленъ, а потому имѣешь ты объявить для чего ты искалъ его здѣсь удержать». Бестужевъ взялъ вину на себя, но не выдалъ Екатерины, и отвѣчалъ: «Подлинно послѣ полученія графомъ Понятовскимъ его отзыва старался онъ чрезъ саксонскаго совѣтника посольства Прасса остановить его, Понятовскаго, здесь, но ни къ графу Брилю, ни къ князю Волконскому о томъ не писалъ, а сие исканіе производилъ только для того, что видя на себя гонение пословъ Эстергазия и маркиза Лопиталья желалъ по меньшей мере одного благоприятнаго иметь себѣ министра, а толь больше графа Понятовскаго, что оный увѣдомлялъ его обо всемъ что услышитъ отъ графа Эстергазия и маркиза Лопиталья. А что онъ искалъ Понятовскаго здесь удержать, по полученіи его отзыва и зная, что Ея императорскому величеству присутствие его здесь не угодно, въ томъ просить монаршаго помилованія, а именно что собственную свою пользу предпочелъ всевысочайшему имянному Ея императорскаго величества соизволенію, больше того отнюдь никакихъ иныхъ видовъ во удержаніи его здесь не имель» ¹⁾).

Не привели ни къ чему и розыски. Екатерина была настолько осторожна, что сожгла всѣ свои «бумаги и счеты» ²⁾. Когда, на третьей недѣлѣ поста, арестовали любимую камерфрау великой княгини ³⁾, Владиславу, Екатерина съ увѣренностію сказала графу Шувалову, что «отъ Владиславовой рѣшительно нечего вывѣдывать» и, желая прекратить дальнѣйшіе аресты приближенныхъ къ ней лицъ, прибавила, что «не довѣрялась ни ей, ни кому-либо другому» ⁴⁾. 7-го апрѣля разобрали и «остальные письма бывшего канцлера»—въ нихъ ни строчки отъ великой княгини! Такъ и не нашли новыхъ уликъ противъ Екатерины, кромѣ давно уже извѣстныхъ писемъ ея къ Апраксину.

Между тѣмъ великая княгиня настоятельно требовала свиданія

¹⁾ *Билбисовъ*, 77, 83. — ²⁾ *Mémoires*, 322.

³⁾ Une vieille femme de chambre russe qui avait toute la confiance la plus secrète de Madame la Grande-Duchesse vient d'être arrêtée; Elle l'appelait sa mère. On présume qu'elle était la confidente de Son Altesse Impériale soit pour ses amours avec M. Poniatowski, soit pour ses intrigues avec M. de Bestucheff. Денеша *Лопиталья* отъ 24-го апрѣля, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 112. *Mémoires*, 332. — ⁴⁾ *Mémoires*, 333.

сь императрицей. Оно было ей необходимо, какъ единственное средство выйти изъ подавляющей неизвѣстности. Шестъ недѣль раздумья и опасеній надломили натуру—Екатерина проводила цѣлые дни въ слезахъ. Въ вербное воскресенье, вечеромъ, она ходила въ своей комнатѣ изъ угла въ уголъ, обдумывая въ сотый разъ свое положеніе, когда къ ней вошла камеръ-фрау Екатерина Ивановна Шаргородская. Видимо разстроенная, сквозь слезы, она сказала Екатеринѣ: «Мы всѣ боимся, что вы захвораете отъ горести; позвольте мнѣ сходить сегодня же къ дядѣ моему, вашему и императрицыну духовнику ¹⁾; я переговорю съ нимъ, передамъ ему все, что вы прикажете, и обѣщаю вамъ, что онъ переговоритъ съ императрицей такъ, что вы останетесь довольны» ²⁾. Екатерина согласилась. Около 11-ти часовъ вечера возвратилась Шаргородская: дядя совѣтуетъ великой княгинѣ сказатьсь больнои и потребовать духовника; онъ явится, выслушаетъ все, что Екатеринѣ будетъ угодно передать ему и затѣмъ переговоритъ съ императрицею въ желаемомъ великою княгинею смыслѣ. Такъ и сдѣлали: въ 3-мъ часу ночи Екатерина сильно расхворалась, пожелала исповѣдаться; послали за духовникомъ. Онъ пробылъ у великой княгини битыхъ полтора часа. Екатерина посвятила его во всѣ подробности, приведшія къ нему съ просьбою отпустить на родину, и нашла, что «онъ не такъ глупъ, какъ объ немъ говорили». Онъ это доказалъ на дѣлѣ: отъ великой княгини, ночью же, онъ отправился къ императрицѣ, дождался ея пробужденія и такъ переговорилъ съ нею, что Елизавета Петровна тотчасъ же назначила свиданіе съ Екатериной въ тотъ же день, въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ, 13-го апрѣля ³⁾. Свиданіе произошло ночью, въ кабинетѣ импе-

¹⁾ Дубянский, Федоръ Яковлевичъ, ум. въ 1772 г. По поводу его просьбы о 6,000 рублей Екатерина писала въ 1767 году А. В. Олсуфьеву: «Держите ухо остро; je vous souhaite la force du lion et la prudence du serpent». *Русск. Архивъ*, 1863, стр. 199 (444). — ²⁾ *Mémoires*, 334.

³⁾ Въ «Запискахъ» Екатерины, вообще не отличающихся хронологическою точностію, не указано время свиданія. Оно опредѣляется довольно точно по указанію англійскаго посланника Кейта. Въ депешѣ отъ 28-го апрѣля 1758 г. Кейтъ сообщаетъ: «арестованіе любимой камерфрау великой княгини (Владиславовой) дало поводъ къ состоявшемуся четыре дня назадъ свиданію великой княгини съ императрицею» (*Raumer*, II, 458). Четыре дня назадъ, то-есть, 24-го апрѣля; Кейтъ, какъ и всѣ иностранные министры,

ратрицы, въ присутствіи лицъ наиболѣе близкихъ, и тѣмъ не менѣе подробности этого свиданія вскорѣ стали общеизвѣстны ¹⁾. Эти подробности произвели на Екатерину довольно сильное впечатлѣніе; она живо представляла ихъ себѣ даже много лѣтъ спустя:

«Въ исходѣ десятаго часа, вечеромъ, я одѣлась, прилегла на кушетку и вздремнула. Около половины второго ночи, графъ Шуваловъ вошелъ въ мою комнату и сказалъ, что императрица желаетъ меня видѣть. Я встала и пошла за нимъ. Въ переднихъ комнатахъ не было ни души. Подходя къ двери, ведущей въ галерею, я увидѣла, какъ изъ противоположной двери показался великій князь и направился, какъ и я, къ ея императорскому величеству. Придя въ комнату императрицы, я застала уже тамъ великаго князя. Едва увидавъ императрицу, я упала передъ нею на колѣни и сквозь слезы настоятельно просила ея отослать мѣня къ роднымъ. Императрица хотѣла поднять меня, но я осталась у ея ногъ. Она показала мнѣ болѣе опечаленною, чѣмъ разгнѣванною.

«— Какъ же мнѣ отпустить тебя, сказала она со слезами на глазахъ; вспомни, что у тебя есть дѣти.

«— Дѣти мои въ вашихъ рукахъ, и имъ нигдѣ лучше быть не можетъ. Я надѣюсь, что вы ихъ не покинете.

«— Но что же я скажу обществу о причинѣ твоего удаленія?

«— Ваше величество объявите, если найдете это приличнымъ, причины, по которымъ я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя.

«— Чѣмъ же ты будешь жить у своихъ родныхъ?

«— Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, до того, какъ вы оказали мнѣ честь взять меня.

«— Твоя мать въ бѣгахъ: она вынуждена была удалиться изъ своего дома и отправилась въ Парижъ.

помѣчалъ свои депеши новымъ стилемъ, и его 24-е апрѣля составилъ 13-е апрѣля стараго стила. Въ 1758 г. свѣтлое воскресенье было 19-го апрѣля; слѣдовательно, 13-е апрѣля приходилось на понедѣльникъ страстной. Въ *Сборникѣ*, VII, 74, день свиданія ошибочно показанъ 23-го апрѣля.

¹⁾ *Raumer*, II, 457—459. Депешою *Keyma* отъ 28-го апрѣля 1758 года вполне подтверждается достоверность разсказа объ этомъ свиданіи въ «Запискахъ» Екатерины. Депеша *Prasse* отъ того же числа (*Herrmann*, V, 227).

«— Я знаю это. Ее считаютъ слишкомъ преданною интересамъ Россіи, и король прусскій преслѣдуетъ ее за это.

«Императрица вторично приказала мнѣ встать; я повиновалась. Она задумалась и отошла отъ меня. Мы находились въ длинной комнатѣ о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами императрицы. Въ комнатѣ были только: она, великій князь, графъ А. Шуваловъ и я. Насупротивъ императрицы стояли широкія ширмы, передъ ними—кушетка; за ширмами Иванъ Шуваловъ. Я отошла къ туалетному столу, ближайшему къ дверямъ, въ которыя мы вошли, и замѣтила въ вазѣ свернутыя письма. Императрица снова подошла ко мнѣ и сказала: «Богъ мнѣ свидѣтель, сколько я плакала, когда ты была при смерти больна вскорѣ по приѣздѣ въ Россію; еслибъ я не любила тебя, то не оставила бы у себя». Это, по-моему, значило оправдываться, что я у нея не въ немилости. Въ отвѣтъ на это я поблагодарила ея величество за всѣ милости и благодѣянія, которыя она оказывала мнѣ тогда и послѣ, прибавивъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не изгладится изъ моей памяти и что я всегда буду считатьъ величайшимъ несчастіемъ моей жизни то, что навлекла ея немилость. Императрица еще ближе подошла мнѣ:

«— Ты чрезмѣрно горда. Вспомни, какъ, однажды, въ лѣтнемъ дворцѣ, я подошла къ тебѣ и спросила, не болитъ-ли у тебя шея, потому что ты едва поклонилась мнѣ. Только изъ гордости, ты едва киваешь головой, кланяясь мнѣ.

«— Боже мой, какъ ваше величество могли думать, что я захочу гордиться предъ вами! Клянусь, что никогда не подозрѣвала даже, что вопросъ, сдѣланный вами четыре года назадъ, могъ имѣть подобное значеніе.

«— Ты воображаешь, что нѣтъ человѣка умнѣе тебя.

«— Еслибъ я такъ думала о себѣ, то мое настоящее положеніе и самый этотъ разговоръ лучше всего способны вывести меня изъ заблужденія: я до сихъ поръ, по глупости своей, не понимала того, что вамъ угодно было сказать мнѣ четыре года назадъ.

«Пока императрица говорила со мною, великій князь шептался съ графомъ А. Шуваловымъ. Она замѣтила это и подошла къ нимъ. Они стояли почти на серединѣ комнаты; я не могла ясно слышать, о чемъ они говорили—они говорили негромко, а ком-

ната была большая. Наконецъ, я услышала, какъ великій князь сказалъ, возвысивъ голосъ: «Она ужасно зла и страшно упряма». Я поняла, что дѣло идетъ обо мнѣ и, обращаясь къ великому князю, сказала ему: «Если вы говорите обо мнѣ, то я рада случаю сказать вамъ, въ присутствіи ея величества, что я, дѣйствительно, зла на тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ дѣлать несправедливости, и что я стала упряма, видя, что моя угодливость навлекла на меня только вашу неприязнь». Великій князь, выслушавъ, сказалъ императрицѣ: «Ваше величество сами теперь видите, какъ она зла, по тому, что она говоритъ». Но на императрицу, которая была гораздо умнѣе великаго князя, мои слова произвели совершенно иное впечатлѣніе. Я видѣла ясно, что, хотя ей присоветовали или она сама рѣшила быть со мною строгою, она смягчалась все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ шелъ разговоръ. Затѣмъ императрица перешла къ сношеніямъ Штамбе съ графомъ Бестужевымъ—такъ какъ мое имя не было при этомъ упомянуто, то я молчала. Потомъ императрица подошла ко мнѣ:

«— Ты мѣшаешься во многія дѣла, которыя тебя вовсе не касаются; я не смѣла дѣлать этого при императрицѣ Аннѣ. Какъ, напримеръ, осмѣлилась ты посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?»

«— И? Никогда мнѣ и въ голову не приходило посылать ему приказанія!»

«— Какъ ты можешь отрицать, что писала ему? Твои письма тамъ, въ вазѣ (она пальцемъ указала ихъ)—тебѣ запрещено, вѣдь, писать.»

«— Правда, я нарушила это запрещеніе, и прошу въ томъ извиненія; но такъ какъ мои письма здѣсь, то эти три письма могутъ доказать вашему величеству, что я никогда не посылала ему приказаній. Въ одномъ письмѣ, я сообщала ему, что говорятъ о его поступкахъ...

«— Зачѣмъ же ты писала ему объ этомъ?»

«— Затѣмъ, что принимала въ немъ участіе и любила его. Я просила его исполнить ваши приказанія. Въ двухъ остальныхъ письмахъ я поздравляла его, въ одномъ—съ рожденіемъ сына, въ другомъ—съ новымъ годомъ.»

«— Бестужевъ говорить, что было много другихъ писемъ.»

«— Если Бестужевъ говоритъ это, онъ лжетъ.

«— Хорошо же: такъ какъ онъ лжетъ на тебя, я велю пытать его.

«Императрица думала этимъ напугать меня. Я отвѣчала ей, что она властна дѣлать все, что найдетъ нужнымъ, но что я все-таки писала Апраксину только эти три письма. Она замолчала и стала что-то соображать.

«Я передаю только наиболѣе выдающіяся черты этого разговора, оставшіяся въ моей памяти; невозможно вспомнить все, что говорилось въ продолженіе полутора часа. Императрица ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, обращаясь то ко мнѣ, то къ своему племяннику, чаще же всего къ графу А. Шувалову. Я сказала уже, что замѣтила въ императрицѣ меньше гнѣва, чѣмъ заботы; великій же князь, въ своихъ замѣчаніяхъ во время этого разговора, проявлялъ много желчи, неприязни и даже ненависти ко мнѣ. Онъ всѣми силами старался раздражить ея величество противъ меня, но такъ какъ всѣ его старанія были крайне тупы, и онъ выказывалъ больше горячности, чѣмъ здраваго сужденія, то не достигъ цѣли: императрица, по своему уму и проникательности, брала мою сторону. Съ особеннымъ вниманіемъ и даже съ нѣкоторымъ невольнымъ одобреніемъ выслушивала она мои твердые и спокойные отвѣты на нелѣпыя вспышки моего супруга. Онъ довелъ дѣло до того, что императрица подошла ко мнѣ и сказала вполголоса: «Мнѣ хотѣлось бы многое еще сказать тебѣ, но я не могу говорить теперь—я вовсе не желаю, чтобъ вы еще болѣе разсорились». Глазами и головой она дала мнѣ понять, что не желаетъ говорить въ присутствіи другихъ. Я отвѣчала ей почти шепотомъ: «Я тоже не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хочется открыть вамъ мою душу и мое сердце». Слова эти произвели на нее благопріятное для меня впечатлѣніе. У нея показались даже слезы на глазахъ и чтобъ скрыть, что она была растрогана, она простилась съ нами, сказавъ, что очень поздно. Въ самомъ дѣлѣ, было около трехъ часовъ ночи. Я ушла къ себѣ и уже раздѣвалась, чтобъ лечь спать, когда вошелъ графъ А. Шуваловъ и объявилъ, что императрица поручила ему передать мнѣ ея поклонъ и сказать, чтобъ я не огорчалась и что она будетъ имѣть второй разговоръ съ одною мною. Я просила графа Шувалова передать ея величеству

мое глубочайшее почтеніе, поблагодарить за ея милости, которыя возвращаютъ мнѣ жизнь, и сказать, что я съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ буду ожидать второго разговора съ ея величествомъ» ¹⁾.

Первое свиданіе не внесло полного успокоенія въ комнаты великой княгини. Екатерина сознавала, что одержала ночную побѣду надъ великимъ княземъ, что императрица приняла ея сторону, но не могла обманывать себя на счетъ результатовъ этой побѣды. Елизавета Петровна давно уже утратила всякую самостоятельность и находилась подъ посторонними вліяніями; ея волею руководили другіе. Императрица могла быть вполне искренна, когда говорила, что въ знаменитую ночь 13-го апрѣля она убѣдилась, что «великая княгиня очень умна, а великій князь дуракъ», но это убѣжденіе могло не имѣть практическихъ послѣдствій. Прошло лишь нѣсколько дней послѣ ночного свиданія и, на святой же недѣлѣ, двѣ камеръ-фрау великой княгини были арестованы; оберъ-камергеръ Брокдорфъ, называвшій Екатерину змѣю и внушавшій великому князю необходимость «раздавить змѣю», опять въ чести, и всесильный теперь вице-канцлеръ графъ Воронцовъ хлопочетъ о пожалованіи ему ордена Бѣлаго Орла; великій князь ждетъ не дожидается, когда выплюютъ его супругу за границу, думая жениться на Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой, которая ходитъ уже въ его комнаты и разыгрываетъ тамъ роль хозяйки ²⁾. Въ допросахъ Бестужеву ставится уже вопросъ о «планахъ какъ на нынѣшнее, такъ и на будущее время», о которыхъ бывшій канцлеръ совѣщался съ Штамбеке и графомъ Понятовскимъ, друзьями великой княгини; Бестужева допрашиваютъ, «для чего предпочтительно искалъ милости у великой княгини» ³⁾, и т. п. Екатеринѣ думалось, что слѣдователи слышали о проектѣ престолонаслѣдія и силились открыть дѣйствительно государственное преступленіе. Проектъ, правда, сожженъ, но не осталось-ли какой-нибудь копій, какого-нибудь черноваго лоскутка бумаги?

Тяжело положеніе Екатерины, но она не падаетъ духомъ. «Хотя я въ крайней горести нынѣ, пишетъ она сосланному другу Ела-

¹⁾ *Mémoires*, 336. — ²⁾ Дешета *Лопитала* отъ 25-го февраля 1758 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 198); дешети *Прассе* отъ 2-го и 9-го мая (*Rauter*, II. 472); *Mémoires*, 346. — ³⁾ *Билъбасовъ*, 72 sqd.

гину, но еще надежду имѣю»¹⁾). На что? Единственно на свою твердость. Убѣжденная, что важныя бумаги сожжены, что отъ преступныхъ писаній осталось только «подозрѣніе», Екатерина твердо, обдуманно ведетъ борьбу, настоятельно просить отпустить ее къ роднымъ, вполне увѣренная, что ее не отпустить, что на такой рѣшительный шагъ неспособны ни императрица, ни ея ближайшіе совѣтники. Не даромъ же фаворитъ императрицы И. И. Шуваловъ увѣрялъ Екатерину, что «все будетъ по ея желанію»; не напрасно же вице-канцлеръ Воронцовъ явился къ ней и отъ имени императрицы просилъ отказаться отъ намѣренія покинуть Россію, «никогда даже не упоминать» объ этомъ намѣреніи, на которое императрица никогда не согласится и которое огорчаетъ «всѣхъ честныхъ людей» съ Россіи²⁾). Екатерина, справедливо полагавшая, что только личное объясненіе съ императрицей можетъ вполне обезпечить ея положеніе и оградить отъ дальнѣйшихъ неприятностей, просила и Воронцова, и Шувалова доставить ей второе свиданіе и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Оно состоялось 23-го мая³⁾).

«Я застала императрицу совершенно одну. На этотъ разъ въ комнатѣ не было никакихъ ширмъ, слѣдовательно, мы могли говорить совершенно свободно. Я начала благодарностью за это свиданіе, сказавъ, что одно милостивое обѣщаніе его возвратило меня къ жизни. На это она мнѣ сказала: «Я требую, чтобъ ты сказала мнѣ всю правду, о чемъ я буду тебя спрашивать». Я отвѣчала ей

¹⁾ *Сборникъ*, VII, 77.

²⁾ *Mémoires*, 347. Дешеша Прассе, у *Raumer*, II, 457. Иной характеръ приданъ этому эпизоду въ депешѣ *Лопиталля* отъ 2-го мая 1758 года: Sa Majesté Impériale a envoyé M. de Woronzow chez M-me la Grande-Duchesse où il est resté deux heures entières pour la ramener à ses devoirs et lui faire connaître ses égarements. Il doit y retourner aujourd'hui et il espère la mettre au point que Sa Majesté Impériale désire sans quoi Elle se perdrait. *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 112.

³⁾ Къ депешѣ *Лопиталля* отъ 2-го іюня 1758 года прибавленъ Р. С. помѣченный 4-го іюня. Въ этой припискѣ посолье сообщаетъ, что императрица не была вчера (hier soir) въ оперѣ—были только великій князь и принцъ Карлъ саксонскій; воспользовавшись тѣмъ, что весь дворъ въ театрѣ, императрица имѣла разговоръ съ великой княгиней (l'Impératrice avait une conversation avec M-me la Grande-Duchesse), pour faire la paix (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 252). Вчера, т. е. 3-го іюня новаго стилиа или 23-го мая стараго.

увѣренемъ, что она услышитъ отъ меня только сущую правду и что я желаю открыть ей всю мою душу безъ малѣйшей утайки. Тогда она опять спросила меня, дѣйствительно-ли я писала Апраксину только три письма. Я поклялась, что только три, какъ оно въ дѣйствительности и было. Затѣмъ императрица начала спрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя»...

На этихъ словахъ обрываются «Записки» Екатерины. О чемъ говорилось и что было высказано на этомъ второмъ свиданіи— неизвѣстно; несомнѣнно только, что это свиданіе, имѣвшее въ виду достигнуть примиренія, *roug faire la paix*, какъ выразился французскій посоль, окончилось къ полному удовольствію Екатерины. Нѣсколько дней спустя, передъ отъѣздомъ въ Ораненбаумъ, Екатерина написала, 29-го мая, письмо императрицѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорила: «Лишь я вспомню высочайшихъ милостей, которыхъ я удостоилась слышать изъ на вѣкъ благословенныхъ устъ Вашего Императорскаго Величества, слезы радостныя льются изъ моихъ глазъ» ¹⁾.

Какъ правительница Анна Леопольдовна допрашивала нѣкогда царевну Елисавету Петровну и убѣдилась въ полной ея невинности, такъ теперь императрица осталась вполне довольна открытыми отвѣтами великой княгини. Для Екатерины это было очень важно: главною цѣлью великой княгини было успокоить императрицу, расположить ее въ свою пользу, и Екатерина достигла этой цѣли. Не въ ея было силахъ спасти друзей, но насколько можно она содѣйствовала смягченію приговора. Въ этомъ случаѣ много помогала самый титулъ великой княгини ²⁾: суды

¹⁾ *Сборникъ*, VII, 74, гдѣ въ примѣчаніи сказано, будто Екатерина «хотаетъ въ настоящемъ письмѣ о второмъ свиданіи» съ императрицей. Это невѣрное объясненіе ввело первоначально насъ въ заблужденіе (*Вильбасовъ*, 62): въ письмѣ говорится объ отъѣздѣ въ Ораніенбаумъ, а не въ Германію, поэтому-то въ немъ и не упомянуто о дѣтяхъ; оно писано послѣ второго свиданія.

²⁾ *Les commissaires, que Sa Majesté Impériale a nommés, réfléchissent que Leurs Altesses Impériales étant impliquées dans cette affaire, ils pourraient se repentir un jour de la rigueur qu'ils auraient fait exercer, et la Grande-Duchesse quoiqu'aujourd'hui abaissée et découverte, conserve cependant toujours le crédit secret des ministres sages qui prévoient l'avenir.* Денеша *Лопитала*, отъ 16-го апрѣля 1758 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 58).

знали, что судить сторонников великой княгини, будущей императрицы, и опасались возможной в будущем ответственности за излишнюю суровость.

Большее года длился суд. Один за другим сходят со сцены друзья Екатерины. 6-го августа 1758 года, во время допроса, в Четырех Руках, Апраксин пал мертвый¹⁾. В начале 1759 года окончилось следствие над «бывшим канцлером». Манифестом 5-го апреля был объявлен приговор. Из всех лиц, так или иначе прикосновенных к делу, одна только Екатерина осталась в Петербурге, все высланы: Бестужев — в Горетово, Бернарди — в Казань, Штабке и граф Понятовский — за границу, Елагин — в Казанскую губернию, Адодурон — в Оренбург...

¹⁾ В «Записках *Навокина*» сказано, что Апраксин умер «паралитической болезнью». Издатель «Записок» приводит слух, будто Апраксина поразило удар, вследствие недослушанной им фразы следователя: «затем нам больше ничего не остается, как...», тут Апраксин упал, боясь услышать «пытать тебя», между тем как фраза должна была кончаться словами: «освободить вас» (336). По связям Апраксина и по ходу общего следствия этот «слух» не заслуживает доверия. *Dorville*, 218.

Положеніе русской великой княгини, удаленной отъ всякой активной дѣятельности и немѣющей никакого вліянія на государственныя дѣла, не могло, казалось бы, интересовать иностранныхъ представителей при русскомъ дворѣ. Они видѣли ее на придворныхъ выходахъ, въ театрѣ, на балахъ, рѣдко имѣли случай говорить съ нею и, казалось, не имѣли повода считаться съ ея политическими убѣжденіями. Свои, русскіе люди, смотрѣли въ глаза императрицѣ—не великой княгинѣ, такъ чужимъ и подавно не приходится сообразоваться съ ея взглядами и мнѣніями. Между тѣмъ, положеніе, занятое Екатериною съ самаго начала Семилѣтней войны, обратило на себя вниманіе иностранныхъ дипломатовъ, стало предметомъ оживленной международной переписки и даже привело къ чисто военнымъ столкновеніямъ.

Какъ въ началѣ, такъ и во время всей Семилѣтней войны и при ея окончаніи одинъ только Фридрихъ II ясно видѣлъ средства, которыми онъ располагалъ, и цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ. Это давало ему огромное преимущество предъ его врагами и должно быть принято во вниманіе при оцѣнкѣ даже чисто военныхъ событій, не только политическихъ явленій того времени. Коалиція, составившаяся противъ прусскаго короля, не была сплочена единствомъ дѣйствія потому, что преслѣдовала разныя задачи; какъ и всякая коалиція, она была разъединена частными интересами участниковъ, иногда прямо противоположными интересамъ общимъ.

Фридрихъ II хорошо понималъ, что въ борьбѣ съ австро-франко-русской коалиціей идетъ вопросъ о существованіи его династіи (exis-

tence de ma maison), о разгромѣ его родины (ruine de ma patrie); оны не скрывали отъ себя, что поражение будетъ равняться окончательной его гибели: il n'y a que la mort ou la victoire pour nous; il faut ou l'un, ou l'autre¹⁾. Такой ясности имѣть ни у одного изъ членовъ коалиціи. Основная, главная задача коалиціи, состоявшая въ поражениі Пруссіи, могла быть приведена въ исполненіе только при помощи Россіи²⁾. Франція мститъ Пруссіи за союзъ съ ея врагомъ Англіей, Австрія воюетъ за отнятую у нея Силезію — одна Россія выступаетъ въ политическомъ смыслѣ совершенно безкорыстно, ничѣмъ непосредственно незаинтересованная, и какъ же относятся къ ней союзники? Людовикъ XV опасается «слишкомъ большихъ успѣховъ Россіи въ войнѣ»; Марія Терезія находитъ, что «русскіе слишкомъ горячо принимаются за дѣло!» Франція, занятая преимущественно войною съ Англіею, выставляетъ корпусъ противъ Пруссіи для отвлеченія англійскихъ силъ, имѣя въ виду континентальныя интересы Англіи, связанные съ Ганноверомъ; Австрія имѣла въ виду не только возвращеніе Силезіи, но, если возможно, окончательное уничтоженіе Пруссіи, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобъ плодами этого разгрома никто не могъ воспользоваться, кромѣ нея, и менѣе всего Россія. Разладъ союзниковъ проявлялся во всемъ: Франція, воюя въ союзѣ съ Россіею, противодѣйствуетъ русскимъ интересамъ въ Польшѣ и даже старается поднять противъ русскихъ Турцію; Австрія завидуетъ каждому военному успѣху Россіи; въ Парижѣ ликуютъ при извѣстіи о поражениі австрійцевъ подъ Прагой, въ Вѣнѣ не безъ злорадства услыхали о поражениі французовъ при Росбахѣ.

Въ то время, какъ Австрія имѣла въ виду только Пруссію, Франція — исключительно Англію. Россія всегда была противъ Пруссіи, но и всегда въ союзѣ съ Англіею. Канцлеръ Бестужевъ, даже послѣ заключенія англо-прусскаго договора, высказывается за сохраненіе добрыхъ отношеній къ Англіи, и это ставятъ ему въ вину всѣ, не только чужіе, не только французскій и австрійскій послы, но и свои — императрица, Воронцовъ, Шуваловы. Между тѣмъ, въ этомъ случаѣ одинъ только Бестужевъ ясно разумѣлъ

¹⁾ *Pbl. Corr.*, XIV, 412; *Raumer*, II 439. — ²⁾ *Arneth*, Maria Theresia und Siebenjähriger Krieg, I, 39.

военно-политическій смыслъ минуты: для Россіи было очень важно сохранить, по крайней мѣрѣ, невраждебныя отношенія къ Англіи и тѣмъ затруднить появленіе англійской эскадры въ Балтійскомъ морѣ, о чемъ такъ хлопоталъ Фридрихъ II ¹⁾). Великая княгиня вполне раздѣляла взглядъ Бестужева, хотя и по совершенно инымъ, быть можетъ, соображеніямъ.

Англійскія симпатіи Екатерины безпокоили болѣе всего французское правительство. Въ Версали подробно обсуждали вопросъ о мѣрахъ къ противодѣйствию, если можно, къ искорененію этихъ симпатій, которыя приписывали какъ вліянію канцлера Бестужева, такъ и денежнымъ счетамъ великой княгини съ Уильямсомъ, англійскимъ посланникомъ. Борьба золотомъ съ Англіею невозможна—Франція совершенно истощена морскою войною; вліянію же Бестужева можно противопоставить равносильное пла, какъ думали въ Версали, еще болѣе дѣйствительное вліяніе матери Екатерины, княгини Іоганны-Елизаветы цербстской. На этомъ планѣ и остановились.

Екатерина разсталась съ матерью въ 1745 году и съ тѣхъ поръ рѣдко имѣла случай обмѣниваться съ нею мыслями, кромѣ официальной переписки, всегда пустой и холодной. Въ послѣднія десять лѣтъ интересы дочери, ея взгляды, мнѣнія, вкусы развивались совершенно самостоятельно, безъ вѣдома матери. Іоганна-Елизавета не имѣла за это время никакого вліянія на развитіе дочери и, еслибъ онѣ свидѣлись, она, вѣроятно, не узнала бы Екатерины: это была уже совершенно другая женщина, нимало не похожая на цербстскую принцессу Софію. Въ 1755 году, когда С. В. Салтыковъ былъ назначенъ въ Гамбургъ, Екатерина особымъ письмомъ рекомендовала его своей матери, съ которою онѣ

¹⁾ *Pol. Corr.*, XIII, 35, 124; XIV, 190, 349, 397, 446, 476, 511. Только болѣе года спустя вопросъ окончательно разъяснился въ отрицательномъ для Пруссіи смыслѣ, какъ видно изъ рескрипта Фридриха II послу Книппгаузену въ Лондонъ, отъ 21-го мая 1758 г.: Je comprend bien, que les ministres anglais ne m'ont actuellement refusé ce secours (l'envoi d'une flotte dans la Baltique) que parce qu'ils leur faut à présent partout avoir des flottes pour s'aider dans leurs propres affaires, et que l'Angleterre n'est pas si fort en nombre de vaisseaux de guerre pour en avoir de reste à envoyer dans la Baltique. *Pol. Corr.* XVII, 123.

долженъ былъ познакомиться проѣздомъ черезъ Цербстъ; изъ отвѣтнаго письма матери, недавно нами обнародованнаго ¹⁾, легко видѣть, до какой степени мать и дочь стали чужды другъ другу. Въ Версали ничего этого не знали; тамъ полагали, что мать оставалась все-таки матерью и сохраняла свое вліяніе на дочь. Этимъ-то вліяніемъ и думали воспользоваться.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Рульѳъ, въ инструкціи отъ 22-го января 1757 года, предписалъ негласному представителю Франціи въ Петербургѣ, шотландцу Дугласу Мэкензи, собрать свѣдѣнія объ отношеніяхъ цербстской княгини къ своей дочери и о томъ вліяніи, которое она имѣетъ на великую княгиню ²⁾, рекомендуя содержать это порученіе въ глубокой тайнѣ, особенно же отъ русскаго канцлера и англійскаго посланника. Дугласъ, кажется, не имѣлъ уже времени исполнить подобное порученіе, такъ какъ въ это время прибылъ въ Петербургъ французскій посолъ маркизъ Лопиталь.

Послѣ высылки маркиза Шетарди, дипломатическія сношенія съ Франціею были прерваны; они возобновлялись теперь послѣ неофициальныхъ сношеній неумѣлаго шотландца Дугласа въ Петербургѣ и умнаго Федора Дмитриевича Бехтѣева въ Парижѣ. Выборъ маркиза Лопиталья на отвѣтственный въ то время постъ французскаго посла при русскомъ дворѣ нельзя признать вполнѣ удачнымъ. Ни по образованію, ни по избранной карьерѣ Лопиталь не былъ дипломатомъ: это былъ офицеръ, случайно попавшій посланникомъ въ Неаполь, гдѣ онъ оставался не долго. Негодность Лопиталья сознавали и въ Парижѣ. «Сколько Франція ни хвастала своими маршалами и дюками—пишетъ Бехтѣевъ—однако г. Терсьеръ ³⁾ искренно мнѣ признался, что ни одного годнаго для посольства къ намъ не нашли. Тѣ, которые способны, или уже устарѣли или надобны арміи и въ совѣтѣ, а прочіе всѣ стары, или и совсѣмъ незнаючи въ дѣлахъ. Увѣрялъ меня по чести, что кромѣ маркиза Лопиталья изъ знатныхъ никого лучше выбрать не могли». При

¹⁾ *Билбасовъ*, 87. — ²⁾ Informez vous du crédit que M-me la princesse de Zerbst peut avoir conservé sur l'esprit de M-me la Grande-Duchesse (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 52, f. 663*). — ³⁾ M. Tersier, premier commis aux affaires étrangères. Этого Терсье Бехтѣевъ такъ и называетъ «коми».

личною знакомствѣ, Бехтѣвъ призналъ его человѣкомъ «простымъ и добрымъ». Въ то время, какъ представители аристократическихъ фамилій спѣшили въ армию, на войну, и отказывались отъ посольскихъ мѣстъ, генераль-поручикъ маркизъ Лопиталь самъ просилъ быть назначеннымъ въ Петербургъ. Онъ взялъ съ собою огромный личный штатъ; въ числѣ его «дворянъ посольства» находились маркизъ де-Бермонтъ, графъ Фужэ, де-ла Мессельеръ, баронъ Фитингофъ, курляндецъ, и др. Послу назначили огромное по тому времени - содержаніе въ 125,000 ливровъ. Лопиталю было уже за 50 лѣтъ, но онъ былъ еще красивый, статный мужчина¹⁾. Остроумный, ловкій, любезный, онъ съ перваго раза всѣмъ нравился, но скоро же обнаруживалъ свою мелочность и пустоту. Въ Петербургѣ онъ вполне подпалъ влиянію австрійскаго посла графа Эстергази, со словъ котораго онъ составлялъ донесенія къ своему двору, а при рускомъ дворѣ ратовалъ болѣе за австрійскіе, чѣмъ за французскіе интересы, не вполне сознавая ихъ различіе.

Деликатное порученіе объ уничтоженіи англійскихъ симпатій великой княгини было возложено теперь всецѣло на маркиза Лопиталья. «Мы надѣемся, пишетъ ему Рулье, что по пріѣздѣ въ Петербургъ вы, прежде всего, озаботитесь узнать о степени влиянія пербетской княгини на свою дочь»²⁾.

Вслѣдствіе войны съ Пруссіею, Лопиталь ѣхалъ въ Петербургъ черезъ Вѣну. Въ то время въ Вѣнѣ жила графиня Бентингъ, родомъ голландка, хлопотавшая у Маріи-Терезіи о своемъ тяжѣломъ процессѣ относительно огромныхъ имѣній, на которыя было наложено запрещеніе брюссельскимъ трибуналомъ. За эту Бентингъ цербетская княгиня ходатайствовала предъ своею дочерью и графомъ Бестужевымъ, помогаясь, чтобъ русскому послу въ Вѣнѣ было поручено подкрѣпить именемъ русской императрицы просьбу графини Бентингъ³⁾. Лопиталь видѣлся съ графиней и вполне повѣрилъ ея словамъ, что она дружна съ цербетской княгиней и что Юганна-Елизавета сохраняетъ до сихъ поръ большое влияніе на свою

¹⁾ *Арх. кн. Ворожцова*, III, 156, 166, 168, 194, 201, 223. — ²⁾ Nous espérons qu'un de vos premiers soins en arrivant à Pétersbourg sera de vérifier le degré de crédit que M-me la princesse de Zerbst a sur la Grande-Duchesse sa fille. Отъ 2-го апрѣля 1757 г., въ *Париж. Архивъ, Russie*, vol. 52, f. 286. — ³⁾ *Билбасовъ*, 88, 90.

дочь, русскую великую княгиню ¹⁾). По приѣздѣ въ Петербургъ, Лопиталь, не смотря на всѣ свои старанія, такъ и не могъ узнать, какія отношенія существуютъ между Екатериной и ея матерью. сегодня онъ извѣщаетъ свое правительство, что мать не имѣетъ вліянія на дочь, завтра—что имѣетъ, и тѣмъ не менѣе самъ онъ убѣжденъ, что цербстская княгиня, которой онъ никогда не видѣлъ и которую тѣмъ не менѣе считаетъ «нѣжною и умною матерью», вполне способна внушить своей дочери, что интересы русской великой княгини тождественны съ интересами Франціи ²⁾).

Если Лопиталь довольно точно и вѣрно опредѣлялъ отношенія императрицы къ цербстской княгинѣ, сообщая, что императрица ее не любитъ и, какъ всѣ въ Россіи, считаетъ ее интриганткой ³⁾, то великой княгини и ея отношеній къ другимъ лицамъ онъ совершенно не понималъ. Въ своихъ депешахъ онъ повторяетъ отзывы навѣянные ему извѣстїи, къ тому же лицами, предубѣжденными противъ Екатерины, хотя сама великая княгиня желала съ нимъ сблизиться и онъ могъ бы узнать ее и составить о ней самостоятельное мнѣніе. Лопиталь этимъ не воспользовался, потому-ли что не смѣлъ, или, быть можетъ, и не желалъ воспользоваться.

¹⁾ La comtesse de Bettingen, hollandaise, connaît intimement la princesse d'Anhalt-Zerbst, laquelle a beaucoup d'ascendant sur sa fille la Grande-Duchesse de Russie. Депеша отъ 27-го февраля 1757 г. (*Париж. Архивъ*, vol. 52, f. 193).

²⁾ Je ne crois pas que la princesse sa mère ait conservé beaucoup de crédit sur l'esprit de M. la Grande-Duchesse, fausse et dissimulée avec l'apparence de la franchise et de la vérité. Депеша отъ 16-го сентября 1757 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, ff. 16). Черезъ три мѣсяца, въ депешѣ отъ 11-го декабря: La princesse de Zerbst conserve toujours un certain crédit sur l'esprit de la Grande-Duchesse (*Ibid.*, vol. 54, f. 148). La princesse de Zerbst, qui est une mère tendre, sage et sensible, peut ramener l'esprit de la Grande-Duchesse, en lui faisant sentir que ses propres intérêts sont unis à ceux de la France (*Ibid.*).

³⁾ L'Impératrice n'aime pas M-me la princesse de Zerbst.. M-me la princesse de Zerbst passe dans l'esprit de l'Impératrice et est même connue pour être très intrigante. Депеша отъ 15-го апрѣля и 5-го августа 1758 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 44; vol. 57, f. 91). Эта особенность цербстской княгини была известна и аббату *Берни*, который пишетъ Лопиталю, отъ 13-го сентября 1758 года: Plus d'une personne m'a effectivement parlé du caractère intrigant de M-me la princesse de Zerbst (*Париж. Архивъ*, Russie vol. 57, f. 267).

Вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ, не первомъ же придворномъ балѣ, 29-го іюня 1757 года, великая княгиня, въ ожиданіи выхода императрицы, подошла къ Лопиталю и долго бесѣдовала съ нимъ. Французскій посолъ нашелъ, что она свободно объясняется по-французски, очень умна и старалась быть предупредительною; но, прибавляетъ онъ, «ее здѣсь признають упрямою и фантазеркою» ¹⁾. Лопиталь повѣрилъ на-слово другимъ и во все время своего пребывания въ Петербургѣ не переставалъ характеризовать Екатерину въ своихъ депешахъ не иначе какъ «entêtée et romanesque» — онъ такъ и уѣхалъ изъ Петербурга, не догадавшись, чѣмъ вызывалось это упрямство и къ чему стремились это фантазерство. Во всѣхъ, однако, депешахъ онъ не переставалъ сообщать объ англійскихъ симпатіяхъ Екатерины.

«Чтобъ поразить склонность великой княгини къ Англіи — писать аббату Берни Лопиталю — его величество рѣшился немедленно отправить маркиза де-Фрэна въ Цербстъ, имѣя въ виду внушить великой княгинѣ, чрезъ посредство ея матери, цербстской княгини, надлежащія чувствованія». Подъ «надлежащими чувствованіями» аббату разумѣеть склонность къ Франціи. Согласно инструкціи, данной де-Фрэну, онъ будетъ извѣщать Лопиталья о каждомъ своемъ шагѣ. Чтобъ скрыть дѣйствительную цѣль миссіи де-Фрэна въ Цербстъ, Лопиталь можетъ, въ случаѣ запроса, заявить, что маркизь посланъ въ Цербстъ только потому, что изъ Цербста, объявленнаго нейтральнымъ, легче и удобнѣе слѣдить за движеніями арміи ²⁾. Осторожный аббатъ сообщилъ въ то же время въ Вѣну, что де-Фрэнъ посланъ въ Цербстъ только для того, чтобъ привлечь къ «общимъ интересамъ» мать и брата русской великой княгини, и Марія-Терезія вполне одобрила такую посылку ³⁾. Скрывая,

¹⁾ M-me la Grande-Duchesse me fit l'honneur de me parler avec bonté et beaucoup de facilité d'expression. Elle a de l'esprit et je vis qu'Elle cherchait à me prévenir... On la peint ici comme entêtée et romanesque. Дешета отъ 27-го іюля 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 53, f. 171). — ²⁾ Sa Majesté a décidé d'envoyer incessamment M. le marquis de Fraigne à Zerbst dans la vue d'inspirer à M-me la Grande-Duchesse de Russie, par M-me la princesse de Zerbst, sa mère, les sentiments convenables. Отъ 21-го августа 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 53, f. 285; vol. 54, f. 22). — ³⁾ Marie-Thérèse a appris avec plaisir l'envoi de M. de Fraigne à Zerbst

такимъ образомъ, отъ своихъ союзниковъ, отъ Елизаветы Петровны и Маріи-Терезин, дѣйствительную цѣль миссіи, аббатъ совершенно опустилъ изъ вида своего врага, Фридриха II, отъ котораго не укрылось появленіе французскаго офицера въ нейтральномъ пербстскомъ замкѣ.

Путь изъ Парижа въ Цербстъ лежалъ черезъ Кассель, но, вслѣдствіе передвиженія войскъ, маркизъ де-Фрэнъ долженъ былъ повернуть на Гамбургъ. Онъ остановился въ Гамбургѣ у французскаго резидента де-Шампо, который тотчасъ же познакомилъ его съ своимъ коллегой — русскимъ резидентомъ С. В. Салтыковымъ. Отъ Салтыкова де-Фрэнъ узналъ, что великая княгиня «секретно, но часто» переписывается съ своею матерью, что ихъ письма идутъ черезъ его руки и что самъ онъ переписывается съ Цербстомъ не иначе, какъ шифромъ. Съ этими драгоценными свѣдѣніями де-Фрэнъ посѣщилъ въ Цербстъ, въ качествѣ прикащика гамбургскаго купца, ѣдущаго по торговымъ дѣламъ въ Лейпцигъ¹⁾.

Ни Салтыковъ, ни де-Фрэнъ, ни аббатъ Берни не понимали, что болтать о секретной перепискѣ не годится. Не понимая этого и Лопиталь: едва получивъ эти свѣдѣнія отъ Берни, онъ тотчасъ же разболталъ все вице-канцлеру Воронцову, врагу Бестужева, и, слѣдовательно, великой княгини! Воронцовъ сообразилъ вѣрно: если эта секретная переписка ведется чрезъ русскаго резидента, то она извѣстна Бестужеву, который и самъ, конечно, переписывается съ цербстской княгиней, посылая ей письма ея дочери; императрица ненавидитъ цербстскую княгиню и если узнаетъ, что канцлеръ съ нею въ перепискѣ, то отшатнется отъ него, а быть можетъ и совсѣмъ удалить отъ дѣлъ. И вотъ, со словъ графа Воронцова, Лопиталь проситъ Берни добыть чрезъ де-Фрэна хоть одно письмо Бестужева къ цербстской княгинѣ, чтобъ свергнуть канцлера, ко-

pour faire entrer dans les intérêts communs la mère et le frère de la Grande-Duchesse de Russie. *Берни* Лопиталю, отъ 25-го января 1758 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 86).

¹⁾ M. de Soltikoff lui a confié qu'il y avait une correspondance secrète et fréquente entre M-me la princesse de Zerbst et M-me la Grande-Duchesse de Russie, que cette correspondance passait par lui et qu'il avait un chiffre avec M-me la princesse de Zerbst. *Берни* Лопиталю, отъ 29-го ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 126).

торый руководить молодым дворомъ ¹⁾). Очевидно, Лопиталь не разумѣлъ даже смысла мисси де-Фрэна: вмѣсто того, чтобъ стараться приобрести въ лицѣ великой княгини новаго друга Франціи, онъ играетъ въ руку ея личнымъ враговъ.

Цербстская княгиня оказалась гораздо умнѣе и осторожнѣе всѣхъ этихъ легкомысленныхъ дипломатовъ: узнавъ настоящую цѣль приѣзда маркиза де-Фрэна, она написала Екатеринѣ письмо, но въ выраженіяхъ «загадочныхъ», чтобъ не скомпрометировать ни себя, ни дочери, въ случаѣ, еслибъ письмо было перехвачено или почему-либо попало не въ надлежащія руки ²⁾). Кажется, письмо, дѣйствительно, не дошло по назначенію: объ немъ не упоминаетъ ни Екатерина въ своихъ «Запискахъ», ни Лопиталь въ своихъ дѣлесахъ. Между тѣмъ, въ это же время, въ концѣ 1757 года, Цербстская княгиня получила, прежнимъ путемъ, чрезъ Бестужева и Салтыкова, два письма отъ Екатерины. «Мать осталась довольна этими письмами дочери» ³⁾, что противорѣчило до извѣстной степени мисси де-Фрэна, по словамъ котораго великая княгиня поставила себя въ невозможное положеніе, и онъ явился въ Цербстъ, къ матери, именно для того, чтобъ вывезти дочь изъ этого положенія.

Фридрихъ II, занятый войною, нимало не интересовался знать, что могла писать какая-нибудь вдова прусскаго генерала къ своей дочери, хотя бы и великой княгинѣ; но появленіе французскаго офицера въ центрѣ театра войны, въ Цербстѣ, хотя бы и нейтральномъ—это его живо интересовало. Прусскій король не зналъ, кто именно этотъ маркизъ де-Фрэнъ, но ему было извѣстно, что французъ де-Фрэнъ жилъ у французскаго резидента въ Гамбургѣ

¹⁾ M-me la princesse de Zerbst n'est plus aujourd'hui en correspondance qu'avec le chancelier qui conduit toute la jeune cour par ses conseils et ses intrigues. Денеша *Лопиталья*, отъ 11-го декабря 1757 г. (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 54, f. 148). См. также депешу отъ 29-го декабря, *ibid.*, vol. 54, f. 166.—²⁾ La copie que je joins ici d'une lettre que M-me la princesse de Zerbst a écrite à M-me la Grande-Duchesse, m'a été envoyée par M. de Fraigne, à qui M-me la princesse de Zerbst l'a confiée. Elle est dans un style énigmatique etc. *Берни Лопиталю*, отъ 13-го января 1758 г. (*Париж. Архивъ, Russie* vol. 55, f. 21).—³⁾ *Берни Лопиталю*, отъ 27-го января 1758 года. (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 55, f. 111).

и исчезъ въ день отъѣзда въ Лейпцигъ гамбургскаго кунда съ своимъ прикащикомъ; что въ Лейпцигъ прибыли одинъ только купецъ, безъ прикащика, и въ то же время французъ де-Фрэнъ очутился въ Цербстѣ. Фридрихъ II зялъ слѣдить за французомъ. Оказалась, что де-Фрэнъ всѣ дни проводитъ у цербстскаго владѣтельнаго князя, брата Екатерины, и только вечеромъ, послѣ ужина, возвращается въ свою квартиру, на одной изъ близкихъ къ замку улицъ. Все это показалось Фридриху подозрительнымъ и онъ приказалъ схватить «французскаго офицера де-Фрэна, находящагося въ Цербстѣ».

Исполненіе этого приказанія было возложено на ближайшій къ Цербсту по мѣсту расквартированія гусарскій полкъ. Офицеръ этого полка съ нѣсколькими нижними чинами явился въ Цербстъ и думалъ сперва захватить де-Фрэна вечеромъ, при возвращеніи его изъ замка. Въ улицѣ, гдѣ жилъ де-Фрэнъ, была приготовлена почтовая карета; нѣсколько прусскихъ гусаръ устроили засаду, чтобъ схватить «французскаго офицера» и отвезти на прусскую территорію. Планъ этотъ не удался: остался-ли де-Фрэнъ ночевать въ цербстскомъ замкѣ, или же вовсе не былъ въ немъ въ этотъ вечеръ, только онъ не проходилъ по той улицѣ, гдѣ была устроена засада. Послѣ такой неудачи, прусскій офицеръ рѣшился арестовать «французскаго офицера» силою, въ его квартирѣ. 19-го января 1758 года, ночью, небольшой отрядъ прусскихъ гусаръ, съ офицеромъ во главѣ, явился въ домъ, занятый де-Фрэномъ. Не случайно, конечно, де-Фрэнъ, ложась спать, заперъ дверь двойнымъ замкомъ. Услышавъ шумъ за дверью, де-Фрэнъ проснулся. Видя, что дверь взламываютъ, полагая, что имѣеть дѣло съ ворами, и рѣшился защищаться до послѣдней крайности: забаррикадировался мебелью, взвелъ курокъ. Какъ только дверь была взломана и гусары вошли въ спальню, де-Фрэнъ выстрѣлилъ въ перваго-же показавшагося солдата и угодилъ прямо въ лобъ. Шумъ, крики и выстрѣлы разбудили сосѣдей, вначалъ стекаться народъ, приближалъ владѣтельный князь. Между тѣмъ, прусскій офицеръ успѣлъ уже осмотрѣться: ему вѣрно арестовать «французскаго офицера», а ни въ спальнѣ, ни во всей квартирѣ нѣтъ офицерскихъ принадлежностей—ни мундира, ни каски, ни какого-либо оружія; даже пистолетъ не форменный. Простоватый

пруссакъ извинился предъ владѣтельнымъ княземъ и удалился. Цербстскій князь, видя такое насиліе надъ его гостемъ, прежде всего, перевелъ де-Фрэна въ замокъ и тотчасъ же написалъ прусскому королю жалобу на нарушеніе его войсками нейтралитета Ангальтъ-Цербстскаго княжества. Де-Фрэнъ, съ своей стороны, послалъ жалобу первому прусскому министру Подевилъсу.

Извѣщая Лопиталю объ этомъ «ночномъ нападеніи въ Цербстѣ», аббатъ Берни прибавляетъ, что французскій король высылаетъ на дняхъ де-Фрэну кредитивныя грамоты, какъ офиціальному резиденту при цербстскомъ дворѣ. «Сообщите все это великой княгинѣ и увѣрьте ее, что король очень доволенъ какъ ея матерью, вдовствующею цербстскою княгинею, такъ и ея братомъ, владѣтельнымъ княземъ ангальтъ-цербстскимъ» ¹⁾.

Фридрихъ II не терпѣлъ ослушанія въ войскахъ и требуетъ, чтобъ его приказанія исполнялись въ точности: прусскій гусарскій офицеръ, упустившій де-Фрэна, былъ преданъ суду «за неисполнительность», а 23-го февраля цѣлый эскадронъ, съ артиллеріею, подъ предводительствомъ брата короля, принца Генриха, расположился передъ цербстскимъ замкомъ. Цѣлыя сутки принцъ прусскій переговаривался съ княземъ цербстскимъ о выдачѣ де-Фрэна. Къ вечеру, по командѣ принца Генриха, стали наводить пушки на замокъ. Де-Фрэнъ, видя бесполезность сопротивленія и спасаясь отъ разрушенія пріютившій его замокъ, сдался пруссакамъ. Принцъ Генрихъ наложилъ на Ангальтъ-Цербстское княжество, укрышное, вопреки нейтралитета, французскаго эмиссара, контрибуцію въ размѣръ 100,000 эку и въ поставкѣ фуража на ближайшіе кавалерійскіе полки. Владѣтельный князь ангальтъ-цербстскій и его мать удалились въ Гамбургъ. Де-Фрэнъ былъ отвезенъ подъ карауломъ въ Магдебургъ, гдѣ содержался сперва въ тюрьмѣ, потомъ на частной квартирѣ, подъ надзоромъ военнаго конвоя ²⁾.

¹⁾ Берни Лопиталю, отъ 18-го февраля 1758 г. (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 55, f. 182*). — ²⁾ Берни Лопиталю, отъ 17-го марта 1758 г. (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 55, f. 282*). Письмо Иоганны-Елизаветы къ великой княгинѣ отъ 1-го марта 1758 года, въ *Арх. кн. Воронцова, XXIV, 90*. Елизавета Петровна, не зная дѣйствительной цѣли миссіи де-Фрэна, возмущалась поступкомъ Фридриха II: *L'Impératrice avait sous les yeux l'aventure cruelle du marquis de Fraignes; Elle en connait toute l'irrégularité et les conséquences contre le*

Такъ кончилась цербстская миссія де-Фрэна. Ея отголокъ проявился позже въ гамбургскомъ письмѣ матери къ дочери, отъ 18-го апрѣля.

Французскій резидентъ въ Гамбургѣ, де-Шампо, хорошо знавший главную цѣль миссии де-Фрэна, продолжалъ теперь дѣйствовать на цербстскую княгиню въ томъ же смыслѣ. Какъ Шампо, такъ и Салтыковъ убѣждали мать спасти дочь; основываясь на сообщеніяхъ Лопиталья, они рисовали ей положеніе Екатерины въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. По словамъ Лопиталья, Екатерины угрожала неминуемая гибель, если она не покорится и не испросить прощенія у императрицы ¹⁾. Изъ письма цербстской княгини, отъ 18-го апрѣля, легко видѣть, подъ какимъ впечатлѣніемъ оно писано ²⁾. Это письмо, по силѣ чувства и по искренности убѣжденія, дѣлаетъ честь Иоганнѣ-Елизаветѣ. Ее нельзя винить, что она послушалась своихъ гамбургскихъ друзей: послѣ ареста Бестужева,

roi de Prusse (*Париж. Архивъ*, vol. 56, f. 44). Представленія по этому поводу французскаго правительства Фридрихъ II не удостоивалъ даже отвѣта (*Ibid.*, vol. 56, f. 198). Русское правительство сообщило 28-го іюля 1759 г. Лопиталю особую ноту о вознагражденіи Цербста за убытки, нанесенные ему вторженіемъ прусскихъ войскъ (см. Приложение VII). Герцогъ Шуазель увѣдомилъ Лопиталья, письмомъ отъ 30-го августа 1759 года, что французское правительство находитъ вполне справедливымъ право Цербста на вознагражденіе за убытки, причиненные князеству прусскимъ королемъ (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 60, № 58). Маркизъ де-Фрэнъ около пяти лѣтъ находился въ плѣну у пруссаковъ и только въ 1763 году, по просьбѣ императрицы Екатерины II, былъ освобожденъ и возвратился во Францію (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 73, f. 52). Родственникъ маркиза де-Фрэна, баронъ Вреталь былъ въ это время французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, пользовался довѣріемъ императрицы—черезъ его руки шла переписка императрицы съ гр. Понятовскимъ—и постоянно напоминалъ ей о плѣнномъ маркизѣ и о ея обѣщаніи d'honorer le marquis de Fraigne de quelque intérêt aux malheurs qu'il essaie depuis longtemps chez le roi de Prusse (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 73, f. 51).

¹⁾ Le crédit de M-me la Grande-Duchesse est bien tombé... Si cette princesse ne plie incessamment en demandant pardon à l'Impératrice, elle court de grands risques... La Grande-Duchesse livrée à Elle même et plus qu'à demi-coupable n'a plus rien à faire que de plier et regagner par sa soumission les bonnes grâces de l'Impératrice qu'elle a perdues. Делаша отъ 25-го февраля и 10-го марта 1763 года (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 55, ff. 198, 228, 331).—

²⁾ См. Приложение IV.

пербтская княгиня не получала уже непосредственныхъ извѣстій изъ Петербурга и должна была довѣрять сообщеніямъ Лопиталю, которымъ мы теперь довѣрять не можемъ ¹⁾. Отдавая это письмо резиденту Шампо, мать, однако, высказала высокое мнѣніе о дочери: она знаетъ Екатерину и увѣрена, что Вестужевъ не могъ измѣнить ея взгляды и чувства; если Екатерина стоитъ за Вестужева, то только изъ чувства благодарности за оказанныя ей услуги, изъ желанія поддержать лицо, которому она довѣрилась, изъ чувства чести, воспрещающей покидать друга, находящагося въ опасности ²⁾.

Екатерина не читала этого письма—оно не дошло до нея. Шампо переслалъ это письмо пербтской княгини Лопиталю подъ адресомъ «камергеру великаго князя Лоторфу». Камергеръ не рѣшился передать его великой княгинѣ: передача писемъ была строго воспрещена, и, сверхъ того, въ половинѣ мая, когда письмо было получено въ Петербургѣ, сношенія съ великой княгиней были очень затруднены. Лопиталь передалъ письмо французскому негодіанту Рембэру, выдавшему иногда великую княгиню; но Екатерина, узнавъ, что письмо шло черезъ руки Лопиталю, отказалась принять его, говоря, что не можетъ принимать писемъ отъ иностранныхъ пословъ. Очевидно, Екатерина относилась къ Лопиталю съ полнымъ недо-

¹⁾ Подробности, заключающіяся въ депешѣ отъ 24-го марта 1758 года, не заслуживаютъ довѣрія: рассказъ о томъ, какъ Екатерина проситъ у него совѣта, а онъ рекомендуетъ ей «повидаться съ императрицей и, въ откровенной бесѣдѣ, доказать свою невинность»—дословное повтореніе рассказа графа Эстергази съ замѣною великаго князя императрицей (*Соловьевъ*, XXIV, 197). «Потомъ великая княгиня прислала ко мнѣ Штамбке съ просьбою помочь Адодурову и Бернарди»—съ 28-го февраля Штамбке былъ подъ домашнимъ арестомъ и подобныхъ порученій исполнять не могъ (*Бильбасовъ*, 76).

²⁾ M-me la princesse de Zerbst prétend pouvoir compter sur le fond du coeur de M-me la Grande-Duchesse. Connaissant sa façon de penser et les sentiments dans lesquels Elle l'a vue, Elle ne peut, dit-Elle, croire que M. de Bestucheff les ait altérés essentiellement. Elle pense qu'il ne s'agit que de dé tromper la princesse sa fille sur le caractère abominable du chancelier (c'est ainsi qu'elle s'explique) et de lui dévoiler ses menées; qu'il n'y a à vaincre qu'une espèce de fermeté qui naît de la gloire qu'elle attache à soutenir une personne qu'Elle a honorée de sa confiance et à qui elle croit avoir rendu des services essentiels. *Берни* Лопиталю, отъ 6-го мая 1758 года (*Париж. Архивъ*, Bus-sie, vol. 56, f. 143).

вѣріемъ и справедливо опасалась нескромности съ его стороны. Спустя два мѣсяца, въ іюнѣ, письмо все еще не было передано великой княгинѣ ¹⁾).

Это было и лучше: чтеніе подобнаго письма могло тогда только раздражить Екатерину. Она прочла его значительно позже, когда уже могла спокойно обсуждать прошлую бѣду, и это письмо доставило ей только утѣшеніе: изъ него она увидѣла сердечныя объ ней заботы матери, оно напомнило ей о родной семьѣ...

¹⁾ Дешеша *Лопиталя* отъ 23-го мая, письмо его г-ну Шампо отъ того же числа и дешеша его отъ 21-го іюня 1758 года, въ *Париж. Архивъ, Bus-*
sie, vol. 56, ff. 206, 221, 326.

Политическіе браки разрываютъ родственныя связи. Екатерина знала это и не особенно сокрушалась такимъ разрывомъ. Она рѣшилась связать свою судьбу съ Россіей и, если не забыть, то не интересоваться ни Ангальтомъ, ни Цербстомъ; она надѣялась завязать новыя родственныя связи въ своемъ второмъ отечествѣ и найти въ нихъ тѣ семейныя радости, которыя теряла, навсегда разставаясь съ родными. Ея надежды, какъ извѣстно, не исполнились: новой родни она не создала, а старой лишилась.

27-го сентября 1745 года, накануне отъѣзда матери Екатерины, княгини Иоганны-Елизаветы, изъ Петербурга, великая княжна подписала формальный актъ, которымъ навсегда отрекалась за себя и своихъ наследниковъ, отъ всѣхъ своихъ правъ на ангальт-цербстскія земли въ пользу своего дяди, Иоганна-Людвига, владѣтельнаго князя ангальт-цербстскаго. Спустя годъ, 5-го ноября 1746 года, дядя умеръ; владѣтельнымъ княземъ сталъ братъ умершаго, Христіанъ-Августъ, отецъ Екатерины. Иоганна-Елизавета естественно обезпокоилась относительно своего матерьяльнаго обезпеченія и въ длинномъ письмѣ къ дочери, отъ 27-го же ноября, писала, между прочимъ: «Вамъ извѣстно, дражайшая моя дочь, что достойный вашъ родитель начинаетъ часто быть боленъ; я только одного сына имѣю, который еще подверженъ не былъ ни одному изъ своихъ правъ, кои здравіе утверждаютъ ¹⁾ и прежде которыхъ всего еще опасаться надлежитъ. Соблуди его Боже! Но

¹⁾ Qui n'a encore jamais subit de ses droits qui affirment la santé.

ежели по моему несчастію я ихъ пережила бы: разсудите, въ какия я тогда попадусь руки и что я буду? Другими словами: всѣ земли достались бы, согласно акту 1745 г., наследникамъ Іоганна-Людвига, а не Христіана-Августа. По этимъ соображеніямъ былъ составленъ новый актъ, которымъ великая княгиня отрекалась отъ своихъ земельныхъ правъ въ пользу своего отца. Этотъ новый «отрицательный листъ» формулированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Божіею милостію мы Екатерина бракосочетанная великая княгиня Всероссійская, урожденная княгиня Ангальтская, герцогиня Саксонская, Енгернская и Вестфальская, графиня Асканская, государыня Цербстская, Бернбургская, Еверская и Кнингаузенская, общаемъ и обязуемъ по полученіи апробаціи всепресвѣтлѣйшихъ государыни, государыни Елисаветы, императрицы и самодержицы Всероссійской, и съ собственнаго нашего сердечно-любезнѣйшаго государя супруга свѣтлѣйшаго князя и государя Петра, великаго князя Всероссійскаго, наследника Норвежскаго, герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, Сторнмарскаго и Дитмарсенскаго, графа Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго, дозволенія, допущенія, вѣдома и изволенія, за насъ и нашихъ родныхъ наследниковъ: что, сколь долго отъ нашего государя родителя, свѣтлѣйшаго князя и государя, государя Христіана-Августа, князя Ангальтскаго, герцога Саксонскаго, Енгернскаго и Вестфальскаго, графа Асканскаго, государя Цербстскаго, Бернбургскаго, Еверскаго и Кнингаузенскаго, наследника мужскаго или же при насъ и еще женскаго полу будутъ, то мы, или наши родные наследники, ни на княжскіе Ангальтъ-Цербстскіе земли, волости и грунты, ни герцафство Еверское, ниже на отцовскія движимыя имѣнія притязанія чинить или участіе въ томъ принимать не хотимъ и не имѣемъ. А ежели вышепомянутое наследство мужскаго и женскаго пола когда либо вовсе пресечется (отъ чего однакожъ Боже милостиво да сохрани), то мы себѣ и нашими родными наследникамъ имянно предоставляемъ все то, что въ такомъ случаѣ неудѣльной княжеской Ангальтъ-Цербстской дочерѣ и аллодіальной наследницѣ по правамъ и обыменовенію принадлежитъ и принадлежать можетъ, равнѣ что его свѣтлость вышеупомянутый нашъ государь родитель о томъ инако духовною опредѣлялъ бы, которую мы по дочерней должности исполнить чрезъ сіе обнадеживаемъ, да и роднымъ нашимъ наследникамъ то препоручить же хотимъ. Во свидѣтельство и увѣреніе всего того мы и его любовь нашъ государь-супругъ сей отрицательной листъ собственноручно подписали и нашу великокняжескую секретную печать къ тому съ вѣдома привѣсать повелѣли вѣрно и безподложно».

Едва этотъ «отрицательный актъ» прибылъ въ Цербстъ, какъ,

16-го марта 1747 года, умеръ отецъ Екатерины, Христіанъ-Августъ. «Вѣсть о смерти отца очень поразила меня, говоритъ Екатерина. Въ теченіи восьми дней мнѣ предоставили полную свободу плакать сколько угодно; потомъ Чоглокова объявила, что довольно плакать, что императрица приказала перестать плакать, такъ какъ отецъ мой не былъ королемъ. Это правда, замѣтила я, отецъ мой не былъ король, на что она мнѣ возразила, что великой княгинѣ неприлично такъ долго плакать по отцѣ, который не былъ королемъ. Наконецъ, было постановлено, что я буду носить трауръ шесть недѣль, но въ слѣдующее же воскресенье появлюсь на придворномъ выходѣ» ¹⁾. По поводу смерти Христіана-Августа былъ наложенъ трауръ при дворѣ ²⁾.

Черезъ два мѣсяца, 3-го мая, умерла тетка Екатерины, Софія Христина, сестра ея отца, по которой великая княгиня вовсе уже не носила траура.

По смерти отца, владѣтельнымъ княземъ ангалтъ-пербстскимъ сталъ 13-лѣтній братъ Екатерины, Фридрихъ-Августъ. До его совершеннолѣтія княжествомъ правила мать, княгиня Юганна-Елизавета. Екатерина любила брата Фрица, которому не было еще и десяти лѣтъ, когда она покинула Цербстъ. Ребенокъ былъ слабенькій, и Екатерина сама вызвалась уплачивать издержки по его леченію въ Гамбургѣ ³⁾. Вскорѣ по смерти отца, князь Фрицъ былъ отправленъ въ Лозанну, гдѣ, кажется, учился недурно, если вѣрить матери, которая писала Екатеринѣ: «Сынъ мой все еще въ Лозаннѣ, въ Швейцаріи; онъ веселъ какъ зайчикъ; учителя и люди знающіе хвалятъ его». Ему не было еще 17 лѣтъ, когда Екатерина, въ 1751 году, задумала сдѣлать его курфюрстомъ и

¹⁾ *Mémoires*, 79. Замѣчаніе гофмейстерины Чоглоковой объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Елизавета Петровна не выносила слезъ, какъ равнымъ образомъ не любила она и траурнаго платья, вообще ничего чернаго: She cannot bear the sight of black clothes. Депеша *Гиндфорда*, отъ 8-го августа 1747 г. (*London. Archivs, Russia*, № 53); *Лафферьерг*, 193.

²⁾ La cour a prié le deuil pour la mort du prince d'Anhalt-Zerbst, père de la Grande-Duchesse. Депеша *Дальона*, отъ 15-го апрѣля 1747 г. (*Париж. Archivs, Russie*, vol. 50, f. 122). Въ «Запискахъ» Екатерины разсказана при этомъ «ложь» оберъ-церемоніймейстера графа Санти, неимѣвшая, впрочемъ, никакихъ послѣдствій. — ³⁾ *Сборникъ*, VII, 3, 5.

вотъ какимъ образомъ: великій князь, ставъ императоромъ, уступить всѣ свои владѣнія въ Германіи цербстскому князю; къ этимъ владѣніямъ будутъ присоединены нѣкоторыя изъ смежныхъ земель и всѣ онѣ образуютъ новое курфюршество, по счету десятое ¹⁾. Въ 1752 году Фрицъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и вступилъ въ управленіе княжествомъ. Спустя годъ, онъ женился на принцессѣ гессенъ-кассельской Каролинѣ-Вильгельминѣ-Софіи, съ которою жилъ, кажется, не особенно дружно и которая умерла черезъ пять лѣтъ, оставаясь одна въ Цербстѣ, занятаю прусаками ²⁾.

Въ 1758 году, вслѣдствіе неудачной миссіи маркиза де-Фрэнга, и владѣтельный князь, и вдовствующая княгиня-мать удалились въ Гамбургъ. Но и въ Гамбургѣ княгиня не считала себя вполне безопасною: по ея словамъ, король прусскій и его сторонники угрожали ей и она рисковала быть арестованной ³⁾. Избѣгая насилія надъ своею личностію, Иоганна-Елизавета рѣшилась укрыться въ Парижѣ: она пострадала за укрывательство французскаго подданнаго и справедливо рассчитывала, что французское правительство окажетъ ей свое покровительство. Молодой князь цербстскій, братъ Екатерины, принялъ участіе въ Семилѣтней войнѣ въ качествѣ офицера австрійской службы и только разъ, зимою 1759 года, навѣстилъ мать въ Парижѣ ⁴⁾.

Въ Парижѣ были встревожены такимъ рѣшеніемъ княгини. Изъ бесѣдъ съ русскимъ посломъ, графомъ М. П. Бестужевымъ-Рюминнымъ, и изъ депешъ Лонитала аббату Берни было извѣстно, что Елизавета Петровна не любитъ цербстской княгини и теперь сильно возбуждена противъ великой княгини; вниманіе, оказываемое

¹⁾ Въ депешѣ графа *Лунара* отъ 9-го октября 1751 года: J'ai oublié d'y faire mention d'un certain projet formé par la grande duchesse, laquelle comprenant assez que le Schleswig n'est pas un objet pour faire les intérêts d'un empereur de Russie, et ne songeant qu'à élever la maison de Zerbst, a conçu l'idée, et l'a aussi fait goûter au grand duc, que ce prince, après être monté sur le trône et après avoir conquis le Schleswig, céderait toutes ses possessions en Allemagne au prince de Zerbst, qui possède déjà Jevern, à quoi on ajouterait l'Ost-Frise, à laquelle le roi de Prusse renonceroit à condition que la Russie l'aideroit à faire la conquête de la Prusse polonaise; et qu'ensuite on enlèveroit aussi Bremen et Verden à la maison d'Hanovre, et ferait de tous ces pays un dixième électorat. *Lunars*, I, 583.—²⁾ См. Приложение VI, 23 и 26.—³⁾ *Арх. кн. Воронцова*, I, 441; XXIV, 90.—⁴⁾ См. Приложение VI, 26.

ея матери, можетъ произвестъ въ Петербургѣ дурное впечатлѣніе. Французскій министръ просилъ княгиню остановиться на время въ Брюсселѣ и не въѣзжать во Францію до полученія разъясненій изъ Петербурга ¹⁾, но княгиня продолжала начатый ею путь—4-го іюля была уже въ Валансенѣ и черезъ нѣсколько дней прибыла въ Парижъ ²⁾.

Берни былъ правъ. Елизавета Петровна съ неудовольствіемъ узнала о переселеніи цербстской княгини въ Парижъ; императрица усмотрѣла даже неуваженіе къ своей особѣ какъ въ томъ, что она не была предувѣдомлена о такомъ намѣреніи, такъ и въ томъ, что газетное извѣстіе объ исполненіи этого намѣренія пришло ранѣе письма самой княгини. Неудовольствіе императрицы выразилось немедленнымъ прекращеніемъ ежегодной пенсіи въ размѣрѣ 15,000 рублей, пожалованной Іоганнѣ-Елизаветѣ еще въ 1745 году ³⁾.

¹⁾ Le comte de Bernis à M-me la Princesse de Zerbst à son passage à Bruxelles, въ *Париж. Архивъ*, Anhalt-Zerbst, vol. 4, f. 12. Письмо помѣчено: Versailles, 23 juin 1758.

²⁾ Берни извѣщаль Лопиталю, отъ 15-го іюля 1758 года, будто цербстская княгиня такъ торопилась, что до полученія въ Брюсселѣ его письма съ указаніемъ на необходимость повременить въѣздомъ во Францію, прибыла въ Валансенъ, d'où on ne peut l'empêcher de venir à Paris (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 57, f. 47). Между тѣмъ, оказывается, что княгиня своевременно получила письмо въ Брюсселѣ (см. Приложение VI, 17 и 20), но пренебрегла предостереженіями аббата Берни.

³⁾ Берни высказалъ Лопиталю, отъ 24-го іюня 1758 г., причины, по которымъ совѣтовалъ княгинѣ жить до времени въ Брюсселѣ (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 340); позже, отъ 7-го іюля, онъ писалъ ему: «Тâchez de lever les obstacles au séjour de M-me la princesse de Zerbst en France. Ce serait bien mal répondre à l'attachement qu'Elle a marqué au Roi que de lui donner le dégoût de ne pas consentir à ce qu'Elle vint à Paris (*Ibid.*, vol. 57, f. 15); онъ даже находилъ, что «въ Парижѣ очень удобно имѣть секретный надворъ какъ за княгинею цербстскою, такъ и за ея перепиской съ великой княгиней» (*Ibid.*, vol. 57, f. 47). Между тѣмъ, Лопиталь довоился, что «лучше всего, еслибъ княгиня испросила у императрицы совѣта относительно переселенія въ Парижъ» (*Ibid.*, vol. 57, f. 53) и извѣщаль, что «какъ императрица, такъ и великая княгиня крайне недовольны перевѣдомъ княгини, о чемъ онѣ узнали только изъ газетъ» (*Ibid.*, vol. 57, f. 91), что императрица n'approuvait nullement son voyage à Paris (*Ibid.*, vol. 57, f. 145), что императрица не хотѣла даже сама отвѣчать на письмо княгини и что въ отвѣтѣ вице-канцлера прямо сказано: Je ne puis vous dissimuler, Ma-

Въ Гамбургѣ, въ домѣ французскаго резидента Шампо, пербстская княгиня, которой было тогда 47 лѣтъ, подружилась съ его племянникомъ де-Пульи (de Pouilly), съ нимъ путешествовала по Голландіи, подъ именемъ «графини Ольденбургской», и съ нимъ же прибыла въ Парижъ ¹⁾, не строго сохраняя свое инкогнито. Русскій посольскій графъ М. П. Вестужевъ-Рюминъ оказывалъ ей должное почтеніе, сопровождалъ по окрестностямъ Парижа, приглашалъ «въ день высочайшаго тезоименитства къ парадному столу»,

dame, que Sa Majesté Impériale est très fâché que vous ne l'avez pas prévenu de votre projet de passer en France avant de l'exécuter (*Ibid.*, vol. 57, f. 283). *Арх. кн. Воронцова*, I, 451.

¹⁾ Племянникъ Шампо (Levesque de Champreaux), де-Пульи, вскорѣ по прибытіи въ Парижъ, отправился къ своимъ роднымъ, въ Реймсъ. Княгиня пербстская вела съ нимъ оживленную переписку. Въ своихъ письмахъ къ нему, Иоганна-Елизавета говоритъ о военныхъ событіяхъ, о парижскомъ обществѣ, о театрахъ, и, такъ какъ де-Пульи желалъ имѣть матеріалы для исторіи Россіи, то княгиня сообщаетъ ему свѣдѣнія о царствованіи Анны Ивановны, о воспитаніи и замужествѣ Анны Леопольдовны и заканчиваетъ мастерски набросаннымъ портретомъ Елизаветы Петровны. Въ этой чисто исторической части писемъ много новаго, иногда записаннаго со словъ Елизаветы Петровны. Всего сохранилось 28 писемъ, отъ 5-го августа 1758 года по 22-е іюля 1759 годъ, съ полугодовымъ перерывомъ, отъ декабря по май, когда де-Пульи прѣзжалъ въ Парижъ. Эти письма хранятся у потомка Шампо (le vicomte de Champreaux Verneuil) любезности котораго мы обязаны возможностью обнародовать всѣ 28 писемъ въ Приложеніи VI. Эти письма интересны для насъ не только потому, что они восполняютъ пробѣлы въ біографіи матери Екатерины, пербстской княгини, жизнь которой въ Парижѣ оставалась совершенно неизвѣстною, сколько по отношенію къ самой Екатеринѣ, вѣрнѣе ея писемъ на французскомъ языкѣ къ Вольтеру, Гримму, Дидро г-жѣ Жоффренѣ, Бельке, принцу де-Линю. Эти письма такъ оригинальны, живы, легки, что было даже высказано мнѣніе, будто эти особенности усвоены Екатериною изъ «Писемъ г-жи Севинье»: «Подъ вліяніемъ «Писемъ г-жи Севинье» Екатерина вполне усвоила себѣ легкость, непринужденность, игривость, какими долженъ отличаться этотъ родъ авторства, и частныя письма ея на французскомъ языкѣ сами могутъ служить образцами эпистолярнаго слога» (*Гротъ*, 120). Французскія письма Екатерины также непохожи на письма г-жи Севинье, какъ тождественны съ письмами ея матери: Екатерина ничего не усвоила отъ г-жи Севинье, а всѣ особенности своего эпистолярнаго слога унаслѣдовала отъ матери. Орфографія и грамматическая часть въ письмахъ дочери все же лучше, чѣмъ въ письмахъ матери: ихъ нельзя понять глазами и можно уразумѣть только ухомъ.

не подозрѣвая, очевидно, что «все то ея величеству не угодно» ¹⁾. Вскорѣ по прїѣздѣ графини Ольденбургской въ Парижъ, къ ней явился маршалъ герцогъ Биронъ и извѣстилъ, что король Людовикъ XV приказалъ не обращать вниманія на ея инкогнито и оказывать ей всюду всѣ почести, подобающія ея имени и принадлежности къ фамиліи его высокой союзницы, русской императрицы ²⁾. Высшее парижское общество спѣшило выразить ей свое вниманіе; военный министръ присылалъ ей изъ Версаля всѣ «новости съ театровъ войны»; публика въ театрахъ и общественныхъ собраніяхъ съ любопытствомъ смотрѣла на нее, какъ на эмигрантку, «пострадавшую за Францію».

Зимою 1758—59 гг., когда военныя дѣйствія временно прекратились и войска заняли зимнія квартиры, ея сынъ Фридрихъ-Августъ, братъ Екатерины, прїѣхалъ въ Парижъ и провелъ съ матерью около двухъ мѣсяцевъ. Вскорѣ затѣмъ, 11-го іюня 1759 г., умерла его молодая жена, остававшаяся въ Цербстѣ, умерла отъ апоплексическаго удара. Хотя княгиня не любила своей свекрови, но такая смерть, въ молодые годы, поразила и ее ³⁾.

Въ Парижѣ графиня Ольденбургская вела жизнь веселую, много въѣзжала, посѣщала театры, много принимала. Не смотря на свое «инкогнито», она считала необходимымъ имѣть «княжескій» домъ со всѣмъ придворнымъ штатомъ: маркизъ де Сенъ-Симонъ разыгрывалъ роль гофмаршала, маркизъ де-Фолинъ былъ ея шталмейстеромъ, дѣвица Линингъ—фрейлиною, баронъ фонъ-Линзингенъ—камеръ-юнкеромъ и т. п. Все это стоило денегъ, и деньгъ большихъ; между тѣмъ, цербстскіе доходы конфискованы Фридрихомъ II, русская пенсія, неизлишняя даже и въ скромномъ Цербстѣ, не присылается. Еще въ декабрѣ 1758 года княгиня просила канцлера Воронцова исходатайствовать у Елизаветы Петровны пожалованіе ей извѣстной суммы, ссылаясь на издержки, сопряженныя съ устройствомъ въ Парижѣ дома, пристойнаго для матери великой княгини; она писала объ этомъ и дочери. Императрица не обратила никакого вниманія на эту просьбу, и можно догадываться,

¹⁾ См. Приложение VI, 2, 5, 8, 10, 23; *Арх. кн. Воронцова*, I, 451. —

²⁾ См. Приложение VI, 20. — ³⁾ См. Приложение VI, 26; *Арх. кн. Воронцова*, I, 448.

что виною тому было отчасти неосторожное поведение Екатерины: получая письма от матери чрез канцлера Воронцова, Екатерина никогда не вручала Воронцову своихъ отвѣтовъ, что заставляло предполагать о перепискѣ, помимо канцлера, окольнымъ путемъ. Это раздражало императрицу, и она оставляла письма княгини безъ отвѣта ¹⁾. Въ августѣ 1759 года, чтобъ «удовольствовать должниковъ», она проситъ или выдать ей за три года впередъ пенсію, т. е. 45,000 рублей, или дозволить занять въ дворянскомъ банкѣ 50,000 рублей. Не только канцлеръ Воронцовъ, но и фаворитъ Шуваловъ ходатайствовали въ пользу удовлетворенія этой просьбы, но опять вопли безъ успѣха. Въ отвѣтъ на эту просьбу, Воронцовъ, по приказанію императрицы, писалъ, отъ 20-го октября 1759 года, графу Бестужеву, русскому послу въ Парижѣ: «Ея императорское величество, ни малѣйше не соизволя на сіе ея прошеніе и не пріемля во уваженіе предъявленные отъ нея резоны, по которымъ ея свѣтлость принуждена во Францію пріѣхать, пмняно мнѣ повелѣтъ изволила къ вашему сіятельству отписать, чтобы вы высочайшимъ именовемъ Ея величества сей принцессѣ знать дали, что какъ она поѣздку свою во Францію не токмо безъ соизволенія Ея императорскаго величества, по собственному ея благозобрѣтенію не кстати воспріяла, и тѣмъ тамоннее пребываніе свое непріятнымъ сдѣлала, но и прежде безъ вѣдома и согласія Ея величества въ Дрезденъ ѣздила, къ тому жъ принца, сына своего, въ австрійскую службу опредѣлила, не давъ отнюдь о такомъ своемъ намѣреніи напередъ знать, то и будучи Ея величество такими поступками весьма недовольна, отнюдь не соизволяетъ на предложенныя отъ нея и ни на какія другія къ поправленію ея состоянія служить могущія средства. А дабы Ея свѣтлость напрасною надеждою о полученіи отсюда денегъ себя не ласкала, по паче ста-

¹⁾ L'Impératrice continue d'être toujours très indisposée contre M-me la princesse de Zerbst. Elle n'a point voulu répondre à ses lettres. Дешета *Лоптала*, отъ 15-го февраля 1759 года (*Париж. Архив, Russie, vol. 59, № 23*). Въ дешетѣ отъ 1-го марта высказана подозрительность императрицы и канцлера Воронцова о секретной пересылкѣ отвѣтовъ великой княгини: Elle lui faisait sans doute tenir par des personnes de sa confiance (*Ibid., vol. 59, № 31*).

разась бы по расплатѣ долговъ своихъ изъ Парижа выѣхать, ваше сіятельство благоволите Ея свѣтлости прямо о томъ знать дать»¹⁾.

Это даже не отказъ въ просьбѣ—это какое-то злорадственное издѣвательство надъ поступками! Княгинѣ жить нечѣмъ, а ей совѣтуютъ уплатить долги и выѣхать изъ Парижа! Чѣмъ заплатитъ долги, какъ выѣхать изъ Парижа и куда, наконецъ, выѣхать?

Эти неотвязчивые вопросы волновали, разстроивали больную мать Екатерины. Уже съ іюня 1759 года церѣстская княгиня жалуется на постоянное нездоровье²⁾. Въ декабрѣ, болѣзнь приняла опасное направленіе и княгиня, мучимая лихорадкою и водянкою, вызванною обычными страданіями женщинъ ея лѣтъ, не выходила уже изъ комнаты; съ марта 1760 года она уже не вставала съ постели. Ее лечили два доктора—«Гереншурнъ меньшей и де-ла-Сонне, которой докторъ королевскій»³⁾. 12-го апрѣля княгиня, «которая обрѣталась уже въ самыхъ истощенныхъ силахъ и по истинѣ жалостно было ее видѣть», передала кн. Д. М. Голицыну, смѣнившему графа Бестужева, два письма—къ императрицѣ и къ дочери; она въ нихъ даже не упоминала «о своихъ оставаемыхъ дѣлахъ», но лишь просила императрицу «ей великодушно отпустить все то, по чему она несчастіе имѣла гнѣвъ на себя навлечь». Въ началѣ маѣ княгинѣ «нѣсколько легче быть становилось»; но съ 16-го мая положеніе больной значительно ухудшилось, и 19-го мая, «по-полуночи въ третьемъ часу она уже жизнь свою скончала».

Не желая «безвременно приключить ея высочеству безпокойства и печали», отъ Екатерины скрывали отчаянное положеніе ея матери: великой княгинѣ передавали не всѣ письма, получавшіяся на ея имя отъ матери; о стѣсненномъ матеріальномъ положеніи своей матери она узнала только послѣ ея смерти. Ничего не подозревая, Екатерина, въ мартѣ, когда мать не вставала уже съ постели, шлетъ ей нѣсколько фунтовъ чаю и ревеню, которыхъ она и не видѣла—ревень и чай получились въ Парижѣ уже по смерти княгини.

Екатерина была очень опечалена смертью матери. Вѣсть эта застала великую княгиню въ Ораніенбаумѣ, гдѣ она, вдали отъ

¹⁾ *Арх. кн. Воронцова*, I, 450. — ²⁾ Приложение VI, 26, 27; *Арх. кн. Воронцова*, I, 449, XXV, 229. — ³⁾ *Осмнади. Вѣкъ*, I, 38; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 236; XXXIV, 196.

условія придворнаго этикета, могла спокойно предаться своей печали. Ее отношенія къ императрицѣ были въ это время настолько хороши, что Елизавета Петровна, преодолѣвъ свое отвращеніе къ Ораніенбауму, навѣстила ее—честь, которой императрица не оказывала Ораніенбауму уже много лѣтъ ¹⁾. Екатерина заперлась въ Ораніенбаумѣ и никого не принимала, никого не видѣла до самаго переѣзда въ городъ ²⁾.

По приказанію Людовика XV, французскій министръ духовныхъ дѣлъ, графъ Сен-Флорантэнъ, опечаталъ бумаги цербстской княгини, не смотря на распоряженіе покойной, точно обозначенное въ ея духовномъ завѣщаніи: «Объявляю, что всѣ письма, кои находятся въ большомъ шкапу въ желтомъ моемъ кабинетѣ, такожъ и тѣ, кои лежатъ въ баулахъ красною кожею обшитыхъ и кои находятся въ томъ же кабинетѣ, касаются единственно до моихъ германскихъ дѣлъ, и прошу г. маркиза Сентъ-Симона, чтобъ сихъ писемъ въ опись не вносить, а отдать оныя господину князю Ангальт-цербстскому или кому онъ повѣритъ». Екатерина имѣла копию съ духоваго завѣщанія матери; она знала, что мать, вѣроятно, имѣла основаніе именно такъ, а не иначе распорядиться своими бумагами, и опечатаніе ихъ французскимъ правительствомъ обезпечило Екатерину. Она обратилась къ маркизу Лопиталю съ просьбою отправить немедленно курьера къ герцогу Шуазелю и просить, ея именемъ, чтобъ воля матери была исполнена и письма переданы повѣренному ея брата, принца Ангальт-Цербстскаго. Больше всего Екатерина боялась, чтобъ письма не попали въ руки русскаго правительства и просила, чтобъ князю Голицыну, русскому послу, не выдавали бы писемъ, еслибъ онъ сталъ добиваться ихъ даже именемъ императрицы ³⁾. Очевидно, не одно только желаніе, чтобъ послѣд-

¹⁾ Sa Majesté Impériale n'avait pas été à Oranienbaum depuis quatres ans; il ne fallait pas moins que la mort de M-me la princesse de Zerbst pour engager l'Impératrice à faire cette visite. Делеша *Лопиталю*, отъ 23-го іюля 1760 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 64, № 18).

²⁾ La douleur de la mort de M-me sa mère la retient renfermée à la campagne. Делеша *Лопиталю*, отъ 2-го августа 1760 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 63, № 48).

³⁾ M-me la Grande-Duchesse m'a envoyé hier une personne de confiance pour me dire, qu'ayant appris que M. le comte de St. Florentin s'était emparé par ordre du roi des papiers de M-me la princesse de Zerbst, sa mère, Elle

няя воля родительницы была свято исполнена, руководило Екатериной: у матери много ея писемъ; въ этихъ письмахъ она не стѣснялась ни въ отзывѣхъ объ императрицѣ, ни въ сужденіяхъ о великомъ князѣ, ни въ выраженіи своихъ взглядовъ на ходъ современныхъ дѣлъ—что, если эти письма будутъ выданы кн. Голицыну и пересланы въ Петербургъ? Боязнь Екатерины была, однако, напрасна: испытанная въ интригѣ, осторожная мать уничтожила передъ смертью всѣ письма дочери ¹⁾. Изъ двухъ баулей, въ которыхъ хранились бумаги цербетской княгини, одинъ былъ уже разсмотрѣнъ, когда просьба Екатерины пришла въ Парижъ, и въ немъ оказались любовныя письма, которыя и были сожжены; во второмъ — письма маркиза де-Фрона. «Если и они такого же рода—пишетъ герцогъ Шуазель французскому посланнику Бретэлю—то тоже будутъ брошены въ огонь. Увѣрьте, пожалуйста, великую княгиню, что мы съ удовольвіемъ готовы служить ей и исполнить малѣйшее ея желаніе» ²⁾.

Князь Д. М. Голицынъ сообщалъ въ своихъ депешахъ императрицѣ и канцлеру Воронцову, что цербетская княгиня оставила «болѣе четырехъ сотъ тысячъ ливровъ» долгу, что «всѣ вещи ея свѣт-

me prioit de faire partir sur-le-champ un courrier pour demander à Sa Majesté de vouloir bien faire remettre tous ces papiers au chargé d'affaires du prince son frère, qui est à Paris. Elle m'a ajouté qu'Elle craignait par dessus tout qu'ils ne tombassent dans des mains russes et qu'Elle vous prioit de les refuser à M. le prince Galitzin s'il faisait soit en son nom, soit au nom de l'Impératrice du démarches pour les avoir. Бретэль полагаеъ, что лучше всего отдать письма подъ росписку цербетскому повѣренному, а росписку прислать ему; онъ передастъ ее великой княгинѣ. Деша Бретэля, отъ 5-го октября 1760 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 63, № 28).

¹⁾ «Ея свѣтлость, какъ слышно, многія письма сама сожгла», пишетъ кн. Голицынъ канцлеру Воронцову, отъ 27-го мая 1760 года (*Осмнади. Вѣст.*, I, 41).

²⁾ Nous avons prévenu les désirs et les intentions de M-me la Grande-Duchesse par rapport aux papiers qu'à laissés feu M-me la princesse d'Anhalt, sa mère. Ils ont été renfermés en deux paquets séparés. L'un ne contenait que la correspondance de M-me la princesse d'Anhalt avec M. de Saint-Simon et les lettres galantes qu'il en avait reçues. Elles ont été brulées et c'est le seul usage qu'il convenait d'en faire. L'autre paquet renferme des lettres de M. de Ftraigne, et si, après qu'on les aura examinées, on trouve qu'elles sont dans le meme gout que celles à M. de Saint Simon on les jettera également au feu. Отъ 3-го ноября 1760 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 63, № 47).

лости отъ здѣшняго правительства перепечатаны» что «никто не знаетъ куды дѣвались брилліанты и жемчугъ ея свѣтлости»: но все это скрыли отъ великой княгини. Екатеринѣ была представлена, правда, копія духовнаго завѣщанія но въ немъ ни единымъ словомъ не упомянуто о долгахъ. Только спустя полгода, уже въ декабрѣ, узнала великая княгиня, что всѣ драгоценности ея матери, всѣ «брилліанты и жемчугъ», заложены, и что, по требованію неудовлетворенныхъ заимодавцевъ, въ мартѣ будущаго года назначена продажа съ публичнаго торга всѣхъ заложенныхъ вещей. Екатерина употребила всѣ усилія, чтобы спасти честь матери, чтобъ «убѣжать какого либо стыда»: она переговариваетъ по этому поводу съ канцлеромъ Воронцовымъ, проситъ содѣйствія у фаворита Шувалова, уговариваетъ графа И. С. Гендрикова доложить императрицѣ ея «всенижайшую просьбу»¹⁾, и, справедливо опасаясь, что графъ Иванъ Симоновичъ не точно передастъ ея просьбу, пишетъ ему слѣдующую памятную записочку о чемъ графъ долженъ переговорить съ императрицей:

«1. Не соизволено-ль мнѣ будетъ послать повѣренное письмо и кому, а безъ того во всемъ остановка будетъ.

«2. Не приказано-ли будетъ кавалерію святая Екатерины вручить князю Голицыну.

«3. Для покупки алмазовъ отправить, а въ противномъ случаѣ не соизволено-ль будетъ просить мнѣ въ займы сто тысячъ рублей съ годовымъ уплатомъ по десяти тысячъ рублей изъ суммы моего годоваго жалованья, чтобъ не допустить до публичной продажи, а отвѣтъ долженъ въ Парижъ послѣть до праздника Пасхи, а позднѣе должники ждать не будутъ».

20-го декабря 1760 года графъ Гендриковъ представилъ эту записку императрицѣ. Елизавета Петровна благосклонно прочла просьбу Екатерины и, въ тотъ же день, съ тѣмъ же графомъ Гендриковымъ, послала ее канцлеру Воронцову, желая выслушать его мнѣніе. 21-го декабря графъ Воронцовъ, въ письмѣ къ фавориту Шувалову, излагаетъ полное свое согласіе на всѣ три пункта записки великой княгини и въ заключеніи прибавляетъ: «Всего сходственнѣе, если бы Всемилостивѣйшая Государыня повелѣла

¹⁾ Письмо И. И. Шувалова гр. М. Л. Воронцову, въ *Русск. Архивъ*, 1870 г., стр. 1408.

онныя вещи изъ казны, пересылкою въ Парижъ потребной суммы, выкупить и потомъ по высочайшему благоизобрѣтенію пожаловать ими Государыню Великую Княгиню. Деньги къ тому могутъ прямо переведены быть изъ Гамбурга изъ получаемой тамъ съ Берлина контрибуціи». Екатерина на это даже и не разсчитывала; она, напротивъ, предполагала, что выкупленные, такимъ образомъ, драгоценности ея матери составятъ собственность императрицы. Елизавета Петровна первоначально соглашалась уплатить только сумму долговъ, равную стоимости драгоценностей ¹⁾, но, въ концѣ концовъ, признала необходимымъ уплатить всѣ долги матери великой княгини.

Этимъ путемъ, при помощи несимпатичнаго для великой княгини канцлера и веселяваго у императрицы фаворита, Екатерины удалось «убѣждать стыда»—вещи ея матери не продавались въ Парижѣ публично, съ молотка. Всѣ денежныя претензіи, предъявленные къ имуществу «графини Ольденбургской», были удовлетворены до наступленія «святой недѣли по новому стилю», до марта 1761 года ²⁾. Полученный изъ Россіи уже послѣ смерти пербтской княгини вексель на сто двадцать четыре тысячи пятьсотъ ливровъ, «которые сочиняютъ за два года опредѣленную ей пенсію», былъ полностью переданъ гофмаршалу пербтскаго двора барону Буркерероде, присланному въ Парижъ владѣтельнымъ пербтскимъ княземъ, братомъ Екатерины, для устройства дѣлъ ихъ матери. Эта сумма давала барону возможность исполнить всѣ пункты духовнаго завѣщанія, которымъ пербтская княгиня назначала различныя денежныя выдачи услуживавшимъ ей лицамъ ³⁾.

¹⁾ M-me la Grande-Duchesse croyait avoir obtenu que l'Impératrice payerait toutes les dettes de sa mère qui se montent dit-on à cinq cent mille livres à condition de remettre à Sa Majesté Impériale les diamants de la princesse qu'on suppose d'une assez grande valeur; mais quand on est venu à la dernière explication, l'on n'en veut payer que pour le prix des dits diamants. Депеша *Брестля* отъ 14-го января 1761 года (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 66, f. 17*). — ²⁾ *Сборникъ*, VII, 80. Это «черновое» письмо не было перебѣлено и осталось безъ употребленія—въ немъ не было уже надобности.

³⁾ Въ 1763 году маркизъ Фоланъ (marquis de Folin), бывший италійскій камергеръ графини Ольденбургской, прислалъ И. И. Бедкому длинное письмо, въ которомъ просилъ объ уплатѣ ему 8,095 рублей. будто бы слѣдующихъ ему за службу матери Екатерины во время пребыванія ея въ Парижѣ

Тѣло Иоганны-Елизаветы было набальзамировано и отправлено, согласно ея волѣ¹⁾, въ Цербстъ, гдѣ, уже въ 1761 году, было погребено рядомъ съ тѣломъ ея супруга, Христиана-Августа, отца Екатерины.

Такъ, мало-по-малу, обрывались родственныя связи Екатерины съ роднымъ Цербстомъ. Изъ всей ея цербстской родни остался въ живыхъ только братъ, владѣтельный князь ангальтъ-цербстскій Фридрихъ-Августъ, молодой, 26-ти-лѣтній вдовецъ, неживущій въ Цербстѣ, занятомъ прусаками. На этомъ братѣ сосредоточилась, теперь вся родственная любовь Екатерины, выразившаяся, между прочимъ, въ заботахъ объ Ангальтъ-Цербстскомъ княжествѣ. Екатерина съ удовольствіемъ узнала, что русское правительство, особливо ногою отъ 28-го іюля 1759 года, заявило своимъ союзникамъ о правахъ князя Фридриха-Августа на полное вознагражденіе за убытки, причиненныя его владѣніямъ прусскимъ королемъ²⁾. Когда цербстскій гофмаршалъ баронъ Буркерсроде сообщилъ великой княгинѣ о любезномъ содѣйствіи французскаго правительства къ устройству дѣлъ цербстскаго князя, Екатерина поручила французскому посланнику Бретэлю поблагодарить отъ ея имени герцога Шуазеля, французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, за вниманіе къ инте-

(*Чтенія*, 1863, IV, 120—130). Это въ высшей степени вѣдорное требованіе за службу княгинѣ «tant du vivant que depuis sa mort», причеъ маркизъ не считаетъ съ своей стороны нескромностью претендовать и на «quelque marque d'honneur distinctive», было представлено Екатеринѣ II, но рѣшеніе императрицы по этому письму намъ неизвѣстно.

¹⁾ *Арх. кн. Воронцова*. XXV, 229; «Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся родителей Екатерины II», въ *Осмадч. Вѣст.*, I, 1—44. Въ этомъ любопытномъ сборникѣ упомянуто, между прочимъ: «Нѣкто Шампо, французскій дипломатическій чиновникъ, сопровождалъ Иоганну-Елизавету во Францію. Онъ же уговорилъ ее писать свои «Записки» о Россіи, которыя, къ сожалѣнію, она успѣла довести только до воцаренія императрицы Елизаветы» (стр. 36). Какъ видно изъ помѣщаемого ниже Приложенія VI, цербстскую княгиню провожалъ въ Парижъ не Шампо, французскій резидентъ въ Гамбургѣ, а его племянникъ, де-Пульи; «Записки» о Россіи писала не княгиня, а тотъ же де-Пульи, которому княгиня только сообщала матерьялы. Подлинникъ этихъ «Записокъ» былъ переданъ внукомъ резидента Шампо князю Долгорукову, родному брату княгини Юрьевской. — ²⁾ См. Приложеніе VII.

ресамъ ея брата ¹⁾. Судя по отвѣту герцога, можно думать, что эта благодарность великой княгини имѣла свою цѣну: «Можете увѣрить государыню великую княгиню—пишетъ герцогъ Шуазель Бретэю — что я всегда буду внимателенъ къ дѣламъ. интересующимъ ея брата. Хотя великая княгиня и не имѣетъ теперь большаго значенія, все-таки ее нужно беречь. но дѣлать это слѣдуетъ съ большою осторожностью, чтобъ не возбудить ревности въ императрицѣ и ея министрахъ» ²⁾.

¹⁾ M me la Grande Duchesse m'a chargé de vous faire tous ses remerciements sur l'attention que vous donnez aux affaires qui intéressent M-r son frère. Le chargé d'affaires de ce prince lui a rendu compte de vos bontés, et elle y est très sensible. Денеша отъ 22-го октября 1761 года (*Парижъ, Архивъ, Russie*. vol. 67, pièce 127).

²⁾ Vous pouvez assurer M me la Grande-Duchesse que j'ai l'attention aux affaires, qui intéressent M r son frère. Quoique cette princesse n'ait pas grand crédit, il est toujours bon de la ménager, mais ce doit être avec une grande circonspection, pour ne pas exciter la jalousie de l'impératrice et de ses ministres. Отъ 23-го ноября 1761 года (*Парижъ, Архивъ*, vol 67 f. 162).

На сцену появляются новыя лица. Изъ старыхъ «друзей» Екатерины, съ которыми при нуждѣ можно посоветоваться, въ горѣ — душу отвести, не осталось никого; одни умерли, другіе въ отлучкѣ, вольной и невольной: З. Г. Чернышевъ — на войнѣ, С. В. Салтыковъ — въ Гамбургѣ, остальные — въ ссылкѣ. Графъ Понятовскій, правда, еще въ Петербургѣ, но долженъ надняхъ уѣхать по требованію императрицы. Екатерина одна, въ Ораніенбаумѣ, куда трудно проникнуть — для этого нужно испрашивать каждый разъ особое разрѣшеніе самой императрицы, а императрица неохотно разрѣшаетъ такіа поѣздки ¹⁾, и ужь, конечно, не разрѣшитъ ее графу Понятовскому. Это его, однако, не остановило: выдавая себя за парикмахера, переодѣтый графъ Понятовскій явился въ Ораніенбаумъ, но былъ узнавъ, схваченъ и приведенъ къ великому князю, у котораго находился въ то время графъ Бранишкій. Великій князь былъ возмущенъ поступкомъ Понятовскаго, а Бранишкій вдвое: онъ схватилъ его за шиворотъ и, какъ негодяя, вытолкнулъ за дверь, спасая, такимъ образомъ, своего соотечественника ²⁾.

¹⁾ Депеша *Брателя*, отъ 2-го августа 1760 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 63, № 8).

²⁾ *Helbig*, *Günstlinge*, 224; *Рус. Старина*, LIII, 304; *Rulhière*. 21.. Этотъ случай возбудилъ толки, начались измышленія, одно невѣроятнѣе другаго. Вотъ какъ, напр., разсказанъ этотъ случай *Допиталемъ*, въ депешѣ отъ 10-го августа 1758 года: M. le comte Pomatowski, enhardi par la témérité de la Grande-Duchesse, se déterminâ à l'aller trouver à sa maison de campagne mais en arri-

Съ отъѣздомъ графа Понятовскаго Екатерина еще болѣе почувствовала свое одиночество. Вскорѣ умерла и ея дочь, великая княжна Анна Петровна, что еще болѣе увеличило грустное настроеніе матери. Желая разсѣять, развлечь великую княгиню, императрица приглашаетъ ее на вечера и ужины къ придворнымъ особамъ—великая княгиня отказывается даже императрицѣ¹⁾. Екатерина опять заперлась въ своей комнатѣ, читаетъ, работаетъ, всегда одна.

Но Екатерина не перестаетъ быть великой княгиней. Когда она была въ опалѣ, когда она была «подъ судомъ» изъ-за переписки съ Апракинымъ и Бестужевымъ, и тогда лица наиболѣе вліятельныя, канцлеръ Воронцовъ и фаворитъ Шуваловъ, не рѣшались громко говорить противъ нея. И. И. Шуваловъ употребилъ даже все свое вліяніе на императрицу, чтобъ обѣлгать въ ея глазахъ великую княгиню, чтобъ помирить съ нею императрицу. Позже, умный Шуваловъ совершенно перешелъ на сторону малого двора, вѣрнѣе, сталъ сторонникомъ великой княгини и, вѣроятно, дѣйствовалъ довольно неосторожно, по крайней мѣрѣ, далъ поводъ злословію заподозрить чистоту своихъ отношеній къ великой княгинѣ²⁾. Канцлеръ Воронцовъ, какъ мы видѣли, принялъ сторону

vant, il fut arrêté par un officier et conduit chez le général Broedorf où était le Grand-Duc, qui, en le voyant et lui ripostant sa hardiesse, lui dit: «Vous mettez votre vis entre mes mains. Que veniez vous faire ici?»—«Vous faire ma cour, Monseigneur, et à M-me la Grande-Duchesse, comme vous me l'avez toujours permis». — «Je sais toutes vos intrigues avec la Grande-Duchesse; peut être même avez vous de mauvaises intentions contre moi: vous avez sur vous des pistolets de poche».—«Quel soupçon, Monseigneur! Votre Altesse Impériale fait un grand tort à mon profond respect et à la fidélité de mon attachement pour Elle». — «Vous n'avez donc d'autre intention que de voir la Grande-Duchesse? Eh bien, Poniatowski, allez-y, restez à souper avec Elle» (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 57, f. 106*). Это очевидное повтореніе петербургскихъ измышленій; первоначально, въ депешѣ отъ 16-го іюля, *Лопиталъ* просто сообщаетъ: «M-r Poniatowski a hazardé d'aller incognito à la maison de campagne de M-me la Grande-Duchesse, à l'insu du Grand-Duc» (*Ibid., vol. 57, f. 53*).

¹⁾ La mère est dans la plus grande affliction. Дешши *Лопиталъ*, отъ 23-го марта и 2-го апрѣля 1759 года (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 59, № 36; vol. 60, № 37*).

²⁾ О роли Шувалова во время опалы великой княгини упоминается въ депешѣ *Лопиталъ*, отъ 10-го іюля 1758 года (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 57,*

Екатерины въ вопросѣ о долгахъ ея матери и не опускалъ случая сдѣлать угодное великой княгинѣ. Но ни Воронцовъ, ни Шуваловъ не были людьми способными замѣнить для Екатерины сверженнаго ими Бестужева; на нихъ она не полагалась и имъ она не довѣряла. У нихъ нѣтъ ни смѣлаго ума, ни силы воли: во время войны съ Пруссіею прусскіе шпіоны живутъ въ Петербургѣ, великій князь сносится съ прусскимъ королемъ, а они молчатъ, не противодѣйствуютъ, даже потворствуютъ.

«Обо всемъ, что происходило на войнѣ—пишетъ Штелинъ—получалъ его высочество, не знаю откуда, очень подробныя извѣстія съ прусской стороны, и если по временамъ въ петербургскихъ газетахъ появлялись реляціи въ честь и пользу русскому и австрійскому оружію, то онъ обыкновенно смѣялся и говорилъ: «все это ложь—мои извѣстія говорятъ совсѣмъ другое»¹⁾. Фридрихъ II, съ своей стороны, прямо говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что получалъ отъ великаго князя изъ Петербурга многія свѣдѣнія, касающіяся военныхъ дѣйствій русской арміи²⁾.

Фридрихъ II, неуспѣвшій, не смотря на всѣ свои старанія, привлечь на свою сторону великую княгиню, легко обратилъ великаго князя въ своего шпіона. Какъ Уильямсъ всецѣло былъ преданъ великой княгинѣ и ни въ чемъ не успѣлъ, такъ смѣнившій его англійскій посланникъ Кейтъ вполне отдался великому князю и достигъ своей цѣли. Кейтъ сообщалъ великому князю всѣ новости съ театра войны, всегда, конечно, въ прусскомъ смыслѣ, и передавалъ прусскому королю всѣ свѣдѣнія о русской арміи³⁾,

f. 26). Jwan Chouwaloff s'était jeté entièrement du côté de la jeune cour, въ депешѣ отъ 24 го іюля 1759 г. (*Ibid.*, vol. 60, № 53), Ce favori aurait voulu jouer auprès de la Grande-Duchesse le même rôle qu'auprès de l'Impératrice (*Ibid.*, vol. 63, № 34).

¹⁾ Штелинъ, 93. Тутъ же разсказанъ эпизодъ съ извѣстіемъ о битвѣ при Торгау на Эльбѣ, когда великій князь опровергъ свѣдѣнія, полученныя графомъ Эстергази, что вполне подтвердилось на другой день вторымъ курьеромъ, прибывшимъ къ австрійскому послу. — ²⁾ *Posner.* 312.

³⁾ Фридрихъ II во время Семилѣтней войны получалъ свѣдѣнія изъ Петербурга отъ разныхъ лицъ и черезъ многія руки: отъ своей сестры, принцессы Анны Оранской, регентши Голландской (*Pol. Corr.*, XIV, 244, 312, 417, 426), отъ саксонскаго резидента въ Петербургѣ фонъ-Функе (XII, 305), отъ своего друга и поклонника графа Гожовкина, русскаго посланника въ

вѣсь предположенія конференціи, все, что получалъ отъ великаго князя, котораго снабжалъ деньгами и обиадеживалъ содѣйствіемъ Пруссіи въ его спорѣ съ Даніею по поводу Шлезвига ¹⁾. Кейтъ часто принималъ курьеровъ, англичанъ, приобывавшихъ, однако, изъ Берлина, не изъ Лондона, и не щадилъ денегъ на отправку курьеровъ въ Лондонъ, доѣзжавшихъ только до Берлина, такъ что Фридрихъ II получалъ изъ Петероурга свѣдѣнія, касавшіяся русской арміи, даже ранѣе русскихъ главнокомандующихъ ²⁾. Это обнаружилось уже въ 1758 году и было настолько всѣмъ извѣстно, что весной 1759 года датское правительство поручило своему представителю при русскомъ дворѣ сдѣлать по этому поводу официальное представленіе русскому канцлеру; также поступило и французское правительство ³⁾. Словомъ, это шпіонство и участіе въ немъ ве-

Гаагъ, и его супруги (XIV, 192, 228), отъ шведскаго полковника Горна и курляндскаго камергера фонъ-Мирбаха (XIII, 448; XIV, 449). Самыя же важныя и наиболее точныя извѣстія Фридрихъ II получалъ отъ голландскаго посланника въ Петербургѣ ванъ-Сварта (Mynheer van Swart), который пользовался наибольшимъ довѣріемъ русскаго двора: le grand chancelier le consulte sur tout et l'aiforme le plus confidemment du monde de tout ce qui se passe (XIII, 116); депеши Сварта вскрывались въ берлинскомъ почтамтѣ и конія съ нихъ доставлялись Фридриху II, шифрованныя же мѣста доставлялись позже, изъ Гаага, отъ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Геллена, при посредствѣ англійскаго посланника Йорка. Сверхъ того, прусскій король получалъ свѣдѣнія черезъ русскаго генерала Корфа и любовницу его графиню Кейзерлинггу (Болотовъ, II, 166) и отъ др. лицъ, не считая такихъ профессиональныхъ прусскіихъ шпіоновъ, какъ фонъ-Валь изъ Риги, англійскій капитанъ Ламбертъ, майоръ фонъ-Ромеръ и др. (Pol. Corr., XII, 42, 166; XIII, 141, 160, 170, 197, 254; XIV, 83).

¹⁾ Je dois vous prevenir que M. Keith a des correspondances secrètes avec le roi de Prusse. Ce ministre fait passer à M. le Grand-Duc par des tiers la connoissance de ses desseins; il maintient ce jeune prince dans ses faux principes; il lui offre des secours secrets contre le roi de Danemark etc. Въ депешѣ Лопиталля отъ 30-го ноября 1758 г. (Париж. Архивъ, Russie, vol. 58, f. 267)

²⁾ Депеша Лопиталля, отъ 9-го февраля 1759 г. (Париж. Архивъ, vol. 59, № 17). Между тѣмъ, недогадливый Лопиталль утверждалъ свое правительство, что Кейтъ не пользуется никакимъ значеніемъ, и ничего не достигнетъ: Je vous répons bien que jusqu'à ce jour M. Keith n'a fait que battre l'eau et qu'il n'a acquit ni crédit, ni considération; il vit mesquinement et obscurément. Депеша отъ 24-го марта 1758 г. (Ibid., vol. 59, № 43).

³⁾ M. le baron d'Osten avait l'ordre de M. de Bernstorff d'avertir M. le comte de Woronzow que l'on savait presque avec certitude que le roi de Prusse

ликаго князя ни для кого не было тайной, кромѣ русскаго канцлера, который, не рѣшаясь противодѣйствовать великому князю, дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ. Мало того: когда графу Воронцову указывали на двухъ прусскихъ шпионовъ, покровительствуемыхъ великимъ княземъ, канцлеръ старался «успокоить» союзниковъ ¹⁾, очевидно, ставя судьбы русской арміи въ зависимость отъ своихъ личныя отношеній къ великому князю. Екатерина, съ негодованіемъ смотрѣвшая на прусскія симпатіи своего супруга ²⁾, не безъ презрѣнія относилась къ потворству преступнымъ инстинктамъ великаго князя со стороны канцлера Воронцова и фаворита Шувалова.

Весною 1759 года въ Петербургѣ появился еще одинъ прусакъ—

avait des liaisons secrètes avec le Grand-Duc; qu'il croyait que ces négociations secrètes se traitaient par M. Keith. Денеша отъ 19-го мая 1759 г. (*Париж. Архивъ*, vol. 60, № 46). Въ министерскомъ рескриптѣ отъ 11-го іюня 1759 г. герцогъ *Шуазель* поручаетъ Лопиталю сдѣлать представление канцлеру Воронцову о сношеніяхъ Кейта съ великимъ княземъ и прусскимъ королемъ (*Ibid.*, vol. 60, № 43). Тайныя сношенія великаго князя съ прусскимъ королемъ велись, кажется, и чрезъ принца Георга голштинскаго, дядю Петра Федоровича (*Goudar*, 24, 57).

¹⁾ Nous sommes maintenant, M. Mercy, ambassadeur impérial. et moi, occupés à donner la chasse à deux prussiens qui vivent ici sous la protection de M. le Grand-Duc et qui, sans doute, n'y sont pas oisifs. L'un était lieutenant de police à Berlin au moment de l'expédition des russes l'année dernière, et a été amené prisonnier et en ôtage à Koenigsberg, pour l'acquiescement des contributions de cette ville, et de là a eu permission de venir ici sous prétexte qu'il avait eu le bonheur de sauver la vie à Pierre I au passage d'un rivière, je ne sais ou et l'autre est un conseiller de la légation de Sa Majesté Prussienne, qui, à l'aide de quelque parenté avec des russes, est venu ici pour solliciter des soulagemens en faveur de la Prusse et surtout de la ville de Koenigsberg. Ces deux personnages prussiens sont gens de beaucoup d'esprit et très instruits. M. le chancelier, à qui j'ai parlé de l'extraordinaire de leur séjour ici, m'a tranquilisé. Денеша *Бретеля*, отъ 22-го октября 1761 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 67, pièce 127). Герцогъ *Шуазель* пишетъ Бретелю, отъ 23-го ноября 1761 года: Il est indécent que deux prussiens soient à la cour de Russie sous la protection du Grand-Duc (*Ibid.*, vol. 67, f. 261). Эти два лица были: берлинскій полиціймейстеръ Груменау и кенигсбергскій совѣтникъ правленія Корфъ. Денеша *Мерси Аржанто* въ *Сборникъ*, XVIII, 60, 145.

²⁾ Денеша *Лопиталю*, отъ 30-го ноября 1758 года, въ *Париж. Архивъ* Russie, vol. 58, f. 267.

графъ Шверинъ. адъютантъ прусскаго короля ¹⁾. Взятый въ плѣнъ при Цорндорфѣ, 12-го августа 1758 г., графъ Шверинъ былъ отправленъ въ Кенигсбергъ, гдѣ жилъ совершенно на свободѣ ²⁾; къ нему, только для формы, были назначены приставами два армейскіе поручика Орловъ и Зиновьевъ. Въ мартѣ 1759 года графъ Шверинъ былъ перевезенъ въ Петербургъ. И здѣсь, какъ въ Кенигсбергѣ, къ графу Шверину относились не какъ къ военноплѣнному, а какъ къ «знатному иностранцу» Ему отвели помѣщеніе въ только что отстроившемся тогда великолѣпномъ домѣ графа Строгонова, у Полицейскаго моста ³⁾; сопровождавшій его приставъ Орловъ былъ помѣщенъ уже не съ нимъ вмѣстѣ, какъ въ Кенигсбергѣ, а въ домѣ придворнаго банкира Кнутсена, на углу Большой Морской и Невскаго проспекта, на супротивъ зимняго дворца, бывшаго въ то время между Полицейскимъ мостомъ и Большою Морскою. Графъ Шверинъ былъ вызванъ въ Петербургъ самою императрицею, былъ принятъ при большемъ дворѣ; великій князь видѣлъ въ немъ не плѣннаго офицера, а почетнаго гостя: принималъ его у себя, бражничалъ съ нимъ, ѣздилъ по городу и, въ веселья минуты, признавался ему, что считалъ бы для себя за честь служить подъ начальствомъ прусскаго короля; «еслибъ я былъ государемъ—вы не были бы военноплѣнными», прибавлялъ Петръ Ѳедоровичъ ⁴⁾. Съ графомъ Шверинымъ появился тогда при маломъ дворѣ и его приставъ поручикъ Орловъ.

¹⁾ Графъ Вильгельмъ-Фридрихъ-Карлъ фонъ Шверинъ. 1728—1802, принимавшій участіе въ заключеніи русско-прусскаго трактата вѣчнаго мира и дружбы 24-го апрѣля 1762 г. *Щебальскій*, 51. Въ 1795 г., будучи уже генералъ-лейтенантомъ, онъ командовалъ прусскими войсками противъ поляковъ, былъ всюду побитъ и приговоромъ военнаго суда былъ лишень командованія и заключенъ на годъ подъ арестъ. — ²⁾ *Болотовъ*, I, 840, 845, 873, 882. —

³⁾ *Helbig*, *Günstl.*, 181; *Русс. Старина*, LI, 7. Le jeune Schwerin, un officier prussien, est venu; il loge chez le baron Strogonoff, son gendre. Денеша отъ 7-го апрѣля 1759 г. въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 60, № 38. *Колмаковъ*, Домъ графовъ Строгоновыхъ, въ *Русс. Старинѣ*, LIII, 575.

⁴⁾ M. le Grand-Duc était à l'école des cadets; le prince Adam Czartoriski et le jeune Schwerin étaient de la partie. M. le Grand-Duc se trouvant seul avec Schwerin et Czartoriski, commença l'éloge du roi de Prusse et dit en propre terme au comte Schwerin qu'il se ferait gloire et honneur de faire une campagne sous les ordres du roi de Prusse et que s'il était le maître il ne serait pas ici prison-

Изъ всѣхъ пяти красавцевъ братьевъ, Григорій Григорьевичъ Орловъ былъ безспорно самый красивый и, быть можетъ, самый вѣтреный. Судя по отзывамъ очевидцевъ и по сохранившимся рисункамъ, Орловъ былъ красивѣе не только Понятовскаго, но и Салтыкова, который превосходилъ его только въ вѣтренности. Высокій, статный, всегда веселый, такой же смѣлый, какъ его братъ Алексѣй отчаянный, такой же, какъ и братъ Алексѣй, сильный, Григорій Орловъ плѣнилъ солдатъ своею неустрашимою удаляю въ цорндорфской битвѣ, своею стойкостью и какимъ-то равнодушіемъ, казалось ничѣмъ необъяснимымъ: онъ получилъ подъ Цорндорфомъ три раны и не покинулъ своего поста, спокойно глядя судьбѣ въ глаза. Судьба его пощадила. Въ Петербургѣ онъ жилъ съ братьями, гвардейскими офицерами, кутилъ съ ними, ухаживалъ за петербургскими красавицами, своею крупною игрою и своими будуарными побѣдами заставляя говорить о себѣ. Даже мужчины признавали, что видѣть его и не полюбить—невозможно; женщины имъ не противорѣчили. Смѣлость Орлова въ этомъ отношеніи доходила до дерзости, что еще болѣе нравилось женщинамъ. Только въ 1759 году Григорій Орловъ перешелъ на службу въ артиллерію и уже въ 1760 году занялъ довольно видное мѣсто адъютанта при генералъ-фельдцейхмейстерѣ, видное потому, что генералъ-фельдцейхмейстеромъ былъ графъ П. И. Шуваловъ, двоюродный братъ всеильнаго фаворита. И что же? Адъютантъ не задумался увлечь любовнику генералъ-фельдцейхмейстера, красавицу княгиню Елену Степановну Куракину ¹⁾, за что едва не погибъ—его спасла смерть Шувалова. О случаѣ съ Куракиной, полномъ романтическихъ подробностей и выказавшемъ геройскую находчивость Орлова, заговорилъ весь городъ. узналъ дворъ, услышала и великая княгиня. Въ то время подобныя любовныя похождения не роняли, а возвышали людей: ими

nier... Le propos du Grand-Duc quoique ridicule n'est qu'une suite de son enthousiasme pour le roi de Prusse; peut-être même était-il un peu chaud de vin, car M. de Lieven, qui a été lui faire sa cour et qui a vu ces exercices des cadets, m'a dit en haussant les épaules qu'il avait été scandalisé et honteux de se trouver avec M. le Grand-Duc de Russie qui l'avait fait asseoir auprès du feu et fumer avec lui une pipe de tabac et boire de l'eau de vie. Денеша *Лонгиталя*, отъ 22-го мая 1759 г., въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 60, № 53.

¹⁾ *Mémoires*, 247, 284; *Laveaux*, III, 75; *Castéra*, I, 315; *Rulhière*, 53.

создавались репутаціи, дѣлались карьеры. Мало кто зналъ тогда что какъ равнодушіе въ цорндорфской битвѣ, такъ и смѣлость въ случаѣ съ Куракиной объяснялись самымъ положеніемъ Орлова, которому нечего было терять. Безъ всякихъ средствъ, весь въ долгахъ, онъ смѣло ставилъ все на карту, такъ какъ это все равнялось нулю; но это мало кому было извѣстно, и случай съ Куракиною сдѣлалъ Орлова еще болѣе интереснымъ. Заинтересовалась имъ и Екатерина. Онъ смѣлъ, находчивъ — на него можно положить; онъ не отступить ни предъ какою опасностью — ему можно звѣряться; къ тому же онъ — русскій офицеръ, а въ то время всѣ нравственныя силы страны, вся политическая жизнь ея сосредоточивалась въ войскахъ, преимущественно въ гвардіи, представлявшей собою цвѣтъ русскаго дворянства. Орловъ являлся въ этомъ отношеніи силою весьма важною, особенно для Екатерины.

Чѣмъ болѣе Екатерина узнавала Орлова, тѣмъ болѣе дорожила имъ — не Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, а человѣкомъ, обладающимъ тѣми свойствами которыя отличали Орлова, какъ бы онъ ни прозывался; въ данномъ случаѣ была важна встрѣча не съ Орловымъ именно, но съ лицомъ его положенія и его закала. Не въ Орловѣ нуждалась Екатерина, а въ пособникѣ «орловскаго» пошиба, въ человѣкѣ, способномъ выполнить сокровенную задачу великой княгини. Какую?

Вскорѣ по пріѣздѣ къ Россію, Екатерина отнеслась къ своему положенію вполнѣ искренно и вполнѣ по-дѣтски: она хотѣла быть безусловно послушна императрицѣ и оказывать полное уваженіе великому князю Чѣмъ долѣе жила Екатерина въ Россіи, тѣмъ болѣе убѣждалась, что выдержать такое отношеніе во многихъ случаяхъ было весьма трудно, иногда же просто невозможно. Ставъ супругой великаго князя, она желала добросовѣстно выполнить свои обязанности и встрѣтила препятствіе съ той именно стороны, съ которой менѣе всего ихъ ожидала ¹⁾). Екатерина скоро разошлась съ великимъ княземъ во мнѣніяхъ, взглядахъ, привычкахъ; по одобряла поведеніе великаго князя и императрица, но отъ этого Екатеринѣ было не легче. Елизавета Петровна давно уже не выказывала прежней склонности къ Екатеринѣ: по рожденіи

¹⁾ *Mémoires*, 53; см. Приложение V.

же Павла Петровича стала относиться къ ней довольно небрежно, а послѣ апраксинскаго дѣла совершенно отшатнулась отъ нея, хотя и внутренно не могла не сознавать, что великая княгиня менѣе виновна, чѣмъ ее старались увѣрить. Въ своей новой семьѣ, среди императрицы и великаго князя, Екатерина очутилась одинокою: по своей-ли винѣ, нѣтъ-ли — все равно. При дворѣ, изъ лицъ вліятельныхъ, оказалъ сочувствіе Екатеринѣ и подалъ ей руку только канцлеръ Бестужевъ, врагъ ея матери, высланнй Іоанну-Елизавету изъ Россіи, возстановившій противъ нея императрицу. Когда Бестужевъ былъ арестованъ и высланъ, Екатерина увидѣла себя одинокою и при большомъ дворѣ. И Воронцовъ, и Шуваловы — враги Бестужева, слѣдовательно, противники Екатерины. Они, конечно, готовы оказать ей мелкія услуги, замолвить за нее слово предъ императрицей, поддержать ея просьбу; но ей не этого нужно. Ни одинъ изъ нихъ не могъ даже представить себѣ положенія Екатерины такъ ясно, какъ Бестужевъ; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ понять, что Екатерину беспокоить не столько настоящее, сколько будущее. Она же ясно видѣла, что ей предстоитъ или раздѣлить судьбу великаго князя, какова бы она ни была, или предать себя волѣ, быть можетъ, капризу великаго князя, или же, наконецъ, оградить себя отъ всякихъ случайностей ¹⁾. Въ послѣднее время, незадолго до встрѣчи съ Орловымъ, Екатерина рѣшилась на послѣднее средство. Но чѣмъ и какъ оградить себя отъ всякихъ случайностей? Кромѣ императрицы, больной, дряхлѣющей, видимо приближающейся къ могилѣ, и великаго князя, охотно выслушивающаго способы «раздавить змѣю», Екатерина видитъ одну только силу — русское общество, «публику», какъ она выражается ²⁾. Что же такое русское общество, что такое публика въ Россіи?

¹⁾ *Mémoires*, 301; «Антидотъ» въ *Осмнадцати*. *Вѣкъ*, IV, 311.

²⁾ Слишкомъ тридцать лѣтъ спустя, Екатерина, въ своихъ «Запискахъ», нѣсколько разъ упоминаетъ, будто она, съ самаго приѣзда въ Россію, старалась заискивать въ *публику*, расположить *публику* въ свою пользу, пріучить *публику* видѣть, въ случаѣ нужды, именно въ ней, въ Екатеринѣ, свою спасительницу (*Mémoires*, 36, 44, 295, 301, 323). Эти позднѣйшія соображенія, вставленные въ рассказъ съ варьянѣ обдуманнѣмъ намѣреніемъ, не могутъ служить характеристикой Екатерины за то время, къ которому эти вставки относятся.

Императрица, великій князь — ошутительныя силы, представители власти, дающей себя чувствовать, а «публика»? Гдѣ она и въ чемъ проявляетъ свою силу, свое значеніе? Съ императрицей, съ великимъ княземъ Екатерина встрѣчается, сталкивается, считается съ ними, терпитъ отъ нихъ; съ русской публикой великая княгиня не можетъ имѣть сношенія по самому своему положенію. Екатерина разрѣшала этотъ вопросъ въ теоріи очень легко и просто: если публика сама по себѣ не можетъ знать ни великой княгини, ни ея нужды и желаній, то необходимо ее познакомить и съ великою княгинею, и съ ея желаніями; если непосредственныя сношенія великой княгини съ публикой невозможны, то должно создать посредственныя. Кто же лучше Орлова можетъ осуществить на практикѣ подобную нелегкую задачу? Двадцатипятилѣтній Орловъ безъ ума отъ Екатерины; для него всякая задача легка, лишь бы угодить Екатерину¹⁾.

У Орлова собираются товарищи его братьевъ, гвардейскіе офицеры; они пьютъ вино, играютъ въ карты, похваляются своими любовными похождениями. Орловъ — добрый малый, вѣрный товарищъ; онъ умѣетъ всѣхъ завлечь, развеселить, при случаѣ выручить изъ бѣды. Его любятъ, ему вѣрятъ, а онъ, артиллеристъ, пророчить гвардейцамъ скорую бѣду: великій князь называетъ ихъ «янычарами», и еще недавно его высочество изволилъ выразиться. «Гвардейцы только блокируютъ резиденцію, неспособны ни къ какому труду, ни къ военнымъ экзерциціямъ, а всегда опасны для правительства»²⁾. Да и какой это великій князь: русскія войска умираютъ отъ прусскихъ пуль, а великій князь похваляется, что

¹⁾ Въ письмѣ Екатерины гр. Понятовскому, отъ 2-го августа 1762 года: *Osten se souvient d'avoir vu Orlov me suivre partout et faire mille folies; sa passion pour moi était publique (Jacob, 4; Арх. кн. Ворониова, XXV, 415). Датскій посланникъ баронъ Остенъ пользовался особенною довѣренностію Екатерины. M-me la Grande-Duchesse affectionne le plus M. d'Osten: il est chargé de sa correspondance... Le chambellan qui était très fâché que M. d'Osten eût exclusivement la confiance de M-me la Grande-Duchesse, s'est servi de ce prétexte pour l'éloigner. Делеша Бретеля отъ 18-го сентября 1760 и 4-го января 61 гг., въ Париж. Архивъ, Russie, vol. 63, f. 117; vol. 66, f. 15.*

²⁾ Штелинь, 106; Jacob, 2; Арх. кн. Ворониова, XXV, 414; Лафермеръ, 195; *Bulhiere*. 43.

онъ «истый пруссакъ», носить кольцо съ портретомъ Фридриха II ¹⁾; радостная вѣсть о взятіи русскими Берлина опечалила великаго князя, и онъ прокликаетъ храбрость русскихъ войскъ ²⁾. Орловъ говорилъ увѣренно, приводилъ доказательства, въ его рѣчахъ о ненависти будущаго императора къ русскимъ, особенно же къ гвардейцамъ, нельзя было и сомнѣваться. Но у кого и запало въ то время сомнѣніе, оно разсѣялось съ первыхъ же дней воцаренія Петра III: русскимъ войскамъ велѣно приостановить свои дѣйствія противъ Пруссіи, въ Петербургъ пріѣхалъ баронъ Гольцъ, ведутся переговоры о мирѣ съ Пруссіею; вмѣсто гвардейской формы Петра Великаго, уже введены короткіе прусскіе кафтаны съ бранденбургскими петлицами; поговариваютъ, что гвардія будетъ выведена изъ столицы и замѣнена полевыми полками; говорятъ даже будто гвардія вовсе будетъ уничтожена. Если вѣрить Орлову (а ему нельзя не вѣрить: его слова оправдываются), единственный выходъ изъ этого положенія, единственное спасеніе чести русской арміи—великая княгиня, которая и теперь много терпитъ отъ причудъ великаго князя, а когда великій князь станетъ императоромъ, самодержцемъ, онъ немедленно заточитъ ее въ монастырь, а сына ея, великаго князя Павла Петровича, лишитъ права на наследованіе. Со словъ самой Екатерины, Орловъ мрачными красками описывалъ ея положеніе, говорилъ объ угнетеніи ее супругомъ, о презрѣніи

¹⁾ Le Grand-Duc est prussien d'inclination et patriote allemand, c'est le nom qu'il se donne.. Le Grand-Duc est toujours infatué du roi de Prusse... Le Grand-Duc est un vrai prussien. Денети *Лопитала*, отъ 11-го декабря 1757 г., 15-го апрѣля и 14-го мая 1758 г., въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 148; vol. 56, f. 44 et 165. Денеша барона *Гольца*, отъ 25-го февраля 1762 г., въ *Берлин. Архивъ*, Russland, 1762; *Щебальскій*, 42.

²⁾ Извѣщая объ общей радости въ Петербургѣ по случаю взятія Берлина и объ увѣренности, что прусскій король окончателно будетъ разбитъ, *Лопитала*, въ денешѣ отъ 28-го октября 1760 г., прибавляетъ: M. le Grand-Duc est le seul qui, donnant dans un excès contraire, ose laisser voir qu'il ne partage pas la satisfaction de ce projet. Indépendamment de ses propos peu mesurés et publics, le jour que l'Impératrice a reçu les félicitations de ses sujets sur la prise de Berlin, Son Altesse Impériale s'en dispensa sous prétexte d'une incommodité. L'on ne saurait se représenter, quand on ne l'a pas vu et entendu, à quel degré d'indécence ce prince porte son goût et son admiration pour Sa Majesté Prussienne (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 63, № 33). «*Санктпетербургскія Вѣдомости*» за 1760 года, № 88, вторникъ, 24-го октября.

къ ней воѣхъ толштинцевъ, о ея симпатіяхъ къ русскому народу, къ славѣ русскаго оружія. Слова Орлова опять оправдались: въ манифестѣ о восшествіи на престолъ Петра III даже не упомянуты ни государыня императрица Екатерина Алексѣевна, ни государь наследникъ великій князь Павелъ Петровичъ! Партія Екатерины въ средѣ офицеровъ гвардіи и войскъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, растетъ тихо, медленно, но ея сторонники отличаются преданностью готовы жертвовать жизнью за Екатерину.

Отъ офицеровъ неудовольствіе противъ Петра Федоровича переходило мало-по-малу къ солдатамъ. Только съ воцареніемъ Петра III пропаганда пошла успѣшнѣе, опять таки благодаря Орлову. Какъ соловьевъ не кормятъ пѣснями, такъ и солдатъ нельзя увлечь отвлеченными соображеніями; для пропаганды между нижними чинами нужны деньги, а денегъ нѣтъ ни у Екатерины, ни у Орлова. Деньги были добыты только въ мартѣ 1762 года и вотъ какимъ образомъ: 10-го февраля, А. Н. Вильбоа, бывшій нѣкогда камеръ-юнкеромъ великокняжескаго двора и удаленный за приверженность къ великой княгинѣ ¹⁾, былъ назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, на мѣсто умершаго П. И. Шувалова; въ концѣ февраля на открывшуюся ваканцію цальмейстера артиллерійскаго штата былъ предложенъ 27-милѣтній поручикъ Григорій Орловъ. Генералъ-поручикъ артиллеріи А. Я. Пурпуръ заявилъ-было, что не признаетъ возможнымъ предоставить столь отвѣтственную въ денежномъ отношеніи должность молодому поручику, къ тому же не пользующемуся безупречною репутаціею по своей частной жизни, но, узнавъ отъ Вильбоа, что этимъ назначеніемъ интересуется императрица, согласился, и Орловъ получилъ это мѣсто съ повышеніемъ изъ поручиковъ въ капитанъ ²⁾. Денежныя средства артиллерійской кассы были, сравнительно, весьма велики и въ значительной степени содѣйствовали пропагандѣ въ казармахъ, среди солдатъ.

Какой пропагандѣ? Какъ при жизни Елизаветы Петровны, такъ и въ первые мѣсяцы царствованія Петра III никакого точно опредѣленнаго плана не было; видѣлась только, и то въ очертавіяхъ

¹⁾ *Mémoires*, 67, 154. — ²⁾ *Rulhière*, 55; *Helbig, Günstl.*, 184; *Русская Старина*, LI, 10.

довольно общихъ, необходимость «оградить себя отъ всякихъ случайностей», Не только не была выработана подробная программа дѣйствию, даже цѣль, къ которой надлежало стремиться, не была ясно сознаваема. Сперва вопросъ шелъ только о томъ, чтобы имѣть, на случай нужды, хотя бы небольшую партію, которая не дала бы погибнуть безъ борьбы. Ни по образованію, ни по характеру, ни по положенію Григорій Орловъ не былъ человѣкомъ, съ которымъ можно было бы обсуждать вопросы подобнаго рода; для этого нуженъ былъ иной умъ, зрѣлый, опытный, просвѣщенный, требовался иной человѣкъ. Такой человѣкъ явился.

Великому князю Павлу Петровичу было четыре года, когда императрица ввѣрила его воспитаніе бывшему повѣреннымъ въ дѣлахъ при версальскомъ дворѣ Э. Д. Бехтѣву, человѣку серьезному и умному; спустя два года, въ 1760 году, Елизавета Петровна ищетъ уже лицо ¹⁾, которое могло бы замѣнить Бехтѣва, и борьба ея останавливается на Панинѣ.

Никита Ивановичъ Панинъ получилъ отличное по тому времени образованіе, много путешествовалъ, былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ, игралъ видную роль въ Стокгольмѣ, откуда только что возвратился. Онъ былъ избранникъ Бестужева, строгій послѣдователь его политической системы: съ переменою этой системы, когда Франція изъ врага стала союзникомъ Россіи, положеніе Панина въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ такъ успѣшно боролся противъ французскаго вліянія ²⁾, стало невыносимо—онъ не могъ поддерживать Франціи, какъ

¹⁾ L'Impératrice a été piquée du refus que le prince Pierre Galitzin a fait de la place de gouverneur du jeune Grand-Duc, qu'occupe M. Panin. Денета *Лопитала* отъ 5-го сентября 1760 года (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 65. f. 11*). Этотъ выборъ Панина представлялся всегда придворною загадкою: мѣсто оберъ-гофмейстера при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ приближало къ императрицѣ, между тѣмъ какъ въ это именно время, въ 1760 году, Шуваловы и Воронцовъ, враги Панина, были всемогущи. Кажется, выборъ долженъ былъ объясняться личнымъ вліяніемъ Елизаветы Петровны: она давно знала Панина, была даже къ нему равнодушна, что и заставило Шуваловыхъ добиваться его высылки изъ Петербурга, хотя бы и почетной—посланникомъ въ Копенгагенъ, когда ему было только 29 ть лѣтъ; теперь Панинъ не у дѣлъ, да и Шуваловымъ онъ уже не страшенъ — 42-хъ-лѣтній Панинъ не могъ уже быть конкурентомъ И. И. Шувалова.

²⁾ M-r Panin est un mauvais génie; instruit et stylé par M-r de Bestucheff il n'aime pas la France. Денета *Дворъжкура*, французскаго посланника въ

того требовалъ новый канцлеръ Воронцовъ, и былъ отозванъ. Ему не было тогда и 42-хъ лѣтъ: онъ былъ уже генералъ-поручикомъ и дѣйствительнымъ камергеромъ. Назначеніе его оберъ-гофмейстеромъ Павла Петровича, выражая довѣріе къ нему императрицы, приближало въ то же время Панина къ великой княгинѣ. По отношенію Бестужева къ Екатеринѣ, Панинъ всегда былъ сторонникомъ великой княгини, которая теперь, въ глазахъ Панина, получала новую заслугу: она до конца пребыла вѣрною Бестужеву и даже пострадала въ интригѣ, направленной противъ него Воронцовымъ и Пшуваловыми. Умный, спокойный Панинъ, ставъ воспитателемъ Павла Петровича, скоро убѣдился, что получавшія имъ еще въ Стокгольмѣ свѣдѣнія о положеніи великой княгини справедливы, и сблизился съ нею, сочувствовалъ ей, хотя и велъ себя крайне осторожно. Онъ давно уже видѣлъ, что воцареніе Петра Ѳеодоровича, этого «истаго прусака», поведетъ къ окончательному паденію той старой политической системы, на служеніи которой Панинъ воспитался, которую проводилъ въ Копенгагенѣ и за которую боролся въ Стокгольмѣ; онъ не могъ помириться съ союзомъ Россіи съ Франціею, какъ же долженъ онъ былъ смотрѣть на предстоящій союзъ съ Пруссіею?

Къ этимъ политическимъ соображеніямъ присоединились скоро и чисто личныя. Незадолго до смерти Елизаветы Петровны, у изголовья умирающей стояли великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, медикъ императрицы и Панинъ; великій князь сообщалъ медику, какъ онъ расправится съ датчанами, «какъ только умретъ государыня», и обратился къ Панину:

«— А ты какъ думаешь о томъ, что я сейчасъ сказалъ?»

«— Я не дослышалъ, ваше высочество, о чемъ шла рѣчь; я думалъ о печальномъ положеніи государыни.

«— А вотъ погоди немного, скоро я тебѣ ототкну уши и научу получше слушать».

Вскорѣ по воцареніи, Петръ III произвелъ генерала-поручика Панина въ генералы отъ инфантеріи, что обязывало къ участию

Стокгольмѣ, отъ 4-го января 1757 г. (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 51, f. 50*).
О дѣятельности Панина, какъ дипломата, см. «Бумаги Н. И. Панина» въ *Арх. кн. Воронцова, XXVI, 33*.

въ военныхъ экзерциціяхъ. Панинъ отказался отъ этой чести. Узнавъ объ отказѣ, императоръ сказалъ: «Меня увѣрили, что Панинъ умный человѣкъ: могу-ли я теперь этому вѣрить»? Наконецъ, въ концѣ марта, Петръ III предполагалъ отправить Панина опять въ Стокгольмъ, гдѣ онъ долженъ былъ теперь дѣйствовать прямо противъ тѣхъ началъ, которыя онъ проводилъ въ теченіи одинадцатилѣтняго пребыванія въ Швеціи ¹⁾).

Назначеніе Панина воспитателемъ Павла Петровича болѣе всего обрадовало Екатерину. Пустота, образовавшаяся по изгнаніи Бестужева, теперь заполнена; Панинъ — Бестужевъ № 2-й: онъ уменъ, сообразителенъ, остороженъ: съ нимъ можно говорить о государственныхъ дѣлахъ; онъ не введетъ въ бѣду, напротивъ—остережетъ при случаѣ. Разговоры Екатерины съ Панинымъ касались, конечно, и будущаго, причеъ выяснилось, что Панинъ противъ Петра Ѳеодоровича, но не за Екатерину, а за Павла Петровича. Насколько эти разговоры были часты и откровенны, можно судить по тому, что въ 1761 году, когда Елизавета Петровна часто уже бывала больна, Панинъ пришелъ однажды къ Екатеринѣ и рассказалъ ей свой разговоръ съ фаворитомъ Шуваловымъ. По словамъ Панина, Шуваловъ открылъ ему, что, по общему мнѣнію, Петръ Ѳеодоровичъ неспособенъ быть императоромъ, что воцареніе его будетъ бѣдствіемъ для Россіи, что, вслѣдствіе этого, всѣ желаютъ, чтобъ Елизаветѣ Петровнѣ наследовалъ Павелъ Петровичъ, но что одни предполагаютъ выслать изъ Россіи только отца его, другіе же отца и мать. Въ отвѣтъ на это откровеніе Шувалова, Панинъ категорически отвергъ всѣ подобныя «проекты», говоря, что «того перемѣнить не можно, что двадцать лѣтъ всѣми клятвами утверждено». Передавая такъ свой разговоръ съ Шуваловымъ, Панинъ высказалъ Екатеринѣ, уже какъ свое личное мнѣніе, что если больной Елизаветѣ Петровнѣ предложить выслать отца, а оставить мать съ сыномъ, «то большая въ томъ вѣроятность, что она на то склонится можетъ» ²⁾. Потерялъ-ли бывалый Шуваловъ на столько

¹⁾ *Asseburg*, 316; *Русс. Архивъ*, 1879, I, 363; *Арх. кн. Воронцова*, XXI, 43; депеша Голца отъ 30-го марта 1762 г.; *Щебальскій*, 50. — ²⁾ *Русс. Архивъ*, 1763, 383 (566); *Сборникъ*, XLII, 434. Черновая «собственноручная записка» Екатерины сохранилась съ помарками и сокращеніями; издатели восполнили всѣ сокращенія, кромѣ послѣдняго: «у п. н. я., что у т.

голову въ моментъ болѣзни Елизаветы Петровны, чтобъ такъ легкомысленно откровенничать съ своимъ врагомъ, Панинымъ. зная напередъ, что получитъ отъ него въ отвѣтъ категорическій отказъ съ указаніемъ на долгъ присяги, или осторожнѣйшій Панинъ вложилъ въ уста вѣспѣльнаго фаворита свое личное мнѣніе — все равно: остается несомнѣннымъ, что еще при жизни Елизаветы Петровны Екатерина обсуждала уже съ Панинымъ вопросъ о своемъ будущемъ положеніи. Въ царствованіе же Петра III Панинъ категорически высказалъ свое мнѣніе, и оно вполне совпадаетъ съ тѣмъ, что онъ ранѣе приписывалъ Шувалову: «Панинъ хотѣлъ, чтобъ переворотъ совершился въ пользу моего сына» ¹⁾), пишетъ Екатерина.

Не смотря на выработанную жизнью осторожность и на природную флегму Панина, онъ, какъ человекъ, по своему придворному положенію близкій Екатеринѣ, не могъ не обсуждать съ нею ея будущаго положенія, когда объ этомъ думали и говорили съ великою княгиней лица, совершенно ей чужіе, мало даже знавшіе Екатерину.

Въ 1750 году, ко двору были приняты двѣ дочери графа Романа Воронцова: 14-ти-лѣтняя графиня Марья Романовна была сдѣлана фрейлиною императрицы и позже вышла замужъ за графа Бутурлина; 11-ти-лѣтняя сестра ея, графиня Елизавета Романовна, была помѣщена къ великой княгинѣ и впоследствии разыгрывала роль любовницы великаго князя ²⁾). Положеніе, занятое графинею Елизаветою Романовною, вполне уже опредѣлилась, когда Екатерина увидѣла младшую ихъ сестру, графиню Екатерину Романовну.

Крестница императрицы и великаго князя, графиня Екатерина Воронцова жила въ домѣ своего дяди, вице-канцлера графа Ворон-

н. у., т. е.: у пьянаго на языкѣ, что у трезваго на умѣ. *Castéra*, I, 218; *Rulhière*, 66.

¹⁾ *Jacob*, 4; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 415; *Laveaux*, I, 248; *Goudar*, 33; *Rulhière*, 66. — ²⁾ *Mémoires*, 128, 248, 277, 289. Строгий, повидимому, отзывъ Екатерины о фрейлинѣ графинѣ Елизаветѣ Воронцовой подтверждается очевидцами: *Гордтъ*, 318; *Beauclair*, 94; *Rulhière*, 32; *Masson*, I, 254; какъ ошибается *Гордтъ*, 322, такъ и *Волотовъ*, II, 195, не могъ видѣть ее въ апрѣлѣ «въ екатерининской алой кавалеріи», которую она получила только 9-го іюня 1762 года: депеша *Мерси Аржанто* въ *Сборникъ*, XVIII, 400; *Карабаковъ*, 472.

цова и воспитывалась вмѣстѣ съ его дочерью, графиней Анною Михайловною, своею двоюродною сестрою. Воспитаніе юныхъ графинь ограничивалось усвоеніемъ иностранныхъ языковъ и умѣньемъ танцовать. Графиня Екатерина Романовна едпа говорила по-русски и уже будучи замужемъ стала изучать русскій языкъ. Она любила чтеніе и все свободное время, а его было много, проводила за книгами ¹⁾. Осенью 1758 года, на вечерѣ у гр. М. П. Воронцова, великая княгиня впервые увидѣла 15-ти-лѣтнюю его племянницу, уже невѣсту князя Дашкова, и очаровала ее своею любезностью. Вскорѣ послѣ свадьбы, въ 1759 году, княгиня Дашкова уѣхала въ Москву, гдѣ, въ семьѣ мужа, прожила два года и только въ юлѣ 1761 года возвратилась въ Петербургъ. Въ это время императрица жила въ Петергофѣ, великая княгиня—въ Ораніенбаумѣ, а княгиня Дашкова—между Ораніенбаумомъ и Петергофомъ, на дачѣ дяди, канцлера Воронцова. Съ разрѣшенія императрицы, великая княгиня каждую недѣлю прѣзжала въ Петергофъ навѣстить сына; на возвратномъ пути, она останавливалась иногда у дачи гр. Воронцова, вызывала княгиню Дашкову и увозила ее съ собою въ Ораніенбургъ на цѣлый вечеръ. Съ переѣздомъ двора въ городъ, и эти по времени немногочисленныя свиданія прекратились.

За нѣсколько дней до кончины Елизаветы Петровны большая княгиня Дашкова ночью явилась во дворецъ къ великой княгинѣ которая была уже въ постели. «Я не могу быть спокойною, говорила Дашкова, видя грозовыя тучи, скопляющіяся надъ вашей головой. Бога ради, довѣрьтесь мнѣ: я достойна вашего довѣрія и надѣюсь заслужить его еще болѣе—скажите, какой вамъ плачъ? Что вы думаете дѣлать для своей безопасности? Императрицѣ остается жить лишь нѣсколько дней, быть можетъ нѣсколько часовъ; если я могу быть вамъ полезною—приказывайте, руководите мною» ²⁾.

Такія рѣчи, ночью, во дворцѣ, въ устахъ 17-ти-лѣтней Дашковой сразу образумили Екатерину, понимавшую, что съ государственными переворотами шутить нельзя—Екатерина отреклась отъ всего: никакого плана у нея нѣтъ, она полагается только на Бога...

¹⁾ *Арх. кн. Воронцова*, XVI, 64; XXI, 10; XXXII, 103. — ²⁾ *Арх. кн. Воронцова*, XXI, 32; *Rulhière*, 57.

Екатеринѣ 33-й годъ. Она сознательно относится къ окружающимъ ее лицамъ, вполне понимаетъ совершающіяся вокругъ нея событія. 17 лѣтъ, проведенныя ею въ Россіи, не пропали даромъ—она сжилась съ русскимъ дворомъ, сама стала русскою, являе многихъ русскихъ людей видить куда поведетъ Россію ея супругъ, наследникъ императрицы, и ужь, конечно, лучше всѣхъ сознаетъ, что ожидаетъ ее по смерти Елизаветы Петровны.

Со времени «царскосельскаго припадка», въ настроеніи духа императрицы замѣчается значительная переменна. Всегда веселая, живая, охотница до развлеченій всякаго рода, она становится теперь серьезнѣе, рѣже участвуетъ въ придворныхъ увеселеніяхъ, охотнѣе остается во внутреннихъ покояхъ, строже соблюдаетъ посты, усерднѣе прежняго молится, но, по-прежнему, ведетъ вредный для ея здоровья, неправильный образъ жизни: ночь превращаетъ въ день, день—въ ночь ¹⁾). Подробности частной жизни Елизаветы Петровны интересовали въ то время всю Европу; ни

¹⁾ L'Impératrice ne connaît point d'heures réglées; Elle soupe à minuit et se couche à 4 h. du matin. Elle mange beaucoup et fait souvent des jeunes très long et très austères. Depuis peu Elle est tombée dans une dévotion si grande et si singulière qu'elle tient plus de l'idolâtrie que de la religion. Денема Лопитала, отъ 24-го декабря 1757 года (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 54, f. 159*). Спустя годъ, въ депешѣ отъ 6-го января 1759 года: L'Impératrice est tombée dans une superstition singulière. Elle reste des heures entières devant une image à laquelle Elle a grande dévotion—Elle lui parle, Elle la consulte. Elle vient à l'opera à 11 heures du soir, soupe à une heure et se couche à 5 heures (*Ibid.*, vol. 59, f. 7). Лаферрьеръ, 190.

для кого не было тайной, что кончина императрицы станетъ политическимъ событіемъ, которое измѣнитъ ходъ военныхъ дѣлъ. Какъ въ Берлинѣ и Лондонѣ, такъ въ Парижѣ и Вѣнѣ были убѣждены, что преемникъ императрицы совершенно и рѣзко измѣнитъ русскую политику, и если не обратитъ русскаго оружія противъ союзниковъ, то, во всякомъ случаѣ, немедленно прекратитъ всѣ враждебныя дѣйствія противъ Пруссіи. Особенно опасались смерти императрицы въ Копенгагенѣ: очевидно, что великій князь, ставъ императоромъ, заговоритъ о голштинскихъ дѣлахъ уже инымъ языкомъ. Но нигдѣ этой перемены не ожидали съ такимъ напряженнымъ волненіемъ, какъ въ Петербургѣ, преимущественно же въ покояхъ великой княгини.

Въ послѣднее время Елизавета Петровна вполне примирилась съ Екатериной, относилась къ ней довольно милостиво. Какъ и прежде, Екатерина не преувеличивала значенія этой милости: «Поздравляю себя, пишетъ она, съ рождающеюся милостью ко мнѣ, но я должна въ ней сомнѣваться — мнѣ будутъ всегда льстить, когда и сколько будутъ недовольны великимъ княземъ» ¹⁾. Елизавета Петровна давно уже недовольна великимъ княземъ. «Племянникъ мой уродъ, чортъ его возьми» и т. под. ²⁾ восклицанія слышались еще три года назадъ; въ послѣднее же время, увлеченіе великаго князя Фридрихомъ II, противъ котораго Россія вела войну, особенно раздражало и печалило императрицу. Французская партія хотѣла воспользоваться этимъ неудовольствіемъ Елизаветы Петровны на своего племянника, и въ самомъ началѣ 1761 года французскій посланникъ Бретэль имѣлъ по этому поводу любопытный разговоръ съ канцлеромъ Воронцовымъ.

Посланникъ заявилъ канцлеру, что въ городѣ упорно держится слухъ, будто императрица намѣрена назначить своимъ преемникомъ великаго князя Павла Петровича, устранить отъ престола своего племянника, которымъ она недовольна. Воронцовъ былъ нѣсколько смущенъ подобнымъ вопросомъ, къ тому же поставленнымъ такъ рѣзко, но скоро оправился и сказалъ, что императрица и въ мысляхъ никогда не имѣла ничего подобнаго, хотя, прибавилъ канцлеръ, онъ не можетъ отрицать, что императрица ненавидитъ ве-

¹⁾ Сборникъ, VII, 98. — ²⁾ Mémoires, 329.

ликаго князя, своего племянника, и что Петръ Федоровичъ причиняетъ императрицѣ крайне несносныя огорченія. Тогда Бретэлю передалъ Воронцову, со словъ датскаго посланника Остена, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Екатерины, что великая княгиня не разъ увѣряла барона Остена, что она предпочитаетъ быть матерью императора, чѣмъ супругою, и что она считала бы счастливейшимъ днемъ своей жизни тотъ день, когда императрица рѣшилась бы отстранить отъ престола ея супруга и возложить корону на голову ея сына; великая княгиня надѣется, что въ этомъ случаѣ она имѣла бы болѣе власти и болѣе участія въ управленіи странюю, чѣмъ оставаясь супругою императора. Воронцовъ не отрипалъ этого взгляда великой княгини, сказалъ Бретэлю, что его свѣдѣнія въ этомъ отношеніи совершенно точны, и прибавилъ, что великая княгиня вполне способна внушить императрицѣ ту смѣлость, которая необходима, чтобъ принять подобное рѣшеніе ¹⁾.

Въ какой формѣ ни происходилъ бы этотъ разговоръ — воилицѣ довѣрять Бретэлю нельзя — важно, однако, что канцлеръ Воронцовъ выслушиваетъ подобныя рѣчи о видахъ великой княгини на будущее. Французская партія заботилась, конечно, не о Екатеринѣ, а объ интересахъ Франціи. Каждое извѣстіе о болѣзненныхъ припадкахъ Елизаветы Петровны приводятъ въ ужасъ французскаго посланника именно по отношенію къ великому князю, какъ противнику антипрусской коалиціи; какъ бы въ видѣ утѣшенія, Бретэлю прибавляетъ, что великій князь ненавидимъ всѣми, но сознаетъ, что, въ случаѣ его вопаренія, рабское послушаніе и страхъ обуяютъ всѣми, какъ было и при вопареніи Елизаветы Петровны ²⁾.

¹⁾ Денеша *Бретэля*, отъ 15-го февраля 1761 г., въ *Париж. Архивъ, Russie*, vol. 66. f. 47; *Castéra*. I, 219.

²⁾ Dans les circonstances présentes le malheur de voir l'Impératrice mourir ne serait pas petit, car plus je vois le Grand-Duc, plus je m'informe de ses sentimens et plus je suis autorisé à penser qu'ils sont bien éloignés d'être favorable ou même raisonnable, sur les vues de notre alliance. Денеша отъ 23-го июля 1761 года (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 62, pièce 66; vol. 67, pièce 83). Въ денешѣ отъ 25-го сентября, извѣщая, что императрица не выходитъ уже изъ комнаты: M le Grand-Duc, craint et méprisé de ses futurs sujets, haï de sa bienfaitrice (*Ibid.*, vol. 66, pièce 73). Въ денешѣ отъ 7-го декабря: Quand j'exhame la baine de la nation pour le Grand-Duc, les écarts de ce prince, je suis tente de voir la révolution la plus entière; mais quand je fais attention à

Партія прусская, ничтожная числомъ и къ тому же обязанная скрывать свои симпатіи, напротивъ, возлагала всѣ свои надежды на воцареніе Петра Федоровича. Только смерть Елизаветы Петровны могла спасти Фридриха II. Въ Берлинѣ хорошо знали, что фаворить Шуваловъ хлопоталъ уже о присоединеніи занятой русскими войсками Восточной Пруссіи, тая скромное желаніе титуловаться «duc de Prusse»¹⁾: Виронъ, фаворить Анны Ивановны, сталъ же герцогомъ Курляндскимъ; Кириллъ Разумовскій, братъ его предѣлника, носить же титулъ гетмана Украины — отчего же Шувалову не быть герцогомъ Прусскимъ?

Съ тѣхъ поръ какъ, въ февралѣ 1760 года, великій князь подалъ императрицѣ письменный отзывъ по датско-голландской распрѣ, въ которомъ онъ категорически заявилъ, что никогда не откажется отъ своихъ правъ на Шлезвигъ и ни на что не промѣняетъ свою Голштинію²⁾, въ Даніи начали готовиться ко всякимъ случайностямъ: подкупили Брокдорфа, заручились содѣйствіемъ Франціи, приготовились секвестровать всю Голштинію и, по мѣрѣ получения извѣстій о болѣзненныхъ припадкахъ Елизаветы Петровны, вооружали войска и наполняли магазины, будучи увѣрены, что эта распря приведетъ къ войнѣ. Въ Копенгагенѣ не могли ошибаться на этотъ счетъ: еще осенью 1761 года великій князь рѣшилъ и ни отъ кого не скрывалъ своего намѣренія лично вести войска противъ Даніи на защиту своихъ голштинскихъ земель³⁾.

la tournure pusillanime et basse des gens à portée de lever le masque je vois la crainte et l'obéissance servile prendre le dessus avec la même tranquillité qu'au moment de l'usurpation de l'Impératrice (*Ibid.*, vol. 67, f. 149).

¹⁾ Объ этомъ герцогъ Шуваловъ извѣщаетъ Бретана въ рескриптѣ отъ 6-го октября 1760 г. (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 63, pièce 12). Въ депешѣ Бретаня отъ 22-го июля рассказывается, какъ, однажды, фаворить Шуваловъ, въ присутствіи доктора Кондиди, соблазняетъ Елизавету Петровну присоединеніемъ Восточной Пруссіи, говоря, что вся Германія будетъ у ея ногъ, когда русскія войска будутъ стоять наготовѣ въ Келигсбергѣ, на что императрица замѣтила своему фавориту: «Taisez vous—vous êtes un enfant; nous ne Favons pas encore, et nous nous en sommes bien passés jusqu'ici» (*Ibid.*, vol. 63, pièce 6).

²⁾ М. le Grand-Duc a remis sa réponse à l'Impératrice sur l'échange du Holstein: ce prince persiste à conserver tous ses prétendus droits sur le duché de Sleswick et veut garder le Holstein. Денеша отъ 18-го февраля 1760 г. (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 64, pièce 2). Приложение VIII, 3.

³⁾ Le Danemark a promis 250 mille livres à M. Broedorf pour récompense

Екатерина, своимъ поведеніемъ въ это время, ясно доказала и пріобрѣтенный ею жизненный опытъ, и полное сознание своихъ поступковъ. Ея отношенія къ представителямъ иностранныхъ дворовъ обрисовывали ея политическій смыслъ; ея связи съ наиболѣе вліятельными при императрицѣ лицами и съ выдающимися русскими людьми показывали ея житейскій тактъ.

Въ то время какъ великій князь грубо отталкивалъ всѣ датскія предложенія, не желая даже входить въ ихъ обсужденіе, Екатерина оказывала наибольшее довѣріе именно датскому посланнику, барону Остену ¹⁾. Великимъ княземъ руководили въ данномъ случаѣ не какія-либо государственныя соображенія, не интересы Россіи ²⁾, а мелочной, совершенно неумѣстный партикуларизмъ, вредный, прежде всего, для него самого, какъ наследника русскаго престола. Онъ изъ-за Голштиніи не видѣлъ Россіи и командованіе отрядомъ войскъ ставилъ выше управленія имперіей. Екатерина не безъ тайнаго злорадства услышала о желаніи великаго князя лично вести войска противъ Даніи: великая княгиня хорошо знала, что онъ никогда не посмѣетъ даже предложить подобную цѣльбость императрицѣ и что Елизавета Петровна ни въ какомъ случаѣ не согласится на подобный «преlestный проектъ» ³⁾; но Екатерина также твердо

de ses succès. Депеша отъ 15-го февраля 1761 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 66, pièce 13). Promemoria remis par M. Schumacher, ministre-résident de Danemark; Articles pour la négociation avec le Grand-Duc (*Ibid.*, vol. 67, pièce 42). Въ депешѣ отъ 17-го июня 1761 года: Le Grand-Duc pris depuis quelques jours de l'alarme sur son Holstein. Il lui revient de toutes parts que le roi de Danemark veut le mettre en sequestre (*Ibid.*, vol. 67, pièce 71). Въ депешѣ отъ 15-го ноября 1761 года приводятся слова канцлера Воронцова: Le Grand-Duc s'est mis dans la tête que l'Impératrice devait envoyer dans le Holstein 15 ou 20 mille hommes pour le défendre contre le roi de Danemark s'il voulait s'en emparer, et Son Altesse Impériale veut les aller commander (*Ibid.*, vol. 67, pièce 138).

¹⁾ Депеша *Бретеля* отъ 15-го февраля 1761 года, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 66, pièce 13.

²⁾ L'amour de la Russie, celui que ce prince devrait aux alliés de cet empire, n'entre pour rien dans ses calculs, et la raison d'état ou de convenance lui sont également inconnues. M. de Woronoff me disait encore hier, que c'était parler à un sourd. Депеша *Бретеля*, отъ 24-го сентября 1761 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 67, pièce 97).

³⁾ M. le Grand-Duc n'a point encore osé faire cette proposition peu raisonnable à l'Impératrice, mais il s'en est ouvert avec chaleur au chambellan et il

была увѣрена, что великій князь, упрямый и капризный, не откажется отъ этой желѣпой мысли, засѣвшей въ его мозгахъ, и рано или поздно приведетъ ее въ исполненіе. Этою желѣпостью Екатерина воспользуется; какъ и въ какой мѣрѣ — это покажутъ ближайшія обстоятельства. Не даромъ же Панинъ и другіе построили весь успѣхъ своихъ намѣреній именно на отъѣздѣ Петра Федоровича въ датскій походъ.

Съ англійскимъ посланникомъ Кейтомъ Екатерина сблизилась тотчасъ же по приѣздѣ его въ Петербургъ и, быть можетъ, по указанію Уильямса, сблизилась настолько, что вскорѣ же заняла у него небольшую сумму денегъ. Екатерина всегда нуждалась въ деньгахъ, но въ то время эта нужда была особенно чувствительна вовсе не по политическимъ цѣлямъ¹⁾, а по чисто домашнимъ. Кейтъ, однако, не слѣдовалъ по стопамъ своего предшественника: онъ завелъ сношенія съ великимъ княземъ, чего уже было совершенно достаточно, чтобъ оттолкнуть отъ себя великую княгиню, хотя она, вѣроятно, и не знала о шпионствѣ великаго князя при посредствѣ Кейта.

Къ французскому и австрійскому посламъ, особенно къ французскому, великая княгиня относилась въ высшей степени привѣтливо и не опускала случая оказывать имъ всякія любезности съ тѣхъ поръ, какъ французское правительство выказало свою предупредительность по поводу дѣлъ ея матери, умершей въ Парижѣ. Прося барона Бретеля передать королю Людовику XV о ея уваженіи и признательности, она прибавила: «Я рождена не неблагодарною и воспитана въ любви къ французской націи, которой я наиболѣе сочувствовала; теперь ваши услуги вновь возродили во мнѣ

l'a chargé de la communiquer au chancelier de façon à lui faire sentir qu'il le rendrait responsable des obstacles que l'impératrice mettrait à ce beau projet. Депеша *Бретеля*, отъ 15-го ноября 1761 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 67. pièce 138).

¹⁾ М. Keith dans les premiers temps de son séjour ici prêta de l'argent à cette princesse se flattant alors qu'il gagnait par là le premier ressort des affaires au changement du règne. Депеша *Гольца* отъ 6-го іюля 1762 г. (*Берлин. Архивъ*, Russland, 1762). Это объясненіе свидѣтельствовало бы о легкомысленности Кейта; но оно, вѣроятно, принадлежитъ Гольцу и также невѣрно, какъ извѣстіе, будто Екатерина, уже по возвращеніи Петра III, обращалась къ Кейту съ просьбою о займѣ. *Щебальскій*, 60.

это чувство» и т. д.¹⁾ Бретэль, вовсе не рожденный быть дипломатомъ, объясняетъ эту склонность великой княгини къ Франціи желаніемъ Екатерины достигнуть, при посредствѣ французскаго вліянія, возвращенія графа Понятовскаго въ Петербургъ²⁾;— Бретэль, очевидно, и не подозрѣвалъ о значеніи артиллерійскаго капитана Орлова.

Вообще, въ это время, на придворныхъ выходахъ и куртагахъ, при всѣхъ предствлявшихся случаяхъ, великая княгиня охотно высказывала свои взгляды, какъ бы желая, чтобъ ее узнали, чтобъ ее мнѣнія стала общепознѣсны³⁾. Екатерина вѣрно рассчитала — она могла отъ этого только выиграть, тѣмъ болѣе, что императрица, часто уже недомогавшая, рѣдко присутствовала на публичныхъ куртагахъ и ея подозрительность не сдерживала болѣе великую княгиню.

Осенью 1761 года, незадолго до смерти Елизаветы Петровны, довольно ничтожное обстоятельство — нарушеніе придворнаго этикета, *l'étiquette du baiser de main* — чрезвычайно рельефно обрисовало положеніе Екатерины и отношеніе къ ней какъ императрицы, такъ и русскихъ людей, бывшихъ въ то время у власти. При дворѣ Елизаветы Петровны установился обычай, что 24 ноября, въ день св. Екатерины, во время принесенія поздравленій велико-

¹⁾ Je ne suis point née ingrate... J'ai été élevée pour aimer les français; j'ai eu longtemps un goût de préférence pour eux et c'est un sentiment que vos services me rendront etc. Денеша *Бретэля*, отъ 5-го сентября и 26-го ноября 1760 г. (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 63, pièce 19 et 43*). Денеша отъ 22-го іюля 1761 года: M. la Grande-Duchesse m'assure souvent de ses sentiments pour le roi, de son goût renaissant pour la nation (*Ibid.*, vol. 67, pièce 75).

²⁾ Денеша отъ 2-го августа 1760 года, въ *Париж. Архивъ, Russie, vol. 63, pièce 10*. Даже въ денешѣ отъ 30-го января 1761 года встрѣчается слѣдующее мѣсто: M. Poniatowski a envoyé ses lettres de rappel. Cet événement n'a pas fait la sensation d'humeur que l'on croyait sur M. la Grande-Duchesse. Je suppose que cette retenue est plutôt de fruit de la réflexion que de l'inconstance (*Ibid.*, vol. 62, pièce 42).

³⁾ M. la Grande-Duchesse parle beaucoup aux personnes qui ne lui déplaisent pas et veut même qu'on la connaît. Vous en sentez toutes les raisons— elle tient autant à son caractère décidé qu'à son état d'héritière. Денеша *Бретэля* отъ 18-го сентября 1760 г. (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 63, pièce 22*). L'absence de l'Impératrice M. la Grande-Duchesse s'y trouve plus à son aise. Денеша отъ 22-го октября 1761 года (*Ibid.*, vol. 67, pièce 127).

княжеской четѣ съ тезоименитствомъ великой княгини, всё цѣлуютъ руку не только великой княгини, но и великаго князя, который, въ отвѣтъ на это обнимаетъ. Въ 1760 году, представители французскаго двора нарушили этотъ этикетъ: супруга французскаго посла, г-жа Бретэль, не поцѣловала руку великой княгини, а посоль Бретэль не поцѣловалъ руку великаго князя. Это, конечно, было замѣчено всѣми; при великокняжескомъ дворѣ поднялись толки, пересуды. Разговаривая съ австрійскимъ посломъ, гр. Эстергази, Екатерина призналась, что даже не обратила на это вниманія—ей придворные уже сказали, что г-жа Бретэль дѣйствительно не поцѣловала у нея руки; но, прибавила она, великій князь хорошо замѣтилъ, что Бретэль не поцѣловалъ его руки. Такъ, разговорами, вѣрнѣе сказать ничѣмъ, дѣло и окончилось: въ 1760 году ни императрица, ни вліятельные ея царедворцы не считали нужнымъ обратить вниманіе на нарушеніе этикета по отношенію къ великокняжеской четѣ¹⁾. Спустя годъ, значительно меньшее нарушеніе этикета, касавшееся одной только великой княгини, и не въ день ея тезоименитства, а во время простаго куртага, подняло цѣлую бурю.

Лѣтомъ 1761 года прибыло въ Петербургъ испанское посольство—резидентъ маркизъ Альмодаваръ съ супругою. Въ августѣ была приемная аудіенція, а на 30-е сентября былъ назначенъ первый куртагъ, на который былъ приглашенъ испанскій резидентъ съ супругою. Отправляясь на куртагъ, испанцы задумались: должна-ли жена резидента, маркиза д'Альмодаваръ, цѣловать руку у великой княгини? При отъѣздѣ изъ Мадрида резиденту сказали, чтобъ онъ, относительно этикета, сообразовался во всемъ съ указаніями французскаго посла Бретэля; испанцы спросили у француза, французъ сказалъ, что не должна. Явились на куртагъ. Маркизъ поцѣловалъ руку императрицы и великой княгини: маркиза же только у императрицы. Не смотря на то что оберъ-церемоніймейстеръ баронъ Лефорть напомнилъ маркизѣ о необходимости поцѣловать руку у великой княгини, маркиза сдѣлала видъ, что не слышитъ этого напоминанія, и ограничилась поклономъ. Импера-

¹⁾ Случай этотъ разсказанъ въ депешѣ Бретэля отъ 7-го октября 1760 г.; разговоръ Екатерины съ графомъ Эстергази законченъ словами: Je n'avait pas fait attention, cest tout le monde qui me l'a dit; mais le Grand-Duc a tres bien remarqué (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 63, pièce 48*).

трица, фаворитъ Шуваловъ, канцлеръ Воронцовъ—все возмутились такимъ нарушеніемъ этикета, сопряженнымъ съ неуваженіемъ къ великой княгинѣ. На другой же день, канцлеръ потребовалъ у испанскаго резидента объясненій; резидентъ сослался на Бретэля, указанія котораго ему предписано слѣдовать. Вызвали Бретэля, Французскій посланникъ никогда еще не видѣлъ канцлера въ такомъ возбужденномъ состояніи: даже самый серьезный политическій вопросъ никогда еще не обсуждался канцлеромъ съ такимъ жаромъ, какъ этотъ вопросъ пустого тщеславія. Графъ Воронцовъ заявилъ, что обычай цѣловать руку великой княгини установленъ съ 1726 года; что жены саксонскаго и польскаго резидентовъ цѣловали, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, руку принцессы Анны, которая даже не титуловалась императорскимъ высочествомъ. Баронъ Бретэль не противорѣчилъ, но замѣтилъ, что необходимо же дѣлать относительно знаковъ почтенія различіе между императрицей и великой княгиней. Канцлеръ согласился съ этимъ, но указалъ на женъ резидентовъ датскаго и голландскаго, которыя цѣлуютъ же руку великой княгини. Бретэль объяснилъ это такъ: жена датскаго резидента цѣлуетъ руку по родству датской династии съ голштинскою, а жена голландскаго потому, что сама русская уроженка. Въ переговорахъ принялъ участіе и присутствовавшій при этомъ фаворитъ Шуваловъ: онъ допускалъ, что маркизъ Альмодаваръ и баронъ Бретэль могутъ никогда не цѣловать руку великаго князя, но съ жаромъ доказывалъ необходимость, чтобъ жены ихъ цѣловали руку великой княгини. Бретэль на это возразилъ: «по отношенію къ великой княгинѣ наши жены то же самое, что мы по отношенію къ великому князю»¹⁾. Шуваловъ и Воронцовъ находили этотъ взглядъ ошибочнымъ. Обѣ стороны остались при своихъ мнѣніяхъ.

Бретэль помнилъ случаи, бывшіе съ нимъ годъ назадъ, и былъ

¹⁾ Cette aventure a excité le cri général de la vanité... Il faut pourtant mettre une différence dans ces démonstrations respectueuses entre l'Impératrice et la Grande-Duchesse... Le chancelier n'a paru plus vif sur cette tracasserie qu'il ne l'est pour l'ordinaire sur des choses plus sérieuses... Nos femmes sont par rapport à M. la Grande-Duchesse ce que nous sommes par rapport au Grand-Duc. Депеша *Бретэля*, отъ 22-го октября 1761 года (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 67, pièces 126).

убѣждаетъ, что и нынѣшній кончится тоже ничѣмъ. Онъ очевидно, не звалъ, насколько возросло за этотъ годъ значеніе великой княгини. Между тѣмъ, самая процедура дѣла, по своей необыкновенной спѣшности, свидѣтельствовала, что на эту «авантюру» обращено особенное вниманіе: куртагъ состоялся 30-го сентября; 6-го октября происходило объясненіе съ Бретэлемъ; 7-го секретарь церемоніймейстерскихъ дѣлъ ассессоръ Рѣшетовъ объявилъ маркизу Альмодавару и барону Бретэлю, что впредь ихъ жены на куртаги приглашаемы не будутъ, а 9-го октября былъ уже отправленъ къ русскому представителю въ Парижѣ графу П. Г. Чернышеву грозный рескриптъ императрицы съ подробнымъ разъясненіемъ, какую «подалъ намъ королевской французской полномочной министръ баронъ Бретэль причину къ справедливому неудовольствію». Подобный же рескриптъ, съ требованіемъ удовлетворенія, былъ въ тотъ же день изготовленъ и князю Репнину, русскому полномочному министру въ Мадридѣ.

Въ рескриптѣ графу Чернышеву сообщалось, что баронъ Бретэль и его жена, «вопреки установленному единожды на всегда при дворѣ напемъ обыкновенію, которое общимъ и безспорнымъ чрезъ столь долгое время послѣдованіемъ со стороны бывшихъ здѣсь прежде и нынѣ дѣйствительно находящихся министровъ коронованныхъ главъ получило издавна силу неотмѣннаго правила» *вздумали* не цѣловать руки «у ея императорскаго высочества великой княгини напей любезнѣйшей племянницы». Послѣ пространнаго историческаго разъясненія этого «обыкновенія» слѣдовало шифрованное повелѣніе: «высочайше повелѣваемъ мы вамъ формальное сдѣлать королевскому французскому министерству представленіе, что мы за опытъ особливаго къ намъ съ королевской стороны уваженія почтемъ, есть-ли бы его величество барона Бретэля отозвать, а на его мѣсто кого другого опредѣлить извоилъ» ¹⁾.

Быстрота разслѣдованія, рѣзкій тонъ рескрипта и требованіе отозванія—все свидѣтельствуетъ, что великая княгиня пользуется милостью императрицы, что не только канцлеръ Воронцовъ, но и фаворитъ Шуваловъ стараются угодить великой княгинѣ. Поведеніе

¹⁾ Русск. Архивъ, 1870, стр. 1417.

нiе Бретэля вызвало неудовольствiе во всѣхъ сторонникахъ Екатерины.

Бретэлемъ были недовольны и въ Парижѣ. Графъ Броули, министръ иностранныхъ дѣлъ, упрекалъ французскаго представителя въ Петербургѣ, что онъ «обо всемъ извѣщалъ слишкомъ поздно» и въ длинномъ письмѣ перечислялъ рядъ промаховъ, сдѣланныхъ Бретэлемъ съ конца 1761 года ¹⁾. Въ данномъ случаѣ, Бретэль, полагаясь, вѣроятно, на постоянную любезность къ нему Екатерины, не придавалъ серьезнаго значенiя «авантюръ» ²⁾, которая, однако, набросила довольно темную тѣнь на его дипломатическую карьеру. Въ концѣ 1761 года онъ самъ считалъ необходимымъ объяснить своему министерству, почему постоянно сообщая въ своихъ депешахъ о Екатеринѣ, о ея взглядахъ, отзывавъ и поступкахъ, онъ ни разу въ теченiе всего года не упоминалъ о Петрѣ Федоровичѣ: «поведенiе великаго князя до такой степени жалко, что о немъ нельзя говорить въ выраженiяхъ, которыя не нарушали бы должнаго къ его сану уваженiя» ³⁾; и, тѣмъ не менѣе, онъ не былъ въ состоянiи оцѣнить поведенiе великой княгини. Бретэль проглядѣлъ Екатерину. Какъ и его предшественникъ, онъ видѣлъ спасенiе Россiи только въ «явленiи второго Петра Великаго», сознавалъ, что «вторымъ Петромъ никогда, конечно, не будетъ Петръ Федоровичъ» ⁴⁾; но какъ Бретэль, такъ и Лошталъ не предполагали, что роль, предназначаемая ими для мужчины, можетъ быть съ

¹⁾ Le comte de Broglie au baron de Breteuil, вь Париж. Архивъ, Russie, vol. 62, pièce 71.

²⁾ Бретэль, въ депешѣ отъ 22-го октября 1761 года, сообщаетъ, что хотя Екатерина и стоитъ за обычай цѣлованiя руки, но не ставитъ ему въ вину зпядодъ 30-го сентября: Elle est plus aimable avec moi que jamais (Париж. Архивъ, Russie, vol. 67, pièce 127).

³⁾ Je ne vous parle presque jamais de M. le Grand-Duc — sa conduite est si pitoyable qu'on pourrait difficilement en rendre compte dans des termes qui n'offensassent pas le respect dû à sa dignité. Денеша Бретэля, отъ 22-го окт. 1761 г. (Париж. Архивъ, vol. 67, pièce 127).

⁴⁾ Cette cour ne ressemble à rien par les lenteurs et les incertitudes; tout semble aller comme il plaît à Dieu—c'est assez dire. Il n'y a ni fonds, ni principes. Chaque événement confirme cette vérité. Le despotisme et la barbarie prennent à grands pas leurs droits. Il faudrait qu'il revint un second Pierre le Grand et ce ne sera certainement pas le Grand-Duc de Russie. Денеша отъ 14-го июня 1758 года (Париж. Архивъ, Russie, vol. 56, f. 298).

успѣхомъ разыграна тою женщиною, которая такъ мило любезничала съ ними.

Да и откуда имъ было знать Екатерину? Весь 1760 годъ она прожила въ уединеніи, никого не принимая. Она много въ это время читала, еще болѣе думала, обсуждая свое положеніе, и, по временамъ, набрасывала свои мысли на бумагу. Доступъ къ ней былъ очень труденъ, и кромѣ фрейлинъ, которымъ она не симпатизировала, только графиня Прасковья Александровна Брюсъ ¹⁾ часто видѣла великую княгиню. Они были однихъ лѣтъ и скоро подружались. Только графиня Брюсъ знала о сношеніяхъ своей подруги съ Орловымъ; только ей были извѣстны ихъ свиданія, ихъ связь. Не только чужіе, очень немногіе изъ своихъ знали въ это время Екатерину. Великая княгиня придворныхъ куртаговъ, ко всѣмъ пріятливая, всегда беззаботная, и Екатерина у себя въ покояхъ, обдумывающая свое настоящее, безпокоющаяся за будущее—двѣ разныя женщины.

О Екатеринѣ нельзя судить по внѣшности—внѣшность ея не представляла ничего привлекательнаго ²⁾; надо было сблизиться съ Екатериною, и тогда ея широкій, свѣтлый умъ, ея здравыя, гуманныя сужденія, ея обхожденіе, простое и ласковое, скоро очаровывали и невольно привлекали къ ней. Захаръ Чернышевъ, Кирилъ Разумовскій, Сергѣй Салтыковъ, графъ Понятовскій, всѣ, бывшіе съ Екатериною въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ, испытали на себѣ эти чары, и молодой, красивый Орловъ никогда не увлекся бы великою княгинею, еслибъ обстоятельства, не отъ него зависѣвшія, не познакомили его съ Екатериною, которая увлекла Орлова, очаровала его братьевъ, его знакомыхъ, такъ что каждый изъ нихъ готовъ былъ рисковать изъ-за нея своею головою.

Въ 1760 году канцлеръ Воронцовъ просилъ французскаго посла Бретеля рекомендовать ему секретаря. Въ октябрѣ того же года выѣхавъ изъ Парижа гдѣкто Фавье, не молодой уже человекъ,

¹⁾ Сверстница Екатерины, 1729 — 1786, дочь графа А. И. Румянцова, супруга гр. Я. А. Брюса. Ихъ дружескія отношенія видны изъ собственно-ручныхъ записочекъ Екатерины къ А. Н. Нарышкиной, помѣщ. въ *Русс. Архивъ*, 1769, стр. 193; 1770, стр. 545. — ²⁾ Особанно въ то время, см. *Сборникъ*, X, 105.

очень умный, по мнѣнію французскаго министерства, довольно образованный, но, кажется, и довольно легкомысленный человекъ. Еще въ Парижѣ онъ жилъ не по средствамъ, не выходилъ изъ долговъ, что не мѣшало ему, однако, кутить съ хорошенькими женщинами; онъ похвалялся, что въ Россіи онъ будетъ «болѣе русскимъ, чѣмъ любой москвичъ» ¹⁾. По приѣздѣ въ Петербургъ, Фавье былъ принятъ въ лучшее общество, бывалъ при дворѣ, видѣлъ великую княгиню и, какъ знатокъ женской красоты, такъ описалъ внѣшность Екатерины. «Никакъ нельзя сказать, что красота ея ослѣпительна: довольно длинная, тонкая, но не гибкая талія; осанка благородная, но поступъ жеманная, не граціозная; грудь узкая, лицо длинное, особеннѣе подбородокъ; постоянная улыбка на устахъ, но ротъ плоскій, вдавленный; носъ нѣсколько сторбленный; небольшіе глаза, но взглядъ живой, пріятный; на лицѣ видны слѣды оспы. Она скорѣе красива, чѣмъ дурна, но увлечся ею нельзя». Екатерина была роста ниже средняго и если Болотову показалась «дородною», то потому только, что онъ видѣлъ ее 6-го апрѣля 1762 года ²⁾; великою княгинею она была довольно худощава ³⁾, и дородство явилось позже, съ годами.

Съ начала 1761 года Елизавета Петровна стала все чаще и чаще хворать: то «кровь цѣлое утро идетъ носомъ», то лихорадитъ по цѣлымъ днямъ ⁴⁾; въ іюлѣ случился сильный припадокъ, и больная нѣсколько часовъ лежала безъ чувствъ ⁵⁾. Когда, въ сентябрѣ, дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, Екатерина съ радостью узнала,

¹⁾ Tercier, premier commis aux affaires étrangères, au baron de Breteuil, de 8 octobre 1760: M. Favier est un homme intelligent et instruit; il dit qu'une fois en Russie il serait plus russe qu'un homme né à Moscou. Il est outre sans fortune, il a même des dettes et cette situation ne l'empêche pas d'aimer les plaisirs, le vin et les femmes (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 62, pièce 38*).
²⁾ Болотовъ, II, 196. — ³⁾ Ровинскій, II, 774, №№ 1, 2, 3, 5, 24. — ⁴⁾ Писма И. И. Шувалова графу Воронцову, въ *Русск. Архивъ*, 1870, 1412, 1414; *Арх. къ. Воронцова*, VI, 297.

⁵⁾ L'Impératrice a donné de grandes inquiétudes à toute sa cour il y a quelques jours. Elle a eu une attaque de vapeurs histériques et de convulsions qui lui ont fut perdre connaissance plusieurs heures. Elle est revenue, mais garde le lit. Le déperissement de la santé de cette princesse est manifeste. Денеша *Бреталя*, отъ 23-го іюля 1761 года (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 62, pièce 66*).

что здоровье императрицы значительно окрѣпло за послѣднее время: въ августѣ Екатерина почувствовала признаки беременности и невольно сознавала, что расположенная къ ней императрица способна въ значительной степени облегчить предстоявшія ей нравственныя муки. Радость, однако, была непродолжительна: въ воскресенье, 23-го декабря, послѣ довольно сильнаго припадка, доктора объявили, что никакой надежды на выздоровленіе быть не можетъ: въ понедѣльникъ, 24-го декабря, Елизавета Петровна, будучи въ полномъ сознаніи, простилась съ великимъ княземъ и великою княгинёю, и 25-го, во вторникъ, около трехъ часовъ пополудни ¹⁾, скончалась. Екатерина такъ описываетъ этотъ моментъ:

«Въ моментъ смерти императрицы Елизаветы Петръ III и его супруга стояли у одра умирающей. Какъ только врачи—ихъ было въ комнатѣ четыре—объявили, что императрица умерла, открылись двери въ приёмную: члены сената, высшіе сановники и всѣ придворные вошли. Не было никого, кто бы не выказывалъ явно своего горя—всѣ рыдали. Императоръ удалился. Императрица условилась съ нимъ, что она останется въ комнатѣ покойницы, пока онъ не пойдетъ въ церковь. Императрица отдала столь точныя приказанія, что, по прошествіи менѣе двухъ часовъ, весь городъ могъ войти въappartementъ, гдѣ было выставлено гѣло Елизаветы. Затѣмъ императоръ далъ ей знать, чтобы она перешла въ церковь, гдѣ она участвовала въ молитвахъ и присутствовала, въ качествѣ простой зрительницы, при присягѣ на вѣрность, присимой всѣми собравшимися императору» ²⁾.

26-го декабря, въ дворцовой галереѣ, представители иностранныхъ дворовъ приносили поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ. Приёмъ былъ безъ всякихъ церемоній, совершенно запросто. «Ихъ величества вышли вмѣстѣ изъ внутреннихъ покоевъ и чрезвычайно милостиво принимали всѣхъ», приглашая въ тотъ же день къ обѣду. Обѣдъ былъ сервированъ на 100 кувертовъ, причёмъ мѣста зани-

¹⁾ Gegen drei Uhr Nachmittag, какъ сказано въ нотификаціи иностранныхъ дворовъ. *Москов. ил. архивъ* мин. иностр. дѣлъ, 1761 № 4. л. 19.

²⁾ Денеша *Кейта* отъ 5-го января и *Бретэля* отъ 11-го января 1742 г. *Schneider*, 178; денеша *Мерси Аржанто* отъ 10-го января, въ *Сборникъ*, XVIII 27; «*С.-Пбургскія Вѣдомости*» за 1861 г., 28-го декабря, прибавленіе; «*Антендотъ*», въ *Осмидн. Вѣстк.*, IV, 312; *Штелинг.* 95.

мались по жребію, не исключая императора и императрицы. Въ числѣ приносившихъ поздравленія и обѣдавшихъ былъ и Бретзль, который писалъ по этому поводу: «Въ день поздравленій съ восшествіемъ на престолъ императрица имѣла крайне унылый видъ ¹⁾. Пока очевидно только, что она не будетъ имѣть никакого значенія... Императоръ удвоилъ свое вниманіе къ дѣвицѣ Воронцовой... Императрица въ ужасномъ положеніе; къ ней относятся съ явнымъ презрѣніемъ. Она нетерпѣливо сноситъ обращеніе съ нею императора и высокоуміе дѣвицы Воронцовой. Не могу даже себѣ представить, чтобъ Екатерина, смѣлость и отвага которой хорошо мнѣ извѣстны, не прибѣгла бы рано или поздно къ какой-нибудь крайней мѣрѣ. Я знаю друзей, которые стараются успокоить ее, но которые рѣшались на все для нея, если она погрѣбуетъ» ²⁾.

¹⁾ Унылый видъ Екатерины легко объясняется манифестомъ о восшествіи Петра III на престолъ, вышедшимъ въ этотъ день. въ манифестѣ не были упомянуты ни императрица Екатерина Алексѣевна, ни наследникъ Павелъ Петровичъ (*И. С. Зак.* № 11390). Мало того: «форма клятвеннаго обѣщанія» была составлена въ слѣдующихъ, между прочимъ, выраженіяхъ: «клянусь... Его Императорскому Величеству... и по немъ по самодержавной Его Величества императорской власти и по высочайшей Его волѣ избираемымъ и определяемымъ наследникамъ... вѣрнымъ подданнымъ быть» (*Ibid.*, № 11391). Но и въ этомъ случаѣ Петръ III остался вѣренъ себѣ: съ 27-го же декабря въ церквахъ на акеніяхъ молились «о благочестивѣйшей великой государынѣ нашей императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и о благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ» (*Ibid.*, № 11394, «форма церковнымъ возношеніемъ»). *Dorville*, 232; *Gougar* 24; *Rulliere*, 27, 66; *Lordtz*, 319. — ²⁾ Дешпи Бретзля отъ 11 и 18-го января 1762 года, см. *Schneider*, 187, 188; депеша Мерси Аржанто отъ 10-го января, см. *Сборникъ* XVIII, 10.

Во все время царствованія Петра III, Екатерина не свимала траура. Она появлялась въ «глубокомъ траурѣ» на попойкахъ, которыя почти ежедневно устраивалъ императоръ, и даже на театральныхъ представленіяхъ, которыми забавлялся самодержецъ ¹⁾. Пока царствовалъ Петръ III, Екатерина вела жизнь вполне уединенную. Она не принимала участія ни въ государственныхъ дѣлахъ, ни даже въ вопросахъ, касавшихся ея, какъ императрицы ²⁾. Это траурное одѣяніе, это терпѣливое уединеніе, составлявшее рѣзкую противоположность съ крикливою и капризною дѣятельностью Петра III, не обмануло только тѣхъ, для кого оно было болѣе или менѣе безразлично. «Императрица живетъ почти въ полномъ отчужденіи—пишетъ австрійскій посланникъ—но едва-ли возможно, чтобъ подъ этою спокойною внѣшностью не скрывалось какое-нибудь тайное мѣропріятіе» ³⁾. Это понималъ и французскій король Людовикъ XV: «Поведеніе Петра III, его поступки и мѣропріятія, умышенное молчаніе и притворное терпѣніе императрицы—все предсказывало, что императоръ не усидитъ на тронѣ» ⁴⁾. Не

¹⁾ *Позье*, 97; депеша *Мерси Аржанто*, отъ 12-го февраля 1762 г., въ *Сборникъ*, XVIII, 120. — ²⁾ *Арх. кн. Воронцова*, XXI, 35; депеша *Мерси Аржанто* отъ 1-го февраля и 25-го мая, въ *Сборникъ*, XVIII, 83, 143, 350. — ³⁾ Депеша *Мерси Аржанто* отъ 1-го февраля, въ *Сборникъ*, XVIII, 83.

⁴⁾ *La conduite, les procédés et les opérations de Pierre III, la silence et la patience affectée de l'Impératrice, tout annonçait que ce prince ne resterait pas sur le trône. Le Roi au baron de Breteuil, du 10 Septembre 1762 (Париж. Архивъ, Russie, vol. 62, pièce 77).*

понимали этого только лица, наиболѣе заинтересованныя—ни самодовольный голштинецъ, именовавшійся Петромъ III, ни окружавшіе его клеветы, бездарные и самоувѣренные. Выжидательное положеніе, занятое Екатериною, заставляло предполагать, что, рано или поздно, снявъ трауръ и явясь на сцену, она сразу обличитъ черты той удивительной женщины, которая очаруетъ всѣхъ въ Россіи, своими дѣлами напомнить времена Петра В., заставить говорить о себѣ всю Европу и перейдетъ въ потомство съ титуломъ великой, какъ по своимъ капитальнымъ достоинствамъ, такъ и по своимъ колоссальнымъ порокамъ.

Екатерина хорошо знала своего супруга, но и она ошиблась: ей казалось, что извѣстныя приличія, хотя бы только чисто вѣшнія, должны быть соблюдаемы во всякомъ случаѣ, и, въ первое время по смерти Елизаветы Петровны, она, не ожидая, очевидно, чтобъ Петръ III такъ скоро вошелъ въ свою роль, приходила иногда, по утрамъ, въ кабинетъ императора ¹⁾. Скоро, однако, Екатерина убѣдилась, что супругъ пренебрегаетъ всякими приличіями и прекратила свои утреннія посѣщенія.

Съ вѣшней стороны, положеніе Екатерины было въ высшей степени затруднительно. Императоръ презираетъ ее; онъ отказываетъ ей даже въ томъ условномъ уваженіи, которое подобаетъ ея сану, и публично, за столомъ, въ присутствіи всѣхъ, оскорбляетъ императрицу ²⁾; всѣ приближенные, спасая себя, руководствуются недвусмысленными указаціями императора. Петръ III, встрѣтивъ во дворцѣ придворнаго брильянщика, возвращавшагося изъ покоевъ императрицы, «позвоилъ» прогнѣваться и воспретилъ ему посѣщать впредь ея величество ³⁾. Этого мало: въ это именно время Екатерина была въ интересномъ положеніи, которое еще болѣе должно было озабочивать ее. При другихъ обстоятельствахъ, требовалось бы много самообладанія и силы воли, чтобъ не только отразить всѣ нападенія, не только сохранить занятую позицію, но и одержать верхъ надъ врагомъ; въ данномъ же случаѣ, главный врагъ Екатерины оказывался самымъ лучшимъ ея пособникомъ, бесознательно, но очень дѣятельно работавшимъ въ ея пользу. За-

¹⁾ Штелинъ, 97. — ²⁾ Деша *Мерси Аражанто*, отъ 5-го марта, въ *Сборникѣ*, XVIII, 202. — ³⁾ *Позье*, 84.

служу Екатерины и, конечно, не малую, должно видѣть лишь въ томъ, что она, какъ женщина умная, поняла свое положеніе и воспользовалась имъ вполне, до мельчайшихъ подробностей, даже до траурнаго костюма, скрадывавшаго до извѣстной степени ея интересное положеніе.

По счастью для Екатерины, Петръ III совершенно не понималъ своего положенія. Ставъ неограниченнымъ самодержцемъ, онъ далъ полную волю своимъ капризнымъ прихотямъ, ничѣмъ уже не сдерживаемымъ, убѣжденный, что ему все возможно, все простиительно. Мало образованный, дурно воспитанный, онъ съ перваго же дня восшествія на престолъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ совѣтниковъ, считая для себя унижительнымъ даже самую мысль, что его мнѣніе можетъ быть оспариваемо. Самоувѣренный, какъ всѣ неучи, онъ поставилъ себѣ задачу «перековеркиваніе всѣхъ дѣлъ и прежнихъ распорядковъ»; упрямый, какъ всѣ неразвитые люди, онъ закрывалъ глаза на всѣ препятствія и не хотѣлъ слушать доводовъ, противныхъ его мнѣнію. Онъ даже вовсе не понималъ, что тамъ, гдѣ народъ—все и ничто, власть вполне зависитъ отъ образованнаго общества, которое въ то время состояло изъ духовенства и военнаго сословія: онъ уменьшаетъ цѣну на соль, и въ то же время оскорбляетъ духовныхъ и принижаетъ военныхъ. Рѣзкій контрастъ между Екатериною и Петромъ, давно уже всѣми замѣченный, бросался теперь въ глаза.

Шесть недѣль стояло тѣло Елизаветы Петровны во дворцѣ, и народъ свободно приходилъ поклониться праху любимой императрицы. Каждый день всѣ видѣли, какъ Екатерина, въ глубокомъ траурѣ, съ опущенными глазами, приходила ко гробу своей нареченной тетки и, ставъ на колѣни, долго и глубоко молилась. Она ни на кого не смотрѣла, никого не видѣла, но была увѣрена, что на нее смотрятъ, что ее всѣ видятъ, и тѣмъ сосредоточеннѣе была ея молитва, тѣмъ глубже вздохи и горче слезы. На пятую недѣлю, когда уже трупъ издавалъ удупливое зловоніе, Екатерина, въ присутствіи всѣхъ придворныхъ дамъ, удивлявшихся ея твердости, сама возложила корону на голову покойной. Приходилъ иногда ко гробу тетки и ея возлюбленный племянникъ: Петръ III разговаривалъ съ приближенными, шутилъ съ фрейлинами, пересмеивалъ священниковъ, дѣлалъ замѣчанія почетному караулу.

Онъ, «въ самое еще то время, когда скончавшаяся императрица лежала во дворцѣ еще въ гробѣ и не погребена была, цѣлыя ночи проводилъ съ любимцами, льстецами и прежними друзьями своими, въ пиршествѣ и питьѣ»¹⁾.

Наканунѣ погребенія Елизаветы Петровны, 4-го февраля, баронъ Бретэль писалъ въ Парижъ: «Екатерина все болѣе и болѣе плѣняетъ сердца русскихъ. Никто усерднѣе ея не исполняетъ установленныхъ греческою религіею обрядовъ относительно умершей императрицы; эти обряды очень многочисленны, полны суевѣрій, надъ которыми она, конечно, смѣется; но духовенство и народъ вылилъ вѣрять ея глубокой скорби по усопшей и высоко цѣнять ея чувство. Она чрезвычайно строго соблюдаетъ всѣ церковныя праздники, всѣ посты, всѣ религіозныя обряды, къ которымъ императоръ относится чрезвычайно легко и которые въ Россіи, однако, очень почитаются». Въ Духовъ день императоръ «въ придворной церкви принималъ иностранныхъ министровъ и дворянство, ходилъ по церкви, какъ будто въ своихъ покояхъ, взадъ и впередъ, громко разговаривалъ съ лицами обоего пола, между тѣмъ какъ торжественно совершалось богослуженіе и императрица съ благоговѣніемъ молилась на своемъ мѣстѣ; когда всѣ опустились на колѣни, Петръ III съ громкимъ смѣхомъ выпелъ изъ церкви и возвратился лишь по окончаніи колѣнопреклоненной молитвы». Вскорѣ Петръ III пошелъ еще далѣе: онъ изъявилъ желаніе, чтобъ всѣ образа, кромѣ Спасителя и Богоматери, были вынесены изъ церквей, чтобъ священники обрили свои бороды и поповскія рясы замѣнили пасторскими сюртуками; онъ хотѣлъ даже устроить во дворцѣ протестантскую моленную²⁾. Иновѣрцы, протестанты и католики, дивились тому презрѣнію, съ какимъ Петръ III относился къ господствующей въ Россіи религіи; что же православное духовенство?

¹⁾ Дашкова, 38; Поэе, 86; Болотовъ, II, 170; депеша Мерси Аржанто, отъ 1-го февраля, въ Сборникъ, XVIII, 74; депеша Бретэля, отъ 18-го января и 15-го февраля, см. Schneider, 185, 188; Marche, 260; Rulhière, 45, 48.

²⁾ Депеша Бретэля, см. Schneider, 188; депеша Мерси Аржанто въ Сборникъ, XVIII, 210, 371, 391; Болотовъ, II, 172; Дашкова, 41; Арх. кн. Ворониова, XXIX, 159; Русскій Архивъ, 1871, стр. 2055; Dorville, 243; Castéra, I, 267, 274; Goudar, 65; Marche, 80; Beauclair, 107; Лаферрьеръ, 195; Jacob, 2; Арх. кн. Ворониова, XXV, 414; Гордтъ, 314.

Оно протестовало сильно, революціоннымъ путемъ, протестовало мѣрами, показывающими, что православное духовенство вполне сознаетъ свою силу и умѣетъ во время пользоваться ею. «Донесенія полученныя вчера и позавчера отъ начальниковъ отдаленныхъ провинцій—пишетъ Гольцъ Фридриху II—доказываютъ, насколько духовенство старается возстановить народъ противъ монарха. Донесенія свидѣтельствуютъ, что духъ возмущенія и недовольства становится на столько всеобщимъ, что они, губернаторы, не знаютъ, какія принять мѣры для успокоенія умовъ и требуютъ наставленій у двора. Они должны бы прибѣгнуть къ мѣрамъ жестокимъ, чтобы укротить народъ. Все это страшно встревожило дворъ». Когда Петръ III издалъ указъ о монастырскихъ имѣніяхъ и церковныхъ имуществахъ, духовенство, имѣя дѣло уже не съ желаніями, высказанными императоромъ, но съ положительнымъ узаконеніемъ, протестовало, между прочимъ, путемъ совершенно легальнымъ.

«Въ первую недѣлю святаго и великаго поста—пишетъ очевидецъ—митрополитъ ростовскій Арсеній, по окончаніи богослуженія въ соборѣ, пришелъ въ келію, уединясь писалъ къ Его императорскому величеству прошеніе, которое состояло изъ книгъ пророческихъ и священнаго писанія, весьма жалостно и плачевно, острога и высокаго разсужденія, и отправлено оное съ іеросхимонахомъ Лукою въ Санктпетербургъ, которое и вручено было Его величеству въ собраніи генералитетовъ, и прочтено съ остановкою оберъ-секретаремъ. И государь былъ въ великомъ азартѣ, а той схимникъ отъ страха липась ума, былъ посланъ въ невскій монастырь, гдѣ шесть недѣль и находился подъ карауломъ, и возвращенъ съ указомъ, чтобъ быть безъисходну изъ келіи, за присмотромъ настоятеля, и никакого рѣшенія на оное прошеніе не учинено тогда». Это прошеніе «остраго и высокаго разсужденія» имѣло успѣхъ; о его содержаніи нельзя было бы судить по впечатлѣнію, произведенному на императора—Петръ III приходилъ «въ азартъ» отъ малѣйшаго противорѣчія; но впечатлѣнію постороннихъ лицъ, близкихъ императору и чуждыхъ вопросу, мы можемъ довѣрить вполне. Вотъ что писалъ объ этомъ прошеніи читавшій его баронъ Гольцъ: «Духовенство, въ отчаяніи отъ указа, который былъ изданъ въ первые же дни царствованія и которымъ оно лишается всѣхъ своихъ владѣній и будетъ получать деньги на свое содержаніе, предста-

вило ко двору свое посланіе на русскомъ и латинскомъ языкахъ, въ которомъ жалуется на насиліе, причиненное ему этимъ указомъ, на странный относительно его образъ дѣйствій, котораго нельзя было бы ожидать даже отъ басурманскаго правительства, тогда какъ такое насиліе учинено православнымъ правительствомъ. Духовенство тѣмъ болѣе опечалено такимъ поступкомъ, что, по его словамъ, не подлежитъ сомнѣнію, что оно подверглось такому насилію потому только, что духовные являются служителями божіими. Это посланіе, подписанное архіереемъ и большею частью духовенства, составлено въ высшей степени рѣзко. Это посланіе гораздо скорѣе должно признать за декларацію противъ государя, чѣмъ за прошеніе» ¹⁾.

Екатерина все это видитъ и знаетъ. Ей извѣстно о раздраженіи духовенства; ей сообщено, что духовенство возмущаетъ народъ—но скоро-ли можно возмутить русскій народъ? Чѣмъ выразится возмущеніе? Къ чему приведетъ? Народное волненіе, сметая императора, можетъ-ли не коснуться императрицы? Императоръ своими безумными поступками губить себя, но можетъ погубить и ее. Екатерина сознаетъ все это, но противодѣйствовать ничѣмъ не можетъ; ей остается только пассивно выжидать послѣдствій. Судя, однако, по неудовольствію, возбужденному въ войскахъ, послѣдствій придется ждать недолго. Войско не духовенство: оно дѣйствуетъ само, непосредственно, не чрезъ чужія руки, не при посредствѣ народа.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ, Петръ III распустилъ лейбъ-кампанскій корпусъ и превыше всего поставилъ свою «голштинскую гвардію». Лейбъ-кампанцы были, конечно, недовольны и громко говорили, что «возведеніемъ на престолъ Елизаветы Петровны они очистили и Петру III путь къ трону»; предпочтеніе же, оказываемое голштинскимъ солдатамъ, оскорбляло всю русскую армію. Между тѣмъ, Петръ III былъ солдатъ въ душѣ, но солдатъ прусскій. Какъ православному духовенству желалъ онъ придать протестантскую форму, такъ и русское воинство хотѣлъ сдѣлать, по вѣнскому

¹⁾ «Выписка изъ послѣдовавшихъ въ нынѣшнемъ году новостей», въ *Утеняга*, 1862 годъ, II, 18; депеша *Голца* отъ 26-го мая, *Щебальскій*, 58; депеша *Кейта* отъ 4-го и 7-го іюня, *Schneider*, 184.

виду, прусскимъ. Онъ «восхотѣлъ переимѣнить мундиры во всѣхъ полкахъ и, вмѣсто прежнихъ одноцвѣтныхъ зеленыхъ, подѣлалъ разноцвѣтные узкіе, такимъ покроємъ, какимъ пьются у прусаковъ оныя. Самымъ полкамъ не велѣлъ болѣе называться по прежнему, по именамъ городовъ, а именоваться уже по фамиліямъ своихъ полковниковъ и шефовъ. Сверхъ того, введи уже во всемъ вѣнстрожайшую военную дисциплину, принуждать ихъ ежедневно экзерцироваться, не смотря какая бы погода ни была, и всѣмъ тѣмъ не только отклонилъ до чрезвычайности всѣ войска, но и, огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, а особливо отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе». Фельдмаршаломъ русскихъ войскъ сдѣланъ голштинецъ принцъ Георгъ; онъ же назначенъ шефомъ конной гвардіи полка, что породило ропотъ, такъ какъ полковникомъ этого полка всегда бывалъ самъ государь. Но болѣе всего возмущало войска пристрастіе Петра III къ Фридриху II, съ которымъ Россія воевала уже пять лѣтъ, и приготовленіе къ войнѣ съ Давіею. Офицеры сотнями подавали въ отставку; гвардейскіе батальоны, назначенные въ датскій походъ, громко роптали... ¹⁾

Отношенія Екатерины къ войску были совершенно иныя, чѣмъ къ духовенству. Люди военные, особенно гвардейцы, имѣли доступъ ко двору: они видѣли ее еще великой княгиней; многіе изъ нихъ лично знали императрицу, всѣ любили Екатерину. Духовенство могло относиться къ Екатеринѣ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ: она такая же протестантка, принявшая православіе, какъ и Петръ III; войско, напротивъ, рѣзко отдѣляло ее отъ императора: не только

¹⁾ Делеши *Мерси Аржанто* въ *Сборникъ*, XVIII, 163, 204, 259, 288, 369, 381, 406, 411; делеши Гольца, *Щебальскій*, 43, 50, 55, 60, 62; *Болотовъ*, II, 173, 211, 212, 273; *Дашкова*, 60; *Dorville*, 244; *Castéra*, I, 276; *Goudar*, 35; *Marche*, 147, 150, 160; *Rulhière*, 41, 43; *Колотовъ*, I, 24. Къ несчастію для Петра III, обстоятельства складывались такъ, что война Россіи съ Давіею вызывала, казалось, сочувствіе въ нѣкоторыхъ государствахъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, 18-го января 1762 года, была получена реляція барона *Корфа* изъ Копенгагена, отъ 12-го (23) декабря 1761 г., въ которой говорилось, что англійскій посланникъ при датскомъ дворѣ Титлей (Titley) объявилъ Корфу, что онъ сдѣлалъ декларацію датскому двору въ томъ смыслѣ, что «король, его государь, есть ли голштинскіе распри дойдутъ до дѣйствительной войны, не намѣренъ въ томъ отношеніи участія принимать» (*Москов. л. архивъ*, Реляція изъ Даніи, 1761 г., № 3, л. 430).

гвардія, но и полевые полки знали, какъ она избѣгала въ Ораніенбаумѣ даже встрѣчаться съ ненавистными имъ голштинскими войсками¹⁾; благодаря капитану Орлову, многимъ изъ гвардейскихъ офицеровъ хорошо было извѣстно, что Екатерина не одобряла мира, съ Пруссією и была противъ датскаго похода.

Въ первые три, четыре мѣсяца царствованія Петра III Екатерина держала себя крайне осторожно и, повидимому, относилась совершенно пассивно не только къ императору и государственнымъ дѣламъ, даже къ придворнымъ партіямъ и семейнымъ вопросамъ. Она рѣдко выходила изъ внутреннихъ покоевъ, избѣгала, по возможности, присутствовать на попойкахъ, которыми оканчивался каждый почти ужинъ императора, и не присутствовала 15 февраля даже на торжественномъ ужинѣ въ честь Петра III въ домѣ канцлера графа Воронцова. Она покидала свои покои только по необходимости — при представленіи ей 23-го января принца Георга, при приемѣ 24-го февраля отъ барона Гольца письма прусскаго короля Фридриха II, при официальныхъ выходахъ и торжествахъ, устраиваемыхъ по какому-либо особому случаю, какъ, напримѣръ, 6-го апрѣля, при переѣздѣ двора въ новый еще не вполне отстроенный зимній дворецъ. Петръ III торопился переѣздомъ, и въ новомъ дворцѣ самъ распредѣлилъ всѣ помѣщенія: «императрицу помѣстилъ на отдаленномъ концѣ новаго зимняго дворца, а ближе къ себѣ, на антресоляхъ, свою любимицу, толстую фрейлину Елизавету Романовну Воронцову; между передней и отдѣленіемъ императрицы — великій князь съ его обер-гофмейстеромъ» Никитою Ивановичемъ Панинымъ²⁾. Такое распредѣленіе покоевъ какъ нельзя лучше «устроивало» въ данное время Екатерину, которая нуждалась въ извѣстномъ покоѣ: въ четвергъ на святой недѣлѣ, 11-го апрѣля, она разрѣшилась отъ бремени сыномъ.³⁾

¹⁾ *Mémoires*, 236. — ²⁾ *Штелинь*, 104; *Болотовъ*, II, 196; депеша Гольца, *Шебальскій*, 42; депеши *Мерси Аржанто*, въ *Сборникъ*, XVIII, 119, 126, 192, 202. — ³⁾ Алексѣемъ Григорьевичемъ Бобринскимъ. Въ письмѣ къ нему отъ 2-го апрѣля 1781 года, Екатерина пишетъ: «Извѣстно мнѣ, что мать ваша, бывъ угнетаема разными непріязнями и непріятельми, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, спасая себя и старшаго своего сына, принуждена нашлась скрыть ваше рожденіе, воспослѣдовавшее 11-го числа апрѣля 1762 года» (*Русск. Архивъ*, 1766, III, 13). Наванунѣ, 10-го апрѣля, Екатерина не могла

Екатерина скоро оправилась. Спустя десять дней, 21-го апрѣля, она уже принимала поздравленія съ днемъ рожденія, которое праздновалось весьма торжественно, и дала аудіенцію австрійскому послу графу Мерси Аржанто, причемъ сама отвѣчала на рѣчь посла и съ особеннымъ удареніемъ отгѣнила увѣреніе въ своемъ расположеніи къ австрійскому дому ¹⁾. Это было первое политическое слово императрицы, сказанное громко, въ присутствіи всего двора и обратившее на себя вниманіе, какъ рѣзко противорѣчившее словамъ и поступкамъ императора, ея супруга.

24 го апрѣля былъ заключенъ трактатъ вѣчнаго мира и дружбы съ Пруссіею. Обнародованіе его праздновалось торжественнымъ обѣдомъ 29-го апрѣля, причемъ Екатерина опять протестовала: она сказалась больной и дала знать, что не можетъ присутствовать на обѣдѣ. Вслѣдствіе этого на обѣдѣ были приглашены только мужчины, что крайне не понравилось Петру III, и онъ тогда же объявилъ, что устроить особенно торжественное празднованіе мира послѣ обмѣна ратификацій мирнаго договора.

Будущій историкъ Петра III не затруднится, конечно, признать, что самымъ злѣйшимъ врагомъ Петра III, погубившимъ его задолго до печальной кончины, былъ онъ самъ ²⁾. Человѣку въ здравомъ умѣ и твердой памяти невозможно даже понять то самодурное ослѣпленіе, въ которомъ жилъ голштинскій герцогъ, ставъ русскимъ императоромъ. Объяснять это частымъ опьяненіемъ Петра III нельзя: онъ бывалъ пьянъ только по вечерамъ, послѣ ужина, и то не всякій день; его невѣжество, само по себѣ, не можетъ еще служить ни оправданіемъ, ни даже объясненіемъ его поступковъ. Ихъ, кажется, придется всецѣло отнести къ несчастному сочетанію личныхъ свойствъ Петра III съ неограниченною властью, доставшеюся ему по наслѣдству. Тупой, упрямый, невоздержный, онъ, ставъ самодержцемъ, искренно былъ убѣжденъ, что весь міръ существуетъ единственно для удовлетворенія его желаній, капризовъ, прихотей; онъ потерялъ способность правильно мыслить, сталъ дѣйствовать какъ самодуръ и до послѣдней минуты былъ ослѣп-

уже дать аудіенцію австрійскому послу (*Сборникъ*, XVIII, 307). Подробности 11-го апрѣля см. *Helbig*, 181, 211.

¹⁾ Деспешъ *Мерси Аржанто*, въ *Сборникъ*, XVIII, 323.—²⁾ *Храповицкій*, 481.

лень своею властью, ей только довѣрялъ, на нее только опирался. Друзья, вполне ему преданные, лично заинтересованные въ его благоденствіи—прусскій король Фридрихъ II и его послы графъ Шверинъ и баронъ Гольцъ—видятъ опасность, предостерегаютъ Петра III, желаютъ спасти своего союзника даже противъ его воли, и въ безсиліи отступаютъ предъ невозможною задачею. Петру III называютъ лицъ, злоумышляющихъ противъ него—онъ говоритъ, что возложилъ на нихъ столько заботъ, что имъ «некогда заниматься заговорами»: ему указываютъ необходимость короноваться—онъ отвѣчаетъ, что «вѣнцы не готовы»; ему прямо говорятъ, что есть претендентъ на его мѣсто—онъ возражаетъ, что «русскіе, еслибъ хотѣли, давно уже могли бы сдѣлать ему зло, такъ какъ онъ не остерегается и ходитъ пѣшкомъ по улицамъ»! Переписка Фридриха II съ Петромъ III ¹⁾ служитъ лучшимъ указателемъ грядущихъ бѣдствій, очевидныхъ для всѣхъ, кромѣ главнаго ихъ виновника.

Русскій солдатъ никогда наемнымъ воиномъ не былъ; его нельзя принудить стрѣлять въ своего, въ союзника. Даже внезапный миръ съ прусскимъ королемъ, въ которомъ онъ привыкъ за пять лѣтъ видѣть врага, раздражалъ русскаго солдата; когда же прошелъ слухъ, что русскія войска будутъ отданы подъ команду Фридриха II, поднялся ропотъ. Презирая всѣхъ, глумясь надъ общественнымъ мнѣніемъ, Петръ III не снимаетъ прусскаго мундира, всюду является въ зентѣ Чернаго Ора, всѣмъ показываетъ кольцо съ портретомъ Фридриха II, громко говоритъ, что для него «воля Фридриха—воля божья» ²⁾. Всѣ смотрятъ, видятъ, слушаютъ и таятъ злобу, опасаясь казней, страшась Сибири.

Въ маѣ всѣ приготовленія къ датскому походу были окончены: войскамъ велѣно быть готовыми къ выступленію, верховыя лошади

¹⁾ Дешпа гр. Шверина, см. *Щебальскій*, 52; *Рус. Старина*, III, 283.

²⁾ Дешпи гр. Мерей Аржанто, въ *Сборникъ*, XVIII, 257, 259, 278, 280, 286, 315, 358, 360, 369, 395, 398, 406; дешпа Гольца, *Щебальскій*, 42; письмо Петра III въ *Русск. Старинѣ*, III, 299. Объ этомъ кольцѣ упомянуто въ дешпѣ *Дальюна* еще отъ 26-го октября 1745 года: *Ce jeune prince affecte de porter a son doigt une bague où est le portrait de Sa Majesté Prussienne (Париж. Архивъ, Russie, vol. 47, f. 236); Castera*, I, 271; *Goudar*, 63; *Beauclair*, 89, 100, 101, 105; *Rulhière*, 40; *Gordts*, 311, 316, 317, 320.

императора уже отправлены, назначенъ особый совѣтъ для управленія Россіей въ отсутствіе императора и во главѣ совѣта поставленъ принцъ голштейнъ-бекскій. Императора будутъ сопровождать всѣ иностранные министры и графиня Елизавета Романовна Воронцова. Только судьба императрицы еще не рѣшена: извѣстно лишь, что ей не дано мѣста въ совѣтъ, но что будетъ съ нею—никто не знаетъ; говорятъ, будто императоръ хочетъ заточить ее въ монастырь ¹⁾.

Объявъ ратификаціи мирнаго договора состоялся 24-го мая; праздника по этому случаю, вызвавшему общее недовольство, начались 9-го іюня и продолжались три дня. Въ воскресенье, 9-го іюня, во всѣхъ церквахъ Петербурга былъ отслуженъ благодарственный молебенъ; императоръ произвелъ на дворцовой площади разводъ гвардейскимъ и полевымъ полкамъ, и поздравилъ войска съ русско-прусскимъ миромъ, причемъ послѣдовали залпы изъ ружей и пушекъ. Во дворцѣ состоялся въ этотъ день обѣденный столъ на 400 персонъ. Этотъ обѣдъ сталъ историческимъ: обстоятельства, его сопровождавшія, имѣли рѣшительное вліяніе на судьбу Екатерины.

Къ обѣденному столу были приглашены особы первыхъ трехъ классовъ и иностранные министры. Императрица сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, по срединѣ стола; императоръ на концѣ стола, рядомъ съ прусскимъ министромъ барономъ Гольцемъ. Петръ III предложилъ три тоста при пушечной пальбѣ изъ крѣпости: за здоровье императорской фамиліи, за здоровье его величества короля Пруссіи и въ честь счастливо заключеннаго мира. Тосты «зачинала» императрица здравницей за царскую семью. Когда Екатерина поставила бокаль, Петръ III послалъ своего дежурнаго генералъ-адъютанта Андрея Васильевича Гудовича, стоявшаго за стуломъ императора, спросить императрицу, почему она не встала, когда пила здоровье императорской фамиліи. Императрица отвѣчала, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ только изъ его величества, его сына и ея самой, то она никакъ не полагала, чтобы

¹⁾ Дешени Гольца, *Щебальскій*, 43, 50, 52, 55, 56; дешени гр. *Мерси Аржанто*, въ *Сборникъ*, XVIII, 185, 252, 257, 268, 287, 288, 381, 406, 411, 416; *Дашкова*, 37; *Болотовъ*, II, 273; *Яacob*, 2; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 416; *Dorville*, 246.

императоръ могъ потребовать ея вставанья. По возвращеніи Гудовича съ этимъ отвѣтомъ, императоръ приказалъ ему передать императрицѣ, что она дура и должна бы знать, что къ императорской фамиліи причисляются два ихъ дяди, голштинскіе принцы, и, вѣроятно, опасаясь, что Гудовичъ не точно передастъ его слова. Петръ III закричалъ императрицѣ «дура», такъ что это слышали всѣ присутствовавшіе за обѣдомъ. У Екатерины навернулись слезы отъ такого оскорбленія; но, желая поскорѣе оправиться, она просила графа Сергѣя Александровича Строгонова, стоявшаго за ея стуломъ, развлечь ее какой нибудь шуткой. Графъ рассказалъ какой-то забавный анекдотъ и, насколько могъ, отвлекъ вниманіе лицъ, сидѣвшихъ близъ императрицы, отъ неприятнаго эпизода. Какъ только обѣдъ былъ оконченъ, Петръ III приказалъ выслать графа Строгонова въ его загородный домъ и арестовать императрицу. Только благодаря просьбамъ принца Георга, даннаго князю Барятинскому приказъ объ арестѣ Екатерины не былъ приведенъ въ исполненіе ¹⁾.

«Только съ этого дня—говоритъ Екатерина—я начала склоняться на предложенія, которыя мнѣ дѣлались съ самой кончины императрицы Елизаветы». Друзья предлагали ей арестовать Петра III

¹⁾ Дашкова, 47; Jacob, 2; Арх. кн. Воронцова, XXV, 414; Храповицкій, 482; Castéra, I, 285; Колотовъ, I, 29. Эпизодъ съ «дурой» нѣкоторые ошибочно относятся къ обѣду 29-го апрѣля (10-го мая), на которомъ Екатерина вовсе не присутствовала и были только мужчины: ein grosser Mittags-Mahlzeit, worzu, wegen Abwesenheit der Kayserin, so an diesem Tag nicht erschienen, lauter Manns-Personen gezogen (дешеша Мерси Аржанто, въ Сборникъ, XVIII, 335); наконецъ, въ числѣ гостей за обѣдомъ 29-го апрѣля не было вовсе тоста объ императорской фамиліи. Щербальскій, 55. Другіе приурочиваютъ этотъ эпизодъ къ 10-му (21-му) мая, когда никакого обѣда по случаю русско-прусскаго мира не было (Суворинъ, Княгиня К. Р. Дашкова, 47). Что же касается самаго эпизода, невѣроятнаго по своей грубости, онъ не можетъ возбуждать сомнѣнія, такъ какъ онъ не первый: еще въ депешѣ отъ 5-го марта, графъ Мерси Аржанто сообщаетъ, со словъ своего «русскаго друга», что императоръ даже въ присутствіи всѣхъ за столомъ оскорбляетъ императрицу самыми обидными словами—mit den allerempfindlichsten Worten (Сборникъ, XVIII, 202). Подобная грубость объясняется, вѣроятно, опьяненіемъ; не даромъ же подобныя оскорбленія случались всегда «за столомъ», когда Петръ III позволялъ себѣ упиваться бургундскимъ, шампанскимъ и англійскимъ пивомъ (Сборникъ, XVII, 189, 195, 248, 336; Castéra, I, 283, 287, 289, 294).

и держать въ заточеніи, т. е. буквально повторить эпизодъ съ правительницей Анной и ея дѣтьми. Какъ арестовать? Куда заточить? Кѣмъ замѣнить Петра III? Если сыномъ, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, какъ предлагалъ нѣкогда Бестужевъ-Рюминъ и теперь предлагаетъ Панинъ, то какъ опредѣлится роль Екатерины, ея права, ея участіе въ управленіи имперіей? Императрица-супруга имѣла дѣло съ однимъ врагомъ—Петромъ III, императрица-мать можетъ встрѣтить ихъ нѣсколько въ средѣ честолюбивыхъ царедворцевъ. Вотъ вопросы, занимавшіе Екатерину послѣ «историческаго обѣда» 9-го іюня и требовавшіе возможно скорого рѣшенія: сегодня Петръ III внялъ мольбамъ принца Георга, завтра можетъ и не внять.

Трехдневное торжество мира съ Пруссіею было ненавистно всѣмъ, но «страхъ» передъ самодержавнымъ Петромъ III былъ такъ великъ, что никто не дерзалъ перечить императору. Общее недовольство было, однако, извѣстно петербургской полиціи, и она заранѣе «пригласила» домовладѣльцевъ иллюминировать ихъ дома въ теченіе всѣхъ трехъ дней флагами и плашками.

Въ понедѣльникъ, 10-го іюня, былъ ужинъ при дворѣ на 500 человекъ и ночью фейерверкъ; во вторникъ, 11-го—опять ужинъ, а въ среду, 12-го іюня, Петръ III отправился въ Ораніенбаумъ ¹⁾.

Въ теченіе пяти дней, до понедѣльника, 17-го іюня, Екатерина оставалась одна въ Петербургѣ, безъ Петра III, безъ большого двора, который весь потянулся за императоромъ въ Ораніенбаумъ. Что она дѣлала въ эти пять дней, съ кѣмъ видѣлась, о чемъ бесѣдовала, что предпринимала—объ этомъ можно только догадываться по обнаружившимся вскорѣ результатамъ Несомнѣнно, однако, что какъ Екатерина, такъ и ея друзья должны были дѣйствовать крайне осторожно: отправляясь въ Ораніенбаумъ, Петръ III, по совѣту Фридриха II, назначилъ надежныхъ, по его мнѣнію людей, наблюдать въ Петербургѣ за дѣятельностью лицъ, казавшихся ему подозрительными, и, между прочимъ, за капитаномъ артиллеріи Григоріемъ Орловымъ ²⁾. Назначеніе «согласда-

¹⁾ Делеша *Мерси Аржанто*, въ *Сборникѣ*, XVIII, 179, 401; *Marche*, 156.

²⁾ *Лопишогъ*, *Пособіици Екатерины*, въ *Русск. Архивѣ*, за 1870, стр. 966.

Въ это именно время, 14-го іюня, уѣхалъ изъ Петербурга французскій послан-

таевъ» само по себѣ служило серьезнымъ предостереженіемъ; наблюденіе же за Орловымъ ясно свидѣтельствовало, что подозрѣнія направлены вѣрно. Екатеринѣ и ея сторонникамъ не было, впрочемъ, и надобности рисковать своею неосторожностью—въ пользу ихъ неумоимо работалъ самъ Петръ III, своими рѣчами и поступками возбуждая общее «недовольство». По словамъ русскаго саповника, въ іюнѣ, «безразсудство, упрямство и безтолковое поведеніе императора сдѣлали его настолько ненавистнымъ, что въ Петербургѣ, не остерегаясь болѣе, всѣ открыто уже высказывали свое неудовольство».

Какъ свои, такъ и чужіе, люди посторонніе, начинаютъ чувствовать, что живутъ наканунѣ какого-то взрыва, переворота; никто не знаетъ чѣмъ кончится и къ чему приведетъ этотъ переворотъ, но необходимость его сознавалась всѣми. Брильянтикъ Позье говоритъ, 19-го іюня, супругѣ канцлера, графинѣ Воронцовой: «Ваше превосходительство, что вы о всемъ этомъ думаете? Я, по крайней мѣрѣ, весьма опасаясь, какъ бы не случилось чего-нибудь ужаснаго и долженъ вамъ признаться, что, видя все, что я вижу теперь, я не совѣмъ спокоенъ». Графиня отвѣчала, едва сдерживая слезы: «Вы правы, я имѣю поводъ быть еще менѣе спокойною, чѣмъ вы, потому что вы иностранецъ; но нужно

никъ баронъ Бретеау, который, по его словамъ, зналъ о заговорѣ отъ самой Екатерины: *C'est avec le dernier étonnement que j'ai appris depuis très peu de jours que vous étiez instruit de la révolution qui se tramait longtems avant qu'elle n'eût lieu et que même la nouvelle Impératrice vous avez fait faire des ouvertures si précises à cet égard que vous ne pouviez vous y tromper. C'est dans de pareilles circonstances que sans les mander ni au roi, ni au ministère vous partez de Pétersbourg dans le moment où votre présence pouvait y être le plus utile lors même que vous auriez cru ne pas devoir contribuer aux vues de cette princesse. Le comte de Broglie au baron de Breteuil, du 11 août 1762* (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 62, pièce 71*). Мы считаемъ барона Бретеау гораздо умнѣе подобной глупости и видимъ въ его донесеніи обычную похвальбу заднимъ числомъ. Эта «похвальба» изобличается, между прочимъ, послѣдующими добрыми отношеніями Екатерины къ Бретеау. Болѣе вѣроятнымъ кажется намъ извѣстіе о томъ, что Екатерина, не успѣвъ занять денегъ у французскаго посланника, обратилась къ англійскому купцу и заявила 100,000 рублей (*Jauffret, Catherine II et son règne, I, 120*), хотя и нельзя утверждать, что этотъ заемъ былъ сдѣланъ именно въ эти пять дней. Письмо Фридриха II отъ 4-го мая 1762 г. въ *Русск. Старинѣ, III, 304*.

молчать и предоставить все на волю Божию. Вы насъ любите, принимаете участіе въ нашемъ горѣ, но ведите себя осторожно при такихъ критическихъ обстоятельствахъ въ которыхъ мы находимся». Незадолго до отъѣзда изъ Россіи, французскій посланникъ предлагалъ свергнуть императора, воспользовавшись общою къ нему ненавистью и презрѣніемъ. Баронъ Бретэль—врагъ Петра III и можетъ быть признанъ пристрастнымъ; но сторонникъ же Петра III, англійскій министръ Кейтъ, говоритъ въ Ораніенбаумѣ графинѣ Брюсъ: «Послушайте, да вѣдь вашъ императоръ совсѣмъ сумасшедшій: не будучи безумнымъ, нельзя поступать такъ, какъ онъ поступаетъ» ¹⁾.

17-го іюня Екатерина простилась съ Павломъ Петровичемъ, оставившемся въ лѣтнемъ дворцѣ съ гофмейстеромъ Панинымъ, и отправилась въ Петергофъ ²⁾. Она жила тамъ одна, довольно уединенно, никого не принимая: кромѣ дежурныхъ камеръ-фрейлинь и камеръ-юнкеровъ, она никого не видѣла; кромѣ дворцоваго сада, никуда не выходила, и появлялась при дворцѣ только по требованію самого императора. Такъ, въ среду, 19-го іюня, она ѣздила въ Ораніенбаумъ, гдѣ присутствовала на домашнемъ спектаклѣ, устроенномъ Петромъ III, причемъ императоръ игралъ въ оркестрѣ на скрипкѣ, а комедію исполняли придворные дамы и кавалеры. Екатерина «была въ глубокомъ траурѣ, казалась довольно грустною и скучно смотрѣла на комедію». Въ тотъ же день она возвратилась въ Петергофъ, и ужь никогда болѣе не видѣла своего супруга ³⁾.

Въ Петергофѣ, никѣмъ нестѣсняемая, она обсуждала свое

¹⁾ *Храновицкій*, 481, 482; *Позье*, 96. Si Sa Majesté avait été informé plustôt des moyens que vous pouviez entrevoir de faire éclore à la mort de l'Impératrice Elisabeth la révolution qui vient d'enlever le trône au Czar, Elle vous eut sûrement autorisé à préparer cet événement, au lieu que nous avons appris depuis que le ministère a rejeté les propositions à la vérité trop vagues, que vous lui avez faites de chercher à mettre en jeu le mépris et la haine que les russes portaient à l'Empereur. Le comte de Broglie au baron de Breteuil, du 11 août 1762 (*Париж. Архивъ, Russie*, vol. 62, pièce 71). — ²⁾ *Marche*, 156.

³⁾ Денеша *Мерси Аржанто* въ *Сборникѣ*, XVIII, 405, 408; *Позье*, 97; *Виллере*, 18. Сохранилось извѣстіе, что Екатерина «посѣтила» Петра III въ Ораніенбаумѣ 26-го іюня и присутствовала 27-го іюня на праздникѣ въ Фортификахъ (*Helbig, Biographie*, II, 121, 122). Едва-ли это извѣстіе справедливо:

положеніе, тревожилась за завтрашній день, опасалась за каждую минуту. Она вспоминала подробности восшествия на престолъ Елизаветы Петровны: и ей угрожаютъ монастыремъ, и ей совѣтуютъ стать во главѣ движенія; но она не дочь Петра Великаго, но Петръ III не младенецъ! Одна, лишенная возможности дѣйствовать, она всю надежду возлагала только на общественное мнѣніе—не даромъ же она считала необходимымъ прислушиваться къ говору въ публичныхъ мѣстахъ, на базарахъ и рынкахъ ¹⁾).

Пока Екатерина оставалась въ Петергофѣ, а въ Петербургѣ общественное мнѣніе выражалось все яснѣе, все рѣзче, въ Ораніенбаумѣ шелъ полный разгулъ: каждодневные разводы голштинскихъ батальоновъ, шумные обѣды, пьяные ужины, невоздержныя рѣчи, невозможныя распоряженія. Послѣ того, какъ Петръ III отдалъ приказъ, чтобъ больные матросы вылечились, никто уже не удивлялся никакимъ распоряженіямъ императора; послѣ «дуры» никакія рѣчи не смущали. Когда императоръ, въ присутствіи всего двора, началъ бить своихъ камергеровъ ²⁾, только иностранные министры пришли въ ужасъ, русскіе же вельможи, опасаясь худшаго, покорно сносили оскорбленія.

Отъѣздъ Петра III на войну съ Данією, первоначально назначенный на вторую половину іюня, отложенъ на нѣсколько дней — императоръ желаетъ отпраздновать свое тезоименитство 29 іюня, день св. Петра и Павла. Наканунѣ, въ четвергъ, 28-го іюня, въ часъ пополудни, прямо съ развода, императоръ отправился изъ Ораніенбаума въ Петергофъ, «чтобы наканунѣ Петрова дня присутствовать при большомъ обѣдѣ въ Монплеизирѣ у ея величества

желаая представить переворотъ 1762 г. результатомъ «заговора», авторъ посылаетъ «заговорщиковъ» слѣдить за своею жертвою; всему придана какая-то мелодраматическая окраска, совершенно чуждая данному случаю. Если праздникъ въ Гостилицахъ и былъ 27-го іюня, что весьма вѣроятно, то присутствіе на немъ Екатерины и гетмана Кирилла Разумовскаго крайне невѣроятно. Подобные праздники оканчивались при Петрѣ III далеко за полночь, нерѣдко въ пять, шесть часовъ ночи; а извѣстно, что въ пятомъ часу ночи на 28-е іюня Екатерина выѣхала уже изъ Петергофа въ Петербургъ. Показаніе Н. К. Загряжской, будто ея отецъ, Кириллъ Разумовскій, былъ 28-го іюня въ Петергофѣ, не заслуживаетъ довѣрія (*Висильчиковъ*, I, 295).

¹⁾ *Сборникъ*, VII, 87. — ²⁾ *Храповицкій*, 481; депеша *Мерси Аржанто*, въ *Сборникъ*, XVIII, 209, 260; *Rulhière*, 46.

императрицы и потомъ вечеромъ принять поздравленія и быть за ужинымъ столомъ». Петра III сопровождала, въ придворныхъ каретахъ, избранная свита, въ числѣ которой было 17 дамъ. Въ два часа пополудни, кортежъ прибылъ въ Петергофъ. «По прибытіи въ Петергофъ, дворецъ, въ которомъ живетъ императрица, найденъ пустымъ и съ удивленіемъ услышали, что императрица еще въ пять часовъ утра потаенно уѣхала въ Петербургъ»¹⁾.

Начинается проявленіе общественнаго мнѣнія...

Большая ошибка думать, что въ Россіи нѣтъ общественнаго мнѣнія. Въслѣдствіе того, что въ Россіи нѣтъ правильныхъ формъ для его выраженія, оно проявляется неправильно, скачками, урывками, только въ важные историческіе моменты, но проявляется тѣмъ съ большею силою и въ формахъ тѣмъ болѣе своеобразныхъ. Петръ III презиралъ русское общественное мнѣніе, глумился надъ нимъ и имѣлъ несчастіе испытать на себѣ его страшную силу со всѣми его роковыми послѣдствіями. Не Екатерина, не Орловы, не Дашкова произвели переворотъ всѣми ожидавшійся — они были только орудіями того общественнаго мнѣнія, которое подняло всѣ полки, всѣ сословія, весь народъ, и мирно, безъ пролитія крови, заявило о своихъ правахъ на уваженіе.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

¹⁾ Записка Штелина о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III, *Грознъ*, Соч. Державина, IX, 287; списовъ лицъ свиты, тамъ-же, VI, 863; *Eulhiere*, 109.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Выборъ невѣсты.

Въ политическихъ запискахъ прусскаго короля Фридриха II, которыя онъ озаглавилъ «Histoire de mon temps»¹⁾, довольно подробно говорится о выборѣ невѣсты для великаго князя Петра Федоровича. Такъ какъ Фридрихъ II принималъ извѣстное участіе въ этомъ дѣлѣ, то его рассказъ, конечно, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Кромѣ писемъ, которыя Фридрихъ II писалъ, по большей части, безъ поправокъ, прямо набѣло, всѣ писанія прусскаго короля подвергались исправленіямъ, измѣненіямъ и дополненіямъ, нерѣдко весьма существеннымъ, смотря по новымъ обстоятельствамъ, которыя измѣняли взгляды автора, иногда же только стилистическимъ. Такъ и его «Histoire de mon temps», написанная въ 1746 году, была имъ переработана въ 1775 г. Какъ историческій документъ, особенно же какъ запись о бракѣ великаго князя, для насъ имѣетъ большее значеніе первая редакція, 1746 года, какъ болѣе близкая къ описываемому событію. По этой первой редакціи, дѣло происходило такъ:

«L'impératrice de Russie songeait à marier son neveu, le grand duc de Russie. Quoique son choix ne fût point déterminé encore, son penchant le portait en faveur d'Ulrique, princesse de Prusse, dont la beauté et les grâces faisaient de bruit jusques au bout de l'Europe. La cour de Saxe, esclave rampante de la Russie, avait

¹⁾ Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven, Leipzig, 1879, IV: «Histoire de mon temps» (Redaction von 1746), herausg. von Posner.

dessein d'établir la princesse Mariane, seconde fille du roi de Pologne, pour y augmenter son crédit et s'assurer à jamais de la protection de cette puissance. Les ministres russes, dont la vénalité aurait mis, je crois, l'impératrice même à l'enchère vendirent un contrat de mariage précoc: ils reçurent de grandes largesses, et le roi de Pologne des paroles.

«Rien n'était plus contraire au bien de l'état que de souffrir cette alliance; rien n'était plus dénaturé que d'y envoyer la princesse Ulrique. Malheur à ces politiques qui sacrifient jusqu'à leur propre sang à leur intérêt et à leur vanité. De toutes les princesses qui étaient à marier en Allemague aucune ne convenait mieux à la Russie que la princesse de Zerbst, dont le père servait depuis sa jeunesse dans les armées prusiennes, et dont la mère était une princesse de Holstein, soeur du prince nouvellement élu successeur de Suède et tante du grand duc de Russie ¹⁾).

«J'abrège au lecteur le détail ennuyeux de tous les ressorts dont le baron de Mardefeld se servit pour fixer l'esprit de l'impératrice sur cette jeune princesse préférablement à tant d'autres, suffit de dire que cette négociation se fit à l'insu des Bestushew, et que le secret fut gardé quoique beaucoup de femmes indiscrettes en fussent les dépositaires, tellement que la princesse de Zerbst arriva avec sa fille à Pétersbourg au grand étonnement de toute l'Europe, et qu'elle fut reçue à Moscou de l'impératrice avec les témoignages d'une joie et d'une amitié sincère. Malgré tout d'avantages, il restait encore une grande difficulté à vaincre, c'était le cousinage des jeunes mariés, on se servit dans cette occasion du chemin, qui est en Russie et dans la plupart des cours de l'Europe l'abrégé des contraverses: on répandit de l'argent à propos, et les popes trouvèrent qu'il n'y avait rien de contraire dans leurs loi à ce mariage» ²⁾.

Если ходъ переговоровъ о выборѣ невѣсты для великаго князя представляеть въ этомъ разказѣ согласно съ дѣйствительностью, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что король прусскій былъ «глав-

¹⁾ *Манштейнъ*, 291.

²⁾ Chapitre XI, Négociation de l'année 1744. *Posner*. 302. Разказъ буквально повторень *Колотосыкъ*, I, 3.

нымъ сватомъ» (*Осмнади. Вѣкъ*, I, 13), какъ то признають всё историки, иностранные и русскіе. Вѣрнѣ-ли, однако, этотъ рассказъ?

Отмѣтимъ, прежде всего, неточность, бросающуюся въ глаза—упоминаніе о прусской принцессѣ Ульрикѣ. У Фридриха II было двѣ сестры: *Ульрика*, впоследствии за шведскимъ королемъ Адольфомъ-Фридрихомъ, и *Анна-Амалия*, позже аббатиса Кведлинбургская. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, старшей, Ульрикѣ, было 23 года, младшей, Амалии—20 лѣтъ, между тѣмъ какъ Петру Ѳедоровичу всего 15 лѣтъ. Перебирая списокъ невѣстъ того времени, Елизаветѣ Петровнѣ, конечно, называли и сестеръ прусскаго короля, какъ princesses à marier; но у императрицы не было и, по разности лѣтъ, не могло быть серьезнаго намѣренія женить племянника на Ульрикѣ или Амалии, менѣе всего на Ульрикѣ, которую именно и называетъ Фридрихъ II—въ 1743 г., по предложенію Елизаветы же ¹⁾, шла рѣчь о бракѣ Ульрики съ Адольфомъ-Фридрихомъ (*Biester*, 14). Въ разговорѣ съ Бестужевымъ о невѣстахъ Петра Ѳедоровича императрица даже не упоминаетъ о сестрахъ прусскаго короля (*Сборникъ*, VI, 505). Была рѣчь о прусской принцессѣ, но, вопервыхъ, не объ Ульрикѣ, а объ Амалии (*Beauclair*, 80) и, вовторыхъ, что особенно важно для характеристики всего разсказа Фридриха II, рѣчь эту завелъ именно Бестужевъ, котораго Фридрихъ II выставляеть человѣкомъ, подкупленнымъ въ пользу саксонской принцессы.

Само собою разумѣется, что вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ былъ заинтересованъ вопросомъ о бракѣ русскаго великаго князя; но роль, приписываемая ему въ депешахъ иностранныхъ дипломатовъ, представляетъ въ совершенно ложномъ свѣтѣ его участіе въ этомъ дѣлѣ. Мардефельдъ и Шетарди, преслѣдуя свои личныя цѣли, гнали въ своихъ депешахъ на вице-канцлера; мы, не имѣя въ своихъ рукахъ источниковъ, повторяли ихъ ложь. Тенеръ не

¹⁾ На это предложеніе Фридрихъ II отвѣчалъ, что его старшая сестра, Ульрика, zum Heirathen keine Lust bezeugt (*Pol. Corr.*, III, 5). Между тѣмъ, *Шлеиеръ*, во всемъ довѣрая запискамъ Фридриха, говоритъ, что прусскій король отклонилъ просьбу русской императрицы относительно Ульрики потому, между прочимъ, что er hatte bereits in Geheimen für die Princessin Louise Ulrike den schwedischen Thronfolger bestimmt (S. 31).

подлежитъ уже сомнѣнію, что какъ только зашла рѣчь о бракѣ великаго князя, еще въ іюнѣ 1742 года, вице-канцлеръ представилъ императрицѣ, въ числѣ другихъ невѣсть, и прусскую принцессу Амалию, младшую сестру Фридриха II. Это былъ въ то время фактъ общеизвѣстный, о которомъ упоминали иностранные посланники въ своихъ депешахъ и современные писатели ¹⁾. Мало-того: при первомъ же свиданіи съ прусскимъ посланникомъ, Бестужевъ не скрылъ отъ него, что при обсужденіи вопроса о невѣстахъ была упомянута и Амалия (*Pol. Corr.*, II, 241). Извѣщенный объ этомъ, прусскій король, въ рескриптѣ отъ 30-го іюля 1742 года, предписалъ Мардефельду избѣгать даже разговоры о подобномъ бракѣ — *alle Discourse von Mariages zu esquiren und zu evitiren*. Объ этомъ былъ извѣщенъ и прусскій министръ Подевильтъ въ слѣдующей категорической формѣ: *Von der russischen Heiraths affaire wolen S. Königl Majestät nichts wissen* (*Pol. Corr.*, II, 268). Такое безпокойство, однако, было совершенно излишне: не вина Бестужева, если Мардефельдъ сообщилъ королю о принцессѣ Амаліи, какъ о серьезномъ намѣреніи.

Въ 1746 году, составляя свою «*Histoire de mon temps*», когда уже чербетская принцесса Софія была великою княгинею Екатериною Алексѣевною, Фридрихъ II пишетъ, что «болѣе всѣхъ пригодна для Россіи» именно принцесса чербетская; но въ 1743 году, когда дѣлался выборъ, прусскій король писалъ иное: Фридрихъ II впервые упоминалъ о чербетской принцессѣ въ рескриптѣ Мардефельду отъ 2-го ноября 1743 г. и не объ ней одной, а на ряду съ принцессами гессенъ-дармштадтскими (*Pol. Corr.*, II, 458), которыхъ онъ предлагалъ даже и въ декабрѣ (*Pol. Corr.*, II, 481, 489), когда уже выборъ былъ сдѣланъ, когда уже было послано въ Чербетъ приглашеніе пріѣхать въ Россію. Изъ этого уже видно, что если Фридрихъ II и можетъ быть названъ «сватомъ», то во всякомъ случаѣ не «главнымъ». Но есть указаніе, что относительно чербетской принцессы онъ не былъ даже и простымъ сватомъ.

Шлецеръ, со словъ Ранке, утверждаетъ, что прусскій министръ Подевильтъ первый назвалъ Фридриху II чербетскую принцессу,

¹⁾ The King of Prussia's youngest sister, въ депешѣ Вича отъ 5-го февраля 1743 г. (*Lond. Archives, Russia*, № 43); *Beauclair*, 80; *Laveau*, 37; *Biester*, 13, и др.

а Фридрихъ предложилъ ее Елизаветѣ Петровнѣ (*Ranke*, III, 125; *Schlözer*, 31). Между тѣмъ, въ депешѣ Шетарди къ статсъ-секретарю Амело, отъ 17-го января 1744 года, говорится, что въ четвергъ, 12-го января, императрица ему «откровенность учинила о супружествѣ молодой принцессы Цербстской», причѣмъ прибавила, что «она принуждена была для лучшаго сокрытія отъѣзда сихъ двухъ принцессъ о томъ королю прусскому открыть» (*Арх. кн. Воронцова*, I, 479). Такимъ образомъ, не Фридрихъ II извѣстилъ Елизавету Петровну, а наоборотъ, она его извѣстила о выборѣ невѣсты именно въ лицѣ принцессы цербстской. На этотъ счетъ есть и совершенно положительное указаніе. Въ «Дневникѣ докладовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ» значится, что въ отвѣтъ на рекомендацію Фридрихомъ II принцессы цербстской и ея дочери (*Pol. Corr.* II, 319) предполагалась слѣдующая фраза: «о меритахъ оныхъ принцессъ ея императорское величество *посторонне отъ друиыхъ слышать изволила*» (*Арх. кн. Воронцова*, VI, 40).

Фридрихъ II основалъ свой рассказъ на депешахъ Мардефельда, между тѣмъ прусскій король имѣлъ уже указаніе, что его посланникъ не пользуется довѣріемъ русскаго двора. По депешамъ Мардефельда, онъ все: онъ уговариваетъ императрицу остановить свой выборъ на цербстской принцессѣ, онъ укрѣпляетъ ее въ этомъ выборѣ, онъ подкушаетъ чуть-ли не весь синодъ признать, что близкое родство не помѣха браку (*Pol. Corr.*, II, 481, 488; III, 28) и т. п. Между тѣмъ, еще при самомъ началѣ выбора невѣсты для великаго князя, русскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ графъ Чернышевъ заявлялъ, 2-го августа 1742 г., желаніе своего двора, чтобъ Мардефельдъ былъ отозванъ изъ Петербурга, и Фридрихъ II соглашался перемѣстить Мардефельда опять въ Вѣну, а въ Петербургѣ акредитовать Фокерода, возведя его предварительно въ баронское достоинство (*Pol. Corr.*, II, 252). Тѣмъ не менѣе, Фридрихъ II вполнѣ довѣряетъ Мардефельду, который рисуется въ своихъ депешахъ всеильнымъ при русскомъ дворѣ, довѣряетъ даже послѣ того, какъ, въ 1745 году, вслѣдъ за бракомъ, опять было потребовано отозваніе Мардефельда, и онъ вскорѣ былъ отозванъ. Эту крайнюю довѣрчивость Фридриха II къ депешамъ посланниковъ мы уже имѣли случай отмѣтить въ «Первыхъ политическихъ письмахъ Екатерины II», стр. 32.

Въ 1775 году, перечитывая свою «Histoire de mon temps», Фридрихъ II измѣнилъ нѣсколько разсказъ: онъ двѣ фразы исключилъ и одну вставилъ. Въ 1746 г., сознавая, что Ульрика стара для Петра Федоровича, онъ прибавилъ фразу о ея необыкновенной красотѣ, известной всей Европѣ—эта фраза была уничтожена, равно какъ и нелогичная тирада о пожертвованіи своею кровію ради политическихъ выгодъ, такъ какъ къ 1775 году оказалось уже, что Ульрика, какъ шведская королева, не оправдала возлагавшихся на нее братомъ надеждъ. Цербстскій князь умеръ въ 1747 г. и потому во второй редакціи «Исторіи моего времени» появляется сѣдующая вставка: «Самъ отецъ невѣсты противился браку: будучи ревностнымъ лютераниномъ, какіе бывали въ первыя времена реформаціи, онъ не хотѣлъ позволить своей дочери сдѣлаться схизматичкою, и согласился только тогда, когда одинъ пасторъ, отличавшійся большою терпимостью, доказалъ ему, что греческая религія почти то же самое, что лютеранская». Это почти дословное повтореніе письма Фридриха II къ герцогинѣ гессенъ-дармштадтской, о которомъ упомянуто ниже въ Изслѣдованіи 2-мъ.

Соловьевъ не довѣряетъ разсказу Фридриха II: «Въ этомъ разсказѣ, говоритъ онъ, очевидны преувеличенія, стараніе выставить свое участіе въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ какъ оно было на самомъ дѣлѣ. Странно предположить, чтобы первая мысль объ этомъ бракѣ принадлежала прусскому королю, а не Брюммеру при известной преданности послѣдняго къ герцогскому дому» (XXI, 324). Въ текстѣ мы привели дословный переводъ того письма Брюммера, которое смутило почтеннаго историка—по этому письму легко сдѣлать опѣнку и самого Брюммера, и его преданности голштинскому дому. Противъ Брюммера, но въ защиту Фридриха II, высказываются *Теоктистовъ*, «Отношеніе Россіи къ Пруссіи», 42, и *Брикнеръ*, 195.

Для всесторонняго разъясненія вопроса необходимо упомянуть о свидѣтельствѣ лица, наиболѣе заинтересованнаго въ данномъ случаѣ—самой Екатерины II.

Вскорѣ послѣ обрученія великая княжна Екатерина Алексѣевна написала прусскому королю, отъ 21-го іюля 1744 г., слѣдующее нисьмо: «Sire, je sens trop parfaitement la part que Votre Majesté a au grand établissement, où je viens d'entrer, pour oublier les remerciements que je Lui en dois, recevez les ici, Sire, et persuadez

vous que je ne le considérerai glorieux pour moi qu'alors que j'aurai eu l'occasion de vous convaincre de ma reconnaissance et de l'attachement» (*Сборникъ*. XX, 149; *Pol. Corr.*, III, 239). Въ этомъ письмѣ, составленномъ, конечно, подъ диктовку матери, говорится только объ участіи короля къ судьбѣ Екатерины, что совершенно согласно съ ходомъ дѣла: Фридрихъ II принималъ участіе и даже довольно большое, но не въ выборѣ, а въ успѣшномъ устройствѣ дѣла, когда уже выборъ былъ сдѣланъ. Гораздо важнѣе позднѣйшія указанія Екатерины. Такъ, въ письмѣ къ Гримму, собиравшемуся посѣтить мѣсто ея родины, Штетинъ, Екатерина пишетъ, между прочимъ, отъ 29-го іюня 1776 года: «Or à tout cela je ne vois pas qu'il y ait rien de fort intéressant, à moins que vous ne croyiez que le local ne soit bon ou n'influe à faire des impératrices passables; en ce cas vous devriez proposer au roi de Prusse d'y établir une pépinière dans ce goût, et s'en accommoderait qui voudrait» (*Сборникъ*, XXIII, 51). Упомянутое прусскаго короля объясняется, во первыхъ, принадлежностью Штетина Пруссіи и, во вторыхъ, общимъ, самимъ Фридрихомъ II распространеннымъ въ то время мнѣніемъ, что бракъ Екатерины былъ устроенъ прусскимъ королемъ. Незадолго до вышеприведеннаго письма къ Гримму, въ 1774 г., вышла въ Лондонѣ «Исторія Петра III» съ общепринятымъ указаніемъ: le roi de Prusse proposa la princesse d'Anhalt-Zerbst (*Beauclair*, 80), и это повторялось всѣми.

Мы не отвергаемъ извѣстнаго участія Фридриха II въ бракѣ цербетской принцессы съ великимъ княземъ; но признаемъ, что въ выборѣ невѣсты для Петра Федоровича ни Фридрихъ II, ни Брюкнеръ не участвовали, и что Фридрихъ II не имѣлъ серьезныхъ основаній вставить въ 1775 году, въ свою «Histoire de mon temps» слѣдующую фразу: «Этимъ бракомъ утверждалась безопасность Пруссіи: русская великая княгиня, вскормленная и воспитанная въ прусскихъ земляхъ, обязанная своимъ счастьемъ прусскому королю¹⁾, должна, изъ чувства благодарности, держать его сторону» (*Herrmann*. V, 76).

¹⁾ Une grande duchesse de Russie, élevée et nourrie dans les terres prussiennes, devant au roi sa fortune etc. (*Posner*, 464).

II.

Вопросъ о перемѣнѣ вѣры.

Ровно двѣ недѣли спустя послѣ приѣзда принцессы Софїи въ Москву, маркизь де-ла-Шетарди, въ депешѣ отъ 24 февраля 1744 года, извѣщалъ статсъ-секретаря Амело, что Бестужевъ-Рюминъ убѣдилъ московскаго архїепископа противиться браку великаго князя съ принцессою цербстскою: «Онъ московскаго архїепископа на свою сторону преклонилъ, который съ достойною себѣ и тому челоуѣку глупостію, который на оную побуждалъ, пришелъ къ Царю и оспаривать всякое принятое въ супружествѣ великаго князя съ молодою принцессою цербстскою обязательство» (*Архивъ кн. Воронцова*, I, 510). Представляя императрицѣ перлюстрацію депешъ Шетарди, вице-канцлеръ опровергъ эту ложь французскаго дипломата въ слѣдующей категорической «ремаркѣ»: «Какого зла въ свѣтѣ и вымыслить не можно, такое маркизь Шетарди съ своими сообщниками Лестокомъ и Брюмеромъ умышленно вице-канцлеру приписуеть. Сіе ихъ богомерзкое и злоумышленное оклеветаніе удостовѣрительно доказать можно, когда Ея Императорскому Величеству высочайше угодно будетъ Московскаго архїепископа, или всякую иную духовнаго чина особу, подѣ клятвою спросить, учинено-ли было ему, или кому иному, какое-либо ни есть отъ вице-канцлера о супружествѣ съ принцессою цербстскою внушеніе, или хотя по меньшей мѣрѣ имѣлъ-ли вице-канцлеръ съ кѣмъ нибудь изъ нихъ какіе партикулярные разговоры, наименьше же какія о семъ соглашенія» (*Архивъ кн. Воронцова*, I, 512).

Съ легкой руки маркиза Шетарди, вопросъ о перемѣнѣ принцессою Софїею исповѣданія вызвалъ цѣлую массу исторической неправды, разсѣянной и въ официальныхъ реляціяхъ Мардефельда, и въ частныхъ письмахъ княгини-матери. Ложь Шетарди опровергнута Бестужевымъ-Рюминымъ; ложь прусскаго посланника и княгини цербстской остается до настоящаго времени не опровергнутою и повторяется всеми, даже новѣйшими историками. Объясняется это отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что вопросъ о перемѣнѣ исповѣданія

принцессою Софіею, о переходѣ ея изъ протестантства въ православіе, обсуждался преимущественно протестантскими учеными, для которыхъ рѣшеніе подобнаго вопроса являлось дѣломъ личнаго самолюбія—протестанты-историки желали на этомъ вопросѣ выставить заслугу протестантизма, какъ религіи, отъ великихъ истинъ которой трудно отказаться даже 15-ти-лѣтней дѣвочкѣ. Нечего и говорить, что каждый изъ нихъ старательно твердитъ, что отецъ принцессы Софіи былъ ein strenger Protestant (*Schlözer*, 46), ein strenger lutherischer Christ (*Siebigk*, 16), и т. п. Отчасти же, неправда, затуманивающая этотъ вопросъ, объясняется «фанатизмомъ» отца принцессы Софіи, который, какъ насъ увѣряютъ, не допускалъ даже и мысли о перемѣнѣ религіи его дочерью. Правда-ли это?

Съ пербтскимъ владѣтельнымъ княземъ Христіаномъ-Августомъ мы уже знакомы по «инструкціи» (см. выше, стр. 39—41), которою онъ благословилъ дочь предъ отъѣздомъ ея изъ Цербста. Въ ней онъ рисуется себя вполне честнымъ, прямымъ, и въ то же время довольно тупымъ, мелочнымъ человѣкомъ, но вовсе не фанатикомъ. Онъ, конечно, высказываетъ желаніе, чтобъ его дочь, если возможно, осталась лютеранкою ¹⁾, но вовсе не запрещаетъ, въ случаѣ необходимости, принять греческую вѣру и только проситъ, чтобы эта перемѣна была сдѣлана безъ принужденія ²⁾, послѣ ознакомленія съ греческою вѣрою и ея отличіями отъ лютеранскаго исповѣданія. Развѣ такъ поступаютъ фанатики?

Совершенно инымъ представляется отецъ принцессы Софіи подъ перомъ Фридриха II. Прусскій король говоритъ; что Христіанъ-Августъ былъ «un luthérien, comme il était du temps de la réformation». Зачѣмъ нужна была прусскому королю такая именно характеристика цербтскаго князя? Такъ какъ Христіанъ-Августъ далъ свое согласіе на перемѣну религіи его дочерью, то Фридриху II хотѣлось приписать себѣ заслугу въ полученіи этого согласія: чѣмъ болѣе «фанатикъ» Христіанъ-Августъ, тѣмъ болѣе чести Фридриху II, который добился отъ него согласія на перемѣну исповѣданія! Прусскій король писалъ ланграфинѣ гессенъ-

¹⁾ Wäre zu versuchen ob nicht die Lutherische Religion bey zu behalten könne.

²⁾ Meine Tochter zu zwingen oder zuzureden ist nimmer zu rathen.

дармштадтской: «Mon bon prince de Zerbst était plus rétif sur ce point. J'eus bien de la peine à vaincre ses scrupules de religion; il répondit à toutes mes représentations par: Meine Tochter nt griechisch werden! Mais quelque prêtre que je sus gagner en ce temps fut assez complaisant pour lui persuader que le rite grec était pareil à celui des luthériens, et il répétait sans cesse: Lutherisch-griechisch, griechisch-lutherisch, das gehet an!» (*Schlözer*, 51). Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ изъ письма, посланнаго гораздо позже (in späteren Jahren), Фридрихъ II противорѣчитъ и Христиану-Августу, который никогда не запрещалъ дочери принять греческую вѣру, и самому себѣ: какой же «лютераниннѣ время Лютера» согласился бы признать, что греческая вѣра не разствууетъ отъ лютеранскаго исповѣданія, что это одно и то же? Между тѣмъ, этотъ отрывокъ повторяется всѣми новѣйшими писателями ¹⁾, какъ важный аргументъ. Въ этомъ случаѣ вина всецѣло падаетъ на Фридриха II: онъ былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ своимъ фельдмаршаломъ и, слѣдовательно, добровольно, ради своихъ личныхъ видовъ, распространялъ подобную неправду, когда князя давно уже не было въ живыхъ ²⁾. Извѣстно, впрочемъ, что писаніямъ Фридриха II нельзя довѣрять: онъ очень часто прибѣгалъ къ перу, чтобы ввести въ заблужденіе. Относительно же настроенія принцессы Софіи его нельзя обвинять, такъ какъ тутъ онъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе: княгиня-мать обманывала Мардефельда, и прусскій посланникъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчалъ, что его обманываютъ, сообщалъ этотъ обманъ прусскому королю. Относительно принцессы Софіи вина падаетъ на ея мать.

Еще цербстскія гости были въ Петербургѣ, онѣ не видѣли еще ни императрицы, ни великаго князя, какъ уже княгиня Юганна-Елизавета сообщаетъ Мардефельду свои опасенія на счетъ дочери относительно переменъ вѣры. 6-го февраля, изъ Петербурга, Мардефельдъ пишетъ Фридриху II: «Il n'y a qu'un point, qui m'embarasse infiniment; c'est que la mère croit ou *fait semblant*

¹⁾ *Siebigk*, 58; *Брикнеръ*, 220; *Brükner*, 27; конечно, и *Диринъ*, 81.

²⁾ Въ первой редакціи «*Histoire de mon temps*», относящейся къ 1746 г., когда князь цербстскій былъ еще живъ, этого разсказа вовсе нѣтъ; онъ появляется только въ позднѣйшей передѣлкѣ, сдѣланной въ 1775 г. (*Posner*, 463).

de croire, que cette jeune beauté (la princesse Sophie) ne pourra se résoudre à embrasser la religion grecque» (Schlözer, 50). Это «fait semblant de croire» ясно показывает недовѣріе къ словамъ княгини. Отвѣтъ короля Мардефельду, отъ 18-го февраля 1744 г., указываетъ, что и Фридрихъ II не допускалъ въ этомъ случаѣ большихъ затрудненій: «Je ne doute nullement qu'on ne pourra faire résoudre la jeune princesse de Zerbst à embrasser la religion grecque, pourvu qu'on s'y prenne d'une bonne manière et qu'on lui laisse en tout cas autant de temps qu'on a laissé sur cela au Grand Duc» (*Pol. Corr.*, II, 47). Убѣжденный, что свѣдѣнія, полученные отъ Мардефельда, справедливы, Фридрихъ II, въ тотъ же день, пишетъ княгинѣ: «Il ne me reste, Madame, que de vous prier de vaincre la répugnance de votre fille pour la religion grecque, après quoi vous aurez soupçonné votre oeuvre» (*Pol. Corr.*, III, 48). И, такимъ образомъ, составляется мнѣніе, повторяемое до сихъ поръ, что принцесса Софія чувствовала *отерашеніе къ православію!* Не обращаютъ вниманія на мутный источникъ, изъ котораго вышло это мнѣніе, на *fait semblant* княгини.

Положеніе Мардефельда при русскомъ дворѣ было таково, что онъ, конечно, только со словъ княгини могъ сообщать Фридриху II о положеніи принцессы Софіи, которую онъ видѣлъ только при выходахъ, приемахъ, на куртагахъ. когда этикетъ тщательно скрываетъ отъ постороннихъ глазъ всякое душевное настроеніе. Княгиня же, недѣлю спустя послѣ пріѣзда въ Москву, 18-го февраля, писала уже своему мужу: *j'ai peur pour la religion, car sa Majesté est fort dévote» (Siebighk, 45).* Чего же боялась княгиня? Еще ни о чемъ и рѣчи не было—это она готовится къ князю. Хитрая княгиня одно пишетъ мужу и совершенно другое передаетъ Мардефельду: въ каждомъ письмѣ къ мужу она говоритъ о внутреннемъ сродствѣ обоихъ исповѣданій, отличающихся только внѣшними обрядами; Мардефельду же она сообщаетъ, что ея дочь утонула въ слезахъ (*quand elle se trouve seule avec des personnes qui ne lui sont pas suspectes*), что «душа ея ясно видитъ и сознаетъ уже, что чуждая религія не въ состояніи вознаградить ее за потерю родной вѣры и что въ такія минуты приходилось удалять Тодорскаго и тайкомъ (*im Geheimen*) приводить къ ней лютеранскаго пастора, изъ устъ котораго принцесса могла бы по-

черпнуть утѣшеніе и надежду» (*Schlözer*, 48). Княгиня, да вѣроятно и Мардефельдъ думали спасти этотъ разсказъ прибавкой, что все происходило въ тайнѣ, но это *тайкомъ* обращаетъ весь разсказъ въ сказку. Кто же повѣритъ, чтобъ Тодорскій позволилъ себя удалить, а графиня Румянцева разрѣшила бы впустить «тайкомъ» пастора? Кто жилъ при дворѣ, тотъ знаетъ, легко-ли таиться въ придворной жизни и можно-ли «тайкомъ» устроить подобное свиданіе. Вся эта сказка выдуманна княгинею, чтобъ парализовать призывъ Тодорскаго принцессою Софіею во время ея болѣзни.

Отмѣтимъ еще одну фальшь въ вопросѣ о перемѣнѣ вѣры принцессою Софіею. Новѣйшіе историки, касаясь этого вопроса, считаютъ необходимымъ изслѣдовать, насколько принцесса была искренна въ этомъ случаѣ, но, конечно, не приходятъ ни къ какому результату относительно религиозныхъ ея убѣжденій. Ob dieser Umschwung ihrer Ansichten aus eigener Ueberzeugung hervorging oder ob die Prinzessin, von der Mutter bewogen, sich fügte, als in eine Sache die unvermeidlich war und sich wie vorstehend nur ausprach, um den Vater in der Ferne zu beruhigen, vermögen wir nicht zu entscheiden (*Siebigk*, 57). «Трудно составить себѣ точное понятіе о мѣрѣ внутренней религиозности Екатерины», замѣчаетъ *Брикнеръ*, 224, и въ другомъ мѣстѣ: «Трудно сказать, какъ сама Екатерина внутренно относилась къ вопросу о перемѣнѣ вѣры» (*Brückner* 27). Напротивъ, намъ кажется очень нетрудно: она относилась къ этому вопросу такъ, какъ сама же сообщала въ своихъ письмахъ къ отцу, т. е. именно такъ, какъ только и можетъ относиться къ подобному вопросу 15-тилѣтняя дѣвочка. Конечно, лицемѣры рѣпаютъ, что принцесса была прежде дурною лютеранкою и стала теперь дурною православною; но только лицемѣры и способны серьезно ставить вопросъ объ искренности религиозныхъ убѣжденій у юной принцессы наканунѣ ея помолвки. Перемѣна религіи была для нее средствомъ, никакъ не цѣлью. Она легко выучила символъ вѣры, усвоила необходимые для церемоніи отвѣты, жесты, позы, потому что, по словамъ императрицы, безъ этого былъ немислимъ бракъ съ великимъ княземъ. Если только христіанская мораль одна и та же у православныхъ и у лютеранъ, то внѣ этого вопроса, всѣ исповѣданія были совершенно безразличны для принцессы Софіи: она нашла тождественными гре-

ческую и протестантскую вѣры, какъ наша бы одинаковыми протестантскую и католическую, если бы женихъ ея былъ католикъ, приче́мъ папа явился бы не болѣе какъ обрядомъ, церемоніею. Спросите любую даму, пожилую, не дѣвочку: въ чемъ заключаются особенности православія, протестантизма, католичества — ни одна не дастъ сознательнаго отвѣта; не лицемеріе-ли же ставить подобный вопросъ если не дѣвочкѣ, то юной дѣвицѣ?

Нѣмецкій ученый Гиллебрандъ, ученый очень серьезный, пользующійся извѣстнымъ авторитетомъ въ наукѣ, рѣшаетъ вопросъ весьма оригинально: «Обращеніе было не столько дѣломъ Симона Тодорскаго, сколько господъ парижскихъ философовъ, особенно Вольтера» ¹⁾. Оригинально, но невѣрно: принцесса Софія знала имя Вольтера, но не читала ни одного изъ его произведеній, съ которыми Екатерина познакомилась значительно позже. Какъ и многіе, Гиллебрандъ смѣшиваетъ пербетскую принцессу съ русскою великою княгинею, даже съ императрицею Екатериною II.

III.

Подложное письмо Екатерины.

Въ началѣ 1755 года англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Гюн-Диккенсъ, сталъ просить о своемъ отозваніи. Онъ слишкомъ старъ, онъ усталъ: «Англійскій король долженъ имѣть при этомъ дворѣ посломъ человѣка во двѣтъ лѣтъ, крѣпкаго и здороваго. По здѣшнимъ понятіямъ, посолъ не долженъ пропускать ни одного куртага и бала, ни одного маскарада и спектакля, вообще ни одного общественнаго увеселенія. Въ этомъ здѣсь видятъ главную задачу всякаго посольства, къ чему я уже по старости лѣтъ неспособенъ, какъ бы это ни признавалось здѣсь необходимымъ» (*Raumer*, II, 281). Диккенсъ видитъ, что переговоры затягиваются, дѣла залеживаются; онъ не находитъ въ себѣ достаточныхъ силъ ни ускорить рѣшеніе важныхъ для его правительства вопросовъ,

¹⁾ Die Bekehrung war nicht so sehr des Werk des Archimandriten Teodorsky als der Herren Philosophen in Paris, vor Allem des Erzfeindes Voltaire (*Hillebrand*, Katharina II und Grimm, въ «Deutsche Rundschau», 1880, VII, 388).

ни противодѣйствовать всѣмъ интригамъ и кознямъ, разыгрывающимся при русскомъ дворѣ; и просится въ отставку. Въ апрѣлѣ 1755 года Диккенсъ былъ отозванъ; мѣсто его занялъ сэръ Чальзъ Гэнбури Уильямсъ.

Эта смѣна лицъ была довольно неудачна. Уильямсъ былъ уже нѣсколько лѣтъ представителемъ Англіи при саксонскомъ дворѣ, и въ Лондонѣ имѣли время оцѣнить по достоинству его донесенія. Правда, Уильямсъ былъ хорошо образованъ, сравнительно молодъ, веселъ, остроуменъ; но это былъ фантазеръ, человѣкъ первый и на столько предубѣжденный, что онъ видѣлъ только то, что предполагалъ видѣть; слушая рѣчь, онъ понималъ ее въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ она ему казалась желательною. Нельзя, конечно, сказать, что въ своихъ донесеніяхъ онъ завѣдомо обманывалъ свое правительство; онъ искренно вѣрилъ въ то, о чемъ доносилъ; но онъ самъ составлялъ себѣ невѣрные представленія о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Иногда просто удивляешься, какимъ образомъ могли довѣрять его донесеніямъ и современные ему дѣятели, и позднѣйшіе историки. Его донесенія перѣдко такъ наивны, что не представляется даже затруднительнымъ разоблачить ихъ вымыселъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ іюнѣ, и уже въ депешѣ отъ 2-го октября сообщаетъ: «Состояніе здоровья императрицы нехорошо: она страдаетъ кровотеченіемъ, одышкой, постоянно кашляетъ, у нея опухоль въ колѣнахъ и водянка въ животѣ—однако, она танцовала со мною минуешь» (*Raumer*, II, 295). Что-нибудь изъ двухъ: или Елизавета Петровна не была до такой степени больна, или она не танцовала съ «опухолью въ колѣнахъ и водянкой въ животѣ». Но Уильямсъ присланъ на смѣну человѣка, который жаловался, что не въ силахъ принимать участія въ придворныхъ увеселеніяхъ, и жаждетъ убѣдить и себя, и пославшихъ его, что онъ даже больную Елизавету Петровну можетъ увлечь въ минуешь.

Не прошло и полугода послѣ прибытія Уильямса въ Петербургъ, какъ стали обнаруживаться всѣ качества новаго англійскаго посла. Уже въ концѣ 1755 года многіе признавали, что «донесеніямъ Уильямса можно довѣрять лишь по мѣрѣ того, какъ событія оправдываютъ ихъ; онъ не разъ уже высказывалъ такія увѣренія, которыя потомъ опровергались» (*Pol. Corr.*, XII, 86). Въ маѣ 1756 г.

Фридрихъ пишетъ въ Лондонъ своему повѣренному въ дѣлахъ Мишелю: «Мнѣ хотѣлось бы передать вамъ, но единственно только для вашего свѣдѣнія и съ тѣмъ, чтобъ вы не сообщали этого англійскимъ министрамъ, что Уильямъ вовсе не любитъ русскому двору своимъ слишкомъ живымъ характеромъ, такъ что онъ имѣлъ уже нѣсколько неприятностей. Извѣщаю васъ объ этомъ только для того, чтобъ вы старались разузнать подъ рукою, извѣстно-ли англійскимъ министрамъ это обстоятельство, подлежащее сомнѣнiю» (*Pol. Corr.*, XII, 362). Въ то время, когда Уильямъ увѣрялъ себя, что одержитъ верхъ надъ австро-французскими происками въ Петербургѣ, говорилъ, что «вынырнетъ именно тогда, когда этого менѣе всего ожидаютъ» (*Pol. Corr.*, XIII, 41), люди посторонне сообщали Фридриху II, изъ Петербурга, что «Англія и ея представитель испортили здѣсь свое дѣло». Когда же, наконецъ, англійское правительство рѣшилось отозвать Уильяма, противъ этой мѣры высказался именно Фридрихъ II, считавшій его лицомъ, заслуживающимъ довѣрія (*ein glaubwürdiges Person*), причеиъ прусскій король прямо заявилъ, что «русскій молодой дворъ нуждается въ добрыхъ совѣтахъ Уильяма» (*Pol. Corr.*, XIV, 247). Что это значитъ? Почему Фридрихъ II такъ интересуется великокняжескимъ дворомъ?

Извѣстія о русскомъ большомъ дворѣ, не только, собственно, придворныя, но даже и чисто военныя, Фридрихъ II получалъ изъ разныхъ источниковъ и нерѣдко извѣстія вполне точныя¹⁾; о маломъ же дворѣ — только отъ Уильяма. Вотъ почему Фридрихъ II желалъ, чтобъ Уильямъ не былъ отозванъ изъ Петербурга. Можно-ли, однако, довѣрять донесеніямъ Уильяма о маломъ дворѣ? Уже самое положеніе Уильяма при петербургскомъ дворѣ должно было

¹⁾ Самые важныя и самыя точныя извѣстія изъ Петербурга шлі къ Фридриху II отъ голландскаго посланника ванъ-Сварта. Изъ всѣхъ иностранныхъ представителей, Свартъ (*Mynheer van Swart*) пользовался въ Петербургѣ наибольшимъ довѣріемъ русскаго двора: *le grand-chancelier le consulte sur tout et l'informe le plus confidentiellement du monde de tout ce qui se passe* (*Pol. Corr.*, XIII, 116). Его депеши вскрывались въ берлинскомъ почтамтѣ и копии съ нихъ доставлялись Фридриху II; шифрованныя же мѣста получались позже, изъ Гаги, отъ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Геллена, при посредствѣ англійскаго посланника въ Гагѣ, Йорка (см. выше, стр. 391, прим. 3). Такимъ путемъ была получена и чрезвычайно важная депеша Сварта отъ 19-го июня 1756 года.

предостеречь Фридриха II: Уильямсъ прїѣхаль въ Петербургъ съ спеціальною цѣлью возбудить русскій дворъ противъ Фридриха II; спустя же полгода его миссія получила прямо противоположное назначеніе—расположить петербургскій дворъ въ пользу прусскаго короля. Человѣкъ, принимавшій на себя такія исключаютія одна другую обязанности, не внушалъ къ себѣ никакого довѣрія, хотя и носилъ званіе дипломата. Могъ-ли Фридрихъ II довѣрять донесеніямъ англійскаго посланника, который своими депешами вводилъ въ заблужденіе ¹⁾ даже своего короля?

Нѣмецкіе историки, подобострастно относящіеся къ Фридриху II, стараются въ этомъ случаѣ «главную вину» отнести къ союзницѣ короля, Англїи, которая, по ихъ мнѣнію, была обязана сообщать прусскому королю всё получаемыя ею отъ Уильямса извѣстія о томъ, что творится при петербургскомъ дворѣ, гдѣ Фридрихъ II не имѣлъ своего представителя ²⁾. Фридрихъ II никогда не высказалъ бы подобнаго обвиненія лондонскому министерству: самъ нерѣдко вводившій другихъ въ заблужденіе и завѣдомо лгавшій въ своихъ бумагахъ (*Pol. Corr.*, XIII, 163, 470), даже приказывавшій другимъ обманывать и лгать (*Ibid.*, XIII, 247), онъ зналъ, что въ свою очередь и его обманываютъ, и ему лгутъ; онъ посылалъ шпионовъ въ Россію и вѣшалъ русскихъ шпионовъ, которые попадались въ его руки. Но онъ не жаловался, а находилъ какъ обманъ, такъ и шпионство совершенно естественными явленіями.

¹⁾ Графъ Робертъ Гольдернессъ, англійскій государственный секретарь по дѣламъ Сѣвера, пишетъ Уильямсу, отъ 30-го марта 1756 года: «Король былъ крайне удивленъ тѣмъ, что послѣ вашихъ сообщеній о добрыхъ намѣреніяхъ обоихъ канцлеровъ, Вестужава и Воронцова, и объ ихъ рѣшеніи представить императрицѣ вестминстерскій договоръ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, русскій посланникъ кн. Голицынъ получилъ приказанія, прямо противорѣчащія тому, чего король, согласно вашимъ донесеніямъ, въ правѣ былъ ожидать» (*Raumer*, II, 316).

²⁾ Die lange Verkennung der Situation in Petersburg fällt allerdings theilweise dem Könige selbst zur Last... Dennoch aber trifft die *Hauptschuld* für die lange Täuschung Friedrich's seine englischen Bundesgenossen... Englands Pflicht wäre es gewesen, den König, der keinen Vertreter in Petersburg besass, über die von dem dortigen englischen Gesandten einkommenden Meldungen jederzeit getreue Mittheilung zu machen (*Naudé*, Friedrich der Grosse vor dem Ausbruch des Siebenjährigen Krieges, *Hist. Zeitschr.*, LV, 448).

Эта мѣрка Фридриха II и должна быть приложена къ нему самому. Вся вина, безраздѣльно и всецѣло, а не «отчасти», должна въ этомъ случаѣ падать на Фридриха II и только на него. Относительно донесеній англійскаго посланника въ Петербургѣ, Фридрихъ II подвергался тройному обману: Уильямсъ, по своему характеру, обманывалъ, прежде всего, самого себя, составляя свои сообщенія слишкомъ субъективно ¹⁾; затѣмъ, лондонскій кабинетъ иересылалъ своему представителю въ Берлинѣ, Митчелю, не всѣ депеши Уильямса, а лишь тѣ, которыя признавалъ необходимымъ ²⁾; наконецъ, Митчель сообщалъ Фридриху II во французскомъ переводѣ только тѣ мѣста депешъ, которыя считалъ умѣстными ³⁾. Фридрихъ II даже и не подозрѣвалъ ни одного изъ этихъ обмановъ; онъ все продолжалъ довѣрять донесеніямъ Уильямса, хотя его извѣщали изъ Петербурга уже весною 1756 года, что «кредитъ Уильямса падаетъ съ каждымъ днемъ» (*Pol. Corr.*, XII, 419), то-есть, по положенію дѣла, съ каждымъ днемъ должно увеличиваться недо-вѣріе къ донесеніямъ англійскаго посланника.

Въ депешѣ отъ 2-го ноября 1756 года Уильямсъ впервые связываетъ имя перваго русскаго главнокомандующаго въ Семилѣтнюю войну, фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина, съ именемъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. По словамъ Уильямса, «Апраксинъ, откланиваясь великой княгинѣ, сказалъ ей высочеству, что отправляется

¹⁾ Въ депешѣ отъ 7-го августа 1756 года Уильямсъ сообщаетъ: *Soyez assuré que les actions de M. Douglas baissent de jour en jour* (*Pol. Corr.*, XIII, 270), между тѣмъ какъ они, напротивъ, все повышались и вскорѣ совершенно вытѣснили акціи самаго Уильямса, которому уже въ декабрѣ сообщали, qu'il est devenu odieux à la cour (*Ibid.*, XIV, 164).

²⁾ Депеша Уильямса отъ 29-го марта 1756 года не была переслана Митчелю (*Raumer*, II, 339).

³⁾ Въ донесеніи Митчеля графу Гольдернесу, отъ 27-го мая 1756 года, сказано: I acquainted His Majesty with such parts of Sir Charles Hanbury Williams dispatches as I thought the most proper to make an impression upon him and to convince him that affairs at the court of Petersburg were in a very good situation (*Pol. Corr.*, XII, 356). Еще откровеннѣе въ донесеніи отъ 22-го іюня того же года: «Я старательно скрылъ отъ прусскаго короля многое изъ депеши Уильямса отъ 5-го и постарался, на сколько было возможно, не обнаруживать дурное положеніе нашихъ дѣлъ въ Россіи» (*Hist. Zeitschr.* LV, 449).

въ Ригу принять начальство надъ арміей, лишенной офицеровъ и кавалеріи». Что Апраксинъ откланивался великой княгинѣ передъ отъѣздомъ въ Ригу—это болѣе чѣмъ вѣроятно ¹⁾; что въ собранной подъ Ригую арміи чувствовался недостатокъ въ конницѣ—тоже не подлежитъ сомнѣнію ²⁾; но чтобъ Апраксинъ могъ назвать армію лишенною офицеровъ, когда въ этой арміи на 72,000 пѣхотковъ было болѣе 2,500 офицеровъ (*Масловскій*, 25)—это невозможно ³⁾: или Екатерина неточно передала Уильямсу слова Апраксина, или Уильямсъ невѣрно сообщилъ слова великой княгини, или, что всего вѣроятнѣе, Уильямсъ сообщилъ въ данномъ случаѣ свой личный взглядъ, желая лишь подкрѣпить именемъ русскаго фельдмаршала свое прежнее мнѣніе, высказанное болѣе мѣсяца назадъ, что «во всемъ русскомъ войскѣ нѣтъ и десяти хорошихъ офицеровъ» (*Pol. Corr.*, XIII. 547; *Raumer*, II, 400). Этотъ отзывъ Апраксина о неготовности русской арміи, въ общемъ вполне подтверждаемый новѣйшими изслѣдованіями г. Масловскаго, представляется, въ сообщеніи Уильямса, весьма подозрительнымъ: въ депешѣ отъ 2-го ноября онъ отнесенъ къ великой княгинѣ; спустя полтора мѣсяца, въ депешѣ отъ 18-го декабря, этотъ же отзывъ Апраксина, повторенный слово въ слово (*une armée dépourvue de cavalerie et d'officiers*), отнесенъ уже къ императрицѣ ⁴⁾. Конечно, Апраксинъ могъ жаловаться на неготовность арміи и императрицѣ, а великой княгинѣ, но Уильямсъ не могъ же не знать источника полученнаго имъ извѣстія.

¹⁾ Въ запискахъ Екатерины объ этомъ не упомянуто; сказано только: *La maréchale vint chez nous pour prendre congé de nous avec sa fille. Mémoires*, 247.

²⁾ Недостатокъ въ лошадяхъ былъ на столько великъ, что, по приказу Апраксина, большая часть ингерманландскихъ драгунъ была списана; даже въ гроев-егердорфскій періодъ конница составляла едва 6% пѣхоты. *Масловскій*, 29—36.

³⁾ Въ прусской арміи, справедливо считавшейся образцовою, на одинъ батальонъ, въ составѣ отъ 800 до 1,000 человѣкъ, полагалось всего 17 офицеровъ: одинъ батальонный командиръ, четыре ротныхъ командира и 12 субалтернъ-офицеровъ, считая по три на роту. Среднимъ числомъ, въ арміи Фридриха II приходился одинъ офицеръ на 50 солдатъ; въ арміи же Апраксина, одинъ офицеръ на 29 солдатъ. Следовательно, Апраксинъ никоимъ образомъ не могъ сказать, будто его армія «лишена офицеровъ».

⁴⁾ Il se plaignait à l'Impératrice. *Pol. Corr.*, XIV, 188.

Наконецъ, сопоставленіе двухъ только-что указанныхъ депешъ Уильямса, отъ 2-го ноября и 18-го декабря, представляетъ возможность высказать довольно рѣшительное мнѣніе какъ о достовѣрности подобныхъ извѣстій, такъ и объ источникѣ ихъ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя заключались въ депешѣ отъ 18-го декабря, она была чрезвычайно важна для прусскаго короля, и, тотъ часъ по полученіи этихъ «секретныхъ новостей», Митчель сообщилъ ее Фридриху во французскомъ переводѣ. Вотъ главная ея часть (*Pol. Corr.*, XIV, 188), касающаяся великой княгини и фельдмаршала Апраксина:

«Посылаю вамъ самыя вѣрныя извѣстія, которыя только удалось мнѣ получить относительно плановъ, касающихся русской арміи. Они были сообщены мнѣ здѣшнимъ лучшимъ моимъ другомъ (*ma grande amie*), великою княгиней. Она имѣла весьма продолжительный разговоръ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ, въ ночь наканунѣ его отъѣзда въ Ригу, и то, что я пишу вамъ теперь, есть только точный списокъ того письма, которымъ ея высочество почтила меня на другой же день.

Фельдмаршалъ Апраксинъ сильно жаловался императрицѣ, что его отправляютъ начальствовать надъ арміей, лишенной кавалеріи и офицеровъ. На это великая княгиня спросила его, зачѣмъ же онъ принялъ на себя такое командованіе; Апраксинъ отвѣчалъ, что онъ долженъ былъ подчиниться повелѣнію императрицы. Затѣмъ великая княгиня спросила его, что онъ предполагаетъ дѣлать и думаетъ-ли онъ идти прямо на Мемель. Онъ отвѣчалъ: Что же толку въ такой крѣпостишкѣ, какъ Мемель? что вовсе не имѣется въ виду атаковать его прусское величество, но рѣшено идти прямо черезъ Польшу въ Силезію. Она возразила, что, быть можетъ, король прусскій атакуетъ васъ во время вашего марша. Онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ я сдѣлаю все, что будетъ возможно для своей защиты; но у меня нѣтъ намѣренія атаковать Пруссію.

«Весь этотъ разговоръ я считаю достовѣрнымъ (*véritable*), потому что Апраксинъ всегда угождаетъ моему другу великой княгинѣ и считается чрезвычайно преданнымъ ея интересамъ.

«Я все еще надѣюсь добыть инструкцію, данную Апраксину; мнѣ общали уже два раза, но эти обѣщанія еще не исполнены».

7-го января прочелъ Фридрихъ II эту депешу Уильямса и на другой же день, 8-го января, писалъ своему главнокомандующему въ Восточной Пруссіи, престарѣлому фельдмаршалу Левальду: «Я узналъ изъ вѣрнаго источника, что Апраксину повелѣно, не атакуя ни Мемель, ни Восточную Пруссію, идти черезъ Польшу въ Силезію.

Полагаю, поэтому, что, если такъ, то вы оставите въ Восточной Пруссіи только гарнизонные батальоны Люккаго полка и земскій батальонъ, а со всѣми остальными войсками двинетесь въ тылъ русскихъ войскъ Апраксина и будете слѣдовать за ними до Силезіи, что, конечно, крайне затруднитъ Апраксина и будетъ держать его въ постоянномъ страхѣ» (*Pol. Corr.*, XIV, 191). Умный Фридрихъ II сообщалъ свои мысли, однако, условно: его осторожное «wenn es dazu kommt» указываетъ, что онъ не вполне довѣрялъ извѣстіямъ депеши Уильямса. Можемъ-ли мы довѣрять этой депешѣ?

Апраксинъ выѣхалъ изъ Петербурга 30-го октября; наканунѣ отъѣзда, ночью, слѣдовательно, съ 29-го на 30-е октября, долженъ былъ происходить разговоръ Апраксина съ великою княгиней; на другой же день (le lendemain), то-есть, 30-го же октября, великая княгиня должна была написать письмо Уильямсу. Что сдѣлалъ бы англійскій посланникъ, еслибы онъ, дѣйствительно, получилъ 30-го октября письмо отъ великой княгини съ столь важными извѣстіями? Конечно, то, что сдѣлалъ Функе (*Pol. Corr.*, XII, 305), что сдѣлалъ бы всякій посланникъ, что сдѣлалъ въ другомъ случаѣ самъ же Уильямсъ—послалъ бы немедленно, съ нарочнымъ курьеромъ, въ Берлинъ точную копию съ этого письма. Что же сдѣлалъ теперь Уильямсъ? Онъ получилъ письмо великой княгини 30-го октября и въ теченіе семи недѣль скрывалъ его отъ всѣхъ—отъ своего министерства, отъ Митчеля, отъ Фридриха II. Въ эти семь недѣль онъ отправилъ четыре депеши ¹⁾ и ни въ одной изъ нихъ даже не упомянулъ ни о письмѣ великой княгини, ни объ интересныхъ его подробностяхъ. Наконецъ, продержавъ у себя письмо около двухъ мѣсяцевъ, онъ посылаетъ не точную съ него копию, а какой-то пересказъ своими словами. Вѣроятно-ли это?

Такова внѣшняя сторона; посмотримъ на внутреннюю.

Могъ-ли Апраксинъ, еще до отъѣзда изъ Петербурга, передавать великой княгинѣ тотъ планъ дѣйствій русской арміи, который заключается въ «письмѣ» ея къ Уильямсу отъ 30-го октября? Апраксинъ не разъ категорически заявлялъ, что «при сочиненіи

¹⁾ 2-го, 27-го и 30-го ноября и 9-го декабря (*Pol. Corr.*, XIV, 149, 150, 164, 165).

военнаго плана операцій не одно только произведеніе принятаго главнаго намѣренія уважается, но отъ большей части состояніе и количество обоюдныхъ войскъ, положеніе земель, времена года, доставленіе нужныхъ къ содержанію войска припасовъ и безчисленныя другія важныя симъ подобныя вещи въ разсмотрѣніе приняты быть должны». Не только въ Петербургѣ, не только въ октябрѣ 1756 года, но до конца января 1757 года Апраксинъ «ни однимъ словомъ не обмолвился о будущемъ планѣ дѣйствій». И какой же это планъ? Оставить Восточную Пруссію «въ непріятельскихъ рукахъ», въ тылу русской арміи, направляющейся въ Силезію — негѣпость, которая не только Апраксину, но даже австрійскому генералу Букову не могла придти въ голову. Ни въ октябрѣ 1756 года, ни позже Апраксинъ и не думалъ о движеніи въ Силезію. Объ этомъ думали, но не русскіе, а саксонцы, имѣвшіе въ томъ свой интересъ: они предполагали этимъ движеніемъ заставить Фридриха II очистить Саксонію. Въ донесеніяхъ русскаго резидента Гросса и въ просьбахъ саксонскаго министра графа Брюля, полученныхъ въ Петербургѣ въ концѣ ноября, высказывается необходимость, чтобъ «диверсія была произведена въ такихъ мѣстахъ, кои королю Прусскому наипаче при сердцѣ лежать, какъ въ *Силезіи*... что съ лучшею пользою воспринято быть можетъ, нежели со стороны *Мемеля*». Никогда, наконецъ, Апраксинъ не думалъ уклоняться отъ боя съ врагомъ; напротивъ, русская главная квартира находила, что «чѣмъ скорѣе, безъ дальнихъ околичностей, непріятеля атаковать, тѣмъ лучше» ¹⁾. Такимъ образомъ, по существу «секретныхъ новостей» онѣ являются ни чѣмъ инымъ, какъ слухами о тѣхъ планахъ военныхъ дѣйствій, которые разсматривались конференціею въ началѣ декабря, о которыхъ говорили въ петербургскомъ обществѣ и которые дошли до Уильямса. Вотъ почему они и сообщались въ депешѣ отъ 18-го декабря. Желая придать имъ болѣе вѣсъ, Уильямсъ облекаетъ ихъ въ форму разговора русскаго главнокомандующаго съ великою княгиней; желая же усилить въ глазахъ Митчеля и Фридриха II свое значе-

¹⁾ Подробности о планахъ войны впервые обнародованы *Масловскимъ*, стр. 162—176 и прим. 24-е, стр. 243—266.

не при маломъ дворѣ, онъ говоритъ, что почерпасть эти новости изъ письма къ нему великой княгини!

Упомянутое въ депешѣ Уильямса отъ 18-го декабря 1756 г. письмо великой княгини представляется чистымъ вымысломъ и должно быть отвергнуто, какъ подложное ¹⁾.

¹⁾ Вильбасовъ, 29—32.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Депеши австрійскаго резидента Гогенгольца графу Ульфельду.

(Изъ Wiener Hof-und Staatsarchiv).

1.

Hochgeborner Reichs Graf,
Gnädiger Herr,

Auf das mir zu recht wordene gnädige vom 8. des heut ausgehenden Monathes bin ich in der täglichen Erwartung der allerhöchsten königlichen Antwort auf meine letztere Estaffette.

Wie von selbst an tag liget, so kann in abwesenheit der Hofstadt alhier nichts wichtiges vorfahlen.

«Allein aus Mosco ist die mir in Vertrauen mitgetheilte nachricht enigeloffen, dass die fürstin von Zerbst sammt dero Prinzessin Tochter mit ausnehmender freundlichkeit von der Czaarin aufgenommen worden; jedoch versichert die nembliche nachricht, dass sie fürstin von Zerbst den Hoff nicht so angetroffen, wie sie gehoffet habe. Man hat mich in Vertrauen umb meine meynung befragt, was diese gleich vorstehende expression sagen wolte, gestalten, was die bewürthung derley fürstlichen Personen am Russischen Hoff anbetrifft, solche nicht anderst als durchaus vergnüglichst seyn könnte?

«Ich habe hierauf meine geringe meynung dahin zu eröffnen kein bedenken getragen, dass etwa die Fürstin von Zerbst in der Person des Gross-fürsten (so letzthin in das 17-te jahr eingetreten) das, was sie gehoffet, nicht angetroffen haben möge, nemblichen um das Beylager bald möglichst zu vollziehen, da das allerdings unfähige personale des Grossfürsten die Hoffnung hierzu noch länger hinaus setzen dürfte; die intervalla aber in hiessigem Reich viellen incidentien unterworfen seind» ¹⁾).

Ubrigens kann man dem Winter, mithin der Schlitten-Bahn nicht lang mehr trauen, ich bin also gesinnet, meine Bagage in 8 Tagen von hier ab und nach Mosco vorausgehen zu lassen, derselben aber gleichfals bald nach zu folgen, in der vèsten Hofnung, dass mir inzwischen die allergnädigsten königlichen Befehle und das nothwendige zu Bestreitung der Reiss einlaufen werde, der anbey in tiefem respect ersterbe

Euer Hochgräflichen Excellenz

unterthänig—gehorsambster diener

Nikolaus Sebastian Edler ron Hohenholz.

St.-Petersburg den 29-ten februar 1744 styl. nov.

2.

Bey meiner den 20. dises erfolgten Ankonfft alhier in Mosco habe Euer Hochgräfl. Excellenz gnädiges von 26. february vorgefunden, vnd gestern ist dass anderweite gnädige von 29. gleichfahls richtig eingeloffen; ich hatte den Tag meiner Abreiss aus Petersburg, nemlich den 12-ten dises den richtigen eingang der allerhöchsten königlichen depêche sambt der angeschlossenen ratification der von mir in Petersburg unterzeichnet wordenen acte

¹⁾ Въ кабычкахъ отмѣчены шифрованные мѣста депешъ.

d'accession zum Bresslauer tractat zu accusiren nicht ermangelet; da aber meine bagage vnd leuthe sambt dem legations Secretario mit den chifres noch unter weegs ist, doch aber morgen hoffentlich eintreffen wird, so habe disse 2 Täg über in keinem Geschäft mit dem Russischen Ministerio fürzuehen vermöget; bin aber vorgestern bey dem ziemlich weit von mir abgelegenen Baron von Gerstorff gewesen, vnd erfahren, dass kurz vorhero der erwartte Expresser auss Dressden bey Ihme eingetroffen, durch welchen Er Gerstorff von seinem Hof die vollkommene Instruction vnd Antwort über die von Graf Bünau in der Bottaischen affaire in Wienn gemachte Repraesentationes erhalten hat. Ich habe demnach mit Ihme concertiret, wie wir nun weiters die sachen hier erspriesslich anzubringen hetten? Da nun der B. Gerstorff Ministre Mediateur darinnen ist, so verstunde sich von selbst, dass Er bey dem Russischen Ministerio damit anzufangen, vnd mir den weeg zu meinem Vortrag auf Arth und Weiss, wie ich der Meynung ware zu facilitiren hette. Der B. Gerstorff ist solchemnach schon gestern bey dem Vice Canzler vnd darnach bey mir gewesen und hat mir von seiner daselbstigen Verrichtung sowohl, als wie ich (ohne mich von der letzthin mir per Estaffete zugekommenen allerhöchsten königl. Instruction und Befehl im Allergeringsten zu entfernen) meinerseits zu Werck zu gehen hette rapportiret; dass ich solchemnach den weiteren Verlauf meinen künftigen gehorsambsten Berichten vorbehalten muss.

Sonsten hat der B. v. Gerstorff zugleich auch die Anweisung von seinem Hof erhalten, mit mir zu concertiren, welcher gestalten sich zu benehmen wäre, umb den Russischen Hof zur accession des Wiener Tractats zu invitiren. Es ist also zwischen vns verabredet worden, womit dann der Vice Canzler circa rem, modum et tempus gleichfahls eingestimmt hat; dergestalten, dass ich zu seiner Zeit das Mehrere hievon gehorsambst zu referiren vermogen inzwischen aber deme fleissig obligen werde, wass zu einem guten

*

success diennlich scheinen wird, da gleichwohl meine opinion zuletzt gemeinsamb approbiret worden, nach welcher man nicht eben so gerad vnd nach der dem B. Gerstorff eingelauffenen buchstablichen Vorschrift in sachen für gehen müsse.

Die hiesige Herrschafft befindet sich bey guter Gesundheit ausser der dem Grossfürsten destinirten Brauth, nemlich der Prinzessin von Zerst. Wie ich vernohmen, so ligt dise Prinzessin schön einige Tage an einem dem hitzigen nicht ungleichen fieber und an einer sehr schweren pleurisie gefährlich krank darnider. Man hat derselben zum 4-ten mahl alschon die Ader eröffnet, ohne dass das heftig-vnd unaussezliche Seitenstechen auch im geringsten gelindert worden wäre, dahero man bey Hof darüber in grosser beysorg ist.

Der Marquis de la Chetardie ist Hauss an Hauss also mein nächster Nachbar; er hat das ehmalige Lapuchinische Hauss gemietet, wass mir seinetwegen vnd anderer hiesigen Beschaffenheiten halber alschon für heut zu berichten vorfahlete, das muss ich auss Mangel des chifre bis auf die ankonfft des legations Secretary verschieben.

Moseo den 23. Marty, 1744 st. n.

3.

Am verwichenen Post-Tag ist man alhier wegen des Osterfestes bey Hof vnd anderwärtig so occupiret gewesen, dass ich meinen gewöhnlichen gehorsambsten Bericht bis heut verschieben müssen.

Die Kaiserin hat am zweiten Osterfeiertag bey dem auf den Adend angesagt wordenen Cour-Tag das Compliment zum h. Osterfest angenommen; als ich Ihr dieses ablegte, fragte sie mich mit diesen Worten: Seynd Sie schon lang hier? Ich antwortete: Ihr Maj^t zwey

Wochen Vnd diesses ist das zweyete mahl, dass die Kaiserin, do lang die Bottaische affaire fürdauert, mich angeredet hatte.

An eben diesem Tag hatte der Chur Sächsische Ministre alle ausländische zu Mittag tractiret; kurz vorhero, als die meisten sich weg- und nach Hof begeben, bat er mich nicht weg zu gehen, bevor er mit mir noch etwas gesprochen hätte; ich bin diesem nachgekommen; vnd der Baron Gersdorff eröffnete mir in ganz besonderem Vertrauen, dass man von Seiten des Chur-Sächsischen Hofes von geraumer Zeit her an der Erneuerung des anno 1733 mit Russland geschlossenen Tractats gearbeitet, vnd die sach endlich im abgewichenen Februario zur vollkommenen Consistenz dergestalten gediehen, dass die Ratificationes bereits vor 14 Tagen ausgewechselt worden wären. Ungemein seye dabey zu bewundern, (wie es auch in der That also ist) dass ohngehindert die Negociation über Jahresfrist gedauert, doch nicht das allergeringste davon eventiret, welches in Betracht «des unbeständigen humeurs der Czaarin gewiss für ein particulares Glück zu halten seye. Der Baron Gerstorff hatte sich bey dem Ministerio vorbehalten, nur mir allein, bevor man die Sach public zu machen für gut finden wird, davon Nachricht geben zu dürfen».

Dieser neue Tractat wäre nach dem Grund des Vorigen von 1733 ausgemessen und mit Übergehung alles dessen, was sich zu gegenwärtigen Zeiten nicht mehr schickt, denen jetzig-und könfftigen Conjuncturen adaptiret worden. Der Haupt-Punkt, welcher respectu des vorigen Tractats mit gemeinsamer gutwilligen Einverständnus umgeändert worden, wäre, dass die ehemals stipulirte Hilf auf das duplum vestgesetzt worden.

Dazumahlen nun der Chur-Sächsische Hof keinen Anstand nehmen wird, diesen Tractat andern Höfen und fürnemblich Ihro Maj. der Königin ohne Verschub mitzuthellen, so werden Euer Hochgräf Excellenz vermutlich vor Ankunft dessen davon schon unterrichtet seyn.

«Der Baron Gerstorff hat von keinen Separat oder Secret-Articulen Meldung gemacht, und ich habe pro primo instanti wegen dieser mir ertheilten Nachricht die discretion haben zu sollen vermeynet, ihn nicht darumb zu befragen, werde mir aber ein anderes tempo hierzu ausersehen und verhoffentlich vorfinden.

«Ob diesem aus verschiedenen Betrachtungen für glücklich zu haltenden success solte wohl zu vermuthen seyn, dass ungehindert derer Übelgesinten, das ist der französischen Parthey und derselben unausgesetzten Bestrebung die Czaarin sich doch zu beederseits anständiger gänzlicher Ausmachung der Bottaischen affaire umb so leichter werde bequemen wollen, als zumahlen der Chur-Sächsische Hof sich so weit darein vermittlungsweis meliret hat, und ich nach meinem ehehinnigen gehorsambsten Berichtschreiben den Baron Gerstorff zu überzeugen keine grosse Mühe gehabt habe, dass die Ehr seines Hofes in Ansehung dessen, was bis dato geschehen ist, mit unterlaufe, und folglicher Gerstorff aus der vergnüglichen Abthnung dieser Sache umb so mehr sein eigenes Geschäft machen mögte, als sich von seithen Ihro Maj' der Königin sogleich allem dem wäre gefüget worden, was man von seithen des Chur-Sächsischen Hofes zu der Sache vergnüglichen Ausmachung angesonnen und anhoffen gemacht habe. In diesem Stand stehet nun die Bottaische affaire, da der Vice-Canzler bis heuntigen tags zu dem recht- und förblichen Vortrag bey der Czaarin noch nicht hat gelangen können, welches er in kurzem thun zu können verhoffet.

«Der Dänische Bottschafter, welcher ein cordater Mann allenthalben zu seyn scheint, wird in künftiger wochen zur Audienz bey der Kaiserin admittiret werden: er verlanget umb so mehr darnach, als ihme daran gelegen ist, mit dem Ministerio über seine affairen in Conferenz zu tretten; dann ungehindert beede Cronen Schweden und Dänemark bekanntermassen vollständig verglichen seind, so wird doch von seithen Russland mit Armirung aller brauchbarer Kriegsschiffe bis diese stund ungemein eyfrig fortgefahren, welches zwey-

felsohne kein andere Absehen als auf Dänemark zum Grund haben kann: Frankreich und Preussen stecken ohnfehlbar darunter, umb die Ruhe in Norden zu keiner rechten consistenz gelangen zu lassen; ich werde wohl *nächstens* ein mehreres in dieser materie Euer Hochgräfl. Excellenz gehorsambst einzuberichten vermögen».

Die junge und kranke Prinzessin von Zerbst ist erst seit kurzem in so weit aus der Gefahr; allein da die Krankheit ein ulcus an der Lungen ware, und zur Suppuration gekommen, so scheint es vielleicht gleichwohl noch darauf anzukommen, ob Sie radicaliter werde curiret werde können? Die Kaiserin hat der Fürstin von Zerbst am Ostertag mit einer reich von Brillanten besetzten Tabatière ein praesent gemacht und darein einen Ring von grossem Werth gelegt, mit dieser zarten expression aber dieses Praesent gegeben, dass, nachdem Sie nicht so glücklich gewesen, Sich mit Ihrem Brudern zu vermählen, Sie sich mit ihr der Fürstin vermählen wolle. «Diese Fürstin ist durchaus auf die französische Seithen gewöhnt worden, worunter der Preussische Ministre alles mögliche contribuiret und den Che-tardie secundiret hat».

Übrigens habe Euer Hochgräfl. Excellenz gnädigstes vom 14. passato zu recht erhalten, und jenes, von 11-ten noch vorhero hätte einlaufen sollen, ermanglet noch zu dato.

Wegen des See-Treffens ohnweit Toulon seynd die letzteinge-lofene Nachrichten noch einander contrar; man hofft, es wird die heut abends oder etwa morgen einkommende Teutsche Post die positive Nachricht darüber mitbringen.

Mosco den 9. April.

1744 styl. nov.

P. S.

Auch gnädiger Herr,

«So viell den in meinem gehorsambsten Berichtschreiben berührten zwischen Chur-Sachsen und Russland geschlossenen Tractat anlangt, so ergiebt sich unschwer, dass *primo* der Chur-Sächsische Hof in betracht der langwürig und embsigen negociation die ledigliche accession des Russischen Hofes zu jenem Tractat, welcher jüngsthin zwischen Ihro königl. Majt' und Chur-Sachsen glücklich geschlossen worden und wo doch der Chur-Sächsische Hof an sothanem Schluss wohl niemahls hätte zweyflen können, zu seinem interesse nicht adaequat erachtet haben müsse, *secundo* aber finde ich jene meine idée andurch bestätigtet, nach welcher ich (zur Zeit als der Vice Canzler die erste anregung von der triple- oder quadruple-allianz lauth meiner damahls erstatteten berichten gethan hatte) der Meynung ware, dass, nachdeme beede Höfe, der Wienerische und der Dressdnerische, den neuen Tractat würden geschlossen und den Russischen zur accession invitiret haben, ein jeder von beeden Höfen bey der Russischen accession sein eigenes interesse private wahrnehmen könnte, sofort auf Art und Weis wie Chur-Sachsen *anticipato* gethan, den alten Tractat zu erneuern und selben denen gegenwärtigen und künftigen conjuncturen zu adaptiren hätte. Da nun der Chur-Sächsische Hof dasjenige, was bey der Russischen accession anständig- und füglicher hätte geschehen sollen, *anticipiret* hat, so muss Ihro königl. Majt' allerhöchsten Gutbefinden ich in gehorsamb anheimb stellen, ob allerhöchst dieselbe mit der accession des Russischen Hofes sich *simpliciter* begnügen, oder aber untereinsten sich nach dem *exemple* des Chur-Sächsischen Hofes zu benehmen, das ist, bey der hiesigen accession zug-

leich die Erneuerung des Tractats von anno 1726 negotyren zu lassen—Dero interesse und Anständigkeit gemäss werden erachten wollen.

«Wann, wie doch wohl zu hoffen ist, die Bottaische affaire des nächsten zum vernüglichen Ende gebracht seyn wird, so wird man wohl wegen der Russischen accession zu dem letzteren Wienerischen Tractat so grosse Schwierigkeiten nicht mehr vorfinden, und wann Ihre königl. Maj^t für gut erachten solten, bey dieser accessions-sach auch die Erneuerung des Tractats von anno 1726 auf das Tapet zu bringen, so beruhet ohne dem die mir diesertwegen nöthige ausführliche allerhöchste Instruction und Willensmeynung sowohl wegen des Tractats selbst als über die von Verpflegung deren Auxiliär-trouppen annectirte Convention bey Euer Excellenz und einem hohen königl. Conferenz-Ministerio, und gehet zu Gewinnung der Zeit mein ohnmassgebliches Gutachten diessfalls dahin, dass mir ein articulirtes Tractats-Project, wie selber dependenter von dem Russischen Accessions-Act seyn solle oder nicht, eingeschickt werden mögte: deme zuletzt zuversichtlich nicht ohne Grund und Nutzen gutächtlich beyzufügen habe, dass nach dem erspriesslichen exemple von Chur-Sachsen die sach daraussen gänzlich, folglich auch dem Lanschinsky selbstem secretiret- und so fort allhier mit aller circumspection negotyret und ich also hierzu mit gewalt und Vollmacht versehen werden möge.

«Es seind diesses meine Gedanken, worüber ich mit allernächstem den Vice-Canzlern sondiren und zu dortiger sicherer fürgehung gutächtliche Antworth Euer Excellenz gehorsambst zu hinterbringen befissen seyn werde».

Mosco den 9. April

1744 styl. nov.

Am verwichenen Posttag habe mit der eingelangten Teutschen Post von Euer Hoch Gräfflichen Excellenz nichts erhalten.

Der Chur-Bayerische Minister Baron Neuhaus hat gestern dem Oberhofmarschallen des Grossfürstens von Brümmer, wie auch dem geheimben Rath Lestock die Diplomata behündigt, mit welchen der Hof zu Frankfurt beede obberührte in den Reichs Grafen Stand erhoben; Er Baron Neuhaus hat solchemnach bey dem gestrigen Cour Tag der Kaiserin und dem Grossfürsten derotwegen ein Compliment abgelegt.

«Der Hof ist fast noch lediglich mit der Affaire des Chetardie beschäftigt, und seit meinem letzteren gehorsambsten Bericht vom 25ten dieses hat sich nicht bestätigt, dass man ihn Chetardie über Flnnland abgeführt, sondern es wird derselbe über Riga nach denen Gräntzen von Churland unter Aufsicht eines Lieutenant von der Garde und mit einer zimbleich starcken Wacht fortgebracht, von wannen er seine reyss nicht anderst als über Dantzig und Berlin fortsetzen kann.

«Mir ist im Vertrauen gesagt worden, dass der Lestock (welcher zwar der Czaarin nach Troiza jedoch ohne ihrem Wissen und Willen gefolget) bald hernach als die Czaarin ihrem Gefolg die vollzogene Hinwegschaffung des Chetardie eröffnet, ihr der Czaarin einen fuss-fall gethan und gestanden habe, dass er mit dem Chetardie einen grossen umgang gepflogen und wann er gefehlet hätte, so seye es geschehen, dass er jenes, was er mit dem Chetardie vorgekehret, zu der Czarin Interesse vortragend gehalten; daher wann es anderst zu nehmen gewesen, so seye es seines orths aus Dummheit und nicht aus Untreu geschehen. Es solle ihme die Czaarin darauf ein scharfes reprimande und Warnung zurückgegeben haben.

«Man hat seithero vielles vernommen, wie sehr nemblichen die Fürstin von Zerbst, der Brümmer und mehr andere über diessen unvermutheten Zufall betroffen worden, und ich bin verlässlich unterrichtet, dass die Czaarin sehr übel zufrieden seye, dass die fürstin von Zerbst als eine schon bekannte intriguante frau sich in die Staats-Geschäften gemischt und sich gleichsam zum Chef der französisch- und Preussischen Parthey gemacht habe. Es solle daher die Czaarin gesinnet seyn, die Heuraths-Sach des Grossfürsten desto eher zu beschleunigen, vmb diesser fürstin bald wiederum loss zu werden.

«Morgen verhoffe ich dem Vice-Canzler (welchen ich auch auf sein eigenes Verlangen bis dato habe evitiren müssen) zu sprechen: ich werde ihme (gleich es bereits durch vertraute weege gethan) meine unmassgebliche Meynung über jenes zu erkennen geben, worauf man nunmehr pro futuro eigentlich zu gedenken hätte, damit die nachgebliebene Übelgesinnte nicht mehr Schaden oder Verwirrungen anrichten könnten.

«Ich bin von einigen vertrauten freunden (welche mir auch die Nachricht von dem Fall des Chetardie und zwar auf Arth und Weis, wie es beschehen, lang voraus gegeben) versichert worden, dass es dabey miht verbleiben werde: Der Antrag ist auch den Mardefeld zu ecartiren.

«Euer Excellenz geruhen von wegen meines ausführlicheren Berichts noch etwas in Gedult zu stehen, biss ich alles mit bestand und umb einen gedeylichen Nutzen daraus ziehen zu können, zusammen zu fassen im Stand seyn werde».

Schliesslichen, alss ich mit dem Vorstehenden schon fertig ware, so kame der Ober-Ceremonien-Meister Graf von Santi zu mir. Er machte mir anfänglich als ein sehr alter Bekannter ein Freundschafts-Compliment, und darvon den transitum zu der Commission, welche ihm von Hof aus an mich und alle übrige hier anwessende ausländische Ministros aufgetragen worden: nemblich zu notificiren,

dass Ihre Maj^t die Kaiserin fñrohin das an allen anderen Höfen gewöhnliche Etiquette gleichfalls an Dero Hof für alle mahlen eingeführet haben wolten, dass alle ausländische Ministri, welche mit eigenen Commissionen von Ihren respective Höfen directe an die Kaiserin chargirt werden würden, sich nicht gerad an die Kaiserin zu wenden, und sich der etwa bey denen Cour-Tägen oder sonsten sich darzu ereignenden bequemen Gelegenheiten hinführo mehr zu bedienen. sondern vorhero mit Ihro der Kaiserin Ministerio zu communiciren, und demselben den Vortrag Ihrer Commissionen vorläufig zu machen hätten. Ich meines ohrts habe darauf geantwortet: dass, nachdeme ich etlich und zwanzig Jahr eben diessen Weeg, welchen der Graf Santi mir anzeigte, beständig gehalten hätte, ich solchen eben nun. da die Kaiserin Dero Intention mir und anderen Derotwegen particulièrement zu erkennen geben hiessen, mit so mehrerem Vergnügen allzeit halten würde.

«Dieses ist nun der erste Effect, so nach des Chetardie Begebenheit allhier albereits bekannt gemacht worden; vermuthlich werden noch mehrere andere folgen und wenigstens der Preussische Ministre es nicht so, wie ich ansehen, da dieser und der Chetardie diese Zeit her bey dem Ministerio fast lauter Sachen von kleiner Consequenz angebracht und die Commissiones von ihren Höfen, welche das Liecht scheuen, entweder selbsten mit gänzlicher Vorbeygehung des Ministry oder durch andere geheime Weeg bey der Czaarin anzubringen gewohnt waren. Es ist solchemnach zu hoffen, dass durch diese neue Einrichtung viellen seitherigen Verwirrungen und Verdrohungen efficaciter vorgebogen seyn werde».

Mosco den 29. Juny 1744

styl. nov.

6.

Депеша Розенберга графу Ульфельду

Moskau 16. November 1744,

Hochgebohrner Graff,

Ich hoffte zwar gleich nach Abschickung meiner 4 letzten Relationen Euer Excellenz meine Audienz anerinnern zu können, wie ich solche auch vergangenen freytag zu haben versichert ware; da aber Ihre Hoheiten der Grossfürst ganz urplötzlich von Blattern überfallen worden, als muss diese annoch einigen Verschub leiden, indeme Ihre Majt fast den ganzen Tag obgedachten Grossfürsten abwarten; nichts destoweniger werden die beede Ministri bestmöglichst darob seyn mich ehestens dazu gelangen zu machen, dadurch die Bottaische affaire zu dem vollkommenen End wird gelanget seyn.

Graf Esterhazy berichtet mir aus Grodno, wie dass er von Graf Brühl vernommen, dass Gerstorff ehestens von hier solle abgerufen werden, einwelches (wann es eher, ja schon vorlängsten geschehen) den Nutzen der allgemeinen Sach gar sehr befördert hätte, indeme obgedachter Gerstorff wegen seiner geringen Behutsamkeit (wie ihm dann solches sein eigener Hof zumuthet) und all zu grosser Lebhafftigkeit sich des Vertrauens des hiesigen Ministry so wenig als derjenigen, so mit ihm zu handeln haben, getrösten darf, hingegen solle Bezold, so an dasigen Hof sehr beliebt ist, und von denen Russischen Angelegenheiten sehr viele Kenntnis besitzt, nach Petersburg anlangen, damit aber doch von dem Sächsischen Hof ein Ministre von höherem Character sich hier befinde, so ist dazu der Vizthum, so dermahlen an Turinischen Hof stehet, bestimmet, der

zugleich denen Anleitungen des Bezolds zu folgen, solle angewiesen seyn.

Unlängsten wurde ich von beyden Canzlern befraget, ob wahr seye, dass sich zwey französische Emissary wirklich in Wienn befänden, die da Friedens-Vorschläge zu machen beordert wären; ob sich demnach dieses also betrage, erwarte ich von Euer. Excellenz zu vernehmen. Womit mich zu beharrlichen Gnaden empfehle und in vollkommener Hochachtung verbleibe

Euer Excellenz

Gehorsamtster Diener

Gf. v. Rosenberg.

J'ay demande aujourd'huy du Banquier Wolf pour le quel j'avois eu 5000 Rubles de lettres de Change, un avance de 1000 Rubles esperant que mes remises viendront incessamment, il me les a refusé, par la V. E. voit la necessité qu'il y a de m'envoyer incessamment de l'argent, d'autant plus que le voyage de Petersborg ce fera incessamment.

«Die geheimste Nachrichten geben, dass die alte Prinzessin von Zerbst sich vergangen und wirklich grosses Leibs seye».

II.

Письмо совѣтника кабинета Неронова къ президенту кабинета барону Черкасову.

(Изъ Государственнаго Архива, II, № 69, л. 43).

Милостивый Государь Мой Иванъ Антоновичъ.

Черезъ присланнаго курьера господина Чихачова Ея императорскаго величества всевысочайшій указъ о извѣстныхъ персонахъ сего мѣсяца 10 числа въ Риге я получилъ, по которому надлежащее исполненіе учинено будетъ точное; ибо нынѣ за неотъѣздомъ Ея свѣтлости должно пообождать. А что касаетца по силе оного указу до отправленія то все готово и той же минуты не упущу. Ея свѣтлость когда отсель поедетъ не знаемъ, однако же фурманщики наняты и думаю завтра или конечно в понедѣльникъ отъедетъ.

Повеленіе отъ кабинета ея величества о сержантахъ и гранадерахъ которымъ повелено слѣдовать при Ея свѣтлости за границу я в Риге получилъ, и со оного реэстру о именахъ здешнему господину вице-губернатору ¹⁾ о пропуске ихъ сообщилъ.

Дорога до здешняго мѣста весьма хороша. Только лошади

¹⁾ *Долгоруковъ*, кн. Владиміръ Васильевичъ.

никуда годны. А о людяхъ и описать не можно какія дьяволы
безтолковые.

Что же о проезде Ея свѣтлости въ бытность въ дороге
я не репортоваль, оное должно было господину каморъ геру ¹⁾
яко главному писать, о чемъ я ему въ Нарве и представлялъ.
на что отвѣтствовалъ, что онъ не дуракъ и безъ меня знаетъ.
Я истинно мало такого меленколика виделъ. Не дай Богъ морд-
вину съ нимъ быть. Изволите услышать посло, а я остаюся
вашъ милостиваго государя моего всегда

всепокорный слуга

Василій Героновъ.

12 октября 1745.

Рига.

¹⁾ Сявориовъ, Василій.

III.

Конференція 7-го октября 1757.

(Изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

1757 Года сентября 30 дня въ учрежденной при дворѣ ея императорскаго величества конференціи, ея величество присудствуя высочайшею своею особою объявить изволила, что понеже предпринятая арміею неожиданнымъ образомъ ретирада натурално наноситъ нетокмо здѣшнему оружию безславіе, но и собственно высочайшей ея величества чести и славы чувствительное предосуждение, и отзываясь о всемъ томъ весьма неудоволствительнымъ образомъ повелѣла, чтобъ конференція такъ какъ предъ самимъ богомъ и по своей присяге представила ея императорскому величеству свое мнѣніе, какимъ бы дѣйствительнымъ образомъ какъ наискорѣ поправить страждущую ея величества честь, и то отвратить, дабы союзники неприячи нарушению толико разъ даннаго имъ монаршаго слова, помогать имъ всѣми силами, а притомъ предохранить и цѣлость Государства отъ всякой опасности.

А въ 7 октября сегожъ 1757 Года его сиятельство вице-канцлеръ и кавалеръ Графъ михайла ларпоновичъ воронцовъ объявилъ, что ея императорское величество указала, помянутое

мнѣніе конференціи подать ея императорскому величеству какъ на и скоряе обще или еще лутче порознь; въ слѣдствие чего и конференцъ секретарь дмитрей волковъ тогожь числа объявилъ, что ея императорское величество имянно указала, чтобъ каждой членъ конференціи мнѣніе свое въ вышеизображенномъ важномъ обстоятелствѣ особливо запечатавъ ея императорскому величеству подалъ.

1.

Ея императорскому величеству
всеподданнѣйшее слабѣйшее канцлерово мнѣніе по ея всевысочайшему повелѣнію сего числа отъ полудни въ конференціи объявленному.

Во всенижайшее исполненіе всевысочайшаго ея императорскаго величества имянного повелѣнія въ приложенной присемъ точной копіи съ протокола конференціи отъ сегожь числа про страннѣе изображеннаго о немѣдленной подаче каждому члену конференціи особливаго мнѣнія, канцлеръ по рабской своей должности находить всеподданнѣйше представить:

Что для отвращенія нанесеннаго нечаянною ретирадою арміи ея императорскаго величества изъ прускихъ завоеванныхъ земель побѣдоносному ея императорскаго величества оружию безславія, а больше всего и для возстановленія страждущей оттого собственной ея величества чести, канцлеръ по своей вѣрности, усердію и присяги такъ какъ въ томъ предъ самимъ Богомъ непостыдной отвѣтъ дать готовъ, инаго способа не находитъ, окромѣ нижеслѣдующаго а имянно:

1-е) для наискорѣйшаго всего того поправленія мнилось бы

ни часа не мѣшкая отправитъ къ Генералу фелдмаршалу указъ, которымъ бы ему повелѣвалось команду надъ армѣю сложа немѣдленно въ Ригу ѣхать и оттуда безъ дальнаго указа никуда неотлучатся, а напротиву того на его мѣсто при армѣ по всевысочайшему благоизобрѣтению, или кого изъ Генераловъ фелдмаршаловъ отсюда какъ наискорѣе туда послать, или же главную надъ армѣю команду Генералу Фермору поручить, почему тогда о военныхъ дѣйствіяхъ армѣи отъ конференціи и представлено быть имѣть.

2-е) сколь скоро фелдмаршалъ Апраксинъ въ Ригу придетъ то слабѣйше мнится надлѣжалобъ равномѣрножъ кого либо изъ фелдмаршаловъ отсюда съ приличнымъ числомъ протчаго генералитета туда отправить для держанія надъ нимъ военнаго суда и чтобъ онъ предъ симъ судомъ отпovedь и отчетъ въ своихъ при армѣе ея величеству предосудительныхъ поступкахъ далъ

Симъ видится нетолко безславіе оружія, но и собственная ея императорскаго величества честь достаточно возставлена, но и данное высокимъ союзникамъ монаршее слово о силномъ съ ними въ общемъ дѣлѣ содѣйствованіи въ своемъ существѣ сохранено былобъ; ибо

3-е) немѣдленножъ надлежалобъ союзникамъ знать дать, что командующей генералъ фелдмаршалъ Апраксинъ превзошелъ данные ему отъ времени до времени всевысочайшіе ея величества повелѣніи о силномъ и скоромъ противу общаго неприятеля дѣйствованіи, зато съ команды надъ армѣю отрѣшенъ и къ военному суду для взятъя въ томъ отъ него отвѣта въ Ригу позванъ, а его команда надъ армѣю другому поручена.

Подобнымъ разпоряженіемъ союзники изъ имѣвшаго уже неосновательнаго мнѣнія о насылаемыхъ будто къ нему секретныхъ отъ ея императорскаго величества въ противность ея

обѣщанія повелѣнійхъ совершенно выведены будутъ, ибо оставленіе его въ Ригѣ и недопущеніе предъ очи ея императорскаго величества конечно ихъ удостовѣрить имѣетъ, что то не для какого либо иногда прикрытія дѣла, но прямо за неисполненіе указовъ чинится; а сверхъ сего тѣмъ и весь свѣтъ о непорочности и непоколебимости ея всевысочайшихъ и многократно уже вездѣ объявленныхъ твердыхъ намѣреней довольно уверѣніе найдется.

На противу же того естлибъ иногда откого либо ея императорскому величеству представлено было дабы фелдмаршала тотъ часъ и арестовать, то сверхъ того что сіе съ природнымъ ея величества великодушіемъ и милосердіемъ несходно былобъ, канцлеръ не потому что онъ всегда его пріятель былъ, пачеже изъ усердія къ славѣ ея императорскаго величества на сіе своего согласованія и для того не далъ бы, ибо то какъ рановременно еще, такъ и походила бы на обычай азіатскихъ державъ, дѣло самую экзекуцію начинать, и неразсмотря еще вины и не выслушавъ оправданія наказывать, какъ бы онъ между тѣмъ виновнымъ ни казался; чемъ толко вящее безславіе навлечено былобъ.

Въ протчемъ что принадлежить до предохраненія цѣлости Государства отъ всякой опасности, то инаго придумать нельзя какъ всевозможныя силы употребить непріятелю всякой вредъ и самую еще зимою приключать; сего ради и новому командиру надъ арміею оное нетолко наисилнѣйше рекомендовать, но и всякіе къ тому служить могущіе способы не жалѣя никакихъ иждивеней въ дѣйство производить надлѣжить какъ уже и въ прошломъ году въ сентѣбрѣ мѣсяцѣ союзники обнадѣжены были, что нисмотря ни на какое позднее время начало операцей здѣлано и тѣмъ наисилнѣйше продолжаемо будетъ. Симъ средствомъ докажется, что въ бывшемъ до нынѣ

упущеніи не хотѣнія ея величества но медлѣнное исполненіе ея повелѣній виновно.

Со всемъ тѣмъ канцлеръ открывая по должности своей чистосердечные какъ вѣрнаго раба мнѣнія предаеть сіе всевысочайшему ея імператорскаго величества просвѣщенному благоизобрѣтению.

Графъ Алексій Бестужевъ-Рюминъ.

7 октября 1757 года
въ восемь часовъ вечера.

Ея імператорское величество всемплоствѣйше да отпустить, есть-ли въ семь мнѣній какіе ошибки случились, и да приписать оныя той скорости въ каковой оное дѣлано; ибо по выходѣ изъ конференціи неоставалось болѣе времени какъ по отъѣздъ опять сего момента опять въ конференцію.

2.

По высочайшему вашего імператорскаго величества повеленію

всеподданнейшее мненіе.

Въ поверенной вашего імператорскаго величества Арміи поступокъ генераль-фелдмаршала Апраксина, медленность его, чрезвычайная ретирада безъ повеленія вашего імператорскаго величества и полученная ведомость о созженіи амуниціи пороха и прочаго оправдать его не могутъ, для чево по слабѣйшему моему мнѣнію разсуждаю отозвать его изъ арміи поруча армію кому вашего імператорскаго величества соизволеніе будетъ въ Риге взявъ отвѣтъ повелеть судить, о чемъ дать знать союзныхъ дворовъ посламъ и министрамъ, что оный

фельдмаршалъ въ слабыхъ своихъ поведеніяхъ достоинъ быть подъ судомъ, чрезъ что союзники точно уверятца, что ваше императорское величество непремное намерение имело и имѣть по своимъ обязательствамъ гордаго непріятеля смирить, но единой поступокъ фельдмаршала тому причиной.

вашего императорскаго величества
всеподданнейшій рабъ
Графъ Александръ Шуваловъ.

7 октября 1757 г.

3.

Фельдмаршала Бутурлина

мнение.

По повеленію высочайшему вашего императорскаго величества елико постиженіе разума моего есмь, едина же и съ совести моею, въ монаршеское вашего величества разумное проищаніе подвергать.

Странное і должное и отважное возвращеніе победителской арміи вашего императорскаго величества къ границамъ принесло нареканія союзническимъ державамъ и подало поводъ ко всякому предосудженію, въ чемъ всеблагія сентименты вашего величества заключаются, и справедливая доверенность отъ союзниковъ въ поколебанія приводится, что неотменно соблюсти и сохранить (надлежитъ).

Излишнее было бы таперь упоминать о неславе оружія і о убытковъ и о притяжаніи будущаго приобретенія. Но за важное почитаю какъ бы настоящую погрешность покрыть и поправить 57 летнюю во всемъ светѣ славу.

1) команду поручить другому генералу кому соизволено

будеть, дабы чрезъ то показать просвещенное чистодушие вашего величества, и что неучастница таковымъ проступкамъ и безъ позволенія вашего то чинилось.

2) въ достоверное показаніе всего фельдмаршала отреша отъ команды отослать въ ригу і требовать съ него законнаго оправданія всехъ его произшедшихъ делъ и обращеній, а самому остаться въ риге съ ожиданіемъ высочайшаго вашего величества указа.

3) по принятіи отъ него ответа и осмотра причины непорядочнаго поступка дать тогда знать союзническимъ дворамъ.

4) отправленному же генералу накрепко подтвердить дабы всеми силами совсемъ возможнымъ успехомъ безъ потеряннаго времени нынѣ начавъ вновь операціи воинскія производилъ и старался бы всеми мерами въ Прусію войти и сколько возможность человеческая допустить славу оружію возставить и отъ старыхъ нарицаній отвести, и благоволеніе вашего императорскаго величества совершенно исполнить.

А. Бутурлинъ.

Октября 7-го 1757 года.

4.

Нижеподписавшагося всеподданѣйшее мнѣніе.

Вашему императорскому величеству угодно стало высочайше повелѣть всякому изъ насъ по монаршеской вашей воли засѣдавшему въ высокоповѣренной конференціи члену особо поднести вашему величеству мнѣніе, чрезъ чтобъ показать какъ высокимъ вашего величества союзникамъ, такъ и всему умному свѣту, яко въ возвращеніи арміи вашей состоящей въ

командѣ фелдмаршала Апраксина изъ Пруссіи вашего императорскаго величества высочайшей воли нѣтъ, и тѣмъ освященную вашего императорскаго величества персону отъ разныхъ толкованей освободить. Которому высокомонаршему повелѣнію слѣдуя, по присяжной вѣрно-рабской моей должности яко Богу слабое мое мнѣніе ко освященно-монаршимъ стопамъ привести дерзаю.

Какъ изъ всѣхъ чрезъ цѣлый годъ уже продолжавшихся обстоятельствъ, часть отъ часу открывается, что неприведеніе въ желаемое дѣйство высочайшаго вашего величества соизволенія высокими вашими союзникамъ помочь, произошло и даже до нынѣ простирается отъ неисполненія данныхъ повелѣній вашихъ фелдмаршаломъ Апраксинымъ; ибо не разложая много о наполненныхъ въ его реляціяхъ и посланныхъ къ нему высокими рескриптахъ о томъ важномъ ему ввѣренномъ дѣлѣ разпространеней, слѣдующее толко примѣчается, яко то

1-е) мешкотной ево къ выступленію въ повелѣнной походъ зборъ;

2-е) такъ инако медлительное во все время продолженіе въ маршахъ и стояніе въ одномъ (какъ напримѣръ въ Барбарискахъ и прочихъ тому подобныхъ) мѣсте неподвижно;

3-е) необстоятельные и темные о всемъ ево рапорты;

4-е) по одержанной побѣде, паки на одномъ мѣсте стояніе, чрезъ что вмѣсто того чтобъ побѣжденной непріятель принужденъ бы былъ бѣгствомъ отъ гонящихъ его спасатся, допущенъ и въ состояніи ставъ себя паки укомплектованіемъ людей и взятіемъ артилеріи усилить;

5-е) безъ представленія вашему императорскому величеству поворота съ арміею;

и 6-е) оставленіе паки непріятеля и всѣхъ покорившихся вамъ въ Пруссіи мѣсть,

такъ же 7-е) и разпущеніе безъ доклада же вашему вели-

честву изъ арміи войскъ вашихъ въ границу; а на конецъ (о чемъ и помнить ужасаюся).

8-е) созженіе и затопленіе пороху, бомбъ, патроновъ ружья и протчаго, и притомъ представленіе, яко въ такой землѣ (что увѣряеть разореніе и опустошеніе всѣхъ жилищъ въ Пруссіи гдѣ наши были) и впредь войну производить будто бы нельзя, на чемъ и предъ симъ мнѣніе ево о подорваніи Мемеля утверждается; и что и въ отравленномъ высокопрозорливымъ вашего величества ко удовольствію арміи промысломъ въ помощь ему князь Меншиковъ онъ нужды не признавасть, подвергло его высочайшему вашему гнѣву, такъ что не толкуя много дѣла ево сами ево дѣлають недостойнымъ такой высококой и дражайшей вашего величества ему повѣренности, слѣдовательно и надежды вѣтъ, дабы онъ исполнилъ то, что къ нему теперь ни предписано было бы.

И тако всемилостивѣйшая Государыня надѣжитъ у него какъ наискорые команду отнять и поручить изъ состоящихъ въ командѣ ево генераловъ (кромѣ Юрья Ливена, которой за слабымъ своимъ здоровьемъ и нынѣ оной неимѣеть) старшему господину Фермору яко человѣку много военнаго искусства знающему и надежному, или кому ваше императорское величество указать соизволите, а ево велеть тотчасъ отправить въ Ригу и тамо пока высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ что объ немъ определено будетъ, быть ему безвыѣздно безъ всякой команды, для того и данную ему за подписаніемъ высочайшей вашего величества ручки инструкцію отъ него отобравъ отдать тому кто на ево мѣсто определится; также и всю ево канцелярію со всѣми дѣлами и при ней обрѣтающимися служителями оставить при арміи. Чрезъ что всемилостивѣйшая Государыня какъ высокимъ вашимъ союзникамъ такъ и всему свѣту докажется, что все то что несполнено было съ высокою вашего величества

волею совсемъ несходно и ваше величество то сами чувствительно принимать изволите. А какимъ образомъ тому на его мѣсто поставленному командиру далѣе по нынѣшнему позднему времени военныя дѣйствія производить, и армию вашего императорскаго величества сохранить, въ конференціи общее разсужденіе къ высочайшей вашей апробаціи сочинено и представлено быть должно.

Генераль фельдмаршалъ *Князь Трубецкой*.

Октября 7-го дня 1757 году.

5.

По всевысочайшему вашего императорскаго величества соизволенію требуется отъ насъ мнѣніе какимъ съ дѣйствительнымъ образомъ какъ наискорые поправить страждущую вашего императорскаго величества честь, и то отвратить дабы союзники неприяли за нарушение толико разъ даннаго имъ монаршаго слова помогать имъ всѣми силами, а притомъ предохранить и целостъ Государства отъ всякой опасности.

На что по присяжной моей должности и усердной всеподданнѣйшаго раба ревности мнѣніе мое по сущей христіанской совѣсти представляю, что многими попеченіями и трудами вселюбезнѣйшаго вашего императорскаго величества родителя, и кровію вѣрноподанныхъ рабовъ приобретенная войною чрезъ многія лѣта слава, чрезъ нынѣшнее предводительство вашего императорскаго величества войскъ генераломъ фельдмаршаломъ и кавалеромъ господиномъ Апраксинымъ упущена, и не къ славію вашего императорскаго величества, целости государства, и пользы вашего величества союзниковъ противъ непріятеля

медленіемъ и бесполезнымъ произвожденіемъ славнымъ вашего величества оружіемъ дѣйствовано, а притомъ и скорымъ обратнымъ бегствомъ къ границамъ со оставленіемъ завоеванныхъ мѣстъ непріятеля слѣдовать за собою допустилъ безъ надлежащихъ надъ нимъ поисковъ. То за всѣ сіи учиненныя неполезности надлежитъ ему генералу-фельдмаршалу господину Апраксину отъ команды отказать и ѣхать въ Ригу, и тамо воинскимъ судомъ судити кому ваше императорское величество повелеть соизволитъ оной судъ произвести, чрезъ то высокіе вашего императорскаго величества союзники могутъ увѣрены быть и данное имъ вашего величества монаршее слово въ пущемъ дѣйствіе показать соизволитъ. По отрешеніи же его генерала-фельдмаршала Апраксина отъ команды главнымъ командиромъ надъ арміею кому быть, сіе предаю въ высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе. Но притомъ какъ нынѣ осеннемъ временемъ такъ и зимнимъ тому главнокомандующему ко утѣсненію непріятеля непрестанныя воинскія дѣйства производить и тѣмъ вашего императорскаго величества славу, целостъ государства и пользу высокіхъ союзниковъ соблюсть, такъ же чтитца завоеванныя мѣста которыя отъ арміи оставлены какъ время допустить возвращать и охранять до будущей компаніи; особливо же ему старатца лѣгкими партіями обще съ нерегулярными всѣвременно обезпокоивать и гдѣ подасть случай чтобъ главной непріятельской корпусъ съ Божіею помощію атаковать и разбить, и всѣ прошедшей компаніи упущенное ко искорененію непріятеля воинскимъ дѣйствомъ наградить.

Генералъ Адмиралъ

Князь Михаилъ Голицынъ.

6.

Всемилоствѣйшая Государыня.

На высочайшее повеленіе вашего императорскаго величества дабы между другими и я имѣлъ честь рабски поднести скудоумное мое мненіе о весьма трудныхъ и подлинно зрелому уваженію подлежащихъ обстоятельствахъ по причине неожиданнаго повороту съ арміею Генераль фелдмаршала Апраксина, долженствую чрезъ сіе всеподданнейше вкратце представить.

Я первой признаваю что сія ретирада какъ безъславна оружию вашего величества такъ и славе Государства, равнымъ образомъ того я удаленъ чтобъ оправдать иное и управленіе Генераль фельд-маршала Апраксина.

Болеежъ всего усердіе мое теперь какъ и надлежитъ къ тому простираетца, какъ сіе воспоследовавшее зло скорее поправить. Сумнительствъ столю много къ предосужденію ево, что видятца и оправдатца ему трудно; есть правда и доказательства тому, что для сохранения арміи делано, какъ то изъ результатовъ держанныхъ генералитетомъ совѣтовъ и реляцій ево видно, но какъ одного ко обвиненію такъ другога ко оправданію недостаточно.

Того ради надобно ево для отвѣту призвать сюда, поруча команду Генералу Фермору, да сія надобность и весьма умножаетца следующими резонами: 1) естли союзники или другія державы сомневаютца, не по указамъ-ли вашего императорскаго величества предприялъ сию ретираду фелдмаршалъ, то позывомъ ево къ отвѣту изтребитца сіе подозреніе; 2) для собственнаго вашего императорскаго величества правосудія и для переду весьма важно съ тонкостію разсмотрѣть всѣ прит-

чины несостояния армии и ея ретираты, ибо каковыбы оплошности ни были, однакожь, худому состоянию армии другимъ притчинамъ быть надобно, изъ оплошности одной не можно бросать ружей, воинския снаряды и прочее безъ наиважнейшихъ къ тому резонъ.

Мнѣ потому слабейше мнѣтся всемилостивейшая Государыня, что слава вашего императорскаго величества темъ сохраниена былабъ, ежели всевысочайше повелеть изволите:

1-е) помянутаго Генералъ фелдъ-маршала немедленно сюда взять и точно для взятя здесь съ него ответа;

2-е) въ тоже время объявить союзникамъ и другимъ дворямъ сию прямую причину ево сюда взятя;

3-е) сие разсмотрение поручить кому ваше императорское величество соизволите, а натурално ни кому всё обстоятелствы такъ не сведомы, какъ конференціи;

4-е) ежели онъ изболченъ будетъ, а оправдатца не возможетъ, то по строгости законовъ въ примеръ другимъ и во удовлетвореніе правосудия вашего величества поступить;

5-е) ежелижъ оправдитца то ваше величество особливую изъ того получите ползу ибо откроютца тогда способы къ произведению войны съ лутчимъ успехомъ, а притомъ и союзникамъ сказать можно будетъ что во удовольствие ихъ все сделано;

6-е) правда для болшой наружности можно бы и не бравъ ево сюда поручить кому-либо же изследовать въ Риге, но сие показалобъ что ищетца не изследовать токмо и правосудие показать, но единственно дать свой гневъ чувствовать, чемъ и всякой новой командиръ болше въ страхъ и робость приведетца, нежели поштритца, на противужъ тово видя что безъ изследыванья въ настоящемъ месте никто не осуждаетца, но всякъ защищаетца самими отъ Бога и отъ вашего величества данными законами неосуждать никого безъ изследыванья и не

взявъ ево оправдания, получить въ свои предприятия надежность, и натурально должностно и самолюбиемъ поощритца сделать лучше своего предместника, а по крайней мере не впасть.

Сею переменою правда главному дѣлу никакого прямого поправления еще не делаетца, а когда отъ новаго командира получатся новыя рапорты то тогда толко по онымъ новыя наставленія даны будутъ, а теперь по крайней нужде при данныхъ остаетца надобно, а особливо чтобъ Мемель удержать, употребя бы все силы и въ Тильзитѣ оставатца на кантонной квартире сколько поместить можно, которыхъ переменять по состоянию и труднаго и теснаго пребыванія, изъ стоящихъ въ Истляндіи и Лифляндіи командъ, притомъ всякая поиска ныне начать и зиму продолжать надъ неприятелемъ.

Всемиловивейшая Государыня, какъ сердцевидцу Богу такъ вашему імператорскому величеству всенижайше довошу что при всемъ моемъ усердіи и ревности мой смыслъ совесть и долгъ не позволяютъ мне иного представить вашему імператорскому величеству.

Графъ Шуваловъ.

IV.

Lettre de M-me la princesse de Zerbst à M-me la grande duchesse de Russie.

(Изъ Парижскаго Архива, Russie, vol. 56, f. 144).

Madame,

Votre Altesse Impériale aura, j'espère, reçu toutes mes précédentes aussi bien celle que je lui écrivis en novembre par un canal tout-à-fait étranger que toutes celles que je lui ai fait passer ensuite et en dernier lieu depuis que l'oppression, la violence et les plus noires intrigues nous ont réduits, mon fils et moi, à nous retirer ici, par M. de Solticow, ce qui m'engage à me servir d'une adresse différente de celle de ce ministre dont je ne puis d'ailleurs que me louer et à préférer celle dont je me sers pour faire parvenir la présente à Votre Altesse Impériale. C'est une appréhension peut-être injuste contre tous les autres canaux dont j'aurai pu me servir, intentionnée comme je le suis à lui ouvrir mon coeur. N'accusez point de faiblesse, Madame, ce coeur: il est déchiré des plus vives inquiétudes pour vous; il vous aime — vous le méritez, et d'ailleurs le sentiment connaît-il des bornes et des mesures dans une âme capable de bien sentir, et où il se trouve lié à la voix du sang et à un penchant né de l'attrait de son objet. Voilà ma situation.

Je suis assez au fait de la vôtre pour la sentir! Vous savez que j'ai pressenti ce qui vient d'arriver. Je ne crains pour Vous, Madame, que cette espèce de fermeté attachée à la reconnaissance dans les âmes nobles et généreuses. Au nom de Dieu pesez non seulement vos motifs au poids de l'équité qui vous est naturelle, mais pensez que si l'on ose, si l'on doit, si l'on peut donner des regrets aux personnes qui nous ont peut-être servi, leur amitié ni la nôtre ne sauraient les exempter de fautes, que la prévention est voisine de l'obstination, qu'un esprit juste ne doit point en être capable, que dès que le souverain l'organe de la loi, la vicaire de la Providence en terre vient de prononcer, les personnes les plus proches du trône doivent donner l'exemple et se résigner d'opinion.

Votre Altesse Impériale y est obligée (oserai-je risquer le terme?) par état et par les motifs les plus incontestables, d'une reconnaissance que rien ne doit jamais balancer. Il est inutile de les lui rappeler; je sais qu'ils sont écrits dans son cœur, et toute l'Europe en est instruite. Soutenez les, Madame; ne vous en écarterez jamais. S'il était malheureusement existé quelques malentendus, revenez, reprenez cet ancien train qui vous était si glorieux. Souvenez-vous que rien n'est si beau que l'aveu de ses fautes—c'est une élévation d'âme dont peu de personnes sont capables, que la raison l'approuve, et qui ornerait mieux nos héros que ces lauriers acquis au prix du sang et des pleurs de milliers de victimes de leur vanité. Rapprochez-vous, réclamez vos anciens droits sur ce cœur magnanime à qui et vous et toute votre famille doit tout. Méritez les de nouveau par tous les procédés propres à vous acquitter au moins en quelque façon. Tenez s'il en est nécessaire la même conduite avec votre époux; ne négligez ni temps, ni soins. Je vous demande cette attention à vous propres intérêts comme je vous demanderais ma vie.

Je sais des amis dont les généreuses bontés ne se refuseront pas à appuyer en votre faveur; je vais les en solliciter—accordez nous en la liberté. Vous ne devez pas avoir oublié cette liaison,

elle est telle que nous la désirions alors. Il ne tiendra qu'à vous d'achever ainsi tout ce qui resterait à souhaiter pour tout ceux à qui vous êtes liée.

«Ne me refusez pas, consolez-moi bientôt par des démarches en conséquence. J'en serai incessamment instruite, n'en doutez pas. Tous les yeux sont ouverts sur vous, tout votre sang tremble pour vous. Jugez de l'état de mon coeur.

«Répondez-moi, si vous voulez bien, par le même canal. Mes vœux accompagnent ces démarches et mon tendre attachement» etc.

V.

Envoyé par M. de Champeaux fils le 8 Septembre 1758.

(Изъ Парижскаго Архива, Russie, vol. 57, f. 235).

L'Impératrice de Russie a toujours témoigné un grand penchant pour la Maison de Holstein-Eutin, depuis qu'un Prince de cette Maison mort à Pétersbourg pour qui Elle avait conçu beaucoup de goût, a été destiné à l'épouser. Madame la Princesse dauairière de Zerst, qui est soeur de ce Prince, a eu l'habileté de profiter de ce sentiment et est parvenue à faire agréer à l'Impératrice la proposition de marier le Grand Duc avec la Princesse sa fille.

Aussitôt cette Princesse et sa fille se mirent en route pour Pétersbourg, avant qu'elles y arrivassent, l'Impératrice envoya à la Princesse douairière de Zerst un homme de confiance, pour lui donner des notions sur les factions qui divisaient sa Cour, pour l'exhorter à n'entrer dans aucune, et en cas qu'Elle ne put éviter d'y prend part, Elle la fit prier de préférer celle de Lestock et de M. de la Chétardie.

La Princesse douairière prit ce dernier parti. Peu après l'arrivée de ces Princesses, le Grand Duc et la Grande Duchesse furent promis solennellement, et ils parurent prendre beaucoup de goût

l'un pour l'autre. Le Grand Duc avait 21 ans. Il était pour lors d'une figure assez aimable. Il avait du feu et de la vivacité; la princesse de la beauté, de la jeunesse et des grâces.

La part que madame la Princesse douairière de Zerbst prit dans les mouvements intérieurs de la Cour, indisposa l'Impératrice. Le mariage fut sur le point de se rompre. Une explication de madame la Princesse douairière de Zerbst avec l'Impératrice, et la passion réciproque du Grand Duc et de la Grande Duchesse conjurèrent l'orage.

La cérémonie du mariage étant prête à se faire, elle fut retardée par un cruel événement. Le Grand Duc eut la petite vérole; mais cette maladie fit sur lui un ravage si affreux, qu'il en sortit tout à fait méconnaissable. Son visage en devint hideux; sa taille même en fut absolument dérangée; tout son corps en souffrit au delà de ce qu'il est possible d'imaginer. L'Impératrice, sentant combien cet accident serait sensible pour la Grande Duchesse, craignit la première entrevue; Elle donna ordre de prévenir cette Princesse, et d'augmenter, s'il était possible, le changement arrivé dans le Grand Duc. La Princesse de Zerbst en parlait sans cesse à sa fille, et chargeait autant qu'elle pouvait les portraits qu'elle en faisait. Enfin, le jour de la première entrevue, quelque soin que l'on eut pris de prévenir la Grande Duchesse sur la laideur énorme du Grand Duc, le premier coup d'oeil la fit frissonner: elle détourna la tête, pâlit, et la Princesse de Zerbst se jeta dans les bras du Grand Duc, qu'elle tint longtemps embrassé, pour donner le temps à sa fille de sortir de l'accablement où elle était. Le Grand Duc vint à elle; elle l'embrassa en tremblant; on les sépara aussitôt.

La Grande Duchesse arrivant chez elle, tomba évanouie; on la coucha et la Princesse de Zerbst resta auprès d'elle. Sa fille fut trois heures sans prononcer un seul mot et comme anéantie

par la cruelle surprise où elle avait été. Enfin elle tendit la main à sa mère et la lui serra en versant un torrent de larmes.

La Princesse de Zerbst, après avoir laissé passer le premier moment, lui remit sous les yeux tout ce qu'elle avait à lui représenter dans cette occasion, elle passa la nuit près d'elle, fit ce qu'elle put pour la consoler, et surtout lui fit envisager tout ce qui pourrait arriver, si elle ne prenait le plus grand soin de cacher sa douleur. Toutes les personnes qui avaient été présentés à l'entrevue s'étaient conduites avec tant d'adresse que le Grand Duc ne s'aperçut de rien. La Grande Duchesse, ayant senti la justesse des réflexions de la Princesse sa mère, tint une conduite qui ne pouvait pas désobliger le Grand Duc.

Enfin l'on célébra la cérémonie du mariage, mais le Grand Duc, sans s'en douter, se trouvait incapable d'avoir des enfants par un obstacle auquel la circoncision remédie chez les peuples orientaux, mais qu'il crut sans remèdes. La Grande Duchesse, qui n'avait plus de goût pour lui, et qui n'était point encore frappée de la nécessité d'avoir des héritiers, vit sans peine cet accident. Il comprut cependant les bruits sourds, défavorables au Grand Duc, qui, croyant que son malheur était pour lui une loi irrévocable de la nature, s'y était soumis avec assez de résignation.

Peu après la célébration de son mariage, la Princesse douairière de Zerbst, dont l'esprit et la beauté avaient fait beaucoup de bruit à la Cour, et dont on craignait le talent et le goût pour l'intrigue, partit pour retourner en Allemagne. On crut que le conseil, lui en avait été donné.

Parmi les chambellans du Grand Duc, il y en avait un de la branche aînée des Soltikow, dont le père avait rendu des services à l'Impératrice lors de la révolution qui la plaça sur le trône. La reconnaissance de cette Princesse, signalée par des bienfaits, donne aujourd'hui au fils le moyen de jouer un rôle important. Il était

fait pour s'attirer tous les regards dans une Cour où les dehors séduisants et aimables ont un si grand empire.

Il est né avec une figure des plus agréables; il parle avec beaucoup de délicatesse, affecte de la noblesse dans toutes ses actions, et fait souvent même le comédien pour prendre des airs de grandeur. Ses sentiments sont assez honnêtes, glorieux à l'excès; il a de la légèreté dans l'âme. Il eut risqué la Sibérie pour des intrigues, et s'enfuierait à la vue d'une épée. Sensible et plein de candeur pour tout ce qui ne peut lui nuire, et jaloux de tout ce qui peut marcher à côté de lui, il manque de souplesse et de cette finesse si nécessaire dans une Cour où l'on ne voit que ruses et intrigues. Son esprit est assez orné de frivolités, et une mauvaise éducation telle que celle que l'on donne en Russie, produit une partie de ses défauts et a étouffé le germe de plusieurs belles qualités qu'on aperçoit de temps en temps, à force de le voir.

De l'âge du Grand Duc, il eut bientôt toute sa faveur; il lui devint entièrement nécessaire, fut le directeur des plaisirs de sa Cour, où rien ne paraissait digne d'attention, si Soltikow n'en était, si Soltikow ne l'avait ordonné. Le Grand Duc ne pouvait s'en séparer; souvent il couchait avec lui.

La Grande Duchesse voyait avec plaisir cet attachement de son mari pour un homme qui leur montrait le plus grand dévouement, et négligeait même de faire sa cour autant qu'il l'aurait dû à l'Impératrice. La Grande Duchesse lui témoignait de la confiance et croyait devoir cette marque de reconnaissance à sa conduite. Ces bontés d'une Princesse jeune et belle firent des impressions très vives sur le cœur de M. Soltikow. Sans avoir encore démêlé la nature de ses sentiments, il redoubla des soins pour plaire au Grand Duc et à la Grande Duchesse.

La cour de l'Impératrice était alors entièrement dans les plaisirs; la dissipation, l'éloignement pour le travail et l'amour pour les amusements en faisaient la principale occupation, et le mi-

nistre qui entretenait ce goût pour conserver sa faveur et pour pouvoir exercer toute l'autorité, semblait avoir toujours pour premier soin de faire sans cesse succéder de nouvelles fêtes à celles dont on jouissait. Ce n'était que voyages, que chasses, que pèlerinages où l'on étalait fastueusement cette magnificence sans goût qui, depuis dix huit ans, s'est introduite à Pétersbourg.

Suivant l'esprit qui régnait alors, et suivant son âge, M. Soltikow ne respirait que le plaisir et ne s'occupait qu'à en inspirer le goût à la jeune Cour.

Son père mourut, et des affaires indispensables l'appelèrent à Moscou. Ce fut alors que par les difficultés qu'il trouva à s'arracher de Pétersbourg, il vit dans tout leur jour les motifs qui l'y tenaient attaché. Il prit congé de la Grande Duchesse; en lui baisant la main, il laissa échapper quelques larmes, qui, aussitôt qu'elle les sentit, lui firent faire un léger mouvement. M. Soltikow n'osa la regarder et partit sur-le-champ.

On s'aperçut à la cour du Grand Duc du vide qu'y faisait l'absence du favori. Tout manquait; enfin il revint. Il fut reçu du Grand Duc et de la Grande Duchesse avec les marques de bonté et de distinction les plus flatteuses.

Après son retour, sa passion l'occupa plus que jamais. Il était combattu, d'un côté, par son attachement pour le Prince, son maître, parce qu'il lui devait, par les risques auxquels il s'exposait, en se laissant entraîner aux mouvements de son coeur, et, d'un autre côté, par la violence de son goût pour l'ambition et la vanité, et aussi par la crainte de déplaire en faisant connaître ses sentiments. Les réflexions cédèrent; mais il fut si agité que sa santé en souffrit, et il aima longtemps sans oser se déclarer.

On a prétendu qu'à peu près dans ce temps l'Impératrice qui ne se sentait plus de goût pour M. Razoumowski fut incertaine si elle jetterait des yeux de bienveillance sur M. de Soltikow ou sur M. Iwan Iwanowitz Schouwalow, et que le premier ne l'ayant pas

deviné, l'Impératrice le jugea indigne de ses bontés et préféra l'autre.

Quoiqu'il en soit, l'alteration de sa santé lui donna lieu de faire connaître ses sentiments à la Grande Duchesse. Cette Princesse, qui s'intéressait à lui plus qu'elle ne le croyait elle-même, lui marqua de l'inquiétude sur son état. M. de Soltikow répondit qu'il ne pouvait s'expliquer à ce sujet et que la chose était de nature à être ignorée d'elle particulièrement.

Pourquoi, reprit la Grande Duchesse avec un air assez embarrassé?

M. de Soltikow d'une voix mal assurée, lui dit, qu'elle ne lui pardonnerait jamais. Ensuite, il ajouta avec plus de feu qu'il était la dupe de son attachement pour elle, qu'il devrait se taire, mais qu'il ne le pouvait, qu'à force de l'avoir vue, il lui était arrivé ce qui devait arriver deux ans plus tôt, qu'il avait cru n'avoir que les sentiments qui lui convenaient comme à un sujet qu'elle honorerait de quelques bontés, mais qu'il s'était trompé et qu'il ne méritait que sa pitié.

La Grande Duchesse changea de couleur, et lui répondit que son amitié lui avait toujours été chère et la lui serait toujours ainsi qu'au Grand Duc. Elle lui ajouta qu'elle le croyait trop raisonnable pour ne point éloigner les idées qui pouvaient l'agiter, qu'elle le laissait à ses réflexions et qu'elle espérait qu'elles lui seraient utiles.

Alors elle se retira, et cette réponse ne signifiant rien, M. de Soltikow attendit une seconde occasion. La Grande Duchesse lui parla avec la même bonté. M. de Soltikow lui demanda, pour unique grâce, de lui ouvrir quelquefois son coeur. La Princesse, entraînée par un goût secret, l'écoutait et l'exhortait à surmonter sa passion; elle l'encourageait à faire plus d'effort sur lui même. La conversation fut un jour très vive. M. de Soltikow lui parla avec toute la passion dont il était animé; elle lui répondit avec

feu, s'échauffa, s'attendrit et le quitta par le vers de Monime à Xipharès:

«Et méritez les pleurs que vous m'allez coûter» ¹⁾.

Pendant le Grand Duc, dont les sentiments pour son favori étaient toujours les mêmes, lui donna souvent des occasions de se trouver seul avec la Grande Duchesse. Ils se consolait mutuellement, se plaignant tous les deux, l'un de son malheur, l'autre des devoirs rigoureux que son état lui imposait.

La cour alla à Petershoff; le Grand Duc et la Grande Duchesse suivirent l'Impératrice. On y fit plusieurs parties de chasse. La Grande Duchesse sous prétexte d'indisposition, ne se trouva point à la plupart. M. de Soltikow, sous des raisons spécieuses, obtint la permission du Grand Duc de ne point le suivre...

M. de Soltikow aussitôt chercha les moyens de déterminer le Grand-Duc à faire tout ce qui était nécessaire pour se donner des héritiers. Il lui fit sentir toutes les raisons politiques qui devaient l'y engager. Il lui donna aussi une idée de plaisir tout nouveau, et parvint à le rendre incertain sur ce qu'il avait à faire. Le jour même, il arrangea un souper des personnes que le Grand Duc voyait avec le plus de plaisir, et, dans un moment de gaieté, tous se réunirent pour obtenir de ce Prince qu'il consentit à ce qu'on lui demandait. En même temps entra M. Boerhave avec un chirurgien et, dans la minute, l'opération fut faite et réussit très bien. M. de Soltikow reçut de l'Impératrice, à cette occasion, un très beau diamant.

Cet événement attira sur M. de Soltikow un orage qui le mit en danger d'être perdu. Sa maison avait beaucoup d'ennemis. Il s'en était fait beaucoup personnellement par ses airs de hauteur

¹⁾ «Mithridate», dr. de Racine, acte II, scène VI.

et par le peu de ménagement avec lequel il en usait envers ceux qu'il haïssait...

Ses ennemis firent plus: ils s'adressèrent même au Grand Duc. M. de Soltikow fut averti de ce qui se passait, il alla trouver le Grand Duc qui le reçut avec assez de froideur. Ce Prince était seul. M. de Soltikow entra sur-le-champ en matière, et lui dit ce qu'il venait d'apprendre, qu'il n'en était point surpris que ses bontés pour lui, la faveur dont il l'avait honoré, étaient des raisons plus que suffisantes pour lui faire un grand nombre d'ennemis; mais qu'il n'osait croire que Son Altesse Impériale n'eût point de son attachement pour lui, des idées plus justes et plus dignes de tous deux; qu'il pouvait être persuadé que le Grand Duc perdrait avec lui le serviteur le plus dévoué.

Les sentiments du Grand Duc se réchauffèrent; il embrassa M. Soltikow, lui dit qu'il avait été surpris un moment par des gens qui cherchaient à lui nuire, qu'il s'en repentait et le lui ferait voir, s'il le fallait, et qu'il lui était plus cher que jamais.

M. Soltikow lui dit qu'il était temps de faire des démarches pour le prouver; que l'on parlait déjà de Sibérie et que l'Impératrice paraissait toute déterminée à l'y envoyer; que sa punition, que l'on croirait motivée, accrédi terait des bruits honteux et des-honorants pour Son Altesse Impériale, pour la Grande Duchesse, et dont il ne se consolera it jamais d'avoir été la cause, et qu'il pria it le Grand Duc d'obtenir pour lui la permission de se retirer quelque temps sur ses terres, afin de laisser calmer l'orage qui s'était élevé.

Le Grand Duc alla sur-le-champ chercher l'Impératrice et lui demanda un entretien particulier. Il dit à cette Princesse qu'il venait d'apprendre qu'elle avait résolu d'envoyer Soltikow en Sibérie; qu'il la pria it de vouloir bien le lui laisser, qu'il s'agissait d'une affaire dans laquelle il entra it uniquement, qu'il reconnaîtrait cette bonté comme il le devait. Il ajouta qu'il ne pouvait s'empê-

cher de représenter à cette occasion à Sa Majesté Impériale, la peine qu'il ressentait de l'acharnement avec lequel il voyait qu'on attaquait toutes les personnes pour lesquelles il paraissait avoir l'amitié; qu'il devait sans doute lui être permis d'avoir des amis; qu'il en aurait eu dans son Holstein, qu'on ne l'eut pas empêché d'en avoir en Suède, et que si l'Impératrice l'avait appelé à une plus grande fortune son dessein n'était certainement pas de la lui faire acheter par la perte de toutes les personnes qui lui étaient chères. Il lui dit de plus que Soltikow lui demandait la permission de se retirer sur ses terres sa santé l'exigeant, et qu'il la suppliait de la lui accorder.

L'Impératrice fut très-étonnée de la chaleur que le Grand Duc mettait dans cette affaire, elle ne crut pas devoir lui refuser ce qu'il demandait; mais elle fut bien plus frappée encore de la suite.

Dans les premiers moments de son mécontentement contre Soltikow, au lieu de marquer des ménagements pour la Grande Duchesse, elle avait laissé échapper devant plusieurs personnes qu'elle prétendait connaître ce qui s'était passé jusqu'à ce moment, et que lorsque le Grand Duc serait assez bien guéri pour habiter avec sa femme, elle voulait voir des preuves de l'état dans le quel elle devait être restée jusqu'à ce jour.

Ce discours fut rapporté à l'instant à Soltikow qui le fit rendre à la Grande Duchesse. Cette Princesse parut outrée de douleur; elle alla trouver le Grand Duc et lui représenta que des bruits aussi hardis étaient aussi injurieux pour lui que pour elle; que c'était un outrage dont il fallait se plaindre tout haut et que, quant à elle, elle en demanderait satisfaction. Elle se rendit tout de suite chez l'Impératrice, où elle montra l'affliction la plus vive. Elle lui dit qu'elle espérait qu'elle voudrait bien lui nommer les personnes qui avaient osé noircir auprès d'elle sa conduite; que des gens capables de s'oublier à ce point, étaient trop cou-

pables et trop dangereux pour elle, pour qu'elle ne prétendit pas les connaître.

L'Impératrice, qui avait été étonnée des discours que lui avait tenus le Grand Duc, fut attendrie par la douleur de la Grande Duchesse et frappée des chagrins que la scène indécente qui se passait, allait causer à tous deux. Elle embrassa presque en pleurant la Grande Duchesse et paraissant pénétrée de l'état dans le quel elle la voyait, elle ne répondit point positivement à ce qu'elle désirait; elle l'assura de l'amitié la plus tendre et l'exhorta à faire peu de cas de bruits dont la méchanceté souvent n'épargne pas les souverains.

Le même jour de cette explication Soltikow, jouant chez l'Impératrice, elle vint voir son jeu et lui demanda s'il était heureux, il lui répondit: jamais. Elle lui dit ensuite, s'il persistait dans la résolution d'aller prendre les eaux chez lui, et, sur sa réponse qu'il partait le lendemain, que sa santé l'exigeait, elle lui ajouta qu'elle voulait qu'il se portât bien et qu'il restât près du Grand Duc. Soltikow lui répliqua que tous les remèdes de Boerhave ne valaient pas assurément ses ordres. L'Impératrice s'éloigna aussitôt...

Le Grand Duc ayant levé un régiment dans le Holstein pour cette Princesse, elle lui donna pour uniforme la livrée de Soltikow que ce corps porte encore.

Pendant ce temps, Bestuchew crut ne devoir pas se borner à posséder seul la confiance de l'Impératrice; il voulut en même temps celle du Grand Duc et de la Grande Duchesse et se rendre nécessaire à Leurs Altesses. A cet effet il gagna Soltikow par des avances singulières et par de ces choses flatteuses et distinguées auxquelles un homme vaniteux comme celui-ci ne pouvait résister. Croyant qu'il n'entraînait que de l'estime et de l'amitié dans les sentiments que lui marquait le grand chancelier, il en fut entièrement la dupe.

M. de Bestuchew lui parlait souvent de l'inconstance des Princes et de la difficulté de faire durer leur attachement et des moyens de les mettre dans l'impossibilité de se desgôûter des personnes qui d'abord avaient su leur plaire. Soltikow, dans ces conversations, se croyait heureux de pouvoir prendre des conseils d'un homme qui avait autant d'expérience, et dont il croyait qu'il pourrait tirer un jour une très grande utilité. M. de Bestuchew le persuada de ne placer près du Grand Duc que des gens sans talents et sans naissance, afin que ce Prince ne trouva jamais un homme avec qui il put se passer de lui. Il appuyait ses conseils par des exemples tirés de sa conduite avec l'Impératrice.

Soltikow, frappé d'une lumière toute nouvelle ne craignait que de ne pas être assez reconnaissant pour un homme qui lui marquait autant d'amitié et il se conduisait exactement d'après les principes que lui dictait le chancelier. Il y réussit si bien, qu'en deux ans de temps la cour du Grand Duc était bien devenue la chose la plus pitoyable du monde. Soltikow en même temps établit une si grande confiance entre la Grande Duchesse et le chancelier Bestuchew, que quand celui-ci sortait des conférences ou du cabinet de l'Impératrice, il instruisait Soltikow de ce qui s'y était passé, afin qu'il en informât la Grande Duchesse; il lui envoyait aussi, pour les lui communiquer, toutes les minutes des lettres pour les ministres de Russie dans les cours étrangères et toutes les dépêches de ceux-ci.

Quand M. de Bestuchew eut amené les choses au point où il le souhaitait, il fit sentir à l'Impératrice la nécessité d'éloigner un homme qui voulait engager la jeune cour à se mêler du gouvernement, qui avait l'art d'entretenir des espions partout, même dans le cabinet de l'Impératrice et qui avait une envie démesurée de jouer un rôle remarquable, qu'il avait rempli la cour du Grand Duc de gens que l'on ne pouvait y voir sans gémir; mais que

pour garantir le Grand Duc de se plaindre on pouvait donner à Soltikow quelque place qui l'éloignerait sans avoir l'air de le punir.

L'Impératrice y' consentit avec empressement et Soltikow fut chargé de la commission de la notification de la naissance du prince Paul Petrowitz à la cour de Suède, et lorsqu'il en revenait il trouva en chemin un courrier avec des ordres de se rendre en droiture à Hambourg et d'y rester en qualité d'envoyé au cercle de la Basse Saxe. Il en fut frappé et malgré tous les ressorts qu'il fit jouer pour parer au coup, il ne put y réussir. M. de Bestonjew avait pris les devants et fermé toutes les voies.

La Grande Duchesse en fut extraordinairement affligée et elle voulut avoir recours à un parti extrême. Elle voulait aller se jeter aux pieds de l'Impératrice, lui découvrir tous les sentiments qu'elle avait pour Soltikow, l'émouvoir et obtenir d'elle qu'il ne s'éloignerait point; mais le grand chancelier, qu'elle regardait comme lui étant dévoué et comme ami de Soltikow et qu'elle consulta à ce sujet, la dissuada de cette démarche, n'omit rien pour adoucir sa douleur, et lui fit espérer qu'il s'emploierait très fortement auprès de l'Impératrice pour faire rappeler Soltikow aussitôt qu'il croirait que ses instances pourraient avoir effet, et que, connaissant le caractère de cette princesse, il ne doutait pas que, dans peu, on ne put obtenir son rappel. Il écrivit à Soltikow dans le même sens et a continué le même manège jusqu'à sa chute.

Quand la Grande Duchesse a vu qu'elle ne pouvait pas empêcher cette séparation, elle a pris le parti d'écrire à M. Soltikow les lettres les plus vives et les plus tendres et d'entretenir une correspondance réglée avec lui. Elle lui a ordonné de passer à Zerbst, en se rendant à Hambourg. Elle l'a recommandé à la princesse sa mère comme l'homme du monde pour qui elle avait le plus d'amitié

et qui lui était le plus attaché. Sa correspondance a continué à être très vive jusqu'au moment où cette princesse a fait connaissance avec le comte Poniatowski.

A cette époque sa langueur pour lui a commencé à diminuer; aujourd'hui elle est totalement finie.

VI.

Lettres de la princesse de Zerbst à M. de Pouilly.

(Изъ фамильнаго архива гг. Шампо).

1.

Paris, 7-me Août 1758.

Je reçus votre lettre du 4-me de ce mois hier en dinant. Elle m'a fait un sensible plaisir. Toutes vos expressions sont celles de la reconnaissance. Par où l'aurais-je méritée? Il est bien juste, et j'ose dire qu'il m'est naturel d'estimer le mérite et de lui donner mon amitié. Persuadez-vous en, je vous prie, et pour preuve, écrivez-moi sans fin ni commencement, comme je vous écris. Vous écrivez avec esprit, vous écrivez avec grâce, comment me tirerai-je d'affaire pour vous répondre? Ou bien, où prendrez-vous la patience qu'il vous faudra pour me lire? L'amitié est indulgente, vous en aurez besoin, faites-en provision pour le cas. Je vous suis bien obligée de ne point vous être cassé le cou, c'eût été un très mauvais service que vous eussiez rendu au prétendu temple de la sagesse, d'où j'ai bien peur que Minerve n'écume un jour, surtout certains philosophes désignés pour y établir ses prédestinés, s'ils ne changent à certains égards... Vous m'entendez.

Raillerie à part, cet hôtel de Chaulnes que je croyais tout rapproché, tout prêt à se conclure pour moi, m'est encore fermé. Le duc de Chaulnes n'est pas encore arrivé. La belle dame qui poursuivait si chaudement cette affaire et qui a été cause que j'ai refusé l'hôtel d'Aligre, que Mad^e de Fèse vient de prendre, m'écrit hier fièrement que si je ne prenais celui d'Aligre, je risquais de

n'être point logée, parce que d'autres, plus alertes que moi et mieux servis étaient après celui de Chaulnes. Elle continuait par me chanter pouille sur la honte amère d'être logée encore dans cet infâme hôtel de Luynes, voilà ses expressions, et de n'avoir pas fait arrêter un hôtel convenable avant mon arrivée. Enfin tout ce que la pie et la folie la plus ridicule peuvent imaginer était contenu en ce billet. Je le conserve à son honneur. Je lui ai répondu en termes convenables tout ce que la prudence a pu me dicter. Je lui représente ses torts, et je lui fais sentir que je sais les apprécier sans me commettre. Je n'attends plus que l'arrivée de M. de Chaulnes: s'il me fait trop d'anicroches, j'ai deux autres hôtels en campagne, que votre ami, M. de Pelluys, qui m'est venu voir hier, m'a proposés. M. de Burigny m'a aussi envoyé son homme d'affaires. Je lui ai dit mes intentions pour l'hôtel de Chaulnes; il a parlé aux Chartreux. Je crois qu'il les mettra à la raison mieux que tout autre.

Pour en revenir à madame de L'Étang, je vous dirai qu'elle a su, me dit-elle dans un billet qu'elle a pris la peine de m'écrire encore par surcroît hier au soir, que le Cte Bestoucheff doit avoir dit des horreurs sur son sujet. C'est apparemment ce que vous saviez déjà. Je lui ai répondu que je n'en avais rien entendu. Effectivement, il ne m'a rien dit de pareil, mais simplement qu'il ne convenait pas que je la ménage en public, qu'en particulier, j'en userais comme je voudrais. La voilà qui demande aujourd'hui un tête à tête. Je n'en suis point embarrassée. Il faudra voir où elle voudra en venir. Entre nous, il me semble que c'est une vraie tracassière que cette femme là, dont il faudra que je me défasse à quelque prix que ce soit.

Que direz-vous quand je vous dirai toutes mes équipées? Les Sassenages m'ont entraînée à la comédie chez la Paupinière qui m'a fait civilement garder quatre chaises par un garde. On descend droit à la comédie et on repart. on ne se commet donc point du

tout. Il y a eu tout le beau monde: des Lauragnais, des Brancas, des Mazarin, des Brienne, des Villeroi, trois ou quatre cordons bleus, deux maréchaux de France. On m'a fait cent politesses, on a fort examiné cette étrangère, mais on lui a témoigné de l'indulgence.

Hier, Mad^e de Lowendahl m'a plantée à l'Opéra-Comique. Ce sont quatre enfants qui jouent comme des anges, que tout le monde va voir. Aujourd'hui encore, Mad^e de Lowendahl en grande loge à la comédie; c'est Sertorius que l'on remet sur le théâtre. Demain aussi au nouvel opéra. Quand tout cela sera fait, je dirai Ouf! comme le seigneur de la Souche.

Disons un peu de nouvelles. Mad^e la Duchesse d'Orléans est revenue, elle est un peu mieux. Il est arrivé avant hier un courrier à M. de Stahrenberg avec la nouvelle que le roi de Prusse a entièrement évacué la Bohême. Son fils aîné y doit présentement être arrivé. Le mentor que l'Imp^e-Reine lui envoie l'attend à l'armée. Je ne sais rien de l'armée de M. de Contades; mais M. de Soubise a écrit en cour, et s'est plaint de l'affaire de M. le duc de Broglie, prétendant que s'il avait attendu son arrivée, on aurait pris toute cette petite armée de Hesse, sans coup férir. On ajoute que cela a fait impression, et que si M. de Broglie n'avait pas été déclaré cordon bleu à l'arrivée des premières nouvelles, il ne le serait plus. Voilà le monde...

2.

Du 8-ème au matin.

Je ne fis point remettre la présente hier à la poste. Vous allez me dire pourquoi non? En vérité, je ne le sais pas; il me

semblerait que vous écrire deux jours de suite est un abus de votre loisir et de votre indulgence. Si vous ne trouvez pas cela raisonnable, c'est que vous l'êtes trop. Au reste, j'avais fort envie de vous rendre compte du rendez-vous de la belle, et de mon apparition publique à la comédie. J'ai reçu au travers de cela votre lettre du 6. Je vous remercie bien sincèrement de vos remerciements. Je suis ravie de la justice que vous rendez à mes sentiments pour vous. Vous êtes trop flatteur, trop reconnaissant, mon digne ami, c'est le propre des belles âmes. La vôtre est bien estimable et bien estimée de celle à laquelle vous voulez quelque bien. Que je serais heureuse si j'avais autant de raison et cette espèce de sagesse que vous m'attribuez si généreusement? Ce sont de ces biens qui s'acquièrent trop rarement, pour oser espérer qu'ils me soient tombés en partage à ce point qui fait le bonheur solide. Mais si je n'arrive point à cette perfection, j'aurai au moins toujours l'ambition d'y parvenir et j'y mettrai tous mes soins, par estime pour mes amis et par la connaissance des devoirs nés avec moi envers les humains, mes semblables, c'est à dire la société en général.

Vous avez, si je ne me trompe, deviné les intérêt du souper du Cte B. Vous voulez savoir des nouvelles du jour suivant. Le dîner chez le Cte S. ne fut ni moins aride, ni moins sérieux, mais somptueux. L'hôtel est bien plus beau. Le tout a fort grand air, la vaisselle, la porcelaine, le dessert sont admirables. L'hôte est semillant chez lui. Il regne en cette maison un air d'opulence et d'affabilité qui plaît. Tous les ministres étrangers s'y trouverent, et de dames, rien que les Sardoisés. Le souper dont vous demandez des nouvelles fut plus gai, quoique moins nombreux et moins beau. Outre la famille de la maison, nous vîmes cette belle et réellement charmante Mad^e de Qualing, Mad^e de Béranger, jeune et belle, dame de compagnie de Mad^e Adelaude et sœur de Mad^e de Qualing, une présidente dont j'ai oublié le nom, très

jeune et très belle, et une Mad^e de Castellane fort douce, fort aimable, jeune, mais elle était grosse et accoucha en sortant du souper; je n'ai donc pas pu juger de sa beauté. Il y eut d'hommes, un officier des gardes, fort beau, dont j'ai oublié le nom. Il porte la croix de Saint-Louis. Il aurait bien voulu en compter à Mad^e de Qualing; Linsing dit qu'elle n'en voulait pas ce jour là, que ce serait pour une autre fois; encore une croix de Saint-Louis que tout le monde appelait La Grange: il n'est ni jeune, ni joli; un chevalier de Focourt, qui m'a paru avoir beaucoup d'esprit; et une autre jeune et jolie figure dont je ne sais ni le nom, ni la qualité; le jeune mari de la belle présidente et Linsing. Le jeu et le souper furent gais. Mad^e de Qualing est réellement belle. Je n'ai pas vu une plus belle gorge, la déesse de Cythère n'en montra pas plus. On me dit que la belle était gênée ce soir. Elle est petite maîtresse. Elle fut douce et bonne; mais elle a des yeux. quels yeux! oui, des yeux, je vous en répons, qui se font entendre. Vous savez l'histoire, je ne vous la dis donc pas. Après tout, je préfère sa sœur moins belle, mais douce, bonne, aimable, sans art, et telle qu'il me semble qu'il convient à une personne de qualité, qui tient un certain rang à la Cour. Après celle-là, il me paraît que Mad^e de Castellane conviendrait à ma façon de penser. Je puis au reste me tromper; le premier coup d'œil est souvent trompeur.

Venons-en à mon rendez-vous. Il a eu lieu entre quatre et cinq heures hier au soir. Tout cet intérêt d'état m'a paru une bonne clabauderie. Un vieux militaire son parent, dont Mme de L'E. vante le nom et la parenté, est venu lui dire qu'il savait par un ami à qui B. l'avait dit, que le Cte B. désapprouvait mon voyage ici, qu'il avait parlé désobligeamment de moi; qu'il avait ajouté que pour quant à l'affaire de son cousin, elle ne nous faisait aucun honneur, ni à l'un, ni à l'autre; que son cousin était un aventurier qui avait fait le métier d'espion et que la cour de F. l'avait résilié; enfin, mille absurdités piquantes et très imprudentes. Je lui

ai répondu que, quant à moi, l'approbation ou l'improbation de M. le Cte de B. sur mon arrivée m'était assez indifférent, que je le croyais trop sensé et trop habile pour manquer à sa Cour en ma personne; que quant à son cousin, c'était à la cour de France à soutenir ses intérêts en cette occasion; et sur ce qu'elle me dit que B. s'était vanté qu'il m'empêcherait bien de voir une personne perdue comme elle, je lui dis naturellement qu'il m'avait conseillé de ne me montrer en public qu'avec des dames de la Cour. Elle ajouta qu'elle en fréquentait. Cela se peut, dis-je, mais je vous avoue que j'ai trouvé que l'avis de M. le Cte de B. serait bon à suivre dans tous les pays. Elle en est venue ensuite à de longs détails sur sa noblesse et toute l'histoire de sa vie, sur ses liaisons, les raisons qui l'ont engagée à écrire les choses que vous savez à Linsing, et à me détourner de l'hôtel d'Aligre. Enfin elle en est venue à pleurer, à réinsister sur ce que doit avoir dit le Cte de B. Je lui ai déclaré que je ne m'en mêlerais pas, que ce qui regardait son cousin était l'affaire de la Cour. Que quant à moi, si l'ambassadeur pensait assez mal pour me manquer, tant pis pour lui; qu'il était au-dessous de moi d'en prendre connaissance; que tout ceci pouvait prendre une mauvaise fin vis-à-vis d'un ambassadeur en ce moment-ci, si on en venait à des éclaircissements; que je lui conseillais d'y penser deux fois; que je lui répétais que je ne voulais pas être mêlée là-dedans, et que je ne voulais y entrer pour rien. J'ai d'autant plus insisté là-dessus, que je me suis aperçue que la créature mi-carré mi-B est là-dessous, et que cette affaire pourra aisément faire un pot pourri et faire encoffrer quelqu'un. Il me serait joliment honorable si je débutais par une telle scène, ou pour y être entrée. Dites-moi si votre raison m'approuve, et je me consolerais du mauvais sang que cette clabaudouse m'a fait faire.

L'ambassadeur a reçu la nouvelle que les deux colonnes Russes se sont jointes; on croit que le Roi de Prusse marche à eux: Dieu

leur soit en aide! Je comprends les raisonnements de vos politiques. J'en entendis un hier très sensé que je vous rendrais bien si j'osais. Ce fut mon gros Sch... il me plaît et me paraît fort honnête homme. Je crois comme vous que le jeune Soltickow se formera. Je le vois tous les jours; il n'en vient pas un qu'il ne me parle de vous. Il vous aime; il sent le mérite. C'est une justesse qui est de bon augure à son âge. J'eus hier les deux frères Dolgorouki. Ils sont assez instruits, mais je n'aime pas leur physionomie. A propos de ces gens, voici une note pour l'histoire que vous méditez.

Il y avait longtemps qu'une certaine puissance, la France nommément, aspirait à faire renaître les droits de la fille unique qui restait de Pierre le Grand, dont les desseins avaient été, en mourant, de remettre le prétendant sur le trône usurpé par sa sœur, et injustement donné à une famille étrangère. Quand le ministère de Russie, à la tête duquel était alors le fameux duc Biron, favori de l'Impératrice Anne, donna lieu à allumer un feu dont les suites lui ont été fatales et heureuses au descendant de Pierre le Grand, le ministère de Russie, composé alors du duc Biron, d'Osterman, du chancelier Tchercaskoi, du Cte Golowckin et du Cte Munich Feldmaréchal, soupçonnait la France et la Suède de lui manigancer des embarras, la première, par rapport à l'alliance avec la Cour de Vienne, et pour faire renaître, s'il était possible, les droits du prétendant, l'autre pour se défaire du jeune duc d'Holstein, alors mineur, en le plaçant sur le trône des czars et donner à la couronne de Suède, à laquelle ce prince avait de justes prétentions, un successeur ou de la famille de Hesse, ou de Deux-Ponts. On soupçonnait, en Russie, que c'était à Constantinople que se traitaient ces intérêts, par deux ministres habiles dont j'ai oublié les noms, que la France et la Suède y avaient alors. On sut à St.-Petersbourg qu'il devait partir de Constantinople un officier Suedois, nommé Sainclair, chargé pour la Cour de dépêches impor-

tantes. On eut soin d'aposter partout où il pouvait passer, des gens qui le connaissaient, et d'autres auxquels il fut exactement dépeint. On demanda au roi de Prusse, Frédéric Guillaume, de le faire arrêter. le donnant pour un déserteur. On ne sait pas si la Cour de Suède fut avertie: mais tant est que l'ambassadeur à Constantinople dépêcha plusieurs officiers, par autant de routes différentes. On en arrêta sous des prétextes vains un à Stettin, auquel on prit ses paquets. Mais celui qui portait ceux que l'on cherchait, l'était pendant ce temps-là de son côté, près de Breslau, en Silésie, par deux officiers Russes, dont je ne dirai pas le nom. S'étant défendu, il fut massacré; on lui prit ses paquets qui furent portés à Biron qui, pour toute récompense, sous prétexte du meurtre qui n'avait, disait-il, point entré dans ses instructions, fit transférer deux des meurtriers en Sibérie. La nouvelle de cet assassinat se répandit bientôt. Le peuple Suédois aimait Sainclair. Le parti des chapeaux primait déjà. Trois ordres de l'Etat demandèrent la guerre. On arma; on nomma un général qui fut Loevenhaupt. De son côté, la Russie armait. La santé de l'Impératrice Anne déclina, elle avait, outre la goutte et la gravelle, un cancer à la matrice. Sa nièce, épouse du Prince de Brunswick, était grosse. Elle pouvait accoucher d'un fils, en faveur duquel un testament pouvait décider. Alors le Mis de la Chétardie commença à pénétrer dans l'intérieur de la maison de la princesse Elisabeth.

Doivent suivre les portraits de l'Impératrice Anne, de sa nièce, de Biron, de la princesse Elisabeth, de L'Estocq. On m'interrompt. Adieu, bonjour, mon cher ami.

Vous ne m'avez pas dit comment vous avez trouvé madame votre mère. Me croyez-vous si peu intéressée à vos plaisirs ou vos peines?

Du 9 Août 1758.

Souvenez-vous que je vous écrivis hier. Celle-ci c'est par provision pour demain ou après demain. Ainsi, insensiblement, vous aurez vos volontés, et vous verrez qu'il se trouvera au bout du compte, que je vous écrirai quelquefois tous les jours. D'où vient? C'est apparemment et ce sera parce que je me suis souvenue de vous. Vous n'aurez pas pourtant encore les portraits que je vous ai promis. Je veux avant cela vous rendre compte de ma journée d'hier et de celle d'aujourd'hui.

Hier, représentation première du nouvel opéra: les Fêtes d'Enterpe. Je fus en grande loge, celle du Roi, avec Mme de Lowendahl. Que de regards! Quels regards! Quelle curiosité! On fut indulgent, je ne fus pas sifflée. Mme la Duchesse d'Orléans apparut en grandissime panier-grande loge. Son air n'est point d'esprit. Elle avait été malade la veille à mourir. L'opéra est horrible: il n'a pas le sens commun, il n'y en eut jamais de tel. Je n'en aime que la Arnaud, Gélén, la Vestin et la Lyonnais. Voulez-vous les paroles? Je vous les enverrai.

Ce matin, je suis allée à dix heures avec votre petit bonhomme de Soltickoff, pendant que le baron s'était endiablé, chez le joaillier de Mme la Dauphine, où j'ai vu tous les bijoux des Dames de France et de la Marquise. Je n'ai vu ni reçu personne de la journée. J'ai resté en bonnet de nuit pour recevoir mon homme d'affaires, et un nommé M. de Saufflerre, maître de requêtes, que j'ai connu il y a 30 ans à Berlin, alors prédécesseur de M. le marquis de la Chéterrée. Il se trouve qu'il est le voisin de M. le duc de Chaulnes. Il m'a deterrée. Mon époux l'a obligé à Berlin. Le voilà

qui arrange mon hôtel de Chaulnes avec votre homme. Je l'aurai enfin. On m'offre des meubles, il faudra les voir, convenir, régler, et puis je m'y planterai. Au bout de tout cela, Madame de L'Etang m'a envoyé une lettre de son malheureux cousin; il se meurt à la citadelle de Magdebourg. Sa lettre était à la vérité de quatre pages, mais elle se ressentait, soit pour le style, soit pour l'écriture, d'un homme faible, languissant. J'en suis émue. On lui a conseillé du baume de La Mecque. On le lui enverra par estafette. Quel affreux sort que celui de ce gentilhomme! Glissons sur l'article. Il ne m'en faut pas autant dans mon cachot de l'hôtel de Luynes pour me rendre l'esprit noir comme de l'encre.

Je reviens à notre note. Vous avez compris que la France, qui entra dans les projets du parti des chapeaux en Suède, en faveur des maisons de Deux-Ponts ou de Hesse, donna ordre au marquis de la Chétardie, alors à Pétersbourg, de se rapprocher de la princesse Elisabeth. Le dessein n'était point de la mettre sur le trône. On voulait la faire servir d'instrument pour y faire monter son neveu le grand duc, alors duc d'Holstein. Trois ans entiers furent employés à faire agir les ressorts nécessaires. Vous sentez que l'on garda un profond secret sur le fond du dessein. L'Estocq le sentit, parce qu'en attisonnant l'ambition de la Princesse sur les droits du sang de Pierre le Grand, on ne la nommait jamais directement. L'Estocq, alors simple chirurgien de la Princesse, fut le premier gagné. Il était le seul confident qu'elle eût dans la maison: je vous en ai souvent fait sentir les raisons; elles tiennent au physique, mais il est invraisemblable, du moins, je n'ai jamais cru qu'il eût été à la place de ceux que nous avons vus depuis. Il avait vu naître la Princesse, alors attaché à l'impératrice Catherine, sa mère. Il était assez naturel qu'il lui fût tendrement attaché. Il est impossible de l'approcher et de ne l'être point. L'Estocq est d'un caractère ardent, ambitieux; il a de l'esprit. Depuis plus de 40 ans en Russie, il était accoutumé aux

intrigues de la Cour de ce pays-là. Il connaissait à fond tous les caractères, surtout celui de la Princesse, et de tous ceux de la Cour. Il avait parfaitement approfondi celui de M. le marquis de la Chétardie, qui se l'était attaché. L'Estocq voulait s'élever. Il était ivrogne et voluptueux; il voulait contenter ces deux passions, il n'avait pas de quoi. Renfermé dans le petit nombre d'officiers d'une Cour que l'on payait très mal, et dont les revenus des biens en fonds se dissipaient en menus plaisirs, il souhaitait d'avoir les coudes libres. Ajoutez à cela son attachement à la Princesse, un esprit tourné au juste, une conception facile et beaucoup de jugement; d'ailleurs d'un caractère sûr et bien-faisant, et porté pour la vraie gloire de la Princesse. L'Estocq réfléchit aux premières propositions, quoique alors vagues, de M. de la Chétardie. Il en sentit les conséquences et en vit le fonds. Il résolut d'en tirer parti, sur lequel il ne descella qu'au moment de l'événement. Il sentit la nécessité de se donner des émissaires; il en chercha dans l'intérieur de la maison de la Princesse. Il trouva en partie la noblesse gagnée contre la Princesse. Il lui trouva des espions. Il trouva les bien-intentionnés timides, ou neufs, ou trop sots. Il se garantit contre les uns, tira parti des autres, et ne marcha que d'un pas sûr. Il ne prit pas une mesure injuste. Un seul valet de chambre, fidèle, éprouvé, fut son Mercure vis-à-vis du marquis de la Chétardie qu'il n'osait voir. Cet homme allait dans un bois porter des billets à un Français dont il connaissait la figure et l'habit, mais qu'il ne connaissait pas; c'était le marquis. Un lieu où on jetait la charogne était celui de l'assignation. Des nuits obscures, des orages, de fortes pluies, des grêles, des jours qu'il neigeait étaient les moments de l'assignation. Là, se troquaient de gros paquets de lettres, des listes de personnes suspectes ou gagnées, des lettres de change, des instructions, des avis; là, se décidait le sort à venir de deux peuples nombreux, ceux de la Suède et de la Russie.

Pendant ce temps là, la guerre entre la Suède et la Russie avait été déclarée. Les armées en présence s'étaient battues; la bataille de Villmanstrandt avait été donnée; Lascy l'avait gagnée pour la Russie; Lœwenhaupt l'avait perdue pour les Suédois. Lœwenhaupt, s'il avait été heureux, avait ses desseins; il voulait se faire roi de Suède. Il fut malheureux; son dessein transpira. On lui coupa la tête sur d'autres prétextes que l'on trouva aisément, les raisons secrètes furent ce projet. Lœwenhaupt, un des hommes les plus accomplis de son siècle, même pour la figure, fut à plaindre; il avait l'âme et la qualité d'un héros, mais il devait naître dans un autre siècle ou ailleurs.

La princesse Anne, nièce de l'impératrice de ce nom, était accouchée du prince qui fut ensuite le petit empereur Yvan. L'impératrice avait fait élever cette jeune princesse avec quelques soins. Fille de sa soeur, la duchesse de Mecklembourg, épouse du duc Charles Léopold, si connu par ses extravagances, de chez qui elle s'était sauvée avec cette jeune enfant, âgée de deux ans alors, l'impératrice la destinait à lui succéder. Le duc Biron avait paru y consentir, mais soit qu'il n'aimât pas la princesse Anne, soit qu'il prévît que le penchant de toute la nation en faveur de la princesse Elisabeth, occasionnerait un jour quelque révolution, il avait bien résolu de ne précipiter rien, et de faire tourner comme il voudrait toutes les circonstances à son avantage. Il consentit donc que la jeune princesse fût élevée par une gouvernante allemande que l'on fit venir. Ce fut le ministre de Prusse, alors le baron Mardefeldt, que l'on a nommé le jeune, parce qu'il y succéda à un oncle du même nom, qui s'en chargea. Elle était sa parente, et veuve d'un colonel des anciennes troupes Holstinoises, nommé Aderkas. On ne pouvait plus mal choisir. Madame d'Aderkas avait été belle et en avait abusé, elle était perdue de réputation; son éducation en fit foi. La princesse Anne n'était point belle, mais elle avait des agréments. Elle était d'une taille médiocre, brune,

les yeux beaux, mais tristes, les traits assez réguliers, une belle gorge, le bras, la main belle, de l'air. Le tout ensemble ne faisait point une belle personne. Il y a pourtant eu des gens qui l'ont trouvée telle. Elle avait un air de tristesse et de mélancolie répandu sur toute sa personne, qui plaît assez à certains esprits. Elle était née tendre; beaucoup de romans que sa gouvernante avait eu soin de lui laisser lire pendant qu'elle s'amusa avec son cousin, lui gâtèrent l'esprit. Elle ne l'avait ni brillant, ni élevé. On n'a jamais su si elle avait l'âme belle. Elle n'a fait ni bonnes ni absolument mauvaises actions. Elle n'a donné qu'à ses favoris et a peu récompensé. Elle a montré pendant son mariage et pendant sa régence qu'elle ne connaissait pas ses devoirs. Elle les négligea tous. Elle était née paresseuse, et l'on sait qu'elle eût voulu être particulière. On ignore ses motifs à cet égard; mais on sait qu'elle aima passionnément dès l'âge de treize ans le jeune de Lynar, saxon d'origine, et alors envoyé de Saxe à la Cour de Russie. Il passait pour le plus bel homme qui fut alors. Les gens sensés l'ont accusé d'être un fat. Il n'y a sorte d'intrigues que la Princesse et sa gouvernante ne jouèrent pour faire réussir cette passion et l'entretenir. Lynar était très vain, il entra dans l'intrigue, il aima ou fit semblant d'aimer. Tant est que la chose fut poussée si loin qu'elle parvint à la connaissance de Biron et de l'impératrice. La gouvernante fut enlevée et conduite en Allemagne avec sa fille, qui était venue la trouver depuis peu, et qui est cette même dame d'honneur de ma mère, que mon frère en Suède a passionnément aimée, dont je vous ai parlé souvent.

Depuis cette catastrophe l'humeur de la Princesse parut aigrie. Elle devint plus sombre qu'elle ne l'avait jamais été. Elle contracta une haine mortelle contre Biron et prit en grippe la nation Russe. La cour de Vienne profita de l'incident pour se donner un ami sur et placer un parent, fils d'une soeur chérie de l'impératrice, épouse de Charles VI. Ce fut le prince de Brunswick, père du

petit Yvan, et frère du duc de Brunswick et de ces autres princes de ce nom que nous connaissons. Biron répugnait à ce mariage; la cour de Vienne envoya Botta qui sut l'y engager. On demanda la Princesse au nom de l'Empereur pour son neveu. Les noces se firent avec éclat, la mariée fit éclater le plus affreux désespoir. L'ambassadeur, l'époux, tout fut maltraité, l'impératrice ne fut pas épargnée. Elle aimait sa nièce, elle savait qu'elle n'avait pas voulu du prince, elle crut que le temps la réduirait. Elle la laissa s'enterrer dans le fond de ses appartements et s'envelopper dans son chagrin tant qu'elle voulut. Mais elle la força à coucher avec le prince, qui sortait toutes les fois meurtri du lit de sa femme, et qui lui fit pourtant deux enfants, car il y a eu ensuite une fille qui a été de Lynar, et un autre pendant la prison, d'un bas officier des gardes.

Cependant l'impératrice Anne, rongée de son côté d'une mélancolie noire, à laquelle ses autres maux et ses débauches en eau-de-vie pouvaient bien avoir contribué, non-seulement, mais encore les mauvaises manières de Biron qu'elle aimait et qui ne l'aimait point, et qui la tyrannisait au delà de ce qui peut s'en comprendre, et dont elle sentait qu'elle ne pouvait se passer, ni se défaire, l'impératrice menaçait ruines. Un accident dont on ne s'attendait pas accéléra sa mort. Les médecins avaient conseillé à cette princesse l'exercice du cheval. On avait choisi un vieux cheval sur lequel on plaçait cérémonieusement Sa Lourde Majesté. Un des jours de l'été de l'année 1740, elle voulut monter seule dans l'étrier. Il rompit. L'impératrice tomba et crut s'être considérablement blessée, démis les hanches. On trouva après sa mort que c'était une pierre des reins qui, déplacée par la chute, s'était jetée entre la jointure qui fait le mouvement des hanches. Je ne sais pas les termes de l'art; je me rends intelligible comme je puis. Elle languit depuis jusqu'au mois de Novembre qu'elle mourut, gangrénée de tous les différents maux.

L'impératrice Anne était excessivement grande, jaune, et de ces graisses qui augmentent la laideur d'une brune. Elle l'était fortement. Elle avait le front fort étroit, les yeux petits, rudes et menaçants, le nez allongé, peu de lèvres, la bouche désagréable, peu de taille. Le marquis de la Chétardie disait qu'elle avait bon air par derrière. Sa gorge, ses mains, ses bras répondaient au reste. Elle avait l'humeur sombre, tournée à la mélancolie. On l'a soupçonnée d'avoir du tempérament. Elle donnait par vanité. Elle n'aimait, n'écoutait que Biron, non parce qu'il avait du mérite et de la capacité, mais parce qu'elle le craignait, et ne connaissait que lui. Elle était rude, cruelle, voulait être crainte, ne connaissait point, ni l'art de se faire aimer, ni la douceur de l'être. Elle traitait ses parents et ses domestiques en esclaves, l'était elle-même, pieds et poings liés de Biron, et regardait tous ses sujets comme autant d'automates, nés pour elle. On ne l'a jamais vu s'attendrir que de peur. Peu après son avènement au trône, elle gênait jusqu'aux gens dans sa Cour. Elle aimait les bouffons, en avait toujours, et souffrait toutes les obscénités qu'il plaisait à ces misérables de donner en spectacle. Elle a eu un prêtre bouffon, et une princesse Golitzine qu'elle força à l'être. On a dit qu'elle avait de la religion, je ne l'ai jamais cru; car j'ai su qu'elle faisait tourner en ridicule tous les mystères de la religion, et qu'elle se tenait à l'église avec une indécence, qui est en partie cause de la haine qu'on lui a portée. Elle haïssait la mémoire de Pierre le Grand et de l'impératrice Catherine, jusqu'à réprimer leurs belles actions, et prendre à tâche de faire périr une partie de leurs plus beaux établissements. Elle fut mariée fort jeune au duc de Courlande, de la famille des Kettler. Elle en eut un fils qui mourut fort jeune, ainsi que son époux. Veuve à la fleur de son âge, sa conduite parut répréhensible à l'empereur, son oncle. Il l'en punit par de sévères réprimandes. Il la menaça ensuite et cette affaire alla assez loin. L'impératrice Catherine la raccommoda avec l'empereur.

L'impératrice Anne s'en souvint les premières années avec sa fille; mais la princesse Elisabeth était généralement et tendrement aimée: c'était un péché originel que l'impératrice Anne, jalouse et ingrate naturellement, ne savait pas pardonner. On n'a jamais su au juste quand, ni comment, elle s'était attaché Biron; tout ce que l'on en dit sont de simples conjectures. J'ai pris la liberté d'en demander des éclaircissements à l'impératrice d'aujourd'hui; elle m'a fait l'honneur de me dire qu'on l'ignorait absolument; qu'il était certain qu'il n'est pas gentilhomme; qu'elle n'avait ouï parler de lui qu'à l'impératrice, d'abord après son avènement au trône quand on voulut l'engager à la renonciation à la souveraineté; qu'alors il était écuyer de la duchesse élevée au trône, et resté à Mittau, et que l'impératrice dans ses angoisses, ayant soupiré après Biron, vantant sa fidélité et son esprit, elle, l'impératrice d'aujourd'hui, s'était chargée de le faire venir et l'avait exécuté secrètement, ayant su que les Dolgorouki le craignaient. Biron se consulta avec l'impératrice d'aujourd'hui, et c'est de concert avec eux que l'impératrice Anne déchira l'acte comme je crois vous l'avoir conté.

Biron est beau de tête et de figure, ni trop grand, ni trop petit, une physionomie ouverte fort heureuse; peu instruit, l'esprit des affaires, prudent, habile ferme, ne se trompant guère dans le choix de ceux qui travaillaient sous lui; assez méchant ennemi, meilleur ami; ayant un système fixe, qui était sa gloire et l'agrandissement de sa famille. Magnifique à l'excès quant à lui-même, arrangé en ses affaires, et ne dérangeant jamais les revenus de la couronne. Il était généreux envers l'étranger, mais il méprisait et maltraitait la nation à l'excès. Il prenait des pages parmi la haute noblesse, et faisait des valets de pied du petit gentilhomme. Il a été généralement haï et cela par sa faute. Il était trop habile politique pour avoir de la religion ou le coeur bon Il a fait des choses horribles. Il en a coûté à l'État, qu'il

gouvernait depuis 1729 jusqu'en 1740, qu'a duré le règne de l'impératrice Anne, soixante-dix mille têtes qu'il a fait périr sous divers pretextes, et qui, dans le fond, n'étaient que ses ennemis à lui, sans compter les guerres contre les Turcs, les Persans, les Suédois, et en Pologne, où l'on compte qu'il en a péri deux cent cinquante mille. Biron gouvernait souverainement l'impératrice et l'Empire; il avait placé tous les autres ministres qui le craignaient. Il s'était fait élire duc de Courlande, la baïonnette au bout du fusil, par la noblesse renfermée dans une église de la capitale du duché, église entourée en ce moment là de douze mille Russes, prêts à leur faire un très mauvais parti. Sa femme est Treuden, de la noblesse Courlandaise. Il en a trois enfants; au moins passent-ils pour être à eux. D'autres ont cru qu'ils étaient d'une autre mère. Je crois que vous me comprenez. Cette femme et ces enfants ont été, par leur hauteur, leur arrogance et leurs procédés en général, le fléau de toute la Russie, au point que jusqu'au petit peuple frémit à leur seul nom. Voilà les principales personnes de la Russie à la mort de l'impératrice Anne.

Venons-en à notre herome; je vous la garderai pour demain.

4.

Du 10 Août 1758.

Bonjour. J'espère de vous dire à la fin du portrait de l'impératrice Elisabeth que M. de Contades a battu le prince Ferdinand, on en attend le courrier; peut-être est-il déjà arrivé, je vais envoyer à la découverte. Quelle joie de vous l'apprendre! Continuons.

L'impératrice Elisabeth est fort grande; elle a été extrêmement bien faite. Elle engraisait de mon temps et il me semblait

toujours que ce que dit St Evremond dans le portrait de la fameuse duchesse de Mazarin, Hortense Mancini, était fait pour l'impératrice. Il dit *de ce qu'elle a la taille déliée une autre l'aurait belle*. Cela était alors au pied de la lettre. Jamais tête ne fut plus parfaite. Il est vrai que le nez l'est moins que les autres traits, mais il est là à sa place. Sa bouche est unique: il n'y en eut jamais de telle: ce sont les grâces, ce sont les ris, ce sont les jeux. Elle ne saurait grimacer, elle n'a jamais fait de plis que de gracieux. On en adorerait une injure, si elle en pouvait proférer. Deux rangées de perles se montrent au travers du vermeil de deux lèvres, qu'il faut avoir vues pour s'en former une idée. Les yeux sont attendrissants, oui, voilà l'effet qu'ils ont fait sur moi. On les prendrait pour noirs, ils sont pourtant bleus. Ils inspirent toute la douceur dont ils sont animés. Ils imposent un respect né des sentiments du cœur, qu'ils vous enlèvent; on ne saurait les contempler, sans sentir un charme secret qui vous rend à elle pour la vie. Jamais front ne fut plus agréable. Ses cheveux sont plantés si exactement, que d'un coup de peigne, ils sont et paraissent rangés avec art. L'impératrice a les sourcils noirs, et la chevelure naturellement cendrée. Toute sa figure est noble, sa démarche est belle; elle se présente avec grâce; elle parle bien, d'une voix agréable; son geste est juste. Enfin, jamais figure ne ressembla à la sienne. Jamais si belles couleurs, ni gorge, ni mains, n'ont été vues. Comptez là-dessus, je suis un peu connaisseur, et je parle ici sans prévention.

L'intérieur eût toujours été pareil à cet extérieur, si l'éducation que recevaient les filles de l'empereur son père, avait répondu au reste des desseins et de la vaste étendue du génie de cet auguste prince. Soupçons sur la faiblesse de nos héros; mais accordons à leurs caractères ce qui les distingue du reste des mortels. L'impératrice Elisabeth a le cœur bon, généreux, magnanime. La douceur fait le fond de son caractère. Elle a un en-

jouement décent qui pare sa gaité. Je ne l'ai jamais vue que d'une humeur à se faire idolâtrer; elle n'est que sérieuse en certains moments: ils ne durent guère, sa douceur vous paie de ces instants, elle ne la quitte jamais. Jamais humanité ne fut pareille à la sienne. Bonne amie, elle souffrira de vos maux, procurera vos consolations et vos soulagements. Son cœur est fait pour la tendresse, son âme est faite pour régner. Intrépide, ferme, sachant entreprendre et exécuter; le moment de son glorieux avènement la peint assez. Elle a beaucoup d'esprit, la conception facile, du talent, mais un peu trop d'assiduité. Il n'est point étonnant: parvenue au trône à l'âge de 37 ans, je pense, elle ne s'était pas sans doute accoutumée, dans la vie sédentaire qu'elle menait comme princesse Elisabeth, à régir le colosse qu'elle a entrepris.

Telle que je viens de la peindre, la princesse Elisabeth, idolâtrée de sa nation, crainte des ministres, enviée par l'impératrice et la princesse Anne, s'acheminait au trône, habilement et richement dirigée, en gagnant par ses manières ou par des moyens suffisants, des dames dont le poids et l'autorité pouvaient décider des familles entières.

L'impératrice Anne mourut sur ces entrefaites, et Biron qui avait toujours son dessein et brouillé avec la princesse Anne, supposa un testament qu'il fit signer à l'impératrice mourante, par lequel il était établi tuteur et régent de l'Empire pendant la minorité du petit prince Yvan, qui était nommé empereur. Les testaments des empereurs et des impératrices de Russie ne sauraient décider de la succession au trône, que dans deux cas, l'un qu'il y eût deux prétendants qui eussent des droits égaux, ce qui est presque impossible; l'autre tel que fut le cas à la mort de Pierre Ier. L'impératrice Catherine était couronnée et reconnue souveraine des Russies. Il y avait un jeune prince et une princesse mineurs, petits enfants de l'empereur, enfants du malheureux Czarewich, et trois filles de Pierre Ier et de l'impératrice. Chacun de ces con-

currents avait ses partisans. L'empereur sentit la nécessité de décider, pour éviter des moments difficiles. Il fit donc assembler toute sa famille, les conseils, le Synode, le Sénat, les chefs des armées de terre et des forces par mer. Il dicta ses volontés, y fit souscrire et prêter le serment à toute sa famille et la nation, l'armée et les ministres. Voici ce qu'il établit: que l'impératrice Catherine, son épouse, lui succéderait, qu'elle le serait par le jeune prince qui a été ensuite Pierre second et ses descendants; à leur défaut par la princesse Nathalie, sa soeur et les siens, ensuite à leur défaut par la princesse Anne, fille de Pierre le Grand, et mère du présent grand duc, et ses enfants et ses cadettes, avec cette clause pourtant, qu'il ne faut pas perdre de vue, que l'âge déciderait entre les prétendants, c'est-à-dire que le plus âgé aurait préséance quand il serait de la tige cadette, ainsi que nous le voyons aujourd'hui entre l'impératrice et le grand duc. Toute la Russie prêta serment sur les clauses du testament de Pierre Ier—l'impératrice Catherine le fit renouveler à son lit de mort. Les Dolgorouki prêtèrent serment comme les autres, et le rompirent après celle de Pierre second, en élisant l'impératrice Anne. Biron ne divulga rien des clauses du testament de l'impératrice Anne dont je viens de parler. Le conseil, les chefs de la nation n'y ayant pas été appelés, on fut dans le doute, et le Mis de La Chétardie hésita si la princesse Elisabeth ne devait point lever le masque. Elle le refusa, ne croyant pas son parti assez fort. Biron eut donc le temps de faire déclarer la mort de l'impératrice, fit publier le testament et se prêter serment comme régent, et le petit Yvan empereur tout de suite. Personne ne se remua; sa hardiesse étonna, et on lui crut des amis, et l'on était si accoutumé à fléchir sous lui, que tout céda. Pendant ce temps-là, il sut intimider le prince et la princesse de Brunswick, il garda même le petit empereur dont il s'était emparé, et il fit sentir à la princesse Elisabeth, que si elle voulait seulement en

passer par certaines conditions, il lui montrerait bien que dans le fond il avait travaillé pour elle. Il en vint même à lui proposer ensuite de faire épouser sa fille, la jeune Biron, à son neveu le duc d'Holstein, qu'il promettait de mettre sur le trône et d'en faire descendre le petit Yvan. Cette négociation s'entamait quand Biron fut culbuté.

A Dieu pour aujourd'hui. Je n'ai point de nouvelles de M. de Contades.

5.

Du 12 Août.

Je vous ai gâté, vous êtes accoutumé à mon caractère de cérémonie, autrement je serais fort tentée de vous écrire aujourd'hui, samedi, que je sors d'une écriture de trois ou quatre grosses heures, de vous écrire de ce caractère que vos beaux yeux n'ont pas l'esprit de lire. Votre cousin Champeaux le lit fort bien. Je vous envoie une lettre que je viens de recevoir. Vous verrez que la tête tourne toujours un peu à notre pauvre ami Soltickow, et que messieurs du corps diplomatique sont quelquefois biscornus dans leurs jugements. Ma pauvre princesse Caquedou ne croyait pas en sortant de sa coque, qu'elle fût un jour destinée à entrer en lice avec le peuple libelleaux. J'ai beaucoup ri des choses sur lequel l'esprit ministériel est toujours monté. Je vous envoie la lettre de votre cousin, d'ailleurs par rapport aux nouvelles, elles se confirment de toutes parts. J'ai parlé au comte Bestucheff ce matin, qui m'a dit la même chose. Il est sûr que le prince Ferdinand a de nouveau refusé la bataille, et que M. de Soubise

marche droit à Paderborn pour le prendre en flanc. Le brave Daun avance de son côté et gagne pied sur pied. Il fait, jour pour jour, du butin et des prisonniers; mais ce qui étonne, qui fait causer, et qui intrigue *certaines ministres étrangers*, c'est qu'il arrive et part journellement courrier sur courrier entre ici et Vienne, et que l'ambassadeur Stahrenberg, mardi, après une longue conférence entre lui et le ministre, a fait partir en poste le jeune comte Hevenhüller de son ambassade. Il doit avoir dit qu'il portait à Vienne des bijoux achetés pour l'Impératrice-Reine. Tout le monde rit du prétexte et fait ses conjectures. Vous savez ce qui se passe sur la côte de Normandie. On espère de les rechasser bientôt. Il y a des troupes de reste, et M. d'Harcourt marche au secours de quelques mille hommes qui y sont déjà, avec six mille hommes et quelques troupes tirées de celles de la maison du roi.

Je croyais l'autre jour être à la fin de mes détresses pour cet hôtel de Chaulnes. Il se trouve que ce M. de Sauveterre que je vous ai nommé est un brouillon, peut-être un malhonnête homme. Le chevalier Douglas et un abbé dont j'ai oublié le nom, qui a été avec lui à Zerbst, sont venus hier chez moi; nous avons parlé en long et en large de cette affaire. Ils ont fort haussé les épaules sur toutes les conditions que l'on me voulait imposer, surtout les 10 mille francs d'entrée. Ils ont trouvé cela inouï. L'abbé s'est offert d'en parler au procureur général des Chartreux, et de défaire cette clause. D'une autre part, ils m'ont proposé l'hôtel de La Roche-sur-Yon, sur le quai à côté du Pont Royal, où loge M. le prince de Conti qui va loger au Temple et M. le Cie de La Marche à l'hôtel de Mademoiselle. Dès aujourd'hui, l'abbé m'a porté réponse des Chartreux. Il les a mis à la raison, et il est convenu qu'ils se chargeraient de toutes les réparations, et se désisteraient de la prétention des 10 mille francs d'entrée, à raison qu'au lieu de 9, je payerais 11 mille francs de loyer. Mais il leur a déclaré que l'hôtel de la Roche-sur-Yon étant plus grand et dans un plus

beau quartier, celui de Chaulnes serait le pis-aller, et que je ne donnerais ma réponse qu'après avoir su le prix de l'autre. Voilà qui est donc fait, j'aurai l'un ou l'autre. L'abbé n'a pas voulu me dire tout ce qu'il sait; mais je vois bien que le petit Destouches et Mme de L'Etang ont cabalé et fait tout le mic mac qui a causé toutes ces longueurs.

Que direz-vous quand je vous apprendrai qu'au milieu de Paris, je n'ai pas sorti de mon vilain hôtel de Luynes depuis mercredi au matin que je fus aux Tuileries, qu'il est samedi aujourd'hui et que je n'ai vu de ces quatre jours, personne, pendant deux jours. Cela n'est-il pas bien philosophe? Je gagerais que vous n'en feriez pas autant. Comment vous êtes-vous accommodé de mon épître sans fin de l'autre jour? George Dandin tu l'as voulu. Je voudrais à présent que vous m'envoyassiez des questions sur les points qui en exigent. J'y répondrais, et ainsi vous parviendriez insensiblement à votre but.

Je vous prie de me dire ce que c'est que ce monsieur de votre connaissance qui m'est venu voir, que je vous nommais. Je m'en souviens dans ce moment, c'est M. de Pelluys. Il m'a mené hier matin sa femme. Elle a un air fort décent. La connaissez-vous? Qu'est-ce que ces bonnes gens là? Le bonhomme, tout courbé qu'il est, m'a paru fort amoureux de sa chère moitié. Savez-vous où il met une très belle tabatière d'or qu'il a fait briller à mes yeux? Dans sa culotte. Cela a pensé me faire rire, et je l'eus s'il y avait eu là une seule personne, comme vous, par exemple. J'ai de grands compliments pour vous de mon fils. Il doit être arrivé présentement. Il a pensé avoir un grand malheur en delà Ratisbonne: l'essieu de son carrosse se rompit sur la pente d'un précipice. C'est un miracle qu'il n'ait pas roulé en bas.

Linsing vous a-t-il écrit? Il en fait le projet tous les jours; mais c'est un franc libertin, il est toujours en l'air. Bonsoir pour aujourd'hui.

Le landgrave de Cassel s'est, m'écrit-on de Jèvern, réfugié à Bremen. Nous voilà tous en deuil pour le prince de Prusse: cette mort a été notifiée par Van Hellen à M. d'Assoy à La Haye. Nous en aurons incessamment encore un, celui de la Reine d'Espagne qui se meurt, et peut bien être déjà morte. Mon gros voisin, M. Hilbrand a aussi pensé passer le pas. Sa femme et sa fille pendant ce temps là, soupaient en ville et donnaient à souper. Voilà de ces irrégularités qui me mettent en colère. Je voudrais du moins que l'on se respectât.

Votre livre L'Esprit est condamné par arrêt du grand conseil. Vous ne vous y étiez pas trompé. On écrit même que celui qui l'a reçu sera puni, peut être encoffré. On intrigue les uns pour, les autres contre.

A Dieu encore, bonsoir. Pour le coup, je vais me coucher: il est minuit.

6.

Du 13 Août 1758.

Je reçus hier votre lettre du 11. La présente ne partira pas aujourd'hui. Je suis fière, et je ne veux pas que vous receviez tous les jours Minerve avec les couronnes à ses pieds. Votre métamorphose est très plaisamment imaginée. Vous n'en seriez pas moins chassé. J'augure celle de toutes les créatures que vous choisiriez. Il n'y en a pas une qui puisse corriger mes erreurs peut-être à votre sens, mais au mien la douceur et la félicité d'une vie tranquille et d'une âme sans remords. Vous voyez que je me suis levée d'un air sérieux. C'est que j'ai rêvé de Polyeucte, que je vais voir ce soir en grande loge. Je m'étais pourtant couchée avec des idées

fort riantes. Mon abbé, qui est l'abbé Couché, m'avait apporté la nouvelle que j'aurais mon hôtel de Chaulnes pour onze mille francs, moyennant que les Chartreux retracteraient leurs prétentions de 10 mille à payer d'abord, et se chargeraient de toutes les réparations. Voilà donc qui est fait. Le notaire que vous m'avez donné viendra à midi et le tout se rangera de suite. Je sortirai d'ici, dès que le tout le sera, et j'irai me loger dans l'hôtel du prince de Salm, vis à vis, où je serai à portée d'attendre tranquillement que M. de Chaulnes ait démeublé, et que j'aie fait meubler. C'est encore l'abbé qui a rangé cela, et M. le Cte de Bernis m'a conseillé de l'accepter, comme convenable à tous les égards. Pour Mad^e de... je n'en entends plus parler. J'ai, en attendant, son insolent mercier que je chasserai, je pense, au premier jour. A propos de domestiques, le baron, qui vous écrit tous les jours sans vous écrire, m'a donné un valet de chambre plus beau que mon suisse.

Je suis bien aise que vous soyiez content de mes réponses à cette dame. Je n'aime rien tant que le suffrage des personnes qui pensent, et je ne hais rien plus que la tracasserie. Cette femme-là, si je ne me trompe, ne l'est pas mal. Comment est il possible que vous, la raison même sur cet article—car il y en a où vous ne l'êtes pas—ayez pu l'aimer? Pour sire la Paupinière, j'avais lu dans sa physionomie et compris à l'air du tout, de quoi il est question. Quel plaisant animal que l'homme! quelle bigarrure! Dites-moi, M. le Philosophe, la raison de tant de différents principes, supposé qu'il y en ait parmi le grand nombre, et que le hasard ne le conduise pas.

Voici les réponses à vos questions: il s'agit de l'époque des liaisons de la cour de Vienne avec celle de Russie. Vous savez les jalousies qui régnaient depuis la paix d'Utrecht entre les cours de Vienne et de Londres. Les conquêtes du prince Eugène, Naples, la Sicile, une partie de la Lombardie, appartenaient à la maison d'Autriche. Elle n'avait jamais oublié que dans le temps des guerres

de la succession la reine d'Angleterre avait retiré ses troupes de l'armée alliée, ce qui fit perdre la Catalogne, et qui fut cause de la reddition de toute l'Espagne. George Ier, parvenu au trône d'Angleterre, haïssait par des haines particulières, la maison d'Autriche, et elle le lui rendait sincèrement. Elle voulut donc se pourvoir d'un allié propre à lui aider à tenir tête à deux ennemis, et peut être à trois, l'Angleterre, la France et le grand Seigneur. Pierre Ier, dans ce temps là, voulait marier le malheureux, l'indomptable Czarewitz son fils. Il cherchait une princesse allemande. On lui fit proposer la sœur de l'impératrice alors régnante, et de la mère du duc de Brunswick aujourd'hui régnant. Elle était belle et spirituelle, et aurait fait l'admiration et le bonheur d'une nation et d'un époux qui eurent été moins barbares que ne l'étaient alors les Russes et le Czarewitz. Il en eut deux enfants, Pierre second et sa sœur la princesse Nathalie. Je n'ai su qu'avant hier, par le Cte Bestucheff, que l'empereur Pierre Ier ne voulut jamais que la femme de Czarewitz changeât de religion. Elle a vécu et est morte dans la protestante. Le prétendant est le chevalier St George que Pierre Ier voulait remettre sur le trône de son père. C'était le grand noed de l'alliance entre ce prince et Charles XII que Gortz avait projetée. Charles XII était fort piqué contre le roi George, qui était entré en tous les desseins contre lui, et avait partagé ses dépouilles. Pierre Ier voulait, outre son alliance avec l'Autriche, établir et construire une marine; l'Angleterre était intéressée à ne pas le permettre. On voulut donc lui susciter des embarras, dont la France ne se serait point mêlée directement, mais elle aurait profité du moment pour s'élargir en Amérique. Sur ces entrefaites mourut Charles XII. L'empereur avait son plan, mais les Suédois n'y voulurent pas entrer. Ils coupèrent la tête à Gortz par d'autres raisons. Ces nouveaux frais de guerre que l'on avait déjà commencés y entrèrent pour quelque chose. La mine éventée, Pierre Ier céda,

mais il ne perdit pas ses premiers desseins, et il les eut exécutés s'ils n'eussent été prévenus par sa mort.

Vous savez l'anecdote qui l'occasionna. Je vous l'ai contée à Hambourg. Ce que je sais d'anecdotes de ce grand Prince, se réduit à peu de chose. Tout le monde sait les immenses établissements qu'il a faits en tout genre, en toute espèce. Il rectifia les lois, corrigea des abus dans les rites de la religion; établit des règles de police, une armée réglée, une marine; fit naître les arts chez lui; enfin fit une création à la lettre. Il réduisit tout par écrit de sa main, et j'ai vu moi-même, dans les salles du Sénat, du Synode, et des affaires intérieures et extérieures, des grands in folio, précieusement conservés, que les principaux d'entre les ministres et de la nation m'ont assuré contenir toutes ces lois, ses établissements et ses réglemens écrits de la propre main de ce Prince, d'un style si juste, si net, si clair, qu'un enfant ne s'y tromperait pas. Il fit plus: il réduisit également de sa main par écrit, tous les desseins qui lui restaient à exécuter, des projets selon les circonstances, des principes qui peuvent servir de systèmes; enfin il a battu un chemin à ses descendants qu'ils n'ont qu'à savoir lire et à avoir du jugement, et à suivre, pour se rendre dans un sens, aussi grand qu'il l'a été. Je ne doute point qu'il ne soit, sinon déjà, du moins un jour, suivis; mais l'impératrice Anne s'en est écartée, parce qu'elle ne savait pas lire, n'écoutait que Biron. et ne faisait que s'enivrer, dormir ou ¹⁾...

Au travers de toute cette immense étendue de génie, Pierre Ier était ivrogne et débauché, et contracta plus d'une fois toutes les maladies qui en sont les suites, passa par tous les remèdes. Il ne dormait que trois heures. Il avait contracté depuis le 3e poison

¹⁾ A cet endroit se trouve une grande tache d'encre qui ne permet pas de lire un mot. A en juger par le sens de la phrase, il est très possible que cette tache ait été faite à dessein par la princesse elle-même pour supprimer un mot trop raide ou, peut-être même, indécent.

que lui avait donné sa sœur Sophie, une convulsion de nerfs qui ne le quittait jamais, et qui le défigurait beaucoup, qui augmentait quand il s'animait, et qui le rendait alors hideux. Il était sujet à des emportements qui le rendaient cruel. Un regard de l'impératrice Catherine le retenait; il aimait les femmes à l'excès. Elles seules pouvaient le modérer. Il voyageait en six jours de Pétersbourg à Kasan, à Astracan, ou à la mer Caspienne, ce qui fait peut être 800 lieues de France.

A présent un mot de la guerre. M. de Chevert, mon cher Chevert a été un petit peu relancé. Il est retiré à Wesel; mais le prince Ferdinand n'en a pas moins été réduit à repasser le Rhin. On le dit ainsi, mais j'ai peur que ce ne soit une grimace, et qu'il ne se replie pour se faire joindre par les Anglais, qui sont débarqués, au nombre de huit mille, à Lier en Ost-Frise. Le roi de Prusse est très embarrassé. Les colonnes Russes se sont jointes et lui marchent à dos. Le Cte Daun marche à lui et le resserre. Les Suédois ont repris toutes les villes qu'ils avaient prises et perdues l'automne dernier. Ils ont garnison à Rostock et Gustrow. este pour une autre fois.

7.

Du 14 Août 1758.

Je ne vous dirai qu'un mot aujourd'hui. J'ai un cruel mal de dents, le plus cruel que j'aie eu de toute ma vie. Je l'ai eu toute la nuit, et je ne me sens pas. Je l'ai gagné hier à la représentation de Polyeucte. Un nouvel, jeune, et déjà très bon acteur, a représenté ce martyr, la Duménil, Pauline. Les petits maîtres et

les sots trouvaient la comédie en robe de chambre; pour moi je l'ai trouvée très bien. J'ai délicieusement pleuré. Demain, nous aurons la Mérope de Voltaire. J'irai en loge grillée, elle me remue trop. Je ne veux pas que l'on voie ma sensibilité ou ma faiblesse au point où l'une et l'autre le seront toujours en cette pièce que j'aime plus que toutes les autres, et je veux y pleurer, dussé-je y aller la tête bandée, ou une joue plus grosse que l'autre.

Je signe ce matin les points du bail pour l'hôtel de Chaulnes. Votre notaire me paraît un très honnête homme, je vous en remercie. Madame de Lowendahl me propose des pages et de fort beaux écuyers. Je ne sais si c'est pour elle ou pour moi. Tout ce qui est à elle me paraît fort usé. Le Baron s'en va pour six jours, avec les Sassenages, à quinze lieues d'ici; me voilà donc au moins moi-même, pendant tous ces arrangements-ci, avec mes officiers. Je prévois que cela m'arrivera assez souvent. Je ne suis point accoutumée à ce métier, il sera pénible à mon indolence. Il faut bien ce qu'il faut.

On croit Cherbourg pris. On espère en M. d'Harcourt.

Je viens de recevoir votre lettre du 12. Vous me flattez, mon cher ami. Vous me gâtez. Il fallait me dire les fautes de mon style et les bagatelles que j'ai fait entrer dans les hauts faits. Dites-moi présentement l'article que vous trouverez le plus nécessaire. En attendant, je continuerai comme j'ai commencé. Reste à vous d'avoir la patience de me lire.

Il y a de nouveau des lettres de ce pauvre marquis de Fraigne: il se meurt. M. de Schaeffer, envoyé de Suède, me menace d'un grand souper où je verrais la C^{esse} de La Marck, et sa fille, la princesse d'Arenberg. Je vis hier à la comédie le C^e de Clermont: il est hideux. J'oubliais de vous dire que je fus en grande loge. Le parterre ne siffla pas. Je m'y attendais. Ne vous en gendarmez pas. Vous savez la licence de cet hydre. Vous ne voulez donc pas les paroles

du nouvel opéra. Celles des deux premiers actes sont plus tendres que de celui d'Enée et de Lavinie.

Soyez bien assuré de mon estime et de toute mon amitié. Je vous en prie du moins.

Voilà un dentiste qui va me faire souffrir les tourments de l'enfer; pour m'en refaire, j'irai voir, si je puis, la procession de Notre Dame. Je vous vois rire.

8.

Du 18 Août 1758.

J'ai fort envie de causer avec vous. Il me semble qu'il y a un siècle que je ne vous ai rien dit. Mon almanach me dit pourtant qu'il n'y a que trois jours. Je fermis cette dernière avec un épouvantable mal de dents et un peu de fièvre. J'étais si désespérée du mal, si exténuée de la fièvre, que je fis appeler un dentiste. J'ai eu le bonheur de rencontrer un homme censé, humain. Il a débuté par me nettoyer la bouche avec une adresse et une légèreté étonnantes. Ma gencive lésée, ma tête tracassée de la fièvre et de la fluxion ne m'ont point rendu l'opération sensible. Il fallait de l'adresse pour l'un et l'autre. Enfin cette vilaine bouche nette, il m'a mis je ne sais quelle drogue sur un peu de coton dans une dent creuse, et me voici guérie. Je ne sens plus rien. Voilà un bon petit détail pour un indifférent. Je sais que vous ne l'êtes pas sur ce qui me regarde, et surtout sur ce qui me fait souffrir. Je n'eus donc pas voulu vous demeurer en reste en cet égard.

Venons-en maintenant à votre aimable lettre du 17. Vous me flattez: cela n'est pas de notre convention. Vous faisiez bien mieux

ici. Vous me disiez mes vérités, et j'en sentais mieux ce que vous valez. Je serais au reste bien aise de vous avoir donné des notions, que vous ayez pu trouver intéressantes au grand sujet que vous méditez. Je ne doute pas que refondus, vous n'en fassiez quelque chose de bon; mais je n'aurai jamais fourni que les matériaux. Je continuerai à vous rendre les détails qui me viendront à l'esprit; mais je ne vous réponds pas que vous en ayez un mot aujourd'hui. C'est un jour de fatigue.

J'ai couru ce matin à l'hôtel de Chaulnes avec un architecte et des Chartreux pour voir les réparations qu'il y aura à faire. Là est venue cette belle âme de pr. de Salm qui veut absolument que j'aille loger chez lui dès la semaine prochaine. Il a fallu passer en son hôtel. J'y serai installée en huit jours au plus tard avec toute ma maison, et j'y attendrai paisiblement que l'hôtel de Chaulnes, cet éternel, ce bel hôtel de Chaulnes soit en état de me recevoir.

Je ne doutais pas que vous ne vous intéressassiez au mauvais succès de l'opéra. On changera le 3-e acte qui était indécemment ridicule. Il faut, comme vous le sentez bien, qu'il l'ait été beaucoup pour que je l'aie trouvé. Je m'y croyais pour le moins à l'opéra comique. A propos de celui-là, il y a trois enfants qui jouent des petites pièces à effacer les Clairon. Il est impossible de se représenter le jeu de ces petites automates. Il y en a un quatrième, une fille de douze ans, très bonne actrice, mais plus grande que les autres, qui est une petite déterminée, que je vois à vingt un meuble pour l'hôtel-Dieu. Non, cela est scandaleux et passe l'imagination. Le meilleur de toute cette petite troupe est une fille de six ans, qui joue en homme. Non, elle est étonnante: je pourrais la manger d'amitié. Nous avons pensé avoir demain l'Orphelin de la Chine. La Clairon est tombée très sérieusement malade. Pour ma part, je tremble qu'elle ne meure. On craint pour sa vie. Nous aurons donc la Sémiramis de M. de V. La Duménil a joué, l'autre

jour, cette excellente Mérope, comme une enragée à la lettre. C'est dommage, elle est excellente quand elle est à elle. Mais elle n'y était pas.

La belle est toujours timbrée: la voilà désespérée de ce que son cousin se meurt. Je le suis, en un sens, autant qu'elle par une juste humanité. N'a-t-elle pas voulu que j'aille en personne à Versailles solliciter? Elle me dit que mon obstination à ne pas le laisser s'évader est cause de son malheur. Au bout de cela, elle me propose de faire passer une lettre à celui par les ordres duquel il a été arrêté. Vous comprenez qui. Elle veut s'aller mettre et mourir en prison pour son parent et son ami. Enfin, c'est du sentiment, ce sont des transports. Vous sentez que ma raison, ni mon bon sens ne m'ont pas abandonnée en cette occasion, et que je lui ai donné tous les conseils que la prudence devait dicter. Il faudra en voir les effets. Vous êtes trop bon ami. Vous m'attribuez un mérite dans tous les pays où j'ai été, que le seul hasard a fait naître. Ce me seront toujours de bien doux moments, que ceux où je pourrai servir l'humanité. Je ne prévois pas qu'il puisse m'en naître en France, ou probablement je ne serai rien à personne; mais s'il en venait, je vous avoue que je craindrais que ma vanité y aurait plus de part que le sentiment, au milieu d'une nation éclairée et dont j'ai toujours eu une haute opinion.

Ce que vous me dites du déshonneur que les Prussiens ont répandu sur tous leurs procédés en cette guerre, est bien vrai. Je ne sais rien des côtes de la N. Mais Dresde est prise par les Russes. L'ambassadeur me l'a dit hier. La garnison s'était retirée pour se jeter dans Friedberg. Regardez la carte, cherchez Francfort et l'autre bord de l'Oder. Les troupes légères ont rattrapé cette garnison: elle était de 8 ou 9 cents hommes. Ils l'ont faite toute prisonnière de guerre; le seul C^t Herrd, ce vilain C^t Herrd, commandant, s'est sauvé. Fermor et Braun se sont joints à un endroit nommé Lippe, tout près des deux autres. Le roi de Prusse

marche à eux. Prions pour eux. L'armée alliée a repassé le Rhin. Contades marche à elle. Dusseldorf est évacuée et a reçu de nouveau garnison française.

Adieu, bon soir.

Je vous dis l'autre jour que M. de Linsingen était parti pour une partie de plaisir. Il y sera Dieu sait quel temps. Il résulte de là que j'ai tous les arrangements qui vont se faire sur les bras, jusqu'à la batterie de cuisine. J'ai réglé le tout aussi bien que j'ai pu avec le maître d'hôtel, qui par bonheur, est un homme très sensé, et que je veux espérer honnête: il s'agit entre autres des vins. Je vous envoie une liste de ceux qu'il m'a proposés, afin que vous ayez la bonté de me procurer ceux dont vous vous êtes chargé; dites-moi au sujet des autres, si vous connaissez quelque honnête homme à qui s'adresser. Vous remarquerez que mes officiers me serviront dès que je serai entrée dans l'hôtel de Salm.

9.

Du 22-ème Août.

Je dérobe un moment à cette semaine-ci pour vous écrire, car elle sera fort remplie d'événements pour moi, petits événements, grands événements, événements fortunés, peut être non. Il faudra voir, disait un grand prince avant de se décider. L'exemple est bon. Je le suivrai, tout atome que je suis auprès de ce défunt colosse. Mon bon, mon gros, mon attentif baron Schaeffer, dont les attentions vont en augmentant, a la belle et bonne rage de me faire des connaissances convenables.

Ce soir, je soupe chez lui, il y aura la C^{esse} de La Marck,

la princesse d'Arenberg, madame de Ségur, et deux ou trois autres femmes de la Cour. Madame de Lowendahl la sut jalouse, elle a vite engagée l'abbesse de Pautemon de me faire offre de service par sa fille que y est en pension. Cet ange, car c'en est un, est venu me dire donc, de la part de Madame de Pautemon, tout ce que l'on peut imaginer de plus obligeant, et que si les règles du couvent le permettaient, elle viendrait me dire mille belles choses elle-même, me servir, me tenir compagnie, etc... Cette abbesse est une personne de mérite, et tante de la belle madame de Brienne et de la princesse de Ligne, et de deux ou trois autres des premières maisons. J'ai donc témoigné la reconnaissance et les égards dûs, et j'ai ajouté qu'étrangère, c'était à moi à témoigner mon estime à madame de Pautemon, et le juste respect qu'inspire son état. La dessus la belle petite Lowendahl, toujours avec sa mère, est revenue m'inviter chez madame l'abbesse, pour cette après dîner. J'y verrai toutes ses nièces, et d'autres dames. Je serai reçue comme l'a été Madame de Modène. Enfin, voilà qui est très élégant; en attendant, priez pour moi. Je n'ai pas peur, mais je voudrais que cela fut fait. Jeudi, je soupe chez mon bon prince de Salm. Samedi, j'entre en son hôtel. Nous aurons demain une nouvelle petite pièce et samedi une grande. Dès samedi passé, on ne pouvait plus avoir de loge. J'ai pris le trou grillé.

Je ne fermerai qu'après demain la présente, pour vous dire le succès.

Du 23ème Août 1758.

Je rentrais fort tard hier, c'est-à-dire ce matin entre les deux et trois heures. Le souper et le jeu des dames durèrent jusque-là et je les laissai jouant un jeu à perdre six pistoles; je n'avais pas voulu en être, mais elles m'amusèrent beaucoup. Je me lève ce matin d'assez bonne heure pour vous écrire peu, car je dois sortir dans la matinée pour choisir des meubles. Je veux, en attendant, vous conter ma journée d'hier, et répondre à votre lettre du 19 que je reçue avant-hier.

Je partis donc avec madame de Lowendahl et l'ambassadeur de Russie qui avait obtenu cette permission en ma faveur. Madame l'abbesse me reçut à la porte de la clôture avec toute sa communauté. Cette abbesse est très belle. Leur habit est charmant. Cette belle personne a beaucoup d'esprit, non le volage, mais tous les avantages bienséants au sexe d'une personne du monde raisonnable et pensante. Je trouvai dans une salle où les sœurs se rassemblent, toutes les pensionnaires. Elles sont peut-être 16 ou 20 toutes noblement mises, décentes, manières modestes. Les nièces de l'abbesse devaient s'y trouver: il n'y eut d'elles que la belle et charmante madame de Brienne, et la sœur de l'abbesse, la princesse de Ligne. La maison est très neuve et noblement bâtie. Il y règne un air de grandeur qui frappe dans une clôture; tout m'y a plu, et il n'y a sorte d'honnêtetés et de politesses que toutes ces dames ne m'aient témoignées. J'en suis revenue enchantée.

Je ne le suis pas moins de madame la comtesse de La Marck, Mad^e la princesse d'Arenberg, madame de Clermont-Gallerande et Mad^e de Ségur dont je fis hier la connaissance chez mon bon

Schaeffer. Il n'y a pas offres de service, civilités, amitiés même que l'on ne m'aie témoignés; jusqu'aux billets pour les petites loges de l'opéra. Enfin, elles m'arrachent aux idées que j'avais des femmes de la Cour, et je vois que Paris est moins Paris à cet égard que je ne le pensais.

11.

Du 24-ème Août 1758.

Mon carrosse, le notaire et M. de Burigny me chassèrent hier d'avec vous. Votre oncle vous fera mes compliments. Je ne le vis qu'un moment.

Je vis donc hier cette nouvelle pièce. Elle est en trois actes. Elle est nommée l'Île Sauvage. Voici le sujet. Une Constance et un Ferdinand sont les héros de la pièce. Ils s'étaient épousés par passion. Ferdinand, si je ne me trompe, car ce fut la Gossin qui fit le récit de son histoire, rapidement, dans le moment de son désespoir. Je n'avais pu me procurer qu'une troisième loge d'où je ne pouvais pas distinctement entendre ce récit; Ferdinand est envoyé par le Roi en Amérique. Un orage pousse le vaisseau sur lequel se trouve Constance avec lui et une sœur cadette de Constance, alors âgée de deux ans, sur une île déserte. Ferdinand y laisse Constance pour chercher quelque habitation. Ceci n'est pas assez éclairci sur la scène. Il ne peut retrouver l'île. Il erre deux ans sur mer. Constance se croit abandonnée. Elle veut se donner la mort. Elle grave son infortune et son amour sur un rocher. Sa sœur est étonnée du chagrin de Constance, elle ne connaissait que sa tendresse pour un petit chien. Cette sœur est un portrait naïf

de l'innocence fort joliment soutenu. Elle offre ce chien à Constance pour la consoler. Constance lui fait sentir son état. Ce dialogue entre les deux sœurs est intéressant et bien soutenu. Les hommes y sont bien dépeints, l'innocence représentée dans le jour le plus naïf. Voilà à peu près le premier acte. Le second s'ouvre par un soliloque de la sœur de Constance. Elle est effrayée par le bruit de la mer agitée. Elle témoigne sa frayeur, elle jette les yeux de ce côté là, elle voit passer un vaisseau. Elle ne comprend rien à ce phénomène. Elle le voit aborder. Elle se cache. C'est Ferdinand et son ami. Elle ne connaît rien à ces figures, elle n'avait pas vu d'hommes. Elle est dans l'admiration, elle est persuadée que de tout ce qu'elle a vu, ces êtres-ci sont les plus aimables, mais par cette même raison que ce ne saurait être *de ces hommes* dont sa sœur lui a fait tant d'horreur. Ferdinand, ni son ami ne l'aperçoivent. La jeune personne court consulter sa sœur sur ces nouveaux venus. Pendant ce temps là, Ferdinand aperçoit l'inscription sur le rocher. Il croit que Constance s'est donné la mort. Il se désespère. Son ami lui fait remarquer que cette inscription n'est point achevée, et paraît toute fraîche. Ils conviennent de chercher Constance chacun de son côté. Ferdinand part. Son ami reste. Le troisième acte commence par la rencontre de l'ami et de la sœur de Constance. Elle a peur, le prie de ne pas approcher; il l'assure qu'il n'est pas à craindre et sur ce qu'elle l'interroge quelle espèce d'animal il est, il l'assure que de tous, l'homme est le plus humain. Au nom d'homme elle frémit, veut fuir, mais court à lui entraînée par un penchant invincible. Cette scène et le jeu de théâtre sont très plaisants. Elle est enchantée, elle veut courir détromper sa sœur, elle nomme Constance; à ce nom l'ami de Ferdinand l'interroge; il apprend que Constance vit. Il court au vaisseau appeler les gens de l'équipage et faire chercher Ferdinand et Constance. Ici se fait deux plaisantes scènes entre l'ami de Ferdinand et Prévile en matelot, et Prévile et la sœur de Constance. Il y entre une couple

de choses trop libres. Enfin, arrive Constance pendant que tous sont partis pour la chercher et Ferdinand; elle rencontre Prévile, qui l'instruit; elle s'évanouit; sur ces entrefaites revint le fidèle ami de Ferdinand qu'il a enfin découvert. Ferdinand paraît peu après lui. Cette scène est touchante et l'aimable Gossin et Granval l'ont bien exécuté.

La pièce est en vers. Les actrices sont habillées en sauvages, les hommes en Espagnols. Le théâtre représente une île; on voit la mer, des rochers, des arbres. Elle a été applaudie scène pour scène, et, excepté peu de chose, je la crois à vue une des plus jolies en ce genre. On ne savait pas encore hier le nom de l'auteur. Nous aurons samedi l'Orphelin de la Chine.

Me voici au bout de mon papier. Je vous répondrai au premier ordinaire à votre lettre. Vous avez raison quant à cette dédicace; remerciez, je vous prie, pour moi l'éditeur.

12.

Du 29-ème Août 1758.

Me voici établie depuis hier au soir, ou pour mieux dire, ce matin à deux après minuit, au retour d'un fort grand souper chez M. le C^e de Stahrenberg, ambassadeur de l'empereur, dans cet hôtel de Salm, vis-à-vis de celui de Chaulnes, où j'entrerai en peu de semaines. Celui-ci, en attendant, très décent, très joli, très bien meublé, très commode, et dont le prince-abbé est sorti pour m'y laisser entrer, est précisément ce qu'il me faut pour le présent. J'y suis servie par mes propres officiers, et je pourrais fort bien y donner de petits soupers.

Il me semble que vous me demandez avec qui étiez-vous hier;

avec madame la comtesse de La Marck, toutes les dames que je vous nommai l'autre jour, d'autres très aimables, et dont je ne puis nommer que la comtesse Bentheim, épouse de celui dont les frères ont figuré dans la présente guerre. Savez vous ce qui est arrivé? Elles m'ont proposé le rouge. Elles me l'ont dit de si bonne grâce que j'ai répondu que si c'était les obliger, je le voulais bien. Tout de suite, elles m'ont barbouillée. J'étais à mourir de rire. Le gros Schaeffer était là qui en mourait d'envie depuis longtemps, c'était lui qui les avait inspirées, cela l'a fort amusé. Elles m'ont fait promettre de le continuer et je le leur ai promis. Etes-vous content?

A présent, répondons à vos deux lettres: celle du 19 et celle du 22. Vous prétendez donc que l'on ne saurait me dire trop de gentilleses. Vous vous trompez, vous précipitez votre jugement. Vous me connaissez peu. Je dois craindre les louanges. Elles me gâtent. Elles me rendent négligente. J'y perds, et je ne puis perdre sans perdre trop. Ne me parlez donc plus d'enthousiasme, dites-moi: vous faites telle ou telle faute, vous êtes propre à faire telle et telle, et je répondrai à votre attente, je me corrigerai et vous aurez fait cette bonne œuvre de plus en faveur de la société.

J'ai fait vos compliments à mon fils. Il y sera très sensible. Enfin il est parti de ce chien de Lintz, où il a resté plus de 10 jours, sous prétexte d'attendre ses équipages; dans le fond, parce qu'il était brouillé sur un rien, avec ce pauvre jeune gentilhomme que vous lui avez vu, qu'il voulait ne plus revoir et renvoyer. Il m'avait envoyé une estafette pour m'en demander mon consentement et me prier de lui en donner un autre. Il m'a bien fait suer. Je le lui ai refusé net, et je lui ai dit toutes ses vérités. Enfin, les voilà raccommodés et j'en suis bien aise. Mais jugez mes angoisses. Je ne vous en ai rien dit dans le temps, peur d'alarmer votre amitié, surtout connaissant votre façon de penser sur la

nécessité de presser un tel voyage en ce moment-ci, et vous trouvant au fait de la mienne à cet égard.

Vous me demandez où et comment m'adresser vos lettres: à *l'hôtel de l'abbé prince de Salm-Salm, rue d'Enfer, quartier du Luxembourg*. Je vous remercie de ce portrait de ce pauvre Pellus. J'avais un peu soupçonné le fait. Mais vous lui dites des injures, fi donc! Non, la belle n'est pas raccommodée avec le Linsing, ils se boudent sans se voir, et je sens par la manœuvre d'amis à elle, qu'elle en dit des horreurs. Elle a tort, il n'est pas méchant; mais c'est un petit évaporé, et je prévois, qu'excepté un très bon maître d'hôtel et trois ou quatre belles figures qu'il m'a donnés, il me sera à peu près inutile.

En soupçonnant l'idée de biais que me donnerait de ce pays-ci, la proposition des pages et des écuyers, vous ne pensiez pas que la Dame n'en est point. Elle m'en a présenté une autre l'autre jour de son pays natal, mais mariée en celui-ci qui est son portrait, je pense, à tous les égards. Au reste, ne pensez pas qu'une couple de femelles ou de particuliers me portent à me décider pour ou contre une nation entière.

Je vous dirai à propos des Soltyckows, que le jeune de l'hôtel de Luynes, a donné les dernières trois semaines dans un tel libertinage, qu'il se perdra s'il continue. Je ne l'ai plus vu, car il ne revenait à l'hôtel que de six jours l'un. Il est fait à faire peur. On ne le voit plus au spectacle ni nulle part. Il paraît d'un air honteux comme un criminel quand il apparaît, et c'est pour un moment. Je n'ai pas daigné m'enquêter où il donne. Je l'ai simplement sermonné tout en badinant. Mais je vois bien qu'il est mal mené, et que cela tournera mal pour lui de toutes façons.

Je vous remercie du compliment que vous faites à mon mal de dents. Je ne sais s'il est fâché de n'y plus être, mais je sais que je suis ravie de ne l'avoir plus. Au reste, je vous trouve uni- que avec votre éloignement qui enhardit; j'aurais cru tout le con-

traire. Tant il est vrai que vous autres, êtres philosophiques, et nous pauvres honnêtes gens, nous sommes des espèces bien différentes, c'est-à-dire que nous sommes peu raisonnables, et que vous ne l'êtes point du tout. Cela est plus vrai que tout ce que vous me dites, et m'avez jamais dit.

Mais venons-en à l'histoire de la princesse Caquedou. Cela n'est-il pas bien plat? Peut-on pousser le faux esprit à ce point? On voit bien ce que c'est que la triste éducation de certains pays, et le peu d'usage de ce que l'on nomme communément le monde. J'ai peur que ce ne soit un argent perdu que celui que l'on a mis à l'achat de cette belle, je n'en entends plus parler et je la crois ou noyée ou perdue. Pour le pauvre marquis de Fraignes, il me fait une pitié que je ne saurais dire. La noirceur de mon hôtel de Luynes m'a fait cent fois réfléchir sur l'état où l'on peut être en un cachot. Je me revenais y étant, toutes les fois que je regardais autour de moi, surtout dans cette célèbre chambre à coucher, que vous avez fort bien pu oublier. Je suis bien aise que vous soyez content de moi au sujet des sollicitations que l'on m'avait demandées. J'aime fort à plaire aux bons esprits. J'en ai trouvé un très sensé, mais un peu trop pédant, si je ne me trompe, en cet abbé dont je crois vous avoir déjà parlé, l'ami et le maître Jacques du prince de Salm. Il entend parfaitement les détails des économies et les arrangements, à présent si nécessaires chez moi, que le Linsing n'entend pas, et dans lesquels il a si peu entré, qu'il n'en a pas seulement pris connaissance. J'ai tout détaillé, acheté, tripoté avec mon maître d'hôtel, pendant qu'il était en Normandie ou qu'il se promenait en diable. Mes beaux chevaux en avaient tellement péri, que les gris pourront fort bien en crever. Voici donc comment je m'arrange. Je reverrai tous les mémoires moi-même. L'abbé, qui connaît les prix, et qui dirige la maison fort bien montée du prince de Salm, m'aidera dans les commencements à les revoir. Linsing, que je ne veux pas planter

sur le pavé en faveur de sa soeur, aura un air de direction, quand il n'y sera pas, ce qui sera assez souvent, si je ne me trompe. Ce sera le marquis de Folin, gentilhomme de Bourgogne, que M. de Buringy et le prince de Salm m'ont recommandé, et que j'ai pris pour écuyer. Il est laid et non jeune: c'est ce qu'il me faut; je lui donne la direction des écuries, sous M. de Linsing, le maître d'hôtel pour la livrée, etc. et moi j'aurai la principale direction, et je ferai marcher toute la petite machine de mon état. Présentement, il s'agit d'une espèce d'intendant à qui je puisse dicter ou faire écrire quelquefois des lettres. L'abbé du prince de Salm m'a présenté un nommé M... ¹⁾ qui a été les 7 dernières années à Madame la duchesse de Bourbon, dites-moi si vous le connaissez, ou demandez à vos amis. Pour moi, je vous avoue que sa physionomie ne me plaît point.

En voilà bien assez de maison et d'économie. Parlons politique. Il court un bruit que les bons croient, espèrent, c'est que Louisbourg n'est point prise, et que c'est une fausse nouvelle; mais il est sûr et les ministres sont bien instruits que, dans un autre endroit très important du Canada, les Anglais sont battus à plate couture, qu'il y a nombre de prisonniers, et que tout est pour eux de ce côté là. M. de Contades avance sur le prince Ferdinand, et le... ²⁾.

13.

Du 30ème Août.

Prince Ferdinand recule marche sur marche. M. de Fersen est maître de Francfort sur l'Oder et il a détaché un corps qui

¹⁾ Lacune existant dans l'original.

²⁾ Une phrase inachevée.

bombarde Custrin à 11 lieues de Berlin. Zerbeleni et Hadritz y doivent avoir à présent Dresde. Mais ce qui est plus important que tout cela, et que j'ai de très bonne part, c'est que le roi de Prusse est hydropique et s'enivre tous les jours. Si à présent vous n'êtes pas content de mes nouvelles, ce n'est pas ma faute.

Disons un mot de la Russie. J'en étais resté aux détails de ce qui a précédé l'avènement de l'impératrice Elisabeth. L'impératrice Anne morte, le petit Yvan déclaré empereur, Biron régent, le tout par le prétendu testament de l'impératrice Anne. La princesse Anne, mère du petit empereur, animée par tous les ennemis de Biron, à la tête desquels était le célèbre feldmaréchal Munich, mais plus encore par sa passion pour le Cte Lynar, qu'elle prévoyait pouvoir faire rentrer en Russie, si elle y régnait, cabalait contre le régent et faisait courir contre lui les bruits les plus propres à le faire abhorrer. Il n'en était pas besoin, déjà il était assez haï. La ligue s'accrut bientôt, elle devint au bout de deux mois si formidable, que l'on forma et exécuta presque en même temps le projet déposséder Biron; il se douta de quelque chose. Il y avait trop longtemps qu'il abusait de sa fortune. Il voulut se lier avec la princesse Elisabeth, pour opposer son parti, redoutable aussi, à l'autre. Il fit ses conditions. Outre qu'il eût conservé tous ses avantages, le mariage du grand duc d'aujourd'hui avec sa fille devait en faire le nœud. Cette négociation prenait consistance, quand une belle nuit, le maréchal de Munich fit un coup de main, et enleva tous les Biron, déclara la princesse Anne régente, lui fit se passer le cordon bleu, déclara son mari généralissime des armées, et fit un bouleversement total. Le propre jour de cet événement, la princesse régente fit déclarer au ministre de Russie en Saxe, qu'elle désirait que l'on renvoie à sa cour le comte Lynar. La cour de Saxe n'y manqua pas. L'on fut tout étonné à la Cour et à la ville quand on y eut appris cette nomination. Les amis de la princesse la plainquirent, les ministres, surtout le vieux, intelligent et prudent

Osterman, en prévit les suites. Il osa représenter. Il ne fut pas reçu de bon œil. Il revint à la charge, on le taxa de radoteur. On lui ôta la charge de ministre des affaires étrangères. On lui laissa séance dans le conseil, ses pensions, et on le créa grand amiral. Le comte Lynar arriva triomphant dans cette même cour, vis-à-vis d'une partie de ce même conseil qui l'avait fait sortir, quelques années plus tôt, avec une espèce d'ignominie, hors de l'Empire. La régente avait envoyé au-devant de cette espèce de bel automate, car c'en est un, dès Riga, elle l'avait fait défrayer dès la frontière. On lui préparait un hôtel superbe, meublé par la cour, enjolivé par les soins de la régente en personne, qui y avait été donner ses ordres à cet effet. Rendu à Pétersbourg, il fut conduit à cet hôtel. Il y changea seulement d'habits. Un chambellan qui l'y avait reçu avait ordre de le mener à la cour en arrivant. Il s'y rendit dans le propre carrosse de la princesse. Elle était alors en couche de la princesse aînée. Lynar admis, toutes les portes furent fermées. L'entretien fut de plus de deux heures. On en ignore les détails: peut-être seraient-ils inutiles à notre sujet. Des ministres qui avaient des affaires à rapporter à la princesse, le prince de Brunswick, mille autres, le souper même, attendaient dans l'antichambre que cette intéressante conversation finît. Enfin, le comte Lynar sortit, revêtu des cordons d'Alexandre Newsky et de celui de St. André, tout en brillants. Les moins habiles baissaient les yeux, d'autres agissaient en courtisans. On dit que le prince de Brunswick sentit un gros mal de tête. Les gens sensés plaignaient la régente.

Le parti de la princesse Elisabeth augmenta d'attention. On lui conseilla de se montrer beaucoup, de voir plus de monde, de se parer plus que jamais. La nation avait toujours aimé la beauté de cette belle princesse. Elle se montra donc, elle parut plus belle, plus brillante, plus polie, plus affable que jamais. La régente était toujours sombre, retirée, négligée, ne paraissait guère, et quand

elle y était réduite, sans ce faste que la nation chérit, et constamment avec un air d'ennui qui irritait tous les esprits. Elle ne vivait qu'avec le Cte Lynar qui, de son côté ne paraissait presque plus comme il convient à un ministre étranger. Tout cela devait se colorer vis-à-vis de l'Europe attentive, du prétendu attachement du comte pour une favorite de la princesse nommée Mengden, une de ses filles d'honneur que l'on a communément nommée de son nom de baptême Julie. La régente affectait d'idolâtrer cette fille. Elle couchait avec elle. Elle ne sortait jamais de son appartement. Enfin, le jeu avait été poussé si loin avant l'arrivée du comte, que Mlle Julie, quoique passablement jolie, ayant un air que l'on avait été trouver hommasse, on avait porté des jugements téméraires sur ce singulier attachement, qui devait l'être beaucoup, pour avoir été trouvé tel entre deux personnes d'un même sexe, parmi cette nation là. La régente croyait jouer habilement son jeu. Elle fit faire des fiançailles publiques à Julie avec le comte Lynar. Elle leur donna pour trois cent mille roubles soit en habits, bijoux, nippes et meubles. Toute une année se passa ainsi dans la mollesse. Les affaires se traitaient par le comte Munich, maréchal, par le chancelier Golowkyn, un nommé Bremer, dont je trouve ici le frère militaire au service du roi, et d'autres ministres admis à un conseil fort nombreux. La régente s'y trouvait avec son air ennuyé et ennuyeux, rêvait toujours, et poussée quelquefois par celui-ci ou par celui-là, décidait en dernier ressort assez gauchement. Son fol mari était là et n'osait parler, pour n'être rebiffé. Car jamais prince n'a été traité par sa femme comme lui.

Celui qui avait le plus de part à tout ce qui se faisait par la régente dans les affaires, c'était le marquis de Botta, ambassadeur de la reine de Hongrie. Il s'était secrètement lié avec la comtesse Lynar. Leurs cours alors en guerre, ils n'osaient l'être en public. Botta, dirigé par sa cour, inspira à la régente le dessein de faire élire un duc de Courlande. La reine trouvait bon de

donner un tel appui à la régente, et elle établissait en même temps un prince de la maison de Brunswick, dont était l'impératrice sa mère et qu'elle aimait, c'était le gros prince Louis de Brunswick, à La Haye à présent, que vous y avez vu. On le fit passer en Russie. On le reçut en oncle du petit empereur. On fit la proposition aux états de Courlande assemblés, et on fit avancer des troupes vers la frontière. Le duché de Courlande, sous un duc qui entendit ses intérêts, serait assez puissant: il a plus de 75 lieues d'Allemagne en longueur, plus de trente en largeur et trois ports. Le sol est excellent et le commerce y fleurirait si l'on voulait. Les précédents ducs ont entretenu à leurs propres frais, jusqu'à 16 mille hommes. Le douaire des duchesses montait à 40 mille ducats. Le prince Louis fut donc élu duc de Courlande, et il devait recevoir les hommages, quand toute la machine du gouvernement de la régente s'écroula. On n'a jamais bien su pourquoi Lynar ne fit pas soutenir, pour sa cour, l'élection qui avait été faite, longues années avant, dans la même Courlande, du maréchal de Saxe, où la religion n'eût pas été un obstacle, comme elle l'était vis-à-vis du prince électoral de Saxe; le seul en âge de cette maison en ce moment-là.

Le marquis de la Chétardie ne perdit pas son temps. Il était pourvu de bonnes lettres de change. Il faisait tous les jours, sans y paraître, des prosélites. Il poussait L'Estocq. Celui-là poussait la princesse. Vous avez remarqué qu'ils avaient chacun leur dessein. L'Estocq voulait faire monter la princesse sur le trône. Le marquis de la Chétardie ne se doutait pas de son dessein. Il espérait bien, dans le moment de trouble qui devait décider du sort, du trône, y faire monter ou associer cet enfant que nous élevions, sous la tutelle de mon frère, en Holstein. Les Suédois, qui devaient soutenir le tout, avançaient. ils étaient au fond de la Finlande,

à 50 lieues de Pétersbourg, et leur général Loevenhaupt, intéressé par les... ¹⁾

14.

Du 1er Septembre.

Ordres secrets qu'il avait, et les desseins qu'il couvait pour lui-même, aurait bien donné quelque chose pour être positivement instruit du jour que l'on choisirait, afin de se porter en avant et prêter main forte s'il était nécessaire. L'impératrice Elisabeth craignait le moment, parce qu'elle ne prévoyait pas qu'il pût avoir lieu sans qu'il y eût du sang répandu. De son côté, le ministère de Russie n'était pas tranquille. Les fautes que faisait la régente vis-à-vis de la nation, qui veut voir son souverain, et qui ne la voyait pas, son goût pour Lynar que la nation abhorrait, le peu de ménagement du prince de Brunswick pour les gardes qu'il exerçait à la prussienne, un murmure sourd qui avait percé jusqu'à eux contre le gouvernement, réveilla toute l'attention du vieux Ostermann. Il crut devoir faire un dernier effort pour tirer la régente de son inaction. Il y avait quelques mois qu'il ne paraissait plus au conseil sous prétexte d'indisposition. Il demande audience, il l'obtient. Il prit prétexte d'une démarche du marquis de la Chétardie pour faire sentir à cette princesse, enivrée de son amour et de sa grandeur, qu'elle devait apprendre aux puissances étrangères à respecter sa dignité; que la cour de France, la première de l'Europe, n'aurait point donné à son ministre les instructions qu'il venait de recevoir sur un simple cérémonial, si son ministère

¹⁾ Une phrase inachevée.

était autant estimé que le précédent, ou s'il n'y avait pas des apparences que son règne n'était point affermi comme il devait l'être, pour son bonheur et celui de ses enfants. Pour toute réponse la régente le remercia. Un tailleur venait d'apporter un nouvel habit pour le petit empereur: «Voyez, dit-elle, ce charmant habit, ne va-t-il pas bien à mon fils?» Ostermann, piqué, ne répondit pas. Il fit une profonde révérence et sortit. Rentré chez lui, il dressa un mémoire rempli de réflexions solides et instructives (on le trouva dans la chambre du conseil; le marquis de la Chétardie m'a dit qu'il n'avait jamais rien vu de plus judicieux et de mieux); il présenta ce mémoire au conseil. Il circula parmi les ministres qui le composaient; on s'assembla, on opina en conséquence. Toutes les voix se réunirent sur le fond de cette épineuse affaire, on conclut que le comte devait être mieux instruit que la cour et le ministère, qu'il ne pouvait y avoir que deux objets à craindre, la princesse Elisabeth et son neveu. Les princes de Brunswick dirent: ce dernier est un enfant, il est pauvre, il ne saurait machiner; son oncle n'a pas de ministre, et cette maison, depuis sa décadence, n'a plus de liaisons avec personne. Il reste donc seulement la princesse Elisabeth. Il faut, dit le père du petit empereur, lui faire épouser mon frère. Il faut, dit le chancelier Golowkine, la faire enfermer dans un couvent. On convint d'y en venir si la princesse refusait le prince Louis. C'est celui que vous avez vu. On convint encore dans ce même conseil de faire marcher 40 mille hommes contre le roi de Prusse, et les ordres furent donnés, ce qui aigrît encore la nation qui voyait les Suédois à la porte. On fit la proposition à la princesse Elisabeth. Elle la refusa avec hauteur. Cela donna à penser. Le conseil s'assembla de nouveau sur ce refus. On sentit que la princesse devait se croire appuyée. On détermina des suites pour la cour. Sous prétexte des Suédois, on garnit les environs de la cour de canons, on doubla les gardes et les patrouilles de nuit.

On conclut de faire enlever la princesse Elisabeth de nuit, de la renfermer dans un couvent, et de la tonsurer tout de suite. On trouva qu'il n'y aurait que les grenadiers du régiment des gardes, que commandait le prince de Brunswick, à qui l'on pût confier une telle expédition. On se trompait. Cependant on donna ordre aux patrouilles de ne point avancer, mais de rebrousser chemin, si elles voyaient un gros de grenadiers la nuit en vue. Cet ordre était secret, les officiers seuls l'avaient. On le faisait dans l'appréhension que l'enlèvement de la princesse ne fut troublé et ne transpirât trop tôt. Tout ceci se passait huit jours avant le mémorable événement.

Parlons présentement de la raison de la retraite du vieux Ostermann et de ses soupçons. Lynar avait planté dans la tête de la régente de se faire couronner avec son fils, à ce qu'en ont dit ses amis, d'autres disent, elle seule. Elle était entrée en cette idée. Elle l'avait fait sentir au conseil qui l'avait désapprouvée, déconseillée. Elle et Lynar persistèrent en son projet, et croyaient acheminer la chose dans un voyage que l'on méditait à Moscou, pourvu que les ornements, que chaque empereur fait neufs, fussent prêts. Lynar fut donc dépêché sous un autre prétexte à Dresde, avec les joyaux de la couronne, pour faire achever ces morceaux le plus promptement qu'il serait possible. Pendant ce temps là, madame de Soltickow, mère de l'Itambeg, achevait de captiver des familles entières. Elle était Golitzine. Elle fit plus, elle était belle, elle manoeuvra singulièrement, et d'une façon qui ne doit point passer à la postérité. Elle allait avec une de ses femmes dans les casernes des gardes, elle se livrait, elle s'enivrait, elle jouait, perdait, les laissait gagner. Enfin, elle agissait d'une façon qui étonne et fait frémir. Elle avait pour amants, les trois cents ¹⁾ grenadiers qui accompagnèrent Sa Majesté, ce moment.

¹⁾ C'est évidemment-là une exagération. On ne saurait certes nier qu'elle

J'oubliais les soupçons du vieux Ostermann. Le marquis de la Chétardie avait eu ordre de demander une audience, j'en ai oublié le sujet. Il la demanda à l'empereur. Le maître des cérémonies répondit que l'empereur était en tutelle, que c'était madame la régente qui régnait, et que c'était elle qui donnait les audiences, que tous les autres ministres étrangers les avaient prises chez elle, même celui de l'Empereur; M. de la Chétardie répondit qu'il avait ses ordres, que les autres ministres avaient apparemment les leurs, qu'ils étaient positifs, et l'objet de sa commission trop pressé pour en demander de nouveau. On pourparla. Enfin, on en vint à forcer la régente à ne point se trouver sous le dais, et à tenir pendant l'audience l'empereur sur ses bras. Le marquis, ainsi admis, adressa la parole et parla constamment au petit empereur. Il dit en finissant quelques mots fort polis et fort flatteurs pour la régente. Le chancelier répondit pour l'empereur et la régente. Il s'agissait de présenter une lettre du roi à l'empereur. La régente avança la main pour la recevoir. Le marquis fit semblant de ne pas le voir, et ficha la lettre du roi entre les mains du petit enfant.

Je vous ai mené insensiblement jusqu'au jour avant l'événement qui ne fut pourtant pas celui de l'audience. J'en suis à ma troisième feuille et cela sera bien long. Je vous y laisse donc.

Venons-en à vos lettres. Mes officiers ont fait un quiproquo. Ils ont fait une provision de vins sans me consulter; ensuite de cela, j'aurai recours à votre amitié à ce sujet. Présentement mille pardons. Je reçus hier votre lettre du 28. Elle me paraît bien vieille. Je vous remercie beaucoup de tout ce que vous me dites d'obligé et de l'intérêt que vous me marquez toujours. Il est vrai que je me plais beaucoup mieux ici, qu'alors des connaissances des seules Sassenages, que je ne trouvais, entre nous, guère à mon gré.

ait ainsi fait des avances aux gardes du corps, mais la chose est tout bonnement incroyable dans la forme où elle se trouve ici représentée.

Tout ceci me convient et me plaît mieux. Je viens de connaître hier le duc de Duras, madame de Brancas, la princesse de Kobreck. Tout cela m'accable de politesses. Le duc d'Orléans devait y venir. Nous étions chez cette aimable madame de La Marck, mais je le verrai infailliblement chez madame de Clermont d'Amboise, où je soupe mardi. Ils ont tous la rage de me voir, comme on vient voir le rhinocéros. Je fus avant hier avec ces dames chez Michel Vanloo. Quel pinceau! Nous eûmes hier la fameuse mademoiselle Le Maur. Quelle voix! Vous savez ses caprices et ses betises. Je l'ai fait chanter deux heures en lui disant des douceurs. Vous vous trompez: L'île Sauvage est traduite d'après Méteastase. Je vis hier le spectacle le plus touchant que j'aie vu. C'est une très belle tragédie nouvelle. Son nom est Clitemnestre. L'auteur se nomme Limière. La dernière scène offre un des beaux coups de théâtre que vous ayez jamais vus. Le parterre était fou totalement, les hommes debout dans les balcons, les dames dans les loges. La scène dura trois quarts d'heure. On recommençait toujours les applaudissements. Lekain et la Clairon se surpassèrent; enfin, la pièce finie on cria l'auteur. Ce fut un bruit si épouvantable que l'on ne voyait goutte. Il ne put jamais arriver, il tremblait de tous ses membres. Il était pâle comme la mort. Tout était plein, il fallut le faire passer sur les balcons de la grille de ceux du théâtre. On nous le planta donc. Non, vous n'avez pas d'idée de ce moment. Il m'a fait un vrai plaisir. Vous êtes équitables, misérables que vous êtes. Adieu.

Je n'ai pas encore pu apprendre le nom que j'ai laissé en blanc à la première feuille. Si M. Burigny pouvait déterrer ce que c'est que le gouverneur qu'ont eu les enfants d'une comtesse de Bourbon qui demeure ici, et est fille du maréchal de Clermont-Tonnerre, c'est l'homme en question. Pour combien êtes-vous convenu avec la femme de charge, et le cuisinier? Ecrivez-le-moi.

Du 10 Septembre.

J'ai été si découragée pendant toute la semaine passée des nouvelles qui se répandaient alors, et qui continuent, de la défaite de l'armée de Russie, par le roi de Prusse en personne, qui je n'ai pas eu le cœur de vous écrire. Les uns le croient, les autres en doutent; l'on est entre la crainte et l'espérance; les courriers ne sont pas encore arrivés, enfin espérons et ne désespérons de rien, que dans le moment de la trop triste certitude. J'en ai pourtant bien peur.

Je vais répondre à deux de vos lettres dont je vous dois; l'une encore en partie et j'ai reçu l'autre hier. Oui, me voilà hors de mon inaction et répandue un peu. Il y a des gens qui en sont très fâchés et qui voudraient bien que je restasse, avec et comme eux, terre à terre. J'y suis sourde et trop vieille pour me laisser lier pieds et poings, ou pour suivre à la lettre certains conseils. Je les reçois tous, et le choix n'est guère difficile. Je voudrais que vous vissiez toutes ces petites intrigues lâches et subalternes. Elles vous amuseraient autant qu'elles m'indignent quelquefois. Mais ce sont des ombres et des couleurs qui m'en apprennent, assez pour y trouver ces mêmes humains si semblables par toutes les parties du monde. Mon gros baron me paraît bien différent de ces gens là, aussi je l'estime par goût et je l'aime par reconnaissance. Je crois avec vous que le beau Soltyckow serait bien scandalisé s'il pouvait savoir la petite figure que fait ici son ambassadeur. Ce serait bien son poste à lui, comme il figurerait et se ruinerait. A propos de lui, M. de Champeaux m'écrit que la princesse Caquedou est arrivée belle comme un ange, qu'elle a causé une grande joie,

et que l'on est depuis huit jours à tailler les plumes pour me remercier. Vous souvenez-vous du Moulin que mon fils acheta à Sarrdam? il a pensé être présenté au lieu de la princesse Caquedou. Sans le petit Caton, c'était fait. Jugez ce que cela serait devenu avec l'exorbitant ministériel? Au reste, vous jugez très bien du ton que devrait prendre notre sexe, vis-à-vis du vôtre. Je voudrais encore y ajouter qu'elles se respectassent assez pour ne pas être soupçonnées d'agir par amour-propre. Ce serait le moyen le plus sûr pour faire naître le sentiment et le conserver, chez les âmes susceptibles d'en recevoir. Vous me demandez des nouvelles de madame de Brienne: elle est sans doute des plus belles, mais j'en ai vu d'autres qui le sont aussi. Je continue à voir les personnes dont je vous ai parlé; elles me plaisent toujours, mais j'ai déjà bien d'autres connaissances, et je pourrai peut-être en avoir dans peu d'illustres. Il faudra voir. Ce que je vous apprendrai d'abord, c'est que le duc de Duras, sûr de mon goût pour la comédie, m'a offert une petite loge à l'année, qu'il m'a envoyé mademoiselle Clairon pour m'en proposer de la part des acteurs. Ils sont tous après à en choisir une et m'en promettent une bonne. Me voilà donc très intéressante. Vous sentez que cela part de haut lieu. Pourquoi vous récriez-vous si fort sur mes préjugés, dites-vous, contre les femmes de la nation? Qui n'en a pas? Et d'ailleurs, le mien porte non contre celles d'une nation distinctivement, mais contre le sexe en général, à l'exception de très peu.

Je ne suis pas encore fort avancée en l'hôtel de Chaulnes. Cela va incessamment prendre existence. Mon beau carrosse n'est pas encore achevé et ne le sera d'ici en mois. Notre baron est un petit libertin qui n'achève rien. Il faut une patience d'ange en général ici à tout. Je ne comprends pas comment et où je prends toute la patience que j'ai. Il est certain que je fais bien du mauvais sang, et que si je ne crève pas, ce sera un miracle. Qui l'eût su

le 12 ou 15 juin, ne serait pas ici bien assurément. Regrets inutiles. J'y suis, il faut soutenir la gageure.

Vous voilà donc bien loin et vous pensez encore à moi. Je vous en remercie. J'aurais eu du regret à vos lettres. La présence de M. de Burigny vous adoucira la rigueur de la saison. Elle est belle ici, je souhaite qu'elle le devienne chez vous, pour que vous puissiez procéder à vos expériences. J'aurai soin de faire remettre à son adresse le livre que vous me destinez, il fera un grand plaisir à nos économes et à mon fils. Je n'ai point de ses nouvelles depuis qu'il est à l'armée. Je tremble que le roi de Prusse ne marche à Daun si les Russes sont battus, et ne fasse le second tome de Lissa. Enfin, je suis noire aujourd'hui, je ne vaud rien. Il est temps de finir. Je vous assure de toute mon amitié.

M. Pelluys vient régulièrement tous les dimanches à l'issue de la messe. C'est un bien bon homme. Nous avons le deuil pour la reine d'Espagne pour six semaines.

à minuit.

Je rouvre ma lettre pour vous dire que le prince Golitzine est venu chez moi avant souper. Il sortait du Palais Royal. Madame la duchesse l'avait appelé et lui avait dit: «Prince, savez-vous la bonne nouvelle?—Je n'en sais que de mauvaises, madame.—Hé bien, dit la princesse, je reviens de St Cloud, j'y ai appris par des personnes qui y étaient venues de Versailles, qu'il y est arrivé à midi deux courriers, l'un de M. d'Asfod, l'autre de M. de Champeaux, avec la nouvelle que l'armée Russe ayant été jointe par un corps de troupes fraîches, était revenue à la charge sur le roi de Prusse, l'avait battu, dissipé son armée et fait fuir le roi en personne; que le prince de Deux-Ponts qui commande l'armée de l'empire a pris le camp de Pirna et que Dresde est présentement apparemment libre».

Jugez de ma joie, mon cher ami, je n'ose encore m'y abandon-

ner. Mais si la nouvelle se confirme, vous aurez de mes nouvelles encore cette semaine, si non vous n'en aurez que la prochaine. La duchesse d'Orléans a nommé des généraux prussiens blessés, et a ajouté que le célèbre prince Maurice de Dessau a les deux jambes emportées d'un boulet de canon.

16.

Du 19 Septembre 1758.

Je comptais vous donner des nouvelles des lundi, mais comme les courriers arrivaient encore de toutes parts jusqu'à hier la nuit, j'ai tardé jusqu'aujourd'hui. Mais il y a plus que cela, nous avons eu à midi le canon de la Bastille. Je veux commencer par ce récit-là, je vous copierai ensuite aussi, mot à mot, une lettre que j'ai eue par le courrier de Vienne.

Copie d'après la lettre de M. le duc d'Aiguillon, commandant sur les côtes de la Bretagne, apportée par M. le colonel Brock, commandant de Lionois, arrivé cette nuit:

«M. le duc d'Aiguillon ayant rassemblé ses troupes qui se trou-
 «vaient sous sa disposition, avait attaqué le lundi, onze de ce
 «mois, les Anglais au nombre de 12 à 13 mille hommes, à l'anse
 «de Cak, dans le moment qu'ils se rembarquaient, que malgré toute
 «la fierté avec laquelle les ennemis avaient d'abord soutenu cette
 «première attaque, ils ont été enfoncés, taillés en pièces et culbutés
 «dans la mer, que nos troupes s'étaient portées avec la plus grande
 «intrépidité dans cette affaire, et qu'elles avaient poursuivi les
 «Anglais jusque dans la mer, en y entrant jusqu'à mi-corps, que
 «les Anglais ont eu plus de trois mille hommes tués sur le rivage,
 «sans compter les grenadiers qui se sont noyés, soit dans les ba-

«timents de transport qui ont été coulés à fond, soit en voulant se sauver à la nage; que le nombre des prisonniers, au moment du départ du courrier, montait à plus de 500 hommes; beaucoup d'officiers et de distinctions. M. le chevalier de Polignac, M. de la Tour d'Auvergne ont été blessés dangereusement, ainsi que M. de Cossé, cornette des mousquetaires, qui était à l'action en «qualité de volontaire».

M. le maréchal de Bellisle en a porté la nouvelle à deux heures après minuit au roi. S. M. est toujours convaincue que Louisbourg n'est pas pris. Il est certain que le roi d'Angleterre a battu la campagne dans ses réponses aux harangues, et n'a rien répondu aux seigneurs qui lui ont fait des compliments sur la prise de cette ville. Le prince Edouard, frère du prince de Galles, a été parmi les troupes débarquées en Bretagne. On sait que les troupes qui se culbutaient dans les vaisseaux et les chaloupes de débarquement se le donnaient de bras en bras, on ne sait s'il est noyé ou sauvé. Rien de nouveau à l'armée de Contades. Les ennemis sont en présence et l'on attend à tout moment la nouvelle d'une affaire.

Mon fils me mande de Bautzen, à deux postes de Dresde, alors le quartier général de M. de Daun, *demain nous marchons à l'ennemi, c'est le prince Henri*. La lettre est du 29 août. Voici la victoire de mes Russes.

La lettre est de Vienne du 4ème Septembre:

«Le départ du courrier ne me laisse que le temps d'apprendre à V. A. qu'un courrier dépêché du général Loudon, a apporté cette nuit la nouvelle qui suit:

«Que le vingt cinq, le général Fermor qui n'était 22 mille hommes, n'ayant pu rassembler ses corps, fut attaqué par le roi de Prusse en personne, fort de 45 mille hommes; que le combat a été vif et sanglant pendant plus de 8 heures, que par la supériorité du nombre, les nôtres ont été obligés de céder la place.

Mais le 26, à 4 heures du matin, M. de Fermor ayant rassemblé ses corps, les nôtres ont attaqué le roi de Prusse avec tant de vigueur et de succès dans son camp, que le roi s'est à peine sauvé (à Dresde, croit-on) avec 6000 hommes; le reste est tué, blessé et dispersé. Le combat a duré depuis 9 heures du matin jusqu'à 4 après midi et a été des plus meurtriers. Les nôtres continuent à bombarder Custrin. On compte la perte des nôtres à 19 mille hommes, du côté des prussiens le quart de plus. On a vu emporter le prince Maurice de Dessau, les deux jambes emportées d'un boulet de canon.

Je reçois des compliments de toutes parts. J'ai mille devoirs à remplir. Vous n'aurez rien de moi, je vous en avertis, de toute la semaine. J'ai été avant-hier à Sèvres, voir la manufacture des porcelaines. Je la trouve mieux dirigée, de plus belles machines, et le tout plus intelligemment entrepris, que l'était celle de Dresde.

A Dieu, je vous assure de toute mon amitié.

17.

Du 22ème Septembre.

Ce n'est point ma faute, ni celle de la poste, c'est la vôtre, que ma lettre du 29 ne vous soit parvenue qu'aussi excessivement tard. Vous m'aviez dit en partant, qu'il fallait toujours adresser à Reims, ou bien que vous m'enverriez une adresse. Cette adresse ne m'est point venue. Je la tire aujourd'hui de votre lettre du 16 de ce mois. Vous ne sauriez avoir été plus mortifié que j'ai été fâchée de ce que je ne recevais pas de lettre. Je croyais déjà que vous vous lassiez de la sécheresse de mes phrases allemandes, qui doivent naturellement fatiguer votre esprit. Tout ce que vous me

aites me rassure à peine. Il y a eu un temps que j'ai cru savoir le français. Mais longtemps avant et depuis que je suis en France, je suis persuadée que je ne le sais point, comme il faudrait le savoir pour le savoir bien. Ne me flattez pas encore sur cet article. L'encens de la comparaison du duc d'Antin en est un des plus délicats. Que vous ai-je fait pour me faire tant de mal? Oui, me voilà illuminée de rouge et une coiffure ratatinée, le front de deux doigts plus bas qu'il n'est créé; les épaules couvertes jusqu'au collier, point d'air du tout, seulement encore de l'habillement que vous m'avez connu les coudes couverts, j'aurais autant de peine à prendre les modes qui découvrent, que j'ai eu de facilité à prendre celles qui couvrent. J'oubliais de vous dire sur cet élégant sujet, que j'ai aussi deux de ces cornes sur la tête que vous ne vouliez pas y souffrir, et qui me vont fort bien. Avec ce bel affublage que j'ai humblement endossé, j'ai l'air de l'âge raisonnable d'à peu près 50 ou 56 ans. Tant mieux, cela est très bien trouvé à côté des Chartreux, et vis-à-vis d'un millier d'abbés. J'en connais déjà, je pense, autant que je parais avoir d'âge.

Je portais hier, par parenthèse, cet hommage au goût de la nation, à celui de son Monarque, c'est-à-dire à Choisy. Quel charmant rien pour le roi de France! Mais qu'il est joli! Quel goût! Enfin, quelle belle âme annonce la douceur, la sérénité de ce lieu et du tout de ce palais! Le cœur du Monarque m'y a paru peint. Louis XIV avait doré, surchargé, entassé. Ceci est élégant, bon, point d'ostentation. C'est un riche particulier. Tout y rit. Tout est modéré. C'est un séjour enchanté, orné par les grâces, la bonté y préside, la vanité y a plié sous l'humanité. Enfin, c'est Louis XV

Vous avez raison: je suis, et je crois que j'aurai toujours lieu d'être contente de mon gros baron. Plus je le fréquente, mieux il me plaît, et plus je le trouve propre à me rendre des services essentiels. Pour ce qui est du respectable prince de Salm, vous traitez le

chapitre de mes obligations à son égard trop légèrement. Je les sens en toute leur étendue, et je ne les oublierai assurément jamais.

L'aventure de Link est toute usée: on s'est raccommodé et j'en suis ravie; mais si vous pouviez savoir toutes les insolences que j'ai à essayer là-dessus de la femme et des automates qui l'entourent et la conseillent, vous seriez étonné. Je n'en ai pas besoin pour me causer de la peine.

Vous souvenez-vous de la lettre que je reçus à Bruxelles et que je vous communiquai? Cette persécution recommence. Si elle dure, je suis toute résolue à prendre le parti que je vous dis à Valenciennes, quoique je fasse tous les arrangements du contraire. Rien n'est plus inquiétant que l'incertitude.

Je ne puis vous dire à quel point ma santé souffre de tout ceci: je me traîne. Je ne dis rien: j'avale. Le diable n'y perd rien. Les hommes y gagnent, je me jette dans les spectacles. Cela étourdit, ce sont autant d'heures de gagnées sur moi-même. J'ai pris une petit loge à la comédie à l'année.

Je crois vous avoir dit que mon fils était déjà à l'armée le 29. Le voilà à deux lieues de Dresde et à 22 de chez lui. Pour le jeune S. je le crois bien perdu. Je ne le vois que de quinze eu quinze jours, encore est-ce en galopant. C'est dommage.

Vous voulez savoir comment j'ai trouvé madame de Clermont d'Amboise. Fort bien, fort polie, fort aimable. Je ne la trouve pas belle. Je pense qu'elle y prétend; mais elle se trompe. Il n'y a sorte de politesses que toutes ces dames ne me fassent.

Présentement, dites-moi d'où vient que vous me faites cette question. Toutes les bonnes nouvelles se confirment. Les Russes ont même repris leur artillerie, leur bagages et une partie de leurs prisonniers. On en espère journellement de meilleures.

Du 23 Septembre 1758.

On m'interrompit hier. Je ne pus pas achever. Ce fut une double peine. L. ne s'accorde pas avec mon nouvel écuyer, ce sont des plaintes, des chocs continuels. On se fait des peines réciproques. Il y a eu hier des explications. Enfin, ce qui en arrive, c'est que je suis mal servie et chagrinée par dessus le marché. Vous savez comme je hais la dispute et le tracas. Ce qui en arrivera, je le prévois, et j'en serai très mortifiée.

Venons-en à vos questions. Le prince Tcherkaskoy était grand chancelier et du conseil, par conséquent, du temps de la régence. Il a passé pour avoir de l'esprit et de l'intelligence. Voici les ministres pendant la régence qui avaient séance et avis au conseil: Tcherkaskoy, grand chancelier; Golowkyn, chancelier; Ostermann, grand amiral; le maréchal Munich. Le premier a resté à l'avènement de l'impératrice Elisabeth; les autres furent envoyés en Sibérie. Ceux qui restèrent encore furent le frère du maréchal de Munich, deux Russes dont j'ai oublié le nom, et Weselowsky le père, père du beau frère de Soltikoff à Hambourg; le prince de Hesse-Hombourg et le maréchal de Lascy y étaient admis dans les cas extraordinaires, ou lorsqu'il était question du militaire. Wolinsky périt dans l'affaire des Dolgorouky. Leur crime était le même, ils haïssaient Biron et aspiraient à le faire culbuter. On prit d'autres prétextes, comme vous le savez; ils périrent sur le même échafaud. Wolinsky fut écartelé. Munich fit sortir Ostermann de sa place de chancelier et du département des affaires étrangères, qu'il prit pour lui et fit donner l'autre à Golowkin. Mais Ostermann garda une chaise au conseil où il ne vint depuis

que la seule fois que l'on délibéra sur son mémoire dont je vous ai parlé. Lynar ne travaillant que pour lui-même et aspirant à la place auprès de la régente qu'avait eue Biron sous l'impératrice Anne, il était bien aise de gagner la cour de Vienne, qui, faisait alors la pluie et le beau temps à la cour de St. Pétersbourg, qui avait un ministre habile et qui, alliée et parente, décidait de tout. Cependant, elle ne put empêcher bien des déboires que donna le M. de la Chétardie. Il avait trouvé moyen, sans y paraître, d'aliéner tous les esprits. Le murmure contre la cour était un fait public. Le peuple osait lever la tête, on courait après la princesse Elisabeth en rue, on lui donnait des bénédictions quand elle paraissait. La cour était excédée de gens qui demandaient et qui n'obtenaient rien, ce qui augmentait le nombre des mécontents qui cherchaient à l'être pour crier.

A Dieu.

Je reçois en ce moment la lettre de mon fils pour vous, que voici.

19.

Du 14 Octobre 1758.

Je suis furieusement en reste avec vous: voici trois lettres que je vous dois. Non, je me trompe, ce n'en sont que deux. Ne m'accusez pas sans m'entendre. Vous connaissez la vie de Paris, et vous savez tous mes déboires. Cela continue; on n'est pas uni en ma maison. Il y a des querelles intestines. Il y a des esprits mutins, trop ambitieux. Il a fallu les mettre à la raison. Je hais à la mort ces sortes d'embarras. Je n'en ai pas besoin pour me guider mon esprit en ce moment-ci. Il s'est trouvé des petits

collets, que je vous nommerai un jour, qui, sous prétexte, et dans le fond très propres à m'aider à régler mes économies, auraient voulu me lier pieds et poings, au point que je n'eusse osé penser ni respirer que d'après eux. Je me suis mise au-dessus de leurs simagrées. Je crois qu'ils ne m'en aimeront pas, mais je ne puis qu'y faire, et je crois qu'il était du bon esprit de couper le mal en sa racine: il faudra en voir les suites; quelles qu'elles soient, on n'est pas blâmable de se soustraire à une tyrannie bizarre et inutile. N'aurez-vous pas peur de moi en lisant ceci, et aurez-vous encore le cœur de m'écrire?

Vous ai-je dit que je commence les courses de curiosités en ce pays-ci, par les institutions que les rois ont fait en faveur de la nation? J'ai donc été à l'école militaire et à St Cyr. Tous les deux font honneur aux Pères de la patrie, nom heureux, plus beau que celui de Césars. Ce n'est qu'en ces lieux là, que je sais envier les conditions de rois. Pour vous qui êtes philosophe, qui aimez le roi et votre patrie en citoyen et en honnête homme, je ne vous entretiendrai que de ce que je verrai en ce genre. Je vous dirai donc que je me suis amusée à St Cyr, depuis midi et demi, jusqu'à sept et demi du soir. Les détails de l'institution et de la règle de l'éducation de cette jeunesse sont immenses, et j'ai tout voulu voir et savoir. J'en suis revenue enchantée. Il n'est rien qui approche de la profondeur du jugement qui a fait toutes ces règles, et qui a su pourvoir à tout dans cet enclos immense. Je n'ai pas encore vu l'Ecole militaire à mon gré. Je veux y retourner sans les babillardes avec lesquelles j'y ai été qui ne font que crier, causer, admirer en l'air et n'y entendent rien. Je voudrais pouvoir y aller seule avec vous, par exemple, car je vais pour voir et non pas pour y avoir été.

Disons un peu de nouvelles. Nos ministres ne sont pas sur pied. M. l'abbé et le maréchal de Bellisle sont tous les deux malades. Un détachement de l'armée de Contades a surpris et pillé

le camp de M. mon frère, qui s'est retiré avec perte. Je voudrais qu'on l'eût pris en personne. M. de Soubise s'est replié sur Cassel que le G. Oberg, des Hanovriens, allait surprendre. Les Suédois étaient le 17 septembre à deux lieues de Berlin. M. de Dohna a repassé l'Oder et M. de Fermor le poursuit. Le roi de Prusse est avec 50 mille hommes à Dresde; Daun, Cerbelloni, le prince de Deux Ponts à deux lieues avec 150 mille, et j'ai un fils unique au milieu de cela. Jugez du fond de mon cœur pendant que je vais la tête levée au spectacle.

Le roi est aujourd'hui à Choisy. Il y aura un voyage à Fontainebleau; mais toute la cour n'y sera pas. Le roi Stanislas ne part que lundi. Il vint hier en ville voir la princesse Fallmond qui se meurt: mais il ne vit qu'elle. La reine craint, dit-on, cette fois, son départ. Elle ne le saura qu'au moment qu'il aura lieu.

Venons-en à vos lettres. Je voudrais bien, mon cher ami, que cette bataille gagnée nous amenât la paix. Je ne sais qu'en penser. Espérons-la. Je vois les esprits encore bien aigris. Les cruautés du roi de Prusse en cette action du 25 sont inouïes. Il a fait empaler en sa présence 600 cosaques que l'on avait pris. De maréchal de Braun était à terre hors de combat: un officier prussien le fit prisonnier, lui attacha une corde et voulut le faire courir ainsi à côté de son cheval. Le maréchal ne pouvait suivre. L'officier, voyant qu'il l'empêchait d'avancer, lui donna 12 coups de sabre et le laissa ainsi sur le pavé. Quand on amena au roi de Prusse les généraux et les officiers prisonniers, il dit: Sont-ce là ces incendiaires, ces etc. etc... qu'on les jette dans les cachots de Custrin. Cela n'est-il pas royal? Non, mais prussien.

Du 6 Octobre 1758.

On m'a interrompu l'autre jour. Je n'ai pu y revenir qu'aujourd'hui. Il est arrivé bien du nouveau. Voici en attendant mieux la relation de l'affaire du détachement de Contades. Il y en a encore une que M. de Fermor a fait de l'action du 25 à sa Cour, mais que je ne vous aurais pas envoyée, si elle n'était intéressante par rapport au principal de l'action.

M. le duc de Chaulnes est ici. Il est venu me faire toutes les civilités imaginables sur son hôtel. J'y ai été aujourd'hui avec lui: il m'oblige en tout ce qui dépend de lui. J'aurai enfin le rez-de-chaussée et le tout, à l'exception de l'appartement de madame la duchesse, qui s'opiniâtre à ne pas vouloir le laisser vider qu'elle présente; en attendant, je n'en serai pas moins bien et commodément.

J'eus hier la visite de M. le maréchal de Biron. Ce fut de la part du roi. Il me dit que le roi me priait de ne pas trouver étrange, s'il avait donné ordre pour que l'incognito que je tiens, ne soit pas tenu à mon égard, dans les lieux où se trouvent de ses gardes, en ses palais, etc. qu'il voulait que je fusse reçue et honorée partout comme il convient à mon nom, et à ce que je suis de mon chef et de celui de ses alliés à qui j'appartiens. Ma réponse a été que n'ayant pas encore eu le bonheur précieux d'avoir été présentée au roi et à la famille royale, je devais me regarder comme ignorée. que je n'en suis que plus sensible aux bontés du roi en ce moment, qu'il m'impose des motifs d'une reconnaissance dont mon respectueux attachement n'a pas eu besoin, pour le disputer aux plus fidèles de ses sujets, l'étant déjà par mon admiration. Je priai M. le maréchal d'en assurer S. M. et de la respectueuse

soumission avec laquelle je me soumettais à ce qu'il plaisait à S. M. de disposer. Le charme où j'étais que S. M. avait bien voulu charger d'une commission aussi glorieuse et aussi honorable pour moi M. le maréchal! Le maréchal est aimable. Il répondit galamment. Nous nous fîmes beaucoup de civilités. Nous causâmes beaucoup, et je prévois que nous serons fort bons amis.

Je vis avant hier le maréchal d'Estrées, qui me plaît beaucoup. Je vous prie de me dire ce que c'est qu'une espèce de maître d'hôtel, ou de premier cuisinier que vous m'avez envoyé, qui, dit on, a quitté une très bonne maison pour venir s'établir chez moi. Le connaissez-vous? Il se pourrait bien que j'en aurais besoin, car M. mon maître d'hôtel connaît trop bien l'étiquette du nom, ou je suis trompée. Je veux pourtant attendre encore avant de me décider.

Venons-en à vos lettres. Vous avez donc cru très sérieusement que l'on me ferait de fort grands compliments sur les succès des Russes. Point du tout. Personne. Comment, dites-vous? Oui, personne, personne à la lettre. Cela est très vrai. D'où vient? Je n'en sais rien. Pour Louisbourg, rayons-le de nos papiers. Je ne le crois que trop pris, et on n'en doute plus après le retour des colonies françaises de ce pays-là, débarquées je ne sais où.

Je vous suis sensiblement obligée du cas que vous faites de mes lettres. Il me semble qu'elles ne sont pas soutenables. Je vous admire de les lire; pour moi, je n'en aurais jamais le cœur, et voilà un de leurs grands défauts, car je les corrigerais peut-être. Votre raisonnement sur ce mépris que les princes devraient bien avoir pour les autres hommes, est très juste: heureux si c'est par expérience et non pas par les vices dont ils portent le germe en leur propre cœur; mais c'est ce qui n'arrive que trop souvent.

Venons-en au prétendu blasphème. Vous prétendez donc que c'en est un, que ce repentir si juste, si sensé. Hélas! croyez-moi, que je pensais dans le moment mieux que je ne l'avais de très longtemps. Quelle folie dans le fond, quelle gigantesque entreprise

que la mienne! Vous ne m'eussiez jamais connue. Qu'auriez-vous perdu à ne pas connaître une inconnue? Vous êtes un étrange philosophe. Allez! Allez! Je m'y connais mieux que vous. C'est à Arcy que je vous parais peut-être merveilleuse. Mais revenu à Paris, il arrivera ce qui est déjà, que nous nous verrons de deux jours l'un. Voulez-vous après cela encore que je vous demande pardon? non, en vérité. Je suis de votre avis sur le Moulin au lieu de la princesse Coquedou. Il y eût intéressé, je crois, les puissances. Tant il est vrai qu'un orgueilleux est un fat. Croyez-vous que j'aie encore réponse à toutes mes lettres? pas un mot. Au reste, il a donné une grande fête à l'occasion de la bataille du 25. L'aumônier de M. de Champeaux a fait à ce sujet les vers que voici aussi. Oui, croyez toujours que vos lettres me font plaisir: ce plaisir est très vrai et vous auriez tort de n'en pas être bien persuadé. Je suis ravie que vous ne m'en trouviez pas au sujet des modes. Il serait très ridicule de m'exposer à l'opprobre pour si peu de chose.

Mon fils me fait mille compliments pour vous en toutes ses lettres. Il est fort heureux en son imagination. Il est dans son centre. Il est dans sa gloire. Dieu veuille que cela dure, et que cette campagne finisse à notre satisfaction, tous tant que nous sommes. Alors elle aura bien fini. Vous qui avez un si bon esprit, mon digne ami, conseillez-moi ce que je conseillerais à mon fils pour son hiver. Viendra-t-il ici? Ira-t-il chez lui? Restera-t-il dans les quartiers de cantonnement? Pour ce qui est de l'article de cette lettre de Bruxelles, il me semble, et vous sentez que cela doit avoir changé, je vous en dirai les suites; mais je vois bien que depuis peu de jours, cela est tout différent. Je n'y comprends rien, sinon que les humains sont indéfinissables.

Je vous suis bien obligée de l'intérêt que vous me marquez à ma santé. Elle n'est pas bien du tout. Je me dissipe, je prends sur moi, mais j'ai une façon de penser qui me rend trop à plaindre,

quant à moi-même, et qui ne porte jamais que contre mes intérêts, c'est-à-dire ceux de mon repos. Grondez-m'en, chétif philosophe, si vous osez. J'eus hier un des jours d'ennui que j'aie encore eu ici. Je dînais avec une certaine bavarde (du cavanjole¹⁾) de Madame de Modène (que vous connaissez) à la campagne, chez une autre bavarde, deux jeunes filles, un polisson, un petit rabat, et une dévote; dîner mince, sérieux, tactile, court, pour être très mesquin, enfin propre à m'endormir. J'avais été la veille dans une des plus aimables sociétés de Paris. Quel retour sur soi-même! Pour m'en venger, j'allai voir Bellevue. Qu'il est charmant! que la vue en est belle! Louis XV est bien dans ce marbre qui le représente, et dont la blancheur ressemble à la beauté de son âme. Connaissez-vous un chevalier d'Arc? fils à gauche de M. de Toulouse. C'est la physionomie des Bourbons: il me paraît bien aimable, instruit et spirituel. Le petit Bruk me l'a introduit. Madame Geoffrin a demandé à me voir. Je la verrai un matin. Enfin j'entasse connaissance sur connaissance. Je ne sais si ce sont autant de conquêtes ou d'humiliations pour mon amour-propre, mais je vois des gens qui y reviennent après y avoir été une fois: cela me paraît de bon augure et me flatte.

Vous ne le serez guère de ce que je vous demeure aussi longtemps en reste sur l'événement de l'impératrice Elisabeth. Il faudra pourtant encore vous patienter. A Dieu. Ne vous en fâchez pas. Vous y gagnez à ne pas vous ennuyer, et ma paresse, à ne pas écrire.

On me fait toutes les petites niches que l'on peut imaginer, pour me rendre la vie dure autant qu'il dépend des humains, à qui j'ai affaire. M. le duc de Duras, gentilhomme de la chambre m'avait proposé de prendre une petite loge à l'année. J'y consen-

¹⁾ Nous ne savons vraiment comment expliquer ce mot, qui est pourtant écrit assez lisiblement. Le propriétaire de l'original, M. le vicomte de Champeaux-Verneuil, y voit une transformation française du terme italien *cavana yote*, qui signifie abri pour les bateaux.

tis. Le duc le plus poliment m'arrange tout cela, me laisse choisir, le contrat est passé, je paie mon quartier dès le 16 Septembre pour jouir de ma loge le 1 Octobre. Nous voici au 6, la loge n'est pas faite. Il s'agit de percer une porte, on dit qu'elle ébranlerait la salle. Les comédiens me renvoient au duc d'Osmont, gentilhomme en service. Le duc me renvoie aux comédiens. Enfin, je prévois que j'en serai pour ma loge, car pour mon argent, je saurai me la faire rendre. Le duc de Duras, qui n'est pas en service, se met en quatre: il ne peut percer. Si madame de Qualing ne nous sauve toutes les deux de l'opprobre, nous n'y échapperons pas. Elle devait avoir l'autre moitié de cette grande loge qui devait m'être séparée. Elle a de l'esprit. Elle est prompte et caustique. Elle a fait venir Belcour, elle a si bien harangué, si bien tourné ce petit démêlé que la peur leur a pris, et elle a résolu de réussir, me dit-elle. Elle me paraît très propre à tenir parole. Mais jugez un peu de ce que doit penser au fond du cœur une étrangère chicanée à tous les pas qu'elle fait. Pour moi, je pense assez philosophiquement pour sentir le faux qu'il y aurait à juger par là de la généralité. Cependant, il y a cent étrangers ici, témoins de tout cela. La légende est publique: c'est une réfugiée, c'est une réfugiée pendant les maux de la guerre, qui a souffert pour le roi, pour la nation, et jusqu'aux comédiens osent la chagriner, dans le rang où elle est, avec les alliances qu'elle a. Tout cela se sait, crie, s'écriera, qu'en reviendra-t-il? Que l'on jugera du grand nombre par le petit.

Paris, 15 Octobre 1758.

Je ne croyais plus vous donner de mes nouvelles, me voici pourtant revenue et je vous écris. Il est bien certain que si l'état ou j'étais dimanche au soir continuait, il n'était plus question de moi. Il y avait plusieurs jours que je me portais mal. Je voulus me dissiper dimanche. Je m'en allai à la comédie. Je pris le frisson en y entrant. Il y avait fort peu de monde. Je ne voulus pas sortir par égard pour le public, peur de faire du bruit. On jouait le Méchant de M. de Voltaire. Cette pièce a cinq actes. Je souffrais le martyre. Le mal augmenta au point vers la fin du cinquième, que je crus qu'il faudrait me porter hors de la loge. Je me trouvai pourtant encore assez de forces pour sortir. Je ne sais encore comment j'ai descendu l'escalier de la comédie, et monté celui de mon hôtel, ni comment on m'a mise au lit. J'ai eu trois jours critiques; enfin, je reviens et je me sens hors d'affaire, mais je suis faible. J'ai la voix basse, et je marche comme un château ambulante.

Je reçus le jour que je me trouvai mal votre lettre du 6. Je vous suis sensiblement obligée de tout ce que vous me dites de vos appréhensions. Tout cela n'est pas encore décidé. Je suis curieuse moi-même d'en voir la fin. Vous sentez que l'inquiétude ne guérit pas. L'incertitude est un cruel mal pour une âme née pour l'ordre. Je suis très fort de votre sentiment sur ce que l'on devrait faire au lieu de cela, et sur ce que l'on ne fait pas. Tel est le monde, mon Philosophe.

Je crois avec vous que l'impératrice-reine doit bien adorer le roi après ce qu'il a fait pour elle. Les alliés se prêtent bien

la main. La victoire de M. de Fermor a engagé l'impératrice de Russie à faire marcher 40.000 hommes et d'ordonner une levée de 50.000 par tout son Empire. Les premières troupes défilent déjà. On attend les nouvelles d'une bataille entre M. de Soubise et d'Isenbourg. On dit que le roi de Prusse est parti de Dresde, on ne sait pour où. Mon fils a pensé être pris par des hussards prussiens. Il se porte bien.

Le nommé Constantin s'est présenté, non à moi, mais à quelqu'un qui s'était mêlé de vouloir le faire entrer chez moi, parce que ce quelqu'un hait mon maître d'hôtel, qui ne veut obéir qu'à moi, et ne se soucie pas de recevoir d'ordres d'autres que ceux à qui je les donne. Cette petite affaire a fait tout un salmigondis qui fait pitié, sur laquelle il y a eu des gens assez cruels pour ne pas me ménager lorsque j'étais dans le fort de la fièvre. Présentement, je n'en entends pas parler et j'en suis bien aise. M. de Folin ne me plaît pas trop au travers de tout ceci. Je n'aime pas trop les dites et redites, ni les gens qui ne s'accordent avec personne et veulent faire tort à d'autres. Ne dites rien de tout ceci, j'aurai soins d'y pourvoir en temps et lieu.

J'espère entrer à l'hôtel de Chaulnes dans la quinzaine et me mettre hors d'ici, où je voudrais n'être pas entrée.

A Dieu; la main me tremble, il faut cesser.

Vous savez l'assassinant du roi de Portugal et la folie de celui d'Espagne.

Paris, 22 Octobre 1758.

Vous n'aurez aujourd'hui que du barbouillage et vous verrez comment vous le lirez. Je m'en lave les mains, le moment des événements est trop grand, ils sont trop rapides, pour que l'on ait le temps, comme la possibilité, de peindre une syllabe raisonnable. Voici de quoi il est question depuis midi. Je vous copis mot à mot le bulletin du cardinal aux ministres étrangers; le courrier avait passé ici à midi:

« Il vient d'arriver un courrier de M. le duc de Choiseul
« qui nous apprend que le 15, jour de Sainte Thérèse, un
« officier envoyé par M. le Maréchal de Daun, avait apporté
« à l'impératrice, la nouvelle que ce général ayant surpris
« le 13, à cinq heures du matin, le roi de Prusse dans son
« camp, y avait mis son armée en déroute, pris une grande
« partie de son artillerie. Nous n'avons pas pour le présent
« d'autres détails ».

Jugez de mes différents transports, ma joie sur ce succès, et mes inquiétudes sur mon fils unique au milieu de tout cela, dont je ne sais pas un mot. Le cœur me bat, j'ai le cœur en sang. Demain nous saurons apparemment ces détails que je crains de désirer. J'ai cru devoir vous envoyer de la bataille de M. de Soubise qui, par parenthèse, fut créé hier maréchal de France; j'y ajoute une lettre de M. le comte de Lusace à Madame la Dauphine. La princesse fut si transportée en la recevant, qu'elle courut chez la Reine en deshabillé de toilette.

Je reçois vos lettres du 13 et du 20. Je vous suis bien obligée de vos inquiétudes sur mon mal. Cela va bien mieux. Je

sors, je vais au spectacle, cependant j'ai encore de temps en temps des ressentiments de frissons. Je crois que la dissipation et l'exercice me guériront. Je hais les drogues et les médecins. Je n'en ai consulté aucun; mon tempérament m'a tiré d'affaire. Vous rendez justice à vos compatriotes. Rien n'égale leurs soins et leurs attentions en cette occasion. J'en suis comblée. Il n'y a que madame de L'Etang qui ait été muette et sourde, et qui, au milieu de cela, s'est avisée de me faire une querelle sur des habits de son cousin, que j'ai déposés à Hambourg. Vous avez très sensément jugé de la source de mon mal. Il est assez naturel qu'une âme un peu vaine se trouve cruellement affectée sur certains articles. On voudrait que je prisse le change après l'ambassade qui m'a été faite, mais je ne m'y trompe pas. Ici, je reconnais l'âme du maître, là celle des autres. Vous m'entendez. Il est vrai que ces misères intestines de mon hôtel ne méritent pas que je les sente; mais arrachez-moi ma droiture et l'horreur que j'ai des noires intrigues, et je ne sentirai plus ces riens dans le fond.

Je suis très touchée de votre sentiment et vous remercie de vos bons sentiments quant à mon fils. Je pense qu'il n'y a que cela à faire, pour en sortir avec honneur.

Il faut finir: il me vient du monde.

23.

Paris, 1 Novembre 1758.

Je devrais mourir de froid en vous écrivant le premier jour d'hiver, et je meurs de chaud: ce n'est pas qu'il fasse extraordinairement beau, mais c'est que mes gens pour faire bien, m'ont fait un mal horrible, en chauffant à me faire trouver mal. Cet

inconvéniént retombera en ce noment sur vous, et vous procurera de ces pattes de mouche que le petit Champeaux lit si bien, et que vous ne compreniez pas trop en Hollande encore, que vous vous accoutumerez pourtant, s'il vous plaît à lire, si vous voulez que je continue à vous écrire, et à vous fournir les matériaux de l'histoire que vous savez, dont pourtant, il ne s'agira pas encore un mot en la présente. Je ne veux aujourd'hui que répondre à votre lettre du 28.

Voici la relation imprimée que l'ambassadeur de l'empereur a fait publier de la bataille de Hochkirchen.

Je vous suis bien obligée de ce que vous me dites d'obligeant sur mes lettres, mais surtout de vos inquiétudes sur le sort de mon fils unique à cette journée du 19. Je n'en ai pas eu de légères depuis l'arrivée des courriers dont pas un ne m'avait rien apporté. Mon gros baron, l'ambassadeur et toutes les personnes qui veulent bien s'intéresser à moi, m'assuraient que le silence que tout le monde gardait, était une marque infaillible que mon fils devait se porter bien: mais le cœur d'une mère peut-il se contenter de ces sortes de certitudes? Enfin la poste d'hier m'a apporté de ces chères nouvelles. Voici un article de sa lettre que je vous copie mot à mot:

«Je me porte bien. M. le maréchal m'a fait une petite duperie; il m'avait promis que je mènerais mon régiment dans l'occasion. Quand il en a été question, il m'a prié de rester avec sa personne. J'ai donc eu le bonheur de combattre sous les yeux de notre Fabius. Il y a eu des moments difficiles. J'ai été commis avec d'autres pour sabrer la cavalerie. J'aurais voulu vous avoir pour témoin. J'espère que vous eussiez été contente de votre fils».

Vous voyez qu'il ne l'est pas mal de lui-même. C'est un petit trait de vanité qu'il nous fait passer à ce qui se dit ambition. J'ai toujours aimé à lui en voir, et à la régler par des conseils. Il me dit en un autre endroit:

«Je vis amener sur une simple charrette le corps de ce digne «maréchal de Keith. Ce grand homme, digne de servir une meilleure cause, méritait un autre sort. J'en fus attendri. M. le maréchal le fit enterrer honorablement dans l'église de Hochkirchen».

Vous me demandez des nouvelles de la vie que je mène. Elle est passablement ambulante. Les personnes, entre nous, que j'aime le mieux et que je vois le plus fréquemment, c'est la comtesse de La Marck, madame de Clermont d'Amboise, et une marquise de Ségur, non la vieille, mais la belle-fille. Il entre en cette société tout ce qu'il y a de mieux et de plus convenable: M. le duc d'Orléans, des cordons bleus, des anciens lieutenants généraux, des ambassadeurs, etc. Je prévois que ce sera ma société. Le quartier éloigné, les désespère tous, et moi aussi. Voilà un inconvénient que vous aviez prévu, et que je ne concevais pas alors.

Vous me demandez quand vous me saurez dans mon hôtel? On me le fait espérer pour le 16 de ce mois. Pour ce qui est de Zerbst, il paraît que la jeune dame fait état d'en rester où nous en étions. Tant pis pour elle. Elle est mal conseillée, l'a toujours été, et le vent bien. Vous m'amusez beaucoup de vouloir vous mêler d'écrire mon histoire. Cela serait bientôt fait. On dira après ma mort: elle a vécu, elle est morte; et tout sera dit.

Il n'en sera apparemment pas ainsi de deux grandes princesses ici qui se meurent, l'une toujours de sa poitrine, l'autre de sa petite vérole. C'est madame la duchesse d'Orléans et madame la princesse de Condé. La dernière était fort mal hier: elle en a été saisie à Versailles, les boutons sortis, on l'a transférée dans son palais de la ville à Versailles.

La petite Géan, de la comédie, en est morte en dix jours, fort regrettée de ses pareils et du public. On nous donne Agathe de Quinaud, aussi mauvais pour le tragique qu'excellent pour les opéras. Nous aurons cet hiver celui de Proserpine.

Il me semble que je ne vous ai pas encore répondu à la ques-

tion que vous m'avez faite à l'égard de madame Geoffrin. Je vous dirai, donc qu'elle me plaît infiniment. Elle a déjà diné chez moi, vient souvent à ma toilette, et nous allons ensemble voir les cabinets des curieuses, etc...

En voilà bien assez pour vous donner à déchiffrer. Je finis donc en vous assurant de mon estime.

24.

Du 10 Novembre 1758.

Vous lisez donc mes pattes de mouches? Soit, vous les lirez toujours; prenez-vous en après cela à vous même, à votre politesse, votre complaisance, ou bien à votre petite vanité, si vous vous trouvez souvent dans le cas de deviner. Au reste, je voudrais bien que vous me rendissiez un peu plus justice à ma façon de penser sur notre voyage par cette industrielle et propre Hollande. Je vous prie de vous mettre dans la tête que je n'y pense pas sans plaisir, ce pourrait bien être dans un sens opposé à celui que vous y portez; mais c'est que je suis raisonnable, que je suis philosophe, et que vous pourriez bien être pour vos péchés, ni l'un, ni l'autre. Voilà une bonne grosse injure. Je sens qu'il y a, en ce moment, une ingratitude horrible, non-seulement par rapport à tout ce que vous me dites d'obligeant en cet article de votre lettre, mais encore par rapport à l'opinion que vous m'avez établie ici, parmi une classe de personnes, à qui je sens tous les jours, que je dois celle dont on dit que l'on m'honore en ce pays, si difficile et si rétif, pardonnez l'expression, pour l'étranger.

Votre fête a dégénéré en contagion sur vos amis et vos parents. M. de Burigny que je revis depuis son retour, jeudi au soir,

en soupant avec madame de Clermont chez madame Geoffrin, se met en quatre pour m'obliger. Le voilà établi mon homme d'affaires en une négociation très intéressante pour moi, c'est celle de l'hôtel de Grimberge, vacant, depuis cinq ou six jours, par la mort du prince de ce nom. Il m'a paru que je devais à l'empressement que l'on me témoigne, de chercher le premier hôtel qui vint à vaquer dans le beau quartier de la ville. Je ne suis point mariée avec les Chartreux, et la clause de six mois m'accorde le délai dont j'aurai besoin pour m'arranger soit avec eux, soit pour un nouvel hôtel. En attendant, je vais entrer le 1 Décembre en celui de Chaulnes, et de là, je verrai venir tranquillement, ou ce hôtel de Grimberge, ou quelque autre.

Je vous suis très redevable des jugements que vous portez sur ce qui regarde mon fils. Je vous avoue que j'ai eu une sensible joie de lui voir des sentiments aussi dignes de son sang, je n'oserais ajouter de moi. J'espère un jour le voir tel qu'il doit être, pour me laisser aller à toute ma tendresse pour lui. C'est une douce perspective dont j'aime à orner mon imagination.

Revenons à cette bonne madame Geoffrin. Je trouve la comparaison juste. Mais je préférerais cette dame à celle que vous lui comparez. Premièrement, l'âge a chargé ¹⁾ chez elle des ombres que le caractère de madame Bielck n'a point... ²⁾ encore. Je ne la crois pas médisante, et je la crois moins farcie de préjugés, dirigés par des passions.

Je trouve que votre cousin a raison sur le beau ministre de Russie. Croyez-vous qu'il m'ait encore écrit? point du tout. Il n'est pas question de cinq ou six lettres, ni de notre princesse Caquedou. Cela n'est pas fort galant. A propos de Russes, il en est venue toute une potée, et il en va venir encore. La princesse Golitzine

¹⁾ Nous lisons: «chargé» au lieu du mot assez clairement écrit: «étagé», mais sans donner cependant notre conjecture comme très réussie.

²⁾ Vient ensuite un mot indéchiffrable.

est de retour. Je l'arrache à ses anciennes liaisons. Je l'ai présentée à une partie de mes connaissances. Elle prend assez bien. Mon petit Soltickow revient petit à petit. C'est dans le fond un bon enfant.

Vous ai-je mandé la mort de la petite Géan de la comédie, l'enlèvement par monsieur de Lauragnais de mademoiselle Arnaud de l'opéra? Il y a pis que tout cela: mademoiselle Clairon quitte la comédie à Pâques. Le duc d'Aumont a obtenu sans la direction des théâtres. Sur cela, je suis votre très-humble servante.

25.

Du 23 Novembre 1758.

M. de Burigny est un très honnête homme que j'aime beaucoup, et qui me témoigne tant de bonne volonté, que je serais une ingrate de ne pas lui vouloir du bien; aussi je lui en veux beaucoup, et par rapport à lui, et par rapport à certains frères et cousins, souvent à la vérité, souvent bien moins raisonnables que lui. Mais c'est de leur âge, la raison est du sien. Voilà qui est donc fait, chacun a donc son bon; prenons les faibles humains comme ils sont, et tirons-en le parti le plus raisonnable que nous pourrons. Vous avez fort bien trouvé, quand je serai une fois à l'hôtel de Vendôme (car c'est son vrai nom) j'en chercherai un autre à mon aise. C'est là mon dessein, et vous aurez contentement à cet égard; mais cet éternel hôtel n'est pas encore en état, et ne le sera de douze ou quinze jours; comment cela vous plaît-il? Ce n'est pas tout, cette... duchesse de Chaulnes s'opiniâtre à ne lâcher le premier, où elle avait ses appartements, que le 1er Janvier. Elle a même fait refermer au troisième un appartement que je destinais au baron, et plusieurs autres pour officiers, que le duc m'avait fait ouvrir, de sorte que me voilà en un horrible embarras. Vous sentez

ce que je veux dire. Il ny a sorte de petits maux que cette belle dame m'ait faits tout à loisir pour m'amorcer, et elle surtout. Mais il y en a bien eu d'autres. J'en suis sortie triomphante. On en ferait tout un roman comique que je me réserve à vous donner de bouche. Il se rendra mieux, et il est long.

Ma paresse, encore en pleine vigueur, vous en livrera plus tôt l'événement que vous désirez. Celui de la prétendue prise de Dresde est que le général d'Ifterplitz, en ayant rapproché son corps, y a jeté une forte garnison, brûlé les faubourgs, et que M. de Daun campe sur les ruines, sous les murs. L'armée de Contades prend ses quartiers d'hiver, les princes sont revenus, beaucoup de colonels, d'officiers et de généraux. M. le comte de La Marche se prépare à aller audevant de la princesse de Modène, sa promise. Toute la suite est prête à partir. Madame de Modène prit ces jours-ci une paralysie dont elle revient. On croit que madame la duchesse d'Orléans atteindra encore le printemps: elle s'en va doucement.

Nous allons avoir une nouvelle tragédie, la *Clémence de Titus*, par un auteur tout inconnu. On en parle différemment. Il faudra voir le succès. Avez-vous ouï parler du *Père de famille*? elle est de Diderot et plus touchante que le *Fils naturel*. Celui-ci apparait sous un même nom, traduit sur Goldoni, ce qui amuse les ennemis de Diderot.

Nous avons présentement ici, une sœur de mon prince de Salm, fort jeune, fort jolie, mais surtout fort bien faite: le roi l'a trouvée ainsi. Cette pauvre princesse a eu ordre de son père de se faire épouser par procuration, au duc de Lerma en Espagne. Au bout de cinq jours, on l'a fait partir, la voilà ici; elle s'en va lundi en sa triste Espagne. Elle a un air d'abattement et de tristesse qui m'a fait frémir. Je connais ces sortes de mariages; je sens tout ce qu'elle souffre: je le lis dans deux très beaux yeux bruns toujours, toujours attendris. On eut hier la cruauté de la mener à Alzire.

J'étais dans le balcon à côté de la loge du roi, elle dans la loge, nous pleurâmes toutes les deux de bon cœur, elle pourtant, je gagerais, bien plus amèrement que moi. Je fais des connaissances sans fin, ni nombre. Je commence à me plaire. J'aimais déjà naturellement la nation; plus je vis parmi elle, plus je lui trouve beaucoup de vertus, peu de vices et de légers défauts.

Sur cela, à Dieu.

26.

Paris, 6 Juin 1759.

Ne vous étonnez point, Monsieur, ni ne vous inquiétez de la lenteur de ma réponse; je prends à témoin toutes mes connaissances et les vôtres, que mon état de santé a toujours été difficile et incommode, jusqu'à environ six ou huit jours. Surtout tout le détachement de la machine, ma tête faible et sans idées, mon abattement, ma faiblesse et les douleurs continuelles de mes entrailles qui ne me permettaient en aucune façon l'attitude que l'on contracte en écrivant, ne m'ont pas permis de donner signe de vie pour personne. J'ai reçu votre lettre avec plaisir et je vous remercie de tout ce que vous m'y dites d'obligeant: je serai toujours ravie de vous témoigner mon amitié avec mon estime.

Mon fils est parti peu après vous pour l'armée, il y est heureusement arrivé. Vous saurez peut-être déjà, en recevant la présente, que le voilà veuf depuis le 22 du mois passé, par la mort de son épouse, morte à Zerbst d'un coup d'apoplexie, après en avoir eu trois, depuis le 13 du même mois: cela est très étonnant à son âge. Vous savez les raisons que j'avais de n'en être pas contente, cependant je n'ai pas pu m'empêcher de payer un juste tri-

but à l'humanité; une jeune et belle personne empotrée à cet âge, par des accidents aussi vifs, ne saurait manquer de toucher à un certain point.

Vos réflexions sur la drogue d'une bonne bataille gagnée, qu'il me faudrait pour me remettre de ma maladie, m'a fort divertie; je crois, en vérité, que vous avez raison; en tout cas je pourrai l'avoir si le général Fermor est habile et heureux; on dit que le roi de Prusse marche à lui avec trente ou quarante mille hommes d'élite. Je ferais bien dire messes si j'osais. M. de Contades devait être hier avec une partie de son armée à Meubourg. Vous savez que Nurenberg est délivrée, que le prince Henri marche à marches forcées en Saxe, et que le prince Ferdinand s'est retiré au fond de la Westphalie. On parle toujours beaucoup de l'embarquement à Brest: l'événement nous montrera ce que nous devons en croire.

Je vois toujours beaucoup madame Geoffrin, et j'en suis très contente. Il y a une miniature de mademoiselle Chairon, qui s'appelle mademoiselle Dubois, fille du comédien; cette petite créature débute par les rôles de mademoiselle Clairon, qui l'adore à se faire manger, on en est enthousiasmé; les connaisseurs doutent de ses talents: ils disent que c'est un petit perroquet; mais elle est étonnante pour la ressemblance et le même jeu, jusqu'au ton de voix. Avez-vous le Mercure, savez-vous la dispute de Fréron et de monsieur de Marmontel sur la pièce de Vincelas? Elle partage tout Paris. Le théâtre est d'une grande beauté depuis les changements qu'on y a faits. Il n'y a pas de comparaison. Mais ce qui reste de petits maîtres est au désespoir.

A Dieu, Monsieur.

à Paris, 24.ème Juin 1759.

Je suis plus exacte aujourd'hui que je ne l'ai été en dernier lieu. Je me flatte que cela me raccommoiera avec vous et avec la cérémonie des *Altesses*. Pour moi d'abord, je vous annonce que la présente, ni toutes les lettres que je vous écrirai à l'avenir, n'auront ni tête, ni queue, mais comme il me faut une vengeance, je vais vous donner un caractère à lire qui vous coûtera autant de peine, qu'un *monsieur* de plus ou de moins en ma dernière aurait dû vous en faire peu, si vous aviez permis à votre mémoire de vous rappeler que ce n'est qu'en France qu'il est permis de s'écrire avec cette familiarité, et que si la raison diminue les préjugés, la coutume entraîne, involontairement et sans y penser, vers les usages du pays où l'on est né et où l'on a vieilli. Je vous suis très obligée de vos inquiétudes sur ma santé, il est vrai qu'elle n'est point encore revenue où elle en était. Je suis surtout d'une délicatesse qui me désespère.

Vous avez très bien deviné mes sentiments sur la mort de ma belle-fille: il m'a été impossible de me refuser en cette occasion à ceux de l'humanité. Il y a des gens qui auraient pu m'en savoir mauvais gré, mais ces gens-là ne connaissent point les cœurs d'une certaine trempe; ils les appellent faibles, par comparaison de leur espèce de grandeur d'âme, que je nomme dureté. Mon fils m'a envoyé M. de Nauge avec la notification au roi. Il m'a dit que son jeune maître a donné, en apprenant cette mort, des marques de la bonté de son cœur, ce qui n'a pas laissé que de me faire plaisir pour lui. M. le duc de Choiseul vient de m'envoyer la réponse du roi que M. de Nauge remportera. La cour prendra le

denil jendi pour quatre jours, et Madame du Dauphine, comme plus proche parente, pour plus longtemps.

Je vous avais promis de demander à M. de Valori la relation de l'événement de l'impératrice de Russie, qu'il me communiqua dans le temps. Je l'ai fait, il me mande qu'il n'en a jamais eu, que celle qu'il me donna alors était du ministre de Prusse, qu'il en fut alors fort piqué contre le M. de la Chetardie, mais qu'il n'en eut jamais d'autre. Je crois toujours l'avoir; je la chercherai pour vous l'envoyer dès que j'en aurai la force et le temps.

Les nouvelles de la Silésie sont que le général Fermor, ou à présent Soltickow, touche sa lisière. M. de Daun se met en mouvement, et le roi de Prusse, réuni avec le général Fouquet, attend ce dernier de pied ferme. En Allemagne, le maréchal de Contades doit à présent avoir atteint Lipstadt, et le prince Ferdinand, ayant rassemblé ses forces, nous voilà apparemment à la veille d'une bataille.

Je ne manquerai pas d'envoyer votre lettre à mon fils. Je suis certaine qu'elle lui fera autant de plaisir que j'en aurai toujours à vous vérifier mon estime.

28.

à Paris 22-ème Juillet 1759.

Je m'étais mis dans la tête en recevant votre dernière, que vous étiez encore à la veille de faire quelque course, ou dans les déserts, ou dans les lieux habités de votre province, c'est ce qui m'a engagé à retarder ma réponse, surtout les remerciements que je dois à votre opinion. Je ne vous crois point flatteur, mais phi-

losophe, ainsi, je suis très flattée de tout ce que vous me dites d'obligeant. Je désirerais toujours le mériter et il ne tiendra jamais à moi.

Je ne suis point étonnée de votre surprise sur le rappel du général Fermor. J'ai été dans le même cas: on n'en dit point précisément les raisons que vous avez sues; pour moi j'en doute, mais supposé qu'elles eussent lieu, je n'en chercherais la source que dans le goût dominant et crapuleux de la nation qu'un étranger, habitué aussi longtemps que l'est le général Fermor parmi elle, peut avoir adopté. On dit le comte Soltickow arrivé à l'armée. Je lui ai toujours ouï attribuer du talent; il en est le contraire du maréchal de Boutourlin; c'est à présent le moment des vœux pour cette année là; M. le comte de Dohna marche à eux avec 60.000 hommes; de tous les autres côtés, tous les corps et les différentes armées sont en mouvement. Je pense que nous touchons à des événements: Dieu veuille qu'ils soient heureux et décisifs pour la bonne cause; on n'en est pas sans inquiétude. Les dernières nouvelles de la Westphalie parlent de quelques petits échecs, peu importants à la vérité, mais qui pour en être, n'en sont pas propres à animer le soldat.

Je ne savais rien de la nomination d'un colonel que le prince d'Anhalt doit avoir demandée. Je suis de votre sentiment à cet égard, le jeune homme a assez d'ambition pour y prétendre. Pour moi, on me le cache apparemment, parce que l'on a voulu m'y engager cet hiver, et que je m'y suis refusée, jusqu'à ce que l'objet ait pu le mériter.

Je ne manquerai assurément de chercher les papiers dont vous avez besoin, dès que j'aurai un moment de reste, et ce sera avec bien du plaisir.

Nous avons eu mercredi *Iphigénie en Aulide*, jouée par les trois débutantes. Il y a une demoiselle Dubois, fille du comédien qui, sans conter la figure, ressemble si fort, par son jeu et même son son de voix, à mademoiselle Clairon, que l'on en est étonné; vous

sentez que c'est un grand objet de dissertation. Pour moi, qui préfère une bonne copie à un mauvais original, elle me plaît et me suprend.

Voici une lettre que mon fils m'a adressée pour vous: je donne à la présente celle de votre campagne et vous assure de toute mon estime.

VII.

Note remise au M-is de L'Hôpital par le ministère russe.

(Изъ Парижскаго Архива, Russie, vol. 60, № 65, du 28 juillet 1759).

Le Ministère Russe fait connaître que les Etats d'Anhalt-Zerbst ont été dévastés et ruinés par Roi de Prusse; que le Prince régnant et sa mère ont été obligés de sortir de leurs propres Etats; que ce violences n'ont été exercées par le Roi de Prusse que pour se venger de l'attachement du Prince d'Anhalt à la cause commune; que dès lors il sera juste et équitable qu'à la paix les Princes alliés reclament un dédommagement convenable pour la ruine que les Prussiens ont causée au dit Etat.

VIII.

Документы по голштинскому вопросу.

1.

Декларация англійскаго посланника въ Гаагѣ.

(Изъ Лондонскаго Архива, Russia, № 44).

A la Haye, le 15 octobre 1743.

Sa Majesté Danoise ayant fait examiner à fond l'affaire concernant le duché de Holstein, avait trouvé, que non seulement le duc de ce nom en était déchu, de même que des autres états qui relèvent du Holstein et qui sont situés en Allemagne; mais, qui plus est, qu'ils doivent être réunis à la couronne de Danemarck et lui appartenir dès à présent sans aucune contestation, pour les causes et raisons ci-après déduites: 1°) le duc de Holstein Gottorp, ayant abjuré la religion protestante et embrassé la religion grecque afin d'être reconnu héritier présomptif au trône de Russie, ce prince ne pouvait plus posséder aucuns états situés en Empire, ni même en disposer aujourd'hui en faveur de qui que ce soit au préjudice du Danemarck ayant manqué à cette formalité avant de faire son

abjuration; 2°) que les lois et constitutions germaniques étaient telles sur ce point, qu'aucun prince ne pourra posséder aucuns états ni domaines enclavés dans l'Empire, à titre de souveraineté, sitôt qu'il aura abjuré pour professer toute autre religion que la catholique romaine, la luthérienne et la réformée. Qu'en conséquence de ce que dessus Sa Majesté Danoise fondée sur les lois et autres autorités, avait réquis Sa Majesté Britannique pour lui accorder ses bons offices dans cette affaire, et pour fournir en temps et lieu les secours dont le Danemarck pourra avoir besoin, en cas d'opposition au duché de Holstein. Sa Majesté Britannique, ayant promis toute aide et assistance à Sa Majesté Danoise, m'ordonne d'avoir l'honneur d'en donner part aux Etats-Généraux, ainsi que des justes motifs qui engagent la Grande Bretagne à prendre part à cette affaire, et de déclarer en même tems à L. H. P. que pour les raisons susdites le duc de Holstein étant absolument déchu des états qu'il possédait en Empire, le duché de Holstein revenait de droit à la couronne de Danemarck. Qu'ainsi Sa Majesté Britannique avoit se flatter que si la République a quelques intérêts à ménager, qui l'empêchent de seconder Sa Majesté Britannique, L. H. P. voudront bien du moins prendre le parti de la neutralité dans cette affaire.

Докладъ императрицы Елизаветы Петровны.

(Изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, 1759—1760, № 5, л. 3).

Ея Императорскому Величеству
всеподданнѣйшій докладъ
отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Извѣстно, что по причинѣ заключенной въ 1713-мъ году между тогдашнимъ администраторомъ голштинскимъ и швецкимъ генераломъ Штейнъбокомъ конвенціи (по силѣ которой швецкому войску подъ командою того генерала отъ Его Свѣтлости дозволено было прибѣжище подъ пушками крѣпости Тенингенской) Данія сіе за явное непріятельство признавая, овладѣла въ томъ же году, по разбитіи швецкаго войска, Шлезвигомъ и Голстинією.

Голштинія напоследокъ, въ 1720-мъ году, возвращена была его высочеству герцогу Карлу Фридриху, родителю Его императорскаго высочества государя великаго князя по точнымъ приказамъ римскаго императора и имперскаго совѣта. А Шлезвигъ, въ разсужденіи, что оной къ Римской Имперіи не принадлежитъ, Данія, не смотря на всѣ учиненные его высочествомъ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ, по пришествіи его въ совершенно лѣтство, представленія и домогательства, какъ предъ тѣмъ ей, Данія, принадлежавшій лѣнъ, и за принятіемъ участія въ войнѣ, вышереченною конвенцією между администраторомъ и генераломъ Штейнъбокомъ, будто справед-

ливо оную завоеванную землю постоянно за собою удержала, и при своемъ примиреніи съ Швеціею въ 1720-мъ году подь посредствомъ Франціи и Англіи не только гарантію сихъ державъ на Шлезвигъ себѣ выговорила, но и самую Швецію обязала, чтобъ она симъ, съ медиаторами постановленнымъ въ разсужденіи того герцогства обязательствамъ, противна не была.

Его королевское высочество герцогъ Карлъ Фридрихъ уже въ 1719-мъ году просилъ о помощи для возвращенія себѣ своихъ владѣній у его величества государя императора Петра Великаго, только съ Его величества стороны точнаго съ нимъ обязательства въ томъ невоспослѣдовало, какъ только въ 1724-мъ году.

Тогда сепаратнымъ артикуломъ при трактатѣ союза, заключеннаго между Его величествомъ и Швеціею въ 22-й день февраля, Его императорское величество и король швецкой наисильнѣйше обязались о доставленіи обратно его высочеству герцогу Голштинскому княженія Шлезвигскаго чрезъ добрые офіціи, а ежели сіи никакого дѣйствія имѣть не будутъ, въ такомъ случаѣ между собою и другими державами и гарантирами, а особливо съ римскимъ цесаремъ о предпріятіи съ безоопасностію того дѣла разсуждать.

Въ томъ же 1724-мъ году секретнымъ артикуломъ при трактатѣ супружественномъ заключенномъ между Его императорскимъ величествомъ и герцогомъ Голштинскимъ 24-го ноября подтверждается вышенисанной секретной артикулъ съ короною швецкою заключенной, и сверхъ того Его императорское величество обязался вообще съ другими въ семь дѣлъ гарантіями обязанными державами способы наибезопаснѣйшія употреблять, и руки прежде неупущать, пока государю герцогу (котораго онъ никогда оставить не намѣренъ) за свое отъ короля дадкаго чрезъ столь многіе годы у него пред-

удержанное герцогство Шлезвигское, справедливымъ образомъ совершенное удовольствіе съ совокупленіемъ короны шведской и другихъ въ томъ дѣлѣ обязанныхъ гарантировъ изходатайствовано, и герцогъ впредь въ довольную безопасность приведенъ не будетъ.

Особливою, между Ея величествомъ государынею императрицею Екатериною Алексѣевною и римскимъ императоромъ Карломъ Шестымъ, при трактатѣ отъ 6-го августа 1726-го году заключенномъ, конвенціею постановлено было, что Ея императорское величество свое намѣреніе декларовала для Его высочества герцога Голштинскаго, всѣ себѣ отъ Бога данныя силы употребить, естли пріяельскіе средства не успѣютъ, и что для того Его цесарское величество объявляегъ, что всякіе способы съ Ея всероссійскимъ величествомъ и королемъ шведкимъ, къ полюбовному сего дѣла окончанію возпріимутъ, и буде сіи старанія чрезъ одинъ годъ пожеланнаго плода не принесутъ, то обязуются Ея императорское величество и римской цесарь совокупно оружіе дѣйствительно возпріять, и оное не прежде низложить, пока герцогу Голштинскому надгѣжащее не возвратятъ.

Но звать то за скорою кончиною, какъ Его величества императора Петра великаго, такъ государыни императрицы Екатерины Алексѣевны сіи обязательства въ дѣйство не произведены.

Его высочество герцогъ Голштинской въ 1729-мъ году для доставленія себѣ справедливости на конгрессѣ Соассонскомъ, прислалъ въ Парижъ своего тайнаго совѣтника Басовича, котораго и Россійскій посолъ графъ Александръ Головкинъ въ своихъ представленіяхъ подкрѣплялъ; но какъ тогдашній конгрессъ безъ всякаго успѣха разорвался, такъ только сіе извѣстно, что помянутой Басовичъ, яко по приказу герцога, сво-

его государя, особливою запискою представилъ великобританскому послу Горацію Вальполю, о обмѣнѣ голштинскихъ областей противъ Бремена, Фердена и графствъ Ольденбургскаго и Делменгоргскаго.

При государствованіи Ея величества императрицы Анны Иоанновны, секретнымъ артикуломъ при трактатѣ заключенномъ между Ею и королемъ прускимъ въ 30-мъ сентября 1730-го года договоренось, что король пруской для государя герцога Голштинскаго приложить вездѣ свои добрыя офиціи. дабы оной герцогъ какъ наискорѣе до резонабальнаго и удовольствуемаго согласія достигнуть могъ, а въ противномъ случаѣ король пруской обѣщаетъ наблюдать совершенное нейтральство.

А въ 1732-мъ году при трактатѣ между Ея императорскимъ величествомъ и королемъ дацкимъ отъ 26-го маія двумя сепаратными артикулами постановлено, чтобъ король дацкой противъ чинимаго отъ его высочества герцога Карла Фридриха за себя и своихъ наслѣдниковъ и сродниковъ уступленія прежней части Шлезвигской въ награжденіе ему герцогу заплатить одинъ миліонъ ефимковъ цесарскими гульденами, но буде его высочество къ принятію того по прошествіи двухъ годовъ не склонится (какъ и не склонился), то въ такомъ случаѣ король дацкой ни къ чему вяще не обязанъ, но отъ всякихъ притязаній его герцога на вѣчныя времена свободенъ быть.

По благополучномъ возшествіи вашего императорскаго величества на родительской престолъ, понеже Данія по ту пору съ домомъ Голстейнъ Готторпскимъ не могла прямо въ разсужденіи Шлезвига ни о чемъ согласится, въ сепаратномъ артикулѣ трактата между вашимъ императорскимъ величествомъ и ея величествомъ императрицею королевою отъ 22-го маія

1746 году ваше величество согласились, что ея величество императрица королева въ охраненіи интересовъ дома герцогско-голштинскаго обще съ вами всегда поступитъ, гарантируя его императорскому высочеству государю великому князю и его мужескимъ наслѣдникамъ, его нынѣ имѣющіе въ Германіи во владѣніи земли, и ежелибъ съ російской стороны негодіація съ датскимъ дворомъ о нерѣшенныхъ правостяхъ того герцогскаго дома вожделеннаго успѣха не получила и въ томъ бы съ Данією полюбовно согласится не можно было, то Ея императорское королевское величество съ вашимъ императорскимъ величествомъ тогда о дальнихъ между собою къ совершенному окончанію оныхъ правостей мѣрахъ, особливо договариваться обѣщала.

Въ четвертомъ артикулѣ трактата заключеннаго между вашимъ императорскимъ величествомъ и королемъ дацкимъ 10-го іюня 1746 году ваше величество сами изволили обязатся употребить возможныя свои добрые офиціи, дабы имѣющаяся еще между королемъ дацкимъ и его высочествомъ государемъ великимъ княземъ о части герцогства Шлезвигскаго распрія полюбовно, и какъ скоро возможно прекращена, и о томъ формальная конвенція сочинена была.

А сепаратнымъ артикуломъ при томъ же трактатѣ ваше императорское величество и гарантировали княжескую часть герцогства Шлезвигскаго Даніи, противъ всѣхъ и cadaго, кромѣ только Его императорскаго высочества и его мужескаго потомства.

Въ 1751 году Данія чрезъ своего находившагося при вашемъ императорскаго величества дворѣ министра графа Ливара дѣйствительно старалась о полюбовномъ соглашеніи съ Его императорскимъ высочествомъ, а его высочество для предварительнаго трактованья съ онымъ министромъ тогда и упол-

номочилъ своего тайнаго совѣтника барона Пехлина. Графъ Ливаръ при сей негоціаціи представилъ обмѣнъ настоящихъ Его императорскаго высочества голстинскихъ земель противъ графствъ Олденбургскаго и Делменгорстскаго, обѣщая дополнить доходы, естли изъ сихъ графствъ получаемыя величеніи голстинскихъ недостаточны будутъ, и выдать полтора милліона ефимковъ на оплату герцогскихъ долговъ, требуя противъ того отрицанія на Шлезвигъ. Но когда негоціація уже до того дошла, что не только пункты къ заключаемой конвенціи о конечной здѣлкѣ Его императорскаго высочества съ королемъ дацкимъ, графомъ Линаромъ сообщены были барону Пехлину, но и премоюріею помянутаго графа высочайшая вашего императорскаго величества медиация съ стороны Даніи испрошена была, а баронъ Пехлинъ Его императорскому высочеству доложилъ, что уже пора, чтобъ и онъ просилъ о той же вашего императорскаго величества медиации, то Его высочество незапно изволялъ декларовать, что дѣло сіе пресѣчено быть имѣеть, и онъ болѣе объ ономъ слышать не хочетъ.

Такимъ образомъ оно и по сю пору остановилось.

Въ минушемъ 1758-мъ году при возобновеніи трактата оборонительнаго союза съ шведскимъ дворомъ, ваше императорское величество по прежнему же трактату постановили съ сею короною, чтобы она гарантировала Его императорскому высочеству и его мужескаго пола наслѣдникамъ нынѣшніе Его высочества германскіе земли, и ежели съ дацкимъ дворомъ о неоконченныхъ герцогскаго голстинскаго дома правостяхъ иногда полюбовно соглашенось не будетъ, тобъ Швеція съ вами о дальнѣйшихъ для совершеннаго окончанія того дѣла обязательствахъ особливо договаривалась.

А изъ нынѣ сообщеннаго вашему императорскому величеству трактата, заключеннаго въ Коенгагенѣ 4-го Маія 1758 года

между королемъ французскимъ и дацкимъ, и къ которому и императрица королева гарантією приступила, и къ которому и ваше императорское величество призываетесь, усмотрѣно, что всѣ сіи дворы опять стараются произвести въ дѣйство толь давно желаемую здѣлку Его императорскаго высочества съ дацкимъ дворомъ, способомъ безъ придачнаго обмѣна настоящихъ Его высочества германскихъ областей на графства Олденбургское и Делменгорстское.

По прилѣжномъ разсматриваніи онаго трактата и присовокупленныхъ къ оному шестъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ дабы съ основательствомъ поступать въ дѣлѣ желаемаго вашего императорскаго величества приступленія къ тому трактату, во первыхъ за нужно признала, чтобы требовано было отъ словъ римско-императорскаго и французскаго, да посланника дацкаго Остена точное изъясненіе: какъ разумѣть надлежить слова *безпридачной обмѣнъ* части Голстиніи принадлежащей государю великому князю, и въ чемъ состоятъ имѣетъ обѣщанной королю дацкому въ случаѣ неудачи той негоціаціи съ Его императорскимъ высочествомъ *эквивалентъ*? Они всѣ единогласно на то запискою отвѣтствовали, что словомъ *безпридачной*, хотя разумѣтся, что король дацкой освобожденъ былъ отъ всякой тягостной кондиціи, прежде отъ Его величества для споспѣшествованія рѣченнаго обмѣна представленной, однакожь Ея величество императрица королева и Его христіаннѣйшее величество отнюдь не помышляютъ причинить тѣмъ какое либо предосужденіе государю великому князю, будучи напротивъ того ихъ намѣреніе изыскать при общемъ замиреніи средство къ удовольствованію Его императорскаго высочества на иждивеніи общаго ихъ непріятели, естли Его высочество на помянутой обмѣнъ поступить изволить. А въ противномъ случаѣ буде Его высочество никакими способами на тотъ обмѣнъ

не склонится Его дацкому величеству такое при мирѣ, такъ же на иждивеніи общаго непріятели, нѣкоторое удовлетвореніе подѣ словомъ *эквивалента* обѣщано. Сверхъ того они оба послы и посланникъ дацкой словесно изъяснились, что въ семь обѣщаніи имянно въ виду имѣется Остфризландія, которая или государю великому князю въ случаѣ состоящаго обмѣна, сверхъ Олденбурга и Делменгорста, или въ случаѣ несостоянія обмѣна королю дацкому уступлена быть имѣеть.

По полученіи такихъ объясненій, коллегія иностранныхъ дѣлъ всенижайше вашему императорскому величеству представляетъ не благоволите-ли теперь черезъ кого и какимъ образомъ вашему величеству угодно будетъ велѣть тайно уведомить Его императорское высочество о домогательствахъ союзническихъ и дацкаго дворовъ, касающихся до конечной здѣлки Его высочества съ Данією, способомъ часто показаннаго обмѣна и чаемой при мирѣ уступки Остфризландіи, съ подробнымъ представленіемъ Его высочеству содержанныхъ въ приложенномъ при семь разсужденіи резоновъ. А между тѣмъ при приступленіи вашего императорскаго величества къ трактату копенгагенскому, договариваться, что оное не должно никакимъ образомъ служить въ предосужденіе правъ и прегензій Его императорскаго высочества государя великаго князя, яко герцога голстинскаго, и что въ случаѣ неудачи производимой съ нимъ нагоціаціи о безпридачномъ или какомъ иномъ обмѣнѣ его части Голстиніи противъ Олденбурга и Делменгорста (которую однакожь ваше императорское величество добрыми офиціями наилучче подкрѣпить соизволите) эквивалентъ Даніи обѣщанной не можетъ быть взятъ ни изъ владѣній россійскихъ, ниже изъ голстинскихъ, принадлежащихъ Его императорскому высочеству, ибо такими ограниченіями подлинно государю великому князю въ дѣлѣ желаемой съ

Данію здѣлки руки ни какъ не связываются; а ваше императорское величество только къ тому вновь обяызываетесь, къ чему прежнимъ оборонительнымъ союзомъ, заключеннымъ съ Данію, вы уже обязаны, и чемъ привлекая короля дацкаго къ неотмѣнному продолженію при настоящихъ европейскихъ обстоятельствахъ своего доброжелательства къ общему справедливому дѣлу, и къ дѣйствительному приступленію къ заключенной между вашимъ императорскимъ величествомъ и Швецію конвенціи о безопасности мореплаванія въ Балтикѣ, чѣмъ по мѣстоположенію Даніи на Зундѣ вдругъ аглинскимъ эскадрамъ входъ въ сіе море чрезъ всю сію войну отсѣченъ быть имѣеть. Что все коллегія иностранныхъ дѣлъ на всевысочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе предаеть, какъ и сочиненные проекты актовъ приступленія вашего императорскаго величества къ трактатамъ копенгагенскому и версальскому присемъ на высочайшую вашу апробацію всенижайше подносимъ.

Графъ Михаилъ Воронцовъ.

Иванъ Шуваловъ.

Генрихъ Гросъ.

Адамъ Алсуфьевъ.

Иванъ Пуговичниковъ.

Федоръ Бехтеевъ.

Октября 5 дня
1759 года.

Письмо герцога Голштинии императрицѣ Елизаветѣ.

(Изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ,
1759—1760, № 5, л. 34).

Madame,

C'est avec la plus parfaite reconnoissance et satisfaction, que je viens de recevoir. les copies, que Votre Majesté Impériale a eu la grâce de me faire tenir par Leurs Excellences Son Chancelier le comte de Woronzow et le chambellan de Schuwalow, du traité conclu entre la cour de France et celle de Dannemarc, le 4me de Mai 1758 et de l'accession de l'Impératrice-Reine d'Hongrie à ce traité; comme aussi les déclarations de bouche, qu'il a plût à Votre Majesté Impériale d'y faire joindre, de ne pas vouloir me gêner à l'égard de l'échange de mon Duché héréditaire contre les Comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst.

Comme il se manifeste par ce traité, que la cour danoise insiste encore à ces idées qu'elle s'est formées il y a quelque tems, je trouverois peut-être ce projet plus étrange, si ces nouvelles tentatives n'étoient déjà précédées des propositions, que la dite cour m'a fait faire autrefois par son ministre le comte de Lynar, et l'inquiétude m'assommerait, si la bienveillance et l'amour maternel de V. M. Impériale, dont moi et ma maison ont tant de preuves éclatantes, ne me rassuroient contre des intentions contraires à mes intérêts et à ma gloire.

Je suis plainement persuadé que l'auguste fille de Pierre I, qui marche avec tant de gloire sur les traces de son père, ne voudra

jamais dérapprouver une fermeté appuyée de raisons justes, immuables et conformés aux vastes vues de cet illustre monarque, mon grand-père de glorieuse mémoire, dont je ne m'éloignerai jamais; lesquelles ont toujours abouti à avoir des possessions de l'Empire près de la mer Baltique, mais aussi que V. M. I. me fera la justice de croire que j'aurai autant d'attention qu'il faut aux engagements, qu'Elle fera, dans la flatteuse espérance qu'Elle me laisse dans la situation, où je me trouve, si les circonstances critiques ne permettent pas de la rendre meilleure.

C'est avec cette même confiance pleine d'ardeur et accompagnée du plus parfait attachement à ma très gracieuse Tante, que j'ose espérer une époque favorable pour faire valoir mes droits sur le duché de Schleswig, dont feu mon père a été dépouillé, il y a presque un demi-siècle. L'importance de cette perte et la situation de ma maison encore assez affligeante malgré ma haute destination, font le souvenir de cette malheureuse catastrophe trop sensible pour discontinuer un moment le soin de réparer ce dommage inestimable, quand l'occasion s'y présentera.

Votre M. I. a-t-Elle reconnu dans le traité de garantie du 10me de juin 1746 conclu avec la cour de Dannemarc mes prétentions incontestables au duché de Schleswig, vient Elle de déclarer très gracieusement, que ma résignation à Ses volontés ne doit être que conforme à mes intérêts et à ma gloire; assurément Elle ne refusera pas Son assistance pour me faire ravoir ce qu'on a ravi si injustement à mon père.

Quand la présente guerre funeste, qui déchire l'Allemagne se terminera, c'est alors que j'espère de voir l'époque heureuse de mon retablisement, et Dieu veuille qu'elle soit prête à venir! Tout le monde soupirant à la paix attend ce don précieux de la main bienfaisante de V. M. I., et moi je souhaite que la donnant, Elle mette en même tems fin aux calamités de ma maison, dont la

douloureuse représentation déchire mon coeur. Les cours de France et de Vienne ayant promis en vertu de l'article 3me du traité surmentionné du 4me de Mai 1758 à celle de Dannemarc un équivalent juste et raisonnable en cas que je ne goûterois pas l'échange en question; pour rendre la paix du Nord plus stable il ne manquera pas ni à V. M. I., ni à Ses alliés des moyens pour offrir à ladite cour un dedommagement, en cas qu'elle continue de refuser de me rendre ce que de justice elle me doit, tant pour ce qui est du rétablissement que d'une indemnisation équitable.

Je suis avec un respect et une soumission sans égal

Madame

de Votre Majesté Impériale

le plus humble et le plus obeissant neveu et serviteur

Pierre.

à St.-Pétersbourg
ce 17-me de Janvier 1760.

СПИСОКЪ

изданій наиболѣе часто упоминаемыхъ:

- Asseburg**—Aschatz v. d. A's Denkwürdigkeiten. Berlin, 1842.
Barre—Histoire générale d'Allemagne. Paris, X vls, 1748.
Beauclair—Histoire de Pierre III empereur de Russie ¹⁾. Londres, 1774.
Biester—Abriss des Leben und der Regierung der Kaiserinn Katharina II von Russland. Berlin, 1797.
Бильбасовъ—Первыя политическія письма Екатерины II. Сиб., 1887.
Болотовъ—Жизнь и приключенія Андрея Б. 4 т. Спб., 1870.
Бриннеръ—Жизнь Петра III до вступленія на престолъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. CLXVII.
Brückner—Katharina die Zweite. Berlin, 1883 (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen).
Büsching—Magazin für Historie und Geographie, 25 Bde. Hamburg. 1757.
Бычковъ—Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ императорской публичной библиотекѣ. Спб., 1873.
Васильчиковъ—Семейство Разумовскихъ. 4 т. Спб., 1880.
Castéra—Histoire de Catherine II, impératrice de Russie. 4 vls ²⁾. Paris, an VIII (1800).

¹⁾ Собственно о Петрѣ III говорится только на 30 страничкахъ (75—109); всѣ предыдущія страницы посвящены краткому обзору исторіи Россіи съ Петра В., послѣдующія—Екатерины II. Онъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ чертъ для обрисовки Петра III, напр., неподобный тостъ-загадку, предложенныи императоромъ: Vive trois fois trois (101).

²⁾ Это—лучшее изданіе книги, впервые появившейся въ 1797 г., переведенной на всѣ европейскіе языки, кромѣ русскаго. Авторъ былъ одинъ изъ

Forster—Kurze Uebersicht der Geschichte Katarina der Zweiten.
Halle, 1797.

Гордтъ — Записки графа Гордта въ «Русскомъ Архивѣ», 1877,
II 294

Goudar—D G***, Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III
empereur de Russie ¹⁾. Francfort et Leipzig, 1763.

тѣхъ дипломатическихъ агентовъ Людовика XV, услугами которыхъ французскій король пользовался помимо своего министерства иностранныхъ дѣлъ (*Boutaric, Correspondance secrète de Louis XV, I, 254*). Кастера долго жилъ въ Польшѣ, былъ въ Польской Ливоніи (*Saint-Sauveur à M. le comte de Maurepas, de 9 février 1748, въ Париж. Архивъ, Russie, carton 1748*), посѣтилъ Петербургъ и, возвратясь въ Парижъ, могъ, по своему положенію, ознакомиться съ дипломатическими донесеніями французскихъ министровъ какъ при русскомъ, такъ и при другихъ дворахъ. «J'ai eu des matériaux très précieux—говоритъ онъ—et que le plus extraordinaire concours de circonstances pouvoit seul procurer à un même escrivain», и онъ ими воспользовался вполнѣ добросовѣстно. Такъ, весь рассказъ о Салтыковѣ (I, 158—181) составленъ по донесенію французскаго резидента въ Гамбургѣ, которое мы помѣщаемъ выше, въ Приложеніи V; упоминають о довѣрїи Екатерины къ гр. Вестушеву, англійскому посланнику Уильяму и гр. Понятовскому. Кастера прибавляетъ: «un étranger qui se trouvoit à Pétersbourg disoit, en faisant allusion à ces trois hommes. qu'elle ne pouvoit manquer d'être mal conduite, puisqu'e'le ce laissoit diriger par la friponnerie, la folie et la fatuité» (I, 191). что заимствовано изъ депеши Лопитала отъ 14-го мая 1758 года: «La Grande-Duchesse a été trompée et séduite par trois personnes qui sont assurément plus criminelles qu'Elle, je veux dire MM. Bestucheff, Williams et Poniatowski—ce trio formait un fripon, un fou et un fat» (*Париж. Архивъ, Russie vol, 56, f. 165*); выраженіе Екатерины: «Il y a peu de femmes aussi hardies que moi; je suis d'une témérité effrénée» (I, 199) дословно взято изъ депеши Лопитала отъ 1-го ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 54, pièce 83*) и т. п.; такихъ заимствованій можно указать очень много. Кастера не сообщаетъ завѣдомо ложныхъ фактовъ, и если ошибается, то потому только, что самъ былъ введенъ въ заблужденіе преимущественно своимъ безграничнымъ довѣрїемъ къ дипломатическимъ буагамъ, которыми онъ пользовался.

¹⁾ Небольшая брошюра, сообщающая болѣе или менѣе извѣстные факты, но освѣщающая ихъ не всегда вѣрно. Она особенно замѣчательна по приложенію, въ которомъ перепечатана небольшая статья «Le pour et contre de Pierre III, empereur de Russie». Записки Гудара были довольно подробно разобраны Шваномъ (*Marche, 274*), посвятившимъ все XXX письмо замѣчаній и опроверженій преимущественно взглядовъ автора.

- Гречь—Записки Николая Ивановича Греча, въ «Русскомъ Архивѣ», 1873, I, 225.
- Грибовскій—Записки о Екатеринѣ Великой. Москва, 1864.
- Гротъ—Воспитаніе Екатерины II, въ «Древней и Новой Россіи», 1875, I, 110.
- Дашкова — Mémoires de la princesse Dashkow, въ «Архивѣ кн. Воронцова», XXI.
- Диринъ—Великая княгиня Екатерина Алексѣевна. Спб., 1884.
- Dohm—Denkwürdigkeiten meiner Zeit. Hanover. 5 Bd. 1815.
- Dorville—Constant d'Orville, Les fastes de la Pologne et de la Russie. Seconde partie. Paris, 1769.
- Droysen—Geschichte der preussischen Politik. Berlin. 6 Bd.
- Helbig—Biographie Peter des Dritten. 2 Bde. Tübingen, 1808.
- —Russische Günstlinge. Tübingen, 1809.
- Herrman—Geschichte des Russischen Staates. 6 Bde. Leipzig.
- —Der russische Hof unter Kaiserin Elisabeth, въ «Historisches Tachenbuch». 1882.
- Jacob—Paul Lacroix, Deux lettres inédites de l'impératrice Catherine II à Stanislas Poniatowski. Paris. 1873.
- Нарабановъ—Разказы, въ «Русской Старинѣ», 1871, IV.
- Колотовъ—Дѣянія Екатерины II. 6 т. Спб., 1811.
- Корсаковъ—Воцареніе Анны Ивановны. Казань, 1880.
- Laveaux—Histoire de Pierre III empereur de Russie. 3 vls. Paris, an VII (1799).
- Лафермьеръ—Русскій дворъ въ 1761 году ¹⁾, въ «Русской Старинѣ», 1878, т. XXIII, 187.

¹⁾ Несомнѣнно, что эта краткая записка составлена не Лафермьеромъ, хотя несомнѣнно французомъ. Авторъ относится довольно снисходительно къ слабостямъ и порокамъ великаго князя, строгъ къ императрицѣ и вовсе умалчиваетъ о великой княгинѣ. Издатель утверждаетъ, что записка составлена въ маѣ 1761 года (188), но неосновательно: въ запискѣ говорится между прочимъ, что ихъ высочества «вмѣстѣ съ дѣтми живутъ подъ одной кровлей съ ея величествомъ» (197), съ дѣтьми, т. е. съ Павломъ Петровичемъ и Анной Петровной, а великая княжна умерла 7-го марта 1759 года. Записка составлена на французскомъ языкѣ, а изданъ только переводъ, безъ оригинала, и съ пропусками, вызванными цензурными условіями. Лекаръ «Фуасовъ», очевидно, Фуассонъ, Poissonier, уѣхавшій изъ Петербурга

- Лефорть**—Исторія царствования Екатерины II. Москва, 1837.
- Lynar**—Hinterlassene Staatsschriften und andere Aufsätze. 2 Bde. Hamburg, 1793.
- Marche**—de la, Schwan, Anecdotes russes ou lettres d'un officier allemand ¹⁾. Londres, 1769.
- Манштейнъ**—Записки о Россіи, въ Приложеніи къ «Русской Старинѣ» за 1875 годъ.
- Мартенсъ**—Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. 9 т. Спб.
- Масловскій**—Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Походъ Апраксина въ Восточную Пруссію. Москва, 1886.
- Masson**—Mémoires secrets sur la Russie. 2 vls. Londres, 1802.
- Mémoires**—Mémoires de l'impératrice Catherine II ²⁾. Londres. 1859.

только осенью 1760 года и до самого отъѣзда пользовавшій Елизавету Петровну. По поводу занятій великаго князя «обученіемъ воспитанниковъ вѣрненнаго его попеченіямъ кадетскаго корпуса» (194), французскій посланникъ Лопиталь, въ депешѣ отъ 28-го февраля 1759 года, сообщалъ: «Son Altesse Impériale vient d'être nommé chef de l'École des cadets à la place du prince Isouroff, qui se retire. Ce sera un amusement et une occupation pour ce prince qui est dans son goût; mais il fera de mauvais élèves ou je suis trompé» (*Париж. Архивъ, Russie, vol. 59, pièce 27*). Посланникъ, какъ извѣстно, оказался правъ (*Ibid., vol. 60, pièce 53*).

¹⁾ Чрезвычайно важный источникъ для исторіи Петра III—29 писемъ очевидца, отъ 2-го января по 19-е іюля 1762 года. Авторъ былъ принятъ при дворѣ Елизаветы Петровны (31, 32), часто видѣлъ Петръ III (260), и, какъ человѣкъ просвѣщенный (39), сообщаетъ не только о дѣлахъ императора, но и о настроеніи общественнаго мнѣнія въ Петербургѣ. Онъ сообщаетъ иногда извѣстія почти невѣроятныя, но вполне подтверждающіяся изъ другихъ источниковъ: напримѣръ, о свадебныхъ обрядахъ (202 и *Болотовъ-II, 1040, 380*), о поклоняхъ (264 и Дашкова, 41) и т. под. Примѣчанія издателя, напротивъ, нерѣдко грѣшатъ противъ истины; такъ, напр., извѣстіе о находкѣ слитковъ золота и серебра въ петропавловской крѣпости отнесено къ началу царствованія Петра III, между тѣмъ какъ слухъ объ этой находкѣ былъ сообщенъ въ депешѣ Лопитали отъ 23-го марта 1759 года: «On a trouvé ici dans la forteresse 25 millions de livres lingots or et argent consacrés à l'ornement des églises et qui était comme oubliés» (*Париж. Архивъ, Russie vol. 59, pièce 36*).

²⁾ Самый главный источникъ для біографіи Екатерины, обрывающійся, къ сожалѣнію, 1758 годомъ. Надежнымъ источникомъ для исторіи того времени «Записки» не могутъ быть и потому уже, что Екатерина составляла

Нащокинъ—Записки В. А. Нащокина. Спб. 1842.

Позье—Записки придворнаго брильянщика, въ «Русской Старинѣ» за 1870 годъ, I.

ихъ съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, для достиженія извѣстной цѣли, причѣмъ должна была руководствоваться исключительно свѣими чувствованіями и взглядами, своими симпатіями и антипатіями къ отдѣльнымъ личностямъ. Ея отзывы, оцѣнки, характеристики всегда окрашены пристрастно но факты, явленія, событія передавы по большей части вѣрно, за исключеніемъ хронологическихъ погрѣшностей, легко объясняемыхъ тѣмъ, что «Записки» составлялись лѣтъ 40 позже описываемаго времени (*Вилбасовъ*, Дидро въ Петербургѣ, 1884, стр. 273). Придавая иногда фактамъ извѣстное освѣщеніе, Екатерина записывала самые факты всегда довольно точно, и важнѣйшіе изъ нихъ вполнѣ подтверждаются документами и другими источниками. До послѣдняго времени только рассказъ о пребываніи въ Петербургѣ г-жи Латуръ-Ланнуа (*Mémoires*, 99) возбуждалъ нѣкоторое сомнѣніе: по словамъ Екатерины, г-жа Латуръ-Ланнуа состояла при цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ во время ея юности и при Петрѣ II уѣхала изъ Россіи вмѣстѣ съ Анной Петровной въ Голштинію; по смерти Анны Петровны, г-жа Ланнуа возвратилась во Францію и только въ 1747 году пріѣхала опять въ Россію. Въ печати, ни въ русской, ни въ иностранной, вовсе не упоминается о г-жѣ Латуръ-Ланнуа; но въ Парижскомъ Архивѣ мы нашли полное подтвержденіе этого рассказа Екатерины. Французскій резидентъ *Далюшъ*, въ депешѣ отъ 16-го декабря 1747 года, сообщаетъ: *Madame de Matville n'est connue ici que sous le nom de comtesse de Launoy. L'année 1717 son premier mari s'engagea au service de Pierre I en qualité d'espèce de chambellan. Il se donnait pour gentilhomme breton, il se disait capitaine de cavalerie et se faisait appeler le comte de Launoy. Его жена преподавала царевнамъ Аннѣ и Елизаветѣ французскій языкъ; царевны такъ полюбили учительницу что каждая считала ее своею; Петръ I рѣшилъ споръ, приказавъ г-жѣ Ланнуа преподавать три дня въ недѣлю одной царевнѣ и три дня—другой. Ея мужъ умеръ въ Петербургѣ въ 1725 году; вдова Ланнуа сопровождала Анну Петровну въ Киль, и по смерти голштинской герцогини возвратилась во Францію, гдѣ вышла замужъ (contracta une sorte de mariage secret) за Марвилля, un lieutenant-colonel, demeurant à Villejuif en été, et à Paris en hiver. Въ прошломъ году императрица Елизавета Петровна послала ей 10,000 франковъ, и она на эти деньги пріѣхала въ Петербургъ. Ее хорошо приняли, помѣстили во дворцѣ; она обѣдаетъ почти ежедневно съ императрицей. Ей подъ 60 лѣтъ. Un genie plus que borné, l'air d'une aventurière plutôt qu'une femme de condition (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 50, f. 150). Спустя десять лѣтъ, въ 1757 году, Елизавета Петровна заинтересовалась судьбой своей учительницы (*Ibid.*, vol. 53, f. 171), и аббатъ Верни, письмомъ отъ 8-го октября 1757 года, увѣдомилъ французскаго посланника Допитала, что г-жа Марвилля умерла бездѣтною (*Ibid.*, vol. 54, pièce 47).*

- Пенарсвій**—Исторія академіи наукъ въ Петербургѣ. 2 т. Спб., 1870.
 — — Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи. Спб., 1862.
- Pitzschky**—Die Sammlung russischer Denkmünzen, въ «Baltische Studien». Stettin, 1882, 338.
- Pol. Corr.**—Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen.
- Posner**—Histoire de mon temps de Frédéric II (Redaction von 1746). въ «Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven», Berlin, 1879.
- Ranft**—Die merkwürdige Lebensgeschichte des russischen Kaisers Peters III. Leipzig, 1773.
- Ranke**—Neun Bücher preussischer Geschichte. 3 Bde. Berlin, 1848.
- Ровинскій**—Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, 4 т. Спб., 1889.
- Rulhière**—Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. Paris, 1797.
 — — Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. 4 vls. Paris, 1807.
- Schlözer**—Karl von, Friedrich der Grosse und Katharina die Zweite. Berlin, 1859.
- Schneider**—La cour de Russie il y a cent ans, 1725—1783. Berlin, 1858.
- Сборникъ**—Сборникъ русскаго историческаго общества, 65 т. Спб.
- Siebigk**—Katharina der Zweiten Brautreise nach Russland 1744—1745 ¹⁾. Dessau. 1873.

¹⁾ Очеркъ составленъ по документамъ, хранящимся въ цербетскомъ архивѣ, преимущественно по письмамъ матери Екатерины. Изложеніе лишено всякой критики. Отецъ и мать Екатерины идеализованы до невозможности. Подъ перомъ панегириста Зибики, Христианъ-Августъ—ein hochgebildeter Mann, ein tapferer Soldat, ein guter Landesfürst, ein treuer Gatte, ein liebevoller Vater, ein frommer Christ und standhafter Bekenner der Satzungen der lutherischen Lehre (3), что не помѣшало ему находить большое сходство между православнымъ и лютеранскимъ ученіемъ: lutherisch-griechisch, griechisch-lutherisch, das geht an. Княгиня Іоганна-Елизавета—eine tugendhafte Princessin, eine treue Gattin, gute Mutter, brave Landesfürstin, fromme Christin; она получила gute Erziehung, была одарена отъ природы mit glänzenden Geistesgaben и обладала auffallende Beobachtungsgaben (4). Сообразно этому ведется весь рассказъ, незаслуживающій названія даже «eine historische Skizze»; но

- Соловьевъ**—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 т. Москва.
- Sugenheim**—Russlands Einfluss auf und Beziehungen zu Deutschland. 2 Bde ¹⁾. Francfurt, 1856.
- Сумароковъ**—Черты Екатерины Великой. Спб., 1819 ²⁾.
- Тереценко**—Опытъ обзорѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. 3 т. Спб.
- Тьебо**—Записка академика Тьебо, въ «Русской Старинѣ» за 1878 годъ, XXXIII.
- Устряловъ**—Исторія царствованія Петра Великаго. 5 т. Спб., 1858.
- Vandal**—Louis XV et Elisabeth de Russie. Paris, 1882.
- Voltaire**—Oeuvres complètes de M. de Voltaire. 100 vls. Lyon, 1792.

въ приложеніи (129—203) помѣщено нѣсколько интересныхъ документовъ и въ текстѣ встрѣчаются весьма важныя отрывки изъ писемъ матери Екатерины

¹⁾ Авторъ—ярый руссофобъ, замѣняющій слово Russland выраженіемъ Knutenstaat и выдающій въ Елизаветѣ Петровнѣ eine thierische aller Messalinien (I, 246). Онъ называетъ Фридриха II, прусскаго короля, Incognito-Vater Katharinens II (II, 45). Принцъ Де-Линъ рассказываетъ, что въ 1770 году Фридрихъ II сказалъ ему: «Je crois qu'il faut quelquefois croiser les races en empire. J'aime les enfant de l'amour: voyez le maréchal de Saxe, et mon Anhalt, c'est un homme rempli de talent» (Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne, Paris, 1809, p. 15). Изъ этого Зугенгеймъ выводитъ, что графъ Ангальтъ былъ побочный сынъ Фридриха II, и выводъ этотъ нуженъ ему вотъ для чего: Екатерина II ничего не сдѣлала для князя Фридриха-Августа дербстскаго, своего брата, даже не вызвала его къ себѣ въ Петербургъ; между тѣмъ какъ осыпала милостями графа Ангальта—*da wird man wol nicht länger bezweifeln dürfen, dass nicht jener Fürst von Zerbst, sondern dass dieser Graf von Anhalt der Bruder Katharinens, dass letztere die natürliche Tochter Friedrichs des Grossen gewesen, der seine Vorliebe für außereheliche Sprösslinge, deren er eine ganz hübsche Anzahl hatte, mit dem Hinweis auf seine Anhaltiner in begreiflicher Weise nicht motiviren konnte* (II, VII; I, 329). Выводъ, по меньшей мѣрѣ, легкомысленный.

²⁾ П. И. Бартеневъ, признавая эту книгу «довольно рѣдкой», хотя она продается у букинистовъ по одному рублю въ переплетѣ, перепечатавъ «главнѣйшія черты» въ «Русскомъ Архивѣ», 1870, стр. 2076. «По преданію мы знаемъ—говорить г. Бартеневъ—что авторъ замѣчательной книги этой записывалъ свои рассказы со словъ людей близкихъ къ Екатеринѣ II и въ особенности со словъ Марьи Савилены Перекусихиной». Это было бы очень важно, еслибъ было справедливо; къ сожалѣнію, изъ рассказовъ не видно вліянія близкихъ лицъ и ментѣ всего Перекусихиной.

Храповицкій—Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. Н. Барсукова: Спб., 1874.

Цедлеръ—Zedler, Universal-Lexikon aller Wissenschaften und Kunste. 64 Bde. Leipzig. 1731.

Чтенія—Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ, Москва.

Шаховской—Записки князя Я. П. Шаховского. Спб., 1872.

Штелинъ—Записки о Петрѣ III императорѣ всероссійскомъ, въ «Чтеніяхъ» за 1866 годъ, IV.

Щебальскій—Политическая система Петра III ¹⁾. Москва, 1870.

¹⁾ Въ приложеніи напечатаны дипломатическіе документы изъ берлинскаго государственнаго архива: семь рескриптовъ Фридриха II барону Гольцу, тринадцать донесеній барона Гольца и одно графа Шверина прусскому королю. Переписка обнимаетъ время царствованія Петра III, отъ 7-го февраля по 6-е іюля 1762. Къ сожалѣнію, большая часть бумагъ напечатана въ отрывкахъ.

АЗВУЧНЫЙ

указатель именъ.

- Августъ-Вильгельмъ**, герцогъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій. 16.
- Августъ-Фридрихъ**, принцъ Голштинскій, 1711—1785, дядя Петра III и Екатерины II. 10, 14, 16, 22, 30, 156, 157, 159, 160, 169, 171, 176, 222, 223, 279, 331.
- Августъ II**, король польскій, курфюрстъ саксонскій, 1670—1733. 165.
- Августъ III**, король польскій, курфюрстъ саксонскій, 1696—1763. 30, 73, 165, 324.
- Адернасъ**, Aderkas, вдова голштинскаго полковника, воспитательница Анны Леопольдовны. 522.
- Адодуровъ**, Василій Евдокимовичъ, 1709—1780, писатель. 88, 97, 115, 116, 142, 145, 343, 344, 349, 372.
- Адольфъ-Фридрихъ**, епископъ Любекскій, администраторъ Голштиніи, король Швеціи, 1710—1771, опекунъ Карла-Петра-Ульриха Голштинскаго. 9, 10, 14, 16, 82, 143, 156, 159, 160, 177, 443.
- Алексѣй Антоновичъ**, принцъ Брауншвейгскій, братъ императора Ивана III. 194.
- Алексѣй Петровичъ**, царевичъ, сынъ Петра I, 1690—1718. 39, 112, 117, 163, 529, 536.
- Альбертина-Фредерика**, принцесса Бадень-Дурлахская, герцогиня Голштинская, бабка Екатерины. 9, 47, 118.
- Альмодаваръ**, Don Dias de Ribera marquis d'Almodavar, испанскій резидентъ въ Петербургѣ. 413—415.
- Амвросій**, Юшкевичъ, архіепископъ новгородскій. 58, 119.
- Амело**, Amelot de la Houssaye, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ. 72, 90, 91, 95, 103—106, 113.
- Amio**, Amyot, Jacques, évêque d'Auxerre, grand aumônier de France, 1513 — 1593, пере-

- водчикъ Плутарха, Дюдора Сицилійскаго и др. 247, 248.
- Анна-Амаля**, принцесса прусская, аббатиса Кведлинбургская. 443, 444.
- Анна Ивановна**, императрица Россіи, 1693—1740. 14, 15, 24, 25, 79, 154, 182, 186, 201, 225, 266, 354, 379, 409, 414, 517, 518, 523—527, 529, 537, 553, 601, 612.
- Анна Леопольдовна**, принцесса мекленбургъ-пверинская, супруга принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго, правительница Россіи, 1718—1746. 24, 25, 27, 102, 163, 168, 189, 190, 191, 193—196, 225, 358, 379, 518, 522, 529, 530, 553, 557.
- Анна Петровна**, великая княжна, 1757—1759. дочь Екатерины. 331, 390, 612.
- Анна Петровна**, цесаревна, герпогиня Голштинская, 1708—1728, мать Петра III. 14, 15, 27, 28, 75, 81, 82, 152, 163, 530, 614.
- Анна**, принцесса Голштинская, вдовствующая принцесса саксенъ-готская, 1709—1768, тетка Петра III и Екатерины II. 10, 133.
- Анна**, принцесса Оранская, регента Голландіи, сестра Фридриха II 391.
- Андрей**, кард великаго князя Петра Ѳеодоровича, 87.
- Антонъ-Ульрихъ** принцъ брауншвейгъ - лонебургскій 1714—1774, отецъ русскаго императора Ивана III. 25—27, 180, 190, 194, 195.
- Апраксинъ**, Степанъ Ѳеодоровичъ, 1702—1758, генераль-фельдмаршалъ. 71, 314—317, 338—342, 346, 354, 355, 358, 359, 390, 457—459, 461, 483, 485, 487—492.
- Аргнеймъ**, Arnheim, Arnim, жена саксонскаго посланника. 242, 243.
- Арсеній**, Мапѣвичъ, митрополитъ ростовскій. 425.
- Арсеній**, Могилянскій, епископъ переяславскій. 100, 131.
- Арсеній**, Тодорскій, архимандритъ коломенскаго спасскаго монастыря. 113.
- Артуа, d'Artois**, графъ Филиппъ, 1757—1836, французскій король Карль X. 253.
- Ашерслебенъ**, фонъ, президентъ штетинской торговой палаты. 4, 5.
- Баль**, von Bahl, рижскій уроженецъ, прусскій шпионъ. 392.
- Бароній**, Baronius, Цезарь, 1538—1607, авторъ «Annales Ecclesiastici». 294, 295.
- Барръ**, le père Barre, 1697—1758, писатель. 251, 252, 256, 258, 300.
- Бассевичъ**, Bassewitz, Генрихъ-Фридрихъ, 1680—1749, голштинскій министръ, тайный совѣтникъ, 600.
- Бастіанъ**, Bastien, егеръ великаго князя Петра Ѳеодоровича. 87, 222.
- Батуринъ**, Гоасафъ, капитанъ ширванскаго полка. 302, 303.
- Бахштейнъ**, Bachstein, егеръ великаго князя Петра Ѳеодоровича. 241.
- Бель-Иль**, герцогъ, Charles-Louis-Auguste Fouquet, duc de Belle-

- Isle, 1693—1761, французскій маршалъ съ 1741 г. 566, 572.
- Бельке**, M-me Bielcke, рожд. Нготус, подруга матери Екатерины II. 379.
- Бентингъ**. Bentinck, Bettingen, графиня. 364, 365.
- Бенуа**, Benoit, прусскій посланникъ при польско-саксонскомъ дворѣ. 321.
- Бергеръ**, поручикъ лейбъ-кирасарскаго полка. 191.
- Берхгольцъ**, von Bergholz, голштинецъ, 1699—1766, авторъ «Дневника». 82, 85, 129, 130, 160, 161, 220.
- Бернарди**, Bernardi, итальянецъ, брильянщикъ. 343—345, 349, 372.
- Берни**, comte de Bernis, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ. 286, 287.
- Берни**, François-Joachim de Pierres de Bernis, 1715—1794, поэтъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ съ 1757 г., кардиналъ; Vabot la bouquetière. 276, 290, 322, 329, 338, 365, 368, 370, 377, 378, 535. 569, 572.
- Бестужевъ-Рюминъ**, графъ Алексѣй Петровичъ, 1693—1766, великій канцлеръ. 29, 30, 31, 59, 65, 66, 67, 68, 70, 72, 93—95, 104, 105, 126, 128, 144, 158, 159, 162, 176, 178, 180, 183, 192, 196, 198, 202, 203, 208, 210, 211, 220, 223, 226—228, 230, 268, 269, 279, 284, 293, 308, 314, 318, 321, 325—327, 330, 332—336, 338—346, 349, 354, 359, 361, 362, 367, 371, 390, 391, 397, 401, 402, 443, 444, 448, 456, 485, 508—510, 611.
- Бестужевъ - Рюминъ**, графъ Михаилъ Петровичъ, 1688—1760, гофмаршалъ, русскій посланникъ въ Парижѣ. 321, 377, 379, 382, 512, 514—516, 531, 536, 542, 545, 562.
- Бестужевъ-Рюминъ**, графъ Петръ Алексѣевичъ, камеръ-юнкеръ великокняжескаго двора. 127.
- Бехтѣвъ**, Федоръ Дмитриевичъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ. 363, 401, 606.
- Бецкой**, Иванъ Ивановичъ, 1704—1799, сынъ князя И. Ю. Трубецкаго. 3, 99, 129.
- Биронъ**, Büren, Эрнстъ-Юганнь, 1690—1772, герцогъ курляндскій, регентъ российской имперіи. 24, 25, 26, 68, 135, 186, 332, 409, 517, 518, 522—527, 530, 531, 537, 570, 571.
- Биронъ**, duc de Biron, Louis-Antoine, 1701—1788, французскій маршалъ. 379, 574, 575.
- Блудовъ**, графъ Дмитрій Николаевичъ, 1785—1864, председатель государственнаго совѣта. 3.
- Блюменъ**, дочь г-жи Брокдорфъ. 84.
- Бюергаве**, Voerhave, голландецъ, врачъ. 76, 77, 90, 138, 140, 505.
- Ботта**, Botta-Adorno, Antonietto. 1688—1774, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ. 191, 225, 307, 467, 470, 555.
- Бранель**, Baron von Brackel, датскій резидентъ въ Берлинѣ. 283.
- Браницкій**, графъ Янъ-Климентъ, 1688—1771, польскій генералъ. 389.

- Брантомъ**, Pierre de Bourdeilles, abbé de Brantôme, 1527—1614, писатель. 253, 254, 258, 261.
- Браунъ**, Юрий Юрьевичъ, 1704—1792, генераль-аншефъ, генераль-губернаторъ Лифляндіи. 50.
- Бредаль**, Bredal. Петръ Петровичъ, сынъ адмирала, шталмейстеръ великаго князя Петра Оеодоровича. 222.
- Брессанъ**, Bressant, камердинеръ великаго князя Петра Оеодоровича. 241.
- Бреталь**, Breteuil Le-Tonnelier, баронъ, 1733—1807, французскій посланникъ въ Петербургѣ. 292, 329, 335, 371, 384, 386, 388, 389, 398, 407—416, 418, 419, 421, 424, 434, 435.
- Брондорфъ**, Brocktorff, голштинской службы генераль, камергеръ великаго князя Петра Оеодоровича. 279, 281, 291—293, 356, 409.
- Брондорфъ**, вліятельная дама въ Кляѣ. 83, 84, 161, 162.
- Бронъ**, Brock, полковникъ, командиръ люнекаго полка. 565.
- Броль**, Charles-François, comte de Broglie, 1719—1781, французскій посланникъ въ Польшѣ, довѣренный министръ Людовика XV. 416, 435.
- Броль**, Victor-François duc de Broglie, 1718 — 1804, французскій маршалъ съ 1759 г. 513.
- Брюль**, Brühl, графъ Генрихъ, 1700—1763, съ 1748 г. первый саксонскій министръ Августа III. 124, 321, 324—327, 330, 350.
- Брюммеръ**, Brümmer, графъ Оттонъ, оберъ-гофмаршалъ герцога Голштин аго Петра Оеодоровича. 10, 16, 19; 29, 30, 32—34, 37, 38, 44, 49, 60, 61, 62, 67, 70, 73, 82, 83, 84, 87, 93, 94, 96, 99, 110, 123, 129, 130, 140, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 169, 170, 186, 220—222, 228, 230, 292, 446, 474, 475.
- Бурнерсроде**, Baron von Burkersrode, гофмаршалъ цербстскаго двора. 386, 387.
- Брэмбзень**, von Brömbzen, секретарь по голштинскимъ дѣламъ. 279, 333.
- Брюсъ**, графиня Прасковья Александровна, рожд. гр. Румянцева, 1727—1786. 3, 417, 435.
- Буковъ**, von Bukkow, Карлъ-Генрихъ, 1702—1764, австрійскій генераль. 461.
- Бутуринъ**, графъ Александръ Борисовичъ, 1674 - 1767, фельдмаршалъ. 24, 240, 241, 343, 345, 486, 487, 593.
- Бухвальдъ**, Buchwald, голштинскій камергеръ. 162.
- Бѣлосельскій**, князь Михаилъ Андреевичъ, вице-адмираль, 1702—1755. 67, 71.
- Бэль**, Baule, Pierre, 1647—1706, писатель. 246, 247, 258—261.
- Буловъ**, Bülow, саксонскій резидентъ въ Берлинѣ. 43.
- Бюрини**, Jean Lévesque de Burigny, 1692—1785, историкъ, авторъ «Histoire de la philosophie païenne». 512, 546, 552, 561, 585, 587.
- Вагнеръ**, Wagner, преподаватель нѣмецкаго языка. 7, 8, 9, 260.
- Вальполь**, Walpole, Horace, ан-

- гліійскій посолъ на суассонскомъ конгрессѣ. 601.
- Ванло**, Van Loo, Louis - Michel, 1707—1771, живописецъ. 561.
- Вашингтонъ**, George Washington, 1732 — 1799, первый президентъ Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. 311.
- Веймарнъ**, Иванъ Ивановичъ, 1722—1792, генераль - квартирмейстеръ. 317, 321.
- Веселовскій**, Исаакъ Павловичъ, 1688 — 1754, членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. 78.
- Веселовскій**, майоръ, курьеръ. 98, 111, 116.
- Вильбоа**, Александръ Никитичъ, генеральъ фельдцейхмейстеръ. 222, 223, 400.
- Винтерберггеръ**, аптекарь. 69.
- Вичъ**, Wich, англійскій резидентъ въ Петербургѣ. 57, 76, 108.
- Владиславова**, Прасковья Никитична. 223, 273, 274, 333, 351.
- Воейковъ**, Ѳеодоръ Матвѣевичъ, 1703 — 1778, командиръ лифляндскаго полка. 48.
- Вожжинскій**, Андреянъ, конюхъ. 24.
- Волковъ**, Дмитрій Васильевичъ, 1718—1785, секретарь тайный. 349, 482.
- Волинскій**, Артемій Петровичъ, 1689—1740, кабинетъ-министръ. 68, 103, 570.
- Вольтеръ**, Voltaire, 1694 — 1778, писатель. 251, 253, 260, 261, 294, 295, 298—301, 379, 453, 539, 579, 616.
- Вольфъ**, Христіанъ, математикъ, профессоръ въ Галле. 114.
- Вольфъ**, Wolff, купецъ, банкиръ, англійскій консулъ въ Петербургѣ. 67, 71, 322, 478.
- Воронцова**, графиня Анна Карловна, 1722—1775, статсъ-дама. 64, 66, 318, 434.
- Воронцова**, графиня Елизавета Романовна, фрейлина, любимица великаго князя Петра Ѳеодоровича. 347, 404, 420, 428, 431.
- Воронцова**, графиня Марья Романовна, фрейлина императрицы. 404.
- Воронцовъ**, графъ Михаилъ Ларионовичъ, 1714—1767, великій канцлеръ. 55, 66, 67, 69, 70, 71, 73, 130, 176, 177, 196, 198, 211, 220, 226, 279, 289, 326, 327, 332, 338, 356, 357, 361, 366, 380, 381, 384, 390, 391, 393, 397, 401, 405, 407, 410, 414, 415, 417, 418, 428, 456, 467, 473, 475, 481, 606, 607.
- Гагарины**, княжны, фрейлины великой княгини Екатерины Алексѣевны. 127, 146.
- Гайя**, скрипачъ. 81.
- Гевенгюллеръ**, Nevenhüller, секретарь австрійскаго посольства при версальскомъ дворѣ. 532.
- Гедвига** - Софія - Августа, абатисса Герфордская (zu Hervörden), тетка Екатерины. 47.
- Гедвига** - Фредерика, принцесса виртембергская, вдова цербстскаго князя Югана - Августа. 181.
- Гейнекцій**, Heinescius, профессоръ въ Галле, знаменитый юристъ. 38, 39, 114.
- Гелленъ**, von Hellen, прусскій повѣренный въ дѣлахъ въ Гаагѣ. 392, 455.

- Гендриновъ, графъ Андрей Симоновичъ. 1710—1748, камергеръ великовняжескаго двора. 127.
- Гендриновъ, графъ Иванъ Симоновичъ. 1712—1784, 230, 385.
- Гендриновъ, гр., Сомонъ Леонтьевичъ, 1672—1728. 210.
- Генрихъ-Фридрихъ, принцъ прусскій, 1726—1802, братъ Фридриха II. 370, 566, 590.
- Генрихъ III, duc d'Anjou, французскій король, 1551—1589. 254.
- Генрихъ IV, Henri le Grand, французскій король, 1553 — 1610. 252, 253.
- Георгъ-Людвигъ, принцъ Голштинскій, 1719—1763, русскій генералъ-фельдмаршалъ, дядя Петра III и Екатерины II. 14, 331, 393, 427.
- Георгъ I, принцъ ганноверскій, англійскій король, 1660—1727. 69, 536.
- Гереншурнъ, Herenschurn, врачъ. 382.
- Герсдорфъ, баронъ, саксонскій посланникъ въ Петербургъ. 57, 94, 110, 160, 467. 470, 477.
- Гиндфордъ, Hundford, лордъ, англійскій посланникъ въ Петербургъ. 55, 160, 163, 164, 166, 169, 170, 176, 177, 178, 188, 189, 220—222, 226, 227, 229, 230, 233, 275, 279, 376.
- Гогенгольцъ, Hohenholz, баронъ, императорскій посланникъ въ Петербургъ. 109, 170, 192, 213, 465, 466.
- Голицынъ, князь. Александръ Михайловичъ, 1718—1783, камеръ-юнкеръ великокняжескаго двора. 127, 130, 222, 276.
- Голицынъ, князь Дмитрій Михайловичъ, русскій посланникъ въ Парижъ. 382—384, 456, 564.
- Голицынъ, князь Михаилъ Михайловичъ, 1685—1764, генералъ-адмиралъ. 491.
- Голицынъ, князь Николай Ѳедоровичъ, 1728—1780. 247.
- Головина, графиня, Варвара Николаевна, рожд. княжна Голицына. 246, 247.
- Головкинъ, графъ Александръ Гавриловичъ, русскій посланникъ въ Берлинъ, Гаагъ. 152, 391, 517, 555, 570, 600.
- Головкинъ, графъ Михаилъ Гавриловичъ, 1699—1755, камергеръ. 153.
- Гольдбахъ, Goldbach, чиновникъ коллегіи иностранцевъ дѣлъ. 105, 106.
- Гольдернесъ, Holderness, графъ Робертъ, англійскій государственнй секретарь по дѣламъ Сѣвера. 456, 457.
- Гольцъ, Baron von Goltz, прусскій посланникъ въ Петербургъ. 399, 403, 411, 425, 426, 430—432.
- Гольштейнъ, Graf von Holstein, датскій посланникъ въ Петербургъ. 283.
- Гомбервилль, Gomberville, 1600—1647, писатель. 249.
- Горнъ, Graf von Horn, шведскій полковникъ. 392.
- Гриммъ, Grimm, баронъ Фридрихъ-Мельхиоръ. 1723—1807, писатель. 4, 379, 447.
- Гроссъ, Gross, Ѳедоръ Ивановичъ, 1729—1796, русскій резидентъ при саксонскомъ дворѣ. 461.
- Гроссъ, Андрей Леонтьевичъ, 1714—1765, русскій посланникъ въ Парижъ, Гаагъ, Лондонъ. 606.

- Груменау**, Grumenaу, полицеймейстеръ Берлина. 393.
- Грюнштейнъ**, Grünstein, лейб-кампанецъ. 67, 169.
- удовичъ**, Андрей Васильевичъ, 1731 — 1808, генералъ-адъютантъ Петра III. 431.
- Грѣвъ**, капитанъ л.-гв. измайловскаго полка. 194, 195.
- Гюи-Диккенсъ**, Guy-Dickens, англійскій посланникъ въ Петербургъ. 453.
- Гюленборгъ**, Gyllenberg, графъ, членъ палаты шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ. 10, 143, 144, 145, 246, 296.
- Гюонъ**, Guyon, придворный хирургъ. 77, 243.
- Давреннуръ**, Davraincourt, французскій посланникъ въ Стокгольмъ. 401.
- Дальонъ**, D'Alion, французскій резидентъ при русскомъ дворѣ. 72, 82, 160, 171, 176, 196, 199, 211, 213, 220—222, 227—229, 241, 279, 283, 302, 376, 614.
- Даржансонъ**, René-Louis, marquis D'Argenson, 1694—1757, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ до 1747 г., d'Argenson la Bête. 160, 171, 176.
- Даунъ**, Leopold-Joseph-Marie, Graf von Daun, 1705—1766, австрійскій фельдмаршалъ съ 1757 г., protector patriae. 532, 538, 564, 566, 581, 588, 592.
- Дашнова**, княгиня Екатерина Романовна, 1743—1810, рожд. гр. Воронцова. 404, 405, 437.
- Дашновъ**, князь Михайлъ Ивановичъ, 1736—1764, камеръ-юнкеръ. 405.
- Девицъ**, Dewitz, юстицъ-совѣтникъ, домовладѣлецъ въ Штетинѣ. 5.
- Девьеръ**, графъ Петръ Антоновичъ, генералъ. 217, 222.
- Де-Линь**, de Ligne, принцъ Карлъ, 1735—1815, фельдмаршалъ, писатель. 253, 379.
- Демарэ**, Demarets de Saint-Sorlin, 1596—1676, писатель. 249, 250.
- Дершартъ**, фонъ, Адриана, повивальная бабка. 272.
- Дидро**, Diderot, 1712—1784, писатель. 379, 588.
- Дове**, Dove, пасторъ, лютеранскій законоучитель. 7, 10.
- Долгоруковъ**, князь Владиміръ Васильевичъ, рижскій вице-губернаторъ. 50, 175, 479.
- Долгоруковъ**, князь Иванъ Алексѣевичъ, 1708—1739, оберъ-камергеръ. 24.
- Долгоруковъ**, князь Михайлъ Михайловичъ, братъ княгини Юрьевской. 387.
- Домъ**, Dohm, Иоганнъ-Лудольфъ, петербургскій купецъ, банкиръ. 18, 51.
- Дубянский**, Федоръ Яковлевичъ, духовникъ Елизаветы Петровны. 131, 351.
- Дугласъ**, Douglas Mackenzie, французскій представитель въ Петербургѣ. 289, 291, 325, 363, 457.
- Дунеръ**, von Duker, Dunker, ливонецъ въ голштинской службѣ, камергеръ малаго двора. 222, 279.
- Дуропъ**, аптекаръ. 69.
- Дурфэ**, D'Urfé, 1567—1625, писатель. 247, 248.
- Дюранъ**, Durand, французскій по-

- сланникъ при польско-саксонскомъ дворѣ. 321.
- Евгеній**, принцъ, Eugène de Savoie-Carignan, 1663—1736, генералиссимусъ императорской арміи. 257, 535.
- Евреиновъ**, Тимофей, камердинеръ великой княгини. 215, 223—225, 229.
- Екатерина Антоновна**, принцесса Брауншвейгская, сестра императора Ивана III. 190.
- Екатерина Ивановна**, герцогиня Мекленбургская, мать Анны Лепольдовны. 195.
- Екатерина I Алексѣевна**, 1683—1727, императрица Россіи. 23, 27, 66, 69, 119, 152, 225, 280, 525, 529, 530, 538, 600.
- Елагинъ**, Иванъ Перфильевичъ, 1725—1794, писатель. 344, 356, 359.
- Елизавета Антоновна**, принцесса Брауншвейгская, сестра императора Ивана III. 193.
- Елизавета Пётровна**, императрица Россіи, 1709—1761. 2, 13, 14, 15, 16, 22, 23—29; 31—33, 37, 40, 43, 46, 47, 49, 52, 55, 58, 63, 64, 65, 73, 79, 81, 89, 91, 94, 97, 100—103, 108, 112, 119, 120, 134, 140—142, 146, 154—157, 163, 164, 157, 172, 173, 177, 179, 182, 186—191, 194—196, 198—202, 211, 218, 224, 225, 238, 242, 263, 265, 268, 276, 279, 280, 284, 289, 306, 307, 330, 332, 334—337, 339, 341—343, 348, 349, 351, 354, 356, 358, 361, 377—380, 383, 396, 397, 400, 406, 409, 418, 419, 423, 436, 443, 454, 474, 476, 498—502, 504—506, 509, 520, 522, 526—529, 553, 554, 557—559, 571, 577, 580, 592, 598, 603, 607—609, 613.
- Елизавета-Софія-Марія**, герцогиня Брауншвейгъ - Вольфенбюттельская. 10.
- Жюфренъ**, Jeoffrin, Марія-Терезія, 1699—1777. 379, 577, 586, 590.
- Зенкендорфъ**, Graf von Seckendorf, австрійскій посланникъ въ Берлинъ. 43, 283.
- Зиновьевъ**, Степанъ Степановичъ, 1740—1794, поручикъ. 394.
- Зубаревъ**, Иванъ, посадскій чело-вѣкъ. 197.
- Иванъ Алексѣевичъ**, 1666—1696, царь и великій князь московскій. 26
- Иванъ III Антоновичъ**, 1740—1764, императоръ. 25, 26, 28, 168, 180, 182, 188—194, 196, 275, 522, 524, 529—531, 553, 558.
- Ивашкинъ**, Алексѣй, гвардеецъ. 191.
- Измайлова**, Анастасія Михайловна, 1703—1761, статсъ-дама. 199.
- Юганна-Елизавета**, принцесса голштинская, княгиня Ангальтъ-Цербстская, 1712—1760, мать Екатерины II. 2, 3, 6, 7, 9, 10, 11, 14—22, 31, 33, 34, 36, 37, 38, 41, 44, 47, 48, 49, 50, 53, 55, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 72, 74, 75, 89, 90, 92, 96, 99, 101, 102, 109, 111, 113, 114, 115, 123, 125, 126, 128, 130, 135, 139, 141, 145, 148, 149, 150, 156, 157, 162, 168, 169, 170, 174, 175, 176, 177, 179, 181, 183—186, 188, 203, 206—208, 226, 334, 352, 362—368, 370, 371, 374, 376—378,

- 380, 387, 451, 465—469, 495, 498—500, 510, 511, 615.
- Иоганнъ - Августъ**, владѣтельный князь Ангальтъ - Цербстскій, 1677—1742, крестный отецъ Екатерины II. 5.
- Иоганнъ - Людвигъ**, владѣтельный князь Ангальтъ - Цербстскій, 1688—1746, дядя Екатерины II. 11, 37, 116, 374, 375.
- Йоркъ**, Charles York, англійскій посланникъ въ Гаагѣ. 392, 455.
- Кайнъ**, Khaun, статсъ-дама Иоганны-Елизаветы. 38, 50, 52, 130, 131, 175.
- Кампредонъ**, David-Jacques, Campredon, французскій резидентъ въ Петербургѣ. 23.
- Кардель**, Cardel, гувернантка принцессы Софіи пербстской. 7, 8, 9, 12, 250, 260, 299.
- Карль-Августъ**, принцъ Голштинскій, 1706—1727, женихъ цесаревны Елизаветы Петровны, дядя Екатерины. 2, 13, 14, 24.
- Карль-Леопольдъ**, герцогъ Мекленбургскій, супругъ Екатерины Ивановны. 522.
- Карль-Фридрихъ**, герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, 1700—1739, супругъ Анны Петровны, отецъ Петра III. 9, 81, 82, 150—155, 281, 598, 599.
- Карль V**, Charles-Quint, 1500—1558, императоръ нѣмецкій, Карль I король испанскій. 255.
- Карль VI**, императоръ нѣмецкій, 1685—1740, отецъ Маріи-Терезіи. 523, 525, 600.
- Карль XII**, 1682—1718, шведскій король. 150, 319, 536.
- Наролина - Вильгельмина - Софія**, привясса гессенъ-кассельская, супруга принца Фридриха пербстскаго, брата Екатерины. 377, 380, 584.
- Кастелланъ**, Louis-Boniface, comte de Castellane, французскій посланникъ въ Вѣнѣ. 103.
- Катцау**, Katzau, подполковникъ голштинской службы. 279.
- Кашинъ**, Петръ Гавриловичъ, 1696—1764, флота капитанъ. 172.
- Кейтъ**, Keith, англійскій посланникъ въ Петербургѣ. 351, 352, 391—393, 410, 411, 419, 435.
- Кеттлеръ**, Kettler, Готгардъ, гросмейстеръ Тевтонскаго ордена. 182.
- Клермонъ-Тоннеръ**, Gaspar, marquis de Clermont - Tonnerre, 1688—1781, французскій маршалъ. 561.
- Клеронъ**, Claire-Hippolyte-Josèphe Legris de Latude, по театру Mlle Clairon, 1723—1802, знаменитая драматическая актриса парижской Comédie Française. 541, 561, 587, 590.
- Книпгаузенъ**, von Kniphausen, прусскій посланникъ въ Парижѣ. 311.
- Колышкинъ**, сержантъ. 345.
- Кондоиди**, Павелъ Захаровичъ, 1709—1760, грекъ, лейбъ-медикъ Елизаветы Петровны. 338, 409.
- Контадесъ**, Louis-Georges-Erasme, marquis de Contades, 1704—1793, французскій маршалъ съ 1758 г. 513, 527, 562, 566, 572, 574, 588, 590.
- Корнель**, Corneille, 1606—1684, драматургъ. 250.
- Норфъ**, баронесса Екатерина Кар-

- ловна, рожд. гр. Скавронская, фрейлина. 214.
- Корфъ**, баронъ Иоганъ-Альбрехтъ, 1697—1766, русскій посланникъ въ Копенгагенѣ. 83, 155, 161, 162, 427.
- Корфъ**, баронъ Николай Андреевичъ, 1710—1766, камергеръ. 193, 194
- Корфъ**, Korff, совѣтникъ городского правленія въ Кенигсбергѣ. 393.
- Корфъ**, майоръ. 192.
- Кохелева**, фрейлина великой княгини Екатерины Алексѣевны. 127, 146, 218, 263.
- Крузе**, камеръ-фрау великой княгини Екатерины Алексѣевны. 223.
- Курякина**, графиня Елена Степановна, рожд. Апраксина. 395, 396.
- Лави**, La-Vie, французскій резидентъ. 23.
- Лакальпренедъ**, De la Calprenède, 1610—1663, писательница. 247, 249, 251.
- Ламбергъ**, Lambert, капитанъ англійскаго флота. 392.
- Ланге**, профессоръ въ Галле, пиэтистъ. 114
- Ласси**, графъ, Joseph-Francois-Maurice, comte de Lascy, 1725—1801, генераль-фельдмаршалъ австрійскихъ войскъ. 50, 522, 570.
- Латорфъ**, Lattorf, полковникъ, смотритель дербстскаго замка, камергеръ. 38, 52, 175, 372.
- Лаудонъ**, Laudon, Gedeon Ernest, баронъ, 1716—1790, генерал-лиссимусъ австрійскихъ войскъ. 566.
- Лафайетъ**, M-me de La Fayette, 1632—1693, писательница. 249.
- Левальдъ**, Lehwald прусскій фельд-маршалъ. 339, 459.
- Левенбахъ**, von Loevenbach, совѣтникъ голштинскаго правленія въ Петербургѣ. 279.
- Левенгауптъ**, Loewenhaupt, графъ Адамъ, 1659—1719, шведскій военачальникъ. 522, 557.
- Ленэнь**, Lescain, Jean-Joseph, 1723—1784, актеръ Comédie Française. 561.
- Леманъ**, Lehmann, докторъ, домовладѣлецъ въ Штетинѣ. 5.
- Лембке**, Lembke, химикъ въ Копенгагенѣ. 69
- Ле-Муанъ**, Le Moyne, 1602—1671, писатель. 249.
- Лестокъ**, Lestocq, графъ Жанъ-Германъ, 1692—1767, лейб-хирургъ. 29, 30, 60, 62, 62, 64, 66, 67, 70, 73, 89, 93, 94, 96, 99, 101, 124, 134, 169, 186, 192, 208, 225, 228—230, 246, 332, 474, 498, 518, 520, 521, 556.
- Лефортъ**, Lefort, баронъ Петръ Петровичъ, оберъ-церемоній-мейстеръ. 413.
- Лешкованъ**, Leschkovann, президентъ Восточной Пруссии. 48.
- Ливень**, баронъ Юрій Григорьевичъ, 1696—1763, генераль-аншефъ. 489.
- Лизингъ**, M-lle Lising, фрейлина княгини Ольденбургской. 380.
- Линарь**, Lunar, графъ, датскій посланникъ въ Петербургѣ. 283, 284, 286, 288, 377, 602, 603, 607.
- Линарь**, Lunar, графъ, саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ,

- фаворитъ Анны Леопольдовны. 201, 226, 523, 524, 553—555, 557, 559.
- Линзингенъ**, Baron von Linsingen, камеръ-юнкеръ княгини Ольденбургской. 380, 515, 533, 543, 550, 551.
- Лирія**, Liria, герцогъ, испанскій посланникъ въ Петербургъ. 23.
- Лекувреръ**, Adrienne Lecouvreur, 1690—1730, знаменитая актриса Comédie Française. 257.
- Лицевская**, Liscewska, Anna-Rosine, 1716—1783, живописецъ, портретистка. 11.
- Ловендаль**, Lowendhal, Loewenthal, парижская знакомая графини Ольденбургской. 513, 519, 539, 544, 545.
- Лодэ**, учитель танцевъ. 81, 98.
- Ломоносовъ**, Михайлъ Васильевичъ, 1711—1765, академикъ, писатель. 193
- Лонгъ**, Longus, греческій софистъ V вѣка. 247, 218.
- Лонуа**, Lamoignon, по второму мужу Марвиль, гувернантка царевнъ Анны Петровны и Елизаветы Петровны. 614.
- Лопиталь**, L'Hospital, 1503—1573, великій канцлеръ. 254.
- Лопиталь**, marquis de L'Hôpital, французскій посланникъ въ Петербургъ. 276, 290—293, 301, 302, 304, 317, 318, 320, 322, 325, 327—329, 331, 332, 334, 335, 337, 340—343, 350, 357, 358, 363—368, 370—373, 377, 378, 383, 389, 392, 393, 399, 401, 406, 416, 611, 613, 614.
- Лопухина**, дочь Натальи Федоровны, фрейлина. 98, 214.
- Лопухинъ**, Владиміръ Ивановичъ, 1703—1797, подполковникъ. 191.
- Лоранъ**, Laurent, учитель чистописанія. 7, 8.
- Лудвигъ-Эрнстъ**, принцъ Брауншвейгскій. 182:
- Луиза** - Ульрика, принцесса прусская, королева пвдская, сестра Фридриха II, см. Ульрика.
- Луна**, іеросхимонахъ. 425.
- Людвигъ** - Іоганнъ - Вильгельмъ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій. 1705—1745, генералъ-фельдмаршалъ русской службы. 62, 66, 67, 70, 73, 80, 129, 182.
- Людвигъ XI**, 1423—1498, французскій король. 254.
- Людвигъ XIV**, le Grand, 1638—1715, французскій король. 165, 252, 568.
- Людвигъ XV**, 1710—1774, французскій король. 23, 236, 331, 338, 361, 380, 383, 411, 421, 568, 574, 577, 611, 616.
- Лютеръ**, Luther, Martin, 1483—1546, реформаторъ. 8, 112, 113.
- Лялинъ**, пажъ при дворѣ Елизаветы Петровны. 24.
- Мальцанъ**, Maltzan, баронъ, датскій посланникъ въ Петербургъ. 283, 321.
- Мануэль**, донъ, инфантъ португальскій 24.
- Марвиль**, Marville, см. Лонуа.
- Мардефельдъ**, баронъ Аксель, прусскій посланникъ въ Петербургъ. 29, 30, 31, 37, 54, 56, 57, 58, 59, 67, 67, 70, 71, 73, 93, 95, 99, 106, 108, 109, 139, 169, 177—179, 180, 181, 186, 225—229, 246, 442—445, 448, 451, 452, 522.
- Мардефельдъ**, баронъ Генрихъ,

- прусскій посланникъ въ Петербургѣ. 15.
- Маріанна**, принцесса Бевернская. 10.
- Марія-Анна**, принцесса Саксонская. 30, 43, 57, 94.
- Марія-Елизавета**, абатисса Кведлинбургская. 1678—1755, тетка Иоганны-Елизаветы. 47, 118.
- Марія Медичи**, принцесса тосканская, 1573—1642, регентша Франціи. 252.
- Марія Стюартъ**, 1542—1587, супруга Франциска II, королева Шотландіи. 254.
- Марія-Терезія**, 1717—1780, императрица. 70, 191, 257, 289, 308, 361, 364, 366, 532, 579, 607.
- Марія Ѳеодоровна**, 1759—1828, супруга императора Павла I. 2.
- Матюшина**, рожд. кн. Гагарина. 127, 146, 264, 271, 272.
- Меллинъ**, графъ Августъ-Карлъ, генераль-маіоръ. 6.
- Меллинъ**, графъ Борисъ Петровичъ, генераль-поручикъ. 6.
- Меллинъ**, von Mellin zu Garz, графиня. 6.
- Менгденъ**, Mengden, статсъ-дама Елизаветы Петровны. 55, 228.
- Менгденъ**, Юлія, фрейлина правительницы Анны Леопольдовны. 190, 555.
- Меншиковъ**, князь Александръ Александровичъ, 1714—1764, генераль-аншефъ. 24, 489.
- Меншиковъ**, князь Александръ Даниловичъ, 1673—1729. 152.
- Мерси Аржанто**, comte de Mercy d'Argenteau, императорскій посланникъ въ Петербургѣ. 393, 404, 419, 421, 422, 427, 429, 430, 432.
- Метастазіо**, Metastasio, Pierre-Vonaventure **Trapassi**, 1698—1782, итальянскій поэтъ. 561.
- Миле**, Milet, французскій учитель. 82.
- Миллеръ**, маіоръ. 193.
- Минихъ** Münnich, баронъ, оберъ-гофмейстеръ. 131.
- Минихъ**, Münnich, баронъ Христіанъ-Вильгельмъ, 1688—1768, гофмаршалъ. 246.
- Минихъ**, Münnich, графъ Бургардъ Христофоръ, 1683—1767, фельдмаршалъ. 25, 26, 246, 517, 553, 555, 570.
- Минихъ**, Münnich, графъ Эрвель, 1707—1788. 246.
- Мирбахъ**, von Mirbach, курляндскій камергеръ. 392.
- Митчель**, Mitchell, англійскій посланникъ въ Берлинѣ. 308, 315, 457, 459, 460.
- Мишель**, Michel, прусскій резидентъ въ Лондонѣ. 308.
- Модель**, Иоганъ-Георгъ, 1711—1775, академикъ. 69.
- Моклеръ**, Mauclair, проповѣдникъ замковой церкви въ Штетинѣ. 8.
- Мольеръ**, Molière, 1622—1673, драматургъ. 250.
- Монморанси**, Anne de Montmorency, 1493—1567, конетабль и пэръ Франціи. 254.
- Монтескье**, Montesquieu, 1689—1755, писатель. 246, 247, 261, 294—298, 301.
- Морицъ**, принцъ дессаускій, генераль прусской службы. 565, 567.
- Морицъ** Саксонскій, 1696—1750, фельдмаршалъ. 257.

- Мусафія**, еврей, кильскій банкиръ. 1718 — 1788. 401—404, 410, 428.
- Нарышкина**, Анна Никитична, 1730—1820, рожд. Румянцева. 304, 305, 417, 504.
- Нарышкинъ**, Левъ Александровичъ, 1733—1799, камергеръ. 127, 266, 268, 269, 304, 305, 320, 331, 344.
- Нарышкинъ**, Семевъ Кириловичъ, 1710—1775, камергеръ. 49, 52, 60.
- Наталья Алексѣевна**, цесаревна, сестра императора Петра II. 530, 536.
- Нейгаузъ**, Baron von Neuhaus, баварскій министр - резидентъ въ Петербургѣ. 474.
- Нероновъ**, Василій Васильевичъ, 1698—1764, совѣтникъ кабинета. 175, 176, 479, 480.
- Олеарій**, Olearius, Адамъ, 1600—1671, ученый. 21.
- Олсуфьевъ**, Адамъ Васильевичъ, 1721—1784, чиновникъ коллегии иностранныхъ дѣлъ. 207, 225, 606.
- Орловъ**, Григорій Григорьевичъ, 1734—1783, капитанъ артиллеріи. 396—399, 428, 433.
- Остенъ**, Baron von Osten, датскій посланникъ въ Петербургѣ. 283, 392, 398, 410.
- Остерманъ**, графъ Андрей Ивановичъ, 1699—1747. 24, 26, 70, 152, 517, 557, 559, 560, 570.
- Павелъ I** Петровичъ, великій князь, 1754—1801, императоръ. 2, 235, 251, 273—277, 294, 304, 322, 333, 335, 397, 399, 400—402, 407, 408, 420, 433, 435, 509, 612.
- Панинъ**, Никита Ивановичъ, 1718 — 1788. 401—404, 410, 428.
- Пеллюи**, Pelluys, знакомый резидента Шампо. 512, 533, 564.
- Пераръ**, Régard, придворный проповѣдникъ, законоучитель процессы Софіи черботской. 7.
- Перенусихина**, Марья Савишна, довѣренная камеръ-фрау Екатерины II, 616.
- Перефиксъ**, Régéfixe, 1605—1670, писатель. 251, 252, 258, 261, 300.
- Петръ Антоновичъ**, принцъ Брауншвейгскій, братъ императора Ивана III. 194.
- Петръ - Карлъ - Узрихъ**, принцъ голштинскій, императоръ Россіи Петръ III Фёдоровичъ. 9, 13, 14, 15, 16, 27—32, 40, 49, 60, 75—87, 92, 101, 111, 116, 120, 121, 124, 129, 130, 131, 134, 137, 138, 139, 140, 145, 146, 147, 150, 153, 154, 155, 156, 159, 163, 164, 165, 167, 168, 175, 176, 195, 199—201, 213—215, 219, 237—240, 244, 246, 263, 270, 274, 279, 280, 284, 286, 287, 294, 302, 303, 308, 309, 315, 322, 323, 330, 333, 334, 342, 347, 352, 354, 355, 389—391, 393, 394, 398—404, 408—411, 416, 419—429, 437, 443, 446, 447, 466, 498—508, 520, 531, 596, 607, 610—613, 615, 617.
- Петръ I** Алексѣевичъ, 1672—1725, императоръ Россіи. 13, 15, 23, 25, 26, 29, 30, 56, 68, 72, 79, 94, 100, 102, 151—154, 172, 198, 201, 225, 232, 280, 281, 319, 393, 416, 517, 520,

- 525, 529, 530, 536, 537, 599, 600, 607, 614, 616.
- Петръ II Алексѣевичъ**, 1715—1730, императоръ Россіи. 2, 25, 27, 103, 190, 213, 225, 529, 530, 536.
- Петръ III Ѳеодоровичъ**, см. Петръ-Карлъ-Ульрихъ.
- Пехлинъ**, Pechlin, тайный совѣтникъ, министръ голштинскій при великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ. 279, 283—286, 288, 289, 603.
- Петцольдъ**, Petzold, саксонскій резидентъ въ Петербургѣ. 29, 30, 85, 114, 124, 477, 478
- Писаревъ**, Левъ, поручикъ л.-г. измайловскаго полка. 195
- Платонъ**, Малиновскій, архіепископъ сарскій. 131.
- Плутархъ**, Plutarchus, писатель 1-го вѣка. 246.
- Подевильсъ**, Podewils, фонъ, первый министръ Фридриха II. 35, 43, 59, 139, 179, 369, 444,
- Позье**, Posier, купецъ, придворный ювелиръ. 434,
- Полянскій**, Андрей Ивановичъ, адмиралъ. 206.
- Понятовскій**, графъ Сигизмундъ, польскій резидентъ въ Петербургѣ. 319, 320, 322—330, 333, 335—337, 344, 345, 347, 349, 350, 359, 389, 390, 395, 398, 412, 417, 510, 611.
- Потемкинъ**, князь Григорій Александровичъ, 1736—1791. 51.
- Прасковья Ѳеодоровна**, 1664—1723, рожд. Салтыкова, супруга царя Ивана Алексѣевича. 266.
- Прассе**, Prasse, саксонскій резидентъ въ Петербургѣ. 317, 318, 325—327, 350, 352, 357.
- Принценъ**, фонъ, баронесса, камеръ-фрейлина матери Екатерины. 12.
- Пуасонье**, Poissonier, французскій военный врачъ. 337, 338, 612.
- Пуговишниковъ**, Иванъ Осиповичъ, 1710—1780, чиновникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. 223, 345, 606.
- Пулавскій**, Иосифъ, 1705—1769, польскій патриотъ, маршалъ конфедератовъ. 6
- Пульи** Jean-Simon Lévesque de Pouilly 1734—1820 писатель. 379, 387.
- Пурпуръ**, Андрей Яковлевичъ, генералъ - поручикъ артиллеріи. 400.
- Пфеннингъ** Pfenning, голштинскій министръ при великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ 279, 283.
- Ранъ**, Raîne, Антуанъ, берлинскій придворный живописецъ. 11, 16, 31
- Равальякъ**, Ravallac, фанатикъ. 252.
- Разумовскій**, графъ Алексѣй Григорьевичъ, 1709—1771, фаворитъ Елизаветы Петровны. 24, 66, 67, 71, 131, 169, 171, 200, 344, 502.
- Разумовскій**, графъ Кириллъ Григорьевичъ, 1728—1803, послѣдній гетманъ Малоросіи. 219, 263, 264, 409, 417, 436.
- Расинъ**, Racine, 1639—1699, драматургъ. 250, 503.
- Рембергъ**, Reimberg, французскій негодянтъ въ Петербургѣ. 372.
- Репнинъ**, князь Василій Никитичъ, 1696—1748, 221, 222, 281.
- Репнинъ**, князь Петръ Ивановичъ. 263, 271, 415

- Рихардъ**, Richard, кильскій легашонсь-ратъ. 78.
- Родчерсонъ**, Rogerson, Джонъ. шотландецъ, лейбъ-медикъ Екатерины II. 69.
- Розенбергъ**, графъ, Philippe-Joseph, comte d'Ursin et de Rosemberg, венгерскій посланникъ въ Петербургъ. 129, 149, 477
- Ромеръ**, von Romer, маіоръ прусской службы. 392.
- Рулье**, Rouille, comte de Louy, 1689—1761, французскій министр иностранныхъ дѣлъ. 363, 364.
- Румбергъ**, шведскій драгунъ, камердинеръ великаго князя Петра Ѳедоровича. 147.
- Румянцева**, графиня Марья Андреевна, 1698—1788, статсъ-дама. 92, 98, 127, 129—131, 135, 141, 147.
- Румянцевъ**, графъ Александръ Ивановичъ, 1676—1745, генераль-аншефъ. 66, 73, 236.
- Рэллигъ**, Roellig, учитель музыки. 7, 8.
- Сакромозо**, Sakromoso, мальтійскій кавалеръ. 206.
- Салтыкова**, Марья Васильевна, рожд. княжна Голицына. 265, 569.
- Салтыкова**, Матрена Павловна, рожд. Балкъ. 266.
- Салтыковъ**, Петръ Васильевичъ. 265.
- Салтыковъ**, Сергій Васильевичъ, фаворитъ великой княгини Екатерины Алексѣевны, министр-резидентъ въ Гамбургѣ. 265—272, 274, 276, 277, 319, 323, 333, 362, 366, 367, 371, 389, 395, 417, 495, 500—510, 562, 611.
- Салтыковъ**, Василій Ѳедоровичъ, 1675—1755, генераль-аншефъ. 50, 190, 192, 265.
- Санти**, Santi, графъ Францъ Матвѣевичъ, 1683—1764, оберъ-церемоніймейстеръ. 475, 476.
- Санхесъ**, Sanchez, Antoine-Nunes-Ribeiro, 1699—1783, португалецъ, лейбъ-медикъ императрицы Анны Ивановны. 90.
- Свартъ**, Mynheer von Swart, голландскій посланникъ въ Петербургъ. 392, 455.
- Севинье**, M-me de Sévigné, 1627—1696, писательница. 249—251, 261, 379.
- Сентъ-Аманъ**, Saint-Amant, 1594—1660, писатель. 249.
- Сентъ-Симонъ**, marquis de Saint-Simon, братъ писателя, гофмаршалъ княгини Ольденбургской. 380, 383.
- Сентъ-Флорантэнъ**, Louis, duc de La Vrillière, comte de Saint-Florentin, 1705—1777, французскій министръ духовныхъ дѣлъ. 383.
- Сиверсъ**, графъ Карлъ Ефимовичъ, 1710—1774, камеръ-юнкеръ. 61.
- Сигизмундъ II Августъ**, 1520—1572, польскій король. 182.
- Симонъ**, Тодорскій, архимандритъ ипатѣвскаго монастыря. 78, 88, 92, 97, 113—116, 119, 120, 171, 218, 451—453.
- Синклеръ**, Sinclair, маіоръ шведской службы, убитъ въ 1739 г. 517.
- Сиворцовъ**, Василій Ермолаевичъ, 1711—1772, камергеръ. 175, 480.

- Скюдери**, Mlle de Scudery, 1607—1701, писательница. 247—249, 251, 263.
- Сонне**, De la Sonnet, Joseph-Hippolyte, 1718—1792, лейбъ-медикъ французской королевы. 382.
- Софія Алексѣевна**, 1658—1704, правительница, сестра Петра В. 538.
- Софія-Христина**, сестра пербстскаго князя Христіана-Августа, тетка Екатерины. 181.
- Станиславъ I**, Лещинскій, польскій король, 1682—1766. 257, 573.
- Строгановъ**, графъ Александръ Сергѣевичъ, 1738—1811, камеръ-юнкеръ. 432.
- Струве**, Struve голштинскій медикъ. 76.
- Субизъ**, Charles de Rohan, prince de Soubise, 1715—1787, французскій маршалъ съ 1758 г. 531, 573, 581.
- Сушѣ**, Souchet, придворный врачъ. 76, 138.
- Талызинъ**, Иванъ Лукьяновичъ, 1700—1777, адмиралъ. 67, 71.
- Татищевъ**, Алексѣй Даниловичъ, 1699—1760, генералъ-полицеймейстеръ. 198.
- Тацитъ**, Tacitus, римскій историкъ. 261, 294—296, 301.
- Терсье**, Tersier, секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ во Франціи. 363.
- Тилли**, Tilly, графъ Церкласъ, 1559—1632, полководецъ, герой Тридцатилѣтней войны. 257.
- Тиравли**, Tirawly, англійскій посланникъ въ Петербургѣ. 92, 107—109.
- Тиренъ**, родственникъ г-жи Брокдорфъ. 84.
- Титлей**, Titley, англійскій посланникъ при датскомъ дворѣ. 427.
- Тоирасъ**, Рапанъ, авторъ «Histoire d'Angleterre». 8.
- Трубецкой**, князь Александръ Никитичъ, камергеръ. 230.
- Трубецкой**, князь Никита Юрьевичъ, 1699—1767, генералъ-прокуроръ. 66, 67, 73, 343, 344, 490.
- Турчаниновъ**, камеръ-лакей. 191, 192, 197.
- Тьebo**, профессоръ берлинскаго университета, авторъ «Записокъ». 12.
- Уильямсъ**, Williams, сэръ Чарльзь-Гинбури, англійскій посланникъ въ Петербургѣ. 310, 312—317, 319, 322, 323, 325, 326—329, 362, 391, 410, 454—457, 459, 460, 462, 611.
- Ульрина-Луиза**, принцесса прусская, за шведскимъ королемъ Адольфомъ-Фридрихомъ, сестра Фридриха II. 143, 442, 443, 446.
- Ульфельдъ**, Graf von Uhlefeldt, венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ. 465, 477.
- Фавье**, Favier, французскій секретарь канцлера Воронцова. 417, 418.
- Фальненбергъ**, майоръ. 191.
- Фальконнетъ**, Falconnet, скульпторъ. 253.
- Ферберъ**, Fehrberg, Fiberg, русскій шпионъ. 227.
- Фердинандъ**, герцогъ Курляндскій, дядя Анны Ивановны. 182.
- Фердинандъ**, принцъ Брауншвейгскій, 1721—1792, прусскій ге-

- нераль, командующий вестфальскою армією. 527, 531, 538, 552, 590, 592.
- Ферзенъ**, Fersen, русскій генераль. 562.
- Ферморъ**, Fermor, Вилимъ Вилимовичъ, 1702—1771, генераль-аншефъ. 339—341, 483, 489, 492, 566, 567, 573, 574, 580, 592, 593.
- Ферстеръ**, Foerster, капитанъ голштинской службы. 279.
- Финкенштейнъ**, прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ. 229, 309, 334.
- Финчъ**, Finch, англійскій резидентъ въ Петербургѣ. 68, 76, 103.
- Фонеродъ**, Fockerodt, прусскій дипломатъ. 177, 179, 445.
- Фолипъ**, marquis de Folin, штаб-менстеръ княгини Ольденбургской. 380, 386.
- Францискъ I**, 1494—1547, французскій король. 254.
- Фридерина-Амалия**, принцесса датская, герцогиня Голштейнъ - Готторпская, 1702—1741, бабка Екатерины II. 9, 51.
- Фридрихъ-Августъ**, владѣтельный князь Ангальтъ - Цербтскій, 1734—1793, братъ Екатерины. 126, 181, 369, 370, 374, 376, 377, 380, 381, 383, 387, 549, 566, 573, 576, 595.
- Фридрихъ** - Вильгельмъ, герцогъ Курляндскій, супругъ Анны Ивановны. 182.
- Фридрихъ-Вильгельмъ I**, 1688—1760, король прусскій съ 1713 г. 517.
- Фридрихъ I**, герцогъ гессенъ-кассельскій, шведскій король. 151.
- Фридрихъ II**, король прусскій. 11, 15, 19 — 21, 31—33, 34, 35, 37, 39, 43, 44, 45, 48, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 70, 73, 93 — 95, 102, 103, 108, 139, 143, 177, 178, 179, 180, 181, 193, 226, 227, 257, 289, 307—315, 321, 326, 334, 337, 360, 362, 366, 368—370, 380, 391, 392, 399, 407, 425, 427, 430, 433, 441, 443—447, 449—451, 455, 456, 458, 460, 461, 562, 564, 567, 573, 595, 615—617.
- Фрэнъ**, marquis de Fraignes, французскій эмиссаръ въ Цербтѣ. 366—370, 377, 980, 384, 520, 539.
- Фунне**, von Funcke, саксонскій резидентъ въ Петербургѣ. 205, 321, 391, 460.
- Хоземанъ**, придворный пасторъ въ Килѣ. 78.
- Христіанъ - Августъ**, князь Ангальтъ-Цербтскій, 1690—1747, отецъ Екатерины II. 1, 2, 3, 4, 14, 15, 18, 34, 37, 38, 41, 43, 45, 46, 111, 114, 116, 118, 128, 136, 145, 166, 175, 180, 181, 183—186, 374—376, 449, 450, 615.
- Цвейдель**, Zweidel, лейтенантъ голштинской службы. 279.
- Цейсъ**, Zeiss, секретаръ по голштинскимъ дѣламъ. 279, 288, 289.
- Цицеронъ**, Сісего, римскій писатель, ораторъ. 246.
- Чарторижскій**, князь Адамъ. 394.
- Чернасовъ**, баронъ, Иванъ Антоновичъ, 1689—1752, кабинетъ-секретаръ Елизаветы Петровны. 66, 67, 176, 274, 479.
- Чернаскій**, князь Алексѣй Ми-

- хайловичъ, 1680—1742, канцлеръ. 332, 517, 570.
- Чернышевъ, Алексѣй Матвѣевичъ**, камеръ-лакей. 215, 221.
- Чернышевъ, Андрей Гавриловичъ**, камеръ-лакей. 215—217, 219, 221, 224, 225.
- Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ**, 1722—1784 камергеръ великокняжескаго двора. 127, 130, 264, 265, 389, 417.
- Чернышевъ, графъ Петръ Григорьевичъ**, русскій посланникъ въ Парижѣ. 415
- Чернышевъ, Петръ Матвѣевичъ**, камеръ-лакей. 215, 221.
- Чихачовъ**, курьеръ. 479.
- Чоглокова, Марья Симоновна**, рожд. гр. Гендрикова, статсъ-дама. 64, 210 — 212, 218, 219, 221, 231, 263, 268—271, 376.
- Чоглоковъ, Николай Наумовичъ**, 1718 — 1754, тайный совѣтникъ. 210, 212, 218, 219, 222, 263, 264, 266, 267, 281.
- Шампо, Lévesque de Champeaux**, французскій резидентъ въ Гамбургѣ. 213, 371 — 373, 379, 387, 498, 531, 562, 564, 576.
- Шапелзнь, Chapelain**, 1595—1674, французскій писатель. 249, 250.
- Шапизо, Шарлизеаух**, племянникъ Лестока. 229, 230.
- Шаргородская, Екатерина Ивановна**, камеръ-фрау великой княгини Екатерины Алексѣевны 351, 356.
- Шарлотта-Христина-Софія**, принцесса Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской, супруга царевича Алексѣя Петровича. 39, 112, 117.
- Шафирова, Марѳа Михайловна**, фрейлина. 214, 270.
- Шверинъ, Graf von Schwerin**, 1728—1802, прусскій чрезвычайный посолъ въ Петербургѣ. 394, 430, 617.
- Шенкъ, Schenk**, камеръ-фрау Екатерины. 38.
- Шепелева, Мавра Егоровна**. подруга Елизаветы Петровны. 14, 81.
- Шепелевъ, Дмитрій Андреевичъ**, 1681—1759, оберъ-гомпаршалъ. 131.
- Шетарди, marquis de la Chétardie**, французскій дипломатъ при дворѣ Елизаветы Петровны 29, 54, 57, 58, 59, 65, 67, 70, 72, 75, 90, 91, 93—97, 99, 102, 104—109, 113, 180, 186, 225, 226, 228, 236, 332, 363, 443, 445, 448, 468, 471, 474, 475, 498, 518, 520, 521, 525, 530, 556, 557, 560, 571, 592, 615, 616.
- Шеферъ, Schaeffer**, баронъ, шведскій посланникъ въ Парижѣ. 517, 519, 539, 543, 546, 568, 583.
- Шильдъ, von Schield**, подполковникъ гоштинской службы. 279.
- Шкуринъ, Василій Григорьевичъ**, камердинеръ великой княгини Екатерины Алексѣевны. 231, 345.
- Шмитманъ, Schmidtman, Smithman**, прусскій шпионъ. 227.
- Шонъ, Louis-Auguste d'Albert d'Ailly, duc de Chaulnes**, 1676—1744, французскій маршалъ. 511, 519.
- Шриверъ, Schriver**, курляндскій купецъ. 222.

- Шриверъ**, Schriver, секретарь русскаго посольства въ Берлинѣ. 15, 52, 183—185.
- Штамбе**, Stambke, министр по голштинскимъ дѣламъ при великомъ князѣ Петрѣ Федоровичѣ. 339, 342, 345, 354, 359, 372.
- Штаренбергъ**, Stahrenberg, графъ, сынъ генералъ-фельдцейхмейстера, австрійскій посланникъ въ Парижѣ. 513, 532, 548.
- Штейнбокъ**, Steinbock, Карлъ-Эрикъ, шведскій генералъ. 598.
- Штелинъ**, Яковъ Яковлевичъ, 1709—1785, академикъ. 31, 76, 78—80, 85—87, 113, 147, 160, 201, 391.
- Штеффенсъ**, Staeffens, майоръ голштинской службы. 279.
- Шуазель**, герцогъ, Etienne-François, duc de Choiseul, 1719—1785, французскій министр иностранныхъ дѣлъ съ 1758 г. 371, 384, 388, 409.
- Шубинъ**, Алексѣй Никифоровичъ, 1707—1766, солдатъ л.-гв. семеновскаго полка. 24.
- Шувалова**, графиня Екатерина Ивановна, рожд. Костюрина. 240, 273, 274.
- Шувалова**, Прасковья Ивановна, за княземъ Н. Ѡ. Голицынымъ. 247.
- Шуваловъ**, графъ Александръ Ивановичъ, 1710—1771, гофмейстеръ великокняжескаго двора. 271—274, 281, 282, 329, 330, 342—344, 347, 348, 352, 353, 355, 361.
- Шуваловъ**, графъ Петръ Ивановичъ, 1711—1762, генералъ-фельдцейхмейстеръ. 395, 400, 494.
- Шуваловъ**, Иванъ Ивановичъ, 1727—1797, фаворитъ Елизаветы Петровны. 24, 247, 264, 329, 330, 338, 353, 357, 361, 381, 385, 390, 391, 393, 397, 401, 403, 404, 409, 414, 415, 418, 502, 606.
- Шумахеръ**, Schumacher, датскій министръ - резидентъ въ Петербургѣ. 410.
- Эгильонъ**, герцогъ, Armand Vignerod-Duplessis-Richelieu, duc d'Aiguillon, 1720—1782, губернаторъ и командующій войсками въ Бретани. 565.
- Эстергази**, Graf von Esterhazy, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ. 290, 318, 327, 330, 332, 341, 350, 372, 391, 477.
- Юрьевская**, княгиня Екатерина Михайловна, рожд. кн. Долгорукова. 337.
- Феодосій**, Янковскій, намѣстникъ троицко-сергѣевской лавры, архіепископъ петербургскій и ревельскій. 173.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Предисловіе.

- I. Рожденіе и дѣтство. Ангальтъ-Цербстъ. 21-е апрѣля 1729 года. Воспитаніе и ученіе. Поѣздки въ Эйтинъ, Гамбургъ, Брауншвейгъ, Цербстъ, Берлинъ. Отзывъ баронессы фонъ-Принценъ. 1
- II. Отношенія къ Россіи. Разказы о подвигахъ Петра I. Любовь цесаревны Елизаветы къ Голштиніи. Воспареніе Елизаветы Петровны. Портретъ Анны Петровны. Подарокъ русской императрицы. Портретъ принцессы Софіи. Письма изъ Петербурга и Берлина. 13
- III. Выборъ Софіи въ невѣсты великому князю. Елизавета Петровна. Переворотъ 25-го ноября 1741 года. Вызовъ голштинскаго герцога. Невѣсты. Саксонскій проектъ. Цербтская принцесса 23
- IV. Отъѣздъ изъ Цербста. Письмо княгини къ Фридриху II. Торопливные сборы къ отъѣзду. Pro memoria so ich meiner Gemahlin mitgegeben 34
- V. Изъ Берлина въ Петербургъ. Пребываніе въ Берлинѣ. Разлука въ Шведтѣ. Птаргартъ и Кяслинъ. Письмо изъ Кенигсберга. Извѣщеніе бабушки. Пріѣздъ въ Мемель. Письмо Брюммера. Пріемъ въ Ригѣ 43
- VI. Изъ Петербурга въ Москву. Въ Петербургѣ. Переѣздъ двора въ Москву. Письмо къ графу Воронцову. Подробности 25-го ноября. Мардефельдъ и Шетарди. Переѣздъ въ Москву. Первая встрѣча 53

- VII. Русскій дворъ. Пожалованіе ордена св. Екатерины. Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Противникъ Пруссіи. Система Петра В. Планъ сверженія Бестужева 64
- VIII. Великій князь Петръ Федоровичъ, 10-е февраля 1728. Болѣзненность голштинскаго принца. Перемежающаяся лихорадка 1743 года. Воспитаніе въ Килѣ. Ученіе въ Россіи. Саксонецъ Штелинь. Воспитательное значеніе Брюммера. Хвастливая ложь 75
- IX. Болѣзнь принцессы Софіи. *C'est une affaire faite*. Нарывъ въ груди. Кровопусканія. Подарки. Положеніе дочери и матери. Надежды и ожиданія, связанныя съ болѣзью. Положеніе партій. Откровенность великаго князя. Сборы у княгини . 88
- X. Политическая интрига. Троицкій походъ. Интрига княгини. Взгляды на Россію. Желаніе свергнуть Бестужева. Маркизь Шетарди. Перлюст аціи французскихъ депешъ. Высылка Шетарди. Мать-шпіонъ 100
- XI. Помазаніе и обрученіе. Лютеранство и православіе. Архимандритъ Симонъ Годорекій. Приписка къ письму матери. Письмо отцу о вѣрѣ. Взгляды родственниковъ. 28-е іюня 1744 года. Обрученіе великой княжны Екатерины Алексѣевны 112
- XII. Потѣдна въ Кіевъ. Независимость отъ матери. Дворъ великой княжны-невѣсты. Пилигримство къ кіевскимъ пещерамъ. Пребываніе въ Козельцѣ. Ссора цербстской княгини съ великимъ княземъ. Въѣздъ въ Кіевъ. Глуховъ. Долги Екатерины 125
- XIII. Болѣзнь великаго князя. Записка Екатерины къ большому жениху. Воспаленіе подреберной плевы; вѣтреная оспа; натуральная оспа. Отѣздъ изъ Москвы. Остановка въ Хотинѣ. Переписка съ императрицей. Посѣщеніе графа Гюленборга. Свиданіе съ выздоровѣвшимъ женихомъ. Лакейскіе уроки. Поведеніе княгини-матери 137
- XIV. Голштинскій вопросъ. Захватъ Даніею Шлезвита. Бракъ голштинскаго герцога на цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ. Опекунство Адольфа-Фридриха. Голштинскій принцъ Августъ. Письмо цербстской княгини къ герцогинѣ саксенготской. Письмо принца Августа. Камергеръ Корфъ въ Килѣ. Финансы Голштиніи 150

- СТР.
- XV. Бракосочетаніе. Указъ 16-го марта 1745 года. Приготовленія въ сгадбѣ. Укрѣпленіе престолонаслѣдія. Удаленіе княгини-матери. Свадебная процессія. Чествованіе «дѣдушки русскаго флота» 163
- XVI. Отъѣздъ княгини въ Цербстъ. Подарки отъѣзжающимъ. Проводы до Краснаго Села. Польскіе уланы. Письмо императрицы объ отъѣзаніи Мардефельда. Интриги Фридриха II. Возвращеніе въ Цербстъ. Невызовъ отца. Герцогство Курляндское. Братская конференція. Графство Вартембергское 175
- XVII. Брауншвейгцы въ Россіи. Годовщина 25-го ноября. Ссылка брауншвейгской семьи. Память объ Иванѣ III. Лопухинское дѣло. Письмо Антону-Ульриху. Погребеніе брауншвейгской принцессы 188
- XVIII. Великокняжеская инструкция. Болѣзнь великаго князя. Кукольный театр. Инструкція для знатной дамы. Поведеніе великаго князя по официальнымъ указаніямъ. Тайная переписка. Запретительныя мѣры 198
- XIX. Супружескія отношенія молодыхъ. Второй пунктъ великокняжеской инструкции. Марья Симоновна Чоглокова. Камеръ-лакеи Чернышевы. Исповѣдь-допросъ великой княгини. Письмо великаго князя къ своей супругѣ 209
- XX. Смѣна близкихъ лицъ. Князь Василій Никитичъ Репнинъ. Пращовья Никитична Владиславова. Удаленіе Тимофея Евреинова. Отказаніе барона Мардефельда. Аресть Лестока 220
- XXI. Обстановка домашней жизни. Деревянные постройки. Оригинальная меблировка домовъ. Времяпровожденіе Екатерины. Охота въ Ораніенбаумѣ. Собаки великаго князя. Стрель въ спиртнымъ напиткамъ. Верховая ѣзда и танцы. Казнь крысы 232
- XXII. Самообразованіе. Чтеніе романовъ. *Lettres de M-me Sévigné*. Исторія Генриха Великаго. Безстыдные рассказы Врантома. Исторія Германіи о Барра. *Dictionnaire historique et critique*. Накопленіе умственнаго матерьяла 246
- XXIII. Атмосфера любви. Графъ Кирилль Разумовскій. Графъ Захаръ Чернышевъ. Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ. Вѣжливость Чоглоковой. Александръ Ивановичъ Шуваловъ. 20-е сентября 1754 года 262
- XXIV. Датско-голландская распря. Отношеніе Елизаветы Петровны къ Шлезвигу. Голландскій отрядъ въ Ораніенбаумѣ. Предложеніе Даніи. Проектъ графа Минара. Ольденбургъ и Дель-

- менгореть. Выбпательство великой княгини. Польгянскій генераль Брокдоуфъ 279
- XXV. Образование ума и характера. Чтеніе «Иѳтописей» Тацита. *Esprit des lois*, Монтескье. *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations*, Вольтера. Чтеніе великаго князя. Капитанъ ширванскаго полка Юзефъ Батуричъ 294
- XXVI. Отношенія къ Пруссіи. Фридрихъ II и великокняжеская чета. Петръ Федоровичъ и Екатерина Алексеевна. Вестминстерскій договоръ. Отношенія Уильяма къ Екатеринѣ. Письмо канцлеру Бестужеву. «Ограниченіе» прусскаго короля 307
- XXVII. Англійскія симпатіи. Графъ Станиславъ Понятовскій. Денежная ссуда англійскаго посланника. Объясненіе сильныхъ впечатлѣній. Острожское наслѣдство. Офіціальное положеніе Понятовскаго. Письмо Уильяму. 9-е сентября 1757 года 319
- XXVIII. Вопросъ о престолонаслѣдіи. Сближеніе съ Бестужевымъ. Проектъ о престолонаслѣдіи. Царскосельскій припадокъ. Апраксинъ и Ферморъ. Арестъ Вестужева 332
- XXIX. Допросъ великой княгини. Письмо императрицѣ. Просьба объ отъѣздѣ въ Германію. Первые политическія письма. Ночная побѣда 347
- XXX. Цербстская миссія маркиза де-Фрона. Семилѣтняя война. Вліяніе матери на дочь. Маркизь де-Фронъ въ Цербстѣ. Нападеніе на французскаго шпіона. Выдача де-Фрона. Отзывъ матери о дочери 360
- XXXI. Родственные связи. Отрицательный листъ. Смерть отца. Бѣгство матери въ Парижъ. Цербстскій князь Фридрихъ Августъ. Денежныя дѣла матери. Смерть графини Ольденбургской. Сожженіе ея бумагъ и уплата долговъ 374
- XXXII. Появленіе новыхъ лицъ. Англійскій посланникъ Кейтъ. Григорій Григорьевичъ Орловъ. Сближеніе съ русскимъ обществомъ. Няня Иванъвичъ Паничъ. Княгиня Дашкова. Новая птица—новыя пѣсни 389
- XXXIII. Смерть Елизаветы Петровны. Вопросъ о престолонаслѣдіи. *Duc de Prusse*. Церемонія цѣлованія руки. Отъѣздъ Бретеля. Французъ Фавль. Кончина императрицы 406
- XXXIV. Петръ III Федоровичъ. Императрица Екатерина. Перековеркованіе: ирежнихъ распоряжковъ. Оскорбленіе православнаго духовенства и русскаго воинства. Датскій походъ. 11-е августа 1762 года. Историческій обѣдъ. Ораніенбаумъ и Петергофъ. Общественное мнѣніе въ Россіи 421

	стр.
Исслѣдованія:	
1) Выборъ невѣсты	441
2) Вопросъ о перемѣнѣхъ религій	448
3) Подложное письмо	453
Приложенія:	
I. Дешпи Гогенгольца (изъ вѣнскаго придворнаго и государственнаго архива)	465
II. Письмо Неронова (изъ Государственнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ)	479
III. Конференція 7-го октября 1757 года (изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ)	481
IV. Письмо Иоанны-Елизаветы цербетской (изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ)	495
V. Донесеніе резидента Шампо (оттуда-же)	498
VI. Письма Иоанны-Елизаветы цербетской (изъ частнаго архива графа Шампо въ Парижѣ)	511
VII. Министерская нога (изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ)	595
VIII. Документы по галлгійскому вопросу (изъ лондонскаго государственнаго архива и москов. глав. архива министерства иностранныхъ дѣлъ)	526
Списокъ изданій	610
Указатель именъ	619